

АННА НОСОВА

ЛЕКАРСТВО ОТ ЗАБВЕНИЯ

ТОМ I. НАСЛЕДИЕ ЯЩЕРА

18+

Анна Владимировна Носова

Лекарство от забвения.

Том 1. Наследие Ящера

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66513706
SelfPub; 2021*

Аннотация

Столетия назад остров Харх и подводное государство Вига отrekliсь от собственного прошлого, чтобы воспоминания о нашествиях тугров не помешали им создать новые сильные общества. Сейчас цивилизации приближаются к роковому историческому рубежу, где главная роль отводится событиям стародавних времен, а их искажение грозит новой войной. Королевскому стражнику Умму предстоит преклонить колено перед верховной жрицей Йанги ради спасения своей семьи, в то время как его лучший друг Дримгур выбирает путь клятвоотступничества по иным причинам. Однако, когда опаловый трон опустеет, а столицу окружит армия угнетаемых кочевых племен, друзья уже будут по разные стороны баррикад. Долгожданный визит торговых пилигримов из Вига сулит беду: купцу Елуаму навязана роль предвестника войны между водой и сушей. Удастся ли нищенке Илари, владеющей запрещенной на Вига магией целительства, остановить его на расстоянии? Или

уже поздно, и отвергнутой истории не нужно приглашение, чтобы вернуться?

Содержание

Пролог

5

Анна Носова

Лекарство от забвения.

Том 1. Наследие Ящера

Пролог

Мать звезд Сферы неспешно и величаво завершала свой ежедневный обрядный танец над той частью древнего мира, что была вверена ей самим Прародителем. Мягкий вечерний свет, струясь легкой газовой вуалью в чистом морском воздухе, ложился косыми лучами на хранимую богом Огня землю Харх. Необъятный остров, возвышающийся над таинственным морем Вигари, в закатные часы выглядел особенно *царственно* – в том смысле этого эпитета, где он проходит опасную границу со словом «грозно». Отбросив излишнюю осторожность, можно было бы взять это слово в руки в виде горящей воинственным пламенем короны и увенчать им землю Харх – вот истинная мера величия острова огненных воинов и их подлинного короля Каффа.

Конечно, необразованное, далекое от семантических (как и прочих других) изысканий население острова не знало о значении названия своей родины. Этот сильный телом и духом народ исстари служил лишь одной науке – тактике веде-

ния боя, и если какое-либо из существующих на Сфере искусств могло пленить его сознание – это было военное искусство. Однако если бы главный военачальник Харх – Рагадир Твердокаменный – был знаком с древними языками, то на ежедневных военных учениях, дабы укрепить и без того высокие патриотические чувства подчиненных, не упускал бы возможности напоминать им о происхождении названия защищаемой ими земли.

– ХА! – горным эхом с левой стороны строя раскатывался бы по равнине у подножия королевского замка первый слог, отпечатываясь в сердце каждого воина словом «огненная».

– РХ! – звучно выдыхали бы бесчисленные, идеально ровные ряды с противоположной стороны, заключая в этот грозный рык всю свою воинскую мощь и ярость.

«Ярость» – именно так переводится второй слог в названии острова с древнего языка, преданного забвению в заброшенной библиотеке королевского замка, где паутина траурной каймой обрамляла летописи о военной доблести и чести легендарных предков хархи.

Ибо бездна прошлого, словно ненасытный зверь, поглотила и события, и героев той летописи, и сам ее язык. Жизнь же, давно ставшая размеренной и безмятежной, с каждым днем все больше отдаляла островитян от прежних потрясений. Полчища сменяющихся поколений перепахали собою пески огненной земли, Мать звезд озарила ее бессчетным множеством рассветов, а череда созвездий будто бы соскоб-

лила острыми лучами часть небесной бирюзы. Во всяком случае, так поговаривают старцы, и нет ни единой причины им не доверять. Но даже они, седовласые северные долгожители, на вопрос о правдивой истории Харх и ее священных заветах лишь задумчиво покачивают белыми головами, не в силах ни вспомнить, ни разгадать наследия давно ушедших времен. Лишь самые дряхлые из них порой что-то неразборчиво шепчут о памяти Каменных голов, упрятанных высоко в горах Убракк. Однако происходит это, как правило, в тот торжественный и скорбный миг, когда с умирающим уже начинают говорить боги. Неужели кто-то воспримет эти слова всерьез и не сочтет их предсмертным бредом? Задумается ли сын или внук такого старца: «А не попытать ли мне удачу на Севере?»

Особенно нынче – в столь спокойный, безоблачный век. Счастлиное *мирное время*...

Как и у яркого дневного света есть сводная сумрачно-отрешенная сестра ночь, темная сторона его сущности, так и мирное время – благо двуликое. Одной рукой оно озаряет нас пленительными надеждами на будущее, а другой окропляет зельем беспамятства. Укрощает оно демонов темных времен, которых за спиной мы носим в зной и стужу; заклинает оно змей, уже смыкающих кольца отчаяния на шее нашей; целительным сном изгоняет видения и призраков; дарует мужество поджечь погребальную ладью и отпустить ее в море.

Так и поступили хархи много звездных оборотов назад. Не в силах противиться дурманящему действию этого зелья, они закрыли глаза на грозные события прошедших лет. Их цивилизация значительно упростилась, сбросив с себя чужую исторических и культурных ценностей, и, даже не дав себе труда должным образом сохранить летописи о подвигах предков, огненные воины взяли курс на создание мощной державы, готовой отразить любое нападение на священную землю Харх. Вся многовековая династия их королей следовала трем главным принципам управления, передававшимся наследникам вместе с опаловым венцом власти: «Сильные воины – безопасность»; «Крепкие стены – защищенность»; «Всем, что не усиливает безопасность и защиту, – пренебречь во имя бога Огня и подлинного короля Харх». Почему пренебречь и от кого защищаться – этого уже не помнили ни короли, годами наблюдавшие за военными учениями с высоких дворцовых террас, ни народ острова, всегда находивший себе занятие в упражнениях с оружием, многочисленных турнирах и поединках, да и просто в циклическом водовороте хозяйственной жизни средневекового уклада.

Но какое-то смутное, не имеющее лица и физического образа видение времен седой старины все же неизменно колыхалось в свежести хвойно-соленого воздуха Харх. Оно упрямо оседало пепельными клочьями на утесах огненных опаловых гор, заставляя каждого из королей возводить стены еще выше и следить за учениями еще зорче. Огненный на-

род существовал подобно улью, монотонно и слегка тревожно жужжащему в тишине летнего зноя, но готовому в любой момент впиться ядовитым жалом в руку, потянувшуюся за медовыми сотами.

Не успев скрыться за пурпурным горизонтом, Мать звезд всеми гранями своего рдеющего тела ощутила, как та самая тишина вдруг задрожала. Натянулась вибрирующей скрипичной струной на острие фальшиво взятого аккорда. Повисела несколько секунд в закатном воздухе, сея мелкую рябь на воде. Выдержала паузу длиной в два лихорадочных вдоха человека, ожидающего оглашения приговора. Еще один резкий, судорожный, хриплый вдох, подхлестывающий и без того бешено колотящееся сердце.

Это раздувались узкие ноздри, привыкшие дышать и придорожной пылью, и мшисто-грибным запахом пещер, и эфиром невесомых облаков. А когда-то давно – воздухом совершенно иного рода.

Под шершаво-глянцевой кожей уже накопилась убийственная доза яда. В голодных желтых глазах отражались хаотически вьющиеся спирали. Вертикальные зрачки расширились в злорадном предвкушении, требовательно, но вместе с тем вопросительно косясь вверх.

– Не сейчас, – властно ответила Всадница.

Глава 1 На Перстне

Утро застало остров в том же круговороте повседневных

забот, что и последние несколько спокойных, как штиль, звездных циклов. Прошла церемониальная смена королевской стражи и часовых, равномерно распределенных вдоль высокой каменной стены, опоясывающей замок-гору надежным графитовым кольцом.

Выстроена эта стена была еще в эпоху короля Гимеона – прадеда нынешнего короля Каффа, которому в глубокой старости открылся дар видеть в снах легендарные события из прошлого Харх. Хоть и монархическая власть на острове издревле считалась священной, а королевские приказы – неоспоримыми, все же многие и во дворце, и в народе узрели в возведении немыслимо высокого укрепления лишь воплощение «игр старческого разума». Дословно же требование гласило: «Окольцевать огненную опаловую гору таким перстнем, чтобы любая змея состарилась, прежде чем вспорола бы чешую о зубцы его верхушки». Поэтический указ произвел тогда немалое впечатление на безграмотных подданных Гимеона. Письменность к тому времени успела полностью исчезнуть из обихода хархи, поэтому фраза вихрем разнеслась по острову, передаваемая из уст в уста. В несколько дней она стала крылатой, позже – частью народного фольклора и неиссякаемым источником шуток, которыми то и дело шепотом перебрасывались по тавернам, лавкам и постоялым дворам простосердечные и слегка грубоватые в своей жизнерадостности хархи:

– Гляди, Далида, король-то на старости лет *окольцевать*

гору свою вздумал. Песок-то уж сыпется, а все туда же! Мало ему королевы нашей подлинной, еще и гору-невесту подавай!

– Гимеону, видать, яблоко червивое после обеда попало, так он стеной до неба решил от червяков защититься!

Долго еще жители огненной земли упражнялись в остроумии, наблюдая, как, вопреки их насмешкам, стена с каждым днем растет и приближается по высоте к окружающей ее горе. На строительство Перстня – так окрестили городское нововведение хархи – были брошены огромные силы. Несмотря на то что на острове не ощущалось недостатка в искусных ремесленниках, плотниках и гончарах, первому советнику Гимеона пришлось приложить немалые усилия, чтобы заручиться достаточным количеством рабочих рук для выполнения столь масштабного приказа. Требовались ежедневные объезды дворов, мастерских, домашних хозяйств с призывом немедленно бросить все дела и прибыть к рабочему лагерю, разбитому у подножия стены, чтобы подключиться к строительству и «достойно послужить своему подлинному королю Гимеону во имя Огненного бога». Крепкие, выносливые, неприхотливые в быту и покорные любым проявлениям монархической власти хархи смиренно следовали за советниками и глашатаями, готовые приступить к выполнению королевской воли.

Лагерь под Перстнем разрастался пропорционально размерам стены вокруг замка-горы. Лояльный к своим поддан-

ным, король Гимеон до сего момента не отличался подобными актами эксплуатации жителей Харх, но теперь лицо его каждый раз довольно сияло, когда с высоты своей обители монарх бросал взгляд на панораму строительства. На закате лет, как ни странно, острота зрения не покинула Гимеона. Так что в погожие сумерки он нередко выходил на свою террасу, где подолгу полулежал на кушетке, украшенной коваными завитками и крупными оранжевыми рубинами, вглядываясь в происходящее внизу.

Королю было по-отечески отрадно смотреть в лица жителей острова – воинственные, словно вырубленные в скале и обточенные ветром. Каждая черта этих лиц говорила о твердом характере, жизнелюбии и стойкости духа. Скромный рост хархи компенсировался недюжинной физической силой как у мужчин, так и у женщин. Их не знающие отдыха мышцы скульптурно проступали под льняными рубахами и туниками. Бронзового цвета кожа идеально гармонировала с жесткими густыми волосами, рыжеватые вкрапления в коих напоминали всполохи закатного светила на морской глади.

*Как сталь несгибаемы,
Как пламень огненны —
Страх давно уж забыл к сердцам их дорогу,
Мечом и огнем венчаемы
Короля горы подданные —
Дети звезды-матери и Огненного бога.*

Так поется в песне, что древнее самих огненных опаловых гор. В песне, которая порой витала и над рабочим лагерем у подножия стены, нестройным многоголосием доносясь до слуха старого Гимеона; вызывала тихую улыбку на морщинистом лице, успокаивала тревожные мысли, которые приносила ему ночь на своем черном бархатном палантине. Ибо были то мысли, леденящие душу и сковывающие плоть. Они наполняли разум образами существ, которых не видел никто из живущих на острове, которые не фигурировали ни в легендах, ни в трактирных байках. Каждую ночь, шурша по каменному полу, они подползали к королю и сдавливали его виски тесными рядами смертельно опасных бус... И сон Гимеона лишался безмятежного покоя, необходимого для сохранения душевного равновесия в наступающем дне.

Ночь за ночью.

Подобно черным волнам безумия, мысли набегали друг на друга, разрушая песочные замки здравого смысла, которые еще несколько лет тому назад казались незыблемыми твердынями.

Вскоре наблюдения за работой неутомимых хархи перестали приносить королю былое удовольствие. Его упорство сменилось лютой одержимостью. Властно взяв под руку седого Гимеона, она увела его под своды своих сумрачных чертогов, не дав даже оглянуться, чтобы увидеть отчаяние в глазах детей, королевы и всего двора. В несколько дней все про-

исходящее вокруг, кроме растущей стены, обесценилось для короля. Пугающая бездна разверзалась внутри каждого, кто был с ним в его последние дни, пока всемогущий бог Огня не подарил ему облегчение, укутав в белоснежный саван в королевском склепе напротив Святилища. Но даже когда с чуть слышным шипением погасла в воздухе последняя искра ритуальных факелов, король Гимеон продолжал смотреть на простившуюся с ним семью лихорадочно блестящими глазами, обрамленными черными кругами бессонницы и безумия. Какими благами и достижениями ни было ознаменовано правление ушедшего монарха, получилось так, что в память его окружения прочно впечатался именно такой образ: страдающий от мнимого удушья старик с трясущейся головой, перебирающий на шее невидимые бусы: «Еще каменный ряд. Еще один. Еще! Еще!»

Шли годы, часовые продолжали соблюдать установленную Гимеоном традицию – они вели наблюдение с Перстня и сменяли друг друга в установленном порядке. Утро семнадцатого дня Ящерицы¹ не стало исключением. Утомленные бессонной ночью караульные спешили передать пост дневным дозорным, чтобы, набив желудки сытным завтра-

¹ Хархи ведут свое летоисчисление по созвездиям, меняющимся на небосклоне каждые пятьдесят дней. Названия месяцев соответствуют фигурам, образованным звездами в данный промежуток времени. Год на острове равен одному полному циклу созвездий, представляющих собой восемь различных фигур (*М. Валиян. Введение в астрономию Сферы. Архивы королевской библиотеки Харх*).

ком в одном из лепившихся к стене трактиров, безмятежно заснуть под пахнущими сеном и шалфеем домоткаными одеялами в своих казарменных домишках из необработанных бревен.

– Какие новости, Дримгур? – поинтересовался низкорослый крепкий юноша, принимая оружие и шлем у своего напарника, готовящегося вкусить вышперечисленные прелести жизни. – Море ночью, похоже, было спокойное, все равно что льдом покрыто.

– Ты-то откуда знаешь, как лед этот выглядит, Умм? – насмешливо глянул сверху вниз широкоплечий Дримгур, потрянув рыже-каштановыми, словно смазанными маслом, вьющимися волосами, как будто пытаясь избавиться от преждевременных объятий сна. Поразмыслив несколько мгновений, он предположил: – Опять ходил истории безумного Тихха слушать? Говорил я уже тебе, что один вред от них! Побоялся бы хоть бога Огня и жрицы Йанги! Старик с разумом, как Гимеон-царь, давно попрощался, а вы слушаете, время от службы и отдыха отнимая. Тьфу! Вот тебе уже и море льдом каким-то покрыто, а завтра...

Распалившись на пустом месте, обессиленный ночным бдением Дримгур не смог расшевелить свою фантазию, чтобы привести достойный пример пагубного влияния вечеров «у оракула», полюбившихся островитянам.

– А завтра за ваши разговоры во время церемонии смены караула будете награждены отправкой в замок-гору, –

раздался звучный голос командующего королевской стражей аккуратно за спинами спорщиков. – Усиление стражи во время королевского совета – почему бы и нет?

Юноши вмиг умолкли, потупив взгляд, и даже не подняли головы в сторону начальника, выражая смирение и готовность понести наказание. Несмотря на свой молодой возраст и недолгий срок службы, Умм и Дримгур были хорошо знакомы со сводом военных правил на Харх и с последствиями их нарушения.

В течение своих первых созвездий в армии молодые стражники каждое утро на учениях громогласно повторяли за командующим Заповедь огненных воинов – древнейший кодекс поведения и внутреннего распорядка, передававшийся из поколения в поколение. Каждый последующий день учений добавлял новый раздел Заповеди, который будущим воинам предстояло выучить, присоединив ко вчерашнему отрывку. И поскольку грамота как форма культуры игнорировалась на Харх уже тысячи звездных циклов, у поступивших на службу не было возможности записать ни строчки из обширного свода правил. Приходилось запоминать – каждый день и помногу. И так уж вышло, что Умм должен был стараться больше других.

Имелись на то свои причины, коими юноше, увы, не приходилось гордиться.

В отличие от большинства товарищей, он смог попасть на учения у замка-горы в роли будущего служащего королев-

ской армии с огромным трудом, сделав практически невозможное. Сложность заключалась не в недостатке физических способностей, выдержки или дисциплины. Нельзя было сказать, что юноша в глубине души тяготел к занятиям другого рода. О нет, напротив! Мечты о сияющих на солнце кованых доспехах и красно-золотом отличительном знаке королевского стражника не покидали его с самого детства. Вихрем носясь по окрестностям фермерских угодий деревни Овион, где жили и работали его родители, Умм упражнялся в боевых приемах с аккуратно обточенной отцом дубовой веткой, издавала смахивающей на деревянный меч, который действительно использовался на настоящих учениях. На груди мальчика в такие моменты обязательно развевался лоскут красного ситца, который по его просьбе мать каждое утро прикалывала к простой рубашке из небеленого полотна. Прямо напротив сердца.

К наступлению возраста призыва на учения Умм, не отличавшийся высоким ростом среди и без того низкорослого населения Харх, все же демонстрировал недюжинную силу, замечательную ловкость и сноровку в обращении с оружием. Понятное дело, его деревенское окружение, занятое возделыванием земельных угодий, уходом за скотом и молитвами Огненному богу и верховной жрице, о настоящем оружии могло только слышать. Или так, из праздного интереса бросить пару взглядов на ослепительный блеск клинков во время турниров. Истинной же тяги к военному искус-

ству у потомственных земледельцев, предпочитавших жить «в труде во благо бога Огня» и «поближе к чреву плодородной земли-кормилицы», конечно, быть не могло. Не по годам смышленому Умму хватало сообразительности не винить в этом родителей и не искать с ними споров о собственном будущем. Он просто спокойно наблюдал за неспешным ходом жизни своей семьи, подчиненным двум календарям: сельскохозяйственному и религиозному. К его чести сказать, не только наблюдал, но и посильно помогал в поле, на скотном дворе и за прилавком на городских ярмарках.

Не реже двух раз в созвездие² Умм с отцом и старшим братом Заккиром, нагрузив лошадей увесистой поклажей, отправлялся в ближайший город Нумеанн, чтобы обменять дары плодородной почвы на мешочек железных пластин с королевской символикой – горой, опоясанной легендарным Перстнем. Мальчику всегда было приятно становиться частью того магического процесса, в ходе которого аккуратно выложенные на некрашенных сосновых досках овощи, орехи, пряности и зелень постепенно исчезали, а пирамидки пластин с другой стороны прилавка – росли.

Было ли это искренней радостью крестьянина от реализации плодов его честного труда? Расценивал ли мальчик яр-

² Месяц на острове Харх равен пятидесяти дням и именуется местными жителями «созвездием». Зачастую островитяне могут просто использовать наименование текущего созвездия для обозначения месяца, о котором идет речь. Например: «Не будем торопиться, подождем до Ястреба» (*М. Валиян. Введение в астрономию Сферы. Архивы королевской библиотеки Харх*).

марочную торговлю как один из способов борьбы за выживание? И да и нет. Все дело в толковании терминов.

Не секрет, что для односельчан Умма «выжить» означало не беспокоиться, чем прокормить семью, когда придет Скарабей³, и на что приобрести необходимые товары в спокойные созвездия года. Так что, возвращаясь с очередной ярмарки и звеня железными пластинами в подвязанных к поясу мешочках и полупустыми бутылками из-под дешевого янтарного вина, крестьяне действительно дышали полной грудью, ощущая приятную усталость вместе с чувством выполненного долга. Перед семьей, детьми, Огненным богом, жрицей Йанги и самими собой.

В выси послезакатного темно-лилового неба Матерь звезд обычно уже вела за своим подолом свиту мелких сияющих огоньков, когда группа удачно поторговавших крестьян с легким сердцем и потяжелевшими карманами въезжала в открытые ворота своего поселения. Некогда и Умм был частью этой группы, оставаясь при этом парадоксально одиноким.

³ Скарабей – месяц между Ящерицей и Летучей мышью согласно астрономическому календарю хархи. Ключевые характеристики: засуха, повсеместная гибель урожая, эпизодические слепящие смерчи, хаотически мечущиеся по острову. Такой смерч, не будучи смертельно опасным для взрослого хархи, все же способен нанести серьезный волновой удар ребенку или скоту, легко может ослепить. О ритуальных обрядах на Скарабея с целью снижения ущерба от его воздействия на жизнь, здоровье и сельскохозяйственные процессы, см. в моем фундаментальном труде «Жизнь как искра в священном Пламени, или Религиозная система острова Харх» (Д. Хаттум. *Астрономические часы Сферы. Книга 2. Книжница астрономического факультета Университета Вига*).

Его внутреннее одиночество, никогда не демонстрируемое окружающим, происходило от несовпадения желаний и возможностей. Эти чаши весов всегда склоняются не в ту сторону, издревле терзая человеческие души, увеличивая своими колебаниями амплитуду земных страстей. Так случилось и с деревенским мальчишкой, который, работая с отцом в поле, ухаживая за скотом и торгуя на городских ярмарках, мысленно оставался частью другого мира. В этом далеком и прекрасном мире Мать звезд отражалась не в серпе косы, а в до блеска начищенных доспехах. В нем Умма окружали не крестьянские дети, а огненные воины, одним из которых он, разумеется, видел себя в каждом цветном сне. Именно поэтому в железных пластинах с замком-горой и была запечатана мечта Умма, озаренная ореолом божественной недосыгаемости. Вместе с тем пластины стали и физическим воплощением средства ее достижения. Чем старше становился мальчик, тем отчаянней он ощущал свое незавидное положение сына землепашца из провинции, для которого, согласно древней островной традиции, двери в мир блестящих доспехов оставались закрыты. Как говорится, ничего личного. Ведь принцип формирования войска из *потомственных* огненных воинов служил неприступным барьером для представителей всех прочих социальных групп: земледельцев, ремесленников, торговцев, кузнецов, рабочих.

Тем не менее вопреки своему «родовому предназначению», в которое свято верили хархи, вопреки устоявшимся

военным традициям и вразрез с убеждениями семьи Умм твердо решил начать действовать. Цель, едва проблескивавшая на горизонте всполохами робкой надежды, властно тянула его к себе на аркане амбиций, юношеского честолюбия и непокорности судьбе. Тянула не по ровной проторенной дорожке, а грубо тащила по пересеченной местности: сдирала загорелую кожу ветками шиповника, жгла спину жаркими языками крапивы, кидала вдруг с размаху на жесткие булыжники. Но продолжала тащить.

Вероятно, этих сравнений все же будет недостаточно, чтобы отразить бурю противоречий в душе Умма перед лицом будущего. Ведь ему предстояло не просто переступить через условности местных обычаев, а перекроить линии жизни на своих ладонях, начерченные самим Огненным богом.

Не менее половины звездного цикла прошло в тяжких терзаниях. Они душили юношу пульсирующими тисками сомнений и не ослабляли хватку даже во сне после тяжелого трудового дня. А уж о том, чтобы открыто обсудить свои дерзкие мечты и авантюрные планы в семейном кругу, не было и речи. Рассчитывать на поддержку и понимание домашних? Каким надо быть глупцом, чтобы просто предположить такое! Стоит лишь представить глаза родителей – молнии гнева в отцовских и молчаливые слезы в материнских – и недоумение на лицах брата и сестры, чтобы навсегда оставить самую мысль о посвящении их в свои тайны. Умм сделался в родном доме до того скрытным и молчаливым, что,

признаться, перестал узнавать сам себя. Друзья же, с которыми раньше он проводил почти все свободное время, довольно быстро превратились для Умма в недалеких деревенских парнишек, носа не кажущих за пределы уютного домашнего очага.

Понятное дело, совмещать ежедневные крестьянские заботы с тайными вылазками в кузнечную мастерскую – ближайшая находилась в маленьком портовом городке Доххе, граничившем с деревней Овион, – оказалось крайне непросто. Сколько раз эти планы срывались, отзываясь в Уммовом сердце приступами слепого отчаяния и ощущением собственного бессилия! Нужно ведь было не только успеть справиться со всем объемом хозяйственных работ и найти подходящий предлог для своей отлучки, но и, самое главное, застать в кузнице Дуффа.

Помощник кузнеца, с которым в начале Медведицы почастливилось познакомиться Умму, вечно околачивавшемуся около связанных с оружием заведений, не видел ничего дурного в том, чтобы «немного подсобить бедному сельскому парнишке в обращении с венцом кузнечного искусства». Дуфф, королевский стражник в отставке, имел в виду, конечно, настоящий стальной меч. Правда, в его представлении, вынимать оружие из ножен «сельский парнишка» должен был исключительно для самообороны в случае нападения по пути с ярмарки.

Мог ли участливый, сердобольный Дуфф представить, что

его помощь – это преступный спор с богами о судьбе, избранной ими для его юного подопечного? Разумеется, коли интуиция стражника в отставке соизволила бы вдруг пробудиться, то ни на какое обучение Умму бы не пришлось рассчитывать.

Однако, не иначе как волею тех самых богов, все вышло по-другому. И потому Умм ловил на лету наставления бывшего представителя элитных войск Харх, зеркально отражая все приемы и упражнения, которые тот методически и последовательно демонстрировал своему ученику. Интерес в этом обучении, стоит заметить, оказался обоюдным. Для Умма не было секретом, что Дуфф рано овдовел, а его двое сыновей давно завели собственные семьи и разъехались кто куда. Так что пожилой, но сохранивший военную статью и выправку стражник регулярно и с удовольствием делился плодами своего опыта с благодарным учеником. После каждой тренировки с деревянным мечом напротив кузницы юноша уходил домой со своей неизменной спутницей – мышечной болью. Выматывающей, но вместе с тем, как ни странно, постепенно вживляющей в тело новые силы. В голове он без устали, словно редчайшие на Харх драгоценности, перебирал усвоенные за вечер приемы. Что касается полуседого Дупфа, тот тоже возвращался в свой одинокий дом не с пустыми руками: обычно он сжимал в них мешочек ароматных специй или горсть орехов редкого сорта шицуб⁴. Отеческая гордость

⁴ Орехи шицуб из семейства сладких земляных скорлупчатых обладают корич-

за юного ученика согревала душу вдовца, разливаясь внутри теплыми волнами ностальгии по своей давно миновавшей весне.

Но затем всегда наступало утро.

С некоторых пор Умм яро невзлюбил это время суток. Во-первых, приходилось призывать всю силу воли, дабы побороть сопротивление ноющих связок и мышц. Во-вторых, рассветный час предвосхищал долгий день работы в поле. Работы однообразной, тупой и скучной, отнимающей силы, которые ох как пригодились бы для занятий иного рода. Да и, что говорить, таскаться по полю за плугом Умму стало куда тяжелее, чем, с восторгом ловя каждое слово и движение Дуффа, подчинять себе поющую сталь меча. До чего муторно после этих увлекательных занятий было сосредоточиться на покосе сена, сорняках и удобрении «чрева земли-кормилицы»! Ну а монотонное, если не сказать медитативное, кружение по пастбищу с отарой овец, похожих на облако орехово-бурых завитков, плывущее по бескрайнему травяному ковру, превратилось для Умма в самую суровую каторгу.

Но даже эти трудности меркли на фоне поджидавшей его

но-цитрусовым вкусом и ароматом какао-бобов. Весьма прихотливы в выращивании, так как для обеспечения их созревания температура почвы не должна подниматься слишком высоко днем и опускаться слишком низко ночью. Чтобы добиться вышеуказанных условий, агрономы Харх используют специальные теплицы, изготавливаемые из защитных мембран, которые покрывают тело редких пород пещерных ящериц (*Р. Аннуби. Классификация флоры острова Харх. 3-е издание. Архивы алхимической лаборатории Вига*).

новой внутренней борьбы – безжалостной и одинокой. Потая и покрываясь гусиной кожей, он проваливался в ее бездну всякий раз, когда, как заправский карманник, незаметно тянулся на ярмарке под прилавком к той самой пирамидке гравированных железных пластин. Руку саднило от накатывающих волн стыда и вины перед ничего не замечающими отцом и братом. Однако так продолжалось лишь два созвездия. Позже Умму открылась новая истина, и она утверждала, что нет на бескрайнем Харх ничего такого, к чему нельзя привыкнуть, особенно если ты молод и сияние мечты слепит твой взор все сильнее день ото дня. А когда до наступления дня сборов оставалось последнее созвездие, волны стыда все же разбились о внутреннее упрямство и уверенность в себе. Они разлетелись на тысячи мелких брызг и постепенно растворились, на прощание плюнув пеной неприятно щекочущего осадка.

Взгляд молодости порой кажется единственно верным способом принятия решений на фоне клонируемых из века в век образцов устоявшегося миропорядка. Этот взгляд, быть может, дерзок, сверх меры категоричен, неоправданно ультимативен. Его принято осуждать, наскоро приговаривать к смертной казни, препарировать под увеличительным стеклом опыта прошлых лет. «Судьи» меж тем в пылу праведного гнева забывают о главном: что порой все же не грех смахнуть с собственных рассуждений вязкий ил предвзятостей,

сбросить с плеч окаменелости архаики и поднять голову чуть выше.

Вряд ли Умм задумывался о таких вещах. Не стоит полагать, что, размышляя о собственной судьбе, он воспарял мыслями так высоко, что видел ее в контексте истории Харх. Ни на мгновение в голову юноши не закрадывалась сумасбродная идея о том, чтобы пойти наперекор этой самой истории, не говоря уж о священной воле богов. Откровенно признаться, ни до богов, ни до островной хронологии юному землепашцу попросту не было дела.

И все же одним прекрасным днем он, сам того не подозревая, восстал против того и другого.

Собственных, куда более искренних и незатейливых суждений Умму оказалось для этого достаточно.

В день сборов юных *потомственных* воинов босой и просто одетый крестьянский паренек уверенной походкой вошел в ворота портового городка Дохха и свернул на его единственную, а потому главную площадь. Рука этого паренька не дрогнула, привычным скрытным движением протягивая командующему группой отбора воинов собранную за полцикла созвездий стопку пластин в грубой холщовой тряпиче. Умм не опустил глаза и выдержал тяжелый взгляд командующего из-под ржаво-белесых бровей. Сдержал он и крик фонтанирующего прямо из солнечного сплетения восторга, когда воинственный начальник – юноше не довелось даже запомнить его имя – незаметно кивнул Умму, в свою очередь

не меняя каменного выражения лица. Ну а дальше опьяняющий вихрь первобытного возбуждения закружил юношу с мечом в поединке на смотре. И, вероятно, старый Дуфф был бы разочарован, узнав, что одержать победу в демонстрационной схватке его ученику помогли не проведенные у кузницы вечера тренировок, а ни с чем не сравнимый экстаз первого успеха. Еще бы! Ведь его, Умма, допустили до смотра наравне с сыновьями королевских стражников (каким-то чудом в захолустной Доххе нашлось двое таких)! Остальные же юноши, в зависимости от выказанных умений, способностей и физической подготовки, были распределены по воинским частям Харх.

Задуматься только, ведь изначально судьба не могла предложить Умму и этого! Что до службы в королевской страже... Огненный бог свидетель: это стоило и потраченных пластин, и угрызений совести, и так тяжело давшегося решения бежать из дома! Да что там! Прикажи ему заново пережить все это ради места в почетном карауле на Перстне, Умм не задумываясь бы согласился.

Ибо он был уже не тот, что раньше. Многое, очень многое изменилось с тех пор, как мечты взяли над ним верх.

Лед невинности вместе с незыблемостью векового уклада крестьянской жизни и предрешенной судьбы дали глубокую трещину. Если внимательно прислушаться, можно было уловить глухое эхо скрежета ее расходящихся швов на поверхности исторического полотна.

Оно продолжало гулко пульсировать в ушах Умма, который в составе группы сборов под барабнящим градом впечатлений уже подъезжал на иссиня-черной лоснящейся кобыле к величественному своду трех обвивающих друг друга горных вершин. Перед слезящимися от морского ветра глазами распахнулся вид на грозное укрепление из графитового камня с тонущей в облаках зубчатой верхушкой. Казалось, она насмешливо скалится на приближающиеся ряды будущих молодых стражников, щерясь своими черными выступами с наростами морской соли и ползучего мха.

Однако все это не попало в фокус «взгляда молодости». Все мысли меркли перед той, которая перешагнула порог фантазий и сновидений Умма, найдя свое воплощение в реальном мире: «Я на Перстне...»

«Я на Перстне!»

Глава 2 Собирайтесь, собирайтесь...

Командующий королевской стражей Рубб вечером того же дня, за час до начала совета, отправился в замок-гору, чтобы, пройдясь по его залам, лестницам и коридорам, убедиться, что отличившиеся утром Умм и Дримгур находятся на постах.

Обычная рутинная обязанность – ничего более. Разыскать двух болтливых караульных да сообщить им о предстоящем взыскании за неуставное поведение. Или не сообщить и повременить с этим до вечера, чтоб не расслаблялись. Большой разницы, в общем-то, нет. Он, Рубб, уже неоднократно по-

ступал с подчиненными обоими способами, но так и не определился, которому отдать предпочтение. В конце концов, это всего лишь очередной отрезок изъезженной вдоль и поперек дороги службы, которой, увы, ничем уже не удивить командующего. Он, признаться, на этот раз даже обнаружил в себе отголоски смирения с тем, что Святилище с недавних пор перехватило у него обязанность вершить суд над нарушителями военной дисциплины.

«Что так, что сяк – закончится все прижиганием плеча, которым эти мальчишки еще и гордиться станут, – бесстрастно рассуждал про себя Рубб. – Ну, это так, по молодости, по незрелости своей, разумеется. Пока не раскумекают, что за этими ожогами ничего-то и нет, что они там себе воображают. Одна крошечная пустота».

А уж о пустоте во всяческих ее проявлениях командующий знал не понаслышке. Подступала она к нему медленно, но неотвратно.

Отец Рубба незадолго до смерти передал ему, вместе с тяжким грузом ответственности за всю их многочисленную семью, золотисто-красную эмблему командующего личной охраной монаршей династии. Рубб принял ее, торжественно склонив голову перед тогда еще молодым королем Каффом, на Ладони напротив замка-горы. Гордость переполняла нового начальника королевской стражи: близость к легендарному роду, причастность к истории Харх, блестящая возможность проявить себя... Именно такой представлял моло-

дой Рубб вождеденную должность.

Но суждено ли было его мечтам исполниться?

Вступление Рубба в должность ровным счетом ничего не изменило в его судьбе: места для подвига в ней все так же не находилось. Он словно попал в хорошо отлаженный часовой механизм, заменив собой пришедшую в негодность шестеренку.

Сравнение, что называется, в яблочко. Действительно, став однажды частью этого механизма, любой королевский стражник, помимо высокого статуса и народного признания, начинал остро ощущать на своем лбу клеймо обезличенности. Не стал исключением и Рубб. Парадоксально, но служба в элитном подразделении армии огненных воинов зачастую горько разочаровывала стражников, и это несмотря на все ее преимущества: близость к королевской семье, внешний престиж, проживание в безопасности и комфорте пределов Перстня. Расхожим стало сравнение помпезности королевской стражи и истинной сути нахождения в ней с неправильно выращенным земляным орехом шицуб. Гладкая ароматная скорлупа с янтарными прожилками, внутри которой вместо вождеденного плода с экзотическим фруктовым вкусом оказывается только синеватая плесень. Усиливало такой эффект древнее предписание, не позволяющее служащим в замке-горе видаться со своими семьями чаще двух раз в звездный цикл. Сохраняя таким образом для стражников возможность продолжения рода, предписание тем не менее

превращало хранителей королевского покоя в ряды одинаковых шариков кремнезема⁵, из которых состояли опаловые горы. Принцип наследственности в отборе стражников, их изоляция от турниров, учений и прочих возможностей проявить свои воинские качества дополняли ритуально-символический характер их службы.

Рубб, унаследовавший высокое воинское звание от отца, в конечном итоге научился воспринимать его трезво, не строя иллюзий относительно каких-либо особых перспектив для себя и своей семьи. Видеть истинную суть вещей – вот чему действительно научила его сияющая на груди эмблема в виде двух мечей, скрещенных над Перстнем. По счастью, за годы службы Руббу удалось выстроить мощный ментальный барьер, не позволяющий обратной стороне этого знака отличия давить на сердце тяжелым камнем нереализованного честолюбия, несыгранных турниров, неполученных одобрительных взглядов короля и его приближенных. Эмблема с мечами – предмет восхищения и зависти среди простонародья – стала восприниматься Руббом не иначе как крест, который он по праву рождения взял из рук умирающего отца

⁵ Плотно прилегающие друг к другу слои кремнезема образуют минерал, являющийся драгоценным камнем опалом. Чередясь с пустотами, эти мельчайшие шарики создают уникальную игру света, по которой опытный ювелир подбирает благородные опалы для своих искусных изделий. Поистине выдающимся примером таких минералов является знаменитый комплекс трех переплетенных опаловых гор, служащий королевским замком Харх (*Д. Фимиах. Геология материков Сферы. Том 1. Личная библиотека хранителя Вига*).

и обреченно, но с достоинством понес дальше.

– Спину ровней. Полумесяцы алебард в один ряд. Полная тишина.

Как ни странно, команды напоминали не рывканье сторожевого пса, а негромкие умиротворяющие мантры. От мантр их отличали едва уловимые произвольные ноты обреченности.

Но, так или иначе, «часовой механизм», которым управлял Рубб, продолжал работать безупречно. Четверки закованных в бронзовые доспехи стражников были симметрично распределены по периметру замка. Застывшие каждый на своем месте, издаലെка они напоминали восковые фигуры. Рубб удовлетворенно отметил про себя, что стальные топоры алебард были в этот раз начищены раствором соли и пыли драккура⁶ с особой тщательностью.

«Побольше лоска и почтения традициям, поменьше черных мыслей».

Не один десяток звездных циклов миновал, прежде чем командующий смог в полной мере оценить этот прощальный

⁶ Драккур – многолетнее растение из семейства колючих кустарников, произрастающее исключительно на глиняной почве высоко в горах. Одно из самых неприхотливых растений на Харх, устойчивое к засухе во время Скарабея. Не нуждается в поливе и подкормке, способно полностью обеспечить свой жизненный цикл благодаря корневой системе, оснащенной узлами с регенерирующим эликсиром. Цветет крупными красными цветами с широкими плоскими лепестками. Их пыльца в сочетании с солью повсеместно используется на Харх для придания блеска металлическим изделиям (*Р. Аннуби, Классификация флоры острова Харх, архивы алхимической лаборатории Вига*).

совет своего отца. Однако, вспоминая его угасающий с каждой встречей взгляд, таящий неизбывную тоску о навсегда упущенных возможностях, Рубб пришел к выводу, что отец и сам оказался бессилён перед легионом тех черных мыслей.

– Явились. Рты чтоб были на замке у обоих, – не меняя интонации, бросил Рубб, проходя мимо Умма и Дримгура. Те подобострастно вытянулись в парадной стойке и будто бы даже не дышали.

Обездвиженные бронзовыми клещами доспехов и кодексом Заповеди, молодые стражники не имели достаточно свободы, чтобы хотя бы утвердительно кивнуть, заверяя командующего в своей готовности выполнить приказ. Не только этот, но и любой другой. Да и вообще, согласны хоть каждую ночь выходить в караульную цепь на Перстень, чтобы там, не издавая ни единого звука, охранять пределы замка-горы. Готовы до блеска начистить доспехи и оружие всему подразделению королевской стражи. Что угодно, лишь бы избежать наказания в Святилище.

Казалось, тревожные мысли стражников скоро обретут реальную физическую энергию и пустят трещину по шлемам, горделиво возвышающимся над их головами. Холодный пот, бегущий по разгоряченным под металлическими панцирями спинам, обжигал не хуже смоченных в кипятке прутьев.

Рубб видел все это. Читал мысли и чувства молодых стражников как открытую книгу.

Видел также, что вызубренная за годы службы Заповедь не позволяла юношам не то что высказать эти просьбы вслух, дополнив их искренним раскаянием за утреннюю минутную слабость, а даже устремить на своего командующего молящий взгляд. Что им оставалось? Пожалуй, лишь, мысленно сложив пальцы рук в ритуальном жесте, беззвучно просить Огненного бога избавить их от кары в Святилище. Или облегчить ее, насколько это возможно.

Однако командующий сделал свой выбор.

Та пара секунд, на которую Рубб задержался около Умма и Дримгура, ни на йоту не приподняла завесу тайны над их ближайшим будущим, как ни пытались они уловить хоть какой-то намек во взгляде или выражении лица командующего королевской стражей.

– Вы двое, поменяйтесь местами. Поправь забрало. Подбородок выше, – раздавались команды уже за спинами сокрушенных друзей и были адресованы не им, а другим стражникам.

Эхо шагов затихало, растворяясь в гигантской глотке трех сплетенных в единый природный конус гор. Застывшая над Уммом и Дримгуром тишина оставила их один на один с клубком тревожных мыслей, одновременно возвещая, что совет вот-вот начнется

Обычно в таких ситуациях юноши испытывали особую гордость и трепет, граничащий с восторгом. Стражники предвкушали момент, когда мимо них по очереди проше-

ствуют все представители королевской семьи. Каждый раз – как в первый. Неспешно, будто бы нехотя, они прошагают по подвесному мосту в Грот заседаний, сверкая инкрустированными опаловыми венцами на головах. Как всегда углубленные в собственные размышления, венценосные особы, скорее всего, даже не бросят взгляда на стражников, слившихся с обстановкой замка, но сама возможность находиться в такой близости от легендарной династии согревала сердце. Но не в тот вечер.

Последние минуты до начала вечернего совета. Согласно древнему обычаю, он проводился в Гроде заседаний, в глубине королевского замка-горы. Далеким предкам нынешнего короля Харх завещали своим потомкам соблюдать эту традицию из соображений безопасности: если мифические враги хархи дерзнут напасть на остров аккурат во время совета, то грот мгновенно превратится в надежное убежище для представителей политической и религиозной власти. Именно поэтому одной из воинских традиций Харх оставалось усиливать охрану замка в день заседания, чтобы обеспечить надежную защиту избранным хархи и в случае нападения защищать их до последней капли крови.

Пурпурные стены грота тускло мерцали слюдяными наростами, отражая тихое пламя свечей, расставленных по периметру огромной треугольной малахитовой плиты. Это пламя выхватывало из мрачной темноты искусно выкованный ко-

ролевский трон, стоящий на небольшом возвышении напротив плиты. Словно посвящение стихии огня, сочетание металлов золотистого, медного и багряного цвета превратило спинку трона в устремленные высоко вверх языки пламени. На самой верхушке, недостигаемой для света коротких массивных свечей, три «огненных» столпа, повторяя строение замка-горы, сплетались в единое целое. Во влажном пещерном воздухе стоял насыщенный грибной дух. Из пазух черного наскального мха сочились тонкие струйки росы, называемые в народе слезами каменных великанов. Не успевая достигнуть земли, роса испарялась, так что полупрозрачный шлейф легчайшего тумана постоянно окутывал грот, стелясь по его низинам, присыпанным крошкой лимонно-желтого цитрина⁷.

Тонкие ленты тумана были разорваны суетливыми движениями перебирающих по мерцающему полу коротких ножек в сыромятных сапогах с бряцающими мелкими бубенчиками. Внутри бубенчиков перекачивались крошечные золотые шарики. Слегка хромающая походка их владельца создавала

⁷ На Харх бытует поверье, что однажды, когда на месте моря Вигари была еще бескрайняя суша, Огненный бог пожалел население Харх в особо свирепый Скарабей. Когда поднялась страшная песчаная буря, он одним движением длани превратил песчаный смерч в глыбу желтого цитрина. С этим мифом на острове связаны две традиции: первая – одна из комнат в домах обеспеченных хархи обязательно усыпана цитриновой крошкой; вторая – представители простого народа носят на Скарабей небольшие обереги из данного вида минералов (*Д. Хаттум Жизнь как искра в священном Пламени, или Религиозная система острова Харх. Книжница астрономического факультета Университета Вига*).

своеобразную нервическую мелодию, проигрываемую тремя инструментами: тонко дребезжащими бубенцами, нестройным скрипом подошв по цитриновой крошке и передразнивающим их глубинным ЭХОМ.

*Великан мне подпевает,
Бог Огня цитрин подарит.
Скарабей придет уж скоро,
Ну а мне какое горе?
Поцелованный огнем,
Я не чахну над копьем,
Только знаю, что совет
Не укроет Харх от бед.
Знает Эббих, знает точно:
Перстень ровно что песочный.
Скарабей взойдет на трон,
Тихх поведал нам о том.
Собирайтесь, собирайтесь,
Напоследок поиграйтесь,
Жабий глаз и кочерга,
Заседайте до утра,
В танец искры не вмешайтесь,
Собирайтесь, собирайтесь...*

Простая, незатейливая песенка – ни дать ни взять детская считалочка, – однако все дело в исполнении. Хриплый го-

лос Эббиха, наполнял ее мрачноватой игривостью, превращая веселую мелодию в зловещее карканье.

Согнувшийся под тяжестью собственного горба, хромой Эббих все же умудрялся необыкновенно быстро перемещаться по давно знакомым ему коридорам замка-горы. Низкий даже по меркам хархи, с лысеющей головой сплошь в пигментных пятнах, увенчанной бронзовым обручем, горбун обычно производил противоречивое впечатление на окружающих. С одной стороны, его прихрамывающая походка, маленький рост, заискивающие мутно-желтые глазки, неиссякаемые песенки собственного сочинения вызывали умиление и могли бы обеспечить карлику самое нежное обращение. С другой – клеймо в виде треугольника на изрезанном морщинами узком лбу, клинообразная борода, доходящая до голенищ сапог, постоянное невнятное бормотание и тихий дребезжащий смех вызывали в душе смутное чувство тревоги.

Тревожиться по пустякам обитатели огненной земли не любили, а Эббиха предпочитали избегать.

Уникальное положение горбуна при дворе усиливал бытующий в сознании хархи приоритет физической силы перед прочими характеристиками. Стать, развитая мускулатура, блестящее владение оружием, умение постоять за себя и защитить других всегда были главными критериями, определявшими общественное положение. В сочетании с принципом потомственности наличие или отсутствие этих качеств

позволяло делать выводы о будущем того или иного молодого хархи: карьера, перспективы личной жизни, близость к королю, возможность вступить в престижную гильдию.

Чего можно ждать от хромого карлика? На что этот горбун может сгодиться? Да ведь он первым бросится с высокой террасы замка, если враги начнут его осаду! Первый под пытками раскроет секрет убежища королевской семьи в гроте, не выдержав и минуты боли. Он не сможет защитить даже самого себя, не говоря уже о короле и его приближенных. «Всем, что не усиливает безопасность и защиту, – пренебречь во имя бога Огня и подлинного короля Харх», – гласит культовая Заповедь хархи.

Но так уж вышло, что Эббихом не могли пренебречь. Даже если бы захотели.

Обход Грота заседаний почти завершен. Неся перед собой подвешенный на железной цепочке небольшой фонарь из дутого цветного стекла со вставленной в него коптящей свечой, Эббих, по обыкновению, недоверчиво осмотрел помещение. Убедился, что металлические «языки пламени» королевского трона сияют достаточно ярко при тусклом освещении грота. Поправил одну из оплывших свечей на малахитовой плите – свеча нарушала правильную форму треугольника. Раздраженно нахмурил редкие клочки выгоревших бровей. Проверил расположение каменных стульев с высокими спинками, выполненными на манер королевско-

го трона, но в более простом символическом стиле. Пощупал их сиденья из холодного камня: хорошо ли они утеплены верблюжьими покрывалами? И, довольный результатами ревизии, издал блеющий смешок, мгновенно размноженный горным эхом и окруживший саркастическим смехом его самого.

*Напоследок поиграйтесь,
Собирайтесь, собирайтесь...*

Эббих в последний раз проворчал свою стихотворную поговорку, вставая у тяжелой, окованной железом двери, отделяющей грот от внутреннего пространства замка. В его руках оказался металлический диск размером с три головы самого карлика и молоток с позолоченной рукоятью. Удар металла о металл высвободил резкий звенящий звук, будто рвущийся из самого сердца предметов. Звук заполнил собой все помещение, отразился от сочащихся росой пурпурных стен и наконец вырвался из грота. Громогласный глашатай известил о начале заседания.

К тому времени по другую сторону двери уже собрались участники совета. Здесь в торжественном молчании стояли король Кафф с женой, сыном и сводным братом Явохом, три королевских советника, главный военачальник королевской армии Рагадир, главы оружейной, аграрной, ювелирной и торговой гильдий, главный целитель и звездочет. Этих вли-

ятельных персон нечасто можно было встретить в одном месте. И все они как один покорно стояли у закрытой на тяжелый засов железной двери, ожидая приглашения на заседание и сохраняя сакральное молчание.

– Рад всех видеть в добром здравии. Начнем совет, – без лишней помпезности и с искренней улыбкой поприветствовал своих подданных Кафф – подлинный действующий король огненной земли Харх.

Прозвучали эти слова только лишь после того, как утихло эхо оглушительного удара позолоченного молоточка по металлическому диску, а Эббих занял свое место на выступе в стене грота и заболтал ножками, обнимая стеклянные грани фонаря.

– Волей Огненного бога и милостью священного Пламени, – не то подсказывая нужные слова супругу, не то вознося молитву, полушепотом монотонно пробормотала жена короля Окайра.

Одетая в длинную бархатную черную тунику, королева воплощала собой образец духовного смирения. Свободный край одеяния оставлял строение ее тела загадкой, а тяжелые складки капюшона хранили в секрете прическу монархини. Украшения? Нет, взгляду не за что было зацепиться и здесь. При том что королева, разумеется, могла позволить себе самые изысканные драгоценности, она ограничилась лишь узкими дорожками мелких изумрудов по краям рукавов и по-

долу туники. Мягкий свет карих, слегка раскосых глаз струился, казалось, в какое-то другое измерение. На тонких губах нельзя было уловить и тени одобрительной улыбки, но в то же время лицо Окайры не выражало и недовольства. Не глядя никому в глаза, она сложила руки в религиозном жесте: соединила крестом большие пальцы, указательный правой руки лег между указательным и средним перстами левой, остальные пальцы – согнуты к ладони. Получившаяся фигура напоминала не то три сплетенные горы, внутри которых и проходил совет, не то Эббихово клеймо.

Окайра, склонив голову, легка коснулась лба сложенными в «знак пламени» пальцами. Совет поспешил зеркально отразить ее движение. За ними последовал и король.

– Продолжим, – вернул Кафф подданных к насущным вопросам.

Пламя свечей яркой вспышкой отразилось в широком, достигающим до самого локтя золотом браслете короля, напоминающем рыцарские латы. Такое же украшение охватывало его вторую руку. Оба средних перста короля были закованы в металлические, с витиеватыми гравировками кольца, больше похожие на ястребиные когти, они полностью закрывали пальцы.

– Имит, будь добр напомнить господам членам совета, какой нынче с утра у нас день, – без долгих вступлений обратился король к звездочету.

– Нынче, – откашлявшись и церемониально положив одну

узкую сухую ладонь на другую, отвечал седовласый Имит, – вечер семнадцатого дня Ящера. Ящерицы, если желаете, по новому толкованию. Звезды уже отчетливо сложились в хвост, часть брюха и задние лапы.

– Что скажешь нам о ее форме? Сейчас уже можно что-нибудь понять? – нетерпеливо спросил Кафф.

На несколько секунд в гроте повисла тревожная тишина, нарушаемая лишь тихим позвякиванием золотых шариков внутри бубенцов Эббиха. Тот, скрючившись и крепко обхватив свой разноцветный фонарь, продолжал сидеть на выступе.

– Ваше Величество, – почтительно отвечивал Имит, – я не смею сеять подозрения в ваших мыслях своими далекими от науки приметами... К тому же я обладаю основаниями, не подтвержденными какими-либо законами или хотя бы частными теориями. Как вы сами знаете, я опираюсь только лишь на годы наблюдений и свое субъективное отражение закономерностей...

Звездочет слегка дрожащими руками извлек из складок шерстяного хитона⁸ небольшой деревянный сундучок, пах-

⁸ Распространенный вид мужской и женской одежды на острове Харх, представляющий собой подобие удлиненной рубашки чаще всего из льна или шерсти, подкальываемой пряжкой на плечах. Определить социальное положение хархи по хитону можно двумя способами: по металлу и украшению пряжек, а также по обработке подола. Чем выше положение хархи, тем подол длиннее и аккуратнее подшит. Приближенные короля носят хитоны с подолами, расшитыми драгоценными камнями (А. Эклиамус, *История Харх от образования острова до наших дней*. Архивы исторического музея Вига).

нущий ладанной смолой и влажной почвой. С легким стуком, до которого не смогло дотянуться докучливое пещерное эхо, поставил его перед собой на угол малахитовой плиты. Члены совета переглянулись.

Окайра еще ниже опустила глаза. Королева, по своему обыкновению, все так же находилась в ином измерении, что, однако, не мешало ей отчетливо сознавать, что сегодня на совете откроется *нечто*. Окайра не была потомственной предсказательницей, каких часто можно встретить на городских ярмарках; не переняла у верховной жрицы способность смотреть в будущее сквозь пыльцу гаудра желтолистого. Да и вещие сны не были частыми гостями под шелковым балдахинном королевского ложа. И все же напряжение, предшествующее перелому самого хода совета, королева ощущала физически.

Стаккато дыхания зарождающейся тревоги дотянулось и до короля. Оно прочертило узкую влажную дорожку пота по его мощной шее, прижгло плетью выпирающие на запястьях вены, заставив их пульсировать быстрее. Страху неизвестности безразлично, что носит его жертва: огненный опаловый венец или рабские кандалы. Однако тот, чью голову пока украшал опаловый венец, не имел права поддаться смутным предчувствиям, что уже заползали в его мысли черными злобно шипящими змеями. Кафф чуть заметным движением стиснул кулаки так, что на ладонях отпечатались гравировка колец-когтей. И, не меняя интонации, продолжил:

– До прихода Скарабея, судя по твоим словам, Имит, остается тридцать три дня. В этот срок мы должны завершить все начатые в Ящерицу планы: пополнить кладовые городов припасами, заготовить достаточно корма для скота, который временно не будет пастись на воле. Особое внимание должно уделить поселениям, наиболее отдаленным от нашей столицы, Подгорья. – Кафф многозначительно посмотрел на тучного Курхана, главу аграрной гильдии. – Изготовить достаточно капель регенерации для лечения пострадавших от вспышек слепящих смерчей.

Король медленно перевел взгляд на целителя Аннума. Тот смиренно кивнул, продолжая методично перебирать бусины черных сапфиров, продетые в несколько рядов тонких кожаных браслетов. Они украшали изящные руки лекаря, изобретенные дорожками зеленоватых вен.

– И, как вы помните, – безапелляционно провозгласил Кафф, – День обмена должен состояться не позднее чем за три дня до исхода Ящера. – Король специально употребил древнее название созвездия, чтобы подбодрить сникшего над деревянным сундучком толкователя звезд. – Не позднее.

В подтверждение своего приказа король легонько ударил по плите острым концом кольца-когтя.

– Все будет подготовлено в лучшем виде к визиту уважаемых гостей из моря, ваше сиятельство, – поспешил заверить правителя глава торговой гильдии. Он заискивающе склонил

голову набок и сузил миндалины глаз болотного цвета, пытаясь – пока что безуспешно – поймать взгляд короля. – Каменная мантия уже увеличена в размерах как вширь, так и в длину, – с жаром отчитывался Гаркун. – Народ трудился день и ночь, но, – глаза толстяка просияли гордостью, – скажу прямо: в этот раз обошлись без использования рабов. У тех, от кого Огненный бог отвернулся, сами знаете какие руки, да и в прошлый звездный цикл умудрялись еще строительные камни на черный рынок по ночам стаскивать! Зато теперь какая красота!.. С любой высокой террасы замка видно! А если с берега поглядеть – ну просто в горизонт уходит! Не Перстень, конечно, тоже работа что ни на есть...

– Гаркун, тебе здесь кто-то разрешал говорить? – раздался тихий голос по левую руку Каффа. Его четырнадцатилетний сын Бадирт раздраженно поднял бровь, изобразив на юном лице искреннее недоумение. – Ты, кажется, забыл, что находишься на королевском совете, а не в трактире Подгорья со своим торговцами.

Слова прозвучали резко, нарушив размеренный ход совета. Даже Окайра подняла голову, выйдя из своего полугипнотического состояния, но ни словом, ни жестом не отреагировала на сыновнюю реплику. При этом лица присутствующих не отразили ни малейшего удивления ее внешним равнодушием. Все как один воззрились на короля, чтобы успеть подстроиться до того, как зарождающийся конфликт войдет в переломную фазу. Горбатый Эббих сощурил маленькие жел-

тые глазки, во мраке грота напоминающие кошачьи.

Перепуганный Гаркун уже забыл, о чем только что с таким жаром и вдохновением докладывал королю в своем искреннем порыве выслужиться и получить похвалу за честно выполненный приказ. А что, он ведь и впрямь уложился в установленный Каффом срок! Можно даже сказать, с запасом. Сумел везде договориться, сбить цены на материалы, убедить Рагадира прислать солдат, когда стало не хватать рабочих рук. Да еще и не задействовал рабов. Однако кому нужны эти аргументы, если ты умудрился разозлить королевского отпрыска? Со стороны уважаемый глава гильдии теперь выглядел так, будто затолкал рвущиеся наружу слова себе обратно в глотку. Да не просто затолкал, а еще и для верности залепил рот расплавленным сургучом, лишь бы эти самые слова прекратили играть с Гаркуном свою злую шутку.

– Где твои манеры, Бадирт? – мимоходом бросил король, метнув в «отпрыска» один из своих наиболее суровых взглядов.

На этом инцидент был исчерпан. Конечно, в глубине души Кафф негодовал по поводу дерзости сына в присутствии подданных. Далеко не первой за этот звездный цикл. Вечно занятый государственными делами, освобождаясь от них только для того, чтобы с головой уйти в занятия боевыми искусствами, король не мог уловить закономерность, управляющую изменившимся поведением Бадирта. Созвездия? Баланс успехов и поражений в тренировках с мечом? Может,

любовные переживания? Как бы то ни было, сын короля не должен столь открыто выказывать презрение к самым почитаемым хархи, которые долгими созвездиями преданной службы снискали всеобщее доверие и признание. В конце концов, это прежде всего этикет, и его правила одинаковы для всех.

Дав себе обещание найти время на скорее дружескую, чем назидательную беседу с сыном, Кафф ободряюще взглянул на мысленно уже прощающегося со своей должностью Гаркуна. Тот же, в свою очередь, благодарно опустил голову ниже, чем Окайра в своих молитвенных ритуалах, и облегченно вздохнул.

Кафф, до сих пор пытавшийся сдерживать нетерпение, теперь, после раздачи указаний по подготовке к Скарабею, был рад вернуться к тревожащей его теме. Возможно, все дело в гаснущем разуме старого Имита, который, подобно кривому зеркалу, преувеличивает значение несущественного? Выдает его за некое знамение? Хочет на склоне лет успеть остаться в памяти островитян выдающимся пророком? Тени надежды маятником раскачивали фантазию Каффа, подталкивая к утешительным объяснениям. Он уже был готов ухватиться за спасительную соломинку одного из них, напярчь металлические силы и выбраться из вязкого болота смутных предчувствий.

Воодушевленный проснувшимся самообладанием и уже готовый посмеяться над собственной мнительностью, Кафф

приглашающим жестом подозвал Имита. Тот смиренно пошаркал с сундучком в руках по цитриновой крошке к королевскому трону. Все, кроме Окайры и продолжающего разыгрывать оскорбленные чувства Бадирта, напряженно вытянули шеи в сторону Каффа. Он уверенно положил руку на шершавую деревянную крышку сундучка, словно на эфес любимого меча, и одарил подданных лучезарной улыбкой.

– Сейчас досточтимый Имит раскроет нам тайны будущего. Слушайте и запоминайте. Может, в этот раз подползающий к нам Скарабей дыхнет на Ящерицу не слепящим смерчем и засухой, а алмазной пылью? Тогда это уже ответственность господина главы ювелирной гильдии!

Сидящие вдоль малахитовой плиты машинально улыбнулись шутке короля. Никому не хотелось, с одной стороны, выставить себя трусом, с другой – наступить на грабли Гаркуна.

Их улыбки синхронно сползли с побледневших лиц, когда Имит открыл ржавым от времени ключом свой сундучок и разложил перед Каффом глиняные таблички с выдавленными рисунками. На табличках были изображены ящерицы, символизирующие различные звездные циклы: ползущие, затаившиеся на камне, спящие в клубке собственного продолговатого тела и даже стоящие на задних лапах.

Каждое из созвездий Имит систематически срисовывал заостренными палочками, чтобы в дальнейшем делать выводы об их характере, опираясь на сопутствующие им собы-

тия. Порой действительно складывалось так, что под Спящей Ящерицей жизнь на острове не отличалась неожиданными событиями; под Выпустившим Когти Ястребом имели место вспышки восстаний рабов; под Выгнувшей Спину Медведицей чаще обычного рождались бездыханные младенцы. А иногда характер созвездия никак не отражался на хархи и их повседневной жизни.

На последней табличке рисунок был не окончен, а срисован лишь настолько, насколько Огненный бог приподнял небесный шатер, чтобы дать островитянам знак своей всемогущей рукой, как он это делал каждое созвездие. Сначала клинописный набросок ни о чем не сказал Каффу. Король хмуро вглядывался в его очертания, состоящие из небольших точек с расходящимися лучами. Имит заметил это и перевернул табличку вверх ногами. Поводил заостренным ногтем по изображению звезд, показывая Каффу уже намеченные очертания. Очевидно, что пресмыкающееся будет лежать на спине, разметав чешуйчатые конечности, хвост будет лежать рядом...

Кафф недоуменно посмотрел на звездочета. Тот только кивнул на немой вопрос короля. Казалось, в гроте никто не дышал, даже роса перестала сочиться по пурпурным стенкам.

– Ящерица... – Кафф тяжело вздохнул, еще крепче стиснув пальцы в оковах колец. – Ящер мертв.

Глава 3 Метаморфозы света

Лучи Матери звезд, проходя сквозь толщу бирюзовых вод моря Вигари, затейливо преломлялись полупрозрачным колышущимся веером. Он продолжал скользить дорожками своих шелковых полотен далеко за поверхностью водной глади, распадаясь на глубине богатым спектром.

В самом начале своего погружения в эти воды сияющие посланцы Матери звезд будут выхватывать из подступающего со всех сторон сумрака вполне заурядные пейзажи, служащие декорациями жизни типичных морских обитателей. Однако не стоит думать, что серебристые переливы рыбьей чешуи, кирпично-бурая бахрома водорослей и белесые кляксы дремлющих медуз – конечная цель этого путешествия. Прыткие стрелы лучей, выпущенных из тетивы ослепительного звездного тела, стремительно рассекут толщу морских глубин и продолжат расцветивать пространство такой глубины, которой никогда бы не достигли лучи другого рода. Например, солнечные. Между тем эту непреложную истину было бы невозможно проверить в условиях мира, отличного от Сферы. Ведь море Вигари с развергнутой в ней гигантской впадиной, почти доходящей до сферической сердцевины, пока что остается единственным подобным водным пространством во Вселенной. Во всяком случае, так утверждают многочисленные труды по гидрографии, океанологии и космологии, заполняющие полупрозрачными мембранами своих страниц библиотеки знаменитого Университета Вига, а также примыкающего к нему Лабораториума.

Итак, преодолев «слепую» границу, после которой лучи любого другого небесного тела сдались бы под гнетом тянущего на дно мрака, дети Матери звезд упорно продолжают начатый триллионы километров назад путь, прославляя Прародителя этим смелым паломничеством. В своей непреклонности и бесстрашии они напоминают горсти светящихся семян, щедрым мановением божественной длани рассыпанных по бездонным глубинам Вигари.

Достигнув твердой поверхности, которая в любом другом море могла бы стать верным признаком конца пути, упрямые посланники света не успокоятся. Они знают: завершение одного есть начало другого. Пошарив по каменистому дну, вездесущие нити лучей обязательно доберутся до стелющегося по его поверхности бескрайнего плаща темно-оливковых водорослей. Их алые фосфоресцирующие шипы изгибаются причудливой вязью. И то, что можно принять за своеобразное украшение дна Вигари, скрывающее под собой лишь слои базальтов, окажется чем-то совершенно иным. Ведь это водорослевое плетение есть самая высокая точка уже совсем другого мира. Оно служит небесным куполом подводной цивилизации Вига – интеллектуальной жемчужины Сферы, оплота наук и искусств.

Здесь, на верхней границе миров, заканчивается путь звездных лучей. Но только для того, чтобы своей последующей реинкарнацией они, изменив форму уже в третий раз, убедили даже самых закоренелых агностиков в бесконечно-

сти силы света, как и самой жизни.

Хархи верят, что Огненный бог, подлинный посланник Прародителя на Сфере, каждое утро облетает по кругу Матерь звезд на своем крылатом скакуне, обдавая ее диким вихрем языков пламени, чтобы Матерь проснулась и в ликованиях затанцевала по небесному своду.

Казалось бы, красивая легенда, и не более.

Так вот то, что произойдет с лучами Матери звезд за вьющимся ковром шипастых водорослей круах, кого угодно заставит поверить во всемогущество главного божества хархи. Потому что если присмотреться к этим водорослям, то в сложной структуре их плотно плетения можно все же разглядеть мириады крошечных клубков. Их круглые тела с переливающимся внутри светящимся веществом издали напоминают россыпь мелких звезд, слабо проглядывающую сквозь тюлевую дымку ночного неба. Также эфимиры напоминают затерянных в древесной кроне светлячков. С той лишь разницей, что обитатели водорослей круах являются неотъемлемой частью своего «дома». Такой же, как толстые волокнистые ветви с перекатывающимися внутри газовыми пузырьками и прикрепленные к ним красноватые спирали острых шипов, загадочно мерцающие во мраке морских глубин.

Эфимиры, не связанные с круах каким-либо общим органом и не вживленные в них, по сути дети этих водорослей, которые, появляясь на свет из их шипов, навсегда остаются

жить на необъятном родительском теле, ничем его не обременяя. Все дело в том, что круглые, окаймленные невесомыми прозрачными ворсинками тельца эфимиров светятся неспроста: они питаются теми самыми добравшимися до них с недостижимой небесной высоты лучами Матери звезд. Они жадно вбирают колышущимися ворсинками звездный свет, растворенный водной бездной до тончайших блекло-серебристых нитей. Можно сказать, подводные «светлячки» их вдыхают, накапливая свет в себе и тем самым превращаясь в шарики ярко сияющего бисера, которыми богато расшито бескрайнее покрывало водорослей. В течение дня крошечные эфимиры поглощают столько сияющих нитей, что даже ночью продолжают рассеивать глубинный мрак. Находясь на огромном расстоянии от сводов небесного шатра, из которого Огненный бог любит на прислуживающие ему звезды, эфимиры все же тесно связаны с круговоротом его жизни. Ночью «светлячки» засыпают, подобно Матери звезд на горизонте неба, но так же, как и ее дети-звезды, продолжают окутывать свой мир нежным чарующим светом. Светом, который сулит умиротворение и спокойный сон, укрывая от эха грозных раскатов прошлого и от вспышек молний с мелькающими в них зловещими предсказаниями. А утренняя заря торопится поскорей запустить свои длинные искристые пальцы в гущу водорослей круах, чтобы найти в них еще сонных эфимиров и передать им эстафетный факел. Теперь они – главные и единственные проводники света и

тепла в непроницаемых глубинах моря Вигари.

Да, конец любого пути – это всегда одновременно начало следующего. Так любят говорить вига, жители одноименного подводного государства, границы которого очерчены гигантским темно-зеленым палантином с мерцающими в его складках звездочками эфимиров. Их рассеянное сияние создает затейливую игру света, усиливающую чувство пребывания в другом измерении, которое непременно возникнет. Даже если вы еще не поняли, где находитесь. Даже если вы только преодолели многочисленные слои круах и еще плывете к земле Вига внутри огромной прозрачной рыбы фицци, сознанием которой управляет мастер ихтиогипноза⁹.

В условленный день, сверившись по карманным часам – ромбовидным стеклянным колбам с насыпанными внутрь лепестками, – трое вига покинули свои дома, чтобы встретиться на окраине столицы. Стенки колб уже начали слегка поблескивать едва уловимой золотистой пылью, возвещая о скором наступлении зари. Поблескивало, разумеет-

⁹ Ихтиогипноз – научно-прикладная дисциплина с элементами искусства тонких материй, изучаемая на факультете естественных наук Университета Вига, постичь которую удастся лишь единицам. Охватывает области ихтиологии, зоопсихологии, когнитивной психологии. Студентам, успешно овладевшим техникой ихтиогипноза, присваивается звание мастера с нанесением соответствующего чернильного знака (две пересекающиеся окружности) на фалангу мизинца правой руки. С этих пор они имеют право управлять действиями существующих на Вига рыб, но только в государственных интересах, по требованию хранителя и его доверенных лиц (*Т. Уаллум. Обиций словарь Вига. Личная библиотека хранителя Вига*).

ся, не само стекло, а лепестки цветов часовика – редчайшего из растений на Вига, «младшего брата» водорослей круах. Разница между ними лишь в том, что недостижимый круах выющимся куполом укрывает подводную цивилизацию от внешнего мира, а прихотливый часовик стелется по крутым выступам Расщелины. Место, о котором некоторые в глубине души суеверные вига предпочитают вовсе не упоминать вслух. Между пузырчатыми «ветвями» часовика запрятаны не суетливые светлячки-эфимиры, а цветки с длинными узкими лепестками и пучком пурпурных нитей в черной сердцевине. Пучки эти похожи на кровоподтеки каменистого горла Расщелины. В течение дня продолговатые лепестки меняют цвет в зависимости от интенсивности света, посылаемого сверху эфимирами.

Исследователи мира подводной флоры давно выявили эту уникальную особенность необычного растения, доставленного в Университет экспедицией факультета естественных наук из самой, как выразились ее участники, *глухомани* Вига. В архивах университетской библиотеки (или «книжницы», так она именовалась на момент экспедиции) сохранился отрывок путевого дневника одного из исследователей-энтузиастов, добившихся от ученой семерки¹⁰ разрешения на путе-

¹⁰ Ученая семерка – сокращенное наименование группы из семи профессоров, управляющих Университетом Вига. Каждый из них обладает наивысшим в научно-образовательной системе Вига званием «искусника», указывающим на обширную карту научных открытий и достижений данного профессора. Если вы когда-нибудь встретите их вместе, то перед вами окажутся самые высоко цени-

шествие категории «высшая степень риска».

Отрывки из путевого дневника магистра Паддау, факультет естественных наук

День 151. На краю леса Стуммах. Зима.

За плечами нашей группы остались долгие дни пути, подробно описанные выше, а впереди наконец виднеется конечная цель самого дальнего на нашем веку путешествия. Купол круах, насколько мы можем догадываться, здесь сильно истончен, а значит, мы впервые за историю Университета добрались до границы миров. По нашим расчетам, до прибытия к Расщелине остается не более полудня умеренным шагом. При иных обстоятельствах мы добрались бы туда раньше, однако обступающая со всех сторон темнота и покрывающая дорогу разветвленная корневая система деревьев щелгун не позволяют группе идти быстрее.

Здесь очень холодно. Для поддержания оптимальной температуры тела используем дистиллированную смолу дерева эмху, растирая ею конечности.

Освещающие наш путь медальоны из щупалец звездчатых медуз дают теперь совсем немного света, хотя даже по самым пессимистичным прогнозам их энергии должно было хватить с запасом – вплоть до выхода группы из области истончения. Вероятно, при подготовке к экспедиции мастер

мые на Вига искусники в области естественных наук, философии, точных наук, истории, архитектуры, художественного мастерства и тонких материй (Т. Уаллум. Общий словарь Вига. Личная библиотека хранителя Вига).

точных наук Тиннаэ переоценил нашу выносливость и способность ориентироваться в условиях сумрака. В следующий раз пусть делает расчеты исходя из того, что их объект – не группа ученых-естественнонаучников, а сборище слепых кротов. Делать записи в дневнике также становится все сложнее: приходится класть светящийся медальон прямо на мембраны его страниц, а это, как известно, значительно высветляет чернила. У магистра Миббах медальон уже вовсе погас.

Позволим себе сделать смелое предположение, что недостаток источника света и тепла в виде эфмиров, которые инстинктивно избегают селиться над границей миров, вызывает постепенную гибель ветвей водорослей круах. Их высокая регенеративность всем широко известна; тем не менее, мы готовы выдвинуть гипотезу о том, что энергии фосфоресцирующих шипов недостаточно, чтобы восстановить ветви, лишенные «подпитки» от эфмиров. Шипы могут лишь создать условия для завязи новых ветвей. Серьезным вопросом для науки остается, что происходит с увядшими круах. По нашему мнению, они постепенно погибают, а неизбежные структурные изменения не позволяют «хворосту» оставаться частью плетения из здоровых водорослей. Далее увядшие ветви осыпаются.

Да простит нас мастер Тиннаэ за подобные допущения, но если бы он был сейчас здесь и своими глазами увидел кружащие над лесом черные хлопья, то, вероятно, согласился

бы с нашей версией. Учитывая сильнейший холод, распространяющийся по всей области истончения и совокупность природных явлений, изложенных в записях выше, мы полагаем, что открыли особую климатическую зону Вига – зону вечной зимы.

Пометка на полях:

Важно! Не забыть обосновать ключевые отличия зимы от поздней осени, господствующей в других областях истончения. Сравнительный анализ. Итог: обновленная система классификации климатических зон Вига. Приложить к моему труду на мастера естественных наук.

День 153. Лес Стуммах. Зима.

Исследования Расщелины, результаты которых непременно будут изложены в общем отчете нашей группы, принесли не только новые для науки образцы живой и неживой природы, но также и практические плоды для удовлетворения нужд членов экспедиции.

План осмотра и сбора данных на территории Расщелины успешно выполнен, и в данный момент мы уже движемся в обратном направлении. Как можно заметить, читая эту запись, цвет используемых мною чернил из бледно-голубого вновь стал насыщенно-синим. При этом медальоны у всех окончательно потухли, когда мы еще только подходили к Расщелине. Магистр Риэ резонно предложил закопать один из медальонов близ самого выделяющегося ее выступа в память о первой экспедиции Университета на нижнюю

границу миров. Мы с радостью согласились подобным символическим способом увековечить наше рискованное предприятие во имя науки и семи великих искусников. Точные координаты данной точки будут также указаны в групповом отчете.

Если же по каким-либо обстоятельствам мы не вернемся в Нуа и кто-то найдет этот дневник, то искренне прошу передать его в Университет. Уверен, вас ждет вознаграждение. На этот случай сообщая местонахождение нашего тайника здесь.

Найдите на опушке леса Стуммах два гигантских дерева щелгун со сплетенными стволами и встаньте к ним спиной. Сделайте десять шагов вперед и пятнадцать влево, пока не упретесь в первый высокий камень, выступающий из корней (он обрамляет Расщелину в числе других). Окружающая этот камень поверхность свободна от корневых спиралей и состоит из крупных зерен ослепительно-белого песка и следующего за ним слоя коралловой крошки. На раскопки именно такой глубины хватило наших сил. Если вы верно следовали указаниям, то позвольте вас поздравить: вы рассекретили тайник. В измельченных радужных кораллах и спрятан медальон самого мастера Риэ. Понадобится около восьми уверенных движений лопатой – и вы достигнете цели.

Так почему же, невзирая на то что наши «походные эфимиры» (авторство этой вариации названия для медальонов принадлежит магистру Гридау) позавчера преда-

тельски потухли, сейчас я пишу в условиях достаточной освещенности? Достаточной даже для самой глубокой чащи непроглядно-темного леса Стуммах. Все дело в цветках весьма необычного растения, напоминающего водоросли, скрученные в запутанные клубки. Именно они и оплетают высокие камни, окружающие Расщелину, и, насколько я могу предполагать, спускаются внутрь нее по каменистым выступам. Едва подойдя к данному растению, вся группа обратила внимание на слабое, но устойчивое свечение, исходящее от его продолговатых полупрозрачных цветков. Мы наперегонки бросились к этому источнику света, поскольку последние несколько дней провели в крошечной тьме зимнего леса у нижней границы миров. Было очевидно, что отдельно взятый цветок стал бы не более чем каплей в море против сумрака, царящего под чахнувшим кривом. Однако более детальное рассмотрение собранных образцов выявило важную особенность: иллиминирует не весь цветок, а только его лепестки. Поэтому, чтобы в прямом смысле «пролить свет на происходящее», мы срезали сияющие части соцветий и наполнили ими пустые колбы от смолы и некоторых эликсиров, любезно предоставленных нам факультетом тонких материй. Эти импровизированные фонари мы продолжаем успешно использовать уже почти два дня. Занесение настоящей записи в путевой дневник также стало возможным лишь благодаря столь неожиданным особенностям растительного мира Расщелины.

Пометка на полях:

Очень важно! Продолжить наблюдения за лепестками. Выявить зависимость свечения от внешних факторов. Они прозрачные – проявится ли цветной пигмент под воздействием эфимиров? Одного этого открытия будет достаточно для звания мастера! Может, мои коллеги не обратят на лепестки внимания?

День 156. Болотная пустошь Варадум. Поздняя осень.

Вся наша группа торжествует как один: три дня пути быстрым шагом – и глухая стена темного Стуммаха осталась позади. Несмотря на улучшившиеся условия движения благодаря свету лепестков с Расщелины, весь «лесной» участок пути нас не покидало общее тягостное ощущение. Совокупность низкой температуры воды и недостатка сна (мы старались не тратить время на сновидения, чтобы как можно скорее преодолеть расстояние до Варадума) в значительной мере усиливала наше разбитое состояние.

Тем не менее уже сегодня мы в полном составе вышли за черту вечной зимы (так было пока условлено называть климатическую зону, охватывающую Стуммах, Расщелину и ее пустынные окрестности). Да, мы все еще находимся в области истончения, что доказывают следующие факторы: слабая освещенность на грани сумрака, изредка срывающиеся сверху черные клочки водорослевого купола круах и сравнительно низкая температура. Но все же это не Стуммах, против которого ночи в Нуа кажутся яркими летни-

ми деньками. Даже наша дорога, которая теперь превратилась в кишмящую чернильными водомерками¹¹ топь, теперь кажется родной и знакомой.

Признаюсь, меня согревает не только перспектива в какие-нибудь 150 дней оказаться под арочными сводами нашей цитадели знаний. Есть еще кое-что. Не могу поверить, но мое робкое предположение из предыдущей записи начинает подтверждаться результатами реальных наблюдений! Лепестки в колбе, которую я теперь не снимаю с шеи, начали вести себя весьма необычным образом. Во-первых, поймав первые слабые лучи редких эфмиров, они уже стали светиться с большей интенсивностью. Это не только позволяет своевременно отгонять чернильных водомерок и обходить прячущиеся в трясине пни, но и служит прекрасной предпосылкой для формулирования моего личного откры-

¹¹ Чернильные водомерки – подводная разновидность полужесткокрылых насекомых, отличающихся выдающимися размерами (не менее 1 метра в длину и высоту). Тело покрыто жесткими глянцево-черными волосками. Расставив четыре пары длинных тонких ног, в свою очередь покрытых красными волосками, насекомое быстро скользит по заболоченным участкам дна Вигари. В кольчатом узком хоботке из мутировавших под водой желез набирается необходимая доза ядовитой жидкости, похожей на густые чернила. Ориентируясь по малейшим колебаниям водной толщи, чернильная водомерка выслеживает жертву. Далее насекомое выстреливает в нее этой жидкостью, которая в одно мгновение оказывает парализующий эффект. После чернильная водомерка с помощью того же хоботка впивается в тело жертвы. Обитает преимущественно на болотистых пустошах Вига. Противоядие от «чернил» такой водомерки – результат совместной работы факультета естественных наук и тонких материй Университета Вига (Т. Уаллум. *Общий словарь Вига. Личная библиотека хранителя Вига*).

тия. Полагаю, установленная мной прямая зависимость между силой излучения эфимиров и лепестков в скором времени получит еще больше доказательств. «Младший брат» небесных светлячков, обнаруженный на территории Вига, — что сможет сильнее потрясти сегодня наше научное сообщество?!

Но на этом исключительные свойства собранных лепестков не заканчиваются. И если первое наблюдение, касающееся свечения, скорее всего, было произведено и моими коллегами, то итоги второго действительно могут стать моим авторским открытием. Поскольку каждый участник группы в первую очередь радеет за собственные научные интересы, неудивительно, что мы зачастую избегаем разговоров об экспедиционных находках. В особенности тех из них, что наиболее перспективны для дальнейших изысканий.

Здесь, полагаю, в высшей степени окажется полезным мое от природы острое зрение. Прошло совсем немного времени с того момента, как мы оказались на болотной пустоши, но я успел уловить едва заметные изменения цвета лепестков. Вернее сказать, даже не цвета, а полутонов. Если в неосвещенной зоне они не имели окраса как такового и отражали на своей поверхности окружающую среду, то теперь лепестки приобрели слабый бледно-лимонный оттенок. Иллюминирующие свойства при этом пока остались на прежнем уровне. Поскольку сейчас уже поздний вечер, судя по почти угасшим наверху эфимирам, то позволю себе обоб-

щитъ ниже итог своих дополнительных наблюдений в новых условиях.

К установленному мной наличию у лепестков цветного пигмента можно добавить другую совершенно уникальную особенность: он меняется в течение дня. Это далеко не очевидно и вовсе не означает, что на лепестках постепенно отобразится вся палитра радужного спектра. Все изменения происходят не выходя за границы светло-желтого оттенка.

Незадолго до пробуждения эфимиров от ночной спячки я обнаружил, что содержимое моей колбы подернулось мельчайшими золотистыми крупинками, слегка отражаясь на ее стеклянных гранях. С наступлением утра прозрачные лепестки постепенно начали заполняться едва уловимым светлым пигментом, в то время как вышеупомянутые крупинки растворились в листовенной структуре. На этой почве возникло еще одно предположение: эта золотистая «пыльца» и является тем самым природным красителем, отвечающим за цветовые метаморфозы лепестков.

Я уже запланировал ряд экспериментов на базе университетского Лабораториума для выявления справедливости данной гипотезы. Не терпится повернуть диск из черного серебра на двери от инструментального хранилища и погрузиться в мир исследований. Верю и надеюсь, что они прольют свет истины на наши таинственные находки! Ведь если Университет преуспел в установлении истинной при-

роды и практического назначения некоторых образцов, доставленных даже с варварского Харх, то и Расщелина постепенно раскроет нам свои загадки под «пытками» лупы и алхимических растворов. На этот счет у меня нет сомнений. Главный вопрос здесь, кто из нас быстрее достигнет результатов и украсит свой палец заветной второй печатью.

Итак, проявившийся с рассветом цветной желтоватый пигмент в течение дня так и не приобрел даже намека на яркость и насыщенность, однако продолжал движение в сторону более глубокого тона. До настоящего момента мне удалось выделить пятнадцать таких оттенков. Если изобразить их на мембране, поместив в единый столбец, получится как раз часть спектра: от прозрачно-лимонного до светло-желтого. Добавим к этому, что динамика изменения окраски лепестков подчиняется равным временным интервалам. В этом я убедился, всякий раз отсчитывая про себя одно и то же число между прохождением лепестками очередной цветовой «границы». Это число – три тысячи шестьсот. Не считая времени, проведенного во сне, когда я не мог заниматься подсчетами, всякий раз это число оставалось неизменным.

Пометка на полях:

Важно! Возможно, после соответствующих исследовательских процедур по этим необыкновенным лепесткам можно будет ориентироваться во времени и простран-

стве?! Пока не уверен, станет ли это когда-нибудь возможным, но я назвал бы их «часовиками».

Приведенному отрывку из путевого дневника уже несколько столетий, и, конечно, за это время в Лабораториуме было произведено также много других выдающихся, неопенимых открытий, каждое из которых становилось новым витком развития подводной цивилизации. Но теперь всякий раз, когда группа студентов-первокурсников во главе с одним из магистров посещает музей факультета естественных наук, будущие ученые благоговейно останавливаются около бюста *мастера* Паддау. Они все как один достают из своих темно-синих мантий заранее приготовленные горстки сияющих лепестков. Взмах нескольких десятков рук – и лик Паддау, навсегда застывший в гранях прозрачного стекла, несколько мгновений переливается отраженным блеском парящих вокруг него лепестков.

Да, именно при помощи часовика, заключенного в три разных циферблата, пожилой Ялирр, зрелый Лиммах и молодой Елуам определили, что *час* пробил.

Путешествие началось.

Им троим необходимо заглушить мольбы внутреннего голоса, буквально требующего остаться внутри родных стен. Кажется, эта просьба слышится не только внутри. Ее мелодия отзывается и в тихих переливах жемчужных плит, и в

затейливой мозаике рельефных изразцов, украшающих фасады. Однако придется на время отречься от светлой стороны жизни, чтобы вновь получить дань от сумрачной грани существования – столь же горькую, сколь и необходимую. Пришло время собрать оброк с тех, кто в изгнании незримо обитает на границе миров, сиротливо гнездясь на дне Расщелины. Там, куда столь любимый на Вига часовик лишь тянет окровавленные нити из черной сердцевины цветков, не озаряя крошечную тьму даже редкими всполохами света. Прозрачные лепестки растения отражают только глянец острых выступов, по которым они выются внутрь разверзнутой на дне трещины.

Седой Яллар хорошо помнил этот удручающий пейзаж, который ему вскоре предстояло увидеть вновь. Снова спуститься туда, где во мраке его будут ждать трое. Вернее, не совсем его. И кто сказал, что в этот раз они действительно ждут? Тем не менее старый купец, меланхолично проведя ладонью по небольшим жестким плавникам, растущим прямо из лопаток, тяжело вздохнул и усилием воли отпер дверь. В голове назойливо крутилась строчка из стихотворения его собственного сочинения:

*Свет эфимиров здесь не дотянется до часовика цветков,
Они безжизненно повисли, как крылья мертвых мотыльков...*

Глава 4 Сила и смирение

– Сын мой, подойди ко мне, – раздался тихий женский голос за спиной принца Бадирта, бесцельно слонявшегося вокруг огненного алтаря.

Бадирт застыл в отрешенной, созерцательной позе, окруженный тенями стрельчатых арок колоннады, предваряющей вход в Святилище, древнейшее архитектурное сооружение Харх. В отличие от замка-горы, эта островная обитель Огненного бога не являлась уникальным природным творением, а была выстроена самими хархи еще задолго до Перстня. Каменная кладка ее овальных куполов на протяжении многих звездных циклов покорно вбирала в себя полуденный жар беспощадных лучей, подставляя под них свои облупившиеся узоры. Небольшие круглые окна типа «бычий глаз», строго очерченные латунными решетками в форме звезд, часто пропускали наружу струящиеся в жарком воздухе клубы землисто-пряного дыма. Это означало, что жрица Йанги почтила своим присутствием главный зал Святилища и готова принять жертвоприношения или оставить поцелуй милосердия на лбах страждущих.

Однако в этот раз окна лишь равнодушно смотрели желтоватыми зрачками звездчатых перегородок на простирающийся под ними величавый горный пейзаж. И вместо Йанги, сияющей пудрово-золотистым напылением «повязки» на глазах, рядом с Бадиртом стояла его мать Окайра. Уж ее-то Бадирт всегда мог заранее распознать по знакомой строгой поступи и шороху длинного подола! Слух не подвел и в этот

раз.

«Могла не утруждаться со своим «сын мой», – ухмыльнулся про себя принц.

Юноша резко развернулся на звук знакомого голоса, пытаясь как можно скорее вынырнуть из омота мыслей и настроиться на беседу – столь же бесполезную, сколь утомительную. Последнее время ему, по правде говоря, очень не нравилось, когда его *отвлекали*. Это при том, что, не считая регулярных визитов в Святилище, длительных уединенных прогулок по его колоннаде и берегу моря Вигари, Бадирт уже давно не был замечен в какой-либо целенаправленной деятельности. Ну и что! Зато она, эта деятельность, незримо разворачивалась в его голове с зачесанными назад прямыми черными волосами, расцвеченными россыпью багровых прядей, которые юный принц, вероятно, унаследовал от своего отца. Речь, однако, идет только лишь о цвете. Жидкие, уже с проплешинами волоконца волос принца, разумеется, ни в какое сравнение не шли с буйной гривой Каффа.

– Да, Ваше Величество, – нехотя, буквально сквозь зубы проговорил Бадирт, вскинув правую бровь.

Эта новая мимическая привычка раздражала Окайру, поскольку служила явным признаком, что сын не расположен к беседе. Вновь.

– Бадирт, почему не «матушка»? Рядом с нами никого нет. Я приказала стражникам сохранять расстояние в пятнадцать шагов до места нашей встречи.

Распрямившись после приветственного поклона и машинально поцеловав руку матери, Бадирт скептически посмотрел в ее карие глаза.

– Мне уже не десять лет, если вы помните, *матушка*, – с нажимом на последнее слово парировал принц.

Конечно, он был еще очень далек не только от своей воображаемой зрелости, но и от того уровня восприятия действительности, когда начинаешь видеть окружающий мир глазами других людей. Или, по крайней мере, стараешься, на протяжении всей жизни оттачивая это мастерство и очищая его от скорлупы предубеждений, субъективности и личной выгоды. Например, при всем своем внешнем величии и власти одновременно ощущать себя ничтожной песчинкой мироздания в руках Огненного бога. Или хотя бы отдавать себе отчет, что, сколько бы тебе ни было лет и каким бы опытом ты ни обладал, в глазах матери ты всегда одинаков. А именно – беспомощное синюшное существо, надрывающееся в жалобном крике и рефлексивно сгибающееся покрытые слизью конечности.

– Я искала тебя на Ладони, где сейчас тренируются на мечах твой отец и дядя Явох. Раньше ты всегда с интересом следил за их поединками. – В голосе Окайры чувствовалось внутреннее напряжение матери, понимающей, что больше не управляет сыном.

– Ваше Величество, вы сами прекрасно знаете, что мой отец и *так называемый* дядя тренируются почти каждый

день. А иногда дважды в день. То с мечом, то с боевым топором, то с полэксом. И до сего момента прекрасно справлялись без лишних зрителей, – равнодушно ответил Бадирт, неловким движением пытаясь поправить фитиль плавающей свечи в алтарной чаше.

Свеча потеряла баланс, мерно качнулась на воде и, окончательно перевернувшись, потухла. Над чашей, выдолбленной из цельного королевского цитрина, зазмеилась тонкая струйка молочно-серого дыма. К исходящему от алтаря аромату влажной листвы и флердоранжа примешался запах жженных хлопковых волокон.

Окайра заметила это, и в ее глазах мелькнула тень суеверного ужаса. Слово от кого-то защищаясь, она сложила пальцы треугольником и коснулась ими склоненного лба, в ту же секунду рухнув на колени перед чашей. Как ни странно, сын моментально последовал ее примеру. На несколько мгновений между ними будто бы снова протянулись нити невидимой связи. Окайра попыталась ухватиться за них. Кажется, появился шанс вывести Бадирта на долгожданное откровение.

– Один Огненный бог ведает, что сулит нам будущее: чем обернется Ящерица и что принесет нам Скарабей, – сохраняя молитвенную позу и не отнимая знака ото лба, полупшепотом произнесла королева. – Кто мы такие, чтобы предрекать и пророчествовать? Смирением своим да снищем мы благосклонность посланника Прародителя. Священным

кольцом божественного пламени да защитит он нас и детей наших от неисповедимых игр созвездий и карканья старого Имита. И если неправ звездочет и клеветой своей опутал сыновей Матери звезд, да будет милостив к нему тот, что вихрем своим огненным сеет жизнь и свет на земле своих верных подданных. Все мы – искры в его священном пламени.

– Вы правы, матушка, – вставая с колен, согласился Бадирт.

Тонкие губы Окайры изогнулись в слабой улыбке.

– Вот и славно, сын мой. Не ведаю, куда вело тебя сердце последнее время, но ты всегда был разумным мальчиком. Следуй заповедям, будь сильным и смиренным, как тихое пламя факелов Святилища, и Огненный бог щедро наградит тебя.

Бадирт снова слегка поднял правую бровь; оранжевые зрачки, словно тлеющие угли, полыхнули на бледном лице.

– Правы, матушка, вы и здесь, – почти кротко проговорил он. – Сила – это то, что делает нас хархи. Так говорит отец, и я полностью согласен с ним. Наша мощь спит в нас. Мы как огромные камни Перстня, обожженные звездными лучами.

Улыбка еще уверенней осветила лицо королевы. Светотень, образовавшаяся внутри колоннады, подчеркнула легкую паутинку морщин вокруг ее влажно блеснувших глаз. Ну вот и все. Те изменения в сыне, что так тревожили Окайру всего несколько минут назад, теперь казались не более чем причудами молодости, напоминающими королеве ее

собственные золотые годы. А дерзость на вчерашнем совете в присутствии высокопоставленных хархи нынче виделась просто досадным шипом, одним из тех, что неизбежно обрамляют тернистый путь взросления. Безусловно, много со звездий спустя они затупятся – в этом Окайра была уверена. «Сточившись о шершавую поверхность побед и поражений, шипы непременно сменятся глубокими зарубками жизненного опыта, – уверяла Окайра саму себя. – Они затянутся целительной смолой времени и почти не будут напоминать о себе».

Сбросив с души тяжкий камень сомнений и тревожных предчувствий, королева раскинула руки и взмахнула черными воланами длинных рукавов своего шелкового платья. Бадирт, не выражая каких-либо эмоций, сделал шаг к Окайре и положил свой узкий подбородок на ее плечо. Заключив мать в объятия, принц добавил:

– Я сомневаюсь лишь в одном, матушка.

Может, сейчас все откроется? Королева мысленно собралась и положила тонкие руки на плечи сына. Слегка отстранившись, она устремила на принца внимательный взгляд и, казалось, была готова ко всему.

– В чем же, Бадирт?

– В том, чего именно Огненный бог ждет от нас... – Принц осекся. Он уже ругал себя за то, что, забывшись, чуть не навлек на себя скуку последующих длительных бесед, увещеваний и, возможно, даже наказание.

Пожалуй, нужно быть осторожней и лучше следить за языком.

– Продолжай, Бадирт, – настаивала королева. – Открой мне свои сомнения, дай развеять их. Чего ты боишься, мой мальчик?

«Я боюсь? Да уж, матушка... Ты хочешь вернуть меня к черному шлейфу своих юбок, но даже не подозреваешь о том, *насколько* мы уже далеки», – резкой вспышкой промелькнуло в голове принца. Тем не менее он постарался, чтобы эта мысль не отразилась во взгляде.

– Я боюсь одного: стану ли я когда-нибудь достойным, подлинным наследником, – сказал принц первое, что пришло ему в голову. – В глазах Огненного бога, – быстро добавил он.

Спонтанная лож выглядела достаточно убедительной. Это можно было прочесть по вновь просветлевшему лицу Окайры.

«Что ж, пожалуй, мальчик действительно должен чувствовать всю ответственность и сложность будущей роли, уготованной ему судьбой, – подумала королева. – В любом случае осознанность лучше бездумного греховного легкомыслия. Особенно для будущего монарха», – окончательно успокоившись, заключила мать Бадирта.

– Сомневаться в своих достоинствах – это удел не слабых, а *думающих*. Только дурак может быть полностью доволен собой и наивно считать, что знает все. Мудрец же, которому

открылись тайны мироздания, всю жизнь уверен, что так и не приблизился к ним.

Окайра использовала все доступные ей словесные приемы, чтобы развеять сгущающиеся тучи над головой единственного, так тяжело давшегося ей сына.

– Вы снова правы. Я всегда буду помнить об этом, матушка. Надеюсь, мне досталась хоть капля вашей мудрости и терпения, – не глядя на мать, послушным тоном произнес Бадирт.

Королева, окрыленная мнимым успехом в беседе и преисполненная материнской гордости, уже мысленно строго отчитала себя за принижение достоинств сына.

«Действительно, кто бы на его месте спокойно смотрел в лицо грядущим событиям? Да кто вообще мог оказаться на его месте? Мальчик до сих пор жил в тени великого отца, добившегося немалых успехов в своем постоянном стремлении улучшить жизнь хархи. Кафф отдал дань древнейшим традициям земли огненных воинов, сумев развить их в интересах своего народа. Не изменив вверенных ему предками принципов военной державы, он укрепил остров хорошо обученными, дисциплинированными войсковыми частями. Усовершенствовал порядок отбора и формирования этих войск: теперь будущие солдаты¹², преодолев архаичное

¹² Имеются в виду потомственные солдаты, предки которых также несли службу в частях королевской армии. Для выходцев из крестьян, торговцев, мастеров гончарного и кузнечного дела, рабочих и прочих сословий, не принадлежащих к числу военных, при Каффе доступ к армейской службе был закрыт. Разумеет-

правило «за плечом отца – плечо сына», могут самостоятельно выбирать тип войск, в которых хотели бы служить, исходя из своих способностей и амбиций. Все это пошло на благо Харх и усилило защиту нашего населения, которое Кафф также не оставил без внимания. С помощью трех советников всего за два созвездия он разработал систему отраслевых гильдий: аграрную, оружейную, ювелирную и торговую. Вступая в нее, ремесленник получает столько возможностей для развития своего мастерства! А возросшее число заказов, которые ему теперь напрямую делают купцы, состоящие в этой гильдии... Последние, кстати, тоже в выигрыше от присоединения к такому союзу: их интересы и экономическая безопасность отныне под личной защитой главы гильдии, входящего в королевский совет. И это далеко не все плоды правления отца Бадирта... Неудивительно, что сын уже сейчас осознает, что превзойти Каффа ему будет непросто. Но само это осознание вселяет в душу надежду, что мальчик не разочарует Огненного бога и всех нас!»

Доводы в пользу сына слились в голове Окайры в единый жаркий монолог. На волне этих чувств королева, сама того не заметив, заодно восславила и мужа, наделив его поступки и политические решения поистине божественной гениальностью.

ся, королевская стража, как наиболее элитное подразделение, продолжала формироваться исключительно династическим способом. Пока к ней не примкнул изобретательный Умм.

Конечно, этот поток мыслей смахивал на отчаянное самоунижение, но какую мать и жену могло смутить подобное?

– Думаю, – сказала Окайра, – твой отец и дядя Явох все еще на Ладони, Бадирт. Если мне удалось хотя бы отчасти развеять твои сомнения насчет будущего, теперь ты можешь с легким сердцем присоединиться к ним. Давно мы все не любовались на твой танец с мечом, а я помню, как он прекрасен.

«Сейчас он вновь обнимет меня, как раньше, и мы вместе пойдем на Ладонь, – облегченно подумала королева. – Когда тренировка с оружием закончится, я сама скажу Каффу, что наш сын всего лишь волнуется о том, сможет ли сохранить и приумножить его государственные достижения. Пусть отменит запланированную беседу с Бадиртом о манерах на заседании совета. Ибо в его глазах я увидела достаточно здравомыслия, чтобы быть уверенной: вчерашний инцидент не повторится».

Теперь рассуждениями королевы управляла исключительно радость от примирения с сыном, подаренная свечой, погасшей в столь удачный момент. Следующим шагом Окайры могла стать публичная похвала Бадирта за какой-либо успех в тренировках или усердные молитвы в Святилище. Тем более, возможно, он в самом деле явился сюда в столь ранний час, чтобы первым вознести хвалу Огненному богу и попросить его о силе, мудрости, удачи и смирении?

Опознавать истинную природу мотивов и устремлений

другого – искусство. Окайра частично овладела им за годы, проведенные в молчаливых отстраненных наблюдениях за подданными на многочисленных советах, судебных заседаниях, праздниках и религиозных обрядах. И все же ее догадки о том, каких качеств просит для себя склоненный над алтарной чашей Бадирт, были не совсем верны. По крайней мере, в одном из них она сильно ошибалась. А еще одним из перечисленных качеств принц и так был награжден (насколько это можно считать наградой) с рождения. И, увы, нет в этом заслуги ни родителей, ни легендарных предков, ни самого Огненного бога.

Бадирт задумчиво переставлял золотистые фигурки звезд с красноватыми лучами на широком обруче чаши. Выполненные лучшими мастерами ювелирной гильдии из кристаллов гелиодора, они отражались в воде алтаря и придавали ей теплый медовый оттенок.

– Вы меня перехваливаете, – ответил принц. – Мне еще нужно очень много тренироваться, прежде чем я смогу достойно смотреться с ними в настоящем, *взрослом* поединке.

Он хорошо знал, как мать ценит скромность и не терпит тщеславия.

– Вернемся к тому, с чего начали, сын мой, – попыталась мягко направить его Окайра. – Ты осознаешь это, а значит, уже обеспечен половиной успеха. Приложи к этому честный, упорный труд на тренировках, окропи Ладонь своим потом – и да узрит усилия твои посланник Прародителя...

– ...И да наградит щедро, ибо милостив он к тем, кто не дает божественной силе и пламенной ярости своей праздно дремать в слабом, немощном теле... – в угоду матери подхватил Бадирт знакомые ему с детства строки Семи наставлений Прародителя.

– ...а упорством дугорога¹³ и несгибаемостью железного сплава днем и ночью доказывает, что не зря его вечной душе на время даровано пристанище в теле огненного воина, сына пламенной земли Харх, – закончил за спиной матери и сына низкий хрипловатый голос с легким нездешним акцентом.

Еще сильнее повеяло флердоранжем, к нему примешались едкие ноты дыма и пряностей, остро щекочущие нос. Позади стояла жрица Йанги, власть которой простирались столь широко, что порой выходила за пределы понимания простых хархи.

Второй раз за утро Бадирт развернулся на звук знакомого

¹³ Дугорог – редчайший представитель бизонов семейства полугорогих, обитающий высоко в горах острова Харх небольшими семейными группами. Отличается выдающимися размерами, издавлека напоминает огромного быка с коромыслом на узком конусообразном черепе. Его длинные рога направлены в разные стороны, немного загибаясь вверх на концах. Поверхность рогов покрыта плоскими серыми веточками кустистого лишайника, которыми питаются иглоколы – бабочки с заостренным ядовитым телом и крупными черными крыльями с узорчатыми прорезями, напоминающими искусное кружево. Дугороги не являются хищниками, питаются травой и листьями, не проявляют агрессии при приближении к ним. Исключение составляет период созвездия Дугорога, когда эти ми обычно безобидными и тихими существами начинает управлять сила неизвестного науке происхождения (*Н. Гридау. Классификация мира фауны острова Харх. Библиотека факультета естественных наук Университета Вига*).

голоса. Сейчас сердце его наполнилось совсем иными эмоциями, нежели при появлении матери. Перед ним словно из ниоткуда возникла молодая женщина – высокая, грациозно-худощавая, будто бы вовсе и не из народа хархи. У нее были длинные прямые пепельные волосы, высокие скулы и глаза, напоминающие два кристалла желтого гелиодора. Того самого, из которого высечены звезды, опоясывающие алтарную чашу.

«Может, это оттого, – подумалось вдруг Бадирту, – что Йанги слишком уж часто читала молитвы за всех нас, когда стояла здесь, склонив голову к водной глади алтаря? Может, она уже столько времени провела над этими плавающими свечами и этими блестящими фигурками, что ее глаза наполнились их светом? Она же как кошка. Так непохожа на наших женщин. Удивительна. И каждый раз какая-то... новая. Я люблю кошек». – Слившись в едином потоке восхищения, эти мысли стрелой пронеслись в голове принца.

Жрица, поправив на своем высоком лбу обруч с прикрепленными к нему черно-серебристыми перьями, не дополнила это непринужденное движение никакими иными знаками приветствия королевских особ. Она держалась величественно, но не стремилась подчеркнуть или как-либо усилить это. Облегающая бордовая туника простого покроя идеально сидела на изящной фигуре. Как и Окайра, Йанги никогда не злоупотребляла своими привилегиями, чтобы расцветить длинные узкие пальцы сиянием редких драгоценных

камней, а платья – богатой вышивкой. Из придворных женщин замка-горы ее выделяли три основные черты: иноземная внешность (что как нельзя лучше объясняло прозвище «нездешняя», коим нарекли ее в народе), волосы цвета старого серебра без единой огненной пряди и татуировка в области «третьего глаза» – три закручивающиеся кверху спирали.

– Ваше Величество. Мой принц, – поприветствовала их Йанги.

Устремив отрешенный взгляд в небо, она сплела изящные пальцы в ритуальный треугольник и коснулась им лба. Было очевидно: все почтение жрицы адресовано не престолу, а иной власти – высшей и абсолютной.

Мать и сын одновременно последовали ее примеру. Бадирт – молча, а Окайра – одними губами монотонно шепча славословие в честь Огненного бога и его посредника на Харх в лице жрицы.

– Отраднo видеть вас здесь, – с улыбкой молвила Йанги. – Святилище всегда готово заново зажечь угасающее пламя в сердцах тех, кто денно и ночно печется о благоденствии и процветании земли нашей. Да не потухнут искры душ ваших, что озаряют своим светом все бескрайнее тело Харх.

Несмотря на торжественно-ритуальную интонацию, в речи верховной жрицы нельзя было уловить и тени фальши. Патетичное изречение прозвучало из ее уст так естественно, будто на самом деле Йанги произнесла самое обычное по-

вседневное приветствие.

– Мой принц, – обратилась она к Бадирту, – ты пришел узреть справедливость Огненного бога?

Окайре показалось, что фраза заключала в себе намек на какие-то ранние договоренности. Будто была свидетельством некой незримой, но прочной связи, недоступной ей, матери Бадирта. Однако вместе с тем королеве не нужны были доказательства, чтобы и днем и ночью помнить об этой самой связи. И медленно сходить с ума. Будучи постоянно окруженной семьей, свитой и подданными, но в полном одиночестве.

И смирении.

– Да, Сиятельная, – с готовностью ответил молодой принц, вернув руки на цитриновую поверхность чаши. – Если это угодно тебе и посланнику Прародителя. Я пришел сюда с рассветом, как велел мне горбун.

– Не чье-то повеление, но зов сердца и пламя души должны вести тебя, мой принц, – ровным тоном заметила Йанги, покосившись в сторону хранившей ритуальное молчание королевы. – Мы с твоей матерью надеемся, что ты явился именно поэтому. Ибо все, что ты делаешь вопреки своей истинной воле, – делаешь наперекор своей судьбе, что вершится...

– ...в неисповедимом танце искр, ниспосланных нам Прародителем чрез щедрую длань Огненного бога, – двумя медленными кивками завершила Окайра хорошо знакомую цитату из Наставлений.

Не более получаса назад она заходила в Святилище с двумя целями: заново найти общий язык с сыном и вернуть его к привычным занятиям, вытянув из порочного омота праздности. Заходила, уверенная в своей правоте, готовая начать разговор мягко и дружелюбно, но в случае необходимости прибегнуть к любым доступным ей мерам, вплоть до телесного наказания. К счастью, удалось обойтись доверительной беседой: взаимопонимание было наконец восстановлено, и душевные раны начали заживать.

Благодать, увы, длилась недолго. Во взгляде сына вновь сквозила холодная отстраненность. Окайра, судорожно дыша, пыталась понять, как ее успехи могли так скоро обратиться в ничто? Один взгляд жрицы – и они расплзлись вместе с легким дымом, только что закурившимся из круглых окошек. И без того тонкая паутинка связи с Бадиртом, едва укрепившись между ними, снова натянулась и лопнула. Конечно, это никак не проявилось физически, но в голове у Окайры еще долго стоял резонирующий гул, вызванный разрывом незримых волокон.

Несколько мгновений она простояла, молча созерцая фигуры сына и Йанги. Они медленно и степенно удалялись в сторону высоких резных створок, отделяющих колоннаду от внутреннего помещения Святилища. Королева не двигалась с места, пока четыре массивных стражника в черных доспехах не скрестили алебарды поперек этих дверей, чтобы обеспечить полное уединение и покой вошедшей в них пары.

Очевидно, жрица не намерена сегодня принимать жителей Харх в своей обители, хоть дым благовоний из окошек говорил об обратном. На стражниках не было традиционных эмблем в виде двух перекрещенных мечей над кольцом Перстня. Вместо них на нагрудных пластинах доспехов, покрытых черной позолотой, были высечены крупные перевернутые треугольники.

По завершении совета, что состоялся в Гроте заседаний днем ранее, Рубб вновь погрузился в свои мрачные мысли. Ничего необычного в том не было: последнее время беспокойный разум командующего часто занимали тяжкие раздумья, а сердце терзали смутные предчувствия. Инцидент на совете лишь позволил этим переживаниям прочно обосноваться в душе начальника королевских стражников.

Во время заседания он лично стоял на страже внутри самого грота, так близко к королевской семье, как никто другой из его подчиненных. Все прочие представители королевской стражи находились снаружи, равномерно распределенные по обширной территории замка-горы. Рубб не отличался суеверностью и обычно направлял поток рассуждений в мысленное русло, сложенное из жизненного опыта, заветов отца, воинской Заповеди и семи Наставлений. Но это было раньше, до того, как старый Имит предрек Харх *нечто*. Ожидание неизвестности – вот та ничтожно малая капля ярко-вазилькового раствора, которой под силу изменить прозрач-

ные воды мыслей. Надо признать, что Имиту это удалось, хотел он того или нет. Со дна невидимой реки поднялся песок внутренней смуты.

«Грядет нечто, – прокручивал Рубб в голове калейдоскоп табличек Имита. – Не знаю что, но оно грядет и нас не спросит, готовы ли мы. Отреклись от истории, от самих себя за-долго до Гимеона Безумца, теперь получим на орехи. Тут уж никакой звездочет не нужен, чтобы понять... А что, может, так нам и надо? Что сохранили мы от наследия воинственных предков? Одно тщеславие и напыщенность. Ах да, еще лоск, спасибо за наставления, отец! Это ими мы будем защищаться, когда придет время? А оно придет, ох, чую, придет! Не верил бы я старческой болтовне и карканью, да так уж вышло, что сам все вижу. И речи возвышенные о воинской славе и традициях Харх оставлю королю Каффу, пусть со своей высокой террасы тешит крестьян и лоточников – может, они ему и поверят. Далеко нам до тех великих хархи, которые отстояли огненную землю, когда мы еще бесплотными духами летали меж звезд!»

Сундучок с «предсказаниями» распалил Рубба не на шутку. Он так и продолжал стоять напротив входа в грот, не меняя позы и не выражая никаких эмоций на суровом лице, что совсем не сочеталось с поднявшейся в его сердце бурей.

Когда члены совета один за другим стали в полном молчании покидать грот, до этого еще колебавшийся Рубб окончательно принял одно важное решение. Оно касалось бли-

жайшей судьбы двух служащих, нарушивших утром того же дня одно из правил Заповеди. Перспектива, проглядывающая в картинках со звездами, заставила начальника королевской стражи забыть о своей мягкости, порой избавлявшей его подчиненных от наказаний за мелкие проступки.

Убедившись, что все разошлись, Рубб, сверкая отраженным пламенем догорающих свечей на бронзовых доспехах, уверенным шагом подошел к горбуну, занятому соскабливанием оплывшего белого воска с малахитовой плиты. Застывшие восковые кусочки с глухим стуком падали в зеленую бутылку с широким горлышком, которую Эббих таскал за собой, обвязав грубой бечевкой. Завидев приближающегося Рубба, горбун не прекратил своего занятия.

– Главный королевский стражник, – с ехидной улыбкой процедил карлик, бросив в его сторону короткий взгляд. – Как там твои игрушечные солдатики? Сегодня вы особенно нарядны. Это, надо понимать, для Гаркуна? Хе-кхе-кхе-е-е... – Саркастическая речь прервалась полусмехом-полукашлем.

Руббу на мгновение показалось, что где-то под каменными сводами грота закаркал старый ворон.

– Эббих, я не намерен выслушивать твои прибаутки. Прибереги их на тот случай, когда будешь ползать под ногами Йанги, чтобы она не пнула тебя за твой убогий вид, – будничным тоном парировал Рубб, готовый к подобному приветствию.

«Сила – в смирении», – сам не веря в это, твердил он про

себя, до скрежета стискивая зубы.

– Намерен, не намерен – это не мое дело, и нет мне дела до тебя, – насмешливо проблеял Эббих. Он остановился и ткнул скрюченным мозолистым пальцем в сторону Рубба. – А тебе до меня – есть. Видишь, как оно получается, главный стражник? Не можете без нас? – Каждая фраза горбуна жалела острыми иглами издевок.

Ни тени страха, ни признака благоговения перед физическим превосходством.

– Получается, что так решили не *мы*, а Заповедь, а ее правила угодны Огненному богу, – отчеканил командующий. – Ясно тебе, бородатый прислужник? Так слушай и запоминай: завтра, как закурится дым из Святилища, пришлю к вам своих двоих. Нарушили вторую часть заповеди: не сохраняли молчание во время церемонии смены караула. Разбирайтесь там сами, но завтра вечером они нужны мне в охранной цепочке нижнего яруса замка-горы. Не буду отвлекать тебя от твоих обязанностей – вижу, плита еще недостаточно блестит.

Карлик мерно закивал, бегая глазками по поверхности стола.

Рубб остался доволен: не каждый день ему удастся поставить не в меру остроумного *прислужника* на место, да еще так красноречиво. Начальник королевской стражи резко развернулся на каблуках и, звякнув металлическими кольцами доспехов, словно отвесив Эббиху звонкую пощечину, еще уверенней зашагал к выходу из грота.

Горбун, в свою очередь, продолжал согласно кивать Руббу вслед. На изъеденном пятнами морщинистом лице промелькнула торжествующая улыбка.

Глава 5 Гипноз во благо

За Яллиром закрылась дверь, окончательно отделив его от безопасности стен родного дома. Закрылась не посредством движения руки и не от холодного сквозняка поперечного течения, которые ранним утром часто пронизывают Нуа своими бурлящими пружинами. Определенно здесь вмешалась какая-то иная сила! Ибо старый купец готов был поклясться, что дверь затворилась сама, словно показывая: обратной дороги нет, дом примет своего хозяина обратно только по возвращении из Расщелины. И непременно – выполнившего долг. Будто в подтверждение этих мыслей за спиной сидящего торговца раздались мягкие переливы колокольчатых раковин, усеивающих природной мозаикой эту самую дверь. Разумеется, подобный музыкальный эффект был вызван легким ударом дверных створок о порог, что силой своего импульса и открыл ребристые половинки круглых раковин. По той же причине пришли в движение прикрепленные к ним металлические язычки – они тотчас завертелись по шершавой известняковой поверхности ракушек. Соприкасаясь в кружении с «молоточками» мелких темно-розовых жемчужинок, язычки послушно извлекали из них приглушенный каскадный перезвон.

Яллир в свое время самолично доставил с острова Харх

этот особый металл язычков, прозванный местными «певучим» за свою исключительную звукопроводимость и способность до неузнаваемости менять тональность в одних и тех же условиях. В глубине души купца возмущало, что варварское население огненной земли не нашло великолепному металлу достойного применения. Молодому Яллиру, признаться, было искренне жаль мелодичный дар хархских рудников. Ведь вместо того, чтобы занять достойное место, скажем, в оркестре, он, подобно пастуху, созывал хархи то на ярмарку, то на очередной обряд, способный, по мнению этого народа, повлиять на природную стихию. Да что там! Ведь даже в королевском замке-горе «певучий» использовался не для музыкального сопровождения торжеств, а довольствовался куда более скромной ролью: впаянный в плоский металлический диск горбуна Эббиха, он знаменовал начало заседания совета.

Да, Яллир, само собой, знал об этом. Более того, купец втайне гордился тем, что лично заключил на Харх первую сделку по закупке «певучего». Сумел-таки обогатить свою родную землю Вига новыми дарами огненной земли, на проверку оказавшимися куда более полезными, чем предполагали невежественные хархи.

Как только не распекал купец жителей Харх по возвращении своих караванов обратно в Нуа!

«Живя преимущественно в горной местности, – говаривал прежде он, – имея открытый доступ к ценнейшим руд-

ным месторождениям и редчайшим полезным ископаемым, эти религиозные фанатики даже не дают себе труда пустить сокровища недр на благо своего народа! Только ради оружия и доспехов отправляют рабочих на рудники – какое неслыханное узколюбие!»

Теперь же, услышав в утренней тишине хорошо знакомый перезвон, Яллир воспринял его совершенно иначе. То была не музыка, а завеса из тончайшего кружева звуков, опустившаяся невесомыми складками между привычным миром и Расщелиной. Хоть торговец пока еще не сделал ни одного шага в сторону окраины Нуа, тем не менее он всем своим бледно-голубоватым телом ощущал, что уже находится *на той стороне*. И даже представшие перед его взглядом декорации родных окрестностей, слегка подсвеченные утренними косыми лучами эфмиров, не рассеивали этого темного наваждения.

Но как бы то ни было, дело, выхватившее Яллира из крепких объятий сна, настойчиво требовало его непосредственного участия и, увы, ждать не могло. Он со скорбным вздохом еще раз бросил взгляд на свой двухэтажный дом из жемчужных плит, напоследок вслушался в угасающую музыку колокольчатых раковин (прощальным диминуэндо она выразительно окрашивала сцену расставания с родной обителью). И слегка прихрамывающей, энергичной походкой отправился из Купеческого круга в сторону левой нижней окраины столицы, или Чернового круга.

Здесь разумно будет ненадолго прервать наблюдение за пешим маршрутом Яллира через весь Нуа, чтобы лучше разобраться в специфическом ландшафте этого города. Вот как описывает своим студентам внутреннее устройство столицы Вига мастер Циммиах с архитектурного факультета Университета:

Основы градостроительства для начинающих: пять великих территориальных центров Вига

Нуа (столица государства Вига)

Итак, обобщим вышеизложенные ключевые особенности Нуа как важнейшего территориального центра государства Вига.

Уникальная (и единственная в своем роде из доступных нам к изучению сегодня) городская система Нуа представляет собой обширный комплекс из кругов с расходящимися по спирали зданиями. Они, в свою очередь, разделены по отраслевым и функциональным признакам, но вместе представляют единое поселение. Всего существует шесть таких спиралевидных кругов: Дворцовый, Ученый, Виртуозный, Купеческий, Зодческий и Черновой. Как можно понять из названий, каждый из кругов служит для удовлетворения различных потребностей населения Вига: муниципальных, судебных, экономических, хозяйственных, научно-образовательных и духовно-эстетических. Рассмотрим принцип их формирования на примере Дворцового круга.

На заре возведения Нуа, в первой половине III световехи¹⁴, в самом сердце города был выстроен древний дворец хранителя Вига (на тот момент им был Золиатт), на сохранившемся фундаменте которого стоит нынешняя отреставрированная обитель нашего властителя Ингэ. Вокруг дворца по спирали выросли дома высокопоставленных вига, разграниченные между собой внутренними дворами с разбитыми в них цветущими садами и каменными водопадами. Статус приближенных к хранителю, как правило, был прямо пропорционален близости их домов ко дворцу. Так в городской системе Нуа появился первый круг, внешне представляющий собой спираль, закрученную внутрь.

Золиатту, поклоннику новых архитектурных и художественных стилей, пришелся по нраву такой принцип строительства, что отразилось в сохранившемся до наших дней указе: «Разбить нестройные нагромождения зданий, называемые столицей Вига, и на их месте закрутить спира-

¹⁴ Световеха – так жители подводного государства Вига именуют период времени, равный ста звездным циклам огненной земли Харх. Сами вига ведут отсчет своей временной ленты с первых летописных свидетельств, найденных во время раскопок близ темного леса Стуммах. Материалы, извлеченные из недр дна Вигари (плоские гладкие камни с высеченными знаками и символами) позволили ученым Вига с относительной точностью интерпретировать древнейшие события своей земли и найти условную точку исторического отсчета. Записано в 12-й день Дугорога на ярмарке в Подгорье со слов Кенлулла, купца с Вига (*Г. Йуа-дүх. Огонь и вода: что общего между двумя великими цивилизациями. Авторское исследование. Запечатанные между плит остатки архивов сожженной библиотеки города Шауггэм на острове Харх.*)

ли, подобно Дворцовому кругу. Между ними провести дороги для удобного перемещения из одного круга в другой». Таким образом появились новые районы Нуа, которые своей архитектурой полностью отразили требование Золиатта. Центрами этих районов-кругов стали здания, собирающие под своей крышей сообщество нынешних и будущих мастеров своего дела: Университет (объединенный подвесными мостами с Лабораториумом и Библиотекой), Купеческий черторг, Цитадель искусств, Мастерская зодчих и Черновик (огромный цех широкого профиля, в котором трудятся рабочие, ремесленники, алхимики и их подмастерья).

Яллитр мысленно похвалил себя за пунктуальность и предусмотрительность. Эти две полезные привычки, взращенные годами торгового ремесла, позволили ему прибыть к месту встречи вовремя, несмотря на внушительное расстояние до него. Вереница домов бедного Чернового круга – грубо слепленные между собой морские глыбовые валуны, наглухо заросшие губками сфагнума, – осталась позади. Равно как и предшествующие им витиеватые дома Зодческого круга, построенные из гибких и прочных когтей угундра ползучего¹⁵, сплетенных в остроконечные пирамидки цвета сло-

¹⁵ Угундр ползучий – подводный представитель класса пресмыкающихся. Его сравнительно короткое овальное тело покрыто полупрозрачной соединительной тканью, на которой характерно выделяется выпуклый узкий глаз с тремя вертикальными зрачками. К небольшим присоскам, расположенным по бокам тела, прикреплены по десять длинных пластичных когтей с каждой стороны. Большую

новой кости. Ранний утренний час делал свое примиряющее дело: он укутывал абсолютно непохожие между собой круги Нуа покровом тишины и умиротворенности, стирая в своей божественной гармонии иерархические границы между спящими жителями столицы Вига.

Тропинка известково-глинистого ила, огороженная по бокам низкими плетнями из черных скользких коряг, которой доверился старый торговец, покидая последнее кольцо бедных домов вокруг Черновика, не подвела. Как, впрочем, и всегда. По правую руку от Яллира за высокими заостренными стеблями дикорастущего морского хвоща показалась открытая трехъярусная постройка. Однако *открытой* она была лишь на первый взгляд. Купец прекрасно помнил, что это вытянутое вширь невысокое здание на самом деле обшито вулканическим стеклом гокху, завезенном на Вига две световехи назад в виде обломков остывшей лавы одноименного вулкана на южной стороне Харх. Благодаря своей колоссаль-

часть времени угундр проводит в разветвленной системе нор, прорытых им самим, питаясь моллюсками и некоторыми видами водорослей. Но когда привычная среда обитания уже не может обеспечить его необходимыми питательными веществами, угундр покидает свои норы и свободно перемещается по морскому дну, перекатываясь по нему в клубке своих огромных когтей, которые могут принимать любую форму. В середине IV световехи архитекторы Вига начали активно использовать когти угундра в качестве уникального строительного материала, возведя из них большинство домов Зодческого круга. В результате столь нерационального обращения на сегодняшний день угундров на Вига осталось ничтожно мало; охота на них запрещена указом нынешнего хранителя Ингэ (К. Уллүф. *Мир фауны Вига. Том 3. Библиотека факультета естественных наук Университета Вига*).

ной прочности это стекло, соединенное с каменным каркасом, образовало доселе невиданное на Вига здание. Это был гигантский аквариум.

Еще несколько шагов – и обман зрения преодолен. Разумеется, аквариум не был открытым. Иначе какой в нем смысл? Уже ставшие ярче лучи эфимиров весело сновали вокруг здания, множа свое сияющее отражение в его стеклянных стенах. И стенам было что дать взамен. Не строя никаких преград любопытствующим посланникам «светлячков», они открывали панорамный вид на поистине необыкновенных созданий, величаво скользящих по своему прозрачному дому.

– Яллир, старина! – приветственно закричали двое, стоявшие у входа в аквариум.

Тот, что помоложе, слегка неуверенно переминался с ноги на ногу.

Купцу не пришлось напрягать зрение, чтобы узнать в этих фигурах своих собратьев из Купеческого чертога – Лиммаха и Елуама. Охваченный сумрачными размышлениями о долге, так и не развеянными цветистым калейдоскопом дорожных видов, Яллир был не расположен нарушать тишину аналогичным радостным криком. Да и было бы чему радоваться. Разве только встрече с братом Лиммахом и знакомству с будущим купеческим пилигримом... И все же лучше бы она, эта встреча, состоялась в другом месте и причиной ей послужил бы иной повод. Поэтому Яллир удостоил ожидаю-

щих лишь сдержанным кивком и отрывистым взмахом бледной руки, покрытой чуть заметной сеточкой голубоватых полуколец, имитирующих чешую.

Подойдя на достаточное расстояние, «чтобы не драть впускую глотку» – именно так подумал про себя Яллир, – он, пару раз нервно кашлянув, обратился к Лиммаху и Елуаму:

– Здравия вам, собратья. Вы оба здесь – значит, я ничего не напутал. А то возраст уж не тот, сами понимаете...

Коренастый Лиммах, на гладко выбритом черепе которого также слегка проглядывала псевдочешуя, по-дружески хлопнул Яллира по плечу. Движение вышло широким и размашистым, как обычно это водится у Лиммаха, но старый торговец, что называется, ухом не повел.

– Это-то возраст, Ял? О чем ты вообще? Вот дед мой – скоро уж световеха стукнет, как он под светом эфимиров греется, – там и правда возраст! Да и то все новости Нуа наперечет вперед меня знает да про все новые товары с огненной земли ведает – ни дать ни взять архивариус! Или как там эта должность в ихней библиотеке зовется? Не припомнишь? – прогудел своим зычным голосом Лиммах.

Яллир не понял, что именно стояло за этой неуместной веселостью: стремление подбодрить весь собравшийся у аквариума торговый отряд или плохо скрываемое внутреннее напряжение. Как бы то ни было, пожилой купец лишь коротко вздохнул в ответ. *Ял* был слишком озадачен предстоящим

путешествием и слишком углублен в свои тревожные мысли, чтобы соответствовать тональности Лиммаха. Вместо ответа он перевел взгляд на молодого Елуама – медленно и настороженно. Пожилой пилигрим не желал признаться самому себе, что боится. Вдруг уже сейчас он что-то прочтет на этом юном лице с большими светло-голубыми глазами, отчасти прикрытыми легкой серебристой волной ниспадающей челки?

К примеру, отражение своего собственного страха.

Будущий купец, тоже блуждающий в лабиринте собственных мыслей, не почувствовал на своей перламутровой коже тяжелого взгляда Яллира. Судя по всему, и Елуам не разделял бравурного настроения Лиммаха. Кто знает, может, оно и к лучшему? Зачем парню зазря обнадеживаться и уповать на то, что будет легко?..

Перекинув через правое плечо черную полу своего плаща, в третий раз поправив ляжку торбы из узловатых прутьев болотной ивы и тем самым исчерпав все уместные в данной ситуации действия, Елуам все же подключился к общему разговору:

– Рад видеть тебя, почтенный Яллир, – проникновенно проговорил он, чуть опустив голову в приветственном кивке. – Мы не встречались лично, но мне доводилось не раз слышать твое легендарное имя у нас, в Купеческом черторге. Признаться, я даже не верил, что один вига может доставить на свою родину такое количество бесценного сырья, химиче-

ских элементов и природных образцов. О великие искусники! Задуматься только: передо мной тот самый купец, караван которого подарил Вига первую горсть драммиров и сосуд с семенами вселекаря! – Будущий последователь Ялтира не смог сдержать восхищения перед ним, титулованным купцом, известным на весь Вига.

– Тише, тише, Елуам, не расплеши запас сил раньше времени, – остановил его Ялтир в своей суховатой манере. – Уж поверь бывалому караванному пилигриму: он тебе сегодня ох как пригодится...

– Да будет тебе, Ял, – вновь затрубил Лиммах. – Юнец уже несколько дней только о тебе и говорит. Да и, надо сказать, ты как от дел отошел, мы тебя почти и не видим. В Черторге-то токмо по праздникам большим появляешься да когда главный наш, Балоах то бишь, тебя за наставлениями молодым вызывает. Да и то не всегда дозывается. К тому же ты сам, поди, понимаешь, что Елуаму встреча с тобой и должна тех сил придать, о которых ты толкуешь. Инициацию пройти – это тебе не цену на ярмарке сбить.

Вот так в бурном словесном потоке Лиммаха, невзначай блеснув острой гранью в общем смысловом вихре, на свет показалась причина, побудившая трех вига в столь ранний час собраться у прозрачных стен гигантского аквариума на окраине Нуа аж за Черновым кругом. Каждого из купцов слово *инициация* резко полоснуло под ребрами. Ведь до этого момента оно замалчивалось, и даже не по воле самих со-

беседников. Слово будто бы имело собственную энергию и было наделено своенравным характером. Замалчивало само себя. Скручивалось тугим жгутом, крошечной куколкой в тесном коконе и не хотело наружу – наводить сумрак в пока еще светлых водах Вигари.

Но уже поздно. Случилось.

Кокон ссыпал свою защитную скорлупу прямо под ноги купцам, обнажив скрывавшуюся в нем личину. Увы, она во все не оказалась прекрасной бабочкой или драгоценной жемчужиной.

Первым вышел из замешательства Яллир. Все-таки та напряженная, скрытая от посторонних глаз внутренняя работа, которую он скрупулезно вел последние несколько дней, принесла свои плоды.

– Лиммах, советую поменьше рассуждать о том, что тебе незнакомо. Запомни это, ведь кто знает, что сулит вам следующий караван на Харх. Хоть ты обычно и не выходишь на берег с торговыми пилигримами, а ждешь их возвращения под водой, все же припомни мой совет. А те, кто выходит, слишком хорошо знают, что ярмарочная торговля и инициация – все равно что весы, где на одной чаше перышко, а на другой – глыбовой валун. Потрудись взвесить, дружище Лим, – тихим усталым голосом проговорил седой Яллир, слегка хлопнув собрата по плечу, как бы передразнивая его излюбленный жест.

Лиммах виновато потупился, поддел рваный клочок ила

загнутым носком своего сапога из грубой кожи. Ил резко взметнулся вверх в толще соленой воды и плавно осел на зубчатой пряжке из потемневшего серебра, украшавшей задник сапога. Проводник караванов заметил это и с силой стукнул пяткой по коряге, опоясывающей дорожку, на которой стояли все трое.

– Прости, Ял. Прошло ведь столько светокругов... – Лимамах задумчиво поскреб свой блестящий гладкий затылок. – Когда ты учился дышать на суше, там, у слепых в Расщелине, я был несмышленным ребенком, а отец мой был не старше меня нынешнего! Что правда, то правда. Однако ж не будем загодя впадать в отчаяние, собратья! Что у нас с вами получается?

Яллир и Елуам устремили взгляды на Лима: отчего-то он решил взять на себя роль ответственного за моральное равновесие в «отряде». Проводник невозмутимо продолжал:

– Взять хотя бы тебя, Ял. Как ни крути, а все же ты благополучно вернулся в свое время с границы миров, и потом, после обряда того, выжил и столько лет еще курсировал с караваном туда-сюда! Сколько путешествий мы, помнится, совершили в ту пору! Я, когда меня провожатым к вам главный определил, торбу дома не успевал разобрать да к жене лечь – а ну как завтра снова на Харх, будь он неладен? Кхм-м-м... Так о чем бишь я?

Елуам воззрился на бритого оратора полными надежды глазами: в них читалась искренняя готовность поверить лю-

бым оптимистичным доводам.

– Что почтенный Яллит благополучно вернулся и выжил после обряда, – благоговейно напомнил юноша. Его сакральный полусшепот был больше похож на молитву, чем на реплику в разговоре.

И это несмотря на то, что Елуам понятия не имел, что такое молитва.

– Ну да, так оно и было, – кивнул проводник караванов. – Да и сейчас хоть наш герой и прибудняется, а все же здоров как бык, этим слепым образинам назло! А что, знай наших! Помню я... – Лиммах вдруг резко умолк, вновь впечатав язык себе в небо под тяжелым взглядом Яллитра.

На несколько мгновений повисла гнетущая тишина. Кажалось, число пузырьков растворенного в воде кислорода уменьшилось вдвое и вся неизмеримая толща вод Вигари разом надавила Елуаму на грудь. Он сделал тяжелый вдох, судорожно, каким-то ломаным движением поправил челку, хотя она в этом не нуждалась, чуть запрокинул голову назад, потряхнув блестяще-серой копной прямых волос. Усилием воли юноша поборол нахлынувшие чувства и заставил себя вернуться к разговору.

– Почтенный Яллит, прошу тебя, не смотри так на Лиммаха. – В голосе Елуама звучали примирительные ноты. Бедный мальчик! Уж Яллит-то знал, как тяжело давалось ему внешнее спокойствие. – Мой отец... Тут ничего не поделаешь, это в прошлом. Светлая память о нем озаряет каждый

мой день, хотя, по правде, я был так мал, что почти его не помню. Моя мать видит произошедшее по-своему, и я не виню ее за это. Как я могу? Она вынесла довольно и не заслужила, чтобы я донимал ее своими бессмысленными укорами и пытался перекроить картину, которую она себе нарисовала. И все же я, сын Двилга, погибшего, по сути, от рук слепых, отказываюсь верить, что это был злой умысел! Более того, я горжусь, что Черторг выбрал меня новым купеческим пилигримом из сотни достойных претендентов! Ведь теперь я сам смогу вместе с прославленными купцами, такими как Ялливр, отправиться на Харх и поучаствовать в Дне обмена!

Лиммах приоткрыл рот, демонстрируя два ряда чуть заостренных зубов-стилетов. Ялливр, сощурившись от ярких бликов на стенках аквариума, внимательно смотрел на юношу, словно пытаясь дотянуться своим пронзительным взглядом до клубка переживаний Елуама – истинных переживаний. Он хотел прочесть мысли, очищенные от юношеской бравады, от желания не ударить в грязь лицом и оправдать доверие всего Черторга.

– Молодец, Елуам, – поспешил с ободрением старый купец. В конце концов, бравада то была или нет – какая разница, если это поможет юноше сохранить нужный настрой? – У тебя хорошие задатки. Уверен, ты сможешь доставить нам кое-что даже более полезное, чем камни драмиры и семена вселекаря.

Будущий пилигрим, словно забыв, с кем ведет диалог, за-

думчиво проговорил:

– Не знаю, к чему Университету столько этих камней из-под трех опаловых гор, но вот вселекарь – точно полезное приобретение. Может, тогда он бы спас отца, привези наши караваны его чуть раньше...

Теперь настала очередь Лиммаха многозначительно кашлянуть и бросить неодобрительный взгляд. «Как ты смеешь упрекать в чем-то собрата, что гораздо старше и опытней тебя?» – читалось в нем. Елуам – на то и будущий купец – вовремя заметил посланный ему знак и поспешил реабилитироваться:

– Я ничего такого не имел в виду, собратья. Если в моих словах вы уловили мнимый укор почтенному Яллиру, то, уверяю вас, у меня его и в мыслях не было! – К будущему купцу вернулся жизнерадостный тон юноши, преисполненного больших надежд. – Я прекрасно помню, что первый его караван с семенами вселекаря прибыл в Нуа лишь спустя светокруг¹⁶ после того, как не стало отца. Как я уже говорил, ничего нельзя было сделать... Тем более что Университету, в свою очередь, потребовалось немало времени для экстрак-

¹⁶ Светокруг – так в подводном государстве Вига именуют временной отрезок, в течение которого часовик успевает отобразить полный цветовой спектр: от бледно-лимонного до темно-фиолетового. Он равен одному дню на Харх. Записано в 13-й день Дугорога на ярмарке в Подгорье со слов Ульфэ, купца с Вига (*Г. Йуадух. Огонь и вода: что общего между двумя великими цивилизациями. Авторское исследование. Запечатанные между плит остатки архивов сожженной библиотеки города Шауггэм на острове Харх*).

ции нужного ингредиента из этих семян с огненной земли. И поговаривают, эликсир из вселекаря не всем помогает... Что здесь у нас под водой, даже находясь в защитных колбах из крепчайшего стекла гокху, свойства семян несколько меняются. Только вот не ведаю, в какую сторону.

Яллир и Лиммах в очередной раз обменялись тревожными взглядами.

– Кажись, нам эликсир этот больше разум поправляет, мозги на место вкручивает, – поспешил Лиммах поделиться свежими слухами из Черторга. – Так мне давеча доложили купеческие пилигримы, которые крайние на Харх плавали. Я тогда в Нуа остался, выпросил у Балоаха двадцать светокругов отдыха, а то уж лица родных начал забывать.

– Лим, иной раз мне сдается, что тебе самому не помешает *разум поправить*, – окончательно потерял терпение раздраженный Яллир. – Елуам, мой юный друг, не слушай того, кто и в торговле, и в алхимии, и в лекарском деле понимает меньше, чем я в... эм-м... ну, в зодчестве, к примеру.

Яллир вдруг распрямылся, преодолев нажитую годами сутулость, широко расставил ноги, упер руки в бока и высоким крючковатым деревом с иссохшей корой навис над низкорослым Лиммахом. У того от неожиданности еще больше округлились и без того выпученные глаза. Проскользнувшая между ними витая лента сквозного течения успела поиграть черными гравированными кольцами, которые полосатой дугой окаймляли ухо проводника торговых караванов.

Старый пилигрим заговорил, и его голос, прежде негромкий и хрипловатый, зазвучал авторитетно и властно:

– Я был там, где гигантское око изо дня в день обжигает беспощадным жаром сухую пыльную землю. Я ходил по этой земле под его пылающими лучами, облаченный в мантию из тройной мембранной ткани. Меня окружала лиходейская пляска проникающих в самое горло удушающих запахов и пробирающихся под кожу резонирующих звуков. Я шел на поклон к этому варварскому племени, не знающему грамоты, простейших законов сфероустройства и даже собственной истории! Я унижался. Я делал вид, что благоговею перед их физической силой, выдрессированностью и первобытными ритуалами! Мои руки так запорошила черная вулканическая пыль, столбом стоящая в спертom ярмарочном воздухе, что нельзя уже было различить на них мою фамильную вязь – достояние славных пращуров рода. И этими руками я, как какой-нибудь презренный торгаш, дошедший до того, что пускает с молотка семейные реликвии, разложил перед ними драгоценные дары моря Вигари, виртуозно обработанные лучшими мастерами Черновика и университетскими искусствниками. Разложил, да еще нахваливал, живописал достоинства, разъяснял уникальность изделий такой красоты и силы, что перед ними преклоняется сам хранитель Ингэ! Пересохшим языком я втолковывал им истинную суть наших даров, могущих поставить эту потерянную цивилизацию на путь просвещения. Открыть им, недостойным варварам, ве-

рящим в божественную силу обычных природных явлений, законы этой природы, чтобы отныне она подчинилась им, а не наоборот!

Громоподобная речь Яллира распугивала стайки голубоватых рыбок, и те спешили уплыть подальше, беззвучно шелестя плавниками, напоминающими ажурные манжеты утопленника-аристократа.

– И они не поняли ничего из того, что я терпеливо раз за разом им объяснял, – свирепо продолжил Яллир. – Абсолютно ничего! О, эти их треугольники, которые они по тысяче раз за светошаг¹⁷ прикладывают к своим пустым головам! Все доводы, доказательства, факты вдребезги разбиваются об эти треугольники. Они просто закрываются ими, словно блокируя малейшие движения разума! Стремятся удержать священную пустоту в головах!

Яллир замолчал. Суровость его неожиданно сменилась улыбкой. В ней проглядывало непритворное торжество: старый купец уже чувствовал, что ему почти удалось переломить страх и опасения Елуама. А значит, он добился своего.

«Забывтый вкус победы. – Он едва заметно прикусил ниж-

¹⁷ Светошаг – так в подводном государстве Вига именуется временной отрезок, в течение которого часовик успевает отобразить все оттенки одного из цветов своего спектра (например, желтого). Равен приблизительно одному часу, если ориентироваться по звездным часам Харх. Записано в 13-й день Дугорога на ярмарке в Подгорье со слов Ульфэ, купца с Вига (*Г. Йуадух. Огонь и вода: что общего между двумя великими цивилизациями. Авторское исследование. Запечатанные между плит остатки архивов сожженной библиотеки города Шауггэм на острове Харх*).

нюю губу. – Мои старые друзья: могущество слов, сила убеждения... Как давно мы с вами не виделись!..»

– И все же я добился своего. – Яллир вдруг заметил, что сказал это вслух. – Пусть и иным путем – не так, как изначально было задумано и одобрено хранителем Ингэ. – В светло-зеленых глазах бывшего купеческого пилигрима зажглось по крошечному пляшущему огоньку. – Рыжеголовые взяли то, что я им привез. Пусть и не для развития своей первобытной цивилизации, а просто как затейливые игрушки из моря. Слишком уж они приглянулись молодому принцу Кафффу, и он отказывался выпускать «диковины» из рук. Его отец, Чаккар, не смог отказать единственному сыну и был готов уплатить высокую цену, которую я у него затребовал. Нет, конечно, это были не те плоские железки с аляповатыми символами, которыми они расплачиваются друг с другом. И не драгоценные камни из богатых недр рудных месторождений, что в перерасчете могли бы инкрустировать дворец хранителя. От фундамента до верхушек семи шпилей. Ха! Если бы я согласился на такую оплату, то наши караваны могли бы еще не менее двух светооборотов¹⁸ приплывать на огнен-

¹⁸ Светооборот – временной промежуток, равный восьми созвездиям на Харх. По календарному исчислению Вига он равен тремстам дням. Сто светокругов составляют век, именуемый световехой. Записано в 13-й день Дугорога на ярмарке в Подгорье со слов Ульфэ, купца с Вига (*Г. Йуадух. Огонь и вода: что общего между двумя великими цивилизациями. Авторское исследование. Запечатанные между плит остатки архивов сожженной библиотеки города Шауггэм на острове Харх*).

ный остров и возвращаться с битком набитыми торбами. Но вышло все же по-моему.

Собратья не сводили восхищенных взглядов с Яллира. Под впечатлением от его одухотворенной речи они даже на время позабыли, зачем они здесь, чего ждет от них Черторг, куда сейчас они должны отправиться и что ожидает их там. Все временно растворилось вместе с лопающимися пузырьками воздуха, что легчайшим бисером нанизаны на острие стеблей морского хвоща, отделявшего купцов и проводника от темного силуэта Чернового круга. Ибо то, о чем с жаром рассказывал Яллир, до сего часа было известно лишь хранителю Ингэ, некоторым из искусников и узкому кругу посвященных в Купеческом черторге. Казалось, время застыло, и даже часовик-счетовод ненадолго разорвал свою магическую связь с эфимирами.

Набрав узкой бледной грудью кислородного раствора и медленно выдохнув его через прорези небольших жестких плавников, Яллир продолжил:

– Они дали мне три горсти семян вселекаря. Он и поныне растет на огненной земле – прямо из жерла потухшего вулкана Йундра... Единственное место на Харх, где можно встретить это растение. Рыжеголовые поубивали не одну сотню рабов в попытках добыть вселекарь, ведь спуститься внутрь Йундра и вернуться живым удается единицам. Тех, кто возвращается с семенами, сразу отпускают, и жрица Огня самолично снимает с них рабское клеймо. Я это видел сквозь

клубы едкого дыма в их жутком храме. А еще видел, как одно растертое в ступке семечко вселекаря подняло со смертного одра дряхлого старика. А измельченная в порошок шелуха этого семени оживила умершую в родах кошку и всех ее пятерых котят, к которым остатки этой шелухи поступили через пищевод матери. И все пять орущих паршивцев благополучно выбрались на свет из чрева несчастной и прожили больше среднего, донимая королевских домочадцев своим бесконечным царапаньем и глупыми играми. Пятерым – слышишь, Елуам! – пятерым хватило проглоченного матерью порошка шелухи одной ничтожной семечки! А в нашем распоряжении теперь десятки колб этого снадобья!

Самоубеждение – сила, разбивающая преграды любого рода. Яллир заигрался с этой силой, но даже осознав, не в состоянии был остановиться. «И все же я добился своего», – стучало у него в висках, заглушая все прочие мысли. Выражение облегчения и бесстрашия на лице Елуама было лучшим тому подтверждением. Все, что теперь нужно, – это последний штрих, который надежно закрепит это состояние и пронесет его через грядущее испытание, что бы там ни ляпнул вслед неотесанный Лиммах.

– Ну что? Все еще боишься Расщелины, Елуам? – с легкой издевкой поддал на камни Яллир, заговорщицки подмигивая будущему купеческому пилигриму.

Словно под гипнозом, Елуам отрицательно закачал головой, не сводя со старика взгляда.

Лиммах только тяжело вздохнул, проскрипев сквозь зубы:
– Ял-то, гляжу, вообще не изменился. Вот только к добру
это или к худу?..

Глава 6 Крошки для голубей

Трактирщик Куримар с выражением смертельной скуки на осунувшемся лице уже не менее получаса монотонно протирал поверхность высокого прилавка. Каждый взмах ветхой холщовой тряпицы примешивал к спертому воздуху помещения плесневело-винный дух. Кусок материи знай скользил туда-сюда по уже безупречно чистой сосновой столешнице.

Упомянутая столешница прилавка всегда была предметом особой гордости Куримара. Да и впрямь, даже перед королевским советником или главой гильдии на нее не стыдно было иной раз поставить щербатую костяную чашу, до краев наполненную хмельной маругой¹⁹. Гладкая поверх-

¹⁹ Маруга (от древнехархского: «ма» – мед, «рухха» – высокогорное дерево руг с веерообразной плоской кроной) – один из наиболее характерных национальных алкогольных напитков острова Харх. Его изобретение приписывается древним северянам. Однако с течением времени традиция питья маруги широко распространилась по острову, и каждый регион добавил в изначальный рецепт собственные нюансы. Тем не менее традиционный способ приготовления «медового хмеля» сохранился на Харх и по сей день. Предлагаю его вниманию моих читателей ниже. Берется три части высушенных корней дерева руг и две части его ярко-желтых листьев (желательно в осенний период); после их измельчения влить щедрую порцию цветочного меда диких пчел и добавить специи в равных пропорциях: шафран, гвоздику и корицу. Закрывать и оставить для брожения. Оно осуществляется благодаря бактериям, попадающим в напиток с листьев руг. Напиток имеет среднюю крепость, чуть выше вина, которая практически не чув-

ность прилавка, отдающая нагретым деревом, щеголяла многогранным орнаментом из треугольников, охваченных языками пламени. Эти витиеватые узоры не были полыми: их заполнял прессованный янтарный порошок, изначально прогретый в раскаленном песке и затем выкрашенный в яркие цвета. Янтарная масса, затвердев внутри узорчатого трафарета, украсила треугольники глубокими оливковыми и вишневыми оттенками, а язычки пламени – оранжевыми.

Что и говорить, резчик Гивдар поработал в свое время в «Хмельной чаше» на славу. Даже несмотря на то, что руки мастера уже тогда предательски дрожали, выдавая пагубное пристрастие своего хозяина. Куримару, уже второй звездный цикл вынашивавшему золотую мечту об искусно декорированном прилавке, стоило немалых усилий договориться об этом заказе с отошедшим от дел резчиком. Чаше всего его тогда можно было встретить не за работой, а бесцельно ошивающимся около турнирных и тренировочных ограждений или бредущим нетвердой походкой по глянцевым окатышам морской отмели. Что тут подделаешь? Неисповедимый танец искр его судьбы вместе с ярмом потомственного ремесла привели Гивдара не в стройные воинские ряды и не на манящие яркими флагами турнирные площадки, а в душную клетку отцовской мастерской.

И врожденный талант не стал ему утешением.

Трактирщик часто, с жалобным спазмом в глубине горла, вспоминал, как однажды под вечер, выглянув из узкого окошка своего заведения, вдруг заметил бездыханное тело, перекатываемое по песку в пене прибрежных волн. Забыв даже припрятать эмалированную шкатулку с железными пластинами и приказать помощнику Шогу не спускать с нее глаз, тучный Куримар бросился к месту происшествия, переваливаясь на бегу. Хотя, если задуматься, что он, невежественный кабатчик, сможет сделать, чтобы помочь горе-утопленнику, коли тот волей священного пламени остался жив? Как ему поступить в случае, если душа несчастного уже отправилась к Матери звезд и ее сыновьям? Ведь всем хархи с самого детства хорошо известно, что мертвец в трактире или даже рядом с ним – конец доброй репутации! Что с ним случилось и как он туда попал, никого не интересует, ясно одно: завтра твои завсегдатаи к тебе ни ногой! А послезавтра слух расползется шипящей змеей по Подгорью, и вход к тебе всему побережью заказан! Хоть бесплатно янтарное вино с маругой наливай и седоплава²⁰ в соли за просто так

²⁰ Седоплав – ценная промысловая порода рыб, обитающих у берегов моря Вигари. Седоплав отличается черной блестящей чешуей, на фоне которой контрастно выделяются белоснежные короткие плавники и хвост. Питается ракообразными, моллюсками и некоторыми видами мелких рыб. Широко употребляется в пищу в приморских районах Харх и ценится за нежный, слегка маслянистый вкус, который особенно хорошо раскрывается при длительном выдерживании в соляном панцире, пропитанном настоем померанцевой кожуры (*Н. Гридау. Классификация мира фауны острова Харх. Библиотека факультета естественных наук Университета Вига*).

на тарелку с овощным рагу подкладывай – ничто не вернет к тебе суеверных посетителей! Останется только своими руками поджечь трактир вместе со злосчастливым телом, развеять по морскому ветру пепел и попытаться удачи в другом месте. Добропорядочные хархи не пьют с духами утопленников, изгнанными из чертогов Огненного бога – это столь же очевидно, сколь темна ночь и светла утренняя заря.

Тем не менее все вышеперечисленные доводы не могли тягаться с силой внутреннего порыва, захватившего Куримара, когда он опрометью бросился к телу, не снимая тяжелой обуви и безразмерной туники. Изрядно начерпав смеси из соленой воды, песка и ошметков морской капусты широчеными голенищами кожаных сапог, отчаянный трактирщик все же успел схватить несчастного за полу истрепанного хитона. В тот самый момент, когда пасть прибоя, жадно капающая пеной, уже была готова поглотить тело. Оттащив утопленника на безопасное расстояние от рокочущих волн под перепуганными взглядами чаек, Куримар с ужасом узнал в нем мастера Гивдара, того самого талантливого резчика по дереву. Живого или мертвого – а кто его, заблудшую душу, разберет? Кабатчик трясущимися руками взвалил тело на свое массивное плечо, обхватив его поперек спины пухлыми руками и, не ведая, что творит, потащил напрямик к трактиру.

Встречные хархи, завидев эту пару на своем пути, в священном ужасе шарахались прочь, а некоторые даже бро-

сались наук, подальше от греха. Куримару все это было безразлично. Для него они слились в абстрактную мешанину разноцветных клякс на холсте побережья. Кроме одного. Краем глаза запыхавшийся трактирщик успел разглядеть, как нищая беззубая старуха Нуулха, что-то бормоча себе под нос, сложила из скрюченных пальцев некое подобие треугольника и осенила их этой фигурой. Быть может, это-то тогда им двоим и помогло, кто его знает...

Но еще несколько шагов, и раскаиваться, сожалеть о чем-то стало поздно.

Ибо за спиной уже протяжно скрипнула калитка, отделяющая трактирный дворик от шума набережной, и ее скорбный стон не сулил ничего хорошего. Еще бы! Поглядите, какого гостя с бледно-зеленоватым лицом и черными кругами под глазами трактирщик самолично тащит в свое переполненное в вечерний час заведение!

Куримар, вздохнув, принялся еще тщательней полировать свой искусно декорированный прилавок. Некстати нахлынувшие воспоминания не позволяли кабатчику сосредоточиться на чем-то ином. словно вот оно, безжизненно распластанное тело Гивдара с прилипшими к белому лбу мокрыми паклями рыжих волос – прямо здесь, перед ним! Куримар часто заморгал, чтобы избавиться от наваждения, и с силой протер глаза.

А ведь в тот злополучный вечер до кабатчика все окон-

чательно дошло, только когда тело с глухим стуком свалилось с его плеча на низкий длинный стол и из-за него начали выскакивать перепуганные посетители. Оглашая трактир истошными воплями, они всей толпой устремились к дверям; их лица побледнели, почти как у бедняги Гивдара. Со всех сторон сыпались проклятия в адрес «нечестивого» трактирщика, звучали обрывки молитв к Огненному богу и Матери звезд с просьбой защитить от греха. Громкий голос Куримара не смог перекрыть нестройного хора, дирижируемого суеверным страхом.

«Куда вы несетесь сломя голову, ровно табун дугорогов под своим собственным созвездием?! – застыл в сознании немой вопрос. – Скорее всего, этот несчастный пьяница еще жив, нужно помочь ему, да побыстрей, пепел вам на голову!» Куримар лихорадочно огляделся и понял: надеяться здесь не на кого. Только на собственные руки. Эта светлая мысль озарила мозг трактирщика как раз вовремя – буквально за пару мгновений до того, как Гивдар мог отправиться постигать тайны звезд и любоваться колесницей Огненного бога с куда более близкого расстояния. Нет, Куримар не бросился откачивать мутную воду из тощей груди пострадавшего.

Он предпринял нечто иное.

Этими самыми пухлыми ручищами он вцепился в хорошо знакомый ему черный хитон, принадлежавший юному Цардаху, младшему лекарю из высшей плеяды целителей Харх. Какое, казалось бы, неслыханное нахальство!.. Однако трак-

тирщик твердо знал, что делает.

Цардах, не к его чести будет сказано, питал слабость к знаменитой Куримаровой маруге. И хоть обычно употреблял ее в разбавленном виде, а все же в страшном сне не пожелал бы увидеть лицо своего строгого наставника Аннума, прознавшего о пагубной привычке подопечного. На том молодой целитель и попался. Куримар сгреб вырывающегося Цардаху в охапку и доходчиво разъяснил ему безрадостные перспективы его карьеры в случае, если тот откажется молниеносно вернуть резчика Гивдара «со звезд на огненную землю».

Неудивительно, что повторять дважды трактирщику не пришлось. Пара размашистых шагов – и младший лекарь уже склонился над телом, лежащим на низком столе. Куримар стоял за спиной Цардаху, грозно возвышаясь над ним на случай очередной попытки трусливого побега. С другой стороны путь к отступлению преграждала длинная дощатая лавка, лихо развернутая перепуганной толпой.

Лекарь умел без промедления оценивать ситуацию и понимал: конкретно эта складывалась не в его пользу. Попасть сразу в две ловушки – это надо постараться. «С одной стороны, – бегло рассудил он, – с этого кабатчика станется доложить Аннуму, где я коротал сегодняшний вечер. О последствиях доноса лучше даже не думать. С другой, тут захочешь не убежишь: толстяк уже перегородил все пути к отступлению, а ввязываться в потасовку – последнее, чего бы мне сейчас хотелось». Признаться, единственное, чего на са-

мом деле хотелось Цардаху в тот злополучный миг – это как можно скорее выбраться из ловушек и как можно незаметней скрыться. И если для этого требуется немедленно оказать врачебную помощь утопленнику, что ж, придется пойти даже на это.

В логике молодому целителю не откажешь. Покончив с рассуждениями, он переступил через суеверия и наконец нашел в себе силы прикоснуться к холодному бледному телу.

Руки лекаря, довольно-таки изящные для хархи, двигались так быстро, а манипуляции были столь неуловимы, что наблюдающий из-за спины Куримар с трудом постигал происходящее. Нисколько не преувеличивая, он и годы спустя утверждал, что это был *танец рук*, состоящий из резких толчков в грудь, надавливаний какими-то черными камушками на виски, круговых растираний лба и втыкания в запястья тончайших иголок с крючковатым ушком. Сколь странными ни казались эти лекарские эксперименты, последний из них явно пошел бедняге на пользу. Первыми ожили его руки: они начали выписывать волнообразные движения вдоль пока еще недвижимого тела. Выглядело это немного пугающе. Следом с нарастающей силой заходила, вздымаясь, грудь, видневшаяся сквозь мокрые лохмотья разорванного хитона. Эти судорожные сокращения мышц избавили «утопленника» от изрядной порции соленой воды, приправленной мелким песком, на которую в приступе отчаяния тот променял излюбленную хмельную маругу. Мелкие

черты лица зашевелились в пробуждающейся мимике и тем самым сорвали с себя ритуальную нефритовую маску²¹.

*Славься, славься, пламень жизни,
Торжествуй, великий бог,
Пробудился Гив от смерти,
Не спешит он в твой чертог!
Матерь звезд его простила,*

²¹ Ритуальная нефритовая маска – изделие декоративно-прикладного искусства о. Харх, выполненное из мозаики нефритовых пластин, соединенных между собой нитями из пластичных железных язычков соцветия тизиара – яркого представителя сада каменных цветов. Так как у народа хархи традиционные захоронения заменены ритуальным сжиганием на специально отведенных для этого *Пепелищах*, то такая маска надевается на лицо усопшего, готовя его к встрече с Огненным богом. По состоянию маски после сожжения островитяне судят о судьбе своего сородича за пределами материального мира: если пластины обуглились и почернели – это добрый знак, указывающий, что сам Прародитель одарил усопшего пламенем своей длани и благословил стать сыном Матери звезд. Если же, несмотря на серьезное тепловое воздействие, цвет маски хотя бы отчасти сохранил свою травянисто-зеленую окраску, то, к несчастью родных и близких, это означало, что Огненный бог отвернулся от умершего из-за его слабости, трусости и праздности в мирской жизни. Семьи, нашедшие на Пепелище нетронутую огнем зеленую нефритовую маску, на протяжении многих лет усердно выстраивают цитриновые алтари перед своими домами, богато их украшают и наполняют эти чаши всяческого рода подношениями. Разумеется, и в святилищах острова для этой цели предусмотрена особая *Стена отверженных*, на которой хархи высекают имена своих неудачливых сородичей. Под именами также складываются цитрины и свидетельства отваги и мужества здравствующих членов семьи: мечи, стрелы, колье из высушенных языков или зубов неприятелей. Так хархи пытаются выторговать у своих божеств лучшей доли для почившего (*Д. Хаттум. Жизнь как искра в священном Пламени, или Религиозная система острова Харх. Книжница астрономического факультета Университета Вига*).

*Самоказнь хоть страшный грех,
Но на небо не пустила
В назиданье для нас всех!*

Эти бесхитростные строчки сами собой сложились в голове трактирщика в тот момент, когда он окончательно убедился, что горе-пловец пришел в чувство. Записать бы их, да куда и как? На языке каких символов? Разумеется, потом они выцвели и стерлись из памяти Куримара, перекрытые многочисленными слоями новых впечатлений, эмоций и событий. К ним относятся и клятва об украшении прилавка резьбой, взятая со спасенного Гивдара, и его многодневная работа с перерывами на хмельное забытие, и, наконец, бесславная кончина талантливого резчика в крошечке осколков бутылки из-под винного спирта возле этого самого прилавка.

Что тут поделаешь? Мельница жизни, ни у кого не испрашивая одобрения, заскрипела дальше своими лопастями, перемолов и это. Порой Куримару казалось, что жизнь заодно перемолола его самого. Что осталось от жизнерадостного и предприимчивого трактирщика? Одни мелкие осколки, подобные тем, что усеяли пол вокруг мертвого Гивдара.

«Надо жить дальше», – так говорят в народе? Вот Куримар и зажил, да только не так, как раньше, а тем безрадостно-обреченным манером, что в том самом народе именуется небрежным словом *как-нибудь*.

– Что, как там увалень-винодел из «Хмельной чаши», не

слыхал? – иной раз, когда другие темы для беседы уже явно были исчерпаны, спрашивал один воин другого, не отвлекаясь от налаживания доспеха.

– Куримар который? – всегда зачем-то следовал уточняющий вопрос. – Да это... *как-нибудь*.

– А прилавок все же у него богатый... Нигде такого в Подгорье не видал!

– Да уж, славно сработано. А слыхал ты, дружище Нурхан, что этот хряк тогда пьяницу резчика – не помню, как его, грешную душу, звали – из моря сам выловил? Да лекаришке Аннумову тесак мясной к горлу приставил, только чтоб тот от Матери звезд его обратно в кабак возвратил?

– Известное дело, – лениво отвечал Нурхан собеседнику. – Нашел новость! Об этом уж почитай все Подгорье слышало. Расписной потолок в Святилище виноделу покоя-то не давал! Я видал, да и другие хархи сказывали, что в дни жертвоприношений или на Горидукх²² Куримар все больше не на

²² Горидукх (от др.-хархского: «гор» – милость, «духх» – огонь) – большой религиозный праздник, отмечаемый на о. Харх в последний день созвездия Ящера. Одновременно знаменует переход к осеннему циклу созвездий и воздаст почести первому и наиболее опасному из них – Скарабею. Совершаются обряды, приносятся жертвы, готовятся ритуальные блюда (многоярусные пироги из дичи с красными ягодами, медовые ковриги с семенами мускатника и др.). Главным оберегом и обязательной составляющей убранства помещений является камень цитрин. Все традиции Горидукха имеют общую цель – «задобрить» Скарабея, дабы засуха и слепящие смерчи, характерные для этого созвездия, обошли стороной землю Харх. Завершается праздник ритуальными танцами вокруг костров (А. Ремлах. *Иллюстрированный религиозный календарь острова Харх. Закопанные свитки в г. Уромхай за средней огненной опаловой горой*).

жрицу, а на потолок пялился. Задерет бороду кверху, да так, что вот-вот подпалит ее своим факелом, и глазищами по потолку так и шныряет. Какие уж там ему грехи выжигать и какие молитвы читать? Дела ему до этого не было никогда, скажу я тебе! Стоит и будто запомнить пытается узор тот. На кой хрен, спрашивается, а? Чтоб он ночью ему приснился вместо Нездешней?

– Ну ты и тугодум, Нурхан! – вспыхивал Водрих. – Сам же сначала сказал, что покоя тот потолок его грешной душе не давал! Перенести, стало быть, он хотел потолочный узор на прилавок у себя в трактире. Дошло до тебя? Бутыли с маругой чтоб ставить на священные символы, к которым ты в Святилище взываешь, чтоб матушка твоя поправилась и чтобы Тридда тебе красный платок на турнире бросила! И вообще, снял бы ты шлем, а то, как по мне, перегрел он твой котелок. Не соображаешь, по-моему, ни шиша.

– Вот ведь бестия семипудовая! – искренне возмущался Нурхан. – Верно, ты, Водрих, толкуешь! Так оно и есть. Сам видел, как в «Хмельной чаше»-то наши священные треугольники локтями обтирают – янтаря, ну, который внутри них, и не видать уже. Поди разгляди его за пятнами от пролитого вина да следами жирных пальцев! – И в испуге шептал: – Пощади, Мать звезд, его заблудшую душу!

– То-то и оно, друже, то-то и оно, – кивал сослуживец. – А кто там следить за порядком теперь будет и с рисунков тех жир соскабливать, коль жена его, Хигдая, еще пять созвез-

дий назад к какому-то лучнику по ту сторону опаловых гор свинтила?

– Да ну тебя, Водрих! – терял терпение Нурхан. – Иной раз хуже бабы – Огненный бог тому свидетель! С тобой все сплетни по Подгорью соберешь, на копье их намотаешь, а потом копье то с земли не подынешь. Брехня пустая еще и душу утяжеляет, – резонно добавлял ревностный поборник правды. – Не я придумал – в Семи наставлениях так толкуется. Помнишь такие слова: *«Все лишнее, что со сплетнями к тебе прирастает, потом в себе будешь тяжким грузом таскать»*? Аж до самого Горидукуха, а он ой как не скоро! – следовало уточнение.

– С каких это пор ты, Нурхан, жрецом заделался? – насмешливо вопрошал ничуть не пристыженный Водрих. – Или ты, чего доброго, черные латы с треугольниками вместо наших бронзовых доспехов на себя примеряешь? – парировал он. – Лучше бы ты вместо своих Наставлений больше Рагадира слушал, тренировался усердней да турниры б не пропускал. Глядишь, и Огненный бы тогда заметил твое старание и отсыпал бы удачи на твою тугодумную голову. А там уж, наверно, и Тридда бы поласковой стала, а отец ее... как бы это сказать?.. ну, добрей, в общем, к тебе, дураку. А что до жены Куримаровой, так это истинная правда – кого хочешь в Подгорье спроси. Ибо не слыхивали об этом только самые ярые противники досужих разговоров – такие, как ты, к примеру. Коль не веришь другу, что ни разу ни еди-

ной истории не приукрасил для твоих мнительных ушей, так давай, разузнай все сам! Возьми да спустись в любую таверну, зайди в первый попавшийся кабаk и поинтересуйся, где нынче обретаeтся любезная Хигдая? Ха! Сам потом прибежишь ко мне с глазами, будто дисками из Певучего! Да еще спать потом мне не будешь давать! Всю ночь кряду ведь будешь возмущаться: «Да как такое под Матерью звезд...» Как там дальше у тебя? А, вспомнил: «выгорело»! Ага, точно. «Как, – будешь бубнить мне с соседней лежанки, – такое *выгорело*, чтобы жена, венчанная с мужем священным пламенем огненного нимба на глазах у жрицы – ну, еще там всяких подробностей свадебного обряда приплетешь, – вдруг разорвала эту выплавленную на небесном своде связь, трижды плюнула на Семь наставлений, не говоря уж о собственных венчальных клятвах, да и сбежала вдруг от мужа?! А когда узнаешь – хотя это уже давно известно всем, – что еще и дочку их, малышку Медиз, на руках Куримара оставила, то до конца созвездия покоя мне в своем праведном гневе не дашь! Ну давай, иди, – уже чуть не подталкивал он опешившего Нурхана. – Сегодня как раз свободный от службы день! Большая удача для тебя, – не смог удержаться от шутки бойкий на язык Водрих. – А то ты тут со мной уж столько сплетен *намотал на копьe*, что все равно не поднял бы его и до стрельбища бы не дотащил. Ха-ха-ха!

Собеседнику, сраженному в этой словесной баталии, оставалось лишь беспомощно развести руками.

– Да к чему мне тащиться в таверну и к добрым хархи приставать, когда ты мне все карты прям тут и раскрыл? Видать, теперь жителям Подгорья меня ничем не удивить...

А все же удивить недоверчивого Нурхана словоохотливые обитатели приморской местности могли, да еще как! Ведь разговор, подобный тому, который завел болтливый Водрих, частенько вился над муравейником черных каменных домишек Подгорья. Вился-завивался причудливыми кольцами правды и вымысла, щедро сдобренный гнилостно-сладким душком сплетен. Ветер на своих растрепанных крыльях разносил их вдоль всего побережья. Обрывки наблюдений и каркающее эхо слухов стали вожаденными крошками хлеба для изголодавшейся стаи голубей-попрошаек.

И не насытившись аппетитным мякишем пересудов и кривотолков, они начали клевать трактирщика прямо в голову.

Если в одном конце Подгорья утром рябая сукновальщица, стуча внушительным кулаком по своему кожаному фартуку, утверждала, что-де Куримар посещал Святилище, только лишь чтобы выучить его потолочную роспись, то через пару дней, на другом конце, он уже «ни во что не ставил Огненного бога и думал, будто кабак достоин такого же украшения, как и Святилище».

– Грех, грех-то какой! – склоняя седые головы под треугольниками из трясущихся пальцев, вторили старики хрип-

лым хором.

– Не возгордись, подобно трактирщику из «Хмельной чаши», а то не видать тебе воинской службы как своих ушей! – вразумляли матери своих строптивых чад, в глубине души радуясь такому показательному примеру.

Пролетая над прибрежными поселениями, этот слух постепенно обрастал павлиньим хвостом выдуманных подробностей. Слава Куримара стремительно неслась впереди него.

Кто он такой? Что случилось с его жизнью? Как он вообще дошел до нынешнего положения? Спросите – и вам расскажут!

Расскажут, что-де презренный кабатчик, видимо, увлекшись дегустацией своих напитков, ни с того ни с сего возомнил себя не меньше чем членом королевского совета и посчитал уместным ставить бутылки будто бы на потолок Святилища. То есть предложить своим гостям выпивать прямо на священной для хархи символике, а то и сплевывать на нее застрявшие между зубов виноградные и рыбные косточки. Перенес возвышенное, божественное – вниз. Святыня, к которой устремлялись молитвы, благодарности, немые вопросы, просьбы о защите живых и жаркие заклинания о лучшей доле для усопших, оказалась под чашами с маругой, под тарелками с обглоданными свиными ребрышками.

Грех, грех-то какой.

А как трижды нечестивый трактирщик, дошедший в хмельных бреднях до святотатства, сумел воплотить в жизнь

этот лукавый план? Ясное дело как! Всем ведь известно, что он и в обычные дни, и уж тем более по праздникам, не вылезал из Святилища; якобы весь из себя богопослушный и смиренный, что твоя овца. Ею он и был, по крайней мере снаружи. Этаким добродушный бесхитростный бурдюк с салом – вперится ягнячьим взглядом в потолок, изукрашенный янтарными многогранниками, и глаз бессовестных с него не сводит! Коли не знаешь всего, можно и взаправду подумать, что молится с усердием, да не за себя – за весь свой род куримарский грехи замаливает. Чтоб отца, нечистого на руку, Огненный из своего чертога не прогонял, чтоб сестре зрение вернулось, чтоб жена наконец родила ему сына, а малая его, Медиз то бишь, чтоб выросла красавицей и попала бы в гарем к одному из этих толстосумов гильдейских.

Оно, конечно, хорошо, коли бы из этого нового торгового союза муженек-то ее будущий оказался. Тогда, глядишь, на резном том прилавке выстроился бы ряд редких восточных вин с экзотическими пряностями! Да и ядерных настоек на северных ягодах ажно из-за самого Убракка было бы в достатке... Хотя, чего скрывать, родство с выходцем из ювелирной гильдии устроило бы наверняка алчного кабатчика не меньше. Уж тогда бы, небось, этот прилавок расцветили бы мерцающие самоцветы и драгоценные металлы – не то, что какой-то там янтарь.

Да, об этом, видать, молился набожный трактирщик, а сам глазами едва дырку в потолке Святилища не просверлил.

Нет, вы это видели? Все, шельма такая, запомнил, до единой черточки, до мельчайшей детали: где какая фигура, где завиток, где крошечная линия, что и как в этих многогранниках расположено. А они ведь страсть какие сложные – позаковыристей наплечных татуировок лучших воинов королевской армии! Если долго на них смотреть, а потом резко закрыть глаза, начнут яркими узорчатыми дисками прямо в темноте перед тобой вращаться, словно хитрый механизм какой. Только там, в рисунках этих с потолка, все сложнее любого механизма устроено. А этот взял и запомнил. Не иначе как в голове у себя записал! Будто подталкивал кто, подсказывал, нашептывал. Может, сам рыбий царь? Да, вот уж он-то (или она, поди их, бледное отродье, разбери) мог до такого додуматься – даром, что ли, в нем и мужик, и баба вместе уживаются? Тьфу ты, водится же в этом ихнем Вигари такое...

Грех, грех-то какой.

А дальше как дело было? А как бы ни было, ясно одно: без мастера тут никак, ибо у самого Куримара руки только вино в чашу подливать приспособлены, да и то бывало, что мимо нее. Ну, вы знаете эту его неповоротливость. С мастером, надо сказать, все больно непросто оказалось. Оно понятно, что ремесленники – народ не шибко умный, да и к медовухе, знамо дело, равнодушный, а никто за дело богопротивное браться не хотел. Зачем, спрашивается? Чтоб в сговоре сбрендившего кабатчика с рыбьим царем свою долю греха заиметь? Так недолго и на Стене отверженных ока-

заться. Спасибо, уж лучше в гильдию податься: там хоть свяжут по рукам и ногам, но, по крайней мере, таким заказом не наградят.

А вот опустившийся *Гудхар* не избежал заказа этого, хоть и пытался уж под конец на дне морском от назойливого толстяка запрятаться. Говорят ведь, что резчик тоже тот еще «подарок» был: у самого руки не из того места – вот уж наказание отцу-мастеру! – да еще и завистливый дальше некуда. Глядел-глядел, как у брата и отца все складно из-под резца выходило, а сам при этом только дерево портил да инструмент затуплял. Ну и утешался маругой, как водится. В «Дурманящем кубке», само собой, – там, где подешевле да подальше от дома, чтоб отец с братом не нашли и по затылку киянкой не настучали. А Куримару только того и надо: вот он, тут как тут с халявной выпивкой. Кабатчики – они свое дело знают. Сначала умаслят гостя дармовым пойлом с разогретыми в котелке объедками со вчерашнего ужина, а потом давай в размякший разум свои шкурные интересы пропихивать! Вот он и так, и сяк подъезжал к захмелевшему *Герхану* – и на рыжей кобыле, и на пегой: «Упроси, – говорит, – брата старшего или, лучше, отца, пусть прилавок мой на манер потолка в Святилице разукрасят! Заплачу хорошо железными пластинами новой чеканки! А уж как принимать у себя в «Пьяной чарке» буду – все равно, что королей! Все, что здесь подается, вовек всей семье твоей бесплатно будет!»

Градхир пить-то пил, а согласия на заманчивые предложе-

ния Куримару не давал. Ясно как день: зависть уже так его душу прогрызла, что не желал он ничем пособлять ни отцу, ни брату. Не хватало самому на блюдечке этим «золотым рукам Подгорья» новые заказы притаскивать! Добряк Куримарему и без того от души знай наливает, так чего ради против своей воли идти? Это ж... как там в Наставлениях толкуется?.. *«Все, что ты делаешь вопреки своей истинной воле, – делаешь наперекор своей судьбе, что вершится в неисповедимом танце искр»*. Слова эти все с младых годков назубок помнят! А нарушить их...

...грех, грех-то какой.

Эдак какое-то время и тянулось, пока Куримар так горе-резчика не допек, что тот ровно в силках охотничьих оказался: по правую руку – семья со своими упреками, по левую – трактирщик клещами вцепился да, кажись, еще и подмешивать что-то дурманящее в пойло начал. Тут-то разум *Градхиров* окончательно и затуманился. И куда бедолаге от этих напастей деваться, как не на дно Вигари! Вот и решил он, душа грешная, к рыбьему царю с горя податься, ибо Огненный за слабость и праздность его теперь уж и близко к своему чертогу не подпустит. Кто знает, может, там, в пучине, его лучшая судьба дожидалась, а длинноволосые острозубые сирены из-за красных кварцитовых валунников давно уж *Гаммира* к себе зазывали? Вот он и пошел как миленький. А кабатчик неугомонный снова тут как тут: «Куда собрался? Погоди, – кричит, – у тебя еще на огненной земле

дела остались: покуда родню свою мне прилавок вырезать не пришлешь, никуда не пущу!»

Да и плюх прямо в волны за ним.

Чуть не располовинил несчастного, деля с сиренами его, нахлебавшегося воды! Еще немного, и только руки его трактирщику бы достались. А что с них толку? Они и при живом-то хозяине не больно искусно резцом владели. Так что *Гамхир* нужен весь, целиком. Поэтому-то Куримар зубцами разбитой бутылки тем девицам хвостатым личики так разукрасил, что свеженький утопленник потерял для них всякую привлекательность.

Ну, вытащил на берег тело – глядь, а оно уж бездыханно, хоть сразу на Пепелище его. Тут у Куримара поджилки-то и затряслись: остатки трактирщиковой храбрости еще там, в пене морской, закончились, а мужества в помутненном разуме и жировых складках отродясь не водилось. Пялится на мертвеца, на берег вытащенного: кровь вся от лица отхлынула, уж сам на него сделался похожим, как припомнил, что с вечера опять к нему в кабак *Цогдаш* из лекарской гильдии пожаловал. Вот удача! Утопленника на плечо, как мешок с картошкой, взвалил и диким кабаном помчался обратно в питейную обитель, сшибая все на своем пути. Хархи добрые на это смотрят: «Никак совсем умом тронулся! Лучше б сразу кабак подпалил с собой вместе, чем окаянство такое совершать!»

Грех, грех-то какой.

Влетел он в трактир и сходу тело прямо на стол с маругой и закусками свалил, а сам сзади встал и собой, будто пивным бочонком, выход гостям перегородил. Да еще пригрозил им, что если не выживет резчик, то со всех присутствующих будет клятва огненная взята раскаленными щипцами для углей. Придется, дескать, поклясться, что ничего в тот день в трактире не произошло и никто в его стенах не думал помирать! Ну, тут отважный лекарь *Цогдаш* и вызвался на подмогу, хоть другие на него цыкали, чтоб молча сидел: молодой ведь еще совсем! А ну как обезумевший Куримар ему пальцы своей кочергой прижмет, если пьяница не очухается? Но на то он и лекарь, самого Аннума ученик, чтобы не оставить страждущего в его мучениях! Ниспошли, Матерь звезд, лучи благоденствия на его голову! Подошел молодой целитель к *Гиддиру* да и начал руками по нему колдовать, а трактирщик тесак для разделки мясных туш прям возле горла его держал. «Вытаскивай его с небесного свода сюда к нам! – рычал ему прямо в ухо. – Мы тут с ним еще не закончили! А не вытащишь – за ним следом быстрехонько отправишься!»

Грех, грех-то какой!

Цогдаш-то вытащил. И разбрелись все, не помня себя от страха, по домам. Шли из проклятого трактира и думали про себя: а вдруг на какое-то время резчик все-таки помер, а бесстрашный лекарь его и правда прям *оттуда* достал? Тогда получается, что все они пили тем вечером с мертвецом! Милосердная Матерь, что же теперь делать? Какими молит-

вами и жертвоприношениями исправлять такой страшный проступок?

Грех, грех-то какой!!!

Крепко задумались гости Куримарова кабака, и, хоть ровно ничего богопротивного в нем тем вечером не произошло, завелось в народе восьмое «наставление» – обходить окаянный трактир за три версты. Не сказать, правда, что с тех пор никто к Куримару не захаживал. Ему удавалось кое-как сводить концы с концами благодаря особо отчаянным огненным воинам, что повадились бросать в «Хмельной чаше» вызов собственному страху. Доказать что-то себе и Огненному богу: вот, мол, ставим на кон собственную загробную жизнь, лишь бы снискать твою похвалу за отвагу! Не боимся, дескать, дремучих народных поверий, а слушаем только священные Наставления Прародителя. На этой почве в воинских частях Подгорья родился обычай: на спор выпивать чашу маруги за столом, на котором тем роковым вечером лежал утопленник. Поборовшему себя и смертельно расстроившему свою семью воину полагался новый знак в кольцо наплечной татуировки, напоминающий глаз, охваченный пламенем. «Взгляд смерти в глаза», – окрестили воины этот новый символ, нашедший не так уж много желающих украсить им свое плечо.

Наиболее любопытные и наименее суеверные хархи из других городов острова, особенно по ту сторону опаловых

гор, время от времени тоже жаловали трактир своим присутствием. Приходили сравнить узоры в Святилище и на прилавке Куримара...

И действительно не находили отличий.

Вымышленное и истинное, словно не замечая своей несовместимости, сплетались все теснее. Их связь крепла, образуя чудовищный полумифический гибрид, который наступил своей великаньей ступней на Куримара. Даже ничего не почувствовав при этом, он изломал трактирщика как снаружи, так и изнутри. Крошки слухов, брошенные голубям, проросли хищным плотоядными цветами-мухоловками, что, не подавившись, пожрали огонь сердца трактирщика, оставив в нем зияющую пустоту.

Куримар протер увлажненные воспоминаниями глаза тряпицей, которой надраивал столешницу. В нос ударил резкий кислый запах, а глаза только сильнее защипало от спиртовых испарений и въевшихся в холщовую ткань специй. Похудевший почти вдвое трактирщик на мгновение вернул себе тень былой расторопности, метнувшись в сторону кадки из бурового вяза, дабы плеснуть в лицо прохладной водой.

Плюх. Кап-кап-кап...

Струйки приятно стекали по истощавшему лицу и задерживались тяжелыми каплями на всклокоченной бороде. Легкое дуновение морского ветра, долетевшее до Куримара сквозь крошечные окошки каменного помещения «Хмель-

ной чаши», проскользило по этим мокрым дорожкам и на прощание оставило на лице след из мелких мурашек.

Нет! Это уже ни в какие ворота...

Нужно скорее обтереться полой хлопкового фартука, чтобы десятилетняя Медиз, вернувшись с рынка, не приведи Огненный, не застала его в таком размякшем виде. Да и подкрепиться не помешает: с утра крошки во рту не было, хотя всякой снеди на кухне предостаточно. Несмотря на полное отсутствие аппетита, ему, Куримару, следует хотя бы сделать вид, что он поел, а не то Медиз снова начнет браниться. И – вот ведь причуды судьбы! – с точно такой же интонацией, что и ее мать Хигдая. Помнится, давно – почитай, уже как вечность назад – жена то и дело упрекала его за чревоугодие. А сама-то уж, наверно, теперь на восточных сластях и винах с нездешними пряностями тоже не легкой бабочкой порхает. Или что она там вкушает с новым мужем за опаловыми горами?

Эти мысли, будь они неладны, тоже нужно гнать прочь.

– Пш-ш-шли-и! – Куримар с силой ударил кулаком по цветным янтарным дорожкам своего прилавка, глядя куда-то сквозь него. Непрошенные слезы все так же застилали глаза.

Другой рукой трактирщик извлек из кармана фартука огрызок вчерашнего яблока и начал без аппетита его жевать.

«Ничего, – уговаривал себя Куримар, – надо только дотянуть до вечера». Слишком давно он не ходил к Двуро-

гому холму оракула за исцеляющими душу историями. Ну, как исцеляющими... Их действия, разумеется, всегда хватало ненадолго; после них порой было еще сложнее возвращаться в свой опостылевший мир, словно в беспощадном похмелье. И да, на следующий день волны реальности еще грубее будут шваркать исхудавшее лицо Куримара об острые края тех самых стеклянных осколков, в которых когда-то лежал здесь несчастный Гивдар.

И в этом *следующем дне* его снова ждет укор в глазах дочери, его малышки Медиз... Что поделаться, коли она поверила кружащему вокруг ее рыжей кудрявой головки вороны, до сих пор посыпающему побережье пережеванными крошками слухов?.. Куда деться от упрекающего взгляда? В то же время ее по-детски упрямое каждодневное ожидание возвращения матери попросту сводило трактирщика с ума. Имел ли он право открыто поведать дочке, что именно ее появление на свет и заставило когда-то Хигдаю отбросить мечты о муже-воине и пойти за него, Куримара, замуж? И что все эти созвездия Хигдая только и ждала повода, чтобы снять с себя семейное ярмо и устроить собственную жизнь получше... Прикинув так и эдак, Куримар рассудил, что такого права у него нет. Ибо понимал, что, развенчав образ Хигдаи в глазах дочери, он лишит ее согревающей сердце иллюзии. Заставит почувствовать себя нелюбимым, ненужным ребенком. К чему это и без того настрадавшейся по его милости малышке?

Так что Медиз оставалась насчет матери при своем мнении, а именно: матушка была слишком праведна и религиозна, чтобы оставаться в этом греховном месте, куда ее ополумевший муж своими руками притащил мертвеца и угрожал всем посетителям!

Успокой свой измученный, растерзанный разум, дружище Куримар. Не сегодня. Уже вечером ты будешь сидеть на мягком зеленом ковре у подножия холма в окружении сиреневого клевера и россыпи мелких голубоватых ромашек, будто бы воспарив над стаей этого брызжущего ядом воронья. Нега травяного медового аромата проникнет прямо в твои мысли вместе с неторопливым повествованием Тихха о далеких звездах, костяных островах далеко за горизонтом Вигари и мудрецах, ведающих о нас то, чего не знаем мы сами. Убаюкивающий голос оракула на крылатом коне унесет тебя далеко, очень далеко отсюда. И сегодня, хотя бы сегодня, ты уснешь спокойно.

Только дождаться бы вечера.

Глава 7 Переосмысленное молчание

Яллитр придирчиво сощурил глаза и еще раз внимательно оглядел Елуама, словно желая убедиться в неоспоримости своей победы. Удалось ли ему, умелому переговорщику, развеять страхи и сомнения будущего пилигрима? Сильны ли, достаточны ли были доводы? Не зря ли, слегка увлекшись этой игрой, он раскрыл некоторые, скажем так, личные подробности своих торговых паломничеств?

«Все-таки годы делают дружбу с риском все более натянутой...» – некстати подумалось Яллиру.

Первое впечатление, увы, не слишком обнадежило старого купца: лицо юноши выражало полное отсутствие каких бы то ни было мыслей. А если они и были, то блуждали где-то бесконечно далеко от окраины Чернового круга. Ни осознанностью, ни воодушевлением, что называется, и не пахло. Да что там – парень выглядел еще более потерянным, чем до их «доверительной беседы»! Наверное, впервые в своей жизни Яллир в буквальном смысле ощутил, как почва уходит из-под ног – медленно, песчинка за песчинкой. Устоишь тут на ногах, когда старые приемы и средства уже не действуют, а новые не спешат им на замену!..

Легкий толчок в бок прервал внутреннее ворчание купца и заставил вновь поднять глаза на своего преемника. Что там хотел показать ему Лиммах? Неужто засвидетельствовать его, Яллира, запоздалый триумф?

Старый пилигрим медленно поднял усталые, полные недоверия глаза.

Нет, все же есть еще порох в пороховницах, а старые приемы не так уж и плохи: лицо юноши просветлело облегчением. Наконец-то исчезло затравленное выражение, таившееся в аквамариновой глубине взгляда молодого вига. Предательски выступающие приметы эмоциональной незрелости сменились первыми признаками уверенности в себе.

Яллир, однако, не спешил торжествовать. «Надолго ли

это?..» – только и хмыкнул он про себя.

Что ж, это лучше, чем ничего. «Будем, – заключил бывалый пилигрим, – довольствоваться тем, что есть». Временное забытие так или иначе окажет свое целительное воздействие на эо²³ юноши. Оно наложит ему успокаивающий травяной компресс на разгоряченный лоб, терпеливо распределит по своим местам восемь жидкостей его сосуда и не даст им снова смешаться в зловеще булькающее варево страха. Чтобы стало в точности как на потертой от времени оригинальной иллюстрации к «Учению об эо: корневой системе психики вига» – строгий порядок и равные пропорции. А что до выданных сгоряча тайн Черторга вместе с секретными деталями странствий – да семеро искусников с ними! Не жалко, по крайней мере теперь. Это молодому и залихватски бесстрашному «морскому черту» Ялу, коим он был много светооборотов назад, бесконечно льстила та мантия таинственности со вшитыми в нее чужестранными загадками,

²³ Эо – концепт внутреннего мира в системе миропонимания вига. Этот духовный феномен впервые был описан факультетом тонких материй в начале III световехи. Графически он представлен в приложении к данной концепции в виде узкого прозрачного сосуда с равными делениями внутри. Каждый вига, желающий прожить свою жизнь в гармонии (или «пребывать в эо»), должен следить, чтобы сосуд был в равных пропорциях наполнен следующими восьмью «жидкостями»: знаниями о Сфере в целом, знаниями о государстве Вига, знаниями об истории своего рода, специфическими профессиональными знаниями, пониманием искусств в их сложности и многообразии, пониманием природы своих эмоций и механизма управления ими, а также осознанностью своего призвания на Вига и неустанным самосовершенствованием для реализации этой миссии в полной мере (*Т. Уаллум. Общий словарь Вига. Личная библиотека хранителя Вига*).

что гордо развевалась за спиной при каждом шаге. В ее темных складках было все: мистерия Расщелины, не разбавленный водой кислород, вулканическая черная пыль, рисунки из звезд, бессмысленная жестокость турниров и публичных казней, королевские сады каменных цветов, пряные благовония из Святилища, звон браслетов горделиво шествующего мимо гарема, соленый привкус ветра, хоровод примет и суеверий, горький сорх²⁴ в чашах с наперсток, три сросшие-

²⁴ Сорх – национальный горячий тонизирующий безалкогольный напиток на Харх. Приготавливается из высушенных ягод дерева *сорха*, произрастающего к юго-востоку от трех опаловых гор. Созревающие обычно в начале созвездия Ящерицы, ягоды бережно собираются, промываются в мелких ситах, выкладываются под звездные лучи и высушиваются до характерного золотисто-коричневого оттенка. Далее они не менее двух созвездий вымачиваются в специальном сиропе из медовой патоки, жирных сливок и корицы, который избавляет сушеные ягоды от излишков горечи и обогащает вкусовые качества. Для успешного вымачивания необходима низкая температура воздуха, которая меж тем не жалует своим присутствием южные местности Харх. Поэтому ягоды, залитые сиропом, отправляются в большие металлические чаны и закапываются глубоко под землю, примерно до уровня белой глины. Достаточно трех-четырех обработанных таким способом ягод сорха, чтобы приготовить несколько порций напитка. Они раскалываются кухонным молоточком, выкладываются на дно стеклянного заварника (*сорхар*) и заливаются горячей питьевой водой. Пьется такой напиток традиционно тремя глотками из крошечных чаш с тонкими фигурными ручками. Как можно догадаться из технологии производства напитка, сорх – весьма дорогое удовольствие. В связи с этим на острове сформировался вторичный черный рынок ягод сорха: прислуга в богатых домах незаметно ссыпает остатки расколотых молоточком плодов во внутренний карман туники (так как проверять карманы *фартуков* после подачи сорх – древнейшая привычка богачей) и втайне сносит скупщикам. Приобретать расколотые ягоды сорха считается на Харх дурным тоном, но это не останавливает менее обеспеченные слои его населения, однажды оценившие глубокий горьковато-пряный вкус этого напитка и его бод-

ся клином горы из драгоценного опала, капли пота воинов в пыли тренировочных полигонов, первобытный экстаз Горидукха, коричнево-цитрусовый аромат шицуба в меду, первая горсть вселекаря в дрожащих от волнения серебристых руках... Все это тот лихой пилигрим Ял долгое время носил на себе, ревниво скрывая содержимое складок невидимой мантии не то что от посторонних, а даже от собственной семьи – родителей, жены и двоих сыновей.

Теперь же он был только рад укрыть ею Елуама от сонма черных мотыльков, несущего на лохмотьях иссушенных крыльев отравленную пыльцу страха. Яллир, награжденный не только сединами, но и мудростью, отчетливо выкристаллизовавшейся из остывшей смеси лихачества и амбиций, все сделал верно. Подбросил крупное полено в очаг внутреннего тепла юноши и не чувствовал ни йоты жертвенности в совершенном поступке. Да будет так! Жизнеутверждающего потрескивания этого пламени и фейерверка рассыпающихся золотых искр должно хватить на весь долгий путь до Расщелины, а если повезет, то и до окончания самой инициации. Пусть себе отвлекает растревоженные мысли Елуама. Пусть мягко, но настойчиво уводит их по хладнокровному течению логики, вовремя оттаскивает за растрепанную косу от штурвала тощую истеричную девку-плакальщицу и заменяет ее матерым морским волком.

рящий эффект (О. Елиамэ. *Что пьют на огненной земле: от времен древности до эпохи Каффа. Личное собрание заметок купеческого пилигрима Вига*).

Да разгорится этот пламень назло темной магии трех изгнанниц!

Все трое собратьев крепко уцепились за невзначай брошенные Яллиром соломинки уверенности, взяли себя в руки и вполне бодрой походкой направились к призывно поблескивающим стенам гигантского прозрачного куба. Им и впрямь стоило поторопиться, ведь их ждали. Еще в середине своей проникновенной речи старый купеческий пилигрим выхватил взглядом знакомую фигуру в длинном сером рубище напротив входа в аквариум. Яллир – спасибо выдающейся зрительной памяти! – совершенно точно знал, кому принадлежал этот скромный силуэт. И не ошибся: то и в самом деле был мастер ихтиогипноза Офлиан, который, как видно, уже все подготовил для их дальнего странствия.

Успешно решив деликатный вопрос с настроем Елуама, Яллир теперь был рад сделать небольшой перерыв. Он с радостным предвкушением вынырнул из темных вод чужого эо, готовый хлебнуть свежего кислородного раствора. Пилигрим знал: встреча со значительнейшей фигурой сферы научно-прикладных искусств Вига сможет отвлечь его от тяжелых дум. Яллира, к слову, вовсе не смущало, что внешний облик Офлиана не соответствовал его высокому званию. Ни облачение, ни походка, ни мимика – ничто не выдавало истинный статус молодого вига. Последняя так и вовсе служила воплощением самой искренней юношеской расторопности – ни дать ни взять подмастерье перед наставником. По-

дойдя ближе и учтиво склонив голову в приветствии перед Офлианом, по возрасту годившимся ему в сыновья, Яллир в который раз подивился скромности мастера. Купеческий пилигрим будто бы немного пристыженно покосился на свои руки. Чего стоил один крупный перстень, царственно оплетавший средний палец левой руки тройным обручем белого золота, перехваченный по диагонали гравированной пластиной из черного хархского опала: она имитировала денежную единицу огненной земли!.. А браслеты-спирали, представлявшие собой собрание редких драгоценных камней Харх... Пожалуй, все это следовало бы оставить дома или, по крайней мере, на время припрятать в недрах дорожного плаща.

Яллир нервно пощелкал пальцами и, сцепив их в замок, спрятал за спину. Хотя, если подумать, с чего бы ему кого-то стесняться? Эти богатые украшения – награда за сложное, опасное ремесло, которому он посвятил жизнь. Не просто предметы роскоши, а заслуженные отличительные знаки, и носить их следует с достоинством! Старый пилигрим разжал пальцы, положил руки на пряжку ремня и перевел взгляд на Офлиана.

Мастер несколько не изменился с их последней встречи, а ведь с тех пор прошло почитай уж семь светооборотов. Он все так же, завидев Яллира, без тени превосходства скромно склонил голову к своей худой груди и приложил к правому виску ребро распрямленной ладони – древнейший ритуал, которым магистры, мастера и искусники Вига приветству-

ют представителей других сословий. Развернутая к торговцу фаланга мизинца была отмечена двумя темно-синими, вертикально расположенными знаками: параллельными волнистыми линиями сверху (общий знак всех магистров факультета естественных наук) и парой пересекающихся окружностей снизу (знак мастера ихтиогипноза). На безымянном пальце красовалось свидетельство того, что Офлиан имел, помимо прочего, магистерскую степень в области тонких материй. Прямо напротив «естественно-научных» линий виднелась натальная печать в виде широко открытого глаза. Яллиру в который раз стало слегка не по себе: как бы ни расположил Офлиан свою руку, это иссиня-черное око продолжало в упор смотреть на старого купца. «Очень недипломатично», – пытался он с помощью неловкой шутки отогнать неприятный зуд между плавниками. Разумеется, не вслух.

– Здравия тебе, почтенный Яллир! Светокруги летят быстрее моих скороходов-фицци в день идеальной ментальной симметрии, а ты все так же пунктуален! – стирая рукавом своего рубища капельку светло-голубой крови с запястья, непринужденно проговорил мастер.

«Видимо, кто-то из питомцев уже «поцеловал» мастера острой чешуей с утра пораньше», – промелькнула догадка в голове торговца.

– Рад, искренне рад встрече с тобой, мастер Офлиан, – поспешил он поддержать дружелюбную тональность беседы. – Еще только подходя к месту встречи с моими собратьями, я

заприметил новых особей в твоём личном стеклянном Лабораториуме. Могу ли поздравить с пополнением? Прости уж мне мое просторечие; ты ведь знаешь, что я так и не осилил этот талмуд с естественно-научными терминами, который ты мне как-то вручил за мои обывательские вопросы.

На несколько секунд Офлиан напряженно замер в приветственной позе – так, словно Яллитр вдруг заговорил с ним на древнехархском. Впрочем, для мастера приблизительно так оно и было. Пополнение? Он *поправился*? Его субтильная фигура не менялась с университетской скамьи, а регулярные пешие походы до Ученого круга и обратно, вкуче с энергозатратным уходом за своенравными созданиями фицци, только способствовали ее сохранению. Издалека Офлиан так и вовсе смахивал на студента, если не на зеленого созреваница²⁵.

Тут эксцентричного мастера осенило. Видимо, недавняя встреча с Балоахом, главой Черторга, немного натренировала ученого в ведении светских бесед.

²⁵ Созреванцы – историческое полушутливое обозначение особой возрастно-социальной группы на Вига: будущих студентов Университета, в течение двух светооборотов самостоятельно и под руководством наставников готовящихся к поступлению в это учебное заведение. В данный промежуток времени они освобождаются от домашних хозяйственных обязанностей и погружаются в выбранную ими сферу наук или искусств. Для созреванцев открыты отдельные секции университетской библиотеки, куда будущие студенты могут приходить, чтобы свободно пользоваться имеющейся литературой и практиковаться в выбранном предмете в специальных залах-«сотах» (*Т. Уаллум. Общий словарь Вига. Личная библиотека хранителя Вига*).

– Ах, да! Пополнение у Моэ и Нэлхи! – хлопнув себя по лбу, изрек он. – Да, слава искусникам, это свершилось! Теперь могу спать спокойно: пять светокругов безудержного изучения и в прямом смысле *бесплодных* попыток репродукции южноводных фицци в неволе не прошли даром, – затараторил Офлиан. В его синих глазах зажегся огонь подлинной страсти, который дарят успехи в любимом деле. – Ты ведь знаешь, как редки стали эти создания еще в VIII световехе, как не хотели я и часть моих коллег коверкать разум и изнашивать тела сохранившихся фицци в угоду «прогрессивной» политике Ингэ! Когда я под давлением его прихвостней из Обители согласился практиковать ихтиогипноз в якобы благих целях укрепления связи Нуа с другими городами и местностями Вига, то поклялся себе использовать все открывающиеся передо мной привилегии для повышения демографических показателей популяции фицци.

Разоткровенничавшись, мастер окончательно вышел за границы сухого академического языка и перешел к стилю, недопустимому даже для самых демократичных научно-популярных изданий. Проще говоря, он стал самим собой.

Все это время Лиммах и Елуам скромно стояли чуть поодаль, ловя каждое слово диалога двух легенд Вига. Лим уже предвкушал, как дома он с гордостью разложит перед *своими* скатерть-самобранку «подковровья» Университета и Обители хранителя. Этот сомнительного благозвучия термин проводник караванов изобрел сам, достигнув таким образом

предела своих ономатологических²⁶ способностей. Данная лексическая единица по понятным причинам не прижилась в высшем обществе Нуа, однако стала расхожим выражением в торгово-купеческой среде. Непритязательному Лиму этого было предостаточно. Елуам же, в свою очередь, попросту отдался во власть юношеского восторга.

– Ведаю, ведаю об этом, мой друг, – отчески закивал Ял-лир.

Его белесые, слегка волнистые пряди, вторя такту кивков, чуть запаздывающими движениями неторопливо колыхались в лазурной бездне Вига. Не закрывать лицо торговца им помогал плоский черный обруч с тончайшим серебристым венком арабески.

– И поверь старому пилигриму, – Яллир изобразил самый что ни на есть понимающий взгляд, – я всегда чувствовал твой неодобрительный взгляд перед тем, как ты закрывал глаза и сливался с сознанием своих питомцев. Когда мы по одному пролезали в их распахнутые глотки, ты обычно находился уже далеко отсюда, во всяком случае разумная часть тебя. И знаешь, мне ведь всякий раз думалось: «Да уж, вот мним мы себя высшими существами, щеки раздуваем, а порой ведь чистой воды варвары, ничем не лучше этих рыжеголовых дикарей... Одно утешает: Офлиан сейчас не ви-

²⁶ В данном случае **ономатология** (наука об обозначении) понимается как отдел языкознания, изучающий принципы и закономерности обозначения предметов лексическими средствами языка. *Прим. автора.*

дит, как мы набились, точно икринки, в рыбе чрево и ждем, когда зашевелиятся плавники в сторону огненной земли или Расщелины».

«Ох, закручивает свои басни старый черт, – подумал Лимах. – Не иначе как молодчик Елуам ему о былых подвигах напомнил и язык наконец-то куда надо подвесил. А то ишь растерял, разменял на спокойную старость свою торгашескую натуру: дом знай все украшает диковинами хархскими (конечно, столько добра оттуда напер, не все же Ингэ под ноги вываливать!), в Черторг ни ногой, а спросишь чего – ни гу-гу! Еще и поглядывать стал свысока. Это хорошо, что Балоах его наставником на инициацию нового купца определил. Как только он уговорил эту угрюмую, отошедшую от дел «легенду»? Ну на то он и Балоах. Известное дело – в горло тебе вгрызется, эо из тебя хлеще морского монаха высосет, а своего добьется да ни гроша не уступит. Истинно – мастер! Вот кто должен молодым купцам примером быть! Особенно тем, которые трусливо дрожат перед Расщелиной. Тьфу ты, совсем измельчали выходцы из школы прославленного Черторга! Это ж еще самый что ни есть достойный, Елуам этот; выбирали-то аж полсветооборота всей купеческой братией. Да уж, выбрали, нечего сказать! Не боялся я за него, а теперь вижу, что придется...»

Тем временем мастер одного из величайших на Вига искусств и обладатель парадоксально простосердечного эо, Офлиан, не усмотрел во внешней солидарности Яллира ни

тени его прославленного дипломатического хитроумия. С родительской гордостью поглядывая на двух огромных прозрачных существ, нависших в правом нижнем углу аквариума над стайкой своих уменьшенных копий, мастер увлеченно зачистил:

– Конечно, варварство! А как еще можно назвать такой способ обращения с исчезающим видом? Сколько их вообще осталось в нашем государстве? Страшно подумать – всего три аквариума: у нас, в Лагеппе и в Инма. Все, больше ни единой особи на весь Вига.

– А как же водораздолье? – Сохраняя искреннюю заинтересованность на лице, Яллир поспешил щегольнуть островками знаний о географии миграции фицци. – Я имею в виду то из них, куда покамест не дотянулись «прогрессивные» длани Ингэ.

Все трое, включая недоумевающего Офлиана, вопросительно уставились на седого пилигрима. Его, в свою очередь, это изрядно рассердило: с каких это пор именитые представители Университета и Черторга позволяют себе такие пробы в знаниях? Ведь сейчас он им не раскрыл ровным счетом ничего нового. В особенности маху дал, конечно, господин мастер ихтиогипноза. Ибо спроси сейчас любого созреванца-естественнонаучника – тот без запинки тебе отбарабанит, что-де «фицци южноводные на пороге фатальной депопуляции развили в себе мощный инстинкт продолжения рода и, следуя ему, совершили глобальную миграцию в Восточ-

ное водораздолье между городами Ямэ и Гифу, в то время как из южных и западных независимых вод этот вид был полностью выловлен и функционально распределен по университетским аквариумам согласно приказу хранителя Ингэ».

Между собеседниками повисла физически ощущаемая тяжелая пауза. Никто не хотел брать на себя неприятную роль гонца с дурными вестями. Даже с поправкой на то, что для довольно-таки широкого круга посвященных никакие это уже были не новости, а неосведомленность Яллера – лишь следствие его полуотшельнического образа жизни. Как и следовало ожидать, «гонцом» стал толстокожий Лиммах. Он сощурил левый глаз, потеревил дорожку черных турмалиновых колец в своем ухе и просипел:

– Морские монахи.

Яллер ничего не ответил, вопреки ожиданиям всех троих. Он продолжал стоять как вкопанный, переводя взгляд с одной фигуры на другую. Он будто бы ждал, что ну вот сейчас... сейчас кто-нибудь первый сломается, не выдержит и засмеется в голос. Да так заразительно, что и остальные без промедления подхватят. А уж потом и он, провалившись в мягкий пух перины облегчения, непременно поддержит их своим искренним хохотом. А пока заслуженный пилигрим определенно не намерен демонстрировать, что поверил легендам этого сатирического ансамбля. Притихли-то как! Ох и потеря для факультета художественного мастерства! Какие таланты, оказывается, прозябают в стенах Черторга и Уни-

верситета! Да, именно так он бы потом им и сказал. Думают, его так легко провести? Не дождутся!

Часовик отмерил своими цветными счетами еще одну минуту затянувшегося молчания, ставшего откровенно неловким.

Никто так и не засмеялся.

Лиммах прикусил язык и исподлобья взирал на эффект, вызванный словосочетанием, только что растревожившим безмятежную утреннюю лазурь окраины Нуа.

Морские монахи.

«Нет, – продолжал мысленно сопротивляться Яллитр, – это не более чем издержки фантазии театральных драматургов Нуа, объединенных склонностью к мистификации и жаждущих освежить классику жанра противоестественными образами из своих дурных снов. Или, что более вероятно, плод порочной связи событийного вакуума столицы и темного фольклора, дотянувшегося сюда своим нечистым языком из самой глухомани Вига. Он, видимо, преодолел высокий барьер образования, науки, культа знаний, отрицания иррациональных материй и каким-то непостижимым образом заполз в эо жителей Нуа, чтобы постепенно отравлять восемь жидкостей их внутренних сосудов. Дожили. Bravo, Университет! Низкий поклон тебе, Черторг! Вот уж правда стоило впервые за долгое время покинуть родной дом, чтобы воочию узреть, как этот язык обвинил интеллектуальный и торговый цвет Нуа. Как с ними дальше работать – ума не

приложу: совсем ведь спятили! С огненной земли, что ли, сюда суеверий и портовых трактирных баек недобрым течением занесло?» Набегая одна на другую, волны гнева шипели, путая обычно размеренные мысли Яллира.

Общее ритуальное молчание было громче дружного хора разъяснений и доказательств.

Верить этому молчанию или нет, Яллир пока не знал. Что бы там ни происходило за пределами его домашнего очага, он определенно был не тем вига, который в порыве бездумного энтузиазма импульсивно хватается за брошенный ему канат, туго сплетенный из материалов неизвестной природы. Что, если его пеньковые волокна пропитаны не смолой, а ядом? Долгая, насыщенная событиями жизнь дала Яллиру ценный урок: не устремлять свое эо в темные воды, особенно по воле *других*. У тех *других*, вполне может стать, на обратной стороне языка пришиты собственные мотивы, личная заинтересованность в выдаче тебе проклятых координат. Когда бросишь якорь в мрачную бездну этих вод, поддавшись чужому влиянию, – поздно будет осмыслять, да и жалеть о чем-либо. Поминай как звали! Если бы он, Яллир, не соблюдал свой собственный завет, возможно, не развевались бы сейчас волны его волос здесь, в мире живых... Вполне вероятно, что они уже давно были бы рассеяны жестоким суховеем по выгоревшей земле одного из хархских Пепелищ.

«Нет, по всему выходит, что призвание не торопится отпускать меня на покой. Не желает, чтобы я нашел умиротво-

рение и утешение за жемчужными плитами своего дома. И никак не хочет принять обратно мою мантию с секретами огненной земли, чтобы передать ее новому поколению торговых пилигримов», – рассуждал про себя Яллир, всеми силами пытаясь стряхнуть липкие обрывки «фольклорных» историй, долетевших теперь и до его ушей из забытого искусниками подводного захолустья.

«Вот он, новый вызов. И теперь моя обязанность в другом. Нынче она не в том, чтобы любой ценой доставить на Вига необходимые товары. На сей раз задача моя гораздо сложнее. Я должен, обязан любой ценой защищать себя, свое эо, свой пока еще не замутненный разум от плодов извращенного воображения провинциальных бездельников! Это вовсе не удивительно, что те, кто оставил пустыми седьмой и восьмой фрагменты своего сосуда и бросил свое призвание на произвол судьбы, теперь заполняют их чем попало. Кто пестованием своих пороков, кто распушенностью бескостного языка, а кто и чудовищными образами, являющимися им в сгустках переработанного лихриана²⁷. Да так оно и есть, чтоб

²⁷ Лихриан (или черный целитель) – очень редкий подводный пластинчатый гриб, в спорах которого содержится мощное обезболивающее вещество, играющее огромную роль в медицинской практике на Вига. Для его извлечения пластинки лихриана измельчаются до порошкообразного состояния, после чего подвергаются сложной процедуре экстракции в Лабораториуме Нуа. Полученное снадобье в сочетании с солевым раствором и соком обыкновенной морской капусты оказывает успокаивающий эффект в зоне повреждения любого характера. *Лихриановая мазь* – обязательный компонент «сундучка первой помощи», который вига держат не только в своих лечебницах, но и дома. Обратная сторона

меня! Вот что значит *вернуться в русло логики!* Вот чему я должен обучить Елуама, пока остальные отдают дань новой моде воскрешения фольклорных рудиментов! Пусть делают что хотят, а я не для того всю свою жизнь – и в минуты внутреннего штиля, и на гребне искушений – как заправский эквилибрист, удерживал баланс своего эо, чтобы сейчас бездарно расплескать его! Не дождётся!»

Отбросив призраков из глухоманей Вига на безопасное для своего разума расстояние, Яллит снова взял себя в руки.

– Юмор, однако, у вас, друзья... – с напускной небрежностью проговорил он. – Друг на друге в столичных кругах, небось, уже давно эту хохму опробовали, а теперь вот она и до меня добралась. Остро, остро... Признаться, я чуть было в нее не поверил. Но все же, *друзья*, – окончательно вернувшись к своей назидательной интонации, купец легонько пригрозил пальцем собеседникам, – будьте осторожней с подобными шутками. Не мне вам рассказывать, как в Обители относятся к заигрыванию с мифами и перевиранию древних преданий. Да и оказаться заподозренными в следах лихриана на плавниках – а откуда еще взяться подобным бредням? –

черного целителя в том, что в переработанном виде при втирании в плавники вига он вызывает легкий дурманиющий транс, длящийся до трех светошагов. После экстракции успокоительных веществ ученые Лабораториума, согласно установленному регламенту, тщательно утилизируют желеобразные остатки лихриана. Тем не менее наличие черного рынка данного вещества на Вига отрицать нельзя (Ф. Нолмух. *Разнообразиие подводной флоры Вига. Архивы королевской библиотеки на Харх*).

я бы вам тоже не желал.

Елуам, Офлиан и Лиммах, словно связанные круговой порукой заговора, все так же стояли тремя окаменевшими безъязыкими фигурами. Каждый из них по-своему жалел о необдуманном словосочетании, слетевшем с губ Лиммаха. Больше всех жалел сам виновник неожиданной смуты: проводник караванов крепко отругал себя за врожденную несдержанность, которая чуть было не рассорила их с консервативным Яллиром – закоренелым противником любых «варварских верований». Достаточно одного взгляда на старого пилигрима, чтобы раз и навсегда это уразуметь. Еле сдерживаемый праведный гнев на его лице, раздраженное передергивание плечами, менторский тон – все это указывало на глубокое отвращение старика к «росказням» и «небылицам». В особенности к тем из них, что подразумевали проникновение в воды Вига. Хватит с Яллира и Расщелины – этого «уродливого, но одновременно необходимого шрама на благородном теле нашего государства», как говорил о ней седой торговец.

«Этот шрам истязает Вига смрадом своего черного гноя, но нельзя отрицать, что это справедливая цена за возможность следовать нашему призванию», – обязательно добавил бы кто-нибудь из купеческих пилигримов старой закалки.

«И как ты, старина Ял, не кривись, а все же в эту цену включены еще и тысячи жизней вига, спасенных вселекарем», – напомнил бы ему еще кто-нибудь из собратьев. И,

пожалуй, на этом бы не остановился: «А скажи на милость, это иноземное лекарство попало бы в наши воды, коли бы не этот самый «шрам»? Ну да, да, косвенно. Разумеется, косвенно! Какой же ты иногда сноб и зануда! Никто здесь не умаляет твоих караванных подвигов, красноречия и легендарной дипломатии; тебе чуть ли не сам Ингэ в ноги кланяется, о великий доставщик вселекаря! Но ты бы все же не забывал, откуда растут корни этих твоих подвигов. Мудрость, которую ты так превозносишь над прочими качествами, – это синоним целостности как жидкостей эо, так и оценки происходящего. А в твоей картине позорной прорехой зияет пресловутая Расщелина, которую ты, дружище, видишь только одним глазом, а раскрыть второй упрямо не желаешь. Удивительное ты создание!»

Оборвавшийся на «монахах» светский диалог Яллира и Офлиана безнадежно разошелся по швам. А вместе с ним испортился и внутренний настрой, который старый торговец мастерски наладил в себе перед встречей с собратьями. Результат кропотливой духовной работы разбился вдребезги о противоестественные призрачные видения, которые якобы рвутся материализоваться в подводной цитадели разума и логики.

Нервно порывшись в карманах мантии, Яллир резким движением извлек крошечную колбу с часовиком. О великие искусники! Ее прозрачные грани уже переливались зеленым цветом. И вовсе не тем неуверенным оттенком, свой-

ственным молодому первотравью, а насыщенной глубиной изумруда. Прекрасно – еще и задержка с отправкой! По расчетам Яллира, их купеческий отряд должен был уже всюду держать курс на границу миров, подпирая бока друг друга в эластичном желудке фици. Ну вот, они еще и опаздывают. Неизвестно теперь, как встретят их *там*. Может, конечно, гурилии их и не ждут вовсе. А если ждут?

Все определенно пошло не по плану, скрупулезно вычерченному в уме бывалого пилигрима. И если схемы этого плана и содержали в себе ряд погрешностей и допущений, то подобная непунктуальность в них уж точно не значилась. «До чего же банально!» – злился на себя и всех вокруг Яллир. Обыденная издержка общей безответственности – «извечного проклятия любых коллективных деяний», как еще во времена лихой молодости окрестил он ее про себя. Потому и любил уединенные вояжи на огненную землю в компании, ограниченной проводником караванов и встречными рыбыми стаями. Тем паче что такой расклад исключал необходимость делить потом с кем-либо пьянящий нектар почестей. Беря на себя все риски и всю ответственность, Ял по возвращении на Вига до одури упивался славой. Вопреки предостережениям и увещаниям Черторга.

А может, даже и назло.

Что ни говори, а это действительно было счастливое время. И, увы, оно безвозвратно ушло, прихватив с собой былые победы и наслаждения. Теперь же все – абсолютно все! – шло

не так: и пустые ничемные глухоманные сплетни, и этот защитник бедных исчезающих фицци (или *кораблеплавов*, как втайне от Офлиана зовут их в Черторге). И, наконец... хотя нет, это, пожалуй, самое главное: неслыханное в торгово-караванной практике Ялтира нарушение его личного фирменного этикета: они опаздывают!

Не успев покинуть окраину Нуа, не успев забраться в фицци, они уже опаздывают!

Седой купец старательно скрывал склонность верить в приметы, которая при всей своей противоречивости прекрасно соседствовала в его эо со здравомыслием и рациональностью. Ялтир глубоко вздохнул: опоздать еще до начала пути всегда было дурным знаком – проверенным на опыте, доказанным многочисленными примерами.

Еще один тяжкий вздох, последний горький взгляд в сторону теперь уже ярко подсвеченных дневными лучами очертаний родного города. И вот он – первый шаг Ялтира в сторону прозрачных стен аквариума, где уже готовится к дальней дороге устрашающе огромная фицци.

Ее зовут Ахха. И в ее круглых бордовых глазах будто бы тоже застыл ужас – глубокий и непостижимый.

Глава 8 Огненный корабль

Силуэты принца Бадирта и жрицы Йанги растворились в проеме высоких каменных арок, слившись с полумраком Святилища. Массивные створки дверей очень медленно, словно блюдя предписанную торжественность, сошлись,

чтобы отделить мир сакрального от греховной сферы мирских страстей. Окайра не спешила покидать некогда горделиво поблескивающую сусальным золотом, а теперь начисто протертую хитонами брусчатку входа в храм Огненного бога.

Королеве было мучительно больно в который раз отпустить руку своего сына именно в тот момент, когда он вот-вот был готов снова стать ее. Ведь юный Бадирт – королева могла поклясться! – уже хотел опуститься перед ней на колени и в незамысловатой детской исповеди вручить ей ключ от секретных каморок своей души. Вот и сейчас в по-прежнему раскрытой ладони Окайры еще хранилось тепло сыновьей руки, но ее обостренное материнское восприятие уже улавливало малейшие движения воздуха, беззастенчиво расхищавшие это бесценное сокровище.

Ничего удивительного в том, что разгоревшееся с новой силой беспокойство королевы заставляло ее раздражаться даже на ветер – «эхо благого дыхания Огненного бога». Осталось лишь добавить щедрую порцию самобичевания за такие кощунственные мысли в котел закипающих эмоций. Как следует перемешать. Приправить щепоткой жгучей ревности к верховной жрице. И на поверхности этого кипящего варева проступят перекошенные черты королевы, от которых с отвращением отпрянет она сама.

Затуманенный взгляд Окайры, уже потерявший фигуры Бадирта и Йанги, неподвижно застыл на филигранном барельефе воссоединенных дверей-близнецов, что пару мгнове-

ний назад закрылись за ними. Эти превосходные образцы художественного литья обычно не только эстетически восхищали монархиню, но и вызывали в ней благоговейный трепет. Поднимаясь по широким ступеням к Святилищу, она, по обыкновению, еще издали силилась разглядеть исполинское звездное тело, покоящееся на самом верху громадных дверных створок. Его выпуклое изображение, искусно покрытое красным золотом и узорами из цитриновой пудры, было симметрично впаяно в гладкий иссиня-черный мрамор храмовых дверей. В зависимости от угла падения лучей сияло оно всегда по-разному: то грозно и воинственно, то умиротворенно и безмятежно. В любом случае Окайра всегда чувствовала – нет, она *знала*, – что рукотворная Матерь звезд приветствует ее и показывает, что готова озарять своим священным светом духовный путь королевы.

Теперь же Окайре казалось, что светило, к которому она изо дня в день безустанно устремляла тонкие энергии своих молитв, отвернулось от своей смиренной подданной. Багряные отблески красного золота, отмечающие место встречи величественного изваяния с лучами настоящей Матери звезд, вдруг изменились. Греющие душу язычки пламени уступили место равнодушным кровавым всполохам. Как неотвратимость предзнаменования. Как заходящий с почерневшего морского горизонта зловещий вихрь смерча. Как дьявольский сухой скрежет Скарабея по небесному своду.

Соединенные половинки металлической Матери звезд на

дверных створках и взметнувшиеся алебарды воинов личной армии верховной жрицы, казалось, непоправимо разделили мать и сына.

Окайру предал даже ветер. В этот раз «благое дыхание» не дотянулось до входа в храм, хотя его норовистые игры нередко разрезали клубы жреческих благовоний. Ветер замер, словно затаил обиду – так же как и Бадирт. По левому виску Окайры пробежала ледяная капля пота, а по тонкой змейке пересохших губ – мелкая нервическая дрожь. Лицо королевы потеряло одухотворенность, проступили мимические свидетельства страдания и беспомощности.

Бронзовая Матерь звезд – вещественный образ ее безусловной веры – с обжигающей жестокостью и ядовитым презрением смотрит прямо в слезящиеся глаза Окайры.

Мир заволкло серыми клочьями слепой, подрагивающей пелены, даже ярость и отчаяние притупились, обточенные ее колыханием. Эти волны заволкли кипенно-белой пеной даже металлическое кровавое мерцание Матери звезд. Они растворили в себе и овалы купола Святилища.

Окайре стало дурно, она с тихим стоном медленно сползла по шершавой храмовой колонне на нагретые плиты с полинялой от времени позолотой.

Этого не видели и не слышали королевские стражники, которым в преддверии важного разговора было строго приказано «сохранять расстояние в пятнадцать шагов и держаться за пределами внутреннего двора Святилища».

Начальник стражи замка-горы Рубб хоть накануне и отметил некую эксцентричность требования обычно скромной Окайры, но все же не нашел веских доводов для возражения. «В любом случае храмовые стены – едва ли не самое безопасное место на всем Харх, – мысленно рассудил он. – Пусть себе общаются без посторонних глаз и ушей. Все-таки Бадирт входит в интересный возраст... А Святилище – вполне подходящее место для духовно-воспитательных бесед. Своих-то солдат уж я сам как-нибудь воспитаю, а здесь мать и сын – совсем другое дело. Нужно понимать. Да и когда я отказывал нашей святой королеве, которая денно и ночью молится о грешных душах своих подданных?»

Именно поэтому четверо стражников, сопровождавших Окайру, со всей ответственностью продолжали выполнять приказ Рубба, выдерживая указанную дистанцию. Дистанцию, которой, разумеется, оказалось достаточно, чтобы сквозь их шлемы не просочился ее тихий стон. Стражники горделиво сохраняли свою помпезную стойку за воротами Святилища, любясь живописным морским пейзажем и мечтая каждый о своем.

А вот воины в черных доспехах, отмеченных нагрудными золотыми треугольниками, воины, что грозно возвышались напротив храмовых дверей, не были королевскими стражниками. Они не относились ни к одной из многочисленных воинских частей острова Харх.

Сквозь узкие прорези забрал они прекрасно видели, что

случилось с подлинной королевой, законной женой короля Каффа. Долетел до их ушей и приглушенный страдальческий вздох.

Ни один страж не пошевелился.

Бадирт пребывал в прекрасном расположении духа. Во всяком случае, с того самого момента, как, пересчитывая фигурки на цитриновой чаше во время беседы с матерью, услышал за спиной знакомый голос. В его хрипловатых вибрациях принц уловил целую симфонию значений и смыслов. Он уверенно выхватил из ее ритмического рисунка важные для себя ноты: сдержанное жрицей слово об их уединенной встрече, особое к нему, Бадирту, отношение и, конечно, почтение к его королевской особе. А самое главное – в этой музыке отчетливо слышалось обещание избавить принца от скучных и утомительных бесед с *матушкой*.

Определенно никакой иной голос – скажем, Убраха, строгого наставника в боевых искусствах, или Шиффи, старой няни принца, или даже звучный бас Каффа – не заключал подобной силы. Заслышав любой из них, королева уж точно не прервала бы свою родительскую проповедь.

Но на каждое правило находится свое исключение, и Йанги прекрасно справлялась с этой ролью.

«Как все удачно сложилось, – не переставал ликовать про себя Бадирт. – Р-раз – и все! Один *ее* кивок – и я свободен как ветер. Таким я и хочу быть: знай себе носись по Харх,

смотри, кто как живет и кто чем занимается... Заглядывая в окна к разным привлекательным особам во время их вечерней ванны, например. Кто знает, может жрица однажды и превратит меня в свирепый такой, страшный ураган! Ну хотя бы на денек... – Щеки принца порозовели от приятных мыслей. – Но только тогда я бы первым делом заглянул к ней самой. Просто узнать, нет ли где на ее теле еще одной треугольной татуировки. Ну, такой же, как на лбу. Вот бы и мне такую же! Хотя как бы я проник в ее обиталище, если оно находится в храмовом подземелье? Под землей же нет ветра, так ведь не бывает. Или все-таки есть? Хе-хе-хе! – Развеселившийся вдали от матери Бадирт чуть не рассмеялся в голос. – А вот возьму сейчас и задам вопрос об этом Йанги! А что... Почему бы и нет? Готов поспорить, она ни за что не догадается, зачем я спрашиваю!»

Безмерно довольный своим остроумием и изобретательностью, а главное, запрятанным в кулаке скрытым смыслом, юный принц поднял к высокорослой жрице свое хитро улыбающееся лицо:

– Сиятельная, тебе же известно обо всем на Сфере?

За спиной принца, словно вместо ответа, с приглушенным стуком затворились двери, ведущие в Святилище. С этого момента дневной свет проникал только через крошечные круглые окошки, высеченные в многочисленных куполах храма. Его недостаток с лихвой восполняли широкие черные свечи: своими зажженными фитилями они вырисовыва-

ли сложный узор светотени. От легкого сквозняка, успевшего просочиться внутрь еще до закрытия дверей, сотни огоньков плавно подергивались. Будто подчиняясь чьей-то воле, они танцевали на своих восковых подмостках. Разыгравшееся воображение принца мгновенно сообщило ему романтическую фантазию о пламенеющем золотом корабле, который мерно покачивается на волнах ночи, унося их с Йанги очень далеко из Святилища. Туда, где Огненный бог вдыхает звездную пыль и космическую вечность, а выдыхает ветер. Тот самый, о котором и грезил Бадирт.

– Сфероустройство ведомо мне ровно в той мере, которую мудро отсчитал мне Огненный бог, – ответствовала жрица, бесстрастно вглядываясь вглубь свечного хоровода. – Для каждого эта мера своя. А значит, я, как и любой хархи, знаю о Сфере все...

– Так я и думал! – восторженно перебил жрицу принц. – Именно так! Тогда позволь мне спросить...

– ...и ничего, – закончила Йанги свой хитросплетенный софизм – излюбленное средство общения с верующими.

Эти слова могли смутить, да что там – напрочь сбить с толку простолюдинов. Ровным счетом ничего не поняв из пространного высказывания, они тем не менее с проворностью пчел растащили бы его пыльцу по Подгорью. А заезжие торговцы, представители иноземных гильдий и кочевые племена врахайи²⁸ потрудились бы осуществить перекрест-

²⁸ Врахайи (от др.-хархского: «вруа» – дети, «хайа» – вольный) – древние коче-

ное опыление всей необъятной территории Харх новой мудростью.

Но так уж вышло, что Бадирт не был простолюдином, а к витиеватым изречениям он силами Йанги и Окайры был привычен с детских лет. К тому же, как ему казалось, со временем он научился отличать нейтральные высказывания воспитательно-религиозного толка от попыток манипулировать им.

«Ну уж нет, милая Йан, ты не будешь обращаться со мной

вые племена огненного острова. Эти выходцы из южных земель Харх в ходе своей кочевой жизни тесно ассимилировались с населением самых различных регионов острова, в результате чего частично утратили культурно-этническую идентичность. В настоящее время врахайи – фактически плавильный котел, удерживающий в себе гремучую смесь южных, северных, восточных и «срединно-горных» кровей, дополненную таким букетом разномастного фольклора, обрядов, верований и традиций, что один ее глоток сбивает с ног неподготовленного дегустатора. «Вольные дети» так непохожи между собой, что на первый взгляд не кажутся единой народностью: в одном и том же племени могут с легкостью ужиться врахайи с внешностью как коренных северян Харх, так и златолицых поселенцев восточных земель острова. Единственный общий признак, по которому можно безошибочно определить, что перед вами огненный кочевник, – его врожденная темно-карминная отметина в виде туго закрученного рога. Она может быть любой по размеру, интенсивности цвета и даже месту расположения на теле, однако, если в роду числится хотя бы один врахайи, отметина вечно будет передаваться другим поколениям. Мы склонны полагать, что форма этой естественной татуировки напрямую связана с особым отношением дугорогов к островным кочевникам. На сегодня рассматриваемая народность – единственная, которой удалось подчинить себе этих своенравных высокогорных бизонов, не исключая период созвездия Дугорога, когда те выходят из-под контроля (Е. Эддмэу. *Этнографические заметки об острове Харх. Секция университетской библиотеки «Основы сфероустройства» для созревanceв на Вига*).

как с ребенком, – заговорил в Бадирте *детский* протест. – Хватит с меня матушки!» Он поднял на жрицу взгляд своих сощуренных лимонно-зеленых глаз – отчетливый признак зарождающейся обиды – и заявил:

– Это ответ не для подлинного принца огненной земли, моя духовная мать.

Бадирт тщился подкрепить впечатление, произведенное на Йанги, стараясь извлечь самые низкие ноты из диапазона своего ломающегося голоса. Управлять им, особенно в минуты волнения, принцу было не легче, чем взнудать непокорного жеребца из диких восточных степей Харх. Он чувствовал это и от бессилия раздражался еще сильнее.

Йанги, храня поразительное – на грани безразличия – хладнокровие, лишь чуть заметно улыbnулась. Одними изящными губами, изгибом напоминающими натянутый лук.

Бадирт уже пожалел о том, что позволил себе вольность, которая, безусловно, сошла бы ему с рук в замке-горе, но здесь, в Святилище, была более чем неуместна. Запертый в ловушке собственной дерзости, принц при всем при том понимал: он должен завершить неудачно начатую мысль.

– Я хотел сказать, – почти кротко молвил он, – что мне бы искренне хотелось озарить свой беспокойный разум хоть слабым отблеском пламени истины, что ты щедро несешь всем нам, Сиятельная. – Буквально физически ощутив на языке убедительную мощь этой лести, Бадирт остался дово-

лен.

Даже строптивый тембр голоса на время стал с ним заодно: столь любимые принцем низкие ноты возобладали над ненавистными писклявыми обертонами. Все это придало юному оратору уверенности в себе, и он поспешил окончательно реабилитироваться:

– Меня, как будущего правителя огненной земли, с недавнего времени стали занимать универсальные вопросы сфероустройства, а непросвещенные обитатели замка-горы не в силах удовлетворить даже самые простые из них. – Одна хитрая мысль по цепочке передавала эстафету другой так быстро, что принц даже не был уверен, успевает ли за ними. – Поэтому, стоя здесь, я скромно взываю к простейшим истинам и законам природы, знаниями о которых благословил тебя Огненный бог. Могу я рассчитывать на их мельчайшую крупичку, о Сиятельная? – Для усиления эффекта Бадирт придал взгляду столько смирения, сколько в его глазах никогда не находила *родная* мать.

Как ни крути, а семилетний опыт участия в заседаниях совета и других официальных мероприятиях, куда регулярно брал сына дальновидный Кафф, не прошел даром. Получилось-таки выйти из щекотливого положения! И, надо сказать, потребовалось для этого не так уж много: покорность, восхищение, чуть-чуть лести... Не без удовольствия Бадирт открыл для себя, что в некоторых аспектах верховная жрица немногим отличается от обычных женщин-хархи. Вон как

его словесная уловка переменила ее лицо! Принц хорошо знал эту улыбку – за ней крылись одобрение и благодущие. Именно то, чего он хотел.

«Кто знает, Йан, – мечтательно взглянул Бадирт на свою «духовную мать», – может, однажды я тоже научусь управлять другими. Или даже тобой...»

Свечей в храмовом мраке будто бы прибавилось, и вокруг Йанги и Бадирта запылал круг развевающихся огненных парусов. Парусов корабля, который уносил их все дальше от обыденности и предрешенности островной жизни, заключенной в вечную мантру звездных циклов. Мимо с невероятной скоростью проносились созвездия. Они казались принцу мириадами пузырьков с доисторическими насекомыми, закованными в янтарный саркофаг размером с небо.

Жрица медленным движением взяла длинную лучину с полочки из черного оникса, высеченной в широком ободке гигантского алтаря с плавучими свечами – старшего брата того, что встречал посетителей в колоннаде у входа. Затем еще медленнее коснулась этой лучиной макушки Бадирта, слегка поиграв его редкими черно-рыжими прядями. В ответ на прикосновение принц почувствовал легкое дуновение нагретого звездными лучами ветра.

Ветра? Ах, о нем же Бадирт и хотел расспросить Сиятельную в самом начале их немногословной, но столь *многозначительной* беседы. Так что же именно он желал узнать о свойствах этого природного явления? Может быть, умеет

ли ветер говорить? Или, скажем, понимает ли Йанги его воздушную каллиграфию? Приносит ли он ей вести из других земель – оттуда, где огонь вовсе не божественная стихия для всеобщего поклонения, а мир живет по совершенно иным законам?

Стоп. Откуда у него, Бадирта, вообще эти мысли? Никто ведь не посвящал принца в подобные еретические откровения. Островное разнотравье сказаний, легенд и перевернутых поколениями пророчеств, рожденное необузданной фантазией жителей Харх, все же не оставляло свободы для подобного вольнодумия. Кто же тогда вдохновитель столь смелых рассуждений? Старая няня принца – Шиффи? Вряд ли. Ее сказки были вообще отрывками из Семи наставлений, переложенными на басенный лад, дабы легче усвоил их неокрепший разум маленького Бадирта. Быть может, старшая сестра Рувва? Отнюдь нет. Сюжеты древних мифов, которые в далеком детстве принца она оживляла по вечерам, лежали в той же морально-религиозной колее.

По всему выходит, что образы иных миров сами зародились под монархическим опаловым венцом. Совершенно очевидно, что они – не результат воспитания матушки, няни, жрицы и множества других наставников будущего наследника огненного трона Харх. Это плод его, только лишь его собственных мыслей, снов и диалогов с самим собой во время уединенных прогулок в королевском саду камней и вдоль морского берега, на достаточном расстоянии от бдительных

воинов Рубба.

Может, пришло время поделиться ими с Йанги? В любом случае принцу не приходится выбирать доверенное лицо. Его секрет узнает Йан или не узнает никто. Решено! Это будет их маленькая тайна – драгоценная жемчужина, бережно извлеченная из подсознания принца и нашедшая свой новый дом здесь, в Святилище. Она будет вечно жить за надежно сомкнутыми створками из черного мрамора, и охранять ее будут суровые молчаливые стражники.

Как ту, другую тайну... из далекого прошлого, лишённого воспоминаний.

«Лучше не придумаешь! – возликовал про себя Бадирт. – Определенно, стоило выждать время и проявить должное терпение, чтобы найти самое лучшее убежище для моего секрета на всем Харх! Вернее, – подумав, поправил себя он, – их будет целых два: своды Святилища и сама верховная жрица. Стены храма вберут в себя мою тайну, и она будет жить в их камне, покуда угодно Огненному богу. Ну а став частью души его подлинной посланницы, образы из моих потаенных мыслей обретут заслуженное бессмертие. Всесильная Йанги поделится этим даром с моей тайной, я уверен!»

Шабаш растущих на глазах свечных огней, извивающихся в разнузданной пляске и пожирающих своими языками сакральный полумрак Святилища, будто бы подталкивал принца к признанию. Храм плотно окутало дурманное мускусное соцветие. На его ложе слились в одно целое ша-

фран, бальзамический дым ладана, дразнящий флердоранжевый нектар и животная землистая амбра, чтобы бережно запеленать Бадирта слоями сложного аромата. Они бесшумно расползались по его сознанию, чтобы раздобыть – а если не получится, то выкрасть – таящийся в его недрах *секрет*. Чтобы незаметно вложить этот вожделенный кристалл в откровенную речь принца перед верховной жрицей, дабы он наконец раскрыл ей свои видения.

Йанги, не отрываясь, смотрела. Не на Бадирта, а внутрь него. Словно она свободно и беспрепятственно плыла по течению его внутреннего мира, плыла без карты и компаса, ориентируясь вслепую и на ощупь находя нужные ей излучины.

Бадирт явственно почувствовал, что говорить ничего не нужно. Это будет глупо и неестественно. Это все испортит. Нельзя снова показать себя незрелым мальчишкой, умилительным в своей восторженности и детской наивности. Нужно учиться выдержанности. Той, что позволит больше не краснеть перед Йанги, не выдавать эмоций окружающим.

Тем более зачем говорить, если она и так все знает.

«Все...» – повторил мысленно принц.

– ...и ничего, – закончила Йанги. Не иначе как выхватила начало фразы прямо из-под его опалового венца, мерцающего теплыми оранжевыми переливами на темных волосах Бадирта. – Вижу, ты прекрасно усвоил истину, которая для иных так и остается недоступной, покуда на Пепелище они

не откроют дверь в вечность, – благосклонно молвила жрица.

Загадочно-отрешенная улыбка озарила бледное лицо Йанги. Ее высокие скулы еще рельефней обозначились над узкими впадинами щек. Лик верховной жрицы дышал торжеством.

В иллюминирующих чертогах Огненного бога вновь воцарилась божественная гармония. Идеальная симметрия звезд, вписанных в сложный рисунок многоугольников на потолке, была в нужной пропорции разбавлена отражениями свечных огоньков, которые, если посмотреть снизу, тоже напоминали щедрую звездную россыпь. Их хаотический танец, более не возбуждаемый игривыми движениями ветра, стих, оставив в храмовом пространстве лишь бледную тень былого буйства.

Воображаемый Бадиртом корабль причалил к спокойной гавани неги и поистине космической безмятежности. Он благоразумно оставил за бортом излишнюю суету – крест, который обречены всю жизнь влачить непосвященные, проклятые богами за глухоту к высоким духовным материям. Лишь гордость причастности к благословенной когорте избранных едва заметно покачивала этот корабль. Веки принца начали тяжелеть, а мысли накрыло пряными волокнами густого тумана благовоний. Все *другое*, оставшееся где-то там, далеко за мраморными стенами, обесценилось и потеряло свои краски. Там попросту ничего нет. Весь мир, вся его суть, истина и соль сейчас перед ним.

Так приятно раствориться... и остаться в них навсегда...

Вдруг какая-то внешняя сила грубо выдернула Бадирта из необъятной таинственной бездны. Поток свежего морского воздуха и проворные дорожки дневного света вновь проникли в Святилище.

Почему сейчас? Что им нужно?

Эти непрошеные гости бесцеремонно заявили прямоком из разомкнутых створок высоких входных дверей. Некоторые свечи мгновенно потухли, значительно усилив дымную ноту ароматического многообразия. Прямолинейные звездные лучи выбеливали сложную игру теней, сводя на нет попытки принца удержать образы волн и огненных кораблей.

Одно лишь великолепие Йанги оставалось неоспоримой константой посреди этого внезапного варварского вторжения.

Слепящая глаза продолговатая дорожка света легла меж открывшихся черных мраморных дверей и по-хозяйски рассекла Святилище пополам, мгновенно дотянувшись до ног Бадирта и Йанги. Принц зажмурил глаза, не выдержав резкого светового контраста, рассеявшего сумеречные странствия его разума. Жрица не изменила позы и выражения лица. Когда Бадирт разомкнул веки, то отчетливо увидел пять фигур, неторопливо движущихся по световой дорожке – к ним с Йанги.

Принцу не потребовалось много времени, чтобы узнать в фигурах горбуна Эббиха – он гордо возглавлял процессию, – а также двух молодых представителей королевской стражи.

Замыкала шествие четверка воинов из Снопа искр – личной армии Йанги.

Эббих пружинил по каменной плитке, волоча полы черной подпоясанной рясы: та явно была ему не по размеру. Каждое движение приближенного верховной жрицы удивительным образом сочетало гордость и смирение. Нешуточная схватка противоречивых чувств читалась в мимике горбуна, калейдоскопными картинками отражая весь диапазон переживаний. Причем по мере приближения к Йанги вращение трубки калейдоскопа стремительно ускорялось. Хищно прищуренные глазки мгновенно гасли, смиренно прикрытые веками; попытки держаться лихо подбоченясь уступали место нарочито уродливой сутулости; триумфальная полуулыбка сползала с пересохших болотно-табачных губ – и на лице проступала маска обреченной покорности. Бесконечная игра лицевых мышц переходила в откровенно отталкивающие кривляние.

Бадирт по привычке, которую так и не смог побороть, невольно отпрянул в сторону, силясь справиться с отвращением и следами детского страха перед придворным «юродивым». Нет, безусловно, подлинный наследник огненного опалового венца не боится блаженного хромого карлика. Просто тот слишком резко появился на пороге Святилища. Просто в неподходящий момент. Ведь обычно в замке-горе он за сотню шагов дребезжит своими золотыми бубенцами, словно предостерегая о возможной встрече. Что ж поде-

лать, если это шутовское облачение неуместно для священных узорчатых сводов, куда Эббих некстати приволокся в час уединения принца с Сиятельной. «Все дело в звоне, – упрямо твердил себе Бадирт. – Сегодня не было слышно звона. Я не успел подготовиться. Или убежать».

Дальше – хуже.

Продолжая улыбаться, Йанги простерла свои длинные тонкие руки навстречу хромящему к ней убожеству. Она сделала шаг ему навстречу. Бадирт остался за ее изящной спиной – созерцать, как бордовая туника послушно повторяет царственные движения, как пепел ее прямых волос своим холодным цветом усмиряет яркость ткани и обрамляет фигуру жрицы потоками чистых горных ручьев. Все это великолепии теперь было устремлено к парадоксально безобразному во всех своих проявлениях созданию.

Жрица, не удостоив выстроившихся за карликом воинов даже беглым взглядом, наклонилась к нему и непринужденно погладила кончиками пальцев замороженного Эббиха по лысой, изъеденной коростами голове. С каждым ее движением, полным щедрой благосклонности, разыгравшаяся мимика горбуна постепенно утихала. Картинки калейдоскопа сглаживались, теряя остроту контрастов и сливаясь в единое выражение смирения и покоя. И в то же время каждое прикосновение длинных пальцев Йанги к шершавой татуированной голове горбуна неизменно отдавалось тупыми гулкими ударами в самой глубине сердца Бадирта. Эти погла-

живания неприятно скребли его чувство собственности, стирая всю прелесть, всю исключительность особой связи принца с верховной жрицей. Ведь одно дело – делить ее с обезличенной массой восхищенных почитателей на проповедях и праздниках, и совсем другое – с презренным уродливым прислужником. Странно, что его вообще не поразила молния и не разразил гром за нахальное злоупотребление благосклонностью Сиятельной. Он должен, обязан был со всем доступным его низкой натуре смирением застенчиво увернуться от великодушного жеста ее руки, дабы не осквернить жрицу прикосновением к себе – олицетворению всех смертных грехов. Но нет, уродец, судя по всему, возомнил себя достойным этих рук. Достойным этой щедрости.

Достойным ее.

Что ж, ни заблуждение, ни помутнение рассудка не станут ему верными союзниками, когда придет время платить по счетам. А оно придет. Остается лишь наблюдать, как на этой ярмарке терпимости горбун нагребает себе духовных сокровищ не по карману.

Распрямляясь во весь свой рост, Йанги обратилась к карлику:

– Эббих, благодарю за своевременное служение во благо священного пламени и его смиренной паствы в лице всех нас.

Тот в ответ лишь быстро закивал, вернее, затряс головой, опоясанной серебряным обручем из мелких треугольников.

Обруч сполз ему на глаза, но одурманенный Эббих не спешил его поправлять.

Йанги невозмутимо продолжила:

– Мы с молодым принцем ожидали тебя здесь, равно как и защитников королевского покоя.

Бесстрастный взгляд жрицы скользнул по глазевшим на нее юношам в доспехах с эмблемой замка-горы. Это были разоруженные при входе Умм и Дримгур. Затаившие дыхание и мысленно приготовившиеся к худшему. У первого в голенище туго зашнурованного сапога были предусмотрительно спрятаны короткие кожаные ножны – разумеется, не пустые. Второй накануне тоже подумывал о подобных мерах потенциальной самозащиты, но в итоге так и не решился на них: а что, если прегрешение раскроется?

Йанги знала об этом. Знала еще до того, как перед Уммом открылись храмовые двери и он явил ей свой лик, полный недоверчивого напряжения и страха перед будущим.

Однако вместо того, чтобы обрушить гнев на головы стражников, Йанги с гостеприимством доброй хозяйки простерла к ним руки и проникновенно изрекла:

– Не бойтесь, доблестные защитники нашего подлинного короля и его благоденствующей семьи. Огненный бог, как вы знаете, столь же грозен, сколь и справедлив. Если корни ваших проступков не достигли отравленной почвы пятигрешия – многоглавого змея, которого молитвами Матери звезд сразил в смертельной схватке Огненный бог, – то расплата

не будет ни кровавой, ни мучительной.

Дримгур вздохнул с облегчением. Как выяснилось, рановато.

– Но если кто-то из вас переступил хоть слово из Семи наставлений – в деяниях ваших или силой лукавого умысла, – голос Йанги пронзил храмовую тишину всеми оттенками грозового раската, – священное пламя оплатит вам тем же.

Умм дал этому раскату пройти через себя. Он готов был поклясться, что почувствовал, как жреческий голос рассекает его грудную клетку, будто нож масло. Детство и отрочество пронеслись перед ним обрывками снов и воспоминаний. Главный грех Умма – отступничество от судьбы, родных и корней – вдруг отделился от него и воспарил грозным черным призраком.

Он все понял: *она* знает, бежать некуда, а уповать на помощь небес – глупо и бессмысленно.

Глава 9 Благословение отчаянием

Сердце Илари ускоряло ритм по мере приближения девушки к ядру государства Вига – Университету Нуа. Кора наук и мантия искусств облекали это ядро столь тесно, что порой у подводных обитателей рождался резонный вопрос: а выдержат ли эту ношу стены древних башен? Не рухнут ли они однажды под тяжестью знаний, открытий, архивов и манускриптов? Однако – то ли назло сомневающимся, то ли восславляя своих именитых архитекторов – уже много све-

тооборотов Университет неизбежно господствовал на старом месте. Это самое высокое в столице здание – выше даже Обители хранителя – заносчиво вздымало свои семь разноцветных башен над прочими городскими строениями, словно стремясь пронзить ими «небесный свод» водорослей кругах. Видимая из любой точки города и его окрестностей, академическая твердыня казалась выдутой из толстого матового стекла. Причем, учитывая ее размеры, не слишком уж надуманным выглядело предположение, что сделано это было в гигантской тигельной печи силами какого-то мифического великана.

Так все и виделось Илари. И было отчасти правдой.

Эпоха дерзкого реформатора Золиатта, ознаменованная масштабными архитектурными реконструкциями, которые резвыми протоками разбежались из истока в Нуа по территории Вига, оставила значительный след и на образе Университета. Его старое здание, возведенное в I световехе из гладких камней семпау²⁹ и еще не успевшее потерять внешнего до-

²⁹ Семпау – плоские камни серо-серебристого цвета, напоминающие крупные плиты неправильной формы. Появились вследствие длительного процесса разрушения древних горных пород, некогда образующих семь высоких узких скал (Семипалье), возвышавшихся единым комплексом прямо из моря Вигари. Используются в зодчестве и алхимии, ценятся за высокое, буквально магнитное сцепление друг с другом, благодаря которому не нуждаются в специальных скрепляющих растворах. На сегодня большинство скал Семипалье разрушено: три – естественным путем, а две – силами камнедробительных молотов и рабочих Черновика с целью добычи этого уникального строительного материала. Судьба оставшихся двух обитаемых скал – Безымянной и Седой карлицы – пока неиз-

стоинства, снесли, чтобы освободить место для смелой зодческой задумки нового архитектурного поколения. К тому времени алхимическая кафедра факультета тонких материй только-только принесла на алтарь наук Вига очередной дар – жидкое стекло. Мастера зодческого ремесла поспешили дополнить открытие целым букетом вариантов применения нового свойства старого материала. Светокруги напряженной совместной работы лучших представителей обоих факультетов, изолировавших себя на этот срок от внешнего мира непреступными стенами Лабораториума, принесли грандиозный результат.

На него с глубинным трепетом и взирала Илари, осторожно ступая по широким перламутровым плитам – по дороге, что сообщала между собой строгую симметрию зданий Ученого круга.

«Все эти серо-розовые змеи будто бы тоже жаждут знаний, как и я, – мимолетно проскочила в голове шестнадцатилетней мечтательницы совершенно типичная для ее воображения аллегория. – Вот они и ползут все в одном направлении – к Университету. Глупые, вас же могут выпотрошить и отправить на эксперименты в Лабораториум...» Илари слегка улыбнулась собственной шутке, сиюсь остудить ею закипающие в глубине горла переживания. Да, не страхи, а всего лишь вполне понятные *переживания*. Будущий мастер ле-

карского дела может переживать за исход своей практики, но бояться он не должен. Не имеет права.

Словно некий священный манускрипт, Илари прижимала потертые мембранные переплеты пособий по элементарному врачеванию к своей груди, едва обозначившейся под длинным свободным платьем из плотного черного шелка. Это было единственное светское платье ее матери, сохранившееся с *прежних времен*. Илари платья не полагались. Да и в самом деле, разве эти изящные предметы женского гардероба пришлись бы кстати ей – неуютной высшему обществу обитательнице Зачерновичья? Ведь даже этот приют для безнадежных вига, разменявших свое имя и призвание на звон опустевших сосудов с эо, так и не стал для них с матерью надежным убежищем... С тех пор как не стало отца.

Ваумар Эну был талантливым живописцем, достойным выходцем с факультета художественного мастерства. И хоть для юной Илари всегда оставалось загадкой, почему отца не влекла академическая стезя со всеми ее наградами и привилегиями, тем не менее ему удалось за свою недолгую для вига жизнь оставить достойный след в творческой среде Нуа. Из-под его кисти выходили столь реалистичные образы фантастических пейзажей, созданий и событий, что иные консервативные ценители искусства даже присылали жалобы, пышущие искренним возмущением, напрямую в Университет. Точнее, в его сиреневую башню, под сводами которой мастера-«художественники» издревле обрабатывали и огра-

няли алмазные самородки талантов, прибывавшие каждый светооборот со всех концов Вига. Содержание жалоб сводилось к одному: «Образцы академической живописи, являемые уважаемой столичной публике выпускником вашей университетской мастерской Ваумаром Эну, представляют собой противоестественный симбиоз разгоряченной фантазии и прислуживающей ей руки с кистью. Даже с учетом нашей открытости новейшим течениям в изобразительном искусстве и полной непредвзятости их восприятия, все же мы находим содержание полотен указанного лица оскорбляющим классическое мировидение вига и противоречащим теории об эо. Взываем к вашему чувству прекрасного, которым всегда управляли поражающая достоверность и восхижительный реализм, и уповаем, что оно само подскажет руководству факультета уместные меры защиты столичных ценителей искусства от подобных издержек традиционного художественного образования».

Эти жалобы приводили на порог родного дома Илари (тогда он еще находился в кольце спиралей престижного Ученого круга) хмурых университетских мастеров. Обычно они, не здороваясь ни с ней, ни с матерью, сразу поднимались к отцу и закрывались в его мастерской под самой крышей. Илари не знала, да и в силу возраста не очень-то интересовалась, о чем он вел с ними многочасовые беседы. Однако их отзвуков из-за покрытой коралловой крошкой двери было достаточно, чтобы распознать в *беседах* ожесточенную схватку неприми-

римых спорщиков. Тон отца в таких случаях всегда оставался спокойным – по крайней мере, вначале. Лишь иногда, когда басовитые порывы увещаний, переходящие в угрозы, начинали отзываться дребезжанием фигурных оконных стекол, отец твердо парировал им. Да, она боялась. Всегда боялась, что однажды эти угрюмые старцы в тяжелых бархатных мантиях все же заберут с собой отца. Пятилетняя малышка не могла сформулировать, куда и за что, но при этом постоянно ощущала нависшую над домом опасность. И все же, дрожа от страха под одеялом, она поддавалась приливам необъяснимого восторга, когда отец своим умиротворяющим тембром унимал разгулявшийся по дому ураганный шквал. И они – хмурые старцы из ее детских воспоминаний – всегда уходили.

«Снова ушли ни с чем!» – торжествовало искреннее детское сердце.

«Слава искусникам и нашим покровителям, что мы все еще жители Virtuозного круга», – облегченно выдыхала шепотом мать.

Отец же обычно не выражал видимых эмоций, закрывая двери за посланниками мира академического искусства. Не говоря ни слова, он стремительно возвращался к себе под крышу. Там его ждали разноцветные мембранные холсты, колбы с растворителями и целая коллекция инструментов для каллиграфии, которым не терпелось оживить легенды, затаившиеся в глубинах Вигари. И те, что на словоохотливых

языках купеческих пилигримов приплывали к ним с огненного Харх.

Илари все с той же опаской, воровато озираясь по сторонам, продолжала свой путь по некогда родным ей улицам Виртуозного круга. Серо-розовые гладкие плиты с безразличием холодного камня вели девушку по дороге детских воспоминаний.

Прошло больше десяти светооборотов с тех пор, как они с матерью, не помня себя от отчаяния, словно в каком-то бреду, покинули тихую обитель ее детства – пятый дом седьмого пояса. Покинули вдвоем, окропив слезами свежую могилу на загородном кладбище для работников Черновика. К несчастью, среди противников отца было слишком много влиятельных государственных лиц. Они с присущей им педантичностью позаботились о том, чтобы Ваумар не оскорбил почивших деятелей искусств Вига своим недостойным соседством. Они добились запрета захоронения «изменника» Ваумара на почетном городском кладбище Нуа. Второй фронт работы поборников классического искусства развернулся вокруг дома скоропостижно ушедшего художника. И так как борьба велась, по сути, против вдовы и ребенка, триумфальная победа, разумеется, не заставила себя ждать. Поверженная сторона, даже не успев толком собрать вещи, до которых пока не дотянулись руки художественной инквизиции, отступила за черту города – на самую окраину Черно-

вого круга. Иного пристанища Наида и Илари себе позволить не могли. Особенно после того, как их дом в ночь после похорон с ног на голову перевернули служащие Обители. Они сновали по комнатам, словно выдрессированные ищейки, пока мать прижимала девочку к себе, оберегая от холодного подвального течения...

Оттуда-то и начался отсчет черных страниц жизни Илари.

Десять светооборотов, долгих, как эпоха под гнетом царствующего самодура, они с матерью оставались изгнанниками Virtuозного круга. Скоропостижная кончина отца, развязавшая руки его врагам, вместе со скорбной печатью утраты оставила на осиротевших Наиде и Илари пожизненное клеймо отверженных. Непреодолимый барьер пролегал между вдовой с ребенком на руках и их родным домом, к которому они привыкли и который любили всем сердцем.

«А ведь мы были готовы работать, чтобы вернуть себе место здесь. Работать целыми светокругами, не помня себя, забыв про сон и отдых...» – вспоминала девушка первые годы без отца, прокладывая себе путь вглубь кварталов, состоящих из высоких изящных домов.

Знакомые места, будто бы вырвавшиеся из ее ностальгических снов, вместе с расколдованной гордостью пробудили и стаи беспокойных мыслей. Это они не давали малышке Илари, обессиленной тяжелым рабочим днем в Чернови́ке, провалиться в живительную негу сна. Они устрашающим клубком из горечи, непонимания и острого чувства неспра-

ведливости путались в ее головке, прильнувшей к грубой мешковине покрывала. Мысли, которыми не с кем было поделиться... Илари старалась не донимать лишними вопросами мать, спавшую рядом с ней на одной лежанке в тесной каменной лачуге, приткнувшейся к опушке бурого ленточного леса за самым Черновиком.

Зачерновичье. Их новый дом. Дом, к которому волей-неволей пришлось привыкнуть за эти светообороты обездоленных скитаний по равнодушным узорам бесконечных спиралей Нуа. Сменить респектабельное жилье на соседство с работягами Черновика, кичащимися друг перед другом неприглядным веером нажитых годами вредных привычек. Архитектурную изысканность – на беспорядок убогих домишек, словно чьим-то порывистым пьяным движением рассыпанных по пригороду. Избыток прозрачных кристаллов кислородных пузырьков – на докучливые клочья охристой тины, которые брезгливо стряхивал с себя обступающий Зачерновичье лес. И самое главное – безупречная лазурная чистота подводной атмосферы Ученого круга сменилась мглистостью мутных вод, ревностно оберегаемой чадающим горнилом Черновика.

К новому дому Илари и Наида привыкли. Но не полюбили его.

И хоть в этом чувстве неприятия мать и дочь без лишних слов ощущали единство, все же между ними с течением времени пролегла незримая граница. Что помогло прочер-

тить ее? Разница в возрасте? По-разному наполненные сосуды эо? Это, к сожалению – а быть может, и к счастью, – Илари было неведомо. Тем не менее незнание причины не отменяло сути: мать отдалилась.

Найда, сломленная необъятным горем и не сумевшая ничем заменить исчезнувшую опору, оказалась внизу – под шершавым росчерком этой границы. Там, где прозябают в беспощадных потоках поперечного течения те, кто своими руками оборвал веревочные лестницы, сброшенные сверху милосердной надеждой. Именно это малодушное преступление позволила себе мать Илари. От ее надежды на будущее осталась крошечная тень, послушно подставляющая свою согбенную спину под злорадную плеть бессилия. На этой спине уже не осталось живого места, а Найда, окончательно укоренившись в среде Зачерновичья, приняла этот поворот их судьбы с обреченностью прокаженного.

Она подрабатывала в алхимических мастерских Черновика, изготавливающих лекарские эликсиры и снадобья, используя остатки знаний и умений, полученных когда-то – не в прошлой ли жизни? – в стенах Университета, куда определил ее покойный муж. Но чаще она пропадала. На несколько светокругов исчезала, растворявшись в глубине леса бурых водорослей, разверзнув своего недра прямо за их низкой лачугой. Ох, напрасно, бывало что до глубокой ночи, ждала ее Илари!.. Возвращалась мать обычно в ранние утренние часы, предвосхищая игру первых лучей в хороводе от-

мерших обрывков лесной тины. Всегда будто бы постаревшая. И это было не из тех возвращений отчаявшихся женщин, вынужденных переступить моральные принципы «во благо ни в чем не виновных детей». О нет, Наида возвращалась не из таких мест. Хотя бы потому, что не выкладывала на кое-как сколоченный из белесых коряг стол никакого материального или хотя бы съестного вознаграждения. И, в отличие от этих самых «отчаявшихся благодетельниц», никоим образом не пыталась выторговать у дочери хоть толику понимания и прощения. Не заигрывала с незрелым сознанием своего чада, стараясь развеять сгустившийся сумрак вокруг своего образа. Не бросалась восполнять пробелы, неизменно возникавшие в домашнем хозяйстве в ее отсутствие.

Она просто приходила. Просто ложилась на свою половину лежанки лицом к стене. Илари смирилась. И совсем перестала задавать вопросы.

«Идти! – одними дрожащими от волнения губами приказывала себе девушка. – Неуклонно двигаться вперед. Назло прошлому. Прямо по коже этих дорожек-змей, что выются под ногами, плюясь в лицо воспоминаниями. Не дать... ни в коем случае не дать им сбить себя! Решение принято». На миг лицо Илари примерило непривычную маску дерзкого своеволия. Ее большие глаза – два нежно-голубых топаза – блеснули лезвием остро заточенного ножа. Неведомо откуда взявшимся хладным, неуютным светом. Бледные продолго-

ватые пальцы с сине-зелеными прожилками вен рефлексивно стиснули драгоценные переплеты, скользнув по их гладкой защитной поверхности и от этого чуть не выронив их. Прямо в пасть «змеям», переливающимся под эфирным светом.

К льдистым искоркам в глазах добавился едва ощутимый призрак гордости. За отца, которого повзрослевшая Илари уже едва помнила, за мятежную силу его таланта, за унаследованную от него смелость. За подлинность истории, которую несли в себе его полотна. Во всяком случае, Илари их подлинность считала неоспоримой. Девушке пришлось по вкусу этот призрак собственного достоинства, так кстати пробудившийся в обстановке полузабытого прошлого.

Встречные вига не узнавали повзрослевшую Илари. «Может, оно и к лучшему, – продолжала она успокаивать себя. – Пусть будет так. Пусть себе степенно проплывают мимо и не пытаются разглядеть в моем лице черты Ваумара Эну. Кто знает, может, среди именно вот этой группы, беседующей о новых направлениях искусства, затерялись потомки врагов отца? Ведь если в нашей цивилизации осталось хоть сколько-нибудь справедливости, сами они должны были тоже кануть в небытие! Участь этих стервятников должна быть предрешена с того самого момента, как они ворвались в наш осиротевший дом. Да хоть бы даже не они сами, а те вышколенные ищейки из Обители, вооруженные их приказом!»

Илари метнула гневный взгляд в сторону небольшого со-

брана, стихийно образовавшегося у одного из домов ее родного круга. «Ничего здесь не изменилось, – констатировала девушка. – Что ж, следовало это предвидеть». Оживленная группка в буквальном смысле светилась: это жемчужное благородство гладкой кожи, изящные, незнакомые с тяжелой работой руки, покрытые серебристой фамильной вязью... Угожливо подсвеченная эфимирами, она подчеркивала врожденный аристократизм своих обладателей. Издалека ее хитросплетения до того сливались с их почти белой кожей, что какой-нибудь простофиля из Южного водораздолья (да хоть бы и из ее центра – Яфтунии!) мог запросто вообразить себе какую-нибудь небывальщину, чтобы щеголять ею у себя на родине.

«А ручки этих высокородных ученых господ, доложу я вам, эфимиров свет в себя с утра пораньше вбирают, чтобы потом он целый день их подсвечивал, – докладывал бы у себя дома такой заезжий наблюдатель. – Серебряная вязь – это вам не наши синюшные отметины, по которым иной раз не поймешь – то ли это история рода, то ли вены от работы вздулись. Только чтоб на теле-то своем такую красоту носить, так это надо было, чтоб аж еще прапрапрадеды твои с *высокородными* токмо шашни крутили! Чтоб ни единого разочка с такой деревенщиной, как мы, и рядом замечены не были. Вот тогда, глядишь, и мы б с тобой ходили луче-рукими. Сияли бы – смех да и только! – на всю нашу Яфтунию!» В конце своей вдохновенной речи рассказчик бы,

как водится, горестно вздыхал: «Ну а теперь что, брат, попишешь... Остается нам пенять лишь на неразборчивых пращуров, чтоб им в ноллах³⁰ перевернуться! Понаставили нам этих сизых гадюк, словно синяков на всем теле. Тьфу ты!»

Илари, разумеется, не верила этим басням ни на грош. Может, она и росла большую часть своей сознательной жизни подобно сорной траве, ютившейся жалостливыми островками крапивы-сонницы³¹ по дорожным обочинам, однако ее здравомыслия это несколько не умаляло. Да, она не украсила – пока! – свой лоб горделивым венцом университетского

³⁰ Нолл – гигантская двустворчатая раковина овальной формы с волнообразной окантовкой краев. Иссиня-черный цвет этой окантовки и поистине огромные – до двух метров – размеры предопределили практическое назначение этих обитателей южного Водораздолья Вига. Очищенные от моллюсков и должным образом подготовленные, ноллы становятся последним пристанищем для усопших вига. Перед церемонией захоронения на кладбище, соответствующем их эо, тела почивших помещают в такие раковины и плотно закрывают их створки (*Т. Уаллум. Обиций словарь Вига. Личная библиотека хранителя Вига*).

³¹ Сонная крапива (простонародное: крапива-сонница) – подводное травянистое растение темно-зеленого цвета с длинными узкими листьями, покрытыми черными пупырчатыми наростами. Содержащееся в них тягучее вещество служит механизмом защиты сонницы от агрессивного воздействия представителей экосистемы, в которой она обитает. Малейшее соприкосновение с созревшими листьями вызывает мгновенное лопание черных пупырышек и выброс из них так называемого сонного отвара. При попадании на кожу или чешую любого жителя Вига вызывает чувство непреодолимой сонливости, в некоторых случаях заканчивающееся потерей сознания на несколько светошагов. В дистиллированном виде, при соблюдении известной дозировки, применяется в лекарском деле для снятия непереносимой, резкой боли. Растет повсеместно на всей территории Вига, относится к сорным травам (*К. Уллуф. Мир флоры Вига. Том 1. Библиотека факультета естественных наук Университета Вига*).

образования; да, на ее худеньких пальцах еще нет чернильных знаков ученых отличий... Зато в ней есть кое-что другое: природное любопытство и пытливость ума – хорошие помощники по части снятия ржавчины невежества. Во всяком случае, неприкрытую чушь насчет способности фамильной вязи вбирать в себя «эфимиров свет» эти качества пресекали на корню.

Девушка исподволь бросила короткий взгляд на свои собственные руки и непроизвольно потянула вниз широкие черные рукава старомодного платья. Дело было не в пальцах, загрубевших раньше времени от тяжелой работы (этими пальцами она соскабливала с алхимических столов Черновика едкие следы пролитых эликсиров и полуядов). И дело было не в бугорках мозолей, унизывавших розоватыми бусами узкие, еще детские ладони Илари.

Любой мало-мальски зрелый вига, не будучи корифеем естественных наук или ясновидящим, мог бы прочесть по этим рукам подлинную историю рода Илари.

Вот с худого предплечья спускаются тончайшие ветви густо-фиолетовой лозы – наследный дар от матери. Они по-змеиному извиваются, переплетаясь страстными морскими узлами в своем сложном статическом танце. Эти «синяки», как их прозвали в народе, беспощадно клеймят своих хозяев неистребимой печатью плебейства. В них с летописной точностью занесены все порочные связи даже самых дальних пращуров с простолюдинами, исторгнутыми невежествен-

ной гнилой утробой водораздолья. Притом уникальная архитектоника, строение этой вязи – на весь Вига нет ни одного повтора – нисколько не исправляет ситуацию. Все дело в цвете. Истинный аристократ Вига имеет нежно-серебристый кожный рисунок; полная же его противоположность – темно-синий цвет, словно вобравший в себя тьму глухотной неспросвещенности. Узорчатые следы этой тьмы разбежались мрачным вихрем аж до самых острых локтей Илари, хоть нынче они и были предусмотрительно прикрыты длинными рукавами платья. Однако где-то чуть ниже локтевого сгиба этому темно-лиловому вихрю начинали вторить робкие пепельные штрихи, встраиваясь тонкими ручейками в темные водовороты безродной вязи. Спускаясь вдоль веточек-вен прямиком к запястьям девушки, змеинные клубки верхней части рисунка мало-помалу распутывались, обретали признаки симметрии и гармонии. Как же идет этой благородной упорядоченности мерцающий молочным светом серебристый оттенок, почти победивший в ожесточенной схватке с ядовитыми чернильно-фиолетовыми ужами! Это изысканное лилейное сияние напоминало Илари отца, руки которого всегда отражали сонную игру подводных лучей!

О да! Ваумар Эну был воистину чистокровным лучеру-ким вига! Такими же, согласно священной традиции, переходящей из поколения в поколение, должны были стать и его дети. Что за ослепляющая сила любви заставила его разорвать древнюю цепь идеальной аристократической фамиль-

ной вязи своего поцелованного талантом рода? Как посмел он столь изощренно надругаться над ней, соединив свою жизнь и судьбу с неизвестно откуда явившейся в Нуа девкой, акцент которой выдавал восточноводное происхождение? Нельзя сказать, что причиной всему было покоряющее совершенство черт ее лица или пленительные изгибы фигуры: экзотический облик юной Наиды не мог предъявить ни того ни другого. Единственным неоспоримым ее достоинством был неукротимый водопад иссиня-черных вьющихся волос, ниспадающий своенравными волнами до самой поясицы. Куда бы ни пошла молодая Наида, эти волны развеивались за ней, следуя прихотливым порывам глубинных течений. Словно траурная фата. Именно так и поговаривали свободные от суеверий родственники влюбленного Ваумара, в конечном счете все как один отрекшиеся от «гнилого звена» своей высокородной цепи.

Сбылось нечаянное пророчество. И роскошные волосы – тайная гордость Наиды – окутали ее мрачной вдовьей вуалью. И рыдали безутешные пращурь Ваумара, когда в день похорон воочию узрели претворение в жизнь своей искусной ворожбы. Сквозь дымку слез черная фата спутанных волос невестки казалась им жестоким беззвездным небом, легшим всей тяжестью свода на ее поникшие плечи. Да только никто не обнял Наиду, чтобы облегчить этот непомерный груз и унять липкий страх за будущее – не за свое, за будущее маленькой, ничего толком не понимающей Илари...

Здесь, увы, тем более не следовало надеяться на внезапную милость лучеруких сородичей. Да, определенно смерть оступившегося на жизненном пути сына размягчила, а затем и вовсе расплавил *серебряный* панцирь их сердец. Она испустила порчу горделиво сияющей цепи поколений Эну. Ваумар – сын, брат, внук – был посмертно принят в лоно своей семьи: стихли громкие осуждения, порицания, укоры. И даже новоприобретенный обычай обмениваться тяжкими вздохами при упоминании его имени постепенно сошел на нет. Избирательная память родственников оставила в своих потертых складках только достойные черты и качества рано ушедшего представителя рода. Никто не смел даже косвенно, даже в свете настроений в обществе, выступать с опровержением его таланта как бесценного наследия пращуров. Что касается области применения этого таланта – непостижимые сюжеты картин Ваумара, – эта тема отныне стала закрытой. Зачем ворошить пыльные темные свитки прошлого? У кого их нет? Что принесут едкие клубы этой пыли, кроме горького привкуса на губах и землисто-прелых миазмов разрытой могилы? Тем паче что причина художественных фантазий кроется не в помутившемся разуме «сына-брата-внука». Нет, разумеется, все были *не его* идеи.

Семье лучше знать. Семье виднее. Она в едином скорбящем порыве направила указательные персты на «восточно-водное отродье» – Наиду.

«Она, она – кость, застрявшая в нашем горле», – шипели

со всех сторон пронизательные родственники.

«Вот где затаились корни дурновкусия моего любимого впечатлительного Ваумара – у нее под юбкой!» – чуть ли не со злорадной прозорливостью выплескивала мать свою боль.

Бабушка и дедушка несколько мягче, но в той же смысловой тональности вторили безутешным детям: «Бедный мальчик! Дать увести не только себя, но и свой талант в такие сумрачные дебри! Одно к одному!»

«Как есть, все одно к одному!» – спешно вершился рефреном семейный суд.

«Кость в горле» взяла на себя больше, чем могло показаться на первый взгляд. На ее плечи (словно мало было рухнувшего на них небесного свода) лег свинцовый панцирь вымышленной вины. Семья, та, что «лучше знает», поспешно водрузила его на не смеющую перечить им Наиду. Молодая вдова даже не подозревала, какое божественное облегчение испытали родственники, в одночасье избавившись от душевного груза.

Она приняла всю его тяжесть безропотно. Не то чтобы с достоинством – у нее не осталось моральных сил на подобные *аристократические* излишества; не сказать, что с покаянием, – она его не испытывала. Только лишь с отпечатком осознанной, а потому глубокой обреченности, залегшей в первых морщинах и трагически искривленных синеватых губах. Вот и все свидетельства внутренних ощущений, что явила вдова благородным родственникам своего мужа, без-

возвратно ушедшего по неверной дорожке воображения.

Илари, словно живой упрек всему роду Эну, то самое его «гнилое звено», попросту предпочли не замечать. То есть, по сути, ничего не изменилось с самого ее рождения. Вся соль рационализма подводной цивилизации Вига с зеркальной точностью отразилась в отношении семейства Ваумара к его единственному чаду. «Не вижу тебя – следовательно, *ты не существуешь*», – эта мантра служила им верой и правдой все те пять светооборотов, что Илари «не существовала» под сводами круах.

И до поры до времени этот прием успешно работал.

По счастью, пятилетнее существо, согласно задумке мудрой природы, еще не обладало достаточной смышленостью, чтобы осознать, кем приходится ей скорбящая толпа с посеребрёнными кожными рисунками, что окружила траурный нолл (спящего?) отца. Она, природа, восполнила недостаток семейного тепла, части которого малышка была лишена, и своими руками укрыла ее от страшной правды.

Так что новоявленные сородичи иронией судьбы оказались для Илари столь же незнакомыми безликими созданиями, каковой являлась для них она сама. Тогда ей все это было неважно. Ее заботило всего несколько вещей: почему обычно жизнерадостная мать вдруг стала такой мрачной и неразговорчивой, почему отец улегся спать в огромную двустворчатую раковину и, самое главное, когда же ее наконец покормят? Ведь она не ела со вчерашнего дня. Мать зачем-то

заперлась в комнате отца и не пригласила ее к ужину. «Вот отец проснется, и я сразу пожалуюсь ему!» – с затаенной обидой утешала себя Илари.

Как же могла она тогда знать, что пожаловаться уже некому. Да и безрадостное будущее, недобро выглядывающее из-за черной каймы погребального нолла, еще не могло попасть в фокус зрения девочки. Оно довольствовалось Наидой.

Илари, которую теперь некому стало защищать, хоть она этого еще не осознавала, стала сама себе защитницей. И это положило начало ее новым привычкам. Привычкам новой, сильной Илари. Которые, если она будет им верна, непременно станут ей надежными доспехами.

Они ей очень пригодятся.

Никто из встречной толпы не перехватил прямой взгляд девушки. Эти знатные вига были сосредоточены на чем-то своем. Можно было заметить, что многие из них, как Илари, сжимали в руках тяжелые фолианты, скупно посверкивавшие старым золотом сквозь прозрачные защитные мембраны, похожие на плоских медуз. Некоторые лучерукие деловито поправляли связки объемистых свитков, норовивших выскользнуть из подмышек. Кто-то со значительным видом поглядывал на миниатюрный часовик из филигранного стекла с заключенным в него орнаментом из едва видимых белоснежных нитей. Когда эта диковинная колба встречалась с подводными «братьями» звездных лучей, то причудливое

кружево ее стекла смотрелось особенно изысканно на фоне того цвета, который правил бал на Вига в данное время суток.

Илари замедлила шаг, непроизвольно попав под чары явственно осязаемой ауры благородства и утонченности, столь непривычной для нее – зачерновичьего отщепенца. И это при том, что на моральную подготовку ушло два светооборота, в течение которых девушка с завидным упорством методично возвращала в себе зерна уверенности и достоинства.

В редкие минуты отдыха, во время работы и даже сквозь сон она день за днем твердила себе, что может – нет, *обязана!* – отвоевать у злой судьбы свое будущее! Сплошь серо-черные картинки детских воспоминаний, отравленные горечью тоски по отцу и прежней жизни, уже никак не выскоблишь из архивов памяти – с этим Илари смирилась давно. Но это была единственная уступка, на которую она пошла.

«Будущее. У меня впереди есть будущее!» – настойчиво твердила она. Делиться этими мыслями с отрешенной матерью было бесполезно, поэтому всякий раз девочка обращалась к самой себе: «Оно где-то там, впереди. Оно еще *не случилось!* Вот прошлое случилось, но его уже нет, оно – лишь клочки отмерших водорослей! Кому оно теперь нужно?..» Всякий раз эти фразы разгорались в ее юном эо все более уверенным светом. «А будущее, – убеждала себя Илари, – это мой дар. Моя прекрасная манящая загадка. Моя возмож-

ность исполнить мечту, подняться по течению знаний и разума над затхлостью Зачерновичья. Стать мастером, нет, искусником лекарского дела! Доказать, что милосердие сильнее жестокости. Стать той, кем так и не стала мать, не поддаваться искушениям, забравшим у меня отца. Да, Илари, это будущее, за которое стоит побороться!»

Те, кому нечего терять, как ни странно, в решающей схватке обнаруживают в себе неожиданное преимущество, зачастую определяющее исход поединка. Благословение и одновременно проклятие отчаянностью. Дар отверженных, изгнанных, до неузнаваемости искалеченных судьбой. Тех, кого не брали в расчет. Тех, у кого отняли все, и в особенности прерогативу выбора: продолжать драться или сложить оружие; идти проторенной дорогой или обходными путями; решиться сейчас или взять паузу; потратить монету или приберечь ее до лучших времен. Выбор, надо отдать должное, – тоже своего рода благословение, возможность хоть на йоту ощутить на себе величественное дыхание богов. Но он разворачивает. Заискивающе подмигивает в сторону отступления в момент опасности или даже временного затруднения, как бы напоминая: тебе *есть что терять*. И когда все зашло в тупик и сама возможность будущего висит на волоске, перевес будет в пользу благословленных отчаянностью. Когда ее слепая ярость наудачу наносит смертельный удар прямо в сердце противника, каждого отверженного и изгнанного озаряет понимание: это именно благословение.

Илари совершенно нечего было терять, и да, она готова к великолепию коренных обитателей престижнейшего круга. Но, как известно, одно дело – быть готовым в своем привычном, хоть и набившем оскомину окружении, и совсем другое – попав в эпицентр отнятой родины и столкнувшись лицом к лицу с ее обитателями. Из круга которых она была грубо вышвырнута.

Нельзя отрицать, что часть ростков, проклюнувшихся из тех самых зерен самовнушения, была иссушена резким контрастом внешнего вида лучеруких с самой Илари. И нельзя не заметить, что выглядела она на их фоне по большей мере младшей служанкой. Это случилось. И чуть было не начало предательски закипать обыкновенной обидой в худенькой груди девушки. Обидой, грозившей развенчать все ее моральные усилия.

Знатная толпа и не подозревала о буре эмоций, которую вызвала в замороженной Илари. Степенно эта компания прошагала мимо нее, обдав легкой волной течения. Оно колыхнуло густые светлые волосы Илари, заставив их плавно взметнуться за спиной, чтобы затем послушно лечь на темный шелк платья. К встречному течению примешались поднятые с плит жемчужные крупинки и обрывки путевой беседы:

– Маллиа, почему ты так долго собиралась? Разве ты не помнишь, что даже научное звание твоего отца не позволит тебе безнаказанно опаздывать на экзамен?!

– Я никак не могла отыскать эту хархскую булавку с рубинами, чтобы подколоть мантию, как учила меня Саэ.

– Тебе бы стоило поменьше крутиться перед зеркалом в день поступления и тщательнее повторять уроки, которые давали тебе твои наставники.

– Снова будешь ставить мне в пример Онибба? Усыновили бы уже его, если он вам так нравится!

– Кажется, забыли свиток с текстом для декламации!

– Где, искусники их побери, твои алхимические формулы?

– Ай! Булавка уколола меня в плечо! Так и знала, что не надо ее брать!

Наваждение Илари как рукой сняло.

Наставники? Рубиновые булавки? Верчение перед зеркалом? Ей стало смешно, и девушка чуть не расхохоталась в голос. И не потому, что ее потенциальные однокурсники были младше нее на два светооборота. Просто она всеми гранями своего не по возрасту заполненного эо ощутила, что сегодня сможет все.

Будущее – это действительно прекрасная загадка, и она ее разгадает. Просто потому, что жаждет этого всем сердцем, в отличие от парниковых созреванцев, еще толком не осознающих, что вообще происходит.

Да помогут ей искусники.

Глава 10 Две пасти

Гладкокожая Ахха, лихо лавируя в запутанном лабирин-

те глубинных течений, уже развила совершенно не рыбью скорость. Стремительная и непреклонная в своем движении, она напоминала огромную круглую медузу с короткими плавниками, проглотившую изрядную порцию жидкого зеркала – новейшего изобретения Лабораториума. Выпуклые глаза фицци, обычно насыщенного бордового оттенка, теперь несколько побледнели. Они подернулись молочной пленой, скрадывавшей насыщенность цвета и пробуждавшей игру переливов на сетчатке. Словно седые потоки рек влились в темно-пурпурные водовороты и навели в них свои порядки. Глаза не мигали. Не вращали черными жемчужинами зрачков. Не отражали никаких признаков бодрствования вообще. Полуприкрытые за белесой завесой слегка морщинистых век, они застыли, прочно окованные сонными чарами.

Посмотреть со стороны – совершенно безответственное создание, умудрившееся заснуть в пути и не чувствующее ни малейшей ответственности за судьбу своих «пассажиров».

На деле все было не совсем так. Фицци прекрасно ориентировалась в тонкостях своего сложного маршрута. С той небольшой оговоркой, что ее глазами, слухом и осязанием временно стал мастер Офлиан.

Когда торговые пилигримы завершили свои длительные препирания и наконец выразили готовность начать путешествие, мастер ненадолго исчез в аквариуме, дабы призвать свою любимицу. Чувствуя себя безжалостным вандалом, Офлиан подошел к Аххе, напрасно пытаясь убедить се-

бя, что совершаемое им – необходимая жертва во благо Вига. Силясь преодолеть нарастающее отвращение к самому себе и своему искусству.

Напрасный труд.

Все эти жалкие попытки самовнушения рассыпались карточным домиком, когда ученый отвлекся от своих мыслей и устремил на Ахху взгляд, полный почти отеческой любви и искреннего сострадания.

В тот момент она как раз закончила пережевывать мягкие стебельки, растущие прямо из губчатых спин колючих темно-оранжевых морских звезд, усеивавших аквариумное дно. Переработанную массу она заботливо разделила на пять равных порций и затрепетала короткими острыми плавниками, настойчиво призывая к себе новорожденных. И это, между прочим, были не ее дети. Но трогательная забота Аххи о потомстве Моэ и Нэлхи всегда вызывала у Офлиана смешанное чувство восхищения и жалости. Особенно когда ученый замечал признаки чисто инстинктивной ревности молодой матери к новоявленной няньке: Нэлха частенько отгоняла Ахху от стайки своих детей. Та же, в свою очередь, лишь бросала печальный взгляд и флегматично отплывала в свой угол аквариума. Но уже спустя несколько светошагов из памяти няньки полностью стиралась все признаки обиды, и она неизменно возвращалась. Мастер знал: это было вовсе не зло раздражающейся Нэлхи. Дело в том, что тонкая психика Аххи каким-то образом улавливала угрозу депопуляции

фицци – вот она и старалась внести свой вклад в сохранение вида. Свои дети, чужие... Так ли это, в сущности, важно?

Офлиан заметил «блюда» для малышни, любовно разложенные Аххой по песочному дну, и грустно вздохнул, выпустив россыпь миниатюрных пузырьков из своих жестких спинных плавников.

Осторожно – ведь с последнего сеанса прошло немало времени – мастер ихтиогипноза дотронулся силой своей мысли до рыбьего сознания. Это пока только разминка, небольшой разогрев перед сложнейшей ментальной практикой, которая предстояла им с Аххой. Продолговатые пальцы мастера совершали чуть заметные волнообразные движения. Они двигались синхронно его мысленному потоку, устремленному в разум фицци. Глаза начали закрываться, дыхание стало медленным и глубоким. Свет, звуки, колыхание водных потоков постепенно уступали место совершенно иной реальности. Той, что незримо опоясывает миры бесчисленными нитями энергетических маршрутов: от одного существа к другому, от предмета к предмету, от него же – к существу.

Отношения, любовь, неприязнь, манипуляции, вожделение, отвращение, презрение и даже забвение. И *особенно* забвение. Вся эта невидимая глазу, но очень прочная паутина, по которой мы, сами того не ведая, перемещаемся в течение жизни, во всей сложности своих кружев является взору очень немногих. Природный талант, наследный дар, упор-

ство в практике, длительное слепое блуждание в потемках, преодоление отчаяния и где-то элементарного страха – вот лишь часть платы за возможность приподнять завесу тайны. Большинство бросали это тонкое искусство на полпути, истощив себя морально и физически в бесконечных странствиях воспаленного разума по серпантину чужих энергий. Кто-то покидал навсегда Университет, бросая на него прощальный взгляд глубоко запавших и будто бы выцветших глаз. Случалось, что потерпевшие неудачу на этом непростом поприще покидали заодно и собственный разум под оглушительный дребезг осколков эо.

Офлиан оказался одним из тех счастливых исключений, которые, выражаясь языком хранителя Ингэ, «береглись Обителью как зеницы ока и ценились как одни из самых драгоценных сокровищ Вига». Другими словами, Обитель внимательно *приглядывала* за ними. Нисколько не ощущая своей избранности и уж тем более не воспринимая себя «сокровищем», мастер просто следовал призванию. Просто шел на его властный зов.

Не искусство служило ему в реализации высоких амбиций, и не оно помогало мастеру завоевать уважение в высших общественных кругах. Сам Офлиан служил искусству. И оно, как наиболее тонкая, чувствительная сфера, не терпящая фальши, эгоизма и высокомерия, щедро вознаградило скромного мастера. Уберегло его рассудок от безумия. Сохранило нить памяти. Закрыло собой от видений *отту-*

да, норотивших прорваться в сны. И со временем они стали неотъемлемой частью друг друга: Офлиан и принявшее его искусство тонких материй. Союз столь же счастливый, сколь и роковой.

Вот и сейчас настало время послужить.

Сквозь густую мглу мастера обступили знакомые созвездия энергий – невидимые оболочки всех живых и неживых существ, говорящие о своих носителях значительно больше, чем те о себе знают. Каждый из крошечной когорты избранных вига, способных узреть эти энергии, видит их по-своему. И небезосновательно держит сокровенные зарисовки в строжайшем секрете даже от ученой семерки, не говоря уж о прочих коллегах. Перед взором Офлиана они представляли в виде темно-зеленых болотных огней, подрагивающих неверным светом на узорах бесконечной паутины, окутанной темными клубами испарений неведомого происхождения. Мастер совершенно отчетливо видел, как от каждого такого пляшущего огонька с геометрической симметрией разбегались по сторонам испускаемые ими тончайшие нити. Оттого и родилась устойчивая ассоциация с паутиной. Нити, постоянно меняя направление и окраску, с точностью зеркала проецировали мысли и эмоции, что выбрасывали вовне «огоньки»-энергии. Здесь-то и кроется самая опасная особенность, загубившая немало умов и отправившая под откос не одну жизнь.

Офлиан еще с университетской скамьи, под впечатлени-

ем от ледящих кровь примеров, хорошо усвоил слова магистра Кнэа. Он и сейчас во всех подробностях помнил, как тот, утратив привычную степенность, выкрикивал в пространство замершей аудитории:

«...И двигаетесь к зафиксированным в вашем зрении и эо оболочкам только между расходящимися от них линиями! Линии – каждый из вас увидит их по-своему – это яд для рассудка! Это потоки чужих энергий. Хорошие ли, плохие ли – их течение слишком мощное! Заденете хоть краем мысли, хоть взглядом – снесет! Вторгнется в ваше эо, каким бы крепким оно ни было, сожрет изнутри и не подавится! Сеанс закончится, но только не для вашего разума: его примутся затягивать воронки этих течений! Обратно дороги не будет, лекари здесь нам не в помощь – их искусство пока бессильно!»

Юный Офлиан сидел тогда как громом пораженный, не в силах даже пошевелить палочкой из когтя угундра, чтобы скопировать себе в тетрадь чертеж, над которым навис магистр. И не просто навис, а уже наполовину размазал его чернильные линии белой узловатой указкой, словно пытаюсь вдавить в свою схему верное направление маршрута. Из-за спины преподавателя стремительными гневными стайками хаотично разлетались пузырьки, выдавая участившееся дыхание. Совершенно не замечая всего этого, взбудораженный Кнэа уже походил не на университетского магистра, а по меньшей мере на экзальтированного заклинателя, жела-

ющего покрыть силой своего воздействия все пространство аудитории:

«Что бы вам *там* ни померещилось, как бы ни влекло, как бы ни тянуло, никогда – запомните, *никогда* – не смейте поддаваться течениям энергий! Безопасный путь только здесь!»

Оставляя на пальцах чернильные пятна и тем самым еще больше стирая рисунок, Кнэа уже собственными руками прокладывал на нем безопасные коридоры.

«Двигаться только между течениями!» – воздел магистр руки к внимающим ему студентам. «Точно, заклинатель», – крутилась в голове Офлиана очередная назойливая ассоциация, отвлекающая от сути.

«Только! Между! Течениями!!!» – обрушилось с высоты кафедры на испуганных студентов.

«Только между течениями», – по привычке напомнил себе Офлиан, уверенно плывя в толще бессознательного на хорошо знакомый маяк своей любимицы Аххи. Исходящие от ее «огонька» энергетические вибрации, как и всегда, были светлыми и спокойными. «Ни тебе зависти, ни ревности, только если ручейки светлой грусти, – в который раз отметил про себя мастер, издали ощущая сознание фицци. – Моя тихая, добрая, всепонимающая великанша, – улыбнулся он, сдерживая вздох сожаления. – И все же даже от этих благодатных потоков я должен, во имя искусников, держаться подальше», – ясно прозвучало у Офлиана в голове. Почему-то

голосом магистра Кнэа.

В то же мгновение в привычной карте эмоциональных течений что-то резко изменилось. Офлиан ненадолго прекратил движение, как бы «принюхиваясь» и стремясь опознать природу своих новых и не сказать что приятных ощущений. Визуально все выглядело по-прежнему: темный лабиринт течений, рваное волокно черного тумана, пляшущие зеленые огоньки. Личная безопасность мастера была гарантирована достаточным расстоянием от рукавов энергетических течений, выбрасываемых из нутра Аххи, – они не могли навредить ему. При этом от них начал исходить цепкий холод, стремительно осевший где-то внизу живота Офлиана и заколотивший по нему тысячей ледяных молоточков. Плавные движения пальцев мастера сделались ломаными, будто ими управляли не гибкие суставы, а незримые нити кукловода.

«Что с тобой, девочка?» Офлиан превратился в один большой знак вопроса. Всем телом ощущая отдачу от волн *страха* – теперь уже удалось точно опознать изменившуюся природу течений, – разбивающихся где-то у него над головой, мастер все же полностью отсекся от самозащиты. Его опыта и таланта хватало с лихвой, чтобы сохранять равновесие, балансируя в коридоре энергий. Ахха – вот единственное, что действительно беспокоило мастера. Ведь он понял, вернее, почуял, что это боялась она.

Чем ближе – тем отчетливей.

Преодолевая непривычную скованность и пронизываю-

щую тело дрожь, Офлиан неуклонно приближался к маяку Аххи. Ко всем прочим чувствам, вызванным путешествием, примешалось еще одно безрадостное открытие. «Она меня не узнает», – скользнула первая поверхностная мысль. А как еще объяснить полное равнодушие, которым его встретило обычно дружелюбное и ласковое создание?

Еще ближе. Офлиан, изрядно вымотанный эмоциональными отзвуками внутренних переживаний Аххи, все же достиг своей цели. Чтобы замереть в недоумении перед новым уровнем осознания проблемы: «О искусники! Да ты... Ты же меня не видишь!» На несколько мгновений опытным мастером овладела беспомощность созреванца перед экзаменационным вопросом.

Зеленые огни чужих энергий смешались в единое фосфоресцирующее зарево, которое подсвечивало изгибы бескрайнего паутинного лабиринта вокруг Офлиана. Причудливые декорации мира тонких материй приняли еще более мистический облик. Так они недвусмысленно намекали мастеру, что он здесь только гость. Наблюдатель. Жалкий дрессировщик разума примитивных существ. Напоминая, что мнимая власть, которой он обладает в материальном мире, ничего общего не имеет с истинной властью. Той, что господствует здесь – в лабиринте энергий, полном искусных ловушек и опасных течений, подстерегающих за поворотом.

«Ты здесь ни-кто», – разлетались отдельные слоги, отскакивая от стенок лабиринта прямо в голову мастеру. Ему сто-

ило труда сложить из них эту короткую фразу. Только тогда невидимый оратор прекратил колошматить оторопевшего Офлиана ударными волнами.

Зарево разгорелось с новой силой. В его свете зарождалось необъяснимое торжество, смыкаясь кольцом вокруг мастера. На фоне его слепящего сияния маяк Аххи превратился в слабый догорающий фитилек. Он уже готов был полностью раствориться в другом свечении – всепоглощающем и могущественном.

Сияющее кольцо вытянулось в мглистой туманной бездне. Словно сжатое в исполинских тисках, оно плавно изменило свою форму.

Офлиан безуспешно пытался удерживать баланс в коридоре течений. Он до боли напрягал зрение: мастеру во что бы то ни стало нужно было сохранять фокус на огоньке Аххи. И тут это кольцо... У Офлиана перехватило дыхание.

Пылающий растрепанными зелеными языками венок превратился в разверзнутую клыкастую пасть, способную пожрать весь лабиринт. Пасть не замерла, как предшествующее ей кольцо. Она вздымалась и опускалась, следуя ритму дыхания остальной, невидимой пока части этого дьявольского создания. Гигантские челюсти вторили движениям, то стремясь сомкнуться, то распахиваясь в угрожающем зевке. В этот момент нависшая над Офлианом пасть казалась ему входом в поросшую зеленым мхом пещеру. Она угрожающе выпятила ряды многочисленных сталактитов и сталагмитов,

обрамлявших ее своим влажным блеском.

Мастер ощутил всем телом, как безумие протянуло к нему когтистую лапу. Разум заполонило нестройное бряцание разорванных мыслей: «Зачем я здесь? Мне нужно в эту пещеру? Пещере нужен я? Зачем? Кто я?!» Бусины вопросов, соскочив с логической нити, раскатились по разным углам сознания.

С клыков-сталактитов черными ключьями тумана капала слюна, растворяясь в недрах лабиринта и частично оседая на нем.

«Ты здесь никто», – глухо повторялось в глубине пасти настойчивое напоминание. Мастер прислушался: нет, не может быть... Мало того что гигантская пасть осыпает его оскорблениями и угрозами, так еще делает это одновременно мужским и женским голосами! Эдакий дуэт, упивающийся своим согласием и единством.

От огонька не узнающей своего хозяина фицци осталась ничтожная точка, да и та безнадежно тонула в водовороте света и звуков. Офлиан почти утратил надежду, но все же вложил остаток сил в последний рывок. Безо всякой цели. Так, наудачу. Или на прощание – кто знает?

Пасть вместе с лабиринтом начала медленно блекнуть. Дыхание мастера сделалось едва уловимым, а дрожь окончательно завладела его физическим телом. Видимо, действительно *на прощание*.

Два голоса слились в своей вдохновенной арии: теперь она

доносилась до слуха мастера уже едва различимыми отголосками. В голове стоял навязчивый гул. В закрывающихся глазах рябило от напряжения, а точка спасительного маяка предательски разделилась на две крошечные искры.

Затем на три.

Через мгновение – уже на четыре крупинки, мечущиеся по сетчатке глаза.

Тут в отдаляющемся дуэте что-то изменилось. Но, во имя искусников, что?.. Мелодия? Тональность? Ритм? Офлиан, уже не чувствуя даже сожаления – оно, как и другие чувства, притупилось, – попытался уловить причину этой перемены. Мастер напряг слух до предела. Ради улучшения звукового восприятия он пожертвовал визуальным, по всем канонам ихтиогипноза совершая смертельную ошибку, – ведь в этой реальности ни в коем случае нельзя находиться без цели. А цель – это маяк существа, в сознание которого мастер тонких материй стремится проникнуть. Необходимо постоянно держать его в поле зрения и не сбиваться с курса.

И вот, переступив запретную черту, о которой столько раз заклинал студентов уже на собственных лекциях, Офлиан медленно закрыл глаза. При этом твердо понимая, что, вероятно, в последний раз. Желание разгадать загадку изменившихся голосов пересилило даже страх смерти.

На мастера обрушился непроницаемый черный занавес. И, что странно, он почему-то не показался Офлиану роковым полотном погребального савана. В его неизмеримой тя-

жести и слепом сумраке отчетливо проскальзывали полупрозрачные лучи благодатного облегчения. Они куда-то звали – скорее восторженно, нежели властно: «Пойдем, пойдем с нами! У нас тут такое припрятано для тебя! У нас здесь клад, сокровище! Оно, конечно, и так всегда при тебе. Но мы тебе напомним. Просто напомним о нем, подскажем дорогу, поможем выкопать! Ты и не представляешь, что там! Пойдем, *Офлиан!*»

И мастер пошел, покорившись зову.

Лучи не подвели. Офлиан, вопреки ожиданиям, не рухнул в бездну небытия, не расщепился на тысячи бессвязных мыслей и чувств. Напротив, сознание частично прояснилось, преодолев пик наваждения. В высвободившемся чистом уголке разума доносящиеся из глубины гигантской пасти голоса зазвучали еще диковинней. В них появилось нечто знакомое. При этом смутное и неуловимое, словно из прошлой жизни. Оно, с каждой секундой набирая силу, упорно вытесняло со сцены первый дуэт. И если вначале это трехголосие звучало как ожесточенная борьба за место в сияющей зеленой глотке, то теперь стало очевидно, что этот новый, отдаленно знакомый Офлиану голос все же победил. Мастер, взывая к затуманенной памяти, беззвучно вопрошал: «Кто ты? Дай мне вспомнить тебя. Помоги, брось хотя бы подсказку, намек! Я помню голос, но никак не вспомню, кому он принадлежит! Прошу, помоги, во имя великих искусников!»

Прозрение оказалось столь же внезапным и ошеломляющим, как и предшествующее ему затмение.

Магистр Кнэа! Это его гневный басовитый рокот, обращенный к Офлиану, перекрыл странное и пугающее сочетание мужского и женского голосов. Вот знакомый рокот начал постепенно превращаться в различимые слова. Слова – в предложения. «...цель! Офли, не смей, не смей, говорю тебе, рвать ментальную связь с целью! – повелевал бывший наставник. – Иди на нее! Держись безопасного коридора! Я запрещаю – понял? – запрещаю тебе терять из виду цель!» Офлиан с величайшей осторожностью открыл глаза, боясь, что, когда он это сделает, голос Кнэа тотчас же затихнет.

Веки, подрагивая и пульсируя, поднялись. Офлиан убедился, что все еще находится по ту сторону реальности. Правда, теперь его окружал значительно посветлевший и привычный взору пейзаж и, что немаловажно, без гигантской светящейся пасти, с аппетитом пощелкивающей клыками над лабиринтом. Голос магистра Кнэа пока не подавал признаков присутствия, но это вовсе не отменяло его... приказа. Да, это был именно *приказ* – совершенно невиданное в университетской среде Нуа явление. Тем не менее Офлиан вдоволь набрался острых ощущений в ходе этого сеанса, чтобы выказывать неуместное упрямство и проявлять излишнюю инициативу. Он подчинился – целиком и полностью.

Словно в ответ на здравую мысль, на расстоянии вытянутой руки зажегся уверенным светом старый знакомый –

маячок так кстати пришедшей в себя Аххи. Офлиан с удовольствием ощутил себя в безопасности надежного коридора, где издали приветливо мигает привычный ориентир. Даже черный туман, обычно наводящий на мастера сонливую меланхолию, теперь показался ему уютным. Почти не прилагая усилий, мастер отточенным многолетней практикой приемом произвел несколько мысленных движений, чтобы соприкоснуться с сознанием фицци. Теперь все определенно встало на свои места. Легкое покалывание кончиков пальцев свидетельствовало о том, что Ахха узнала, «приняла» своего хозяина; ее энергетический огонек снова излучал лишь свойственные ему эмоции, а неожиданный всплеск страха не оставил на маячке и следа.

Офлиан успокоился (насколько это было возможно после только что пережитого) и даже не заметил, что голос магистра Кнэа, на который мгновение назад было устремлено все его существо, канул в туманную мглу лабиринта.

«Ахха, девочка, ты меня узнала? – Офлиан на всякий случай послал уточняющий мыслительный сигнал. – Что же с тобой случилось? Кто посмел вторгнуться в твои мысли и так их взбаламутить?»

Эти риторические вопросы он использовал для установления «меток», с помощью которых впоследствии возобновит ментальную связь с Аххой. Та не отвечала – ни намеком, ни картинкой из растревоживших ее образов. Но Офлиану этого и не требовалось. Во всяком случае, сейчас. Ему впол-

не достаточно было того, что маяк открыт и каналы рыбьего восприятия очистились от ключев страха, а это означает – сеанс ихтиогипноза можно начинать!

«Ведь отправка купеческих пилигримов уже и так угрожающе затянулась», – напомнил себе мастер, с удовольствием отдаваясь привычной реальности и ее, пусть даже тягостным, заботам. «Если выразаться языком брюзги Яллира», – мысленно уточнил он. Полуулыбка скользнула по лицу мастера, как бы физически связывая его с обоими мирами, где он одновременно пребывал. Небольшое расслабление в таких случаях идет только на пользу.

Ахха тяжело дышала. Широкие жабры, словно два прожавевших поршня, с усилием сходились и расходились вслед за спазматическими сокращениями огромной глотки фицци. Будто бы некое существо еще больших размеров (что весьма сложно вообразить) на время сдавило ее усилием своей воли, превратив из крупнейшей в море Вигари рыбы в крошечный прозрачный шарик, а затем резко отпустило. И теперь Аххе предстояло преодолеть эту тяжкую одышку, сбросить груз, чуть не придавивший ее, и, наконец, восстановить дыхание. Ведь она с совершенно не рыбьей пронизательностью осознавала, что Офлиан сейчас временно усыпит ее, чтобы она могла наделить хозяина своими дарами: размерами, выносливостью, скоростью. Да, самое главное – необыкновенной скоростью. Чтобы О – так именовала Ахха

Офлиана на языке своего восприятия – оказался в той точке Вига, в которой ему нужно.

Бескорыстно делиться своими дарами, получая от этого некое высшее наслаждение, было без преувеличения смыслом существования Аххи. Имея поразительно сложную для рыбы внутреннюю организацию, она жила в особых отношениях с окружающим миром. Эти отношения выходили далеко за привычные для других фицци рамки пищевых цепочек, репродукции и защиты потомства. Ахха искренне, скорее инстинктивно, чем осознанно, стремилась к самопожертвованию, ощущая через него всю прелесть своей нехитрой жизни. Потому с удовольствием пеклась о детях Моэ и Нэлхи. Потому с готовностью делилась своими дарами с Офлианом. И потому почти не знала праздности даже внутри аквариума.

Одышка прошла, оцепенение уступило место привычному спокойствию. Ничто не отпечаталось на зыбком песке рыбьей памяти. А значит, ничто сейчас не помешает ей снова пожертвовать своими природными возможностями. «Пусть себе М (Моэ) и Н (Нэлхи) дремлют дома. Они – родители. Им нужен отдых. Зачем *мне* отдыхать?» – шелкали условные символы мыслей в голове Аххи. «Я не устаю. Я большая. Я быстрая. *Фр-р-р-р*», – представила она, как выпущенной стрелой летит на другой конец Вига. Хоть бы и усыпленная хозяином. Что в этом дурного? «Мои дары – они не мои. Они – всех. Делиться со всеми», – перелистывало рассуждение

Аххи свои любимые страницы.

Вскоре эти рассуждения замедлили темп, расщепились на бессвязные слова и звуки и впитались в дремотную негу, заволокнушую плотным коконом сознание участливой южноводной фицци.

Слегка посветлевшие бордовые глаза Аххи, как водится в таких случаях, остались приоткрытыми.

Теперь уже полностью управляемая Офлианом, фицци начала двигаться – пока что очень медленно. Сомнамбулически шевеля ребристыми плавниками и глядя в никуда, она выплыла из своего «дома» и остановилась перед тремя заждавшимися купеческими пилигримами.

«Словно Расщелина мне не рада... уже сейчас», – пророчествовал в мыслях Елуам. «Не ждет меня, а посылает эти нелепые отсрочки, чиня новые преграды на моем пути, – мрачно продолжал юноша расшатывать подпорки уверенности, наспех сколоченные Яллиром в их раннем разговоре. – Может, Черторг и вовсе ошибся, избрав меня? Что тогда? Я же точно знаю – да что там я, *все знают*, – Расщелина должна принять будущего последователя. Должна благословить его через болезненное, мучительное испытание на дальнейшее путешествие в сторону огненной земли». Елуам легонько кивнул собственным мыслям. «Какое, к искусникам, благословение, если, судя по всему, она меня даже к себе не подпускает?! Хорош я буду во время обряда, нечего сказать! О лучшей

подготовке и внутреннем настрое и мечтать нечего! – Юноша горько усмехнулся. – Глядишь, и права окажется в конечном счете мать. Да и Тэун, «дальновидный» братец, быть может, вовсе не зря меня отговаривал?»

Ахха (вернее, теперь уже Офлиан в ее шарообразном и прозрачном, как стекло, теле) никого отговаривать не собиралась. Равно как и уговаривать. Они слились в единое, не предусмотренное ни природой, ни искусниками существо – с телом фицци и сознанием мастера тонких материй, чтобы послужить во имя великого государства Вига и своего эо. Ни больше ни меньше.

Подводные лучи звездного света беспрепятственно пронизывали ткани Аххи. Все ее внутреннее строение просматривалось, как товары сквозь начищенную до блеска витрину. Все процессы ее жизнедеятельности разворачивались перед изумленным Елуамом как на ладони.

Он видел настоящую, живую фицци впервые. И был впечатлен.

Даже проводник Лиммах, привычный к подобным встречам и повидавший немало *скороходов* на своем веку, удивленно крикнул, увидев Ахху вблизи. Вероятно, вместо приветствия.

Яллир в глубине души в очередной раз восхитился невероятным созданием, вздымавшим жаберные прорези значительно выше уровня его глаз. Однако, подчинившись прихоти своего переменившегося настроения, он с показным без-

различием смотрел куда-то мимо Аххи. А для верности – даже мимо аквариума. Пусть никто не думает, что он, матерый купеческий странник и заслуженный представитель Черторга, словно дитя малое замрет в восхищении перед гигантским плавучим шаром.

Все эмоции, вызванные появлением Аххи, для нее самой выглядели невесомой, едва ощутимой рябью на кромке дремотного озера, в которое погрузил фицци Офлиан. Она послушно легла брюхом прямо в мягкий серо-зеленый ил дорожки и повернулась мордой к купцам. Теперь Ахха полностью вобрала в себя цвет этого ила, буквально слившись с ним.

Сознание Офлиана, так и не покинувшее аквариума, легонько шевельнуло часть рыбьего разума, направив сигнал в область верхней челюсти. Он не *повелел*, а лишь подсказал телу Аххи, какое именно действие сейчас от нее ожидается.

Верхняя челюсть фицци плавно потянулась вверх, обнажая вереницу иглообразных зубов цвета слоновой кости, похожую на половину перевернутого венца. Страшно вообразить величину головы, которой могло быть впору подобное украшение.

Елуаму казалось, что перед ним вздымался подъемный мост, обрамленный острыми кольями. В невольном опасении, что этот «мост» может в любой момент обрушиться на свое место, юноша не желал признаваться даже самому себе.

Мастер тонких материй, удовлетворенный результатом,

не преминул с энтузиазмом продолжить необычную подготовку к отправке. Следом за верхней пришла в движение и нижняя половина рыбьей челюсти, торжественно разверзаясь перед гостями Офлиана.

Елуам недоумевал и восхищался: «Приглашает нас, что ли?» Одновременно он пытался вспомнить усвоенную в Черторге, но теперь кажущуюся невыполнимой последовательность действий, чтобы забраться внутрь фицци. Юноше во все не хотелось ударить в грязь лицом и продемонстрировать растерянность перед этой прозрачной пастью, когда Яллитр подаст знак. От накатов дыхания Аххи светлые волосы Елуама из аккуратно разглаженных с утра прядей превратились в спутанные космы. Но теперь он уже совершенно об этом не беспокоился и даже бросил ежеминутно поправлять свою челку.

Кто знает, от каких привычек ему вскоре еще придется отказаться? Будущее редко считается с обычаями и поведенческими, которые мы упрямо тащим за собой.

Нижний ряд «кольев» опустился почти под ноги купеческой тройке, отгородив их от входа в распахнутую пасть второй половиной венца с устрашающими высокими зубцами. «Ждать больше нечего», – справедливо решил Елуам.

Он порывисто присел, размашистым движением рук раскрыл сброшенную с плеча торбу, выловил из нее перевязанную тугим жгутом бечевку и принялся суетливо ее развязывать. Терять драгоценное время, оглядываясь на других,

юноша посчитал неразумным. Пальцы от волнения не слушались, сердце выстукивало бешеный ритм, узел не хотел поддаваться. «Хоть бы никто не заметил», – проскочила еще одна назойливая мысль.

Волны жаберного дыхания фицци почти не оставляли шансов устоять на месте. Мало того, они еще и вздымали со дна иловые лохмотья, заставляя их выписывать немислимые завихрения в толще воды. Их ошметки то и дело норовили залезть купцам за шиворот или огреть склизкой оплеухой. Или, что самое неприятное, осесть на гребешках спинных плавников и тем самым ощутимо затруднить дыхание.

Какая именно из предпринятых Елуагом хаотических манипуляций позволила узлу наконец ослабить хватку, юноша не имел ни малейшего представления. Главное, что это случилось, и теперь можно «забрасывать лассо», как учили в Черторге. Краем глаза будущий купец успел ухватить, что более опытные Яллир и Лиммах уже приступили к этому. Наблюдение подстегнуло юношу, и он, размахнувшись что было сил, запустил вверх свой распутанный канат с петлей на конце.

Мимо. Петля прошла на таком расстоянии от верхушек зубов нижней челюсти фицци, что даже не коснулась ни одного из них. Канат рухнул в гушу ила, вытряхивая на поверхность его подгнивший нижний слой. Жабры Аххи, вовсю теперь управляющие подводными течениями, разумеется, не дали ошметкам упасть обратно, а встроили в общий мутный

хоровод и закужили их вокруг Елуама.

Еще попытка. Мимо.

И еще – с тем же результатом.

«Нельзя выходить из себя. Это только начало. Я справлюсь». Самовнушение помогало будущему пилигриму не сдаваться. Не смотреть на других. Продолжать упорно закидывать петлю – представить только! – на один из смертельно опасных зубьев гигантской рыбищи. И не думать, как это выглядит со стороны.

Еще один бросок. Так, не прицеливаясь. На авось.

Взвинченный бесплодными усилиями, юноша не сразу заметил, что на этот раз петля не упала к его ногам. Она осталась там, наверху, зацепившись за острие зуба Аххи.

Успех окрылил юношу, наградив новой порцией сил. Их, по счастью, оказалось достаточно, чтобы почти бесстрашно шагнуть в раскрытую пасть. Набрал грудью побольше кислородных пузырьков и крепко вцепившись в канат, молодой купец приступил к опасному подъему. Туда, где плотный ряд зубов Аххи обещает обнаружить тончайшие (в масштабах фицци) зазоры, в один из которых Елуам и должен будет прыгнуть, чтобы попасть прямо в недра ее глотки.

«Пришло время не бояться, а начать оправдывать ожидания», – подбодрил себя юноша, продолжая подтягиваться по закрепленному канату вверх, упираясь подошвами сапог в гладкую поверхность зубьев. Грубая бечевка больно резала пальцы, но зато позволяла им не скользить: сцепление бы-

ло оптимальным, чтобы надежно удерживать «скалолаза» на пути к «вершине». Усталость на фоне возбуждения и вовремя проснувшегося азарта почти не ощущалась. Тело слушалось. Дисциплина удерживала разум в узде. Приближающаяся цель множила запас сил.

Не выпуская из рук спасительного каната, Елуам схватился за острый край великанского зуба. Просунул сначала левую ногу в межзубную щель. Почувствовал прочную опору: на нее-то наконец можно перенести вес тела. Ухватившись теперь уже за два зуба – «Какое счастье, что они острые только сверху!» – перенес и вторую ногу.

Поборол соблазн оглянуться. И прыгнул вниз. В прозрачную бездонную глотку.

Глава 11 Пешка становится ладьей

Горбун Эббих радостно закивал, едва услышав заветные слова о мерах расплаты. Они только что слетели с уст верховной жрицы, и их осязаемая сила еще резонировала в дымном воздухе Святилища. Восхищение, столь же сильное, сколь и внутреннее содрогание, завладело карликом, наделяя его лицо чертами абсолютного подобострастия. Он как-то ухитрился согнуться еще сильнее, опустить голову со съехавшим набок обручем еще ниже. Точь-в-точь пристыженная старая черепаха, завернутая в складки черной рясы и опасливо взирающая из-под купола своего бугорчатого укрытия. И хоть Эббих отчетливо сознавал, что опасаться ему, личному прислужнику Йанги, только что выполнившему очередную волю

своей госпожи, сейчас вовсе нечего, все же не мог отказать себе в этом безобидном удовольствии. Ничто ведь ему, Эббиху, не мешает устроить маленький театр и, злорадно хихикая про себя, понаблюдать за «зрителями».

Да начнется представление!

Суетливо перебегая глазками от Умма к Дримгуру и обратно, горбун словно посылал им свою мысль о грядущей каре, нагнетая вокруг воинов тлетворную ауру страха. И несмотря на то, что тени злого умысла сквозили в каждом взгляде и жесте бородатого лысого карлика, первопричина такого поведения была глубже, чем могло показаться на первый взгляд. Она крылась где-то на задворках сознания горбуна – тайная, темная. Нельзя притом сказать, что присутствие Йанги разжигало в Эббихе пламя какой-то особой жестокости. Нет, оно лишь мягко подсвечивало доселе темные, неведомые самому карлику грани его природы – те, что до поры до времени скрывались в пыли и мраке душевного закулисья.

Чем отчетливей они являли себя, тем безнадежней растворялись в отбрасываемой им тени другие душевные качества. Парадокс заключался в том, что никто этим процессом не управлял: он не подчинялся традиционной системе волеизъявления и послушания. Абсолютная естественность – вот и все, что можно было сказать о влиянии Йанги на Эббиха. Естественность, подкрепленная тысячами примеров, мелькающими в колесе природного цикла: таяние снегов по вес-

не, пробуждение зверей от зимней спячки, цветов под утренними лучами.

– Подойди ко мне, воин короля, – мягко обратилась Йанги к Дримгуру. В ее интонации не было приказа.

Стражник к этому моменту успел несколько успокоиться относительно своей участи. «Она, Сиятельная, сама сказала: если ты не переступил Семь наставлений, то бояться-то и нечего», – подумал он. И, разумеется, сразу примерил это обещание на себя: «Я-то что? Ну, забылся после ночного караула, перекинулся с приятелем парой слов, не успев постыдиться, – с кем не бывает? В Наставлениях – не зря отец сек меня камышовыми прутьями, пока я их накрепко не затвердил – ничегошеньки о разговорах на службе не значится! И уж точно ни одна голова змея-пятигрешника не рыщет по Харх, чтобы полакомиться таким мелким проступком! Скучновато для него будет. Не станет, пожалуй, даже силы тратить».

Дримгур все ясней предвидел безболезненный исход наказания, во всяком случае для себя. Потому покорно шагнул навстречу Йанги, не узрев большой разницы между повелением жрицы и обыденным приказом Рубба. Теперь в его лице было значительно больше любопытства, нежели страха.

Жрица в полном молчании неторопливо проследовала в глубину храмового зала – туда, где он заканчивался, чтобы разделить на два стрельчатых прохода, ведущих в самое сердце Святилища. Стражники в черных доспехах приказа-

ли Дримгуру следовать за Йанги – и сделали это так же безмолвно, как их повелительница: взглядом и наклоном головы. Стражник не заставил себя ждать: кому охота оттягивать долгожданный момент облегчения, который непременно, верил юноша, последует за небольшим наказанием. Да и, что скрывать, любопытство взяло верх над прочими эмоциями. Стражник даже подумал: а неплохое, между прочим, разнообразие – всяко интересней, чем стоять истуканом в дозоре.

Словно по подвесному мосту над бездной, Дримгур послушно промаршировал по широкому коридору, образованному свечными перегородками. Мимо большого алтаря с плавучими огоньками, мимо полностью слившегося с обстановкой Бадирта. Королевский стражник был хорошо знаком с правилами поведения в доме Огненного бога. В частности, с тем их разделом, что гласит: *«Здесь, пред лицом Прародителя, все его дети предстают в своем равенстве, ибо являются ему не свой временный облик и еще более временное общественное положение, но свои бессмертные души»*. Дабы, чего доброго, не нарушить еще одно правило, Дримгур не то что не преклонил колена перед своим принцем, но и даже не поприветствовал его кивком головы. Бадирта нисколько это не задело.

В конце коридора из горящих свечей возвышалась Стена отверженных. Стражник никогда не был в этой части Святилища, ведь все ритуалы и торжества традиционно проводились близ большого алтаря, а потому пришел в искрен-

нее изумление. И как тут, в самом деле, не поразиться!.. Вся великанская ладонь мраморной кладки была сплошь усеяна вытесняющими друг друга костяными блюдами, вставленными в многочисленные ниши, изрубцевавшие белоснежную гладь стены. Центр каждого блюда был отмечен черной треугольной свечой с глубоко утопленным фитилем, пламя которого колыхалось приглушенным мерцанием мандариновой ленточки.

«Это мечутся души отверженных Огненным богом», – подумал Дримгур, ошеломленно созерцая стену.

Он даже невольно замедлил шаг по мере приближения к ней и так увлекся разглядыванием содержимого блюд, что на время выпустил из поля зрения фигуру жрицы. Вокруг треугольных, светящихся изнутри свечей были разложены подношения от родственников и друзей этих самых «отверженных». Как ни странно, здесь нельзя было отыскать ни дорогих украшений, ни россыпи самоцветов, ни вылитых из золота оберегов. На блюдах не было даже засахаренных плодов кумквата, олицетворяющих для хархи горьковато-сладкую суть их жизни и напоминающих: за кожей упорного труда кроется медвяная мякоть воздаяния. Одним словом, ничего, что ассоциировалось бы с жертвоприношением – раболепным заискиванием пред всесилием богов, оскорбительным в уравнивании их величия с жалкими побрякушками. Особенно если учесть, что и побрякушки эти есть творение тех самых высших сил, вложенное в руки простых смертных. Род-

ные и близкие отверженных прекрасно сознавали, что ничто из этого не позволит снискать милость Огненного бога и Матери звезд, отказавших усопшему в небесном гостеприимстве. Скорее, даже рассердит. Потому остается уповать на одно лишь единственное средство – не выкуп, а *завоевание* места для своего горе-родственника у ног небесных покровителей хархи.

Взглянув на предметы, покоящиеся у основания свечей и частично утопленные в песок цитриновой крошки, покрывающей блюда, Дримгур словно прозрел: «Вот они – подлинные жертвы! – воскликнул он про себя. – Ни в какое сравнение не пойдут с теми глупыми блестящими цацками из ювелирных лавок!» Истина, поджидавшая юношу в Святилище, поразила его в самое сердце. Нет, он, разумеется, прекрасно знал о судьбе тех несчастных, чьим погребальным нефритовым маскам отказывало в своей милости священное пламя Пепелища, оставляя их изумрудный цвет нетронутым. Однако разные это вещи – просто *знать* и узреть воочию! А узрел пораженный королевский стражник многочисленные свидетельства храбрости, самоотверженности и воинской чести, которые семьи отверженных возложили к треугольным свечам – знакам, молящим Огненного бога обратить внимание на приношения. Это были и клинки с багровыми фресками засохшей крови, и клыки дикого зверья из чащоб высокогорья, и стрелы с почерневшими наконечниками, и оскаленные черепа, обрамленные железным плетением проржавев-

ших койфов. Украшения, надо отдать должное, тоже были. Но они представляли собой не творения ювелирных мастеров Харх, а образцы ремесла иного рода.

Ожерелья или монисто – пожалуйста. Отборные бусины из зубов поверженных неприятелей, нанизанные на черные нитки с опаленными концами. Заслуживала отдельного внимания их богатая цветовая палитра: от бежевого до янтарного с искусными вкраплениями черного, благодаря отдельным экземплярам, начавшим подгнивать от времени или от болезни бывшего владельца. Браслеты – вот же они, только вместо благородного металла – тонкая медная проволока, а гроздь золотых монет или цветистых камней заменили высушенные языки притесненных северян и выходцев из бунтующих степных территорий. «И, возможно, личных врагов семьи, – предположил Дримгур. – Так, поди, проще, чем подставлять грудь под копыта мятежных северян и остервеневших кочевников». И тут же отругал себя за малодушные мыслишки, не подобающие представителю элиты островных войск. Эти мысли показались молодому хархи особенно неуместными в храмовой обстановке «истинной жертвенности», как он про себя ее окрестил. Ведь на него со всех сторон смотрели доказательства доблести, которыми их владельцы могли выстлать себе прямую дорогу в достойное место на небосклоне рядом с Огненным богом. Кирпичик за кирпичиком они приближали этих славных воинов к наилучшей участи, которая может ждать честного хархи по упокое-

нии на Пепелище. И что же? Выходит, они сами по собственной воле отдирали из этой самой дороги купленные потом и кровью плитки только для того, чтобы достроить этот путь своим неудачливым родственникам. Тем, что из-за пагубного слабоволия так и не сумели добраться в объятия Матери звезд и застыли бесприютными призраками на перекрестке миров и времен. Избавляя своих бесславных близких от этой скорбной участи, достойные воины ставили под угрозу собственную судьбу в загробном мире: деяния, пожертвованные во имя усопших, как бы отделялись от их вершителей и всецело переходили в пользу отверженных.

На бесконечной стене не было места, свободного от прорезей. Вся – от пола до уходящего в сумрачную высь потолка – она пестрила серо-бежевыми дисками блюд, изготовленных из костей домашнего рогатого скота: коров, быков, коз, телят и волов. Подсвеченные выющимися язычками света, глубоко утопленными в черные восковые треугольники, издалека они напоминали ребристые ракушки, облепившие киль завалившегося набок корабля. Дримгур, не имея возможности больше задерживаться, все же успел отметить про себя еще одну особенность: «А родственнички-то у всех, погляжу я, разные! Что тут и удивляться – даже у близнецов, что с виду как две капли воды, и то отличия имеются», – хмыкнул он себе под нос. Справедливость замечания состояла в том, что далеко не все блюда прогибались под тяжестью даров. Хорошая половина костяных подносов искрилась

отражением пламени в ровном слое цитриновой крошки, не нарушенном ни единым предметом. Только одинокая свеча неммым укором подрагивала в центре таких блюд от сквозняков, то и дело налетающих из круглых окошек храма. Королевский стражник нисколько не устыдился суеверного трепета, зародившегося у него в солнечном сплетении от этого «натюрморта». «О всемилостивая Мать звезд, прошу, убереги от этой страшной участи!» Дримгур коснулся пальцами, сложенными треугольником, склоненного лба. Дым благовоний, усиленный мощным впечатлением от стены, разжедал глаза, вызывая к ненужным слезам. «Это ведь худшее, худшее, к чему может прийти добрый хархи! Стать ненужным ни там ни тут – это... – Стражник не сумел подобрать нужных слов. – Остаться одному, в крошечной тьме, жалким огоньком в черном воске, стать...»

– ...отверженным, – раздалось откуда-то из глубины левого коридора, ведущего от стены. – Однако, сколь ни безрадостен их путь во мраке бесконечности, бояться им нечего.

Уж не почудилось ли это размякшему Дримтуру? Но даже если и так, то, во всяком случае, неожиданная реплика вернула его к реальности.

– Светлые сестры приглядывают за душами тех, чьи близкие не разожгли в себе божественных искр милосердия и жертвенности, – последовало объяснение.

Краем глаза стражник действительно зацепил промелькнувший у противоположной стороны стены женский силу-

эт, с ног до головы задрапированный в складки белоснежного хитона, подметавшего плиты храма своим удлинённым подолом. Цвет одеяния, подчеркнутый сумраком помещения и со всех сторон оваянный клубами благовоний, вызвал неприятную ассоциацию с призраком, мимоходом заглянувшим в Святилище, чтобы проведать содержимое своего блюда. «Призрак» высунул из объёмистого хитона тонкую ручку, быстро поправил фитиль одной из свечей и скрылся во тьме другого коридора, тихонько шлепая по холодному мрамору плит босыми ногами.

Дримгур устремился в проход, открывшийся по левую сторону стены – туда, откуда пару мгновений назад до него донеслось разъяснение касательно отверженных, о которых семьи предпочли забыть. Коридор, на контрасте с величественным залом для ритуалов и проповедей, показался юноше узкой душной норой. Его глаза уже вполне привыкли к царящему в Святилище сумраку, однако темнота в «норе», почти не разреженная свечным мерцанием, на какое-то время буквально ослепила Дримгура. Поначалу он шел вперед по наитию: просто доверился эху голоса Йанги, долетавшему до его слуха скупыми обрывками фраз. Это неудобство досаждало стражнику, одновременно развенчивая его ожидания насчет устройства храмовых недр. «Хм-м, странно, – разочарованно вздыхал он, – а я-то, дурак, думал, что за ритуальным залом все в нашем Святилище полыхает ярким светом. Вообразал себе почему зря сияющие чертоги, зажженные во

имя Огненного бога тысячи свечей и факелов, слитки искраита³²... – Дримгур с недоумением озирался по сторонам. – И где все это?»

Еще несколько шагов в темную неизвестность.

Вдруг из мрака, как бы внимая осторожным Дримгуровым шагам, начали медленно вырисовываться шершавые очертания стен коридора. «Уже что-то». Однако, поозиравшись, юноша не обнаружил каких-либо источников света. Свет определенно шел сверху, но как ни задирали стражник голову, никаких окон или зажженных свечей разглядеть там не мог. Слышалось характерное потрескивание и легкий гул словно от горящих сухих поленьев, а вся площадь прохода была насыщена смолянисто-дымным запахом. Только дым этот не набивался в легкие и не разъедал глаза. Дримгуру даже показалось, что это и не дым вовсе, а «просто такой воздух».

³² Искраит – редкий вид драгоценных камней, таящихся россыпями мелких кристаллов в толще горной цепи Убракк, за которой начинаются малонаселенные северные территории острова. Ярко-оранжевая окраска камешков слепит глаза, даже когда они находятся в состоянии покоя. Поместив горсть искраитов в темное помещение, по истечении нескольких мгновений можно наблюдать, как они начинают светиться (то есть входить в люминесцентную фазу). Чтобы получить более крупные кристаллы, при нагреве в специальных плавильных печах формируются целые слитки искраитов. Сложность добычи искраитов, их исключительная редкость в минеральной палитре Харх и крайне узкая география месторождений обуславливают высокую стоимость этих светящихся кристаллов. Они запрещены к свободной продаже, а все процессы добычи, обработки и применения находятся под контролем королевского совета (Д. Фимиах. *Геология материков Сферы. Том 2. Личная библиотека хранителя Вига*).

У карниза высокого потолка таинственный свет приобрел наивысшую яркость и позволял восхититься искусным художественным литьем. Присмотреться внимательней – и можно разглядеть силуэты знакомых созвездий, выделенных облупившейся от времени позолотой на иссиня-черном холсте потолка. Жаль, что Дримгур не располагал для этого временем. Хотя неизвестно, откликнулось бы его восприятие, и без того перегруженное открытиями, на очередное откровение? Все его внимание было устремлено на хриплое эхо жрицы, а зрение – в пространство, пролегающее значительно ниже звездчатого потолка. Чтобы, чего доброго, не заблудиться (мало ли как может усложниться наказание) и, что не менее важно, нигде самым глупым образом не споткнуться. «Каков буду тогда я, стражник самого Каффа, в глазах жрицы?» Дримгур лишь покачал головой, удивляясь собственным мыслям.

Ступеньки. Хвала пламени невидимых свечей – их света хватило, чтобы вовремя сообщить о начале спуска. Ступеньки винтовой лестницы убегали вниз, длинной лианой спускаясь в глубины Святилища. «В подземелье», – угадал стражник, почесывая в легком смятении затылок. На затылке выступила испарина, успевшая во влажной духоте коридора впитаться в корни густых волос.

Никто из воинов, кому уже довелось быть наказанным в Святилище, никогда не бывал в подземелье храма Огненного бога. Да что там в подземелье – обычно суть кары сводилась

к стоянию на коленях, оголению рук и выжиганию части наплечной татуировки. Ритуал, при всей своей болезненности и унизительности – воины с большим трепетом относились к языкам пламени своих татуировок, длина которых говорила о доблести и чести их носителя, – занимал несколько минут. И, правду говоря, проводился всегда в большом ритуальном зале в присутствии военачальника. Удостоившиеся этой «чести» в один голос утверждали: «Жжет дьявольский огонь ее раз эдак в десять хлеще раскаленной печати татуировщика – ну, к которому бежишь с турнира со всей дури, не успев Рагадиру руки пожать и перед трибунами покрасоваться! Не горячо даже, а, наоборот, хлад такой кожу начинает драть, что думаешь: а не отморозит ли он тебе кишки к хренам собачьим? Главное, огня самого не видать – дьяволица нездешняя, ясно дело, его в ладонях своих мертвячьих прячет. А только потом – глядь: двух огненных языков на плече, честно, между прочим, заработанных в поединках – король подлинный тому свидетель! – нет как не было! Одни только красные отметины от ожогов, словно к печке спяну приложился. И болят, и ноют, паскуда такая, что гниющие раны. А обидно так, что самой боли и не чувствуешь почти – только если спросонья чем зацепишь. А самое паршивое, скажу я тебе, – с жаром жаловались воины друг другу, – воля, боевой дух вместе с куском той татуировки из тебя напрочь выжигается. Ох и долго потом бродишь как неприкаянный: не воин, а баба плаксивая. Тьфу, ну как есть – баба!»

Лестница ниспадала вниз витым каскадом ступенек, вытесанных из грубозернистого песчаника. И хоть была она абсолютно лишена украшений, ступеньки оказались надраены до такой степени, что едва касающийся их «потолочный» свет нет-нет да вызывал мерцание крошечных точек кроваво-красного граната. «Видать, песчаник аж с Убракка при-тащили, – рассудил Дримгур, – коль в нем эти рубцы содержатся». И к месту вспомнил, как однажды на турнире четырех территорий Харх рыжеголовый веснушчатый северянин в ламеллярном доспехе из китового уса с вдохновенным патриотизмом рассказывал ему о песчаниковых столбах с гранатовой крошкой, встречающихся в горах его родного Севера. И вот он, Дримгур, так и не посетивший горделивые снежные вершины Убракка, теперь почитай что собственными ногами топтал эту удивительную горную породу. Чудеса, да и только.

Ступеньки уводили Димгура все глубже в подземелье, с каждым шагом отдаляя от слабого света. Поднимающийся от них влажный дух прелой листвы, размокшей древесины и плесени удивительным образом вмещал в себя приторно-сладкие ноты медовой патоки, перемешанной с забродившим сиропом из лепестков роз. Взять эти запахи по отдельности – совершенно безобидные эссенции того или иного рода, вполне уместные при определенных обстоятельствах. Но стоит им встретиться в едином пространстве, как – вот алхимическая ирония! – мгновенно ударят в нос ни с чем не срав-

нимым ароматом разложения. Дримгур не мог похвастаться искусственностью по части парфюмерии, однако сопротивляться столь прямолинейной ассоциации был не в силах. А уж о том, насколько усиливал это впечатление союз темноты и подземельной неизвестности, не стоит даже говорить.

И все же, несмотря на чародейство сумрака, юноша был твердо уверен, что он участвует в чем-то неизмеримо важном. Леденящий и одновременно воодушевляющий вид Стены отверженных, вся являемая ею трогательная жертвенность, романтизм подвигов, откровение о милосердии жречества к неприкаянным душам... Все эти новые знания и образы пролились благодатным дождем на почву, иссушенную зноем однообразия жизни. Жизни, которую выбрал для себя не он, а отец, в прошлом тоже королевский стражник; жизни, которую не сам юноша выслужил для себя перед Огненным богом, а той, что якобы «была предсказана высшим принципом потомственности». Весь этот внешний, показной престиж элитного войска Харх окончательно лишился своего блеска на фоне груды истинных сокровищ – боевых трофеев на костяных блюдах. Во всяком случае, для Дримгура. Его горло уже сдавила зависть. Стена словно продолжала с упреком глядеть в спину юноши, немо вопрошая: «Чего добился ты, королевский стражник в красивых доспехах с красной эмблемой на груди? Где твои подвиги, воин? Что сможешь ты положить на блюдо, если завтра от твоих близких останутся не тронутые священным пламенем нефрито-

вые маски?!»

Ничего. Дримгур прекрасно знал ответ: ничего.

Даже заветная наплечная татуировка теперь стала для него мертвым, кичливым, ничего не значащим рисунком. «Пламя на ней – не от Огненного бога, – открытие за открытием сотрясало горячий молодой разум. – Как может оно быть истинным, *подлинным*, коли его новые языки у нас появляются не за бесстрашие и боевое мастерство, а просто за каждый год, проведенный на страже королевского покоя?»

Все то, о чем подозревал Дримгур, прорвалось наружу неусмиримым бурным потоком. Юноша, позабыв о своих опасениях и страхах – теперь они казались детскими, – оставлял позади спираль лестницы. Спускаясь все ниже, он и вовсе перестал думать о том, куда она могла привести. «Всяко лучше, чем недвижно стоять под полуденными лучами, пока другие добиваются расположения Огненного бога!»

Ступеньки оборвались так же резко, как и начались. Светлее не стало, окружающая обстановка представляла собой загадку. Глухая тишина свидетельствовала о том, что Дримгур находится в мире, запрятанном в недра земного чрева: его толща надежно укрывала от звуков другого – «верхнего» мира. И если до слуха Дримгура долетали какие-то отзвуки, напоминавшие рокот волн, то, значит, и зародились они здесь же – в храмовом подземелье. Гнилостно-сладкий запах усилился благодаря тропической влажности и острой нехватке свежего воздуха. По вискам стражника струился

пот, а пересохшие горло и язык страстно жаждали прохладной ключевой воды. «Странно, – зацепился за это ощущение Дримгур, – такая влажность по всему телу – и такая сухость в горле...»

Кап-кап. Совсем рядом.

Юноша даже подставил раскрытые ладони в надежде, что они наполнятся живительной влагой, чтобы освежить лицо и промочить пересохшую гортань. На ладонях, к его разочарованию, осталась только их собственная влага.

Кап-кап-кап. Уже ближе.

За неимением иного ориентира Дримгур пошел на звук вожаденных капель, переливающийся серебряными колокольчиками в душном колодце подземелья. По счастью, темнота не сыграла с ним злой шутки и не стала чинить препоны вроде возникшей вдруг из ниоткуда стены или внезапной подножки в виде не то коряги, не то надгробия. Поди там разбери впотьмах.

Кап!

Здоровенная капля тяжелой прозрачной бусиной шлепнула Дримгура по низкому лбу, чтобы отскочить неприятной мыслью о скользких холодных обитателях подземелий. Рука машинально потянулась к тому месту, куда упала эта «бусина». И уж только потом стражник с видимым удовольствием приложился всей пятерней к прохладной отметине, которую та оставила.

Вынужденная остановка оказалась не случайной, а кап-

ля – не просто скопившимися у потолка испарениями. Это был знак. Дримгура явно приглашали войти. Железное кольцо коснулось руки стражника, и он, не раздумывая, потянул бронзовую скобу на себя. Тяжесть массивной двери, больше похожей на створку ворот, заставила ухватиться за кольцо обеими руками и хорошенько поднажать. Ее сопротивление, однако, нисколько не смутило Дримгура, а только распалило юношеский азарт.

Во всем его существе пробудилось нечто такое, что сложно было остановить, – будто с древнего клинка слетела вековая пыль и его сталь хрипло, но уверенно запела на поле брани. Едва тлевшие в самых отдаленных закоулках души угли разгорелись страстным пламенем. Буйному цветению дикого кустарника стало тесно в тепле и уюте оранжереи, и его тянущиеся к свету стебли проломил стеклянный потолок.

Воодушевление, что поднялось из самых глубин души Дримгура, метнулось слепящим языком священного пламени. Он чувствовал, что уже приблизился к Огненному богу, что сумел донести до него свой порыв прозрения. Чувствовал всем телом сошедшую с небес благодать Матери звезд, узревшей праведные устремления своего будущего сына.

А если так, то какое ему теперь дело до боли, что вот-вот должна хладными иглами впитаться в его плечо? А грозящая и вовсе исчезнуть татуировка – да кому она *такая* нужна? «Придет время – выжгут мне новую. *Настоящую*. И, клянусь Семью наставлениями, своими деяниями я отращу ее

до самых пальцев! А потом еще одну – на другой руке! О Прародитель, прошу тебя лишь об одном: даруй мне время, дабы успел я вместить деяния эти в срок своей жизни!»

И услышана была молитва, ибо дверь наконец поддалась, став, на Дримгуров взгляд, «легче перышка», и без единого скрипа мягко отворилась.

Убранство покоев, в которые привели юношу голос, лестница и капли, не содержало в себе ни намека на тот исход скитания по Святилищу, которого он ожидал, к которому был уже всецело готов. Первым, что зацепило рассеянное внимание Дримгура, оказался резко изменившийся запах. Не то чтобы к нему примешались какие-либо новые оттенки или он преобразился до неузнаваемости – ничего подобного. Поначалу юноша не сразу понял, что произошло и как так получилось, что удушающее амбре тления вдруг стало ему по нраву. Он принялся, сию же минуту разгадать приготовленную Святилищем головоломку. Ничего не шло на ум, переполненный вытесняющими друг друга впечатлениями, эмоциями и мыслями. Собственная голова начала напоминать стражнику растревоженный муравейник, в котором копошились тысячи суетливых насекомых, спасающих своих куколок и личинок.

– Засахаренная роза, Дримгур, – внезапно раздалось из левого угла покоев.

На обитой шафрановым бархатом кушетке с закругленными бронзовыми подлокотниками, из центра которых расхо-

дились металлические лучи, сидела Йанги. Ее длинные белые руки покоились на бордовой ткани туники. Верховная жрица, хоть и была хозяйкой положения, ничем не выдавала этого – ни обликом, ни позой, ни выражением лица. Более того, она казалась смиренней и покорней самого Дримгура.

Сверху лился все тот же свет без видимого источника, надевая кожу Йанги теплым оттенком пчелиного воска, а ее обычно серебристо-пепельные волосы теперь казались персиковыми. Стоило жрице чуть шевельнуть головой, увенчанной тонким обручем с иссиня-черными перьями, в ее прямых прядях вместо холодных отблесков играли жизнерадостные золотинки.

Только слепцу это не внушило бы робкой надежды на безболезненность грядущего наказания! Дримгур же, с его острым зрением, перестал ждать уступок от судьбы. Более того, теперь стражник готов был поклясться: он буквально *жаждал* боли – этой обещанной расплаты за нарушение караульного кодекса. Боли, пронзительного холода, любых иных испытаний тела и духа, чтобы снискать хоть крошечную толику милосердия Огненного бога. Чтобы ощутить себя истинным сыном огненной земли Харх, наследником его великих воинов и, в конце концов, мужчиной... А не «куклой в блестящих доспехах», как жалкий карлик называл за глаза королевских стражников.

Дримгур-то всегда знал – догадывался, – что отчасти характеристика Эббиха справедлива.

– Роза, Сиятельная? – Юноша послушно оглянулся по сторонам в поисках цветка, о котором говорила Йанги.

Обстановка покоев была аскетичной: две кушетки с бархатными сиденьями, каменный стол с разложенными на нем пузатыми колбочками и черными перьями (такими же, как в головном уборе жрицы), причудливо изогнутые напольные подставки с незажженными свечами, белая медвежья шкура на холодных плитах пола... Что угодно, но не розы. Не говоря уж о *засахаренных* экземплярах.

– О да, воин, – спокойно молвила Йанги. – Но ты их не увидишь, если будешь искать взглядом.

Полуулыбка? Или стражнику померещилось?

– Закрой глаза, – мягко сказала жрица, – и услышь ее. Не используй зрение, откажись от привычных усилий разума, и образ прекрасного цветка предстанет перед тобой. Столь же ясно, как сейчас передо мной, – добавила Йанги, глядя куда-то мимо Дримгура.

«Началось», – решил стражник и поспешно выполнил то, что только что коснулось его слуха. Приказ – не приказ, совершенно неважно.

Он постарался сделать ровно так, как велела жрица. Из всех сил он зажмурил глаза и заставил себя остановить поток мыслей, скачущих диким степным табуном по просторам разума. Вопреки надеждам юноши, взнуздать этих ретивых жеребцов оказалось не так-то просто. Выяснилось, что там, *внутри*, все устроено с точностью до наоборот: теперь

он уже не бравый наездник, управляющий своим резвым скакуном, он сам оказался под чьей-то властной плетью. Эта плеть хлестала Дримгура свежими переживаниями, поднимала с пола осадок впечатлений и швыряла ему в закрытые глаза; не успевала чуть остыть полоска боли от удара одной мысли, следом обрушивалась новая, наполняя гудящей резью уже другую часть тела.

Какие тут могут быть розы? Эта плеть попросту рассекла бы шелк нежных лепестков в багряную пыль и развеяла по ветру над морем Вигари.

И все же это духовное испытание не могло превратить в пыль настрой, подаренный Дримгуру его новыми открытиями. Дары Стены отверженных все так же поблескивали древним золотом на костяных блюдах. Он просто стоял, не говоря ни слова. Просто отдался испытанию – именно так он воспринимал происходящее.

Йанги, чего давным-давно с ней не случилось, искренне восхитилась. Реакция Дримгура превзошла все ожидания.

Королевский воин, позволив снять с себя первую метафизическую пробу, предстал перед ней в наилучшем свете. «Разум – это первое, – подняв глаза к потолку, загибала жрица свои тонкие пальцы. – Разум не замутнен влиятельными энергиями: отец рано умер, мать не властна, а окружение нейтрально. Прекрасная ничейная территория. Истовая жажда, которая юноше кажется примитивной потребно-

стью его земного тела, на деле – жажда пересохшего честолюбия. Захлестывающие страсти по свершениям, подвигам. О, неужто?» На мгновение Йанги по-кошачьи прищурилась, словно сверяясь с неким незримым механизмом. «Да, воин, – томно изогнувшись, будто от наслаждения, закивала она, – это страсти по крови! И с какой силой вытесняют они прочие притязания души! Сколько вообще здесь силы – истинной силы, закипающей в сонном котле бездействия, противного *их* Прародителю. Я чувю, как лопаются его пузырьки, как пляшет на котле крышка!» Жрица медленно втянула ноздрями воздух. С длинным, таким же чувственным выдохом ее лицо утратило негу и стало слегка озабоченным: «Слишком, слишком хорош для своей роли... Пешка оказалась ладьей. Хот, кто знает. Может, так и должно было случиться... Может, это единственно верный путь. – Йанги пристально посмотрела на Дримгура. – Но вот переживет ли ладья рокировку?..»

Что ж, каким бы ни оказался ответ на этот вопрос, медлить не стоило. Йанги грациозно соскользнула со своего мягкого ложа и, неслышно ступая босыми ногами, подошла к каменному столу, притаившемуся в другом углу жреческих покоев. Высвободила из плена туники длинный шнур, свитый плотным жгутом. На нем свободно болтался миниатюрный резной ключик, больше похожий на игрушечный рыболовный крючок. Этим «крючком», повернув его пять раз, Йанги отперла нижний ящик стола и извлекла на свет шка-

тулку из непрозрачного черного кварца – мориона. Изделие имело несколько отделений, каждое из которых располагало своей собственной крохотной замочной скважиной из необычного сплава, соединившего все оттенки морской волны. Поставив шкатулку на стол, жрица слегка прикусила основание своего нагрудного ключа – тот послушно раскрылся. Внутри него оказался точно такой же «крючок», только миниатюрнее. Легким жестом, в котором сквозила многолетняя (или многовековая?) привычка, жрица подцепила иглой «крючка» какую-то деталь в глубине скважины левого нижнего ящичка шкатулки и несколько раз провернула его, крепко зажав между большим и указательным пальцами. Раздался сухой щелчок. Ящичек избавился от своего хитроумного запора, приглашая взглянуть на содержимое черной глянцевої ячейки.

Йанги взялась за крохотную темно-зеленую скобу, расположенную чуть выше скважины, и осторожно потянула кварцевую выемку на себя. Цвет лица жрицы потеплел еще больше, а ее глаза, и без того ярко-желтые, превратились в звезды. Это сияние вырвалось из шкатулочного заточения – и мгновенно отразилось всей силой накопленного света на коже и в глазах Йанги. Ничего в целом удивительного. Ведь даже одна-единственная золотая песчинка пыльцы гаудра желтолистого способна поспорить блеском с любым источником света, встретившемся на ее пути. О том, какое торжество сияния несет в себе целая горсть пыльцы, пожалуй, не стоит и

говорить.

Верховная жрица замерла, словно греясь в мерцающих золотых переливах. Она почувствовала себя «пылинкой на щедрой длани Прародителя». Вернее, в который раз *заставила* почувствовать. Каждодневный терпеливый труд. Год за годом.

Иного выбора не было.

Йанги, получив свою меру тепла, с благодарностью наклонилась к щедрой горсти пылицы и легонько дотронулась до нее плотно сжатыми губами. Их покрыл тончайший слой золотистой пудры. И сделано это было вовсе не из самолюбования. Верховная жрица, совершив причудливый ритуал и спрятав шкатулку обратно в стол, наконец удостоила Дримгура близостью своего присутствия. Тот, в свою очередь, продолжал, зажмурив глаза и замерев, стоять посреди покоев, будто бронзовая скульптура. Выражение лица юноши красноречиво отражало напряженную, но пока бесплодную работу мыслей и органов чувств. Йанги прекрасно понимала, что ее загадка о розе оставалась неразгаданной.

Однако это нисколько ее не расстраивало. Скорее, наоборот: к чему *пейшке*, пусть даже и примерившей на себя королевскую шелковую тунику, богато расшитую золоченой нитью, излишняя прозорливость? Недогадливый разум, дремлющая интуиция, притупленное чутье – это ведь идеальный минеральный состав глины, из которой будет слеплена прекрасная шахматная фигурка. Эти компоненты, помимо

прочего, обеспечат пластичность и вязкость, необходимые для успешной гончарной обработки. Йанги довольно улыбнулась. Воистину, это была не та загадка, которую стражнику следовало отгадать, а значит, его замешательство стало единственно правильным ответом. А то чудесное обстоятельство, что он не принялся перебирать приходящие в голову варианты, бросившись в пучину ощущений, только прибавляло Дримгуру ценности. Ведь он как бы оставил свою ладонь раскрытой в поисках помощи, а ум – готовым услышать «правильный» ответ и принять его как данность.

И помощь, само собой, была оказана.

Жрица, слегка склонившись над королевским стражником, вытянула губы трубочкой и дунула, словно гася свечу. С губ невесомым облаком слетела золотая пыльца, окутав юношу драгоценной вуалью. Она не осела ни на курчавых волосах Дримгура, ни на его загорелом лице, ни на одежде. Просто окружила сиянием ослепительных танцующих частиц. Пыльца одарила юношу отблесками того же нестерпимо яркого света, что несколько мгновений назад озарял Йанги, когда та отперла потайное отделение шкатулки из мориона. У любого взглянувшего на эту картину со стороны, возникло бы впечатление, что этот свет исходит не от иллюминирующей пыльцы, а от самого Дримгура. Что он проглотил крупный слиток искраита и теперь может смело бросить вызов любому сумраку, не заботясь о таких мелочах, как факел или свеча.

Разумеется, Дримгур и не догадывался, что верховная жрица накинула на него полупрозрачную вуаль с мириадами искр-золотинок. Он даже не осознавал степень ее близости, измеряемую легким выдохом, который позволил блестящей пыли слететь с красивых губ и запеленать силуэт Дримгура. Все, что он поначалу почувствовал, – это легкое дуновение, ненароком коснувшееся открытых участков тела. Было приятно. Каждое прикосновение этого «ветра» вместе с росистой свежестью раннего утра дарило обещание скорого облегчения. Прорезав послегрозовым дыханием гнетущую колодезную духоту, чудесный ветер унес всю ее затхлость, не оставив и следа от бывшего сладковато-гнилостного душка. По покоям разлилась живительная прохлада, и в игру вступило знакомое цветочное благоухание. Отдельные дуновения долетали до ноздрей Дримгура отзвуками жженого сахара, неизменно витавшими над ярмарочными лотками Подгорья.

Какое-то время юноша просто наслаждался резко изменившейся атмосферой, не пытаясь ухватиться за подсказку, скрытую в этом переплетении ароматов. Не сразу сбитый с толку стражник признал в нем розу, отороченную каемкой сахарной глазури, словно прихваченную первым заморозком. Бутоны выглядели куда реальней любого настоящего цветка: в каждом плавном изгибе, в каждом движении, вторящем прихоти ветра, и в каждой молочной жилке, что разбегались из темной глубины цветочного сердца.

– Роза! – одними губами прошептал потрясенный Дримгур.

Он боялся, что от громкого голоса или, не приведи Огненный, неосторожного движения явившийся ему образ постигнет участь миража в пустыне. И все же не мог молчать:

– Я вижу... Я ее вижу!

Восторг победоносно воссиял над иными чувствами юноши и выгадал для себя две непрошеные слезы. Быстро скатившись по щекам стражника, они отразили в себе все золото уцепившейся за воздух драгоценной пыли.

– Это лучшее, что я видел... – Признание было обращено не к Йанги и даже не к самому себе – казалось, Дримгур говорил с кем-то третьим.

Йанги окинула взглядом свое творение. Ее янтарные кошачьи глаза светились вполне объяснимой гордостью. Эта гордость несла в себе не удовлетворение победителя у финишной черты, она не была похожа на восхищение матери, взирающей, как делает первые шаги ее обожаемое чадо. Удивительно, но гордость верховной жрицы была словно позаимствована у далеких-далеких предков этого чада, со сдержанным умилением наблюдающих с высоты своего небесного обиталища. Такой взгляд, огранный вековой мудростью, вместивший в себя знания и опыт десятков поколений, был крайне странен на гладком, почти юном лице Йанги. Излучины морщин и потускневший цвет глаз были бы здесь куда уместней – *правильней*.

– Не лучшее, стражник. Обещаю тебе, что это будет не лучшее, что ты увидишь здесь, – прозвучал ее приглушенный хрипловатый голос прямо над ухом Дримгура. – Не открывай глаза – и ты увидишь, ибо слепы зрячие в заблуждениях своих. А в незащитности и мраке дремлет исполинская мощь, копя в груди священное пламя, что озарит путь их к свету! И придет Скарабей. И да затмит это пламя ничтожные лучины зрячих! – Проповедь приняла гипнотический облик заклинания. Пыльца взметнулась столпами огненных искр под самый потолок. – И пожрет огонь всех его презирающих!

Кровавая роза зашелестела ворохом гладких лепестков, словно складками коричнево-малинового занавеса. Они, дрогнув в последний раз, обрушились на пол, со скрежетом расколов свою хрупкую сахарную оболочку. Прозрачное крошево разбежалось по плитам, словно просыпанный мелкий бисер, дыхнув на прощание густой медовой патокой, приторной до тошноты. Покои вновь заполнились удушающим запахом тлена. Звучал он еще настойчивей, уверенно возвращая свои права.

Однако Дримгур был ему рад. Ибо для него этот запах перестал быть скорбным, угнетающим эфиром. Юноша вдохнул его всей грудью, дал задержаться в легких, чтобы напиться дьявольским нектаром – яростью, предсмертными стенаниями, многоголосыми мольбами о пощаде, сладостным мщением, опьяняющей властью, близостью к Огненно-

му богу... И выдохнул скопившуюся на королевской службе горечь, болезненное разочарование и зачатки малодушного смирения перед судьбой потомственного стражника.

В сиянии огненных искр уже стоял совершенно другой Дримгур. Выглядел он словно каменный великан, готовый сбросить с себя глыбовую чешую, что веками сковывала его, защищая тем самым местное население от смертельной опасности. За занавесом бордовых лепестков ему открылось действительно «лучшее, что он мог увидеть». И жадно вдыхаемый Дримгуром запах был лишь частью развернутой перед ним сцены.

Она представляла собой поле битвы, усеянное мертвыми телами в поломанных, искореженных доспехах. Над телами пиروвали клекочущие стервятники, скрежеща когтями по бронзе этих доспехов. Дримгур тоже был там. Только вместо бронзы он увидел на своем возмужавшем теле черные пластины с полустершимися росчерками золота. На груди красовался перевернутый треугольник. В черной железной перчатке он сжимал чей-то ярко-рыжий вихор, на котором болталась отрубленная голова, волоча за собой по вытоптанному полю тонкий кровавый след. Вот рука воина высоко подняла эту голову. Сочащаяся из перерезанного горла кровь, подобно смоле из древесного сруба, тяжелыми каплями окропила запрокинутый блестящий от пота лоб Дримгура. Свободной рукой он, сбросив латы на землю, начертил на своем лбу размашистый треугольник и воздел к небу теперь уже обе руки,

не выпуская отрубленной головы.

Бескрайнее войско, закрывавшее собой границы поля брани, замкнуло его в кольцо нестройного громогласного «ХА – Р-РХ-Х!»», заглушив стоны умирающих. После все как один рухнули перед ним на колени. Судя по наконец открывшемуся над их спинами пейзажу, это было очень, очень далеко от родного Подгорья.

Глава 12 Испытание. Дух

– Поступающие могут по своему разумению использовать весь набор лекарственных принадлежностей, который найдут в верхнем ящике стола.

Мастер Мофф, бессменный глава отделения лекарского дела естественно-научного факультета, не изменяя старой привычке, обращался к созреванцам в третьем лице. Надтреснутая хрипотца, сухое покашливание (якобы для смыслового разделения фраз) выдавали почтенный возраст мастера. Однако сопоставление голоса с внешностью его обладателя повергало в недоумение: облик ученого не имел ничего общего с этим старческим дребезжанием. Плотный шелк кимоно цвета сливок спускался с плеч строгими вертикальными линиями, подчеркивая идеальную осанку. Густота серо-бежевых волос была отчасти скрадана прической – низким хвостом, перехваченным черной ленточкой и доходящим до лопаток. Морщины не пролегали уродливыми бороздами, говорящими о бессилии науки над временем. Нет, узкому светлокожему лицу с высоким лбом и скулами до-

рожки морщин лишь придавали благородства. Тонкие лучи в уголках глаз казались предусмотренными самой природой линиями, с рождения прочерченными на коже ученого. Что до светло-сиреневых глаз, глубина и особое выражение их взгляда безошибочно указывали на тесную связь Моффа с лекарским делом – пожалуй, самым осознанным ремеслом (истинные лекари на Вига упорно отказываются именовать его искусством), требующим сострадания и твердости, жертвенности и хладнокровия, философской мудрости и аптекарской точности. И если в этом ремесле, как любят говорить на Вига, нет случайных лиц, то мастер Мофф был, пожалуй, самым неслучайным из них. Чего стоит одна его легендарная родословная, со времен седой старины состоящая сплошь из талантливых лекарей.

Неторопливая жестикуляция Моффа сообщила эту мысль Илари, которая, не замешкавшись при входе в аудиторию, успела занять ближайший к преподавательскому кругу стол. Взмах широкого бежевого рукава – и открывшийся участок руки мастера сверкнул серебряным узором. Перед глазами Илари в тот же миг стройными рядами выстроилась вся плеяда заслуженных лекарей Вига, опыт, знания и секреты которой вобрал в себя этот пожилой, но прекрасно сохранившийся ученый. Теперь не только он сам, но и все поколения его благородных пращуров строго взирали на нее – дочь «государственного изменника», ютившуюся с обезумевшей матерью за чертой блестящего Нуа. Возомнившей себя если

не прирожденным лекарем, то по меньшей мере сестрой милосердия. «А есть ли в тебе это милосердие, *самозванка*? – будто хором вопрошали они. – С чего ты взяла, что достойна стать одной из нас?»

Илари, на всякий случай поправив длинные рукава платья (в который раз за этот день!), оглянулась по сторонам. И миг почувствовала себя ничтожно маленькой. Еще более беззащитной, чем когда пробиралась в поздний час к их с матерью хижине, затерянной на краю неблагополучного Зачерновичья. Да что там – такое напряжение (Илари отказывалась признать это чувство испугом) ни разу не нависало над ней даже теми темными ночами, когда приходилось засыпать одной. Когда Наида не являлась ночевать домой, чтобы уберечь дочь от зловещего танца теней, что отбрасывал на стены бурый лес непроходимых водорослей.

Дело в том, что Илари ни разу в жизни не оказывалась в таких огромных помещениях. Архитектурная стройность и симметрия буквально давили на голову, внушали безотчетное благоговение и заставляли девушку усомниться в собственных достоинствах, да и вообще в уместности нахождения в этих стенах.

Засомневаешься тут, когда вместо тесной рабочей каморки Черновика окажешься вдруг под высоченным куполом главной аудитории лекарского отделения, занимающей внушительную часть фиолетовой стеклянной башни Университета! Задерешь голову так, что шею аж заломит, а потолок

так и не увидишь: стекло хоть и толстое, но просвечивает не хуже прозрачной фицци. Вот и убегают витые изогнутые колонны будто бы в никуда, притворяясь, что вовсе не служат для поддержки конструкции здания. Этого мало, подножие снежно-белых колонн разверзается внизу обширным амфитеатром, позволяя мягким подводным лучам свободно играть в открывающемся пространстве. На широких полукольцах амфитеатра стройными рядами расставлены высокие столы с выдвигаемыми ящиками. Скамьи сегодня отсутствуют, ведь записывать будет нечего. От будущих студентов-лекарей на вступительном испытании ждут иного.

Каждому из них предстоит вылечить живое существо. На глазах именитых представителей лекарского мастерства.

Илари ощутила, как дно Вигари предательски уходит из-под ног, когда неожиданные условия испытания равнодушными скрипучими фразами вылетели из уст Моффа.

В эти слова вместились вся академическая сухость мастера, сдобренная многолетним участием в университетской рутине. И ежегодный прием новой порции созреванцев в цитадель наук был, пожалуй, наиболее утомительным делом для пожилого мэтра. Не раз он в редкие минуты откровений с коллегами признавался, что раздражен «поисками юных умов, идущих по зову призвания». И заодно выражал нетерпимость относительно тех молодых вига, что являлись на испытания не по собственной воле, а по наущению недалёковидных родителей. И особенно сурово высказывал-

ся о тех, кто смел притащиться неведомо откуда, пытаюсь скрывать свою бесславную родословную. «Лоб готовы расшибить, лишь бы прорваться в мир науки и воспарить над нищетой», – так обычно отзывался о них мастер.

И, увы, неповинны в том ни старческая сварливость, ни аристократическая претенциозность.

Много – слишком много – повидал Мофф на своем веку. В том числе печальные, непоправимые последствия лекарской практики тех, кто занимался ею без призвания. Ибо, сколь высоким ни был барьер вступительных испытаний, они всегда имели одинаковый исход: каждый светооборот ряды новоприбывших студентов-лекарей пестрели такими вот «паршивыми овцами».

Большинство преподавателей – хоть, к примеру, сидящий по правую руку Моффа молоджавый магистр Эсопп – в целом смирились с этой неизбежной погрешностью и отказались от излишнего перфекционизма. Дошли до того, что, по словам самого Эсоппа, «сумели усмотреть в этой категории обучающихся зачатки оригинального лекарского мышления».

Вторивший и где-то подражающий Эсоппу магистр Гифу на одном из кафедральных советов присовокупил, что де новой задачей факультета видится ему активное развитие такого мышления. Все это, очевидно, оттого, что сам Гифу во времена молодости не слишком прислушивался к шепоту призвания и знатно потрепал нервы своим наставникам и родителям, стабильно раз в светооборот перебегая с фа-

культета тонких материй на естественно-научный. Оправдывают ли его два свитка с золотой печатью отличия от обоих факультетов, ставшие итогом этих метаний? А может, чернильные знаки научных званий и на безымянном пальце, и на мизинце, которые он с тех пор как бы ненароком старался держать на уровне глаз консервативного Моффа? Тот, хоть и добрюзжался аж до мастера, тем не менее отмечен скромнее – темно-синие знаки коснулись лишь одного его пальца.

Результат, как говорится, налицо. Все дискуссии о неоднозначной научной карьере Гифу разлетелись в мелкие щепки, натолкнувшись на неопровержимые доказательства его успеха. Пять соединенных между собой точек на мизинце гордо указывали на филигранное владение искусством защиты от одержимостей; перечеркнутый треугольник на безымянном персте говорил о неоспоримых достижениях в искусстве анальгезии, об умении унять даже самую острую физическую боль. К чести магистра Гифу, он действительно умудрялся сочетать в себе эту противоречивую, не дающую покоя тягу к двум искусствам одновременно. И, стоит заметить, немало преуспел на обоих поприщах, виртуозно совмещая научные изыскания с наставничеством и участием в жизни Университета. «Живой пример победы над закоснелостью предрассудков», – так с определенного момента принялись отзываться о Гифу коллеги. Мофф же со своей категоричной позицией остался в меньшинстве.

И все бы ничего. Но беда заключалась в том, что далеко не

все студенты с раздвоенным призванием в конечном итоге становились такими Гифу или Офлианами.

Мастер Мофф с тревогой оглядывал лица претендентов на чернильные знаки за успехи в лекарском *ремесле*. Со стороны казалось, что он производит строгий досмотр на предмет шпаргалок и вырванных книжных страниц, запрятанных в рукава или искусники еще знают куда.

Какая глупость! Это было последним, что заботило опытного мастера в те волнующие минуты перед экзаменом. Как же быстро таяли суетливые мгновения... Удастся ли чутью мастера, натренированному годами практики, и на сей раз отделить зерна от плевел? Сколько «раздвоенных» и «искаженных» соискателей стоят сейчас перед ним, опираясь на белоснежные столешницы? Кому вновь суждено проскочить мимо прицела испытания? Мофф, как бы в подтверждение внутренней мобилизации, еще туже затянул широкий пояс своего халата-кимоно, встретившись пальцами с тонким узором его набивной вышивки и по привычке погладив его. Причудливая ассоциативная цепочка навеяла мысль об объемных изгибах головного мозга в заспиртованных колбах Лабораториума. Мастер удивленно хмыкнул себе под нос: хоть что-то. Изворотливый разум зацепился за эту залетную мыслишку и отвлек нехитрым трюком безжалостную память. Никуда старому Моффу не укрыться от ее всевидящего ока.

Да, он помнит все неисправимые, непростительные ошибки, которые допускали его подопечные, помнит и то, как стояли они, беспомощно разводя руками с окровавленным инструментом, над телами своих пациентов. Обычно подобный жест приходился на тот черный миг, когда из спинных плавников больного уже прекращали виться слабые струйки кислородных пузырьков, но родные почившего еще не осознавали, что же произошло.

При любых обстоятельствах Мофф неизменно брал ошибку выпускника на себя. И все эти профессиональные грехи преследовали мастера по ночам, а сны все больше походили на удавшийся спиритический сеанс. Ибо все те *ошибки* до единой, взявшись за мертвенно-белые руки, водили колдовской хоровод вокруг его ложа. Иногда они тихо смеялись над ним, тыкая прозрачными перстами в его чернильный знак.

Мастеру очень не хотелось, чтобы этот хоровод ширился.

Илари взялась за прохладный металл квадратной ручки ящика и осторожно – как бы чего раньше времени не испортить! – отперла его. К слову, сам стол был, на вкус Илари, очень красив. Роль столешницы играл цельный спил снежного корня³³, накрепко прикрученный к тяжелому кованому

³³ Снежный корень – полуподземное деревянистое растение, произрастающее в северном Водораздолье государства Вига. Название всецело отражает внешний вид этого дерева: оно представлено только лишь своими огромными корнями, наполовину ветвящимися в мерзлой почве северных вод и ровно настолько же

му основанию, в котором друг под другом вмещались три неглубоких ящика. Аккуратно погладив атласную поверхность крышки стола, девушка признала в ней защитное масляное покрытие, схватывающееся на древесине при низких температурах. Его же использовали для рабочих столов в алхимических лабораториях Черновика, дабы защитить столешницы от ядовитых смесей. «Кто бы так же беспокоился о подмастерьях...» – вздохнула про себя Илари, скользнув взглядом по темно-карминным следам, которыми были усеяны ее руки. Отметины на память о жгучих поцелуях ядов и полуядов, от которых не всегда спасали самодельные перчатки из кожи рыбы-щелкуна.

На фоне снежно-белой столешницы, плетущей клубок годичных колец под льдистой масляной корочкой, эти руки выглядели еще более изувеченными...

«Нет, так не пойдет! – мысленно одернула себя Илари, убрав левую кисть от заносчивой белизны снежного корня. –

возвышающимися над ней завитками кипенно-белых одеревенелых колец. Разумеется, в ботаническом смысле снежный корень разделен на ствол с побегами и корневую систему, однако название, данное ему его первооткрывателем, магистром Идду, сохранилось до наших дней. Деревья растут обширными группами, образуя целые кольчатые леса. Из-за высокой плотности плетения этих колец и их внушительных размеров (наиболее крупные сопоставимы с двухэтажным домом), исследовательским и промысловым экспедициям крайне сложно пробираться через «корневые» чащи. Однако это стоит того: древесина снежного корня заслуженно ценится в гомеопатии, а также является изысканной альтернативой обычному дереву в столярном мастерстве (У. Шиддрих. *Загадки подводных лесов. Архив закопанного библиотечного тайника г. Кхуриши (юго-восток о. Харх)*).

Лекарь *имеет право* на некрасивые руки! – вложила она в эту мысль все имевшееся в ней достоинство. – И алхимик – тоже! И зодчий!» Уверенность постепенно восстанавливала свои позиции, стремясь подавить ростки смущения и стыда.

Бедное дитя! Она думала, что все дело в *этих* отметинах...

Ржжржрж-ж-ж. Проскрипев железом по железу, навстречу Илари выкатился круглый ящик с низкими бортиками, больше напоминающий массивный серо-коричневый поднос с шероховатым дном. Оно неплохо магнитилось. Девушка с удивлением обнаружила это, когда попыталась взяться за один из стеклянных пузырьков, чтобы разобрать надпись на его этикетке. Как это понимать?! Бутылочка, на которую нацелилась Илари, принялась сопротивляться, не желая расставаться с «насиженным» местом в родном ящике, и что было сил цеплялась за зернистое дно. Естественно, для Илари это было не наглядным примером действия магнитного поля «подноса», а проявлением откровенного недружелюбия.

Как и в лавандовых глазах того благородного вига с голосом дряхлого старца в центре полукруга наставников. И, кажется, сейчас он наконец изложит суть экзаменационного испытания. Судя по его властно воздетой серебристой руке, призывающей к тишине, он собирается сделать именно это.

В висках застучало. Этот стук, казалось Илари, выбивал из ее головы остатки знаний. Знаний и без того неполных,

отрывочных: где ей было взять себе наставника, который помог бы уложить их в стройную систему и прочно укрепить в архивах памяти? От матери толку было мало. Ее всегда приходилось упрашивать, если не умолять, поделиться секретом приготовления очередного снадобья, эликсира или целебного полуяда из желез колючих лесных ужей. Что касается бесценных для Илари навыков в элементарных лекарственных приемах – тут Наида и вовсе оставалась глухой, как стена. Что поделаешь? Приходилось действовать самостоятельно. В результате почти весь скромный заработок девочки оседал в карманах торговцев подержанными книгами, страницы которых были заляпаны темно-синими пятнами крови (загадку розовых следов Илари предпочла оставить неразгаданной). А в местах, где прозрачные мембраны были истощены временем и неподобающим обращением, от некогда ярких чернил остались бледные водяные знаки. Да что там кровь и чернила! Уже счастьем было, если количество страниц соответствовало их числу, обещанному в содержании книги. Если, конечно, лист с этим самым содержанием изволил сохраниться.

Обычно девушка старалась гнать прочь мысли о знаниях, что обошли ее стороной, оставшись на вырванных страницах. Затем ведь она и шла в Университет: чтобы открыть для себя эти недостающие фрагменты и впитать, как губка, собранную воедино тайнопись водяных знаков! Глубоко познать все тонкости и хитрости лекарского мастерства, на-

учиться ориентироваться во внутреннем строении организмов вига с закрытыми глазами. «А не бездумно зазубрить страницы пособий под надзором наставника, чтобы потом запутаться, если их вдруг поменяют местами», – закончила мысль Илари, искоса поглядывая на своих хорошо одетых лучеруких конкурентов.

Нельзя сказать, что они выглядели безликой массой избалованных и равнодушных к лекарскому ремеслу детей, озабоченных только тем, как бы не получить дома нагоняй за плохую подготовку к экзамену и не лишиться себя посуленного вознаграждения за успех. Кто-то со смесью восхищения и опаски исподлобья поглядывал на строгую выправку магистра Моффа; кто-то безотчетно выстукивал пальцами хаотичный ритм по пока еще белоснежной столешнице, ожидая дальнейших указаний; кто-то, прикрыв глаза, силился воскресить в памяти алхимические формулы и определения, нашептывая их в бесконечную высь потолка аудитории.

«В общем, ведут себя как и подобает *детям* их возраста», – резюмировала Илари. Напускное пренебрежение, дополнительные два светооборота в толще подводного мира Вига, вынужденная самостоятельность и раннее вступление в борьбу за будущее – вот, пожалуй, и все, что могла она положить на свою чашу весов против наследников аристократических семей Нуа.

Тем не менее, очевидно, настало время переступить через гордость. Ведь пузырек так и не сдал свои позиции: креп-

ко сидел на шершавой поверхности круглого жестяного подноса, выглядывающего из основания стола. Как и его стеклянные соседи. Да они никак стоворились против зачерновичьей выскочки! «Не желаем иметь с тобой дел, – будто бы позвякивали они. – Мы, творения лекарского и алхимического мастерства, рожденные на свет талантом *достойных* в Лабораториуме, не позволим абы кому дотрагиваться до нас!» А быть может, это вовсе не воспаленное воображение Илари наделяло склянки высокомерием? Как бы то ни было, требовалось предпринять нечто такое, что вмиг примирило бы этих пузатых стеклянных снобов с ее мозолистыми ладонями. Всего-то ничего: просто взять и отсоединить их от ящика стола.

Ох, если бы это оказалось так же просто, как звучало!..

Лихорадочный взгляд по сторонам. Что же это? Неужто двенадцатилетние несмышлениши еще до объявления старта начали обгонять Илари? Поглядите на них – у каждого второго уже по заветному пузырьку в сияющих перламутром пальцах! А то и по два, если присмотреться как следует... Некоторые из поступающих принялись торопливо бегать глазами по витиеватым письменам, опоясывающим этикетки бутылочек и колб. Нет, это невозможно! Отдельные пары глаз ясно выражали понимание секрета полуразмытых чернильных каракулей. Особенно впечатлил Илари один на вид совсем юный поклонник лекарского ремесла.

Низкорослый толстяк, словно горсть леденцов, переби-

рал в пухлых ладошках темно-зеленые, мрачно-фиолетовые и бордовые шарики с узкими горлышками, радостно кивая каждому из них как старому знакомому. «Судя по блеску, они отвечают ему взаимностью...» – завистливо рассудила Илари. Круглое лицо мальчугана светилось не меньше, чем промасленный спил снежного корня. Он закатал рукава своей аквамариновой мантии аж по самые локти, и теперь его оголенные руки навевали комичную мысль о серебряных латах. «Ха-ха! – Девушка едва сдерживала язвительный смех. – Пекарь приоделся рыцарем и заявился в таком виде на свое рабочее место!» И в самом деле, перенеси этого толстячка к печной заслонке хлебопекарного цеха Черновика – ни дать ни взять готовится поставить в печь несколько булок травяного хлеба. Не хватает разве только фартука да повязки на голове.

Вот «пекарь» потянулся короткими пухлыми пальчиками за очередной порцией «теста». Илари, все так же боясь обнаружить свою некомпетентность в обращении с лекарским инструментарием, не позволяла себе повернуть голову и в открытую посмотреть, как другие отсоединяют колбочки от магнитного ящика. Поэтому, делая вид, что пока занята их тактильным изучением, девушка всюю косилась на деятельного толстяка. Этот шпионский прием давался нелегко – болью глазных мышц, ощутимым изменением черепного давления и легким, но вместе с тем неприятным головокружением. Илари ухватилась дрожащими пальцами за прохлад-

ную гладь столешницы. Волнение, однако, перекрывало физический дискомфорт и подталкивало к скорейшему разоблачению магнитной аномалии, не позволявшей взять в руки ни одного снадобья. Ведь замешательство Илари того и гляди заметит – если уже не заметил – тот седой преподаватель в молочном кимоно. Девушке пришлось не раз пожалеть о выборе места: слишком близко от возвышения, на котором полукругом восседали за столом наставники. Глупость за глупостью! Да что с ней сегодня – в такой-то день! – творится?

Нет, глаза теперь уже отводить никак нельзя. Нужно-таки углядеть, как этот маленький обжора-барчук подцепит с подноса новый пузырек! И пусть это будет стоить хоть светооборота головной боли! Плевать сейчас на все!

Илари, продолжая с независимым видом копаться в ящике, изо всех сил удерживала фокус на мальчугане, которого в порыве искренней зависти окрестила «пекарем». Она продолжала свое вынужденное «шпионство». Толстяк же, как назло, приостановился. Конечно, *ему-то* куда торопиться! Он задумался – видать, и вправду, о травяных булочках в сливочной глазури – и мечтательно забарабанил пальцем по восковидной пробке, что увенчивала горлышко темно-алой бутылочки. То была последняя емкость, до которой еще не добрались пухлые серебристые руки.

«Что он там выстукивает?!» – нервно вопрошала себя Илари. Потом всерьез задумалась: а может, и в самом деле попробовать постучать по тугой вощенной пробке? Чем ис-

кусники не шутят!..

Стараясь действовать как можно незаметней – на случай, если идея окажется столь же бесполезной, как и *латы для пекаря*, – девушка со всей доступной ей деликатностью трижды коснулась пробки кончиком ногтя указательного пальца. Эта нехитрая манипуляция заметно усилила ощущение собственной бестолковости. Похоже, на щеках Илари расцвели васильковые тени, выдающие прилив к ним синей крови, что не на шутку разбушевалась под бледной кожей девушки. Неудивительно. Ведь так оно всегда и происходит, когда надежды всей жизни, пусть и недолгой, кубарем катятся к самому краю обрыва. Краснеют ли щеки, *синют* ли – какая, в сущности, разница?

Тук-тук-тук.

Ответа, как и стоило ожидать, не последовало. Абсолютная тишина. Ничего не щелкнуло, не скрипнуло и даже не пискнуло. Никакого намека на то, что хитроумный поднос готов расстаться со своим бесценным содержимым.

Что делать?

Мастер уже принялся, не меняя интонации и тембра, монотонно излагать условия экзаменационного испытания. До Илари, хоть она и заняла «удачное» место в первом ряду, слова долетали какими-то приглушенными отзвуками. Будто ее заперли в деревянной бочке и швырнули в глубокий подпол.

– ...существо... с индивидуальным... хвори... – доноси-

лось разреженным эхом откуда-то сверху, – знания... типы снадобий... элементы формул... от ваших наставников.

То, что другие воспринимали как вполне выполнимые указания, для Илари звучало бессвязными обрывками приговора – лично ей. Приговора, который она не в силах оспорить.

Да уж, видно, мерзкий толстяк (наверняка любимец своих многочисленных лучеруких родственников!) просто решил поиздеваться над ней. Нарочно сделал театральную паузу, потянул время, чтобы сильнее помучить подглядывающую за ним шпионку. А потом пустился выстукивать мотив какой-нибудь прилипчивой дразнилки, чтобы потом вдоволь погоготать со своими приятелями-увальнями над тем, как взрослая девица принялась повторять за ним! Наверняка он давно заметил Иларино замешательство над подносом с колбочками. И уж конечно, не смог отказать себе в удовольствии посмеяться над простушкой, вообразившей о себе невесть что. А чудное обстоятельство, что она к тому же – вот удача! – выглядела старше всей группы экзаменующихся, лишь добавит перца в будущую байку для дружков. Какой прекрасный способ показать им, что он не только не боялся вступительного испытания, но и за пару мгновений до него нашел в себе моральные силы для столь остроумной затеи!

Гадкий, гадкий хряк, выдрессированный учтивыми наставниками за звонкую монету родителей! А ведь вначале он даже показался девушке милым и смышленным... Теперь

же она видела всю его снобистскую избалованную натуру насквозь! И презирала его всеми фибрами своего растревоженного эо. Презирала – от собственного бессилия, от закипающей злости на себя, от злости на мать и от режущей боли в глазах, которыми она так долго силилась углядеть в его насмешке спасение для себя.

Ибо кто станет возиться с ней в Университете, если она не в состоянии даже взять в руки инструменты?!

Со всех сторон на Илари были нацелены острые стрелы недоброжелательства. Она ощутила себя всеобщей мишенью, замершей в мучительном ожидании пронизывающей боли. Кругом одни стрелы: в строгих фиалковых глазах Моффа, в смеющемся над ней толстяке в аквамариновой мантии, в неприручаемых пузырьках с эликсирами... На хвостовиках этих стрел выцарапано что-то о призвании. Чтобы стало видно, когда они будут крест-накрест торчать из ее кровоточащего сердца.

Стрелы, стрелы, стрелы... Они целятся и ждут, когда их мишень не выдержит и дрогнет.

Две тяжелые горячие слезы копились в уголках нежно-голубых глаз Илари еще с момента, когда она встретила взглядом с суровым мастером Моффом. Все последующие впечатления попросту выплеснули их наружу, несмотря на внутреннее сопротивление девушки и нежелание терять остатки своей пресловутой гордости. Водная вуаль, окутывающая подводный мир Вига, отчасти скрыла этот всплеск

слабости и отчаяния. Девушку выдавали только покрасневшие глаза, замутненные поволокой, что переливалась в их нежной голубизне. И все же Илари – уже скорее подсознательно, нежели обдуманно – постаралась скрыть неподобающее проявление эмоций. Все, что она могла, – это как можно ниже опустить голову и сморгнуть две крупные бусины слез, которые уже грозились быть замеченными.

О нет!

Этому не бывать! Что-что, а этого удовольствия она им не доставит! Если ей и суждено сегодня уйти из Университета ни с чем, то, по крайней мере, она уйдет гордо. Как истинная Эну. Как дочь своего отца. Да, стоит предпринять последнее усилие во имя его светлой памяти – непобежденного и несломленного Ваумара Эну.

Илари энергично потрянула головой. Это движение помогло ей сбросить лишние эмоции и заодно избавиться от скопившейся на глазах влаги. С высоты помоста наставнического полукруга это выглядело так, будто юная особа выразила полное понимание по части экзаменационных требований, а также нетерпение поскорее приступить к их выполнению.

Кто же знал, что она всего лишь пытается замаскировать слезы отчаяния и беспомощности? Не говоря уж о том, что за всей этой пеленой *юная особа* так и осталась в полном неведении относительно того, чего же хотят от нее наставники.

Илари провела указательным пальцем правой руки от виска к подбородку, стараясь придать лицу сосредоточенный

вид: вот она якобы уже прикидывает, что из предложенного ящиком инструментария ей сейчас может пригодиться. Палец девушки задержался на кончике подбородка и задумчиво поскреб его, словно в доказательство сложного мыслительного процесса. Ну а вытянутые большой и указательный пальцы левой руки потянулись к подносу: будущий лекарь уже, мол, обдумал сценарий исцеления, который сейчас продемонстрирует восторженной публике. Илари так заигралась в уверенного в себе мастера лекарского дела, что рефлексивно зажала между пальцами темно-карминное горлышко ближайшей к ней бутылочки. Все выглядело так, словно она и впрямь могла свободно взять снадобье в руки, задумчиво покрутить его, бегло прочесть этикетку, прикинуть, в каком случае оно может прийти на выручку...

Одним словом, будто бы это она, Илари, подчиняла себе алхимические произведения Лабораториума, а не наоборот.

Пальцы, послушно следуя зову воображения, попытались покрутить впаянную в поднос бутылочку. Тем временем по закоулкам здравомыслия хаотично метались вопросы о том, сколько еще сможет продлиться эта имитация бурной деятельности. Когда ее жалкая игра в подготовку к испытанию вызовет подозрения у какой-нибудь пары проницательных глаз? Их тут ведь, почитай, больше сотни, в этой громадной уютной аудитории.

По подсчетам Илари, до скандального разоблачения оставалось меньше минуты. А дальше... О том, что будет даль-

ше, пожалуйста, лучше и вовсе не думать.

Хрррржжжжж-жжж-жж-ж.

От резкого движения пальцев бутылочка вдруг, подпрыгивая, заплясала по зернистому дну ящика, выписывая немислимые кренделя и ударяясь о его жестяные бортики. И тем самым раскручивалась пуще прежнего. Получился звук, как если бы кочергой принялись скрести по битому стеклу. Благо толща морской воды сгладила наиболее острые и неприятные уху грани этой «музыки», иначе несладко бы пришлось «музыканту». Илари принялась судорожно водить руками над подносом: ей во что бы то ни стало нужно было изловить не к месту развеселившийся пузырек до того, как он своей пляской расколлет более уравновешенных стеклянных соседей.

На фоне этого обстоятельства на второй план ушло даже то, что скрежет все отчетливей разносился по аудитории и уже всюю аккомпанировал мастеру Моффу, как раз завершавшему напутственную речь.

«Только бы не разбить пузырьки, только бы скорее поймать бутылочку!» – крутилось в голове Илари. Она с ужасом представляла, сколько нужно будет, не разгибаясь, отработать в Черновике, чтобы возместить Лабораториуму этот ущерб.

А мысли и воздушные замки надежд, связанных с лекарским образованием, уплывали далеко за горизонт.

Норовистая бутылочка не унималась (очевидно, «пекарь»

все же не обманул!), и очень скоро наступил момент, когда ее гулкий скрежет заслонил и без того тихий голос Моффа. Хотя нет, что же это? Звук, оказывается, уже секунд десять как перекрывает речь мастера! И тот, не желая вступать в противоборство, попросту умолк. Позвонками согнутой над столом шеи девушка ощутила миллион холодных нитей, разбегающихся вниз по спине.

То была первая выпущенная стрела. Стрела ледяного взгляда мастера Моффа, попавшая точно в цель.

Илари, с трудом справляясь со спазмами страха где-то под ребрами, подняла глаза на полукруг наставников. Дрожащими руками она все же пыталась справиться с катастрофой. Бесплезно. От стремительных движений длинные рукава платья задралась почти до локтей, являя взору высшего общества хвосты полуночно-фиолетовых «змей», ниспадающих безродной вязью с плеч Илари. С какого-то момента она перестала за этим следить.

Распрямитесь, призвать на помощь гордость, превратившуюся в глупую самонадеянность, у девушки не осталось сил. И вот она, согнувшись над своим алхимическим апокалипсисом, нервически дрожа и не помня себя от страха, исподлобья уставилась на главу отделения лекарского мастерства. Уставилась не умоляющим взглядом провинившейся ученицы, а ослабившимся загнанным волчонком. Словно вменяя ему в вину все свои злоключения и неудачи.

Стоит ли упоминать, что не только мастер Мофф, но

и добрая сотня пар любопытных, полных недоумения глаз устремились на нее? Илари и вправду почувствовала себя волчонком, которого готова была затравить вражья стая.

Ее вторая стрела.

Она подрагивала от нетерпения на струне тетивы. Только теперь девушку это нисколько не пугало. Пусть себе летит прямо в сердце, да побыстрее! Все равно надежда канула за черную кромку горизонта. И Илари медленно погружалась вслед за ней – в мир своих затонувших грез.

К отцу.

– Да кто-нибудь, прекратите это, наконец! – вклинился звучный низкий мужской голос в песню железа и стекла.

Это был точно не мастер Мофф: куда ему перекричать за-полнивший аудиторию скрежет, купающийся в собственном эхе. Быстрый взгляд Илари остро полоснул по наставническому полукругу в поисках хозяина громкого голоса. Судя по всему, сей баритон принадлежал плечистому темноволосому вига средних лет в простом черном халате, перехваченном изящным поясом из пластичного тканого металла цвета чайного листа. Илари удалось разглядеть эту деталь его одеяния, потому что магистр Гифу – а именно им говоривший и оказался – уже подскочил со своего места и стремглав направился к ней. Надо думать, наставник окончательно лишился терпения.

Опомниться удалось, только когда в аудитории воцарилась такая тишина, что было отчетливо слышно, как с мяг-

ким фырканьем из спинных плавников вылетали пузырячатые шарики. Иначе говоря, когда до слуха стало доноситься одно только дыхание присутствующих. Больше никакой кочерги и стеклянной крошки.

Над Илари во весь свой внушительный рост возвышался магистр Гифу. Правой рукой он уже крепко держал за горлышко злополучный пузырек, а левой непринужденно опирался на снежно-белую гладь стола. На всякий случай Гифу воздел руку с бутылочкой повыше, чтобы все убедились, что угроза миновала и инцидент можно считать исчерпанным.

Во всяком случае, ту его часть, что касалась нарушения тишины в экзаменационном помещении и вынужденной паузы в речи Моффа. «Вас более ничто не отвлекает, можно продолжать», – говорил жест магистра, направленный куда-то в сторону от Илари.

А вот можно ли продолжить ей – нарушительнице правил поведения в университетской аудитории, что едва не оглушила всех присутствующих? Большой вопрос. Его усугубляло еще одно обстоятельство: над столешницей закрученными клубами медленно поднимались струйки темно-зеленой жидкости. Похожие на семиглавого змея, они неспешно воскурялись вверх – к бесконечному потолку, растягиваясь в пространстве аудитории и постепенно теряя цветовую насыщенность.

Прекрасно. Похоже, та неугомонная мрачно-красная колба, которую уже утихомирил подоспевший на помощь Ги-

фу, все же успела на прощание поцеловать кого-то из своего окружения. Россыпь бесцветных стекол с неровными краями, разгулявшаяся по ящику Илари, лишь подтвердила эту печальную догадку. Все без исключения задрали головы и, выпучив глаза, провожали взглядами жидкость, вырвавшуюся из стеклянного плена и по-змеиному ползущую к потолку. Даже консервативный и скупой на эмоции Мофф вместе со всеми воззрился на это действие, близоруко сощурившись больше, чем ему хотелось бы.

– Простите, – невнятно буркнула Илари себе под нос, понимая, что объясняться, биться лбом о пол или витиевато оправдываться смысла уже не было. Игра за будущее проиграна. «Прекрасная загадка» так и останется загадкой. Придется, поджав хвост, уползти обратно в дебри Зачерновичья, освободив место для достойных.

Она резко одернула рукава – будто это еще на что-то влияло! – и предприняла попытку тихо прошмыгнуть за спиной Гифу, все еще вздымавшего бутылочку снадобья, словно заслуженный трофей. Ничего, еще несколько секунд унижения и позора по пути к выходу, а там уже ждет спасительная дверь. Эмоции, слезы, рыдания и горечь – все это, безусловно, будет. Но по ту сторону двери.

Два незаметных (как казалось Илари) робких шажка вправо – к заветному дверному проему, сулящему надежное укрытие от насмешек и оскорблений.

Препятствие. Что-то мертвой хваткой вцепилось в чер-

ную ткань рукава, не пуская дальше. Что, искусники побери, еще за новая ловушка?! Или глупая неудачница мало сегодня натерпелась?

Обернувшись, Илари окончательно сникла. Магистр Гифу удерживал ее свободной рукой за платье. И, надо сказать, довольно крепко.

– Вы куда-то торопитесь, будущий лекарь? – Тон странным образом не сочетался с очевидно вложенной в слова издевкой. – Испытание, если вы не поняли, еще не началось. Сообщаю вам это, если за бутылочным вандализмом вы вдруг не расслышали того, что излагал мастер Мофф, – добавил он, возвращая успокоившуюся колбочку на место. И с невозмутимым видом быстрыми шагами вернулся на помост. Удивительно, но магистр даже не глянул на коллег в поисках одобрения своего жеста доброй воли. Лишь на миг скосил глаза на чернильные знаки своих ученых званий, будто в чем-то сверяясь с ними.

Уверенность в себе – чертовски заразительная штука. И непоколебимый Гифу в который раз доказал всем сию непреложную истину. Стоит к этому добавить, что время неумолимо шло, а затянувшаяся подготовка к экзамену не лучшим образом сказывалась на настрое созреванцев. Кого-то случившийся курьез, прямо скажем, сбил с толку. Отдельных личностей он развеселил и начисто выветрил из голов то, что терпеливо вкладывали в них наставники. Других – напугал, впечатлительные натуры так и застыли, уставившись в соб-

ственные лекарские подносы.

Громадный часовик в виде амфоры с рельефными письменами, вздымающийся над спинами наставников, *не теряя времени* и, пока суд да дело, успел перекраситься из яично-желтого в светло-зеленый цвет. Никто в общей суете этого не заметил, однако теперь, когда льдистые стены, колонны и ступеньки аудитории впитали отбрасываемую лепестками зеленцу, игнорировать намеки «сторожа времени» стало невозможно.

Мастер Мофф, на которого вновь сместилось всеобщее внимание, почувствовал себя дирижером оркестра. Но не в той его ипостаси, когда, подобно хорошо отлаженному механизму он являет слуху волшебство, зашифрованное в тайнописи нотных листов. Нет и еще раз нет! Подопечные Моффа напоминали музыкантов, рассредоточенных по оркестровой яме и настраивающих каждый свой инструмент.

«Оно, может, и неплохо, – отметил про себя мастер, – но за *известное* время до начала концерта». Он нахмурился и скрестил руки на шелковой ткани своего кимоно – верный признак раздражения: «Долой эту какофонию!»

Отраженный от левой колонны луч лег косым отсветом на тыльную сторону суховатого запястья Моффа. И сообщил серебристой фамильной вязи мэтра врачевания нежный мятный оттенок. Заметив это, Мофф – вот удача для экзаменующихся! – немного смягчился. Он переменял позу и теперь держал руки не скрещенными на груди, а уперся ими

в стол.

Затем мастер поднял руку и чуть заметно повел ладонью вправо, почти не нарушив спокойствия водной толщи. Словно дирижер.

Слова были излишни. Все прекрасно поняли: началось!

В какой-то момент Илари удалось покрепче вцепиться в вожжи своих мыслей, с силой рвануть их на себя и убавить резвый галоп, грозящий выбить ее из седла.

Она вымоталась.

Она вдруг устала и обмякла так, словно за плечами был день черновичьей пахоты, выжавший из нее все соки. За буйным цветом волнения, надежд, сомнений, стыда и ужаса, как водится, пришла апатия, дыхнувшая на этот букет эмоций холодком первых заморозков. С безразличием оглядываясь вокруг, Илари уже не чувствовала ничего, кроме истощения. «Будь что будет», – монотонно бубнила про себя девушка излюбленную молитву всех обреченных.

Плюх! Вздвогнув, Илари наконец вышла из ступора. Резко и неожиданно на кольцевые орнаменты белой столешницы шмякнули плоскую черную рыбину. Малиновые зрачки ее выпученных глаз двигались заторможенно, ярко-желтые костистые плавники безжизненно обвисли, белки покрывала нездоровая мутноватая пленка. Жабры, равно как и прочие части рыбьего тела, почти не шевелились; напрашивался резонный вопрос о том, насколько живо несчастное существо.

Не успела Илари толком осмотреть доставшийся ей экземпляр, как раздающий «пациентов» лаборант повернулся к ней спиной и устремился к другим столам. Оставалось лишь созерцать ускользающие взмахи его простой серой мантии без капюшона.

Лаборант, отметила Илари, был не один. По каждому ряду шел такой же служащий Лабораториума и быстро, будто остывающие пирожки, выкладывал на столы самых различных обитателей подводного мира. Общих признаков у существ было всего два: телесные муки и относительно простое строение организма.

«Плюх! Плюх! Плюх!» – нескончаемо доносилось со всех сторон. Казалось, по полу аудитории скачет многоногое скользкое создание.

Всего несколько мгновений – и страдающие существа розданы потенциальным спасителям, а их опустевшие прозрачные домики, похожие на полые стеклянные фонари, ровными рядами выстроились прямо под преподавательским столом. Все наставники восседали на своих местах, о чем-то переговариваясь меж собой – одновременно эмоционально и тихо. Их активная жестикуляция восполняла ограничение в громкости, требуемое правилами экзамена.

Созреванцев на целый светошаг предоставили самим себе, задачей юных вига было доказать, что их наставники не зря ели свой хлеб. И, если получится, убедить окружающих в подлинности своего призвания.

Повисла благословенная тишина. Драгоценные минуты, отведенные на лекарскую практику, пошли на убыль. Толща кристальной воды насытилась волнением и дрожью робких рук, неумело работавших с живой плотью. Тут и там позвякивали о поднос лекарские инструменты, с легкими хлопками откупоривались колбочки со снадобьями, щелкали крошечные ножницы, отмерявшие длину нити для будущего шва. Мастер Мофф, вполглаза наблюдавший за деятельностью «лазарета», скорбно отметил, что нескольких существ кривые руки и бестолковые головы созревanceв уже отправили к далеким пращурам. Он по привычке закатил глаза и вымученно прерывисто вздохнул, на время задержав растворенный кислород в глубине спинных плавников. «Поколение за поколением – ничего не меняется, – в который раз подумал он. – Престиж лекарского мастерства взлетел до купола круах, а толку-то? Лезут теперь все напролом. И плевать хотели на призвание».

Губы мастера презрительно скривились. Отдельных поступающих это повергло в ужас, что, увы, стало причиной еще одной вереницы неисправимых ошибок. «Надо будет втолковать наставникам, берущимся за их подготовку, чтобы покрасочней объясняли родителям этих извергов меру платы за будущие ошибки их детей. Хотя, – махнул мастер рукой куда-то в сторону, – вспомнят ли они об этом при виде блеска монет?»

Параллельно этим мысленным заметкам Мофф – никто

не знает, как ему это удастся – особо внимательно приглядывал за девушкой в бедном черном платье. За той, что преврала его вступительную речь. Нет, заслуженного лекаря это нисколько не оскорбило. Умудренный опытом, как врачевным, так и наставническим, мастер многого насмотрелся, и удивить его было ой как непросто. А то, что нарушительница «благословенной тишины» едва не превратилась в трусливую беглянку – кто знает, может, от собственного призвания? – это, по правде говоря, лишь позабавило мастера. «Любопытно, – спрашивал он себя, – весьма любопытно, каков был бы я в условиях подобного казуса?» Глава лекарского отделения неожиданно для себя с удовольствием поддался чарам ностальгии, отчетливо вспоминая дрожь перед дверью этой же самой аудитории. Очень, очень много светооборотов назад...

Баланс. Мофф с удивлением обнаружил, что это дитя, чудно водящее руками над рыбой ульмэ, вдруг стало для него противовесом – тем, что несколько усмирил раздражение. Несмотря даже на то, что это дитя совсем недавно учинило. «Жизнь полна парадоксов», – мысленно вздохнул Мофф. И, питая склонность к обобщениям, добавил: «Жизнь и есть суть один большой парадокс».

Зарождающееся любопытство немного разогнало неторопливую старческую кровь и зажгло давно потушенный разочарованиями огонек озорства. Уже не вполглаза, а с неподдельным интересом он принялся следить за руками

Илари: что же они предпримут в отношении *неизвестной* болезни, поразившей эту особь ульмэ? Ибо, если говорить начистоту, мастер успел-таки повернуть нечто такое, о чем никто даже не догадывался. Он с толком использовал сумятицу, вызванную оглушительной пляской колбы. По счастью, неразбериха в аудитории длилась ровно столько, чтобы успеть быстро подложить именно эту рыбу в аквариум одного из лаборантов. И еле уловимым жестом приказать недоумевающему Ланфу выдать рыбину светловолосой девушке в первом ряду. «Пусть два парадокса встретятся. Хуже уже все равно не будет», – решил мастер, почесывая свой выступающий подбородок и вспоминая недавний консилиум, проведенный над малиновоглазой черной ульмэ с желтыми плавниками. Распластанная на лабораторном столе, она безумно вращала экзотическими глазами и очень странно дышала – в такт этим вращениям.

Консилиум тогда ни к чему не пришел.

Вначале Мофф отметил абсолютно беспомощные манипуляции Илари. Было понятно, она в полной растерянности перед умирающей на глазах ульмэ. То руки девушки блуждали по подносу, то она принималась крутить в пальцах разноцветные темные бутылочки, силясь разобрать выцветшие этикетки. Она так и эдак вращала бедную рыбину, заглядывала между жабр и зачем-то постукивала пальцем по чешуйчатому лбу. А еще она время от времени терла сгибом того же пальца об один из двух коротких острых рыбьих зубов и

– о искусники! – пробовала на язык. С какого-то момента странное *дитя* и вовсе задвинуло поднос с инструментами поглубже в стол (чтобы не мешались?!) и продолжило все те же дикарские манипуляции.

И если поначалу ее движения отдавали глубинным отчаянием и безнадежностью, то ближе к концу отведенного светшага стали уверенней. Вместе с этим, как заметил Мофф, шли они «не из головы». Все действия выглядели спонтанными, интуитивными, не спланированными и не уложенными в алгоритм логики. Что за новаторская методика? Или это искусно разыгрываемый перед мастером спектакль? Нет, в возрасте пятнадцати-шестнадцати (навскидку) светооборотов столь опытному лицедейству взяться неоткуда!

Нужно непременно рассмотреть этот феномен поближе.

Невзирая на то что до конца экзамена оставалось по меньшей мере десять минут, мастер порывисто покинул свое место в центре стола-полумесяца и под вопросительными взглядами коллег устремился к Илари.

– Сколько внимания сегодня к этой девице, – презрительно фыркнув, бросила магистр Цаи своей коллеге Лииде. Ее глаза внимательно следили за траекторией движения Моффа.

– Посмотрим-посмотрим, – многозначительно ответила дородная наставница, полируя ладонью и без того идеально сияющую поверхность стола. – Навидались мы, Ца, многого в этих стенах. – И чуть заметно подмигнула ей, сощури-

шись: переживем, мол, и это.

Мастер Мофф тем временем вышел из «засады» и теперь принялся в открытую следить за нетрадиционной лечебной практикой, которой так заинтересовала его Илари. В открытую – это еще мягко сказано. Он навис над ней, загородив отчасти свет зеленоватых лучей. Краем глаза мастер уловил, как смутились большинство созревавших, оказавшихся на столь близком расстоянии от главы лечебного отделения. Еще бы, ведь это моментально сообщилось движениям экзаменуемых: они стали суетливыми и лихорадочно-поспешными.

Отчаяние последних минут испытания... Минут, которые еще могут все исправить... Или бесповоротно испортить!

Не ускользнуло от внимания мастера ускорение общего ритма его «оркестра», однако он не придавал этому значения. Опыт Моффа говорил, что сие есть скорее закономерность, чем исключение.

Подлинным исключением здесь можно было назвать лишь ту голубоглазую девушку в простом черном платье, что творила своими руками нечто невообразимое над телом почти бездыханной ульмэ. Кстати, рукава ее платья не были закатаны ни на миллиметр, в то время как другие испытуемые от усердия позадирали их аж выше локтей. Здесь же края рукавов свободно колыхались в водном пространстве, вторя движениям девушки. Странное дело!

«Но это мы выясним позже, – решил про себя мастер, все

больше приходя в недоумение от увиденного. – Всё позже!»

К этому «позже» относились даже формальности, касающиеся завершения вступительного экзамена на его же собственное отделение.

Мастер ткнул указательным пальцем в сторону Гифу, кивком подтверждая, что дает ему на откуп судьбу сегодняшней испытательной процедуры: начал, мол, тут хозяйничать, так иди уж до конца. Затем шепотом велел Илари следовать за ним. Та, не изменяя своему «будь что будет», отерла скользкие руки о подол платья и покорно направилась за мастером. Благо счет уже шел на секунды, и все были сосредоточены на своих «пациентах», как спасенных, так и по ошибке умерщвленных.

Прочие наставники лишь разводили руками и задавали себе – пока что *только* себе! – риторические вопросы о ясности ума своего седого руководителя. Не стоит, однако, осуждать их за скороспелые выводы и мнительность. Просто они не знали, что ульмэ, которую двумя руками бережно нес перед собой Мофф, теперь смотрела на мастера осмысленным спокойным взглядом и дышала свободно. С ее глаз исчезла мутная пелена, а зрачки внимательно следили, куда же ведут ее белокурую спасительницу.

Глава 13 Испытание. Тело

У Расщелины вечерело. Но только лишь потому, что в тот час вечерело на всем Вига. А значит, «циферблат» часовика, единый для всего подводного государства, определял такое

же время суток и для этой его студеной мрачной окраины. И неважно, что вечерний час здесь никак не возвестил о своем наступлении: над опушкой леса Стуммах и опоясывающей ее песочно-корневой пустошью всегда опущен тяжелый занавес ночи. Его глухое многослойное полотно надежно драпирует нижнюю границу миров. Эдакий недвусмысленный намек, что здесь хозяйничает вечная зима, упиваясь собственной властью. Властью старой девы, ревностно оберегающей свой мир от посторонних.

Понравится ей это или нет, но «посторонние» прибыли.

Вот по одному из великанских деревьев щелгун косо полоснуло и тут же скрылось в редеющем лабиринте скользких стволов какое-то зубчатое лезвие. Дерево хрипло зазвенело изнутри, набухая густой ржавой смолой вокруг внезапного пореза на выпуклом рельефе черного тела. Холод тех вод тут же сделал свое благое дело: не дал смоле, этому жизненному соку щелгуна, разбежаться дорожками слез по древесной коросте распоротой щеки. Он заботливо прихватил их поток, закрутив одну из спиралей ледяного течения так, что она своевременно шарахнула дерево обезболивающей морозной волной. Смола загустела и превратилась в терракотовые гранулы застывшего янтаря. Словно и не было только что этой бессмысленной жестокости. Словно щелгун просто примерил на себя двойную цепочку с нанизанными на нее камушками, тускло переливающимися в темноте.

Из скалистых недр Расщелины отчетливо повеяло раздра-

жением. Не мстительным, а скорее устало-будничным – таким, что против воли и здравого смысла вырывается наружу под конец длинного дня, взбаламученное неосторожным словом или взглядом. Еще бы! День дани, между прочим, на исходе, а торговцы из Центроводья так и не пожаловали.

Вопреки сомнениям Яллира, их все же ждали.

Ждали исключительно потому, что не любили оставаться в долгу. Быть должницами Ингэ, этого снисходительно ухмыляющегося потомка хранителя Одраэ, – последнее, чего желали бы в Расщелине. Утренние сквозные ветры того дня вместе с кружащимися воронками водорослевых обрывков, налетевших *сверху*, принесли весть о том, что три светооборота с прошлого оброка миновали. Сегодня, блюдя древний обет, Расщелине вновь предстоит выплатить дань: истощить свои и без того подточенные магические силы, дабы вживить их в неблагодарное, брыкающееся, стонущее, вырывающееся тело. А все зачем? Не иначе как виной всему жадность вига, их зависть и неумная страсть к выхолащиванию своей цивилизации, невесть что о себе возомнившей. Все ради того, чтобы дотянуться загребущими руками до растительных и минеральных сокровищниц огненной земли. Самое смешное, что они наивно полагают, будто это и есть хваленое воплощение торжества их разума и дипломатии. Думают, этот путь проложит им прямую дорогу к процветанию.

Огромное, чудовищное заблуждение. Обитатели верхних вод даже не догадываются, что на самом деле тащат домой

то, чего лучше бы им вообще не трогать. Да еще из тех мест, в которые не следует нос совать.

Глупцы. Беззаботные дети, заигравшиеся с цветными пузырьками яда в незапертой алхимической мастерской. Да, сейчас они, весело смеясь и еще больше распаяясь от своей безнаказанности, ловко перебрасываются и жонглируют ими. И совершенно по-детски отринув предупреждения *старших*, полагают, что так будет вечно. У них ведь расчудесно все получается, и даже Пастухи миров им не указ.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло», – так, кажется, хором твердят они, вторя своему хранителю и искренне восторгаясь «новыми витками» наук и искусств. И это при том, что мало кто из них помнит, какое именно там было несчастье... Как Обитель в свое время окрестила сие недоразумение? Хм-м-м. Ах, точно! «Вынужденная мера по защите разума будущих поколений вига от тлетворных исторических явлений, зерна которых способны отравить эо потомков и поставить под угрозу развитие нашей цивилизации». Каково?! Еще и радуются – ни дать ни взять умалишенные, – что благополучно выплыли из темной пучины прошлого, которое к тому же, оказывается, «помогло» им творить нынешние безрассудства.

«Выйдет им боком эта их дипломатия с торговлей вместе», – предрекла когда-то Расщелина, устало махнув рукой на потуги Обители в области внешней политики. То было последнее предупреждение. Засим она дала себе твердое обе-

щение не делать больше намеков Ингэ (по крайней мере, постараться) и применить все свои умения, чтобы снизить болезненность инициации торговцев.

Их муки уже не доставляли Расщелине бывшего удовольствия.

Но это тоже, знаете ли, *как получится*... Особенно после той раны, пусть и неумышленной, что оставила своим хвостом их проклятая стеклянная рыбина на нежной коже дерева щелгуна. Уж не думают ли торговцы, что этот проступок останется незамеченным и сойдет им с рук? Как бы не так! Вибрирующая морозная боль дерева, проскользнув в щупальца корней, мгновенно сообщила сквозному течению, заползающему в Расщелину. И напитала ее своим истощным сухим шипением, исходящим от рассекаемой древесной ткани. Одно резкое движение крючковатого мизинца – и эта ткань заморозилась, а боль щелгуна, вместе с его хриплым свистом, унялась.

Стоит ли торговцам ждать подобного милосердия? Или оно на сегодня исчерпано? Что тут скажешь – Расщелина непредсказуема.

«Пришлые» были уже близко. Вновь совершив восхождение по длинным острым зубам услужливо развернутой пасти фицци, они благополучно ступили на россыпь крупных кристаллов песка, слегка поблескивающих во тьме. Из них, корчась в причудливом плетении, выпирали иссиня-черные

корни. Они тянулись с самой опушки Стуммаха: сумрачный лес будто не желал отступать и неистово скреб своим вьющимся шлейфом вокруг Расщелины.

Так казалось тем, кто не знал, что лес – это часть Расщелины, давным-давно сросшаяся с той формой жизни, что незримо существовала внутри нее.

Корни плотным узором кольцевали белоснежный хрусткий песок. Их природная окраска цвета ночного неба сливалась с густой темнотой границы миров и в то же время любовно выписывала на контрастном холсте песка некие письмена. «Быть может, это какой-то древний язык?» – моментально отреагировало богатое воображение Елуама. И ведь не поспоришь, тут действительно было где разгуляться самым немислимым фантазиям! «Что, – продолжал он про себя, – если Стуммах когда-то давно, на заре нашей истории, сам взял и вычертил здесь эти надписи?» Елуам старательно пошарил в недрах памяти, надеясь найти подсказку. Увы, тщетно: ни единого упоминания о корневых письменах.

Выходит, никто, включая озадаченного этим явлением Яллира, ничего подобного здесь не видывал. Ибо с самого начала Эпохи оброка, заложившей традицию паломничества купцов в Расщелину (подумать только, когда-то они делали это пешком!), все странники с жаром рассказывали о драгоценных песочных кристаллах, обрамляющих опушку Стуммах. Иные, по большей части члены естественно-научных экспедиций, хором воспевали «уникальное строение корней

щелгунов, изредка, буквально эпизодически, выглядывающих из-под земли». Но чтобы корни вдруг, словно взбесившиеся черные гадюки, повыползали из своего укрытия? Что-то новенькое. Не иначе какой-то недобрый заклинатель выманил их наружу своей лиходейской дудочкой, да так там и оставил, позабыв вернуть в подземные норы.

Как бы то ни было, купеческий отряд не имел ни единого знатока древних языков (все сошлись на том, что корневой манускрипт был и вправду на одном из них), а потому смысл его послания так и остался неразгаданным. Да и если было бы иначе, все равно время не позволяло купеческому отряду задерживаться еще и здесь. Часовик Яллира в условиях полной темноты не работал, но, по подсчетам старого пилигрима, до окончания Дня дани осталось немногим больше трех светошагов.

«Сущие крохи! – мысленно восклицал пожилой купец, пробивая себе и другим путь между корневыми кольцами. – Теперь остается лишь уповать на то, что в выплате дани нам не откажут». И с некоторой обреченностью, смешанной с нехорошим предчувствием, поймал за черное крыло еще одну тревожную мысль: «А если даже и не откажут, как бы не потребовали чего взамен!.. Еще неизвестно, что из этого хуже...» Умудренный опытом торговый пилигрим воздержался от соблазна справедливо разделить свои переживания на три равные части, посвятив в них Елуама с Лиммахом. Ибо твердо знал, что это средство далеко не так безобидно, как

кажется на первый взгляд. Хотя бы потому, что сам не раз был свидетелем, как другие пытались таким вот способом унять своих внутренних чудовищ – просто отсечь им голову и скормить благодарным слушателям. Ни к чему хорошему это не приводит. Как правило, на месте одной отрубленной головы вырастают три, подпитанные эликсиром пересудов, кривотолков да преувеличений. Хватит с купцов на сегодня и басен о морских монахах. Не хватало еще других фантазий.

Вот Яллитр и хранил благоразумное молчание. А уж еретические мысли о письменах из корней, против воли вздымающиеся из глубин подсознания, и вовсе старался гнать поганой метлой.

Лес давно отступил назад, слившись с тьмой вечной зимы. И если до определенного момента он служил естественной границей между областью предельного истончения круах и остальным миром Вига, то теперь путники лишились и этого ориентира. Пусть мрачная чащоба, состоящая сплошь из голых крючковатых щелгунов, и не содержала даже намека на радушие, все же путникам было в известной степени приятно видеть эту «дверь обратно». Еще одна псевдопоэтическая метафора от затейника Лиммаха. В иных условиях Яллитр с превеликим удовольствием приправил бы ее каким-нибудь саркастическим замечанием из недр своей особой шкатулки, до краев набитой чужеземным юмором и фольклором. Но не теперь.

«Странное дело, – анализировал свои ощущения седой купец, – нынче даже присказки неотесанного Лиммаха звучат... как бы... – И нужное слово пришло само: – Ободряюще». Быстро отыскавшееся слово не обрадовало. «Дожили», – только и вздохнул про себя Яллир, старчески покачав головой.

С другой стороны, а на что же еще надеяться трем странникам, забредшим поздним вечером в самую дальнюю даль самой глухой глухомани своей родины? Пожалуй, только и остается, что хвататься за такие вот искры света, жадно ловить *ободряющие* слова (какими бы они ни были!) да тешить себя предвкушением скорого исхода путешествия. Каждый по-своему инстинктивно это чувствовал, а потому старался сеять вокруг не страхи и опасения, а зерна оптимизма – пусть даже скупого и вымученного.

Авось прорастут крепостью духа перед лицом Расщелины.

Путники изо всех сил старались не медлить шаг, невзирая на хитросплетения опробковелых черных спиралей, которые тут и там ставили неожиданные подножки или таили топкие углубления. Последние особенно досаждали обессиленным купцам: если мягкий свет песка и медузных медальонов еще хоть как-то мог предупредить их об очередной преграде, то вот с вязкими ямками меж корней не было никакого сладу. Когда нога вдруг застревала в одной из них, белый скрипучий песок принимался крошечным смерчем закручиваться

вокруг ступни несчастного, с сухим шуршанием затягивая ногу в свои объятия. Снизу исходило характерное бульканье, и становилось очевидно, что зыбучий песок скрывает такие тайны морского подземелья, о которых лучше и не думать.

Меньше всех в пешем переходе от опушки Стуммаха до Расщелины повезло Елуаму. Нет, он, разумеется, был прекрасно осведомлен о ловушках и капканах песчаной пустоши: Черторг даже располагал их картой, которую юноша в свое время проштудировал вдоль и поперек. Но, кроме шуток, какое дело было сбивающему с толку волнению и злорадному сумраку до этой *осведомленности*? Юноша, отчаянно ругая собственную рассеянность и неуклюжесть, то и дело застревал ногой в ямках между корней, которые с радостью принимались за добычу. Один раз, уже на подступах к каменистой оправе Расщелины, он умудрился провалиться левой ногой аж по колено, и неизвестно, чем могла закончиться схватка с песочным водоворотом, если бы не Ялбир с Лиммахом. Потратив немало сил, они все же извлекли молодого вига из коварной зыбучей ловушки. Пытаясь высвободить захваченную в плен ногу, юноша вдруг увидел перед собой нечто поразительное.

Внимание Елуама привлекло слово, выписанное корневой вязью на белом песчаном фоне.

Слово было начертано не на забытом древнем языке и отнюдь не выглядело набором непонятных иноземных иероглифов. Аккуратно вплетенное в гладкие древесные изги-

бы, оно, напротив, поражало воображение изысканной каллиграфичностью и было для Елуама совершенно понятным. «Война».

Это горькое и ощутимо острое на вкус слово успело отпечататься в сознании юноши до того, как Ялбир и Лиммах вырвали его из песочной западни и подняли на ноги на безопасном расстоянии от... От чего? Быть может, от предупреждения? От вести из далекого будущего? От бумеранга из забытого прошлого? Или от очередной необъяснимой выходки, свойственной границе миров?

Что ж, потому-то Елуама и выбрали из длинного списка кандидатов на высокую должность нового торгового пилигрима: он был крепок духом, практически не впадал в уныние и умел в два счета повернуть ситуацию в свою пользу. Он еще не определился с тем, как именно использует только что приобретенное знание (да, пусть это будет именно *знание*: к чему наводить сумрак раньше времени?), а потому не особенно спешил делать выводы. «Пусть, – на ходу решил юноша, – это знание будет на моем счету». Он явственно почувствовал, что обрел нечто, требующее отношения трепетного и осмысленного. Сложная, потусторонняя природа этого знания не позволяла облечь его в словесные формулировки и властно уводила разум в дебри бестелесных абстракций. Сколько бы ни пытался Елуам оценить полученное послание и пометить его соответствующим ярлычком на витрине своей памяти, его усилия оставались бесплодными. И все же он

был твердо убежден: нужно дать знанию настояться, ибо время еще не настало.

От этих мыслей Елуам, позабыв, что еще несколько мгновений назад ожесточенно боролся с зыбучими песками, замотал головой, как перепуганная птица.

– Ты, братец, лучше бы не сам выискивал верные тропки, а просто следовал за нами, – простодушно посоветовал ему из-за спины Лиммах. Он с воинственным видом маршировал впереди, прокладывая себе путь меж извилистых древесных «гадюк».

Похоже, он принял Елуамово мотание головой за судорожный поиск безопасного маршрута для последнего рывка перед Расщелиной.

На самом деле Елуам, словно подстегиваемый кем-то, спешил увериться, что это знание, это сокровище границы миров досталось ему одному. Что только для него, избранника Черторга, приоткрылась завеса некоей издревле окутывающей Вига тайны. А что ведь, по сути, так оно и было! Стоило ему лишь ступить на землю вечной зимы, еще даже не достигнув Расщелины, как – получите и распишитесь! – важное послание прямо в руки. Конечно, не следует в одночасье лишать себя добрых двух третей ценности этого знания! Это, в конце концов, элементарная предусмотрительность. В Черторге всегда учили не торопить события и не гнать коней, когда дело касалось поистине дорогих и редких товаров. Нынче же все карты указывают, что это как раз тот самый

случай. Значит, следует вести себя как подобает достойному будущему купеческому пилигриму Вига: завернуть в тряпицу да припрятать поглубже в торбу. До поры до времени. А уж потом, в тиши и покое родных стен, здраво рассудить, какую выгоду сулит поднесенный Расщелиной дар. Возможно, даже придется посоветоваться с опытными купцами. *Возможно, придется...*

Эта мысль почему-то отозвалась уколом ревности между ребрами, да так и застряла там, превратившись в монотонно зудящую дрожь.

Елуам счел за благо послушаться проводника караванов и продолжил следовать за ним и Яллиром. Еще раз застрять в замаскированной топи – нет уж, благодарим покорно! Лучше сделать вид, что он, Елуам, действительно всецело доверяет опыту старших братьев и даже в мыслях не держит возможности действовать независимо, по собственному разумению.

Сделать вид – это ведь не так сложно. Куда сложнее начать играть в игры, уготованные призыванием.

Сойти с тропы, тихонько вложить в рукав крупную карту, аккуратно вырезать в походном ящичке двойное дно, не проморгать свою выгоду – не те ли это принципы, что втолковывали ему в школе купцов при Черторге? Так, может, пришло время порадовать бывших наставников и вдохнуть-таки жизнь в их премудрость?

«Испытание испытанием, а мыслить как прирожденный

пилигрим (а не просто обычный купчишка, носа не кажу-щий дальше границ Центроводья!) следует начинать уже сейчас», – знай убеждал себя Елуам. Молодому вига так понравилось открывать в себе новые помыслы и устремления, что теперь он непроизвольно принялся возвращать и укреплять их. Нельзя притом сказать, что виною всему было некое черное искусство, вьевшееся в каждый песчаный кристалл границы миров.

Елуам впервые ощутил себя стоящим обеими ногами на стезе высокого купеческого ремесла, о которой грезил с самого детства, вопреки тому горю, что принесло когда-то это ремесло в его семью. Вопреки мнению этой самой семьи, буквально восставшей против его выбора.

«Проклятое испытание забрало у меня мужа, твоего отца!» – не раз срывалась на крик рассерженная мать. И, переходя в умоляющий плач, призванный размягчить «каменное» сердце упрямого сына, всхлипывала: «А теперь оно тянет лапы к моему младшему сыну – к тому из немногих утешений, что оставила мне судьба! Мало будто мне, несчастной!»

Далее, как правило, следовала череда слезных увещаний, просьб сменить опасное «пилигримское» ремесло – престижность его всегда оставалась за скобками – на путь обычного торговца. Иначе говоря, Улианну полностью устроил бы такой расклад, при котором ее младшенький сколь угодно активно участвовал бы в экономическом обмене.

не между крупными городами Вига в статусе купца-странника. Мать Елуама и движением брови не возразила бы против того, чтобы тот, почти не бывая дома, колесил себе в фицци вдоль и поперек Вига. Скрепя материнское сердце, она запретила бы себе впадать в уныние, когда ее Ел сообщал бы ей, что планирует навеститься в любое из диких водораздолий, скажем, за осколками семпау или за редкими лекарственными травами. Да, всякий раз мать с тайной надеждой перебирала все эти малопривлекательные альтернативы, по сотому кругу раскладывая их перед сыном пасьянсом замусоленных карт. Последним – и наиболее раздражающим – аргументом всегда шло сравнение с «разумным» выбором Тэуна, старшего брата Елуама: он-то, в отличие от младшего, «берег подточенное здоровье бедной матушки».

Сам Елуам в этот момент обычно лишь кривил губы в плохо скрываемой усмешке: ему-то были хорошо известны причины такого несравненного благоразумия. Например, что старший брат попросту боялся обряда инициации, да и, откровенно говоря, был слишком ленив, чтобы впрячься в нелегкое и опасное ремесло внешней торговли. Куда проще прикрыться заботой о здоровье матушки и нежеланием повторить печальную участь отца. «Благоразумного» Тэуна гораздо больше ведь привлекали приключения иного рода – любовные. Этот смазливый хитрец, унаследовавший лучшее из их родовых внешних черт, всюю пользовался своим даром, и, надо отдать ему должное, небезуспешно! Снаряжа-

ясь в торговое путешествие с другими купцами по Вига, он мало заботился о таких пустяках, как выгода, размер выручки, стиль ведения переговоров, расширение закупки, планирование перепродажи в Нуа, снижение издержек, маршруты обхода налогов на торговлю. . . Все это казалось старшему братцу не более чем побочными явлениями увлекательных караванных странствий, что сулили ему близость с самыми экзотическими представительницами дальних городов и четырех водораздолий Вига. Так что Тэун с радостью отдавал свои «издержки» на откуп либо главе Черторга, либо любому собрату-купцу, готовому избавить его от этой головной боли. Елуам давно заприметил, что купеческие цели брата мало совпадают с классическими ориентирами успешных торговцев, к которым призывал Черторг. Тем не менее это несколько не мешало Тэуну разудало жить в свое удовольствие, беззастенчиво пользуясь фамильным купеческим свидетельством, перешедшим ему после смерти отца. Свидетельство это, вопреки своему традиционному назначению, не помогло брату укрепить положение семьи, подорванное уходом главного кормильца. Как бы не так! Ценный документ стал для Тэуна входным билетом в мир плотских утех, влекущих его в самые чужедальные уголки Вига. Туда, где, к его восторгу, экзотическая красота туземок не была подпорчена излишней стыдливостью, целомудрием и ханжеством. Благодаря стараниям этих «гейш», явивших братцу Елуама немало истинных диковин, тот сделался весьма искушенным цените-

лем искусства любви. Более того, он глубоко познал все этнические и географические ее особенности, чем до крайности гордился. И, что весьма вероятно при подобных обстоятельствах, успел также сделаться многодетным отцом, отмечая чуть ли не каждую длительную караванную остановку очередным беззаботным зачатием. Нередки были случаи, когда это совершалось преднамеренно. Просто так, для коллекции.

Но какое это имело значение для матери, чье здоровье он так трепетно оберегает!.. Не рвется на дьявольскую огненную землю, постигнув премудрость кислородного дыхания! Не стремится торговать с дикими хархи! Он поступает разумно. Вот истинный пример для подражания!

Елуам, слегка отодвинув на второй план свое неожиданное открытие, продолжал с завидным мазохизмом прокручивать в памяти полумольбы, полупроклятья, которые летели ему тем утром в спину от родной матери. Увы, она не нашла в себе сил иным способом попрощаться с сыном. Трудно сказать, в какую тональность сместились бы ее отчаянные причитания, если бы бедной Улианне довелось лицезреть конечную точку длинного маршрута, проделанного сегодня ее младшим сыном. Возможно, она бы резко умолкла, сделав большие глаза и зажав ладонями рот.

Ибо зрелище было величественным и зловещим одновременно: реальность вполне соответствовала страшным слу-

хам о Расщелине, бродившим по Вига.

За два светошага до окончания Дня дани она наконец явила себя гостям. Корневое плетение под ногами сошло на нет, освобождая место сравнительно небольшому кругу, диаметром пять-шесть шагов. Круг состоял из высоких – где-то в десять взрослых вига – глянцево-черных камней. Каждый из них имел собственную неправильную форму. Было совершенно очевидно, что это не творение рук вига и этих камней явно не касались инструменты для дробления или обточки. Теснясь друг к другу на песчаном полотне пустоши, они выглядели высокой стеной вокруг королевского замка. У осаждающих точно не было шанса отыскать лазейку: каждый выступ одного высокого камня находил соответствующее углубление в другом. Корни щелгуна вились на почти-тельном расстоянии от укрепления, оставляя вокруг него ореол белого песка, робко поблескивающего в темной пучине. Создавалось ощущение, что задолго до географического открытия Расщелины здесь безраздельно властвовали эти черные древесные змеи.

«Возможно, эти змеи даже были живыми», – смело предположил Елуам. И без особого труда живо вообразил, как это выглядело: они то стелились по песчаному дну, то выгибались над ним и с резким свистом шипели... А потом, видать, кто-то со всего размаху обрушил высокие узловатые камни прямо на это змеиное гнездо. Самых неудачливых гадюк, ясное дело, стерла в порошок ударная волна (Елуам рассудил,

что камнепад низвергнулся в бездну Вигари со страшной высоты). Это объясняет происхождение белоснежного песчаного пояса вокруг «осадной стены».

«Другие же змеи, по которым меньше шарахнуло, должно быть, попросту окаменели», – озарила Елуама очередная догадка. Но тут же, снова с опаской покосившись под ноги, юноша поспешил поправиться: «Вернее, *одревенели*».

Вряд можно было обвинить Елуама в излишней впечатлительности – достаточно бросить взгляд на тот пейзаж, в декорациях которого довелось оказаться будущему пилигриму. Пожалуй, мысль о том, что удар каменных «метеоритов» о морское дно превратил ползающих по нему черных змей в извилистые корни угольного цвета, показалась бы самой что ни на есть рациональной гипотезой.

«Один, два, три, четыре...» Изо всех сил напрягая зрение, будущий купец насчитал ровно семь скалистых истуканов, вздымающихся темной башенной верхушкой над черно-белым рельефом дна.

Как юноше удалось разглядеть такие подробности в крошечной тьме, буквально поглощающей поработанный ею мир? Ясное дело, не при помощи неожиданно проснувшегося ночного зрения. Скажем прямо: не только Елуаму, но и всей группе странников щуриться бы до последнего глаза в тщетных попытках разглядеть хоть что-то, кабы не одно ботаническое обстоятельство.

Часовик. Бледный, но от этого не менее ободряющий луч

звездного света в цитадели вечной зимы и бесконечно долгой ночи, которая, вероятно, никогда не рассыплется здесь в прах своими черными лохмотьями перед покоряющей силой рассвета. Его цепкие стебли, похожие на паучьи лапки, издревле облюбовали для себя скалистые врата Расщелины. Вот и сейчас они настойчиво обвивали семь камней запутанным коконом. Их особая связь была видна невооруженным глазом: то, как часовик доверчиво прильнул к утесистым столпам, исподволь навевало мысль о чаде, задремавшем на материнской груди. Гибкие оливковые стебли были густо унизаны длинными пыльно-серыми лепестками, плавно колыхающимися вокруг своих темных сердцевин, напоминающих половинки крупных ягод ежевики. Лепестки, испещренные венами сизоватых прожилок, одновременно и отражали в себе густой сумрак, и, как ни парадоксально, мягко подсвечивали его. От них в разные стороны разбегались седые косматые полутени. Разумеется, с точки зрения привычной на Вига реальности, это были не тени, а лучи – резервные запасы звездного света, не дающие зоне вечной зимы стать к тому же еще и зоной вечного мрака. Вот только в царстве Расщелины действовали свои законы, в том числе относительно света и тьмы. *Особенно* этих двух непримиримых сил.

Елуам кожей чувствовал, что от их поединка здесь когда-то летели щепки и море жалобно завывало, умоляя не терзать его могучее тело...

«Война», – будто невзначай всплыло в сознании то, что вместо приветствия начертали ему на песочном пергаменте деревянные змеи. Слово не хлестнуло его волной предчувствий. Не вызвало характерную трель спазматических толчков на бледной шее. Ничего такого. Оно лишь сверкнуло серебристым рыбьим хвостом по водной ряби рассудка, словно желая вскользь о себе напомнить, да и скрылось в сомкнувшейся над ней бездне.

Кто знает, надолго ли?

Яллитр, без сомнения лучше всех помнящий безопасный маршрут спуска в Расщелину, на какое-то время отвоевал у Лиммаха роль проводника. Тот поначалу ворчал – а я вам, дескать, на что? – однако в скором времени осознал, что лучше не спорить и лезть вторым. Ибо идти против воли заслуженного пилигрима, как говорится, себе дороже. Елуам же, вцепившись в ненадежную опору каменных выемок – где-то успокаивающе-шершавых, а где-то предательски гладких, – замыкал цепочку. За ориентир он взял поблескивающую в темноте лысину Лиммаха. Так начался путь их небольшого отряда в самые недра морских глубин, пролегающие значительно ниже границы песчаного дна Вигари.

Границы, откровенно говоря, весьма условной.

Подниматься по камням, а потом спускаться вглубь с обратной их стороны оказалось куда легче, чем преодолеть то, что ждало путников ниже. Теперь Елуаму казалось, что ка-

менный пояс, поросший часовиком, был создан для того, чтобы по нему лазать, не боясь соскользнуть вниз.

Поистине все познается в сравнении.

То, что поначалу выглядело непреодолимой преградой, на деле оказалось вполне себе посильным для прохождения путем. Скалистое тело словно приглашало странника совершить путешествие, да еще и в открытую предлагало свою помощь. Множество глубоких ложбинок – чем не ступеньки? Немало здесь и выпуклостей, выступов да зубцов: хватайся, путник, на здоровье! Часовик и тот не отстает – разве что сам тебе руку не обвивает: держись за меня, мол, подстрахую! А коли нужно будет, то и ненароком соскользнувшую ногу в тот же миг готов удержать своими зелеными вездесущими щупальцами. Теперь Елуам уже вполне освоился и смело хватался то за наиболее удобные выступы, то за прочные лианы часовика.

О том, как карабкался в пасть фицци по ее зубу, он до сих пор не мог вспоминать без содрогания. А спуск в Расщелину стал для Елуама едва ли не самым приятным занятием за тот длинный светокруг. Юноша в своем торжестве даже на какое-то время перестал следить за путеводной звездой – блестящей лысиной Лиммаха.

Эйфория прошла так же быстро, как и возникла. Вместо удобной скалистой лестницы и помощника-часовика перед пилигримами разверзся провал. Край обрыва находился на поверхности трещины, прочерченной когда-то по морскому

дну и закованной в каменные кандалы, которые путники (и даже дебютант Елуам) преодолели без особых усилий. Трещина походила на глубокую рваную рану в глинистой тверди подводного тела Сферы. Снежная искристость песка сменилась барханами мелких угольев, взрыхленных волей течений и подземных вибраций. Они разметались низкими обожженными пирамидами неправильной формы под ногами купцов.

– Наберись мужества, Елуам, – бросил Яллитр через плечо, вставая на одно колено и ощупывая край трещины. – Я ищу стебли потолще, – пояснил он на всякий случай. Пояснил, несмотря на полную уверенность в том, что Черторг ни в коем случае не отправил бы новичка на инициацию, не убедившись, что тот накрепко заучил все этапы будущего путешествия.

За исключением самого главного. Таинство предстоящего обряда тщательно оберегалось не только от обывательских ушей, но и даже от подавляющего большинства купеческого общества Вига – того, чья торговля не выходила за пределы подводной экономической зоны.

Елуам прекрасно видел, что седой пилигрим занят важным делом, ошибка в котором может стоить жизни всем трем. Из великого множества стеблей часовика, ниспадающих с каменистых выступов, стелющихся по черным насыпям и уползающих вглубь трещины, он выискивал те, что смогут выдержать каждого из путников. Те, что станут спасением в чудовищной глотке Расщелины и позволят безопасно спу-

ститься. Три растительных каната, от которых зависит жизнь трех странников. Яллир осознавал всю меру ответственности и не согласился бы переложить ее на другого. А рассказы о бесовских видениях, посещавших здесь многих, еще больше укрепляли его позицию. «От таких помощничков и до беды недалеко», – таково было заключение Яллира о спутниках еще до отправки из Нуа.

Недоверие к собратьям медленно, но верно оплетало сознание старого купца. Оно сделало его еще менее разговорчивым: «На что им мои мысли, коль они слышат все по-своему?» – и еще более авторитарным: «За ними теперь глаз да глаз с этими их выдумками – проще уж все сделать самому». Главный аргумент был более чем очевидный: «От себя я, по крайней мере, знаю чего ждать!»

У Яллира очень скоро вошло в привычку самостоятельно проверять каждый шаг их непростого путешествия. Согнувшись над краем пропасти, он придиричиво ощупывал сползающие в нее стебли – будущие канаты – и никого к себе не подпускал. При этом торговец, четко артикулируя слова, комментировал для *младших* каждое свое действие, заранее отвечая на незаданные вопросы. Делал ли он это из неосознанного чувства вины за свою холодность или, наоборот, чтобы подчеркнуть дистанцию – я, дескать, ваш наставник, и не более того, – Яллир не знал и сам.

Должно быть, он понял: что-то в известном ему мире начало меняться (не стоит думать, что купец был так увлечен

своим брюзжанием, что не заметил корневую тайнопись). Но куда меняться? В какую сторону? Прислушавшись к себе, он осознал, что, положив руку на сердце, и не желает этого знать. Ибо – искусники свидетели! – он стар и уже не сумеет ухватиться за хвост летящей к ним кометы перемен. Или даже элементарно не успеет. Как ни печально звучало, но Яллир нашел в этой простой истине и утешение, и ответ. А самое главное – желанное, долгожданное успокоение. И твердо решил, что даже если у него на пути встанет целое полчище морских монахов и сведет с ума его спутников, а заодно и весь мир, он исполнит свой долг. Он, Яллир, не оглядываясь на призрачные угрозы и надвигающийся из «завтра» шторм, пройдет путь с достоинством, сделав все, что от него зависит. Пусть его опыт и мастерство успеют сослужить службу пока еще знакомому миру. Быть может, он не зря всю жизнь так жадно впитывал знания двух великих цивилизаций и шел на мыслимые и немыслимые риски? Возможно, они сумеют *некоторым образом* отсрочить этот... эту...

Яллир так и не сумел подобрать нужное слово.

Нутро Расщелины тянулось вниз бесконечной отвесной стеной. Елуам не мог даже приблизительно определить, сколько они уже болтались вдоль нее, до хруста в пальцах цепляясь за скользкие зеленые канаты.

«Неужели эта сложная эквилибристика – привычное дело для всей плеяды купцов-пилигримов?» – никак не уклады-

валось у юнца в голове. «Все разговоры, связанные с Расщелиной, крутятся вокруг одного лишь испытания, – вспомнил он, медленно и осторожно спускаясь по стеблю часовика. – Никто и не упоминал о трудном пути вниз. Да, похоже, все, что нам остается, – это уповать на наметанный глаз Яллира».

Елуам покосился на чуть опередившего его пожилого торговца. Тот выверенными движениями, прямо-таки по-обезьяньи, спускался, крепко вцепившись в соседнюю лиану. Немного поодаль громко сопел от усердия и мышечного напряжения Лиммах. От взгляда молодого вига не ускользнуло то воодушевляющее обстоятельство, что Яллир и впрямь выбрал для них очень толстые и прочные стебли.

Уж если кому-то сегодня и суждено сорваться в горнило этой пропасти, то, во всяком случае, это будет не Яллирова вина: надежность канатов не вызывает сомнений.

Но не у Елуама. По какой-то причине его сознание вместо спокойной уверенности старательно подсовывало раздражение. «Меня, будущего купеческого пилигрима, ведут за руку, ровно дитя малолетнее?! – кипятился юноша. – Только-только смолкли в ушах причитания матери и назидания брата, как вот они – новые нравоучители, указывающие, что и как мне делать! И это после бесконечной череды экзаменов, торгово-экономических инсценировок и опыта практической дипломатии в Черторге!»

Чем ниже – тем темней. Скоро продолговатые цветки ча-

совика стали совсем редки, а те, что еще встречались, значительно уступали в размерах своим верхним сородичам. Они скупо теплились слабым светом крошечных серебристо-серых кувшинок, испытывая явный недостаток в питательных веществах. Неловкое движение ступни Лиммаха – и еще один цветок покорился воле сумрака, безжизненно распластав погасшие лепестки по каменной ложбинке. Беда заключалась в том, что караванный проводник предпочитал спускаться в Расщелину не как прочие, обвившись телом вокруг стебля-каната, а «по-свойски». Этот метод давал ему очередной повод для гордости: «Я-то, брат, половчее господ-пилигримов в Расщелину ихнюю пролезаю! На что с ней церемониться? Дыра – она и есть дыра, верно я, брат, толкую? Ха-хе-хо!»

Лиммах и правда несколько не церемонился со скалистым отвесом, изрезанным окаменевшими слепками давно вымерших морских существ и растений. Он беспощадно скреб Расщелину подошвами сапог, держась руками за выданную Яллиром лиану. Последний напрасно в свое время ругался с проводником, пытаясь доказать, что не следует «вытирать ноги» о стены укрытия гурилий... Тем паче спуск «по-лиммаховски» лишает купцов скудного источника света: цветки то и дело гаснут под сапогами упрямого скалолаза.

Однако на сей раз Яллир лишь раздраженно поморщился, заметив, что очередной огонек тихо растворился в бездонной каменной глотке, впечатавшись померкшими лепестка-

ми в вязкую иловую оплетку скалы. «Они же заметят, – по привычке передернул он плечами от набегающего со спины холодка. – Сколько объяснять этому олуху, что гостям надлежит...» Старый пилигрим не закончил свое гневное рассуждение, мысленно махнув рукой. К чему эти тщетные переживания? Вряд ли они способны хотя бы отчасти изменить порядок вещей. Так что Ялливр поступил проще. Следуя своему новому вероучению, он записал Лиммаха с его треклятой твердолобостью в ту часть реальности, на которую он, увы, не в силах повлиять.

Ш-ш-шурх!

Судя по тому, что три пары ног почти одновременно коснулись твердой поверхности – плотного ковра перегнутой вперемешку с черными хлопьями круах, – Яллирово чутье не подвело путешественников и на этот раз. Что ж, значит, все было не зря. Теперь можно отпустить зеленые щупальца часовика, поблагодарить их за надежность и оставить дожидаться здесь – на пороге обиталища трех подземных изгнанниц. Сколько времени ушло у купцов на нисхождение? Успеют ли гурилии выплатить Вига колдовской оброк или время вышло? Как они вообще себя поведут, коли почуют купеческую троицу в своих владениях в *неположенный* час? Ялливр старался не задавать себе этих тревожных вопросов. Он проделал длинный путь за границу миров. Он, повинувшись условиям своего пожизненного пилигримского контракта, при-

вел сюда избранника Черторга. Невзирая на возраст, препятствия и *некоторые сложности* с этим самым избранником.

«Важно только это», – упорно твердил себе Яллир.

Ведь порой то, что выглядит как эгоизм или, скажем, старческая сухость, на самом деле – единственный способ противостоять надвигающейся буре.

В Расщелине, как, впрочем, и всегда, царило межсезонье. Оно давало полную свободу и пробирающим насквозь ледяным протокам, и вакханалии отмерших водорослевых лент. Было трудно поверить, что остатки водорослей попадали сюда аж с высоты купола круах, однако так оно и было: Расщелина неудержимо влекла их к себе. Оттого на пороге нижней границы миров и скопилось столько ламинариевых «останков». Далее эти почерневшие истощенные лоскуты проникали в круговерть местных течений, которые усердно насыщали ими здешнюю водную толщу – темную и мрачную. И вот то, что некогда было куполом, «небесным сводом» всего Вига и жадно впитывало теплый звездный свет, теперь скорбно змеилось по нижней границе водного государства. Обрывками воспоминаний о прошлом, испепеленными надеждами, отцветшей любовью...

Выгоревшими жизнями.

Никакого собственного подземного светила Расщелина не имела. Она, несомненно, могла устроить так, чтобы каждое утро некое светящееся тело поднималось бы над ее затворни-

ческим миром: озаряло проплешины голого хвощового леса, подсвечивало кочки сфагновых марей, в которые то и дело переходил этот лес... Да, Расщелина вполне была способна на это. Пониманием этого она и довольствовалась. Ибо даже самое яркое светило, на выколдовывание которого ушло бы немало светокругов, ровным счетом ничего бы не изменило в окружающей среде своих прародительниц.

Гурилии, обитатели нижайшего и темнейшего яруса Вига, были полностью слепы. Этот небольшой недостаток уже давно никак не влиял ни на образ их жизни, ни на способность ориентироваться в своем мире, ни даже, в конечном счете, на способность *видеть*. Да, вопреки всему, они *видели*. Правда, крайне своеобразно.

В этот День дани, хоть он давно уже превратился для гурилий в скучнейшую рутину, вроде отхода ко сну, чернокнижницы были несколько взволнованны. Впервые за целую вечность они *ждали* этого дня. А дождавшись – вот и сбылись опасения Яллира! – никак не могли взять в толк, куда запропастились их гости. И этот седой завсегдатай... «Ужели он услышал?...» – перебрасывались изгнанницы мыслями-близнецами. Они, опять же, *могли устроить* так, чтобы вызнать местонахождение гостей. Но, следуя негласному сговору, отказывали себе в этом удовольствии. Все трое цеплялись за единственную общую мысль, заслонявшую в тот день все прочие думы и размышления: «Может, не явятся?»

И это несмотря на некоторые, скажем так, *ожидания* от-

носителем будущего купеческого пилигрима. Несмотря даже на послание-проверку, оставленное для него в плетении корней у Расщелины. Воистину, стоит ли всерьез рассчитывать на этого молодого вига? Нет, теперь гурилии определенно не желали никаких гостей извне.

Что-то зашуршало на пороге. Затопало по ковру полу-сгнивших водорослевых останков. Как же хотелось гурилиям обмануться и вообразить, что это всего лишь некстати разыгрались донные течения; что именно они так взбаламутили лоскутное убранство у порога! Увы, причина нарушенного покоя была в ином. Волей-неволей изгнанницам пришлось поверить в истину, так претившую их расположению духа. Эта истина уже стучала в дверь их дома настойчивым напоминанием о часе выплаты чернокнижного оброка.

И все же это не могло удержать гурилий от маленьких пакостей. Того немногого, что осталось им от бывшего величия.

Младшая (она была до сих пор гораздо на всяческие инфантильные проделки) втайне уповала на топкие ямки, которыми вдруг усеялись подступы к Расщелине. Вчера, между прочим, их там и в помине не было.

Средняя – сама гармония – силилась опутать токами своей воли всю окружающую ауру, исподволь выпуская их изпод своих загнутых когтей. Ее сиплое «*пи-и-или пр-р-ро-о-очь*» несколько раз долетало аж до приграничного Стуммаха. Долетало только затем, чтобы, так и не найдя своей цели, устало обмякнуть на его крючковатых ветвях.

Старшей же ничем подобным промышлять не пристало. На то она и Старшая. Избыток знаний и переполненные архивы памяти заменяли ей несбыточное: все то, что осталось где-то там... Наверху. Все то, от чего вечность назад отсекла ее кровавая роспись под клятвой хранителю. Она уже стала забывать, как там. Как щедрый звездный свет ласково касается необыкновенных подводных цветов. Как юркие рыбы стайки, играя в прятки, легкомысленно оставляют друг другу подсказки в виде пузырьков, что ненароком вырываются из густых зарослей взморника... Да, она действительно стала забывать. Эти воспоминания, будто назло стараниям Старшей, никак не желали выколдовываться обратно. Может, потому-то ее и захлестнуло вдруг волной мятежного наваждения, призывающего защитить этот хрупкий мир? Защитить, пока еще можно...

Какого там цвета были листья крапивы-сонницы? Никак не вспомнить...

Явились. Троица выглядела изрядно потрепанной. Впрочем, как обычно. Все они приползают сюда буквально на последнем издыхании. Гурилии, тарашась полузакрытыми слепыми глазами куда-то вверх, синхронно коснулись кожистых складок на головах друг друга – таков был их ритуал обмена мыслями, повторявшийся по сто раз на дню. Его хватило, чтобы, во-первых, сойтись во мнении о неизменности внешнего вида пришлых, а во-вторых, беззвучно вздохнуть.

И это вынужденное беззвучие не было признаком высокомерия или гордыни – лишь соблюдением давних договоренностей с обитателями верхних вод. Те, видите ли, опасались, как бы три чернокнижницы не затуманили пилигримам их драгоценные эо! Вот и потребовали тогда от гурилий поменьше чесать языками при купцах.

Будто бы это когда-то препятствовало оживленному общению сестер между собой!..

Разумеется, наивное предписание вовсе не мешало гурилиям продолжать свой мысленный диалог. Отличался он от обычного тем, что строился на сложном языке образов и секретных символов, ложась на полотно восприятия, недоступные простым купцам.

Три изгнанницы видели своих гостей и не видели их одновременно. В желтых сосудистых белках незрячих глаз пришлые не имели лиц, не имели возраста и даже пола. Гурилиям и не нужны были эти малоинтересные подробности, чтобы знать о купцах все: цвет их душ, детские тайны, их благодеяния и до поры до времени дремлющие в них пороки. Тоже, к слову, совершенно различной окраски и формы.

«Хм-м-м... Один из них совсем не изменился с того раза», – пружинила между их запрокинутыми головами единая, общая мысль. «Камень, – с ходу заключили изгнанницы о Лиммахе, застывшем справа от них. – Великая водная точильня Вигари давно огранила его на свой лад. Переменам не раскрошить его. Но что может камень против них? Лежать

мертвым на дне», – наперебой пророчествовали гурилии.

Они, хромя и раскачиваясь, незаметно обступили своих гостей. От купцов ускользнуло, как и в какой момент это произошло. Казалось, только что изгнанницы были от них на внушительном расстоянии. К тому же их походка... Тяжелая поступь обычно ведь не располагает к тому, чтобы вставать на цыпочки.

Не успели гурилии вдосталь посудачить на своем безмолвном наречии об остальных гостях, как один из них выступил вперед. Кажется, он наконец решился на приветствие.

– Хозяйки нижней границы миров! – почти торжественно обратился он к ним. – Мое имя – Яллир, и я заслуженный торговый пилигрим подводного государства Вига. Я прибыл к порогу вашего дома в День оброка согласно условиям кровной клятвы, заключенной вами с хранителем Одраэ.

– Мы знаем, кто ты, – ответствовала Средняя.

Она медленно кивала склоненной набок головой, увенчанной двурогим полумесяцем из прутьев черной болотной ивы. С него ниспадало на глаза не то изорванное темное кружево, не то узорчатая паутина.

– Мы помним о клятве, – продолжила она, – и чтим писание, отмеченное нашей кровью.

У Яллира немного отлегло от сердца. Встреча началась привычной церемонией обмена учтивыми репликами – добрый знак. Он открыл было рот, чтобы произнести свою часть

диалога – об уважении к искусству изгнанниц, разделяемом всем обществом Вига, – но не успел.

Уже не в силах сдерживать вызревшее за день нетерпение, в их беседу вклинилась Младшая. Она, не обращая внимания на Ялтира и Лиммаха, подобралась поближе к Елуаму, переваливаясь с ноги на ногу. И обратилась она лично к нему.

– Вопрос в другом, будущий пилигрим, – проскрипело вдруг прямо над его ухом.

Елуам чуть не подскочил от неожиданности.

До этого сумрак Расщелины делал облик гурилий смутным и неочевидным для восприятия. Это немного успокаивало юношу. Он чувствовал, что сестры как бы дают ему возможность привыкнуть к себе, делая скидку на то, что он впервые на их пороге. Но, видимо, время вышло. Настала пора принять судьбу и познакомиться с изгнанницами поближе.

Юноша плавно, будто бы уговаривая себя, развернулся. Его примеру последовали и остальные: Ялтир и Лиммах, боясь своих собственных предположений, уставились на Младшую. Куда *смотрели* и что *видели* сестры, определить было невозможно.

Младшая в тот день принарядилась. К обрезкам пыльно-кремового бархата, наспех сшитым грубыми толстыми нитками, она приладила небольшие веревочные петли. Вдетые в них тонкие белесые коряги (в цвет бархата!), похоже,

задуманы были как своеобразный корсет. На груди коряги переплетались на манер изысканного колье, успешно маскируя бледно-зеленые усохшие прелести изгнанницы. Под древесно-бархатным верхом ниспадали бесчисленные юбки, «расшитые» комьями ила, гнилых водорослей и какими-то мелкими – рыбьими? – косточками. Тяжесть и громоздкость юбок намекала на их шерстяное происхождение – неслыханное неудобство в подводной среде!

Когда Младшая заговорила вновь, Елуам едва сдержался, чтобы не отпрянуть.

– Вопрос в том... – При каждом гласном звуке обнажались безобразные, черные, будто обугленные зубы. Перекошенные темно-коричневые губы, вторившие этой симфонии ужаса, были изрезаны бежевыми, свежими на вид шрамами и сочились желтоватой сукровицей.

Елуам стиснул зубы и заиграл желваками, когда одна такая склизкая капля перекочевала с губ гурилии на его щеку, не соизволив раствориться в морской воде. Вряд ли он слышал то, что она так настойчиво хотела до него донести.

Младшую – *видела* она или нет? – эта реакция несколько не смутила. Она вроде бы и не ждала ответной реплики. Разве кошка будет слушать, что там умоляюще пищит ей пойманная мышь? И она, наслаждаясь всеобщим вниманием, продолжила свое «выступление»:

– ...почему же ты так долго шел? – Кажется, в невидящих глазах мелькнула надежда. – Может, тебя, будущий пи-

лигрим, что-то задержало в твоём пути? Подумай... – бросила она юноше подсказку.

Елуам не был готов к таким вопросам. А упрямое сознание покамест никак не желало мириться с тем противоестественным искажением черт лица и тела, что предстало перед ним. Неожиданно уродливо. Невыносимо близко. Отступить бы на пару шагов да разжиться подводным кислородом. Этих мгновений хватило бы, чтобы успеть убедить себя *принять* увиденное.

Но нет! Какое там – отступить. Вот Ялбир уже бросает на него многозначительные взгляды, требуя немедленно проявить учтивость, смирение и манеры. Все остальные, сохраняя видимую беспристрастность, тоже замерли в ожидании: как, мол, поведет себя новый избранник Черторга? Такой ли он мягкотелый, как и прочие?

– Я... мы... – Усилием воли Елуам заставил себя включиться в «светскую беседу».

– Говори как есть! – охотно подбодрила его Младшая. – Мы не наказываем наших гостей. Поделись со мной и сестрами трудностями, которыми ознаменовалось твоё странствие.

Когда она говорила, прорези её шрамов будто жили своей жизнью: они сходились и расходились на бугорчатой ткани губ, извергая брызги желчи. Елуам старался смотреть либо выше, либо ниже уровня губ Младшей. Следить за этим и одновременно подбирать в уме подходящий ответ оказалось задачей не из простых.

– Фицци, – наконец выдал он. – Нам слишком долго готовили фицци для путешествия. Поэтому мы задержались. – И, слегка поразмыслив, добавил: – А еще моя осторожность оказалась сильнее безрассудности, и потому спуск мой к вашему порогу длился дольше, чем мы рассчитывали. Вся вина на мне. Если бы не я, мои собратья успели бы вовремя.

Выражая самое искреннее сожаление и раскаяние, Елуам опустил голову и с облегчением переместил взгляд себе под ноги.

«Скрытный попался», – недовольно заскрипели сухими сучьями мысли изгнанниц, взметнувшись тугим клубком над их космами. К слову, мало чем отличавшимися от юбок Младшей.

«Будет вам, – авторитетно вмешалась в бессловесное ворчание сестер Старшая. Она воздела костлявую руку вверх, призывая их унять преждевременное разочарование. – Разговорим».

Под сенью черных болотных ив мир Расщелины казался еще более невообразимым, неприютным и отталкивающим чужим. Светлые тени порой набегали на остроконечные травянистые поросли, чтобы напомнить взгляду, как выглядит гиблая марь нижней границы миров. Место, настолько опутанное нитями магических ритуалов, что из когда-то пустынного морского дна оно со временем превратилось в обширный заболоченный лес. Мшистые кочки, словно бородавки,

покрывали его вязкую топь, а чернильные водомерки, почуяв свежую кровь, предвкушали широкий пир.

Когда три сестры отволокли Елуама, еще не пришедшего в сознание после инициации, обратно «на воздух», Яллир испытал небывалое облегчение. Во-первых, юноша определенно дышал: его грудь слабо вздымалась, а из спинных плавников нет-нет да просачивались скудные ниточки пузырьков. Слабо, но просачивались! И кстати, о самих плавниках: теперь они, как и у всех торговых пилигримов, были слегка загнуты кверху. Значит, гурилии хорошенько поработали с Елуамовым телом, дабы приспособить его к атмосферным особенностям огненной земли. Вон грудная клетка-то как раздалась! Сколько простора для хархского кислорода: дыши на здоровье! Определенно вытяжка из сфагнума пошла юнцу на пользу. Яллир задумчиво поскреб собственный правый плавник. Почему бы и в самом деле не убить время ожидания, перебирая в уме известные ему знахарские зелья и эликсиры? Старый пилигрим вновь настойчиво убеждал себя, что результат инициации – есть всецелая заслуга алхимического искусства гурилий. То есть действие вполне себе логичное, доступное для понимания, а не какой-то там покрытый тайной темный обряд. Яллир притом в упор не хотел видеть, что его собственная карьера – предмет страсти и бесконечной гордости – состоялась благодаря именно такому обряду.

Купец даже всерьез задумался: может, они и впрямь обыч-

ные знахарки, черпающие жизненные силы в своих травках и мхах?

Сам того не замечая, в этот визит он даже успел проникнуться к гурилиям некоторой симпатией. «А что, – продолжал рассуждать он, – три мастерицы, знающие свое ремесло и успешно помогающие Черторгу, да и всему Вига. Не жалуют, между прочим, ни себя, ни своих рук, к тому же чтят древние традиции и договоренности... Прямо как я сам...» Эти примирительные и в чем-то даже уютные мысли ласкали и убаюкивали старого пилигрима, даруя долгожданный отдых и благословляя легкими сновидениями, что набегали на него кружащимися по мари тенями.

Этот дивный сон очень скоро прервали животные стоны, долетевшие до него из уст нового купеческого пилигрима.

– Конеч... Грядет конец... всего! Мы... Вига встанет на...

Яллир со всех ног бросился к очнувшемуся Елуаму. Но тот, с трудом преодолевая боль и страдания, лишь выдохнул ему в лицо каким-то низким и чужим голосом:

– На колени!..

Глава 14 Бахха³⁴

Нет, Окайре не показалось. Она действительно почти вырвалась из влажного удушья видений и очнулась в собственной постели.

Было ли это облегчением? И да и нет.

Голова кружилась, а точечные надавливания целителя

³⁴ Бахха (др.-хархский) – сестра, сестры; родственницы по материнской линии.

Аннума на виски какими-то холодными камушками отдавались неприятным звоном в ушах. Залетевший с открытой террасы теплый ветерок сумел раскачать тяжелую кисть, свисавшую с короны балдахина, и легко превратил ее в маятник с бахромой. Его монотонные колебания лишь усиливали головокружение и не позволяли королеве окончательно прийти в себя. Она словно сопротивлялась стараниям Аннума и его помощников, наполовину пребывая в душном сне, что странным образом слился с реальностью и никак не хотел рассеивать свои чары. Это удивительным образом меняло мировосприятие ослабевшей Окайры. Она видела все не так, как хлопотавшие над ней целители; не так, как принцесса Рувва, ее старшая дочь, неотрывно вполголоса возносившая молитвы Огненному богу у изножья материнской кровати.

Пробуждению королевы предшествовало несколько напряженных часов, заполненных охлаждением компрессов, напитыванием иголочек травяными настоями, регулярным перемещением их со лба на верхнюю губу и, разумеется, молитвами. Поэтому теперь, когда Окайра задышала глубже и наконец открыла глаза, все присутствующие тихо возликовали и как один воззрились на очнувшуюся. Лица их выражали одновременно восторг, и озабоченность, и сострадание, и облегчение. Конечно, восторг целителей был больше связан с гордостью мастеров, доказавших силу своего ремесла, а религиозность дочери воспитала в ней равное сострадание

ко всему существу – но тем не менее все они были искренне рады возвращению королевы из забвения.

Чего, к сожалению, нельзя было сказать о самой Окайре.

Поначалу королева никак не могла взять в толк, почему Аннум, дочь и двое целителей так радостно и с умилением взирали на нее, в то время как она откровенно страдала. Неужели они не видят эти колючие багровые лучи – Окайра до последнего отказывалась воспринимать их связь с Матерью звезд, – что опутывают ее ядовитым плющом? Это во что бы то ни стало нужно прекратить! Кто-то немедленно должен закрыть окно, ведь слепящие лучи заползают оттуда! Они тянутся к Окайре прямо из ее сна. Несмотря на то, как ожесточенно она с ними боролась, пока те кружили вихрями темно-алых клинков вокруг ее головы. Монархиня отчетливо помнила, как один из этих лиходейских лучей легко срезал половину ее короны, словно верхушку с многоярусного пирога, который по ее распоряжению королевская кухня традиционно выпекала на Горидукх. От пения этих клинков воздух стал таким жарким, а на языке появился железисто-солоноватый привкус крови... Клинки пели о таинстве сговора, о сакральных обещаниях, данных в исступлении отчаяния и бессилия. Словно Окайра уже слышала эту песнь, и не раз. Словно ее безжалостные слова лишь напоминали королеве о том, кто она такая... Не давали забыть, что кроется там – за многослойностью благочестивого черного хитона. Быть может, не совсем та святая подлинная королева, став-

шая за последние четырнадцать созвездий живой иконой на Харх?

Неужели никто не замечает, как впились эти лучи в ее запястья, как грубо расцарапали ей лоб?

Лоб!.. Окайра осторожно ощупала его влажно-липкую поверхность. Целитель Аннум еще не успел извлечь из верхнего слоя эпидермиса оставшиеся иголки, что играли роль проводников живительных травяных соков. Один из помощников главного целителя деликатно, но настойчиво поспешил отнять дрожащую руку Окайры от ее еще не освобожденного лба.

– Умоляю, будьте аккуратны, Ваше Сиятельное Величество! – порывисто предупредил он со всей почтительностью.

Сиятельное Величество... Его голос на мгновение отвлек Окайру от настойчивого сна, не желающего возвращаться в свое темное царство, и навел на иные размышления.

«Кажется, эта новая мода зародилась в восточных степях совсем недавно, – напрягла память монархиня. – И, получается, докатилась уже и до Подгорья... Проникла в замок-гору! *Святая королева Окайра...*» По лицу скользнула горькая усмешка: королеве был вовсе не по душе ее новый «титул». «Доходили ведь слухи, – вспоминала она, – что истово верующие кочевые племена врахайи обрели в этой нелепости образ живого божества. Что они теперь, помимо цитрина, зашивают в ткани своих кибиток еще и восковой оттиск короны из трех треугольников. О небесные владыки!.. И ведь это

еще не все! Они же, говорят, заучили новую молитву о плодородии, в которой обращаются к *золотому сердцу Окайры*. Да простит нас всех Огненный!..»

Пробудившиеся воспоминания и заново растревоженные переживания заставили королеву поморщиться. Ибо такое открытое поклонение, при всей его внешней благопристойности и искренности, опасно балансировало на грани ереси.

И грань эта, надо сказать, была очень тонка.

Иголки. Всего-навсего лекарские иголки. Никаких колючих тисков вокруг лба, готовых впиться своими жалами, чтобы отравить кровь Окайры ядом ненависти к себе и довести до исступления, достойного безумцев и юродивых. Осознание истинной причины ноющей ледяной боли в области лба несколько смягчило раздражение. Это осознание частично развеяло чудовищные образы, во власти которых еще пребывала королева. Она уже с надеждой и облегчением вбирала кожей порывисто-поглаживающие касания морского бриза. Этот приятный ветерок, пробравшись в ее покои через открытые окна, давал достойный отпор скопившейся за день духоте. Освежающие и невероятно приятные поглаживания... Да, тело Окайры уже, видимо, позабыло, каково это – испытывать на себе чью-то ласку. Обычную, побужденную незамысловатыми законами природы. А этот дерзкий отголосок вольных морских ветров и впрямь знает свое дело! Ведь он, прогоняя химеры воображения и сна, доказывал, что те не имели силы здесь – в мире его отрезвляющей сти-

хии.

«Вот это мастерство!» – мечтательно отметила королева.

Морок действительно сыпался поверженными песочными изваяниями, однако полностью развеять темные дары подсознания легкий ветер, увы, был не в силах.

– О матушка! – прервал поток ее мыслей голос Руввы.

Старшая дочь, видимо, приняла просветлевший взгляд матери за готовность к диалогу. Она уже давно сидела здесь, у изножья кровати, не спуская внимательных черных глаз с рук целителя Аннума и его подопечных. Лекарское дело было сферой весьма далекой от понимания Руввы, и, по правде говоря, наблюдаемые манипуляции несли для нее не больше смысла, чем театральная постановка на чужеземном языке.

Ничего удивительного – ведь религиозная стезя, которую она избрала для себя в самом юном возрасте, исключала постижение какого бы то ни было практического мастерства. Опять же, ничего странного и в этом нет, ибо каждый хари знает, что Огненный бог, при всей его справедливости и милосердии, не станет делить посвященное ему сердце светлой сестры со служебными божествами ремесла. Неизвестно ведь, в какой момент это занятие может перерасти в увлеченность, чтобы потом логически эволюционировать в страсть. Каждая светлая сестра, вставшая на путь самоотречения и долготерпения, призванного привести ее и тех, кого она сочтет достойными, под сень Матери звезд, с момента посвя-

щения более не принадлежит ни самой себе, ни своей семье. И уж тем более такая хархи, вместе с благословением верховной жрицы получившая сан светлой сестры, не позволит себе тратить драгоценное время на постижение ремесел...

Рувва, смиренная и покорная по своей натуре, не имела иных притязаний, кроме тех, что приличествовали представительнице ближайшего окружения верховной жрицы. Ее вера была врожденной чертой – бескомпромиссной и всепоглощающей. Единым мерилom и судьей. В самом лице, в выражении слегка опущенных глаз принцессы Харх проглядывала глубоко осознанная кротость: в ней (в отличие от матери) не было ни намека на подавляемые чувства. Все в облике Руввы указывало на неслучайный выбор судьбы: ее волосы, надежно спрятанные за шафрановой чалмой из муслина, аскетизм ее глухого платья до пят, а также ничем не украшенные руки. Исключение составляло одно простое кольцо на среднем пальце правой руки, из самого обыкновенного железного сплава. Кольцо – подарок верховной жрицы – при всей скромности выгляделo крайне необычно, как и положено талисману, в котором внутренняя ценность преобладает над внешней. Какой смысл несли в себе три расположенные друг над другом миниатюрные звезды?.. Это оставалось тайной даже для близких родственников Руввы.

Даже для матери. Правду сказать, Рувва то ли два, то ли три раза порывалась поделиться с Окайрой значением своего символического украшения... Но всякий раз, уже вот-вот

подходя в беседе к этой теме, в самый последний момент принцесса меняла решение и уводила разговор в иное русло. Словно что-то ее останавливало.

Не склонная к излишней эмоциональности, Рувва не бросилась на шею очнувшейся матушки, едва завидев, что та наконец очнулась от глубокого обморока. Странная для семнадцатилетней девушки сдержанность не изменила Рувве даже в столь тревожной ситуации. Это ведь она, принцесса, первая заметила неладное из крохотного окошка огбаха³⁵, выходящего на колоннаду Святилища. Принцесса, однако, не позволила себе поддаться панике. Не позволила, даже когда, драпируя на бегу многочисленные складки своей послушнической чалмы и беспрестанно наступая на длинный подол платья, она подлетела к потерявшей сознание матери.

³⁵ Огбах (от др.-хархского: «ог» – обитель, «бахха» – сестра) – длинная низкая пристройка святилищ о. Харх, наполовину расположенная под землей и общающаяся со святилищем системой глубоких тайных ходов. В огбахах традиционно проживает ближайший женский круг жрицы соответствующего святилища, именуемый «светлыми сестрами». Снискав своими качествами и смиренным служением Огненному богу расположение жрицы и заручившись ее благословением, «сестры» пожизненно отрекаются от личной жизни, сохраняя связь лишь с родственницами по материнской линии. Отныне они исполняют свой высший духовный долг, усердно молясь о судьбах хархи, приглядывая за душами отверженных, блюдя свои ритуальные обязанности в праздничные и траурные дни и во всем подчиняются жрице. При этом верховная жрица Харх может в любой момент призвать любую из «сестер» другого святилища под свое начало, и та будет обязана беспрекословно подчиниться ее воле (*О. Зиффоу. Святилища как реки, питающие религиозную систему Харх. Библиотека исторического факультета Университета Виза*).

«Тепловой удар или, возможно, обезвоживание», – мгновенно пронеслось в голове Руввы. Принцесса оттащила мать в укрытие тенистых арочных сводов. Затем стремглав отмерила те пятнадцать шагов, что отделяли их от королевской стражи. От помощи и защиты, которая так порой необходима даже венценосным особам.

Конечно, воины жреческой армии находились ближе: до них дотянулся бы даже самый слабый голос. Этих «солдат веры», в отличие от королевских стражников, не отделяла от матери Руввы высокая стена храмового ограждения. Тем не менее принцессе и в голову не пришло обратиться к ним. Она прекрасно знала: воины в черных доспехах не сдвинутся с места и пальцем не шевельнут без личного приказа Йанги. А врываться в Святилище во время явления божественной справедливости провинившимся – было бы неслыханным святотатством! Даже если на кону стояла жизнь самой королевы Харх.

Так что принцессе-послушнице пришлось бросить мать на храмовых плитах и побежать за высокую стену, предварительно распустив ткань своей чалмы так, чтобы на восточно-степной манер укрыть ею лицо.

Как ни боролась Рувва с волнением, все же в конечном итоге оно победило. «Торопись, – нашептывали ей зловещие голоса, – торопись, ибо промедление и забота о внешнем достоинстве могут дорого тебе стоить». Этот шепот превратил дальнейшие события в смазанную вереницу картинок.

Они замелькали в глазах Руввы вспышками молний, прорезая слепящим светом ночной мрак.

Раскаленные под звездами плиты, лижущие пятки принцессы своими огненными языками; ощущение неприятной влажной липкости на спине и на шее – чуть ниже уровня роста волос; прилив стыдливости за выбившийся черный завиток; помимо воли нарастающая тревога... Позже – знакомый с детства сандалово-лимонный аромат материнской опочивальни, к которому теперь примешались незнакомые горькие пары лекарственных трав, запутавшиеся в отсыревших слоях использованных компрессов для лба. Благо хоть теперь наконец можно было освободиться от лицевой драпировки и подставить разгоряченное лицо легким бризовым дуновением: лекари – единственные представители мужского пола (помимо родственников), которым светлые сестры могут являть свой лик.

Пока Аннум с ассистентами высвобождали королеву из цепких лап «теплового удара» и устраняли последствия «обезвоживания», Рувва медленно переводила взгляд со своего кольца на мать и обратно. С Окайры, безжизненно раскинувшейся на цветистых парчовых подушках, – на вертикальную дорожку из трех железных звезд. Со стороны казалось, что принцесса поглощена опасениями за жизнь матери и, поддавшись этому чувству, без конца нервно тербит свое единственное украшение – аскетичное, как она сама. Ни один, даже самый пронзительный взгляд, пожалуй,

не сумел бы разгадать смысл этого механического движения. А напряженная работа и высочайшая ответственность – подумать только, перед самим Каффом! – не оставляли врачам места даже для *таких* умозаключений. Лежащих на самой поверхности...

Истина же – недаром подлинное сокровище – пролежала в месторождениях значительно более глубоких.

«Что, если мать так и не пробудится?» – с ужасом вопрошала себя Рувва. В ней забился полуживотный страх перед тем, к чему она вовсе не была готова, – невзирая на свои познания в области бесконечных экзистенциальных циклов духовного тела и отсутствие склонности к переоценке тела материального. Да и атмосфера замка-горы, родного дома Руввы, где она родилась и росла до получения сестринского сана и переселения в огбах, сыграла здесь не последнюю роль. Вновь нахлынувшие детские воспоминания, никак не связанные с религиозной отрешенностью, знакомые запахи, милая сердцу обстановка напомнили девушке, что она не только светлая сестра, посвятившая себя жречеству и народу Харх (ох уж этот *народ!*..). Она еще – а может, и *прежде всего* – дочь! Сестра и внучка! Что с того, что Рувва отказалась от статуса подлинной принцессы огненного острова со всеми вытекающими тяготами и почестями, сделав выбор в пользу религиозного пути?.. Меняет ли это тот факт, что она была и до сих пор остается потомком своих предков? Дочерью своей матери?

За несколько минут до пробуждения королевы Рувва окончательно легитимировала для себя право переживать и даже бояться за физическое тело матери. За тело, которое, вопреки положению о равнозначности всего сущего перед милосердием светлых сестер, она любила больше прочих. И да, молитвы о его здравии чаще всего невольно слетали с губ Руввы в каменной тиши молельни огбаха. Так или иначе, *дочь* должна волноваться о здоровье той, что подарила ей жизнь! Кем бы эта дочь ни являлась и куда бы ее ни завел избранный путь. И чего бы он ни требовал от нее.

К слову, о требованиях. Принцесса в сотый раз покосилась на острые грани кольца, что так и норовили врезаться нитью пронзительной боли в соседние пальцы. А уж как он, этот перстень, в свое время изрезал ее душу...

И что, собственно, вообще от нее осталось?

Лишь бы мать, ее родная матушка, пришла поскорее в чувство! Сколько уж можно терзать и изводить себя, обрекая на вечное одиночество? Рувва вдоволь настрадалась, держа свою тайну в себе. Эта тайна тяготила. Она то влекла принцессу в заверть штормовых волн, то обвивалась прочным шелковым жгутом вокруг нежной, все еще по-детски худенькой шеи. «Пожалуй, морское дно все же лучше», – говорило порой в Рувве слепое отчаяние. Доходило до того, что иногда она даже забывала о сани светлой сестры, и даже угроза небесной кары за мысли о самоубийстве не заботила принцессу. В эти темные мгновения умственного затмения она

обычно говорила себе: «Дно укроет мой недостойный вид от родительских глаз, а соленая вода древнего Вигари смоем позор, что навлекла я на себя и свою семью».

Пока Окайра делала первые попытки к возвращению из мира снов и осознанию себя в физическом теле, ее старшая дочь уже подготовила сценарий своей исповеди. И даже не один. Она замерла у ног матери и, казалось, шептала сакральные строки молитв на исцеление от морока и мантрические трехстишия на безвозмездную передачу энергии по женской линии рода. На деле же, к своему большому стыду, в определенный момент Рувва осознала, что она попросту репетирует свое признание. Почему же после стольких сомнений и метаний она почувствовала себя готовой именно сейчас? Страх. Принцесса всерьез испугалась, что мать может не успеть принять ее покаяние. Как тогда прикажете жить дальше? Нужно непременно снискать свою толику понимания и прощения – и сделать это прямо сейчас. О милостивая небесная прародительница, как это эгоистично и низко! Вот, получается, чем она утешит свою многострадальную мать, которая вернулась с самого порога небесных чертогов Огненного бога!..

Рувва сделалась противна сама себе. Да так, что попадись ей на глаза зеркало из вулканического гокху, то несдобровать бы ему: плюнула бы в свое отражение не задумываясь. К счастью, у принцессы осталось в запасе несколько спасительных мгновений, и их хватило, чтобы успеть удержать свой

несносный язык за зубами. Чтобы не дать *непоправимому* слететь с него.

Она успела, и вместо того, чтобы взвалить на Окайру часть своей тяжелой нравственной ноши, всего лишь выдохнула:

– О матушка!

Никто из присутствующих не услышал в этом невинном возгласе то, что слышала сама Рувва. А именно – оглушительного скрежета конских копыт, силящихся сдержать стремительный галоп у самой кромки грозно закипающих волн...

Ожидание и неизвестность изводили, налегая на грудь свинцовым жерновом. Умм уже успел не единожды подсчитать количество резных цитриновых звезд на потолке главного храмового зала, краем глаза продолжая неусыпно наблюдать за темным коридором. Уж больно давно скрылся в его проеме дружище Дримгур в компании Нездешней. Другой частью зрения стражник, используя приобретенные на службе навыки, следил за «темными воинами» – так он про себя окрестил представителей жреческой армии. Подсчеты и наблюдения сопровождались неприятным ощущением муравейника, копошащегося по стенкам желудка. Неужто теперь и голод – перед наказанием Умм сознательно отказался от завтрака – дополнит безрадостную палитру чувств? С другой стороны, а кто его знает, в каком состоянии лучше

всего встретить неизбежное физическое страдание?

«Если с набитым желудком, – рассуждал вечером накануне стражник, – то как бы не вывернуло в самый неподходящий момент. Мало того что позор и насмешки до конца службы обеспечены, так еще и, чего доброго, Нездешняя возьмет и проклянет. Да так, что сотни и сотни созвездий кусок в горло не полезет! Знаю я их порядки!» Этих двух причин оказалось достаточно, чтобы юноша благоразумно отклонил идею плотного завтрака накануне визита в Святилище.

Что касается минусов посещения верховой жрицы натошак, то тут Умм сумел выдвинуть всего один аргумент – значительное повышение вероятности обморока. «Да, явление, не делающее королевскому стражнику чести, – признал юноша. – Однако есть у него и определенные преимущества». К ним Умм отнес, во-первых, обезболивающий эффект временного забытья, а во-вторых, по мнению юноши, эта физическая реакция менее оскорбительна для священных храмовых стен и их хранительницы.

И вот теперь голод настойчиво напоминал о себе, отдаваясь слабостью во всем теле. К тому же этот «львиный зев»!.. Он раз за разом раздавался из недр пустого желудка и бесстыдно пользовался акустикой высоких каменных потолков. Благо временами в унисон ему вторил не менее громогласный звон Эббиховых бубенцов, пришитых к подкладке его черной рясы. Тогда урчание желудка оказывалось удачно за-

маскированным, а сердце стражника невольно наполнялось благодарностью к бородатому прислужнику. По правде говоря, Умм и в страшном сне не мог себе представить, что однажды омерзительный саркастичный горбун окажет ему столь ценную услугу.

А звон тем временем продолжал рассыпаться по Святылицу – беспорядочно и гулко.

Бряц – попал! Дзын-н-нь – мимо...

Так королевский стражник и провел еще не один десяток мучительных минут, чувствуя себя в высшей степени неуютно и пристыженно. Во многом из-за того, что вынужден был признать: Эббих и в самом деле *услужил* ему! Внутри зародилось какое-то смутное, едва осязаемое ощущение, что Эббих якобы был с ним, Уммом, заодно.

А еще эти глаза юного принца Бадирта, поблескивающие золотыми огоньками из коридорной дали... Вот уж где точно не было ни капли сочувствия! Скорее наоборот.

Умм старался не смотреть в сторону этих огоньков, причем не только потому, что задерживать взгляд на королевской особе не позволяла пресловутая Заповедь.

Когда же наконец взгляду его явился Дримгур – хорошо, что хоть на него можно взирать сколько влезет, – то Умм почувствовал себя окончательно сбитым с толку. Ибо моральное и телесное состояние, в котором предстал перед ним прошедший «очищение от греха» друг, было, мягко говоря... «Странно!.. – едва не сорвалось с губ юноши. – Кля-

нужь Огненным, это очень странно! Не выглядит ни страдающим, ни подавленным, ни униженным...» Умм на всякий случай даже повнимательней присмотрелся к плечам Дримгура: вдруг выслуженную татуировку так никто и не тронул? Нет, бледно-розовый ожог на правом плече, повторявший по форме один из трех языков пламени натальной печати Дримгура, красноречиво указывал на то, что древние традиции не были осквернены изменениями и поправками. По крайней мере, касательно самой сути, ядра ритуала наказания. Убедившись в этом, Умм पुще прежнего подивился физически ощутимым токам бодрости, воодушевления и какой-то новой *властной* мужественности, что распространял вокруг себя его прошедший испытание друг. Все выглядело так, будто Огненный бог непонятно за какие заслуги вознаградил нарушителя воинской Заповеди и вместо должной расплаты ниспослал ему свое благословение.

Сакральное молчание, долженствовавшее царить в Святилище, не позволяло Дримгуру задать вопрос и услышать ответ.

А что же ныне представлял из себя сам Умм?

На фоне необъяснимо довольного вида Дрима (чего стоила одна его разбитная моряцкая походка) Умм еще сильнее ощутил собственную ничтожность. Изведенному томительным ожиданием, подкошенному предательскими выходками бессонницы и с урчащим желудком – пропади пропадом все эти опасения, уж лучше бы позавтракал как следует! – имен-

но в таком состоянии Умму было суждено «узреть справедливость Огненного бога». И судя по тому, что Йанги уже поманила его за собой, величественно взмахнув рукой из глубины темного коридора, уже ничто не могло изменить этого досадного обстоятельства.

Путь, что прокладывала жрица к месту наказания, непредсказуемо вился по мраморным внутренностям Святилища. В условиях крошечного мрака и обманчивых отсветов Умм мог быть уверен лишь в одном: путь вел его наверх – куда-то под сень широких, приплюснутых и, безусловно, уже раскаленных добела куполов. *Что-то* подсказывало стражнику, что Матерь звезд давно миновала полуденный рубеж. Вероятно, этим *чем-то* было эхо жаркого дыхания тех самых куполов: оно прорывалось внутрь вопреки каменной прохладе Святилища. Чем выше, тем усердней норовя опалить Умма искрами факелов, которыми, как ему казалось, были сплошь усеяны храмовые купола.

Сухой жар обдавал юношу лишь отголосками того истинного, невыносимого пекла, что раскаляло металл фигурных луковок крыши. «Милостивая Матерь, какова же тогда истинная сила твоих пылающих объятий?!» – ахнул Умм. Охваченный в равной степени восхищением и содроганием, он подумал: «Дерзни простой смертный хархи приблизиться к тебе хоть на шаг ближе положенного, спорю на свою воинскую эмблему, сгорит заживо!»

За этими незатейливыми размышлениями стражник ско-

ротал путь до крошечной каморки, которая, по его собственным ощущениям, располагалась если не под самыми куполами, то, во всяком случае, в непосредственной близости от них.

– Можешь сесть, воин короля, если тебе так будет проще принять свою судьбу, – будничным тоном предложила Йанги, заняв место напротив круглого чердачного окошка. Ее экстраординарный рост послужил причиной неудобного сумрака: жрица перекрыла потоки ярко-оранжевой лавы света, сочившегося в окошко из жерла небесного вулкана.

Теперь стройный силуэт Йанги был очерчен в круглой оправе оконного проема контрастным кьяроскуро. Простейшая игра света и тени, запущенная естественными силами и не приправленная даже шепоткой темного колдовства, смотрелась весьма эффектно. Эдакое *всамделишнее* величие, которое льстиво подчеркивает сама природа.

Этот тонко просчитанный прием дошел до сознания Умма, успешно преодолев бастионы опасений, предвзятости и убеждений (как собственных, так и чужих). Одним из своих многочисленных чувств Йанги даже ощутила в воздухе резкий хлопок – такой, что могла бы вызвать длинная тонкая игла, проколовшая несколько слоев тесно переплетенных лоскутов.

Хл-л-лоп-п-п! Так просто и так действенно!

Никаких наговоров над булькающим варевом, шаманских плясок вокруг черного пламени и уж точно никаких экспе-

риментов с сознанием. С выражением глубокого удовлетворения жрица прижала руки к груди. Тоже прекрасная и не менее выигрышная поза: одновременно властность и покорность перед *высшими силами*. Йанги нравилось, когда народ видел ее такой; она владела целой коллекцией соответствующих жестов, взглядов и поз. И даже разновидностей осанки. Ну а сейчас, взяв в помощники целый сноп полуденных лучей, перехваченных узлом окна, жрица извлекла из этой сокровищницы свой излюбленный экземпляр.

Он, подчеркнутый изяществом женственных линий и изгибов, предстал во всей своей красе и целомудрии. Единственное и достаточное украшение пустой тесной комнатушки, доверчиво прижавшейся к намоленным храмовым сводам.

Умм огляделся в поисках предмета мебели, позволяющего подчиниться не то приказу, не то предложению жрицы и сесть. Поиски, однако, ни к чему не привели: внутреннее убранство каморки ограничивалось грязно-пепельной россыпью пыли по углам да следами мышьиного помета. Эти два неприглядных обстоятельства в сочетании сообщали помещению характерный запах. Немалую роль в его интенсивности играло и тепловое воздействие – спасибо пресловутым полуденным лучам! То, что в прохладе могло бы лишь отчасти напоминать о себе, на жаре превращалось в зловоние, оскорбительное для островной религиозной цитадели.

Висящий в душном воздухе запах обыкновенных нечи-

стот и грязи... Пожалуй, это было последнее, чего ожидало от Святилища обоняние Умма, обостренное благодаря голоду и усиленно работающему механизму самозащиты.

Нет, безусловно, здешние ароматы были юноше и раньше не особенно милы. Все эти дымные клубы, заключившие дурманый союз с сырой землей, жженой древесиной и опаляющими ноздри специями... Возможно, именно по их милости даже мысль об очередном визите в Святилище – отстоять ли проповедь, принять ли участие в праздничном ритуале – отдавалась в голове Умма болезненными спазмами. Добавить к этому удушающую скученность толпы (в такие дни храм переставал быть тихим местом уединенных молитв), влажное тропическое дыхание, что испускают красные лилии и флердоранж, обвивающие ритуальные чаши... Сколько ни пытался Умм побороть обонятельную неприязнь к Святилищу, усилия заканчивались одинаково: раздражением, головной болью и интуитивным чувством противоречивости этого запаха.

Что же долетало до его ноздрей в этот раз? То был знакомый душок неприбранного, запущенного чулана. Память и сознание пока молчали, никак не реагируя на вызов, если не сказать – провокацию. Восприятие запахов, в отличие от визуального, еще не пало жертвой тщательно спланированного наступления. Иголка пока не дотягивалась до него своим острием.

Другое дело, что восприятие Умма вовсе не подозрева-

ло ни о каком наступлении, возвышаясь над происходящим беспечной твердыней с дремлющими на посту часовыми.

Почувствовав себя крайне глупо – в какой раз за тот мучительный день! – Умм вопросительно указал жрице глазами на пыльный каменный пол: можно ли, дескать, сесть на него?

Ответом стал кивок. Выглядело это так, будто Йанги дозволила ему не опуститься на грязные, едва различимые под слоем пыли плиты, а словно по меньшей мере отпустила стражнику истязавший его душу смертных грех.

Да и, впрочем, неважно. Главное, посчитал Умм, вопрос с его положением в пространстве был наконец исчерпан, а значит, одной неловкостью меньше. На пол так на пол! Уж лучше исполнять внятные приказы, чем дрожать в ожидании малопонятных темных ритуалов.

Всю тесноту каморки стражник оценил, только когда исполнил «внятный приказ»: он сел, опершись спиной о стену, и, вытянув ноги, чуть не коснулся носком сапога противоположной стены. То есть *лечь* на полу во весь свой невыдающийся рост у юноши бы уже не получилось. Близость к полу, кстати сказать, значительно усилила «чуланый» запах. При всей его естественности и уместности в обыденной жизни – скажем, в домашних хозяйствах – здесь, в Святилище, он оставался для Умма сущей диковиной. Такой, что спустя множество звездных циклов и не меньше роковых событий юноша накрепко связал этот запах с началом крутых пово-

ротов своей судьбы.

Умм просто не знал, что пространственно-временная точка, в которой он оказался, не возникла сама собой, не врезалась в его ладонь из ниоткуда; не знал, что она не была поставлена туда одной лишь волей остро заточенной иглы Йанги. Если немного отстраниться от «карты» и приглядеться повнимательней, не возникнет сомнений: юноша начал сознательное движение к этой точке, едва лишь осознав самого себя и свой характер. Однако порой типичная для смертных склонность к упрощению и житейскому символизму оказывается на руку существам более высокоорганизованным и могущественным.

И конечно, они не преминут этим воспользоваться.

Чулан... Тьма, хоть глаз выколи. Сухая многолетняя пыль, грубое полотно шершавой мешковины, вытоптанное клочки сена на полу, ржавый дух перележавших яблок-паданок, тряпицы из пропотевших нестиранных рубаш. Сухость в горле и на языке. Потрескавшаяся кожа рук – и они сухи. Как растрепанная косица, словно сплетенная из соломы. Солома... Она тоже где-то здесь есть, это точно. Ни с чем не спутать дрожжевой злаковый аромат, которым сочатся ячменные стебли, лишенные своих соцветий и семян.

Умм пошарил глазами по той реальности, что явилась ему в ответ на прикосновение верховной жрицы. Последнее, что он помнил перед тем, как провалиться в бескрайний глухой туман, было ее лицо. Очень близко от его собственного. Он

тогда еще подумал, что вот оно – началось. Сейчас ему наконец закатают рукав и выжгут пару язычков его наплечной татуировки. Ну, если только, конечно, Нездешняя не просветит его насквозь каким-нибудь магическим шаром или крысиным глазом и не разгадает его тайну. Ту, что касается осквернения священных островных традиций воинской потомственности; тайну, которая привела в ряды королевских стражников крестьянского сына. Тогда уж пиши пропало: можно готовиться к смерти.

Будет ли она мгновенной и исполненной ужаса или же спустя много мучительных созвездий станет ему долгожданым избавлением в остроге Подгорья? Какая, в общем-то, разница. За мгновение до отключения сознания в голову Умма проскочила мысль, что ему действительно все равно. И что даже знай он о таком исходе заранее, у самых истоков своих дерзких мыслей насчет споров с судьбой, то и тогда ничего не изменил бы в своем решении. А слишком ранняя и бесславная смерть... Что ж, Умму не раз казалось, что он и вправду готов был уплатить эту цену за те три созвездия, что ему довелось провести не в крестьянской холщовой тунике, а в доспехах королевского стражника. Бессонная ночь накануне, лишив юношу остатков благоразумия, только способствовала подобному настрою.

Эту обреченную покорность судьбе Умм ощутил только сейчас. Иначе как объяснить спрятанный за голенищем сапога короткий, но прекрасно заточенный нож в кожаном футляре?

тляре?

Как же понравился этот тайник верховной жрице! Еще в главном ритуальном зале, едва Умм переступил порог Святилища, она уловила приглушенную, но вполне осязаемую мелодию стального клинка. Надежды оправдались: принадлежал он Умму. Какое пленительное нахальство! Принести оружие в древний, легендарный и величественный дом Огненного бога на земле Харх, не убоявшись самой грозной кары за свой поступок – небесной.

«Знала, что ты достоин своего будущего, – радовалась Йанги. – Да и рисункам в черном пламени не пристало врать мне, их укротительнице, ибо здесь все налицо: и достоинство, и характер, и эта врожденная непокорность. Но такая явная открытость грехам и поистине дьявольское безрассудство, – чуть ли не вслух проворковала она, – это просто подарок! Подарок тебе, огненный остров Харх, первобытный ты язычник! Хоть у тебя уйдут сотни твоих звездных фигур, чтобы это понять».

За это счастливое открытие Йанги, махнув рукой на свои изначальные планы, даже решила смягчить заготовленное для Умма испытание: хватит с него *сестренки*. Во всяком случае, для начала.

Дальше – будет видно.

Здесь точно припрятана где-то солома. Пошарить бы по

полу руками да нащупать ее жесткие пахучие стебли. Аромат свеж, в нем еще хранится землисто-травяная эссенция его колыбели – бескрайнего поля. «Значит, только-только закончился обмолот», – всплыло в памяти Умма.

Тем же путем он установил, что находится в прежнем временном отрезке. «Молотьба, – вспоминал стражник, – она исстари приходится на вторую половину Ящерицы: чтоб злаки успели за лето как следует вызреть, а до прихода Скарабея крестьяне бы их уже обмолотили».

Юноша улыбнулся про себя, продолжая упорно цепляться за свой соломенный «якорь», словно тот мог уберечь его от жреческого чародейства. Солома – это хорошо. «Урожай на ближайший цикл запасен, – упрямо гнул свое Умм, отмахиваясь от пугающей необъяснимости происходящего. – И наверняка амулеты от скарабейских поползновений уже изготовлены и развешаны над дверями домов...»

Как жаль теперь стало Умму, что он всегда с некоторым недоверием относился к подобным оберегам от стихий и темного колдовства. Тот красный лоскуток, его детская игрушечная «эмблема королевской стражи», до сих пор оставался для юноши единственным талисманом, который он носил без снисходительной ухмылки. Носил осознанно, по собственному желанию, а не в угоду отцу с матерью. Да что теперь о нем вспоминать – потрепанный кусочек материи с приколотой к нему железной булавкой остался в казарменном домике, спрятанный под подушку. «Зря», – едва слыш-

но вздохнул Умм.

Ощутить хоть какую-то защиту сейчас было бы очень кстати. Пусть даже такую наивную и беспомощную.

Особенно остро стражник почувствовал эту потребность в миг, когда, прямо перед его падением в «чулан», лицо Йанги оказалось напротив его лица. Ну, может быть, не в сам этот миг, ибо нельзя не признать, что *нездесьняя* красота ее черт слегка сгладила впечатление. Но ненадолго. Ни магия развеянного ореола недоступности, ни божественное великолепие лица жрицы не смогли отвлечь Умма от увиденного после.

Когда из ее полуоткрытого красивого рта показался черный, раздвоенный на конце язык.

Все, что юноша успел уловить, – бесчисленные бугорчатые волдыри, которыми был покрыт этот язык (звездный луч, просочившийся из окошка, подсветил его текстуру), и то, как он, удлинясь, неумолимо приближался к его, Умма, лбу.

А дальше были два нестерпимо жгучих укола – над переносицей, словно туда приложили раскаленные угли – и ледяные узоры, разбегающиеся по скулам. До висков и обратно.

Видать, по этим дорожкам Умм и добрался до того темного чулана.

Никак не отыскать эту проклятую солому: ни связанных и аккуратно сложенных в углу снопов, ни жестяного подноса с обмотанными нитью звездами-оберегами из ее сушеных стеблей, посверкивающих желтизной пришитого к середи-

не цитрина... Юноша остро чувствовал, что почти утратил связь с реальностью, и отчаянно пытался обрести ее заново. Казалось бы, при чем здесь свежая солома? Спустя много времени Умм утверждал, что видел в ней единственную приметку того, что еще не умер. Ведь не может же в чертогах Огненного сейчас тоже быть конец лета! И с чего, спрашивается, там идти сезонным сельскохозяйственным работам?.. Также – эту причину Умм всегда раскрывал неохотно – его не покидала надежда отыскать где-нибудь соломенный оберег и вложить в него молитвенное усердие. Стражника мало заботило, что, согласно крестьянским поверьям подгорных окрестностей, звездчатки защищали лишь от одной угрозы – природных стихий, а вовсе не от неведомых ритуалов.

Ответ, равно как и солома, нашелся – пусть и нескоро. Ему предшествовал тихий, какой-то надломленный плач, едва различимый в ватных клубках тумана. Умм сделал усилие, чтобы сконцентрировать все внимание на этом слабом источнике звука. Плач женский, почти девчоночий. Жалобные ноты долетали не только до его ушей, но умудрялись дотянуться и до сердца. И растопить его, а заодно размыть три звездных цикла и затаенное предательство, разделившие Умма с обладательницей этого голоса.

Плакала его младшая сестренка. Наконец туман рассеялся по стенам чулана и позволил разглядеть ее худощавую фигурку, скорчившуюся на подстилке из рубах, в которые впитался неистребимый дух тяжелой полевой работы. Со спины

она выглядела на тот самый возраст, в котором пребывала, когда старший братец удачно показал себя на дне испытаний и не погнушался пустить семейные деньги на взятку. Поэтому сначала юноша не на шутку перепугался, что и вправду уже летает бестелесным призраком над Харх, не принятый Огненным за свои прегрешения.

Что-то здесь не так. Нужно приглядеться. Дамра плачет одна, в пустом темном чулане, лежа на полу посреди варварского беспорядка?

Да, эта скособоченная глинобитная пристройка к их дому, которую отец вечно обещал матери перестроить «к следующему Ястребу», никогда не была предметом семейной гордости. Но это ведь только снаружи! Зато ее внутреннее устройство, сколько помнил Умм, всегда представляло собой образец рационального, аккуратного хранения припасов и предметов обихода. Как бы извиняясь за тоскливый внешний вид, внутри «чулан», как называли эту пристройку домашние (хотя на деле это был амбар), выглядел едва ли не музейным архивом.

Теперь же в знакомом помещении царил беспорядок, явно отсутствовали заготовки к Скарабею (как съестные, так и ритуальные) и витал запах заброшенности. «Обветшалость», – подобрал еще одно слово Умм, и оно неприятно коснулось языка кислым смрадом старого тряпья и плесени. Захотелось прочистить горло и от души сплюнуть прямо в серую пыль, запорошившую пол.

Почему Дамра пришла плакать сюда – на этот грязный пол?.. Умм хоть и вероломно бросил семью, но успел заставить то знаменательное для сестры созвездие, когда ее первая кровь возвестила не только о том, что уже можно присматривать женихов, но и о переселении Дамры в крошечную, зато отдельную от братьев комнатку. Сколько же ей тогда было? Двенадцать? В любом случае плакать, неважно о чем, лучше на своей кровати, укрытой собственноручно расшитым шерстяным покрывалом. Тем более младшая сестра с самого детства заглядывалась на роскошно одетых дочек купцов и прочей гильдийской знати. Да и что говорить, притязания на комфорт всегда были ей не чужды.

Умм искренне пожалел, что пребывал рядом с сестрой не полноценно, а лишь в роли наблюдателя. Ему очень захотелось подойти к ней, протянуть руку (а то и вовсе встать на колени), выслушать ее незатейливую историю – скажем, о том, что соседский котенок сломал лапку или что мальчишки не взяли ее играть. Или что матушка не позволила купить ту превосходную муслиновую ткань на платье к празднованию Горидукха. Только сейчас Умм в полной степени ощутил острую, ничем не утоляемую тоску по родным, и в частности – по маленькой Дамре. Перед ним предстала вдруг вся его семья – в самых мельчайших, таких близких сердцу подробностях. Как-то они живут без него? Как справляются в поле?

Ездят ли отец с братом *по-прежнему* на ярмарку?

То, от чего Умм, толком не задумываясь, отрекся три созвездия назад; то, что с легкостью принес в жертву своему блестящему будущему, сейчас показалось ему слишком высокой платой. Весь маленький мир его детства, которому он никогда не придавал большого значения, вдруг ожил, расцвел яркими красками воспоминаний. И заявил о себе. Не требовательно, не властно, а как будто пытаюсь слегка пристыдить беглеца – беззлобно и даже любя.

Наконец удалось разглядеть лицо Дамры. И хоть оно было отчасти искажено плачем попеременно с какими-то странными гримасами, сомнений не оставалось: она повзрослела. Три созвездия начисто стерли детскую округлость с сестриных щек, наделили ее лицо женственными чертами: заострили скулы и даже будто чуть опустили вздернутый кончик носа. Но не это выдало возраст Дамры, а ее зелено-оранжевые глаза – цвет их был едва различим из-за темноты и слез, – глаза эти выражали взрослое, глубоко осознаваемое страдание. Умму даже показалось, что в них застыло признание *справедливости* страдания. Но он поспешил отмахнуться от этой мысли. Его теперь занимало другое: что за неестественные волнообразные движения совершает его сестра? Ибо Умму стало очевидно, что она не безжизненно лежит, а буквально катается по грязному полу. Ее светлая косица растрепана, под глазами легли тени, а на небеленом полотне простой рубахи рдеют гранатовые пятна, устрашающе увеличиваясь в размерах...

Милостивая Матерь звезд, да она же рождает!

И, по-видимому, в страшных муках, словно наказывая себя физической болью за какую-то непростительную ошибку. Хотя ничто, никакая, пусть самая страшная ошибка не должна стать причиной страданий его младшей сестры! Что бы она ни совершила и чей бы это ни был ребенок, она не заслуживает этого!

Умм заметался взглядом («Ох, Огненный, почему ты оставил мне в этой реальности одно только зрение с ничемным обонянием?!») по чулану в поисках хоть какой-то помощи. И не отдавая себе отчета в том, что даже если и найдет способ облегчить муки Дамры, то все равно не сможет им воспользоваться, ощупал взглядом входную дверь.

Ощущение сопротивления, глухой стены.

Дверь была закрыта на засов изнутри. Что ж, выходит, сестра заперлась здесь сама.

Умм лихорадочно соображал. Дамра пришла сюда, скорее всего, почувствовав первые признаки начала родов (почему чулан?). Странно, но допустим. Она заперлась изнутри, причем как-то второпях: защелка не была задвинута до конца. Явно не хотела, чтобы ее беспокоили. Оно, конечно, и понятно – во время такого-то что ни на есть интимного процесса, открывающего богам ее женское предназначение, которое обеспечит в будущем достойное место в небесных садах Матери звезд... Но, во имя всего святого, что заставило робкую и нерешительную Дамру отказаться от такой есте-

ственной необходимости, как помощь в родах? Где, в конце концов, носит мать в этот момент?

Неужели их набожная и по-крестьянски суеверная мать допустит, чтобы ее первый внук появился на свет вот так – на пропотевших заляпанных подстилках, на пыльном чуланном полу? Не говоря уж о том, что странное и необъяснимое уединение в родах («Ох, Огненный, да кто же отец этого несчастного создания?!») исключало всякую возможность традиционных повивальных обрядов. Дитя не будет представлено своим небесным покровителям: богам Харх и пока еще царствующему в синей выси Ящеру! Сделать это позже не представится возможным, ибо небесное око обращено на новорожденного лишь первые мгновения его жизни. И если не успеть приложить к лобику цитрин, посыпать солью и обмахнуть пучком колосьев, то оно, это око, останется для бедного дитя закрытым на протяжении всей его жизни. А какая это может быть жизнь, коли слепо оно будет к страданиям и боли *незнакомца*?..

Умма терзали догадки одна страшней другой, он изводил себя этими вопросами, как ему казалось, целую вечность. Но нет ничего вечного даже на древней огненной земле Харх.

Сестра заговорила.

Конечно, назвать внятной речью то, что услышал Умм, было нельзя. Очевидно, схватки – и без того уже выжавшие из нее все силы – перешли в самую болезненную фазу, превосходящая скорое разрешение ребенком. И, дабы хоть как-то

помочь себе, или попросту бессознательно, Дамра вложила в эти выкрики всю скопившуюся в теле (и, видимо, душе) боль. Ее страдания выплескивались наружу вместе с околоплодной жидкостью и кровью, уже намертво впитавшимися в деревянный пол.

– Не-е-ет!!! – изрыгала Дамра душераздирающий вопль из самых недр своей глотки.

Умму и в страшном сне не могло присниться, что у нее может быть такой голос: голос раненой волчицы, сражающейся за свою жизнь.

– Ты! Его! Не... А-а-а-а о-о-о-о! – последовал очередной хриплый крик, спровоцированный движением ребенка внутри. – Не получишь! – уже более слабым возгласом выдохнула Дамра, выворачивая свои смуглые запястья.

Оказывается – а Умм и не заметил, – в трясущихся пальцах сестра сжимала свою детскую игрушку – соломенную куколку с оторванным глазом-пуговицей и изрядно потрепанной юбочкой из сухих колосков. Открытие поразило Умма, словно вспышка молнии: «Так вот откуда этот соломенный запах!» Получается, это была ее единственная помощь и оберег...

– Он... – Неужто она обращалась к двигавшемуся внутри плоду? – Он мне не отец! Он не примет тебя! Н-н-ну и плева-а-а-а-ать, – едва не запела Дамра, извиваясь от боли. – И *твой* отец тебя – а-а-а-а-а! – не примет! Ты – не его семья! Так! Он! Сказал! О-о-о-ох! Мне!

Последовала короткая пауза. Дитя, видимо, решило немного отдохнуть в своем длительном и трудном пути. Сестра прерывисто вздохнула и откинула с мокрого побагровевшего лба несколько выбившихся из косицы прядей.

– МАМА-А-А! – разорвал тишину сиплый визг, исполненный беспомощности и страха.

«Неужто опомнилась? – понадеялся про себя Умм. – Быть может, мать услышит ее и успеет прийти на помощь?»

Что ж, Дамру слышали. И пришли. Но это был явно не тот гость, которого она ждала.

В дверь настойчиво заколотили – чем-то твердым и тупым. Она зашлась в дикой пляске, словно пытаясь освободиться от оков. Удары сопровождались отблесками дневного света: лучи с переменным успехом пробивались сквозь образующиеся проемы. Кажется, двери долго не продержатся.

Умм не поверил своим ушам, узнав в полупьяном рыке, от которого их с сестрой отделяла ненадежная и уже подгнивающая снизу дверь, голос родного отца. Его речь была так же нечленораздельна, как вопли сестры. И все же Умму хватило услышанного, чтобы осознать всю чудовищность ситуации.

– Отпир-р-рай, млолетняя потаскух-х-ха! – доносилось снаружи. – Мало мне в эттом цикле смерти жены, так ты ишшо вздмала нам позор в пдоле принес-с-сть?! Шллхха пд-зборнная!

Дыщ! Тддыщщ!

«У него что, топор?!»

Что было делать Умму, закипающему одновременно от собственного бессилия и от осознания смерти матери? Увы, выбор был невелик. Юноша не придумал ничего лучше, чем нависнуть над корчащейся в муках сестрой и воздеть над ее раздутым животом треугольник из пальцев. Это, к сожалению, было единственное, что он мог для нее сделать...

Чулан уже насквозь пропах потом, кровью и животным страхом. Из-за двери, нещадно сотрясаемой от ударов топора, просачивались пары дешевой огненной воды пополам с горько-кислым дыханием – следствием загубленной печени и плохой гигиены.

– Ты, грязная подстилка, не осс... – Отец оглушительно рыгнул, явно борясь с икотой и дурнотой. – Не посмеешь оскорбить память матери рождением здесь этого ублюдка!

– МАМА-А-А!! – только лишь отвечала ему дочь, ощущая, как на свет уже показывается крошечная головка младенца. Скорее всего, она уже вовсе не слышала отца.

Дверь отчаянно трещала: древесина послушно расходилась.

– Х-х-ха! – пьяно торжествовал отец, с новой силой налегая на топор (какое счастье, что он, видимо, плохо заточен!). – Что, думмала, сынок купчишки Сунха женится на тебе, тварь такая? Что при ввиде пуза твоего помрет от счастья? Так знай, – кажется, горькое торжество отца достигло апогея, – женится он! О как! На самый Гриддухх женится на младшей Каго – соседа ихнего ювелира! Ка-

го-то не дуррак, вроде твоего папаша: тот прирданно ажно целый сундук сбрал! Ох и напьюсь я на свдьбе ихней!

Маленькое беззащитное тельце уже почти полностью вы-
бралось из чрева Дамры, чтобы «оскорбить память» своей не
дожившей до этого момента бабушки. Девушка тяжело ды-
шала, с трудом осознавая происходящее.

– Но спрва я – йиик! – очищу наш род от позорра, кото-
рый навлекли мои презренные дети: два дезертирра и шлю-
ха! Это вы, прклятое отродье, отправилли вашу мать на Пе-
пелище! До сынков-пррдателей мне уж не дотянуться; стал-
быть, за всех ответишь ты и твой выррдок!

Последний слой тонких, уже поврежденных ударами до-
сок, остался единственной преградой, отделявшей сестру
Умма и ее внебрачного новорожденного («Мальчик!») от ту-
пого лезвия старого отцовского топора, предназначенного
для забоя скота.

Извиваясь и звучно, сипло дыша, новоиспеченная мать,
причинив своему измученному телу еще одну немалую пор-
цию страданий, перегрызла пуповину.

Племянник Умма огласил плачем тесную чуланную лачу-
гу.

Его отец, сын зажиточного купца Сунха, в тот самый миг
выбирал сорт пряного хлеба к предстоящему венчальному
торжеству, изводя пекарей своей истинно купеческой при-
дирчивостью и дотошностью.

А вместе с рассечением последнего волокна пуповины,

тупым топором была рассечена последняя доска между дедом и внуком.

И Умм, только что ставший дядей, действительно ничего не мог поделать.

Глава 15 Темные воды

– Во имя великих искусников! – в который раз за ту удивительную беседу воскликнул мастер Мофф.

Он, позабыв о своей аристократической осанке, чуть не в три погибели склонился над матовой стеклянной столешницей. Вернее сказать, над лежащей на ней рыбой породы ульмэ. Ее остаточная слабость несколько не умаляла уникальности и действенности лекарского мастерства Илари, продемонстрированного в экзаменационной аудитории около светошага назад. Тем не менее в Моффе все бунтовало.

– Я отказываюсь принимать тот факт, что вы, созреванец Илари, не использовали равным счетом ничего из предоставленных факультетом материалов и инструментов!

Произнося эту фразу, мастер прекрасно осознавал всю ее бессмысленность. Не склонный принимать ничего чисто умозрительно и на веру, он видел весь процесс поразительного исцеления своими глазами – от и до. И все же зафиксированное зрением и отпечатанное в памяти экстраординарное явление не желало укладываться в стройную систему миропонимания старого мастера. Оно застряло где-то между восхищением перед непознанным, научно-методологическим замешательством и закрадывающимися подозрениями

в ереси.

Или в чем-то куда отвратительней.

Последнее, как догадывалась Илари, было опасней других. Девушка буквально чувствовала, как шевелятся и прорастают в голове мастера черные ростки недоверия, грозящие сплестись в неприступную стену отторжения. И что стена эта может на раз-два заслонить робкие проблески взаимопонимания, которые – Илари была уверена – зародились между ними на экзаменационном испытании.

И рухнет мир под тяжким гнетом,

Не снесишь сам своих отличий,

И самым древним договорам

Не удержат ую этот вихрь...

Мрачное четверостишие, поднявшееся из самых глубин памяти Илари, упрямо крутилось в ее голове, пока она следила за выражением лица мастера. Она бы все сейчас отдала, чтобы уловить ход его мыслей! Параллельно, какой-то другой частью разума, девушка силилась нащупать ту зацепку, подсказку, что указала бы ей путь в места, где она могла слышать столь монотонный и безрадостный напев.

Странно, но она ведь действительно *точно знала* интонацию и ритм четверостишия. Которое, в свою очередь, было лишь одним мазком кисти на монументальном полотне баллады. Точно можно было сказать лишь одно: ничего похоже-

го на эти старозаветные строки отродясь не звучало в мутной толще Зачерновичья. Илари только диву давалась и уже сама не знала, чего от себя ожидать в этот во всех смыслах судьбоносный день.

Как бы то ни было, ситуация не позволяла девушке отвлекаться на забытые куплеты, беспечно вверив свое будущее воле судьбы. Или, вернее сказать, ее капризам. Тем паче что она, судьба эта, за всю короткую жизнь Илари, не зарекомендовала себя надежным спутником, на которого можно, не оглядываясь, положиться.

Как ни парадоксально, а все ж вот оно – еще одно ее сходство с мастером Моффом: недоверие к окружающему миру, воспитанное на горьких уроках. И если седой мастер давно ужился с этим качеством и научился извлекать из него зерна пользы, то для Илари оно пока оставалось секретом, перекачиваемым по темному дну запертой шкатулки. Перерастет ли ее недоверие (как у Моффа) в педантичность, строгость? Или оно превратится в озлобленность, желчность да отталкивающую подозрительность?

Прямо перед носом Илари маячила двурогая развилка. Захочешь – не обойдешь! Ее разбегающимся дорогам не требовалось специальных подписей и обозначений. «Университет» и профессиональная педантичность – направо; «Зачерновичье» и пожизненная горечь с затаенной на сердце злобой – налево. Так просто и предельно понятно.

Одна ошибка, одна осечка – и добро пожаловать на вто-

рую дорогу!

Илари метнула тревожный взгляд на тяжелую, окованную геометрическим узором дверь. Да, все так и есть. Из нее девушка выйдет уже в какую-то определенную сторону, согласно направлению выпавшего ей указателя (хотя еще с утра Илари так думала о двери экзаменационной аудитории). Осталось выдержать непростой разговор. Объясниться с мастером самым что ни на есть достойным образом: защитить себя и свою репутацию в его глазах, доказать свое рвение к серьезной науке и отречься от странных, сомнительных методов исцеления, немало испугавших и ее саму. Ох, как же бьется в груди истерзанное волнениями сердце!

Никогда не удавалось с ним договориться...

Илари сделала над собой усилие, дабы вернуться в русло диалога-развилки:

– Превелико уважаемый мастер Мофф, – уже не зная, с какой стороны подступить к своему оппоненту, проговорила девушка, – клянусь собственным эо и великими искусствами, я правда...

И тут же поняла, что совершила очередную ошибку: Университет – не то место, где стоит апеллировать к высшим силам и бравировать тем, что для доказательства своей правоты ты готов призвать их гнев на собственную голову. Да и что вообще могут доказать клятвы, кроме степени твоего отчаяния? Илари дала себе *обещание* (не клятву!) впредь не допускать столь очевидных оплошностей и после небольшой

паузы поспешила исправиться.

– Я хотела сказать, господин Мофф, – взвешивая теперь каждое слово, проговорила Илари, – что во время врачевания ульмэ я действительно не притрагивалась к содержимому лекарского подноса. Все, что я использовала, – это мои руки и... возможно, еще мысли.

Девушка постаралась, чтобы последняя фраза не прозвучала глупо или чванливо. Старание это, однако, ни на грош придало ей уверенности в своем ораторском успехе. Мофф же, в свою очередь, и бровью не повел в ответ: видать, ему пока не хватало фрагментов мозаики, чтобы сделать свой ход. Илари чувствовала, что он ждет от нее еще чего-то. А стало быть, сомневается, взвешивает одному ему ведомые «за» и «против» на невидимых аптекарских весах в своей седой голове. Чем не возможность положить хотя бы ничтожный груз на чашу «за»?

И Илари попыталась:

– Дотронувшись до... эм-м... пациента и осмотрев его, я *поначалу*, – и вновь, пуще прежнего, отругала себя за проскочившее зачерновичье просторечие, ущипнув в наказание левое запястье, – не обнаружила классических признаков какой-либо болезни, какие могут быть у его... вида. Мне показалось, что все органы функционируют в целом как положено, только, как бы это сказать... вполсилы.

Мозг Илари работал уже даже не на пределе своих возможностей, а где-то за чертой. Те, кто не верит, могут попро-

бовать как-нибудь без подготовки устно сформулировать и разложить по полочкам только что произошедший феномен.

Все это, однако, не отменяло того единственного, в чем Илари оставалась твердо уверена: нужно продолжать. Даже если пульсация висков заглушает твою неуверенно и неубедительно звучащую речь. «Папа, так вот, оказывается, какво это, когда тебе не верят... – постигло девушку мрачное озарение. – Не верят в тот миг, когда ты всего лишь искренен перед своими судьями. Когда ты чувствуешь и видишь нечто странное, но готов этим поделиться, принести пользу, но вместо оваций в тебя летят лишь плевки и камни...» Это неожиданное понимание прошло сквозь Илари, окрасив все ее мысли и чувства.

Вслух же прозвучало иное:

– Да, вполсилы, особенно сердце и дыхательная система, – поделилась она своими соображениями – уже чуть уверенней и даже немного громче.

Сложив руки на груди (отчасти чтобы скрыть их дрожь), девушка продолжила:

– Боль – это не совсем то, что исходило от рыбы.

Теперь она буквально запретила себе задумываться о том, сколь дико и ненаучно это звучит. Проще говоря, перестала слушать себя *извне* и – была не была! – устремилась вовнутрь.

– Я бы не сказала, – рассуждала она, – что причиной прежнего состояния ульмэ было страдание физическое. Более то-

го, с этой стороны она даже показалась мне вполне здоровой.

Лицо мастера, и без того продолговатой формы, будто бы еще сильнее вытянулось, за счет острого подбородка приобретая некое сходство с морским коньком. Илари, следуя своей новой тактике, говорила, глядя куда-то мимо него, дабы не отвлекаться на причуды мимики. Она, пользуясь предоставленной паузой, словно актер сценическими подмостками, старалась уместить в нее весь необычный опыт (непонятно даже, можно ли назвать его лекарским!), приобретенный с рыбой-пациентом на вступительном экзамене. Ибо отчетливо понимала, что в любой момент ее «бенефис» могут прервать: погасить свет, обрушить тяжелый занавес и, *закидав камнями*, прогнать со сцены.

Как когда-то из родного дома...

Нет! Она не даст непрошеным разрушительным мыслям пустить под откос свое выступление, не даст им внести сумбур в рождающуюся на глазах хрупкую теорию!

– Источник болезни находился у рыбы в памяти, – с какой-то отчаянной смелостью выпалила Илари. – Память была изрезана, словно ножом: какой-то испуг. Некий образ, не дававший ульмэ покоя, по-видимому, уже долгое время. У меня есть *предположение*, господин мастер, – эх, жаль, слово *гипотеза* пришло на ум слишком поздно, – что не так давно ей довелось увидеть, а возможно, и испытать нечто такое, что крепко впиталось в память и уже оттуда принялось влиять на общее состояние организма. Оно, это впечатление, нача-

ло отравлять тело моей... пациентки. В итоге, насколько мне удалось нащупать, страшные воспоминания начали закупоривать благодатные токи жизненной энергии, отвечающие за правильную работу органов.

О да! Выплескивая наружу подробности своей лекарской практики, Илари и впрямь перестала подбирать слова. Ее доселе робкая и застенчивая речь обросла побегами чудаковатых лекарственных выражений. И хоть используемые Илари слова были весьма далеки от традиционной целительской терминологии, это не мешало девушке обильно поливать и подкармливать эти «побеги» путем беспрестанного повторения.

Илари показалось – она не могла сказать наверняка, – что во время ее вдохновенного рассказа мастер Мофф пару раз попытался открыть рот. Зачем? Чтобы извергнуть на юную нахалку поток авторитетных возражений против самого звучания мерзопакостных чернокнижных постулатов в стенах научного оплота Вига? Или, быть может, спустить на нее разъяренную свору издевательских вопросов? Сказать по правде, Илари даже не хотела этого знать. С того самого момента, как провидение наградило ее вспышкой детских воспоминаний об отце, в голове словно повернулся некий ключ – он отомкнул «запретные» слова и заставил их таки прозвучать. Во всей красе: на грани бреда умалишенного; с дерзостью иноверца, ворвавшегося в чужой храм и принявшегося на чужеземном наречии возносить молитвы своим богам. Да еще и не отказавшего себе в удовольствии посме-

яться над местными религиозными традициями. Если Илари в чем-то сегодня и ошиблась, то уж точно не в том, что ее отец, Ваумар Эну, каким-то непостижимым образом нашел способ благословить свою дочь на откровение о своем мировидении перед лицом научной элиты Вига!

И ровно с того самого момента это стало единственным, что могло повлиять на произносимую Илари речь. Она чувствовала, что отец – прямо здесь и сейчас! – с ней, что он не только всецело одобряет происходящее, но и вроде как даже подначивает ее продолжать в том же духе. Это может означать лишь одно: она непременно продолжит! Уж коли *превелико уважаемое* научное сообщество знаменитого Университета оказалось бессильно перед неведомой хворью ульмэ, то уж пусть будут любезны выслушать правду. Пусть узнают природу и метод лечения этой самой хвори! И будь она, ее правда, хоть трижды безумна – им придется.

Как придется и признать собственное бессилие.

От беззастенчивого пересказа опыта с описанием сопутствующих ощущений (как собственных, так и рыбьих), расхрабрившись и, видимо, пребывая в каком-то трансе, девушка перешла к доказательству своей правоты. Учитывая, что слушатель был всего один – Мофф, да и тот с ней особенно не спорил, «выступление» Илари больше походило на отчаянную схватку с ветряными мельницами. Она, пожалуй, уже и не помнила, в какой момент, увлекшись, начала излагать собственную биографию; принялась оправдываться,

что-де не имела достаточно времени и денег, чтобы освоить весь объем доступной для созреванцев подготовительной литературы, не говоря уж о том, чтобы позволить себе такую роскошь, как услуги наставника. Вспомнила и вырванные станицы из лекарских пособий; таким образом, даже недобросовестные старьевщики удостоились чести быть упомянутыми в кабинете самого мастера Моффа. Равно как и алчность заведующего алхимической лабораторией Черновика, где была вынуждена трудиться Илари: ведь неоплачиваемая сверхурочная работа съедала не только остатки сил, но и последние крохи свободного времени, которое могло и должно было быть посвящено штудированию азов целительского искусства. А она тратила эти драгоценные светшаги на отскабливание столов, подставок и полок!.. И по той же причине нога Илари ни разу не ступала в соты – особую секцию университетской библиотеки, распахнувшую свои двери для созреванцев еще аж в первой световехе. Вместо того чтобы, взобравшись повыше по приставной лестнице, уютно примоститься в ромбовидной плетеной ячейке со стопкой книг по анатомии или целительной алхимии и с головой погрузиться в постижение их основ, ей, младшему подмастерью Черновика, приходилось заниматься гораздо менее вдохновляющими вещами. Но она старалась! Искусники свидетели – старалась, что было сил! А после, на вступительном испытании, она всего лишь восполнила недостаток знаний теми новыми ощущениями, что явили ей себя через нетривиальную

хворь доставшейся особи.

– То есть, понимаете, мастер, это было неумышленно! – Илари уже чуть ли не хватала вконец обескураженного Моффа за расклешенные рукава кимоно. – Я этому нигде не обучалась и никогда не искала подобных знаний. Я всем эо была бы рада решить поставленную задачу с помощью традиционных методов врачевания, зарекомендовавших себя в лекарственных пособиях и используя классическую рецептуру эликсиров и снадобий! Но, сами посудите, что мне было делать, если я не могла! Не скрою, мне даже не удалось открыть ни одной колбочки на моем подносе (кроме той, что я разбила по неосторожности). Понимаете, у нас в Черновике используются более простые крышечки. Такие, которые легко отвинчиваются и вкручиваются обратно, как на бутылочках микстуры в аптеке... Я и вправду не сумела даже открыть «предоставленные материалы» – спросите хоть у моего соседа, того полного юноши! – куда уж там воспользоваться ими по назначению. И текст на этикетках выглядел для меня чужеземной вязью! Знаете, возможно, вы видели – я ведь хотела сбежать!

Распалившись и войдя в ораторский раж, Илари решила подкрепить свою речь, с одной стороны, весомым, с другой – совсем уж наглым аргументом:

– Но если вы, мастер Мофф, помните, меня тогда остановили и буквально принудили показать себя на испытании. Да, мне было очень стыдно и неловко, но я действительно

сделала что сумела. – От долгого монолога у девушки почти иссяк запас кислородных пузырьков. Она сделала глубокий вдох и, избавляясь от излишков кислорода через наспинные плавники, выдохнула: – Вернее, *как сумела*.

Вот и все! Вот она – ее правда. Такая, как есть: безыскусная, немудреная, ничем не приукрашенная. Как и сама Илари. Как, по сути, сама жизнь. Что ж, по крайней мере, она была честна перед своим судьей – *как хотел того отец*.

И крыть больше нечем.

Илари словно выпустила из рук тяжеленный якорь. Самый настоящий якорь, вместо слоя моллюсков облепленный подозрениями, ложными обвинениями, клеветой. На сердце впервые за тот светокруг стало легко и воздушно. И даже совсем не страшно поднять глаза на мастера, разглядеть признаки глубокой озадаченности на его лице и наконец услышать приговор...

...Когда за несколько недель до сей исповеди мастер Мофф своей размашистой походкой вошел в зал для консилиумов, залитый светом медузных щупалец, в голове его суетливым мальком крутилась мысль: не наш это профиль!

Правду сказать, данное предположение (переросшее за пару ночей нелегких размышлений в твердый постулат) разделяли далеко не все коллеги. Прослышав о том, что очередная университетская экспедиция среди прочих образцов для грядущих экзаменов привезла с собой носителя некой

весьма... экзотической хвори, многие едва не потирали руки в предвкушении скорых открытий. Тогда, на первичном осмотре образчиков некрупной морской фауны, Мофф фактически слышал, как трепетали плавники его коллег (о сердцах и говорить не стоит!). Видел, как они сгрудились над несчастной рыбой ульмэ, распластанной на отдельной подставке. Вооруженные поясными сундучками с инструментами, они, будто ватага ребятни, расталкивали друг друга локтями и вообще всячески изощрялись, дабы успеть примерить собственную авторскую гипотезу прежде других. Создавалось впечатление, что до подобного ажиотажа рыба была вполне здорова и бодр и это всеобщее внимание и дерготня выжали из нее все соки.

Что же, в самом деле, такое!

Ругая про себя на чем свет стоит это собрание честолюбцев, мастер незаметной тенью пересек зал, двигаясь как можно тише (хоть это и было лишним, учитывая царящий шум). Мофф молча возвысился над согнутыми спинами коллег. Он скрестил свои продолговатые руки на груди и принялся наблюдать.

«Ишь ты, разошлись, – скептически прищурившись, дивился он на лекарей-наставников. – Ни дать ни взять огненные варвары на своем шаманском лиходействе! Разница лишь в том, что те алчут даров от выдуманных своими царями божков, а наши «дикари» – научного признания да новых регалий себе на пальцы!» Мофф презрительно поморщился,

еле сдерживаясь, чтобы не вмешаться в этот хаос, столь противный всему его существу.

А ведь достаточно было одного взмаха руки, чтобы вмиг прекратить все это бесчинство!..

Мастер уже видел эту рыбу. Эту заковыристую загадку, о которую сломал зубы сам, так и не приблизившись к ее ключу ни на дюйм. Не так давно ульмэ лежала на его руках, не реагируя ни на какие воздействия. При этом, как справедливо позже подметила свалившаяся на его голову полоумная девица, причиной состояния рыбы было страдание *не физическое*. Мофф и сам пришел к этому выводу и, более того, начал даже всерьез подумывать, а не передать ли несчастную рыбу в епархию факультета тонких материй? «Пусть привлекают мастеров ихтиогипноза и наконец избавят мое отделение от этого сумбура!» – чуть было стгоряча не заключил Мофф.

К несчастью, они – мастера, магистры и даже простые наставники по лекарскому искусству – вовсе не спешили разделить точку зрения своего руководителя. Когда тот наконец заговорил, призывая коллег согласиться, что странное заболевание данной особи не подлежит исцелению традиционными методами, его обращение встретило бурю возражений.

– Как не подлежит?! – открыто возмутился магистр Тонью.

«Это и понятно», – заметил про себя Мофф. Что тут скажешь, у Тонью и вправду были основания возражать. Другое

дело, что коренились они в почве личной выгоды и корысти. Тут уж ему было за что хлопотать: мало того что основной интерес Тонью представляли исследования реакций существ на шоковые состояния, так еще и в его научном изыскании, которое должно принести ему звание мастера, не хватало как раз убедительной экспериментальной части. По всему выходило, что Тонью настроен биться до последнего.

И дабы никто в этом не усомнился, он звучно протрубил с противоположного конца зала:

– При всем уважении, мастер Мофф, не слишком ли быстро мы сдаемся?

Тонью выпростал свои полные руки из-под оливковой мантии простого кроя, нисколько не стесняясь редких, но от этого не менее заметных темно-сливовых загогулин, вкравшихся в его фамильную вязь. Напротив, он демонстративно развел руки в стороны, словно ища единомышленников, готовых примкнуть к его оппозиции.

– Вы, возможно, небезосновательно предлагаете нам сейчас отступить, основываясь, правда, лишь на междисциплинарности вставшей перед нами задачи.

Фраза была встречена одобрительными кивками большинства. Это весьма воодушевило оратора.

– Но давайте будем откровенны, мы и в самом деле не знаем причину столь необычного физического состояния данной ульмэ. – Тонью быстро обвел коллег своими удлинёнными лаймовыми глазами, синхронно считывая реакцию.

Мофф приписал этот прием научной специализации магистра: уж что-что, а мгновенный анализ *реакций* и впрямь был коньком Тонью. Да только лучше бы он больше применял его в интересах науки, а не своих собственных.

Как бы ни были неприятны Моффу эти манипуляции, он тем не менее предпочел не изменять излюбленной тактике. Как и позже – в случае с «полоумной девицей», – он занял выжидательную позицию и некоторое время не вмешивался в ход событий. Светообороты опыта научили мастера мудрости: дай происходящему – каким бы оно ни было – явить себя, позволь ему сделать свой ход, не прерывай нить чужого замысла. Ибо никогда наперед не известно, что на конце этой нити: смертельный яд или чудодейственное исцеление.

Тонью же отчетливо чувствовал в молчании Моффа и в его невмешательстве верное предвестье своей скорой победы. Это заставило его подлить масла в огонь: пришло время для неопровержимых аргументов и еще более запелляционных выводов!

Он поднял указательный палец вверх:

– А поскольку природа болезни данной особи нам неизвестна, то, значит, быть она может какой угодно!

«Здесь и вправду не поспоришь», – усмехнулся про себя Мофф, по достоинству оценив силу и мощь логического аппарата своего коллеги. Тот, в свою очередь, замечал лишь кивки да одобрительные возгласы, и те, разумеется, пуще прежнего развязывали оратору язык. Мофф только потирал

про себя руки: того-то ему и было надо!

Казалось, уже вся аудитория была с Тонью заодно:

– Да, положительно, какой угодно!

– Однозначно!

– Солидарен! – там и сям раздавались возгласы, сопровождаемые приглушенным гулом. То был механизм рассуждений и перетолков, ловко запущенный Тонью. Его шестеренки крутились как заведенные.

Магистр продолжил свою «глубокую» мысль:

– Тогда, согласитесь, мастер Мофф, нам всем стоит задуматься вот о чем... – Тонью, изображая задумчивость, взялся одной рукой за подбородок. И – чтоб его! – заговорил, будто бы вещая из самых недр терзавших его размышлений: – А можем ли мы, учитывая оговоренные ранее обстоятельства, подвергнуть наших коллег-ихтиогипнотизеров с факультета тонких материй такому риску? Как мы все хорошо помним, – он пристальным взглядом окинул аудиторию, ни дать ни взять пастух, следящий за своим стадом, – сеансы ихтиогипноза проводятся только лишь со здоровыми особями! Здоровыми во всех отношениях! Это основополагающий вопрос безопасности тех, кто самоотверженно преподносит нам дары своего непростого искусства! Я говорю об ихтиогипнотизерах! – на всякий случай уточнил Тонью, хотя это было лишним. – Не сомневаюсь, что все также прекрасно помнят об их невосполнимых жертвах ради постижения тайн рыбьего сознания! – Без особых усилий магистр доба-

вил голосу скорбных ноток и для пущего эффекта снизил громкость. – Сколько их – и начинающих ученых, и умудренных опытом корифеев – уже поглотила бездна чужого разума? Скольких засосали ее крутые воронки? Что осталось от их эо?

Тихо покачав головой и напустив на себя траурный вид, Тонью ответил на свой вопрос:

– Безумие! Безумие, запертое в ловушке из кожи, костей и перемещающихся меж ними жидкостей! Стоит заметить, что это не единожды случалось даже после ментального взаимодействия с абсолютно *здоровыми* особями! Что менее светооборота назад произошло с одним из наших коллег – наставником Келми? Еще недавно мы с интересом слушали его блестящие доклады о перспективах совершенствования реабилитационных процессов после сеансов ихтиогипноза. Если мне не изменяет память, сей молодой вига планировал посвятить жизнь изучению способов безболезненной адаптации мозга вига к этим сеансам; более того, он всю готовил материалы для полноценной научной работы на магистра! И что же? – Выступающий демонстративно развел руками. – Сейчас он беспомощней новорожденного младенца! Слезы своей семьи, да и только. Научное сообщество «тонких материй», конечно, не оставило инцидент без внимания. Фицци, отправившей бедного Келми обратно в золотую пору детства, занялись как должно. Не скрою, что ваш почтенный слуга принял непосредственное участие в исследо-

вании физического состояния той «психологической убийцы». Помните, мастер Мофф?

Тонью, видимо, решил закрепить результат, призвав в свидетели самого главу отделения. Мофф решил не отказывать ему в этом удовольствии и согласно кивнул. Мастеру это ничего ровным счетом не стоило, ведь он не подыгрывал Тонью, а всего лишь подтвердил свое собственное распоряжение. Магистр в ответ победоносно сверкнул светло-зелеными глазами так, словно Мофф уже отказался от собственных взглядов на проблему с ульмэ. Словно он самолично вручил ее Тонью, благословив на масштабное исследование. Едва не приплясывая на месте от предвкушения подобного исхода, тот бравурно провозгласил:

– Вы тогда нас с мастером Гифу – с его-то талантом по части анальгезии! – направили в Лабораториум, дабы оказать лекарскую поддержку в изучении той фицци. По личной просьбе искусника факультета тонких материй. В то время он еще предполагал, что исследование выявит серьезную болезнь данной особи, а потому и решил заблаговременно пополнить нами, целителями, экспертную группу.

«Пытается сделать из меня жертву старческого склероза, – расвирепел Мофф. – Тратит время на пересказ хорошо известных всем событий, делая вид, что *напоминает* мне о них! Bravo, Тонью! Отличный ход!» Мастер, ничего не говоря, смерил лукавца бесстрастным взглядом. «Что ж, скоро я сделаю свой!..»

Благо Мофф успел заручиться если не козырем, то весьма крупной картой, и сделал это заблаговременно – до того, как эмоции пробили брешь в энергетическом поле старого мастера. Ибо Гифу – счастливый обладатель отличительных чернильных печатей аж двух факультетов – никоим образом не отреагировал на лесть Тонью и вообще всем видом демонстрировал непричастность к происходящему. От пронизательного Моффа не укрылось, как тот опустил глаза, чтобы не встретиться взглядом с Тонью.

Правду сказать, последнего это нисколько не смутило (если его вообще что-то могло смутить в неудержимом движении к заветной цели!), и магистр поспешил дорисовать свой живописный пример:

– Так вот, уважаемые коллеги!..

Вновь поднятый указательный палец, очевидно, должен был знаменовать и приближающееся торжество истины, и пик праведного негодования Тонью. Которое, по его расчетам, должно было мгновенно сообщиться остальным. И особенно Моффу. В глубине эо седому мастеру даже несколько льстило, что сия словесно-смысловая конструкция предназначалась ему одному. Тут, гляди, почувствуешь себя именинником за праздничным столом!

А Тонью знай проповедовал:

– Тем, кто не знает, сообщаю, тем, кто знает, напоминаю: фицци, с которой довелось работать теперь уже *бывшему* молодому ученому Келми, оказалась полностью здоровой! Бо-

лее того, мастера по разведению фицци в неволе возлагают на нее большие надежды! Вот так, господа! Здоровая и может дать здоровое потомство на благо Вига! А где ныне Келми? Физически – далеко от Университета и Лабораториума, а психически – еще дальше!

Златоуст с шумом выдохнул и рефлексивно передернул массивными плечами, поправляя сползавшую с них мантию. А искусственно создавшуюся паузу рационально использовал, чтобы еще раз убедиться в незыблемости собственной диспозиции. И остался доволен: большая часть аудитории с ним солидарна, все без исключения его внимательно слушают, а Мофф хотя бы не вставляет палки в колеса. Самое время завершить начатое, дабы покинуть аудиторию с ульмэ за пазухой.

– Поэтому, коллеги, – призвал Тонью, посылая особо пламенные взгляды Моффу, – лично я считаю своим моральным долгом воспрепятствовать скорому повторению печальной судьбы Келми и не допустить новых потерь для Университета! Представьте сами, сколь пагубно может повлиять – искусники знают чем – отравленная ульмэ на ихтиогипнотизеров! В какие дебри она может завести их пытливый ум! Полагаю, господин Мофф со мной согласится, что наше лекарское отделение должно употребить все накопленные знания и опыт, чтобы самостоятельно изучить этот неожиданный физиологический феномен.

Взгляд «господина Моффа» определенно не сулил ни-

чего хорошего. И так уж вышло, что заметил это магистр Тонью слишком поздно. Когда послание, зашифрованное в выражении глаз старого мастера, просочилось-таки сквозь густую пелену самодовольства оратора, смысловая черта его «сольной партии» была уже подведена. Пелена начала рассеваться и обнажать все логические и риторические просчеты Тонью.

Запоздалое осознание принесло с собой уйму неприятных открытий.

Что примеры, при всей их кажущейся наглядности и убедительности, были на самом деле жалкими попытками манипуляции; что демонстративная забота о других – не более чем меркантильная уловка, а выступление в целом – дешевая актерская игра. И Тонью несколько не утешили восторженные возгласы публики, жаждущей – теперь это стало ясно как белый день – лишь оттяпать свой кусок пирога. Нет, коллеги не были непритязательной, лишенной научных амбиций толпой, готовой на руках вынести выступающего к его заветной цели. И нет, они вовсе не собирались вручить ему эту ульмэ и бурными аплодисментами положить начало его, Тонью, личного исследования. Как бы не так! За пеленой самообмана, оказывается, скрывались такие же вига, жадные до славы и признания. Они потирали руки, радуясь, что нашелся безрассудный дурень, готовый не только полезть на рожон за общую идею, но и не смутившийся гнева самого Моффа. Мало того, некоторые даже обменивались ядовитыми ухмылоч-

ками: уж мы-то, дескать, знаем, как нетерпим старик к возражениям, так пусть лучше достанется Тоньку, коль ему так угодно!

Сознание оратора оцепенело, хотя тело еще подчинялось запущенной во время выступления инерции. Его рука размахнулась, чтобы уверенным жестом поправить сползающую мантию – подхватить ее и набросить на правое плечо. Пальцы подвели. Суставы отказались гнуться. Тоньку стоял и махал рукой, словно рыба плавником, не в состоянии нащупать ткань, плавно развевающуюся у него за спиной по прихоти глубоководных колебаний.

Всеми фибрами своего эо Тоньку чувствовал: шанс упущен. Только что блестящие возможности буквально сами шли к нему в руки, они почти касались его очертаниями заветной печати мастера... И вот теперь, так и не успев полностью лечь в ладонь, ускользнули в бескрайнюю бездну. Остается только беспомощно размахивать руками... А толку?.. Магия момента безвозвратно потеряна, и теперь уже не поймать не то что удачу, а даже полы собственной мантии.

Отвернувшаяся фортуна потянула за собой и внимание коллег. Им стало очевидно, что эта часть действия окончена, настало время партии Моффа.

«Вот и мой ход...» – безошибочно пробили внутренние часы старого мастера. И он начал, еще не ведая, что Тоньку вполне протрезвел после своего выпада и уже отчасти сожалеет о нем:

– Вы, Тонью, во многом правы...

По залу пробежала волна возбужденного шепотка. Мофф продолжил:

– И я действительно во многом с вами согласен.

Он обвел глазами столпившихся около него ученых-лекарей, в конце концов остановив взгляд на Тонью. Тот сделался столь понурим, что даже казался ниже ростом.

– Опасаться за безопасность других – в высшей степени благородно, – молвил мастер, опираясь на подставку, на которой лежала чуть живая виновница жарких дебатов. Вновь согласный шепот. – И хоть наши коллеги с факультета тонких материй, выбрав для себя сию стезю, сознательно взяли курс на самые темные, неизведанные воды, все же нам не стоит злоупотреблять их смелостью и самоотверженностью во имя науки. Да, не скрою, что от лежащей перед нами ульмэ исходит страдание совершенно иной природы, чем мы привыкли диагностировать в этих стенах. На мой взгляд, оно выходит за пределы нашего мастерства, компетенций и искусства, если вам угодно. Скажу больше: причина страдания данного существа лежит не просто за указанными мною пределами. Источник его находится там, где действуют иные законы, над которыми не властны ключевые лекарские постулаты. И, боюсь, все, в чем мы уверены, и все методы, которые мы успешно применяем здесь, в *тех водах* окажутся – простите за просторечие – мертвому припарка.

Слушателям оставалось лишь недоуменно переглядыва-

ваться. Их можно понять: столь резкая смена настроений и взглядов главе отделения обычно не свойственна. Что до Тонью, он не был столь наивен, чтобы ожидать воплощения своих надежд следом за «согласием» Моффа. Ибо он, Тонью, произнес в своей злополучной речи не те слова и использовал не те приемы, которые могли бы переместить ульмэ на его личный лабораторный стол.

И чем больше он смотрел на Моффа и вслушивался в его мягкие интонации, тем сильнее в этом убеждался. Но, как говорят жители огненной земли, слово не воробей... Так что Тонью оставалось только гадать, что же *на самом деле* приготовил для него старый шельмец? Каков будет его ход?

Одна радость – ждать оставалось недолго. Дальнейшие слова мастера ясно дали понять, что время «стелить мягко» закончилось:

– Меж тем, вслушавшись в речь магистра Тонью, я заметил в ней открытую готовность оспорить обрисованные нами границы лекарского мастерства. Полагаю, он озвучил общее желание немного их подвинуть. Расширить. Или – кто знает? – может, и вовсе стереть. Из его проникновенного выступления я почерпнул, что наше отделение, вопреки здравому смыслу, не желает отдавать феномен ульмэ на откуп факультету тонких материй. Оказывается, многие жаждут полноценного самостоятельного исследования. Отдавая себе отчет, – здесь Мофф возвысил голос, дабы достучаться до самых недогадливых и беспечных, – что подобная практика

может стоять жизни исследователям-энтузиастам. Даже при всем моем изначальном неприятии этого предложения, теперь, признаюсь, я бессилён перед столь самоотверженным порывом. Жертвенность всегда была и остается синонимом нашего ремесла. Посему вынужден согласиться с позицией магистра Тонью и признать, что порой искреннее научное рвение, свойственное молодому пылливому уму, в конечном счете побеждает закостенелые образцы консервативного мышления.

Мастер помолчал, оценивая эффект вступительных слов. Все верно, этот восторженный блеск в глазах слушателей ни с чем не спутать! В нем – затаенные грезы... Кто бы здесь отказался стать причастным к грандиозному исследованию нового *междисциплинарного* феномена и вписать свое имя в историю!

Тонью все отчетливей ощущал стремительное приближение катящегося прямо на него горного валуна. Вот-вот он придавит все его надежды и чаяния, не оставив от них мокрого места! Какие уж там ульмэ и звание мастера – как бы вообще с лекарского отделения не вылететь! Ведь за «старым шельмецом» и впрямь водилась такая привычка: усыпить бдительность оппонента, затуманить его мнимой солидарностью, зачаровать – и выйти из спора победителем. Это действовало всегда.

– ... Так не будем чинить препоны исследовательскому энтузиазму, – вещал Мофф, вернувшись к своей призывно-по-

будительной манере. Он торжественно разводил серебрястыми руками, сливающимися с жемчужно-белыми рукавами его длинного кимоно. – Для того исстари и проводятся научные собрания, консилиумы и заседания: чтобы из камня споров высечь искру истины! Сегодня господин Тонью постарался на славу. Он сумел единолично добыть эту драгоценную искру, да еще и поделиться ею со всеми нами. Таким образом, – мастер резко сменил торжественную интонацию на будничную, – предлагаю оставить ульмэ с загадочным диагнозом на попечение нашим ученым на срок в тридцать светокругов, начиная от сего дня. Необходимо будет провести комплексное исследование и попытаться представить список способов лечения заболевания, дополненный, разумеется, свитками соответствующих рецептов и формул эликсиров. – Мофф закачал головой в такт своим распоряжениям, словно они касались сущих мелочей, вроде требований к оформлению авторских рукописей. – Как минимум я жду от вас предписаний и рекомендаций, касающихся поддержания жизни изучаемой нами особи после передачи ее в Лабораториум, под начало факультета тонких материй. И помните: ученая семерка в курсе свалившегося на нас феномена и ждет от Университета определенного прогресса. Так что коль нынче – вернее, *пока что* – феномен находится в нашем распоряжении, то и ответственность за него несем мы. Разумеется, в случае гибели ульмэ в ходе экспериментов я найду нужные слова и научные обоснования перед семеркой,

однако принципиально важно этого не допустить. Тем не менее, находясь перед выбором, поставить под угрозу разум и здоровье ихтиогипнотизеров с дружественного нам факультета или жизнь ульмэ, я, несмотря на свою лекарскую клятву, выберу последнее.

Блеск в глазах слушателей ощутимо потускнел. Многие невольно попятнулись от стеклянной подставки с полуживой рыбой, одновременно запирая головоломные замки своих сундучков с инструментами и свитками.

Тонью делал над собой немалые усилия, чтобы в страхе не зажмурить глаза: они отказывались лицезреть результаты его опрометчивого выступления. Мофф, надо признать, превзошел себя! И как бы ни сопротивлялся магистр происходящему и сколько бы раз он ни пожалел, что вообще явился на консилиум, исход его был предрешен.

– К счастью, коллеги, ученый состав нашего факультета не обделен талантами, в том числе и в узких местах, лежащих на стыке областей знаний.

Мастер заметил, что кто-то из слушающих уже начал догадываться, о ком идет речь, а кто-то все еще терялся в догадках. При этом держать интригу не было смысла. А Мофф и не держал:

– Я говорю о мастере Гифу! Не скрою, что не раз мы с ним ожесточенно спорили касательно его, скажем так, склонности к... эм-м... диффузии научных интересов. И признаюсь, я и сейчас не совсем одобряю подобный подход.

От внимательного взгляда Моффа не ускользнуло то, как обычно уверенный в себе Гифу прямо-таки потупился, вжал голову в плечи и не особенно обрадовался своеобразной похвале. За которую, сказать по правде, другие (взять того же Тонью) отдали бы многое – уж в этом-то старый мастер был твердо убежден. Однако речь уже и без того изрядно затянулась, а Мофф вовсе не был поклонником длительных душевных излияний на публику.

Круг нужно было замкнуть – понравится это остальным или нет. Тем более что теперь все шло по сценарию Моффа и оставалось лишь водрузить шахматную фигуру на клетку оппонента.

Любимый момент мастера.

– Господин Гифу, – личное обращение главы отделения заставило молодого мастера поднять голову, – ввиду вашей увлеченности и ваших... – Задумавшись, Мофф добавил: – ...ваших *успехов* на поприще одновременно двух факультетов, вверяю вам прибывшую к нам особь ульмэ для детального обследования сроком в тридцать светокругов. Думаю, вы достаточно внимательно меня слушали и нет нужды повторять список моих ожиданий от вашей деятельности. На время вашего исследования ульмэ необходимо перенести в нашу часть Лабораториума, где вам, безусловно, будет удобнее осуществить как обследование, так и экспериментальную часть. Разумеется, после того, как наш следующий консилиум утвердит ее программу.

В зале воцарилась мертвая тишина. Затихли последние отзвуки перешептываний, умолкло клацанье серебряных замков поясных сундучков. Иссякли даже попытки Тонью поймать свою мантию, то и дело вздымаемую донным течением. А смысл? Вот она, плата за чрезмерную дерзость, самонадеянность и лицемерие перед мастером. Теперь думать о дальнейшей своей судьбе и перспективах карьеры ему просто не хотелось...

Ну а мастеру Гифу еще меньше хотелось приступить к выполнению возложенной на него высокой миссии. Ибо он, в отличие от Тонью, всецело и искренне разделял мнение Моффа, что все их методы в конкретном случае окажутся «что мертвому припарка».

...Неожиданное открытие потрясло седого мастера сильнее, чем что-либо за тот щедрый на откровения день. Правду сказать, исповедь Илари стала для него не столько именно открытием, сколько *подтверждением* догадок. Зародились они, стоит отметить, еще на экзаменационном испытании.

Отчаянная девица, явно не из числа лучеруких, выделялась из прочих поступающих не только своим бедным платьем. И дело было вовсе не в ее полоумном поведении. То... Мофф никак не мог подобрать подходящего определения из своего академического арсенала, но словом «аура» не желал пользоваться принципиально. То *ощущение*, что распространилось вокруг нее... Ее глаза, хаотично-интуитивные дви-

жения рук – все это он словно уже где-то видел. От девицы веяло *той самой* противоречивостью, подозрительной двусмысленностью...

«Феноменально!» – наконец договорился сам с собой мастер. Произнеся в уме это слово, он поймал себя на мысли, что уже не разделял, о ком говорит: о странной девушке или об ульмэ.

Или еще о ком-то третьем.

Чем больше он, не узнавая самого себя, вслушивался в слова Илари, тем явственней вставала перед ним правда, перечеркивающая его нынешние взгляды и жизненную философию. Во всяком случае, те положения, что прочно укрепились в голове мастера за последние светообороты.

Так уж вышло, что, когда Илари произнесла свое признание, у мастера не осталось к ней вопросов. Ибо каждая фраза и всякая, казалось бы, ничтожная подробность ее монолога и стали ответами, предвосхищавшими вопросы.

Возможно, для кого-то другого из наставников этот рассказ послужил бы исчерпывающим объяснением ее чудачеств на экзамене. Для иных – стал бы веским поводом глубоко оскорбиться и тотчас же выдворить невоспитанную нахалку из стен Университета. Третьи, пожалуй, всерьез задумались бы о психическом здоровье девицы и наверняка сочли бы его несовместимым с дальнейшим обучением и лекарской практикой. Безусловно, нашлись бы и такие, кто без лишних разбирательств обвинил бы зачерновицию отщепен-

ку в ереси. Да еще бы позаботился, чтобы его доводы были услышаны инквизиторами Обители. Что тут скажешь – у каждого своя правда.

Заметил Мофф или нет, но в наставническом полукруге в самом деле нашлись те, кто был склонен к последнему. Да, буквально единицы. Да, они, возможно, не имеют большого веса в научной среде Университета и не могут похвастаться выдающимися связями в Обители... Зато они обладают оружием, куда более совершенным по мощности, дальнобойности и потенциальной разрушительной силе.

Таким оружием издревле являлась затаенная обида.

Заботило ли это мастера? Отнюдь нет. По правде говоря, ему это вовсе не в новинку – быть в корне несогласным с мнением большинства коллег. И ведь, покидая аудиторию в компании Илари еще до окончания экзамена, он даже и не подумал обернуться. Глава отделения не счел нужным хотя бы для виду свериться с выражениями лиц других наставников. Не предпринял ни единой попытки объясниться, обосновать свои, мягко говоря, неожиданные действия. Да что там, Мофф не удостоил коллег даже своим знаменитым многозначительным взглядом, обещающим дать эти объяснения позже... Результат этого безразличия оказался предсказуем: каждый из наставников остался один на один со своими мыслями, предположениями и выводами.

И немало, надо сказать, было сделано *ошибочных* выводов.

Но, во имя великих искусников, какое дело до этого всего Моффу *теперь*?! В тот миг, когда мастер лицезрел перед собой живое воплощение самого сильного потрясения в своей жизни – с горящими аквамариновыми огоньками глаз и тем самым потусторонним выражением лица... Воплощение всего наиболее иррационального, непостижимого, запретного. Одновременно манящего и ненавистного. Того, что заставило его однажды собственными руками разбить сосуды своего эо, переосмыслить все верования и ценности и погрузиться в опасный мир темных вод. Погрузиться, чтобы вернуться обратно другим – чужим и незнакомым самому себе. Чтобы потом долгими светооборотами пытаться забыть о них, склеить сосуды эо и снова их наполнить.

Хоть чем-то.

О искусники, неужто он еще не испил своей чаши? Не может ведь, в самом деле, эта исчерпавшая себя история получить продолжение! Особенно сейчас... И не может же этот, казалось бы, уже замкнутый круг, вновь предательски истончиться и снова превратиться в спираль, способную увлечь его в темные воды? В те, от которых он, Мофф, давно уж откестился, выплыв однажды обратно в безопасную прозрачную лазурь.

Какое наивное предположение! Какой преждевременный вывод!

С другой стороны, мастер ведь и впрямь неплохо держался и с предельной старательностью – насколько хватало сил –

не подпускал к себе ничего *оттуда*. Даже в случае с ульмэ – предметом научного вожделения многих. Говоря без ложной скромности, старый мастер и здесь оставался честен с собой. Он все сделал правильно. Едва почуяв гнилостно-сладкий душок тех самых темных вод, источаемый несчастной рыбой, он твердо решил отказаться от искушения. Не задумываясь, был готов тотчас же передать стеклянный куб с ней (и с блестящими научными перспективами одновременно!) факультету тонких материй. Мало того, мастер бы даже никогда не спрашивал о судьбе этого «подарка». Пережил бы недовольство коллег-ученых да и забыл бы все, как страшный сон. К счастью, нашелся этот Гифу – солдат на два фронта. Его глаза на консилиуме все сказали за него самого. Они буквально кричали, что Гифу тоже почувствовал в ульмэ нечто странное, выходящее за рамки традиционного лекарского ремесла. «Вот фортуна и выбрала своего «счастливчика», – с облегчением решил тогда Мофф. Ясно же, что он не возьмется за исследование столь подозрительного феномена, несмотря на то что остальных едва не заставил передрасться меж собой!

И все бы сложилось наилучшим образом, коли бы на его, Моффа, голову не явилась *она* – девица с безродной вязью. Явилась – и перевернула все с ног на голову. Что за наваждение заставило умудренного опытом мастера вернуться к этой проклятой ульмэ, которой всего-то несколько светокругов оставалось спокойнехонько пролежать себе в Лаборато-

риуме, а потом мирно перебраться на соседний факультет?
Стоп! Лабораториум!!!

Только сейчас мастер отчетливо осознал, что ульмэ никоим образом не должно было быть среди прочих «пациентов» на испытании. Возраст возрастом, а память пока, к счастью, оставалась ему верна и утверждала со всей определенностью: распоряжения включить данный феномен в список объектов для вступительного испытания мастер не давал.

Уж не Гифу ли – даром что большой оригинал – незаметно притащил ее на экзамен? Что, если ему надоело продолжать изображать собственное исследование? Вопрос на вопросе да вопросом погоняет... Хотя, если вспомнить, как рьяно этот самый Гифу возвращал девицу на ее место и буквально перегородил собой дверь, чтобы она не сбежала, многое начинает проясняться!

Другое дело, что он, Мофф, в конечном счете самолично вручил ей эту злополучную рыбу, снабдив ассистента, раздававшего «пациентов», недвусмысленным указанием. Нет, это уже ни в какие ворота!

Дослушивая монолог Илари, мастер всем телом ощутил, что вновь, как бы он ни отрекся, над ним снова закручиваются темные спирали неведомых замыслов и материй. В этом вихре он почувствовал себя микроскопической песчинкой. Никакой опыт, никакие знания и заново накрепко сложенное эо не могли противостоять этому. А еще – беспощадное подсознание, нашептывающее: «Поделом тебе, ста-

рый грешник!» – и злорадно шипящее: «Сам-то такой еретик, каких еще поискать! Уж я-то знаю...»

Хотя, если крепко задуматься, а чего еще можно было ожидать от встречи с дочерью Наиды Эну?

Несмотря на нешуточный накал эмоций с обеих сторон, диалог между Моффом и Илари вдруг резко оборвался. Девушка не успела дожидаться ни наказания, ни поощрения за свою исповедь, а мастер лекарского дела – смириться с очередным своенравным поворотом судьбы и морально сгруппироваться перед прыжком в прошлое.

Ничего из этого не произошло.

Настойчивый стук в дверь не оставил выбора – Мофф нехотя направился на звук, мысленно находясь очень далеко и действуя механически. Илари же так и осталась на своей «развилке», распятая на ее двуроге столбе.

Непрощеных гостей было четверо: один из лекарственных ассистентов, с долей страха и неуверенности поглядывающий на мастера из-под белесых бровей, а за ним – группа купцов разного возраста. Самый младший покоился на руках у среднего и, похоже, не дышал.

Глава 16 Жатва

«Его как подменили».

Сколько ни вглядывайся сквозь рассеянный полумрак, как ни надейся на помощь скупых лучей, пробивающихся сквозь окошко-глазницу, – все без толку! В облике этого со-

здания решительно ничего не осталось от него прежнего. Да что там облик! И шут бы с ней – с этой внешней оболочкой. Всем ведь известно, как несправедливы и порой даже жестоки бывают годы к уязвимой и, увы, недолговечной живой материи. Все можно было бы понять: и эту обрюзглость, и расплывшиеся под отечной маской черты, изжелта-серый оттенок кожи, на щеках переходящий в крупные свекольные пятна – пожалуй, единственное доказательство, что кровь еще циркулирует. Понять можно было и редкую седую поросль, заменившую некогда буйную волнистую гриву. «Грива... Именно так говорила всегда мать. А когда его волосы грубели от мытья заваренной в кипятке золой, она заботливо умащала их пчелиным воском... А после – долго-долго расчесывала деревянным гребнем, напевая что-то из былин восточных кочевых народов. И когда даже у *него* заканчивалось терпение, мать лишь мягко просила посидеть спокойно еще немного...» Теперь-то уж в этом ритуале нет нужды: причесывать, прямо говоря, особо и нечего.

Впрочем, и это не беда, кабы не иные обстоятельства!

Умм – он ведь вообще не из тех, кто склонен сетовать на зримые отметины прожитых звездных циклов. Напротив, молодой стражник даже находил в морщинах какую-то особую притягательность. Чем они, в конце концов, не сродни воинским наплечным татуировкам? Стоит взглянуть повнимательней, и станет ясно: разница не больно-то велика, а если хорошенько призадумаешься, то увидишь, что ее и

нет вовсе. За внешними изменениями, будь то седины, тусклый цвет лица, борозды морщин или согбенность, определенно кроется нечто большее, чем подступающая старческая немощь и бессилие перед великим замыслом Огненного бога! Что это, если не *выслуженные* признаки мудрости, символы познания жизни во всей ее многогранности, свидетельства более глубокого прорастания корнями в саму эту жизнь?.. Недаром ведь с каждым звездным циклом, проведенным в королевской армии (даже самым скучным на события), твоя татуировка увеличивается еще на один язычок пламени, чтобы под конец службы превратить руку в один сплошной огненный всполох!.. И какие-то особые достижения или высокие награды для этого вовсе не обязательны. Да и, если разобраться, какой в них толк? Само присутствие в рядах королевской стражи – уже высшая награда, коей могла осчастливить тебя жизнь! Стало быть, дожить до старости на священной земле Харх и увидеть себя убеленным сединами – не меньшая награда, и радость от нее должна быть сильнее, чем от плодов цветущей юности.

Так что дело было не в изменившейся до неузнаваемости внешности отца. Умм с горечью узнал в этих изменениях не «символы познания жизни», а лишь признаки злоупотребления маругой. Или чем попроще да подешевле.

И притом покрепче.

На втором плане не менее очевидно проглядывали последствия полностью расстроенного прежнего жизненного

уклада и отречения от традиционных ценностей крестьянских поселений Харх. «Ими у нас, – вспоминал из своего детства Умм, – испокон веков были семья, круговерть сельскохозяйственных работ да религиозный календарь». Последние две, тесно переплетенные между собой по времени, смыслу и сакральной подоплеке, давным-давно превратились в единую движущую силу всего крестьянского сословия огненной земли.

Однако ж философствовать и рассуждать на задворках памяти можно сколько угодно – только истине от этого ни горячо ни холодно! По всему выходило, что отец Умма, Бехим-землепашец, безвозвратно выпал из незыблемого уклада, которому, казалось бы, не страшны никакие потрясения. И – поглядите хоть на запущенность когда-то образцового амбара! – выпал давно. Недаром у крестьян Подгорья в их нехитром жизненном воззрении испокон главенствовала семья, гордо возвышаясь над прочими святынями. Женщина-мать, к примеру, расценивалась как прямая производная от земли-кормилицы, и жители сельских поселений были крепко убеждены, что именно такая женщина способна наделить почву чудодейственным плодородием, а не наоборот. Как следствие – и богатый урожай, и изобильный приплод у скота, и порядочный надой. А коли так – значит, можно будет без потерь пережить засуху Скарабея, брачные пляски Дугорога в жаркую летнюю пору и мерзлоту Летучей мыши, неизбежно наползающей с севера каждый звездный цикл. И

раз на то пошло, можно без задней мысли приумножать и собственное потомство: прокормить удастся всех. Такой вот круг, берущий точку отсчета в семье.

Для Бехима же, Уммова отца, этот круг в одночасье разомкнулся. Произошло все гораздо быстрее, чем он ожидал. Вернее, он ничего такого и не ожидал вовсе. Жил как все – не лучше, но и уж точно не хуже! Пахал землю в поте лица, слыл усерднейшим на весь Овион землепашцем, в теплый сезон почитай что жил на поле, нисколько не жалея себя и ни на что не жалуясь. Даже, как подмечали другие, находил в тяжелом труде какое-то особое удовольствие, помогающее «удерживать в теле жизненную благодать». Сидеть без дела или пережидать хлад Летучей мыши вдали от полевых раздолий – вот что было сущим испытанием для Бехима. Ну а его беззлобное ворчание, когда ныне покойная жена, Мидра, чесала его «гриву» – так то было лишь для виду, и это прекрасно понимали они оба... Ибо, Огненное око свидетель, прикосновения и голос Мидры были ему приятны даже спустя немалое число созвездий, под которыми они прожили в законном браке. И их трое прекрасных ребятишек – Заккир, Умм и маленькая Дамра – ну не чудо ли? По правде говоря, Бехим рассчитывал еще и на четвертое «чудо», а она, Мидра, вроде бы не была против.

Да... В те благословенные времена (царившие на Харх аж четыре звездных цикла назад) их ласки обрели новую, досе-

ле неведомую *зрелую* прелесть. Уверенную, неторопливую и чувственную. «Ха! Зеленой «цветущей молодости» и не снилось», – с восторгом делал Бехим новые открытия там, где, казалось бы, все уже давно известно и знакомо. А радостные перспективы в скором времени узреть результат этих ласк в виде очаровательного розовощекого младенца и вновь впустить в дом озорное детство со всеми его милыми шалостями... При одной мысли об этом сердце Бехима наполнялось еще большей любовью к Мидре, и он исподтишка уже поглядывал на ее живот.

Чудесное, радостное время! Дети быстро повзрослели, став настоящими помощниками в хозяйстве; поездки на ярмарку отзывались игривым звоном железных пластин в поясных мешочках, ну а жена вот-вот должна была объявить, что снова носит под сердцем его, Бехима, дитя! Чего еще можно было желать?

И кто, во имя милостивой Матери, мог помыслить, что однажды этот семейный круг – основа всех основ – разойдется по швам?

Началось все примерно три звездных цикла назад. И, как водится, именно в тот самый момент, когда Бехим находился в наиболее благостном расположении духа, нарушаемом только щемяще-тревожным предвкусением вестей от Мидры. С удивлением он тогда – стоя уже, сам того не зная, на краю пропасти – начал замечать за собой изрядно возросшую религиозность: молитвы стали усердней и осмыслен-

ней, да и деревянный жертвенник у крыльца дома не пустовал. Именно в то самое время, когда семейный круг начал незримо разъединяться, Бехим, наоборот, ощущал себя как никогда цельным, полнокровным и близким к Огненному богу. Дурные предчувствия? Мрачное карканье внутреннего голоса? Да Огненный с вами – ничего подобного! Более того, землепашец готов был поклясться, что он воистину почувствовал отклик богов на свои молитвы, что связь его с ними стала двусторонней и не поддающейся сомнению! Та *внутренняя благость*, которую он до этого мог «урвать» – да-да, именно так он раньше и выражался! – через тяжкий физический труд, с тех пор взяла в привычку снисходить на него через беседы с Огненным и Матерью звезд. Чем это, спрашивается, не высшее благословение? Таким – размягченным и в некоторой степени просветленным – и застала Бехима-землепашца его судьба.

И ей, знаете ли, не было особого дела до уровня духовного развития своей жертвы.

Для начала – его младшенький, Умм то бишь. Подгнивать-то все стало с этой паршивой ветки, а потом выходит, что зараза до самого основания вгрызлась в семейное древо. Неблагодарный паршивец мало того что посмел без спросу истощить их общую мошну, умыкнув знатную часть железных пластин, так еще и наверняка пустил награбленное на какую-нибудь богопротивную авантюру! Жаль, что землепашец заметил это слишком поздно... Все вскрылось по-

сле совместной поездки на ярмарку с этим поганцем. И шло ведь попервоначально все – ну лучше не бывает! Лето выдалось страсть каким урожайным: Ящерица, зная, благоволила крестьянам. Матерь звезд светила ярко, пригревала тепло, но не иссушающе, будто бы вовсе и не вела Скарабея вслед за Ящером. Дождей проливалось ровно столько, чтобы напоить землю-кормилицу, но и не пересытить ее, – ничегошеньки из посевов не подгнило, не захлебнулось в ее хлебородном чреве!.. Все проклюнулось, уродилось и вызрело в рыхло-влажных ладонях чернозема ровнехонько в срок. И в поле, и в огородах исправно налилось спелостью все, что с любовью и заботой выпестовали натруженные крестьянские руки. «Черное золото» земли щедро наградило селян за честную работу.

Перво-наперво, ясное дело, пшеница с ячменем. Упругие, до краев напоенные светом и влагой колосья Бехим продолжал помнить и в дни самой темной душевной смуты, заставившей позабыть даже сакральные строки Семи наставлений. Землепашец с внутренним торжеством, не сдерживая восхищенной улыбки, гладил грубыми пальцами золотистые косички, увенчивающие нежно-зеленые трубчатые стебли.

Бехим отчетливо видел в этой сочащейся жизненной силой плодородности добрый знак и лучшее подтверждение тому, что он на верном пути. Что весь мир ему открыт и впереди ждет еще немало счастливых событий. Что сам Огненный благосклонно улыбается ему с высоты небесных черто-

гов.

И растроганный Бехим, не стесняясь увлажненных вос-
торженных глаз, улыбался в ответ...

Стоит ли упоминать о небывалых урожаях кукурузы, че-
чевицы, бобов и картофеля, суливших низкий поклон от аг-
рарной гильдии в лице самого Курхана? А о хлопке и ду-
шистом кальянном табаке, за которыми в самое ближайшее
время – еще до Скарабея – должны были наведаться торго-
вые «гильдейные» от Гаркуна? Любой в Овионе готов был
поклониться собственной шкурой, что отродясь не видывал
такой тучной Ящерицы. И что дед его не припомнит подоб-
ных урожаев. И дед его деда – тоже.

Плодородный венец того лета освятил собой не только
пашни да плантации: его благоволения удостоились и более
скромные хозяйства – домашние. Щедрые дары садов и ого-
родов – абрикосы, кумкват, инжир, айва, яблоки, груши, сли-
вы, миндаль, фисташки и деликатесный земляной орех ши-
цуб – делали Бехиму недвусмысленный намек, что поездок
на ярмарку будет ой как много.

И чего, спрашивается, этому сукину сыну Умму не хва-
тало?! Коли бы этот сопливый паскудник не сбежал из род-
ного дома с краденными пластинами за пазухой, уж они еще
наторговали бы столько, что после Скарабея могли бы поз-
волить себе не в пример больше прежнего! И ему, мерзавцу
греховному, Бехим прикупил бы хитон из самой что ни на
есть изысканной и тонкой шерсти, да не поскупился бы и на

самоцветную булавку к нему!.. Заккира, старшего сына, он бы тоже не обделил: они ведь с Уммом родные братья – стало быть, им все поровну положено. И не подумайте, что Бехим прикупил бы все это добро в какой-нибудь занюханной деревенской лавчонке! Он бы не поленился сводить сыновей к нумеаннскому портному: ну, чтоб снять мерки, ткань выбрать побогаче, подогнать – или как там это называется? – по фигуре... Уж какая красота бы вышла из этой затеи!.. Такими женихами на гуляния да праздники ходили бы, что в скором времени от невест точно отбою бы не было!.. Да чего уж там – он же для любимых сыновей и на сапоги из мягкой кожи ведь тоже не пожалел бы железных пластин! На такие – перехваченные бряцающими при ходьбе ремешками, – вроде тех, что у воинов Харх в почете. Умму-то, кажись, всегда нравился облик солдат да стражников... Еще сызмальства завелась у него такая привычка: как завидит где воина – любого притом ранга, – так и глаз с него не сводит. Мидра, помнится, заметила это да к рубашонке ему тряпицу кумачовую приколола: пусть, мол, пострел наш позабавится, в рыцаря али в стражника королевского поиграет!

Мидра...

При одном воспоминании о ней сердце сжимается в жалкий истерзанный комок, при каждом ударе сочащийся ядом воспоминаний. Она-то, добрая душа, нипочем не желала поверить в вероломство младшего мерзавца. До последнего отказывалась принять за истину, что он, заплутав во грехе, от-

рекся от собственной семьи ради какой-то там выдуманной лучшей жизни. Она упорно, точно заговоренная, продолжала твердить, что он-де попросту оступился по юности лет (с кем не бывает?), совершил досадную ошибку, дал *чужим* нечистым помыслам себя околдовать... «Он, – упорствовала жена Бехима, – непременно вернется и наверняка уже скоро преклонит пред нами колена в знак смиренного покаяния». Уж она бы его простила не задумываясь!

Но не отец.

Когда тщетные поиски исчезнувшего Умма подвели под случившимся роковую черту, в Бехиме вместо скорби пробудился гнев. День ото дня гнев наливался в нем дьявольской яростью, отравляя изнутри. Пришло горькое осознание, что вместе с младшим сыном-предателем от него сбежала вся его «наработанная» и «намоленная» *внутренняя благодать*, которую он трепетно возвращивал в себе. Возвращивал, как налитые жизненными соками колосья, которые, правда, с исчезновением Умма утратили для Бехима всю свою дивную сакральность. С несвойственным для себя равнодушием он стал приходить в поле и механически – *не лучше и не хуже других* – выполнять работы, продиктованные закатом летнего сезона. Что до сада и огорода, примыкавших к их глинобитному домику, они и вовсе перестали интересоваться Бехима. Теперь по возвращении с поля он, даже не заглядывая в них, сразу требовал ужин, а после, не перекинувшись с женой и словечком, отправлялся «навестить соседей».

От этих самых соседей Бехим возвращался подчас за полночь, нетвердо ступая по вощеному полу. Алкоголь, вопреки ожиданиям, не делал Бехима ни разудало-веселым, ни буйным, ни блаженно-отрешенным. Маруга, или огненная вода, или крепкое янтарное вино, действуя сообща, лишь усиливали его равнодушие и постепенно – капля за каплей – поселили в глазах землепашца пугающую пустоту, свойственную тем, кто напрочь отказался от себя прежнего.

И, само собой, это не осталось незамеченным Мидрой.

Да, она, помнится, увещевала его – то мягко, то с каким-то надрывом – и просила «хотя бы ради будущего ребенка» остановиться и попытаться усмирить свой траур по Умму. «Она, блаженная душа, думала, что это был *траур*...» При всей ее красоте и не сдающемся годам обаянии, жена вдруг предстала перед Бехимом в совершенно новом свете. Теперь она казалась ему всего лишь недалекой, простоватой бабенкой, туповатой к тому же: а как еще назвать жену, отказывающуюся понимать, что втолковывает ей муж?.. Она, оказывается, вовсе и не ощущала никакого «витка новой жизни», суть которого он, дурак, пытался донести до нее. И все его, Бехима, откровения о близости к высшим сферам, об открытии тайного языка природы – кажется, она даже смеялась, когда он поведал ей о колосьях! – были для жены пустым звуком. А новая жизнь, которая теперь и впрямь билась в Мидре, воспринималась ею, видите ли, ничуть не иначе, чем в прошлые беременности! Да что там беременность –

она вообще нигде не видела того обновления, той свежести, что видел ее прозревший муж! Все у нее выходило как-то до отвращения просто. Для Мидры это, видать, был *просто* очередной ребенок. *Просто* куда-то запропастился другой, но скоро обязательно вернется в отчий дом и, ясно дело, будет принят назад с расprostертыми объятьями!..

Как бы не так.

Шли дни. Умм не появлялся, из их дома будто напрочь выветрилось все, связанное с ним: его запах, личные вещи, даже сами воспоминания о младшем сыне. Тихая надежда и смирение Мидры сменились тупой внутренней болью, однако это тяжелое чувство не задержалось надолго в ее душе. Это чувство, по мере развития плода внутри нее, постепенно угасало, чтобы в один прекрасный день и вовсе сойти на нет. Так, словно будущий младенец вытеснил старшего брата из сердца матери и стал ей полноценным утешением и отрадой. Во всяком случае, именно так все представало в глазах Бехима – в глазах, зачастую отуманенных собственными душевными терзаниями пополам со спиртовыми парами.

И как, спрашивается, было дальше жить?! Семейные узы истончились, и, мрачно пророчествовал Бехим, это было только началом, первым шагом к разрыву. Боги отвернулись, забрав всю благодать, к которой он, правда, еще не успел привыкнуть. Мнимое прозрение обернулось червивой мякотью, неожиданно проступившей из-под надрезанной кожуры.

«Одно хорошо – не успел ни с кем поделиться, – кривя рот в горестной ухмылке, кивал землепашец самому себе. – Блаженный Бехим – чудесное вышло бы имечко мне! Хорошая бы пошла молва по округе – курам на смех!» К сожалению, то была единственная утешительная мысль из тех, что навевались тогда в его голову. Ее, однако, было недостаточно, чтобы унять глубоко затаенные переживания о «неблагодарном паршивце». Бехим так и болтался на волнах разочарования. Что ему оставалось? Разве что гадать, к каким берегам они в конце концов его прибьют и какая именно волна станет решающей. Он жил в этой отстраненности, меньше действуя и больше *гадая*. В самом деле, что толку брать себя в руки и делать заведомо безуспешные попытки вернуться в былое русло спокойной семейной, трудовой и духовной жизни? «Судьба-сквернавка один хрен все наизнанку вывернет по своей бабьей прихоти!..»

Вот только безотрадный землепашец не мог даже предположить, что упомянутая «решающая волна» зайдет со стороны деревенского святилища – этого прибежища и для кротких, и для мятежных душ.

Стоял обычный вечер, уже сдающийся под гнетом темно-лиловой ночи, напоздавшей на Овион со стороны мшистых верхушек Яшмового леса. Ему предшествовали уборочные работы в поле и, согласно требованиям новой привычки, хмельные посиделки вне дома. Однако маруга была выпита, темы для разговоров исчерпаны, а грядущее утро

несло с собой напоминание о еще не довязанных пшеничных и ячменных снопах. Самое время возвратиться домой и предаться временному забытию. Лишь бы не явился опять во сне младшой отпрыск с этим его укоризненным взглядом и не испортил отцу дремотную безмятежность! Предаваясь этим нехитрым размышлениям, Бехим доковылял до собственного дома – благо идти было недалеко.

Дом почему-то не встретил землепашца привычной темнотой: на узкой полке, у самого оконца, тлел огарок свечи, а в проеме двери – вот те на! – стояла Мидра в одной длинной ситцевой рубахе. Она зябко ежилась от посвежевшего к ночи воздуха и беспрестанно поглаживала слегка округлившийся живот. «Будто и впрямь в ней не очередной паршивец, а сокровище какое!» – раздраженно подумал Бехим. Он не стал объяснять, почему так поздно пришел (не ее бабье дело!), не поспешил укрыть жену от сквозняка (сама виновата, что из-под одеяла выползла на ночь глядя!). И вообще, была бы его воля – он бы попросту, как ни в чем не бывало, протопал в их маленькую спальню, сделав вид, что не заметил жены, равно как и огня в сенях. «Нечего в темное время бледным призраком шастать по дому, когда даже Мать звезд до рассвета отдана во власть золотому сну», – мысленно огрызнулся Бехим, поневоле приправив свое замечание отрывком из жреческих поучений. По правде говоря, парировать ему было не на что: с уст Мидры покамест не сорвалось ни единого звука: ни нарекания, ни вопроса.

Неужто неумную бабу это вовсе не волновало?.. Ну и шут бы с ней. Пусть себе дальше живет в своей скорлупе и ни шиша за нею не чувствует! Мир перевернется, а она и не заметит! «Встала-то, поди, не иначе как по нужде, а заслышав скрип двери, сюда переметнулась – вот и все женины переживания...»

Ан нет! Не прошло и мгновенья, как на захмелевшую голову Бехима свалилось то, чего он никак не ожидал! Глупая баба, видать, совсем умом тронулась, коль вздумала, что этот паршивец – убегший младшой – заслуживал своего костяного блюда на Стене отверженных! Что, мол, надо уже чуть ли не спозаранку собирать по дому все какие есть цитрины, отдирать их от заготовленных на Скарабей амулетов, тащить в местный жреческий храм. Отлично придумано! Еще, может, прямо сейчас – на кой, спрашивается, утра ждать?! – отправимся к соседям побираться? Они, может, пожертвуют пару лишних желтых камушков заблудшей душе соседского сынка?!

Бехим и сам не заметил, как он, впервые со дня побега Умма, назвал его просто «сыном», а не, скажем, «паскудным дезертиром»... Ко всему прочему его страшно взбесило, что Мидра посмела считать *сына* погибшим. И мало того, у нее еще повернулся язык спокойно говорить об этом. Уж что-то, но такая бессердечная чушь ему, Бехиму, и в самом глубоком пьяном бреде не приходила в голову!

Ах она ведьма проклятая!

Черная мгла вызревшего гнева обступила Бехима со всех сторон. Он, может, и хотел бежать со всех ног от этой мглы, дабы спасти Мидру от ее ядовитого дыхания, да уже не мог. Ибо жена, даром что женщина и *мать*, взяла на себя смелость высказать вслух то, от чего он ревностно оберегал свое сознание. Так вот просто взяла и выдала ему недрогнувшим голосом: младший сын-де, может, уже мертвым валяется в какой-нибудь грязной канавке; так не угодно ли его папеньке будет по такому случаю прописать почившего отпрыска на Стене отверженных?

Она что, и впрямь считает *их младшенького* бесславно погибшим и не принятым в небесную обитель Огненного?!

Все, что дальше помнил Бехим, – это глухая, беспросветная ярость. Она вырвалась из его груди и смешалась с иссиня-черными облаками мглы, порожденными высказыванием Мидры. Нет, это безумие никак не было связано с выпитой накануне маругой: ее действие сошло на нет, стоило лишь жене открыть рот. В глазах закипали горькие, жгучие слезы. Они никак не хотели собраться в две крупные капли, чтобы разбежаться мокрыми дорожками по щекам: такова уж мужская гордость. Соленые озерца подрагивали, отражая искру свечного огарка, и заставляли мир расплываться перед взором Бехима.

Быть может, потому-то все дальнейшие события той страшной ночи и остались в его памяти такими вот размытыми нечеткими зарисовками?..

Вот он что было мочи не своим голосом завопил на жену – ни дать ни взять разъяренный бык. Землепашец отчего-то был уверен, что силой своего голоса – *поначалу* голоса! – он может перечеркнуть, отменить чудовищные слова, сказанные Мидрой об их сыне. В свою несвязную тираду он умудрился вместить все известные ему оскорбления и проклятия: выжившая из ума дурища должна была получить свое!

Вот слов стало недостаточно, и тяжелая мозолистая рука Бехима замахнулась. Причина донельзя проста и очевидна – гневные крики мужа встретились с хладнокровным и вместе с тем кротким возражением жены. Иди, мол, милый, завтра с утра пораньше договариваться со старой жрицей Ундирой насчет блюда для сына, и все тут!.. Да она никак издевалась над ним! Дурная баба упрямо стояла на своем, нисколько не считаясь со своим законным мужем!

«Заккир и Дамра проснулись, прибежали на шум...» – мелькнуло в голове землепашца, когда раздалось перешептывание и цыканье из-за прикрытой двери, ведущей в кухню. Ну и пускай! Послушают и будут знать, как перечить отцу – авось поумней своей мамки вырастут!..

Вот высоко занесенная рука приготовилась к удару – неизбежному исходу начатого движения. Нет, он не планировал бить жену. Какой в том толк? Скопившуюся внутри ярость нужно было просто выплеснуть наружу, дать ей выход и тем самым освободиться от нее.

Бехим и выплеснул.

Первый отчаянно-размашистый удар пришелся на обложенное соломой углубление в стене. Сухая глина встретила его кулак равнодушием, достойным древних горных пород: соприкосновение с гневом Бехима не оставило на ней ни единой новой трещины. Увы, того же нельзя было сказать о живой плоти: суставы пальцев и кисть скрипуче хрустнули, рука побелела, из стесанных до мяса костяшек засочилась кровь. Мидра что-то там тихонько, по-бабьи выла, зажав рот дрожащими ладонями. Spина ее была выгнута, как у оцетившейся кошки, а глазами она уже искала наилучший вариант для бегства. Бехим ничего этого не замечал: оглушенный собственным ударом, он тупо уставился на ушибленную руку и, словно замороженный, наблюдал, как из рассеченной кожи медленно проступает кровь. Она собиралась крупными горячими каплями в углублениях между костяшками и мерно струилась вдоль одеревеневших пальцев. Выходит, пролить кровь для землепашца оказалось легче, чем слезы...

Рядом, со спины, беззвучно проскользнули две тени и мгновенно скрылись за входной дверью.

«И эти дети сбежали...»

Первая волна боли обманчиво откатилась назад, ненадолго возвращая Бехима в его первоначальное состояние. Он принял это за окончательное избавление от внезапного «паралича» и поспешил продолжить начатое. Удар за ударом сотрясал ни в чем не повинные сени, круша, разбивая и ломая все, что попадалось под руку. С выступов и полок летели ста-

рые глиняные горшки, отрезки тканей, дрова, семейные обереги... Тут и там прямо Бехиму под ноги сыпались золотые искорки мелких цитринов, и он с упоением топтал их, катал по полу грязными подошвами сапог, видимо, желая смолотить их в муку и развеять по ветру. «Ишь ты, бесовка, ужо принялась сына моего на тот свет собирать?! Вот тебе! Видала?! Иди себе лучше начинай собирать, коли так туда торопишься! А мой сын жив! ЖИВ! Ясно тебе, ведьма проклятая?!»

Кровь закапала еще чаще – теперь уже с обеих рук. Словно она могла смыть с цитринов, которые Мидра и в самом деле уже поотрывала откуда только было можно, их страшное назначение. «Но теперь они очищены! – внезапно осенило отца Умма. – И будто это и не цитрины вовсе. Больше на рубины похожи!»

Бехим немного успокоился и даже прекратил свой полуночный погром. В тихом свете звезд камни и впрямь выглядели яркими пурпурными рубинами: кровь, начиная подсыхать, уже сделала свое дело. Неисповедимые пути воспаленного разума Бехима наконец распутали клубок.

Стало быть, рубины...

«Никто не считает тебя умершим, *сын*ок! Наша вера и родительское благословение остаются с тобой, Умм! Погляди, я искупил безрассудные помыслы твоей матери! Старуха без тебя уж совсем в разуме повредилась, ты прости ее, сынок...»

Вот и слезы.

Они свободно побежали наперегонки по разгоряченным красным щекам Бехима. Живительная влага, растворяющая тяжкий душевный груз, стирающая вину и печали. Они закатывались за шиворот, капали на пол, смывая кровь с отдельных «рубинов», неожиданно примиривших землепашца с судьбой. Он стоял на коленях посреди учиненного им же хаоса и покорно отвечал на позывы сердца. Он чувствовал себя обновленным, очищенным... Будто жрец вознес над ним молитву об отпущении грехов и возвестил о том, что Огненный ее принял, – такова была сила внезапного облегчения. словно вдруг разжалась мертвая хватка, стискивавшая горло. И пусть она на прощание таки полоснула Бехима своими когтями – не страшно!

Он снова чувствовал себя живым. Полным сил. И готовым на все ради семьи – сию же минуту отправиться в дальнейшее странствие, на поиски сына... Или хотя бы пойти разыскать Заккира и Дамру, укрывшихся в темноте двора от отцовского гнева.

Где-то в глубине души очень робко шевельнулась радостная мысль-воспоминание и об их с Мидрой *будущем* ребенке.

Духовное блаженство длилось недолго.

Странно... Внутри, кажется, все – почти все – успокоилось, а слезы упрямо текли и текли. Как это не похоже на сурового Бехима!

Он, не поднимая головы, сделал глубокий вдох, мысленно

ставя жирную точку на своих бесчинствах: «Довольно! И без того наворотил сегодня выше крыши...»

Самое время теперь прийти в себя, оглядеться вокруг и начать все исправлять. Так велели ему наконец-то поладившие меж собой ум и сердце. Что ж, все еще действительно можно исправить – и чем скорей, тем лучше. А начнет он, пожалуй, с Мидры: ей сегодня немало пришлось снести от своего бедового муженька... Да, сейчас он поднимется к ней и сходу – как завсегда было у него заведено – попросит прощения: безо всяких там увиливаний и хождений вокруг да около.

«И непременно поцелую ее руки!.. А то в них аж кровь застыла, когда я крушил тут все в своем припадке: я видел...»

Однако ничего из задуманного – слишком, слишком *поздно*, Бехим! – ему сделать не удалось. И если его губы коснулись рук жены, то руки эти были уже не те, к которым он привык. И которые любил...

Как выяснилось позже, причиной затянувшихся слез стало не эмоциональное расстройство Бехима и не остатки его старых переживаний. К сожалению, все обстояло куда более прозаично.

Слезы вызвал дым.

Оказывается, как потом с горечью осознал землепашец, в приступе бешенства он и не заметил, что смахнул с полки тот самый свечной огарок. Конечно, если бы они с женой закончили разговор мирно, то она, знамо дело, эту свечку бы

или задула, или забрала бы с собой в спальню. Но куда там! Она была вынуждена бежать – бежать от мужниной ярости...

И если на жену и на детей можно было накричать, сени – перевернуть кверху дном, а цитрины – растоптать и залить собственной кровью, то с огнем, как известно, шутки плохи. Жаль, что порой вся ужасающая серьезность этой присказки, знакомой каждому хархи с детских лет, постигается уроками горестного опыта.

Бехим хорошо запомнил урок. И, следует признать, дорого за него заплатил.

Вырвавшись из плена свечного фитиля, огонь расправил плечи на сухой соломе, густо застилавшей пол сеней, разжился целым снопом искр-подданных и начал свою беспощадную жатву. Не спасало даже то, что стены из прессованной глины – а ведь именно на случай пожара Бехим отказался от дерева! – не загорались и, в отличие от предметов обстановки, не принимали пламя как дорогого гостя. А огненным языкам меж тем никакого особого гостеприимства и не требовалось! Им, тварям, и так было где разгуляться: солома, деревянная мебель и посуда, сухие тряпки и одежда... Бехим – уже потом – понял, что сослужил службу ненасытному огню аж дважды. Не он ли собственной рукой расколотил склянку кукурузного масла, которую Мидра, видимо, назавтра хотела снести в амбар?..

Нельзя упрекнуть Бехима, что он *не попытался*. Детей милосердная Матерь звезд уберегла (они пережидали пожар

на улице), но вот Мидра... «Ох!..» Мидра оставалась одна на втором этаже, и огонь уже потянулся туда своими потрескивающими слепящими побегами.

Потянулся за Бехимовой женой и их будущим ребенком...

Ровно в тот самый миг – не раньше и не позже, – когда землепашец, задыхаясь и кашляя, дополз через кухню до ступенек лестницы, ведущей на второй этаж, – подвели огнестойкие стены, которыми он так гордился. Да, в начале пожара глинобитные перегородки держались молодцом, тогда как соседские бревна уже давно занялись бы. Бехиму делов-то оставалось: проползти наверх, взять на руки Мидру и бегом выбежать из этой преисподней... «Настанет новый день – и там решим, как начать все заново! Главное, что *вместе*...» – ободрял он себя, пробираясь через охваченную пламенем кухню.

Что тут скажешь – у богов, видать, были иные планы на будущее землепашца. Стены – оплот его надежд и уверенности – в какой-то момент перестали мириться с губительным дыханием огня. По песочно-бежевой их поверхности, будто по иссохшей почве, поползли в разные стороны тонкие трещины. Сначала совсем небольшие: легкая паутинка, словно и не несущая в себе угрозы. Но это только сначала. Жар усиливался, и каждое его мгновение углубляло эти трещины, загоняя их в самое основание дома Бехима, чтобы постепенно подточить его изнутри. Едва только тепловая волна лизнула

глину, нужно было бежать – бежать со всех ног! Не ждать появления трещин, возвещавших о скором обвале!

Уже потом, спустя много дней (хотя все они слились в бесконечную цепочку мучительного безвременья), Бехим бичевал себя за ту непростительную медлительность. Однако дрянное пойло, которое он без меры вливал в себя, чтобы хоть немного забыться, лишь предательски возвращало опустившегося землепашца к ужасной развязке событий той ночи.

...Вот он, преодолевая леденящую боль от ожогов и непереносимую резь в глазах, пытается доползти до лестницы. Там, наверху, его ждет Мидра... *И Нерожденный*... Хотя криков жены уже не слышно. А были ли они?.. Нужно еще немного – всего пара-другая движений! Тонкий хлопковый хитон, кажись, загорелся – со спины, что ли? В дьявольском пекле уже и не понять... Полыхает все и повсюду, забирая у Бехима то, что он собственноручно создавал, что он так любил, что звал своим домом и убежищем от житейских невзгод!..

Огонь – будто ранняя засуха, ворвавшаяся в поля гонцом Скарабея, злорадно пожирающая еще не собранный урожай...

«Так вот каков ты, Огненный бог! – Отчаяние и агония порождали в Бехимовом сознании чудовищные открытия. – Вот она, твоя милость! Все, что я вижу, – один токмо твой гнев и ненависть! И стою я, твой жалкий раб, в их разверз-

нутой глотке, ненасытной к тому же! Вокруг меня одно так почитаемое нами *пламя* и воспетая древними *ярость*! То, чему мы молимся и на что уповаем, способно умерщвлять нас одним своим дыханием! Нас – твоих детей, «играющих на щедрой длани твоей». Против каких таких выдуманых врагов Харх пригодятся эти пламя и ярость?! Никто сюда не придет! И никому дела нет ни до нас, ни до тебя – ты, ослепленный своей яростью бог *выдуманной* войны!!! Все, что ты можешь, – раздуться от самодовольства да издеваться над нами! Ты питаешься нашим страхами: перед тобой, перед сказочками-легендами да перед служащими тебе воинами!»

От стен пошел глухой утробный гул. Трещины глубоко врезались в их глиняную плоть, из них водопадными струйками засочился сухой белесый песок. К треску дружного горения примешался незнакомый уху скрежет.

И впервые за ту страшную ночь разума Бехима коснулась мысль: *все кончено*.

«Ты!..» Леденящее жжение от горящего хитона и кровоточащие раны обратили его в исступленного зверя. Загнанного в угол, но продолжающего скалиться и рычать. «Это ты лишил меня сына! Ты искусил его баснями о воинской доблести и священной ярости хархи! Ты напустил дурмана на его голову и увел от родного дома! Будто мало тебе других воинов! Что, они плохо прославляют твой хищный образ? Плохо служат?! Зачем тебе понадобился мой сын – отпрыск

простого землепашца? Что он сможет сделать для тебя?!»

В общем гуле и треске вдруг раздался оглушительный хлопок, прервавший отчаянное святотатство Бехима: стена ровнехонько позади землепашца сдалась первой. Ей суждено было рухнуть и остаться погребенной под тем, что еще недавно составляло маленький мир Бехима и его семьи. Судя по тому, как истекали песком и угрожающе подрагивали другие стены, их ожидала та же участь.

Двигаться Бехим уже не мог – так и замер на полпути к лестнице, охваченный пламенем и окончательно помутившийся рассудком. Он оставил попытки спасти жену с *Нерожденным* и себя самого. Не потому, что смирился. Не с тем, чтобы снискать милосердие богов, вверив свою судьбу их «щедрой длани». И не потому, что сдался.

Он действительно не мог больше сделать ни шага. На то он и простой смертный – уязвимый, хрупкий, как любой житель Харх, будь он воином или землепашцем.

Бехим лишился сознания на пепелище собственного очага под грохот рассыпающихся родных стен, намертво вцепившись в последнюю свою мысль:

«Я отрекаюсь от тебя, мстительный, ненасытный бог! Ты отнял у меня все! Твои огненные приспешники пожрали все, что было мне дорого, а тех, кого оставили в живых, – обрекли на полную лишений жизнь!»

В глазах землепашца потемнело, усилия разума сошли на нет, уступив беспамятству. Вместо клубов дыма и россыпи

искр Бехим видел обращенное к нему Огненное око. Оно застигло весь небосвод своим слепящим полыханием и, казалось, готово было испепелить мир. Бехим словно ждал этого. Он подставил лицо дыханию дьявольского жара и взревел: «Я закладываю собственную душу во имя того, что я тебе более не подданный! Я не отдам тебе младшего сына, моего Умма-сорванца! Если он и вздумает служить тебе – не принесет тебе это ни славы, ни почета! Не воспоет он деяниями своими твое мнимое величие! Я ухожу и посылаю ему свое родительское прощение за побег из отчего дома. Но вместе с прощением я заклинаю своего сына не сгибать колена ни пред твоим взором, ни пред твоими жреческими прихлебателями! Ибо сущность твоя жестока и уродлива – рано или поздно узрит он это, и тогда я вздохну спокойно, в какой из миров ты бы меня не отправил! Делай со мной что хочешь, огненный кровопийца! Мидра, Умм, Заккир, Дамра, *Нерожденный*, простите меня!»

Одна Матерь звезд ведает, где витала душа Бехима, пока подоспевшие соседи не уняли пламя и не извлекли его почти бездыханное тело из груды углей, головешек и обломков почерневшей глины.

Извлекли они и Мидру.

Вернее, то, что осталось от нее и *Нерожденного* после «огненной жатвы»... И если жене Бехима хоть в чем-то повезло в ту роковую ночь, так это в том, что ее сознание быстро погасил поднявшийся снизу дым. Он же в конечном счете

избавил несчастную от жестоких страданий.

«Потому, – повторял спустя время Бехим своим сочувствующим собутыльникам, – она, сердешная, и не кричала вовсе...»

Землепашец разлепил красные глаза, покосился на лежащее рядом обугленное тело Мидры, уже накрытое грубой лыковой рогожей, и тупо на него уставился, не в силах связать увиденное с тем, что случилось с его женой. Отмахнулся от склонившейся над ним знахарки, вызванной по такому случаю с самой околицы Овиона, и чуть не выбил из ее сморщенных рук плоску какой-то густой вонючей мази. Слух к нему еще не вернулся, и, может, оно к лучшему: соседские увещания не вызывали раздражения.

Слез не было.

Они были выплаканы там, в горниле гнева «мстительно-го» бога, и больше никогда к Бехиму не возвращались, поэтому он, не принятый в мир иной, вынужденный заново впрячься в ярмо судьбы, не мог рассчитывать даже на это облегчение...

Не заплакал и, что уж там, даже не поморщился Бехим-землепашец и тогда, когда настало время встретиться с *младшеньким*. Пусть и незримо. Пусть вовсе не так, как он представлял себе все те долгие звездные обороты, что сменялись безликими фигурами над его хмельной головой...

Самообладание изменчиво. Оно оставило Умма, как толь-

ко отец выломал амбарную дверь, ворвался в укрытие Дамры и потянулся обожженными ручищами к ней и новорожденному. Потянулся явно не для того, чтобы обнять. Тронувшийся умом отец имел иную цель: придушить обоих. И еще одну, затаенную. Та цель ждала своего часа, вскипая яростью в помутненном рассудке.

«Горидукх. Свадьба. Ужо повеселюсь я на свадьбе твоего милого, Дамра!»

Умм этого не знал. Ему было достаточно, что сестра и племянник – в смертельной опасности. Пока входная дверь сотрясалась от тяжелых ударов, юноша отчаянно надеялся на силу молитвы и ритуального знака. На что еще мог сгодиться он, сторонний наблюдатель, заброшенный в родной амбар, словно в дурной сон, волей *нездеишней* жрицы-чернокнижницы?

Все изменилось в тот самый миг, когда в чулане материализовался отец. Вернее, какой-то жестокий и страшный хархи, лишь отдаленно похожий на Уммова отца. Тогда юноша осознал: прямо сейчас (если только Йанги не дразнится и все это происходит на самом деле) вот-вот свершится непоправимое. Ничего уже нельзя будет вернуть, переделать, переписать заново. Фатальная угроза зловеще маячила на горизонте черным флагом. Именно она заставила молодого стражника, презрев беспомощность, пересмотреть границы своей власти. Границы воображаемого и реального, сна и яви, осязаемого и незримого. «Их, видно, никогда и не существова-

ло, коли такие дела творятся под сенью Матери звезд...»

Движением, полным осторожности и опаски, юноша скользнул правой рукой за голенище своего сапога. Полностью осознавая собственную невидимость, он все же предпочел снизить риск быть замеченным. Умму вовсе не хотелось, чтобы его наспех сложенный план рассыпался карточным домиком.

Руки коснулась отрезвляющая прохлада стали. Большой палец аккуратно прошелся по лезвию: привычка, над коей не властно ни место, ни время. «Не зря с Дримгуром навестили точильню перед всей этой бесовщиной, – с готовностью отозвался разум. – Как знали, что добром эти шашни с Нездешней не кончатся!»

То было лишь минутное промедление – непозволительная роскошь в ситуации, когда нужно действовать быстро и решительно.

Отец двумя пальцами, словно новорожденного щенка, схватил младенца за слабенькую шею с засохшим белым налетом и кровавыми пятнами, а второй рукой уже примерял удар. Умм понял, что Бехим намерен свершить свое «правосудие» одним точным, смертельным движением. Отец тяжело дышал, собираясь с силами. Было заметно, что для него все это – не что иное как горькая *обязанность*. В его взгляде не читалась месть. Скорее, *долг*, от тяжкого ярма которого он вот-вот избавится. «Что или кто управляет им?.. Как он дошел до этого?» – ужаснулся Умм.

Наконец отец умолк. Череда бессвязных ругательств, которыми он сопровождал удары в дверь, иссякла, как только он ворвался внутрь. Дамра, на удивление, тоже не издавала больше ни звука. «Она что же, лишилась чувств? Немудрено!..» Кричал только новорожденный – кричал, приветствуя огненный остров Харх и возвещая богов о своем появлении.

«Дитя Ящера... – словно молитву, оправдывающую его дальнейшие действия, твердил про себя Умм, замахиваясь своим острым ножом. – Наш небесный Ящер – мертв. Он сдался, пал пред лицом наползающего с востока Скарабея...»

Умм, так же как и отец, изо всех сил старался свершить задуманное одним ударом. Один меткий, точный, глубокий удар в сердце. Чтобы наверняка. Чтобы не мучился.

Чтобы уже не проснулся...

Отец же, как на грех, держал новорожденного у самого сердца: не подступиться. Он медлил, разглядывал младенца, крутил его перед собой, точно кошка пойманного мышонка. У самого сердца... Может, одумается?..

Нет, уповать на пробудившиеся светлые чувства не приходилось. Если у отца и были какие-то сомнения, то они, очевидно, улеглись. Канули на дно его искалеченной души и больше не мешали творить темный замысел, неизвестно как родившийся в его голове. Секундное промедление – и невинная кровь зальет пыльный амбарный пол...

Что поделаешь! Значит, нужно целиться не в сердце, ведь

так можно и в новорожденного попасть... *Прости, отец!*
Значит, так суждено...

«Наш звездный Ящер сдался. Но не ты! Ты будешь жить!»

Сам не веря в то, что делает, Умм вложил все силы в первый удар: он пришелся аккурат в отцово плечо. Бил он не на авось, не наугад – так, словно полноценно присутствовал в амбаре. Делал все в точности, как многократно отрабатывал на учениях и тренировках: равномерный перенос тяжести от плеча в локоть и дальше – в запястье точным, выверенным движением. «И крученым резким махом извлечь меч из тела противника...» – подсказывала память.

Только никто не предупреждал, что будет стоять такой омерзительный хруст и что сила, вложенная в «резкий мах» вернется ватной слабостью, растекающейся от локтевого сгиба прямо в побелевшие пальцы!.. И что потом к горлу подступит такая невыносимая тошнота, а горизонт пьяно заплещет перед мутнеющими глазами...

«Получилось...» Умм настолько ослабел, что у него попросту не осталось сил на удивление. «Да! Ты будешь жить, дитя Ящера!...»

К пляшущему горизонту примешались частые вспышки ярко-красного цвета: то ли шок, то ли брызнувшая во все стороны кровь отца, то ли очередное лихое действо Йанги... Умм старался об этом не думать. Он почувствовал, как чулан и все, кто в нем находился, медленно уплывают. Картинки стали растворяться, теряя четкость контуров, путая свои

краски и текстуры. Все словно отдалилось, уменьшилось в несколько раз. Тошнота и потрясение проходили по мере того, как редела темнота чулана и становились едва различимыми фигуры – так, словно вязкий плен ночного кошмара постепенно уступал права утренней заре. Не ее ли отблески отражались в пурпурных вспышках, пульсировавших в краешках глаз?.. Облегчения, однако, это не приносило. Куда там! Умм, силясь ухватиться за невидимые нити, изо всех сил старался не отпустить свое видение – каким ужасающим и леденящим оно бы ни было. Нужно непременно убедиться, что *дело сделано*. Пришла ли в себя сестра? Выжило ли *дитя Ящера* после мертвой хватки своего деда? Стал ли удар Умма смертельным?

Или, может, он вложил в него недостаточно сил – недостаточно, чтобы предстать перед Огненным в новом амплуа отцеубийцы?..

Амбар превратился в едва различимую точку на темной карте Вселенной. Умму казалось, что эта точка застыла где-то в середине зрачка полузакрытого глаза мертвого Ящера, мерцавшего дымчато-белыми бисеринами на небесном холсте. А оставшиеся без ответа вопросы назойливо кружили и кружили стайей огромных черных воронов над головой Умма. Все расплывалось и хаотично вибрировало. Хотя и не настолько, чтобы от юноши ускользнула очередная диковина.

Крылья воронов. Они – Умм был готов биться об заклад – состояли не из перьев, а размах их был в несколько раз ши-

ре, чем у самых крупных птиц. Удлиненные когти чудищ начинались от самого предплечья и заканчивались загнутыми книзу острыми крючьями. На когтях, точно темно-бурые паруса на реях, были натянуты шершавые кожные перепонки. Хлопанье этих мрачных «вееров» порождало воздушные потоки, достойные небольшого смерча. Взмокшая рубаха Умма мгновенно превратилась в ледяной панцирь; волосы развевались. Странные вороны, видать, собрались на пир: в каждом их движении было зловещее предвкушение.

Умм с некоторой оторопью обнаружил, что не испытывает страха перед мракобесными созданиями. Даже если они и явились за ним – что с того? Кой черт себя обманывать: отныне жизнь не будет прежней! Если все увиденное в чулане – правда, то как ему, распоследнему безбожнику, придавленному тяжким камнем вины, теперь разогнуться? До чего он довел семью... Как вышло, что пролитая кровь родного отца стала единственным выходом? Что случилось с матушкой и старшим братом Заккиром? Юноша не ожидал, что его побег и жизненный план обернутся для всех таким невыносимым горем. Что его неумное честолюбие отразится эхом рыданий на Пепелище... Он-то наивно полагал, что с его исчезновением жизнь семьи продолжит катиться по старой колее – разве что одной спицей в этом колесе станет меньше...

Стая перепончатокрылых воронов продолжала кружить прямо над макушкой Умма. Их стало больше. Юноша задрал голову, прищурился и увидел, что над одним птичьим кру-

гом виднеется другой – чуть меньше в диаметре. А над ним – еще один, и так до самого предела зрения... Ветер усиливался, грозя сбить Умма с ног, норовил вырвать нож из судорожно сжатых пальцев.

Откуда-то – не иначе как с самой верхушки черной спирали – донеслись отголоски приглушенного хриплого карканья:

– Цаа-ааа-аа...

– Йаааа-ааа-аа-цццц...

– Йууууу-ууу-уу-ааа-аа!..

Чем ниже спускался по вороньим кругам звук, тем отчетливей делалось зашифрованное в нем послание. И вот оно собралось в единое слово, избавив Умма от необходимости разбирать крикливую головоломку:

– У-У-УБИ-ИЙЦА-А-А!

Интонация была не обвиняющей, а... торжественной. Как и церемониальное кружение страшных птиц.

«Они что, *чествуют* меня?!»

Умм не понимал, да и не пытался понять, смысл происходящего. Одно он знал: жизнь его воистину не станет прежней. Водораздел судьбы пройден. *Дело сделано*. Пусть хоть насмерть заклюют, хоть коронуют, хоть подцепят за шкуру – как отец новорожденного – и унесут на свои птичьи берега вершить суд над отцеубийцей!..

Вороны, продолжая выписывать в темном небе немислимые петли, будто были слишком заняты своим ликованием

и теперь уже даже не обращали внимания на изумленного стражника. Кажется, и карканье «убийца!» стало тише, птичий хор утратил былую стройность. Неужто чудовища потеряли к нему, Умму, интерес?

Схожая атмосфера, подумалось Умму, царила в Святилище на главные праздники цикла. Очень знакомое чувство – когда прихожане объединялись в религиозном порыве, позабыв обо всем преходящем, готовые принять благословление богов или верховной жрицы...

До чего же поразительна схожесть религиозного экстаза хархи с поведением этих дьявольских воронов: их единение, синхронность движений, горящие нетерпением расширенные зрачки... Ну каково, а?!

Новые раскаты карканья достигли слуха Умма. Теперь эти твари хрипели там – в беспросветно-темном небе – о чем-то своем, недоступном Умму. Они торжествовали и громко славили кого-то. И, похоже, на каком-то ином языке.

Все, что успел юноша выхватить из потока иноземной речи, низвергавшегося из длинных шелкающих клювов, было:
– Жатттвааа-аа-йяааа-ааа! Будет огненная священная жатва!

Их восторг проникал в грудную клетку Умма, бился в ней чужими токами, выхлестывал все его собственные ощущения и мысли. Он настойчиво звал присоединиться к вороньей спирали, почувствовать мощь их крыльев, власть над воздухом и ветром.

Власть над всем Харх.

И много больше.

Сил сопротивляться не осталось: Умм покорился, выпустил нож, вдыхая все глубже и глубже восторг, которым поила его стая чудовищ. Он жадно пил его, пока не замутило от этого незнакомого эликсира.

...Идея с отказом от завтрака не помогла избежать позора, которого так опасался Умм. Едва он открыл глаза в той самой «каморке» под куполом Святилища, его тотчас же вывернуло *самым что ни на есть постыдным образом.*

Вот теперь он и ощутил себя в полной мере пустым – во всех смыслах этого слова...

Глава 17 Предания Севера

«О великая Матерь звезд, божественное светило, дарующее свет, жизнь и надежду всем благочестивым хархи! Склоняю колени в беззаветном смирении пред твоим сияющим ликом и покорно принимаю избранную тобою для меня судьбу: счастливую или горестную, в изобилии или в нужде, легкую или тяжкую. Ибо верую: все замыслы твои есть благо, будь они хоть втроекратно обернуты страданием тела и духа. С благодарностью и низким поклоном открыто внимаю твоим посланиям и, сколь позволено мне, вплетаю их в мысли и сны свои, дабы хоть на шаг быть ближе к тебе. Тем славлю я твой священный образ на грешной огненной земле Харх. Тем являю я бледную тень сути твоей. Тем творю я свое

предназначение под звездами, сыновьями твоими».

Одинокая фигура, стоящая на коленях в дремотном полумраке молельни, была до того бездвижна, что со стороны казалась скульптурой. Меж тем рядом не было ни души, чтобы разделить подобную ассоциацию. Этого и не требовалось. Уединение – лучший компаньон для бесед с богами, что бы там на этот счет ни думала себе Йанги.

Окайра резко одернула себя. Ну вот опять! Куда это годится? В который раз за последнее время она позволяет непрошеным мыслям – и каким мыслям! – вторгаться в ее молитвы.

«Не взваливай тяготы осуждения других на свои плечи, – обратившись к строкам Семи наставлений, напомнила она себе. – Ибо ноша эта под силу лишь богам». Что ж, королева и не хотела *осудать*: кто, в конце концов, она такая?.. Она только вспомнила... Да-да, именно всего лишь вызвала в памяти эту специфическую черту верховной жрицы острова. А что? Вполне имеет на это право!.. Ведь собирать многочисленную пеструю толпу, помпезно и театрально обставлять свои проповеди и обращения – это ведь действительно в духе Йанги! А уж эти разгульные празднества... «Каждый раз как в последний!..» – сокрушалась бывало королева, созерцая, как по любому религиозному поводу все Подгорье превращалось в одно большое гульбище. Утешало лишь одно: за грань – хотя, поди теперь уж разбери, где она! – никто пока вроде бы не выходил. Все обряды и торжества со-

вершались согласно древним обычаям. И островные традиции – не поспоришь! – блюлись самым тщательным образом. И, *кажется*, все творилось исключительно в угоду богам, а значит, на благо простых смертных...

Однако как ни пыталась Окайра договориться сама с собой и унять бурлящее в душе недовольство – все ее попытки терпели неудачу. Безусловно, она никогда не забывалась в своем возмущении, памятуя, что осуждение есть прерогатива богов. Королеве и в голову не приходило оспаривать эту первоистину. Но спокойно смотреть, как священные дни и ночи праздников, ниспосланные Огненным в знак его милосердия и любви, превращаются в вереницу бесчинств...

Это уже было выше ее сил.

До Окайры не раз доходила молва о случаях откровенной жестокости, которыми венчались разлихие праздничные гуляния. А это новое поветрие – оргии!.. Как прикажете это понимать?! Королеву изрядно смутило такое вот воплощение духовно-телесного торжества, когда эдак семь звездных оборотов назад, в начале весны, на Древо праотцев, гонцы с южных земель известили о них Каффа. Окайра хорошо помнила тот прием: и их живописание открытых прелюбодеяний, и усмешки советников, и отчего-то блеснувшие странной искрой глаза короля. Она тогда мысленно ужаснулась, но не нашла в себе мужества возразить. Ибо, во-первых, сам король, по-отечески пошутив над «горячей южной кровью» и их религиозном усердием, беспечно махнул на новости ру-

кой. А во-вторых, в то утро, еще до совета, передал ей с мальчиком-слугой изящную шкатулку из слоновой кости. Откинув круглую резную крышечку, королева обомлела от изумления: внутри одновременно золотистым и жемчужным цветом мягко переливалось драгоценное масло дерева мрахба. Вкрапления золотого и серебряного порошка – а чем еще могли быть эти сияющие пылинки? – превратили и без того баснословно дорогое масло в самую роскошную на всем Харх притирку для тела. Стоит закрыть глаза – и чувствуешь ее аромат: тысячи лепестков медовой розы, настоянные на мускусе высшего качества. Нежные лепестки и грубая кожа. Ничего лишнего. Что ж, с языком природных и ароматических символов Окайра была знакома не понаслышке: у выходцев с Севера он издревле был в почете, а королева гордилась своими корнями и родословной.

«Я, подлинный король Кафф, твой законный супруг, желаю посетить тебя грядущей ночью», – вот какое послание принесла в себе шкатулка. Аромат взял на себя работу пера и бумаги – атрибутов, давно канувших в Лету.

Затрепетавшая тогда в груди радость теперь вспоминалась с толикой застарелой горечи, отравлявшей тот, казалось бы, приятный эпизод.

Кафф тогда не пришел.

Как и не приходил много ночей до. Разница была лишь в том, что «до» он, по крайней мере, не позволял себе такие жестокие шутки и не втягивал Окайру в свои бессердечные

игры.

Но так или иначе, горячая ванна и мыло с мочалом начисто – до скрипа – отскоблили сияющее драгоценное масло с ее тела. Вместе с его сладострастным ароматом и пустыми надеждами. Урок был усвоен. И не следует о нем забывать – ни в минуты искушения, ни в моменты отчаяния. Отныне в сердце Окайры осталось место лишь для любви религиозной и материнской.

Она так и не узнала, что ненавистное масло дерева мрахба было доставлено гонцами с тех самых «варварских» южных земель якобы от властвовавшего в тех краях королевского наместника Ахриба Медного Черепа. На свое счастье, Окайра нанесла его не на все тело, а только на пять секретных точек – опять же дань врожденной бережливости и северным традициям любовного искусства.

Каково было бы ее удивление, если бы ей сообщили, что переливающиеся звездным светом пылинки были вовсе не крупинками золота...

Королева провела еще несколько очень далеких от модельни мгновений. Отсутствующее выражение лица, взгляд в никуда... Так что же прервало ее вступление к молитве? Опять...

«Прочь! – Окайра едва не сорвалась на крик. – Прочь вы, мысли и никчемные воспоминания! Я не позволю вам вмешиваться в таинство моих бесед с Матерью звезд!..» Королева зажмурила глаза, словно пытаясь стереть из памяти все

то, что препятствовало молитве. И, обращаясь уже к кому-то другому, добавила: «Я и так заплатила немалую цену за рождение Бадирта. И продолжаю расплачиваться по сей день...»

На глазах выступили слезы – свидетельство глубокой, но уже ставшей привычной горечи. Раны, что со временем рубцуются, но никогда не позволяют забыть о себе. Даже легчайший отголосок этой горечи может в любой момент возродить боль – и довести до исступления...

Окайра обреченно продолжала: «Думаешь, что я ничего не замечаю? Что меня может отвлечь вся эта мишура с возведением «святой королевы Окайры» в ранг живых божеств Харх? Может, кого-то это и потешило бы, а другому сошло бы за достойное утешение... Но не для меня!» Королева, безмолвно роняя слезы, спрятала лицо в своих узких ладонях. «Это... О Мать звезд, да это ведь такое же святотатство, как *ее* разнузданные гульбища по всему Харх во время сакральных празднеств наших предков. Эта зараза уже отравила умы южан: народное прославление богов из священного обряда превратилось у них в акт грехопадения! И это безобразие не только не пресекается, а наоборот – ставится в пример!»

Окайра обмерла от беспощадной правды собственного вывода. В правде этой не оставалось места сомнениям. Недавняя проповедь Йанги в преддверии Горидукха была пронизана витиеватыми намеками на способы воспевания Огненного бога и «задабривания» Скарабея. Окайру, вместе

с жителями Подгорья слушавшую жреческую речь, привели в недоумение фразы о «спаянности духа в единении тел», об «утешительном сладостном экстазе на пороге лишений Скарабея».

Правда истинная сказана в Наставлениях: всю соль бытия могут извлечь на поверхность откровенные беседы с Матерью звезд! Что ж, теперь королеве и впрямь открылась «соль» двусмысленной проповеди Йанги. Она, верховная жрица огненной земли, почти в открытую призывала население Подгорья восславить богов, следуя примеру южан! «Все это может и вправду случиться, – в отчаянии думала королева, – и тогда это увидят мои дети... А что хуже всего – Пастухи миров». Склонность к фольклорным образам вновь выдавала в Окайре ее происхождение. Кровь, как известно, не водица: она была дочерью ныне покойного королевского наместника на севере Харх, и прожив вдали от дома немало звездных оборотов, никогда об этом не забывала. Верность духовной философии земляков нисколько не приуменьшала ее истовую религиозность в общепринятом на Харх смысле. Напротив, разум Окайры довольно быстро выучился ловко сплести исконно северное суеверие с почитанием канонов жречества.

Жаль только, что каноны эти в последнее время слишком уж расширили свои нравственные границы...

Молитва прервалась. Окайра не успела даже закончить вступление, призванное обратить внимание Матери звезд на

отчаянно взывавшую к ней душу. Глубинный порыв – обязательное условие при обращении к высшим силам, – подобно высохшему роднику, иссяк. Вместе с ним исчезла и окрыленность, охватившая было монархиню в возвышенной обстановке молельни замка-горы. Только-только, казалось бы, снизошло на нее облегчение после тяжелого дня, обернувшегося и размолвкой с сыном, и обмороком, и зловещими видениями...

Говоря по правде, самым удручающим в этом дне были не принесенные им зловещения, а ясное до прозрачности понимание: *она это заслужила.*

А ведь вечер так хорошо начинался!..

В молельне веяло спокойствием и умиротворением: тихо горели свечи, на каменном полу были разложены подушки из малинового шелка (Окайра собственноручно расшила их плотной золоченой нитью), а с невысокого постамента взирала высеченная из черного мрамора Матерь звезд. Она была здесь не просто образцом скульптурного мастерства – весьма, надо признать, искусного, – а кое-чем гораздо большим. Изваяние, созданное лучшими мастерами Подгорья с учетом рисунков и пожеланий королевы, являлось отражением личных представлений Окайры об облике божества. И эта скульптура, пожалуй, лучше всех могла бы поведать о мировоззрении монархини. Да, именно эта безъязыкая мраморная фигура, «хозяйка» личной молельни королевы. На самом деле изначально предполагалось, что Матерь звезд зай-

мет почетное место в Святилище, украсив собой верхний ярус малого женского алтаря – у самого входа. Так задумывалось самой Окайрой. Да и Йанги определенно не имела ничего против «авторского» воплощения Матери звезд в камне: все рисунки и эскизы королевы были одобрены и не претерпели ни единой поправки от жреческой руки. Окайра радовалась. А что, у нее, вопреки высокому положению, не так уж часто возникали личные пожелания и прихоти!.. И это еще до появления на свет Бадирта. А уж после... Королева была неглупа и прекрасно понимала: «золотая рыбка», *выполняющая желания*, по ее душу больше не явится. Вот она и не взывала к ней понапрасну: что толку тешить себя сияющими побрякушками, платьями из вошедшей в моду цельнозолотной ткани да вычурной религиозной атрибутикой?.. Ничего из этого Окайра на себя даже не примеряла. И дело было не только в благочестивой скромности, которая повсюду сопровождала королеву невидимым ореолом. Главная причина – и о ней не догадывалась ни единая душа – была совершенно иной.

И простой, и мудреной одновременно.

Подлинная королева огненного острова Харх, супруга короля Каффа и дочь бывшего наместника Севера была глубоко убеждена, что *недостойна* того, что по праву предназначалось ей. Воздержанность, столь несвойственная женской натуре, была для Окайры искуплением. Возможно, она пыталась таким образом выровнять чаши духовных весов? Ес-

ли отказывать себе в мирских соблазнах, закрыв глаза на все привилегии опалового венца, и стать живым образцом скромности, то это хоть немного утяжелит чашу добродетели Окайры перед лицом богов?.. Эти вопросы постоянно вторгались в ее мысли, сны и молитвы.

С такой регулярностью, что уже стали ее частью. Окайра просыпалась, принимала пищу, молилась, общалась с подданными и обнимала своих детей, окруженная стайей незримых вопрошающих воронов. И когда они начинали клевать, королева не жаловалась и не роптала на судьбу.

Она знала – за что.

И тут – впервые за долгое время – жене Каффа захотелось чего-то для себя. Казалось бы, всего лишь скульптура, или, вернее сказать, бюст, Матери звезд.

Окайра желала изготовить его не в виде традиционного звездного тела – таковых в Святилище и замке-горе имелось великое множество, – а в обличии женщины-хархи. Фантазия весьма смелая, учитывающая строгость относительно божественных образов, испокон веков царящую на острове. Как бы то ни было, едва зародившееся желание мгновенно обратилось в мыслеобраз, а уж он – в связанную стопку восковых табличек с набросками. Нет, конечно, Окайра могла просто положиться на мастерство скульпторов. Достаточно ведь было лишь снабдить их подробным устным описанием своего видения, запастись терпением и ждать результата. Именно так обычно и поступали высокопоставленные

заказчики предметов искусства. Однако сложность состояла в том, что это был не просто *заказ*. Королева не могла отдать «свою» Матерь звезд на откуп воображению мастеров. Над нею неотступно властвовало убеждение, что, поступи она так, божество обидится и окончательно отведет от нее свой сияющий взор. Окайра понимала: раз она обрела столь навязчивую идею, то обращаться с ней стоит предельно бережно. И если Матерь звезд осудит ее за немислимую дерзость, то королева сможет рассчитывать на некоторое смягчение за свою искренность и чистосердечие...

Рассуждая так, монархиня скрупулезно – штрих за штрихом – передала податливому воску буковых табличек все подробности своего представления о лице Матери звезд. Белые, словно меловые, эскизы на глади темного воска красноречиво поведали о том, что, по мнению Окайры, божество обладало чертами лица коренной хархи. Что лицо это не отличалось ни пленительной красотой (в противоположность лицу той же Йанги), ни исключительной одухотворенностью, ни внушающей трепет властностью. Проще говоря, ровным счетом ничего от привычного «народного» образа высших сил, широко распространенного на огненной земле. Причем «широко» – это еще слабо сказано. Спроси хоть старца, хоть несмышленное дитя – и они в один голос ответят, что на табличках изображена самая что ни на есть обычная женщина-хархи. Средних лет, с широким лицом и несколько квадратным подбородком, с плотно сомкнутыми полными губа-

ми, узким разрезом полуприкрытых глаз, равномерной разметкой мимических морщин и убранными назад вьющимися волосами. Пальцы рук, грубоватые для женских, сложены треугольником и прижаты к губам.

Вот тебе и вся богиня – ни за что не отличишь от самой заурядной крестьянки.

Тем не менее в ней было кое-что еще. Эскизы об этом умалчивали, но изваяние, по задумке Окайры, должно было как бы выходить из многолучевой звезды – своей небесной ипостаси. И это была не просто дань прихотливой фантазии, а выражение еще одного глубоко сокровенного верования королевы. В переводе с языка ее интуитивно-образного мышления это звучало бы так: «Матерь звезд живет и находит свое воплощение в каждой женщине огненной земли». Из сияющего божественной недостижимостью небесного тела выходит не всемогущая богиня, а простая смертная. Более того, ее раба! Она, позабыв о себе, о собственных прихотях и капризах, отказавшись от уловок обольщения и кокетства, самозабвенно молится о счастье любимых и близких. Возможно, даже и врагов, тем самым сдерживая их жестокие замыслы – им же во благо. Каждая ее черта, каждая морщинка буквально дышит жертвенностью и смирением перед лицом собственной судьбы. Она одновременно вымаливает лучшей жизни для детей и покорно склоняет голову, принимая любую участь для себя...

Стоит лишь на мгновение заглянуть в глубины сердца

Окайры – и станет ясно: большего откровения в нем не найти. Это было и ее утешение, и *оправдание*, и вызов, и смирение. Ей нужен был этот лик. Именно такой. Чтобы открывать перед ним тайники своей души, делиться впечатлениями дня и усердно, истово молиться.

Молиться так, как она уже никогда не сможет в стенах Святилища, преследуемая надменным прищуром Йанги. Ибо именно при таких обстоятельствах вопрошающие вороны не только путали мысли и сбивали с «молитвенного сердцабиения», но и порой грозились выклевать глаза.

При всем при том прихожане, вытаращившиеся в Святилище на уже готовую скульптуру, вовсе не разделили тогда философии своей королевы. Что, дескать, за селянка взяла себе грех на душу, самовольно поселившись на священном звездном теле? Что она о себе возомнила?! Кто вообще выдумал такое окаянство? Смертные не достойны видеть лицо всемилостивой Матери звезд – возлюбленной самого Огненного бога! Ибо оно ну страсть как совершенно и красота его не по нашему хархскому скудному умишку! Узреть ее достоин токмо лишь Огненный – на то он и бог!

Ко всему прочему – совершенно неприличный цвет изваяния.

– Где это видано, чтобы лик *Светлейшей* Матери был высечен из *черного* мрамора?

– Кто посмел облечь нашу защитницу в траур?! – негодуяще вопрошали верующие друг у друга.

Да, в то злополучное утро всенародное вознесение молитвы на грядущий хлад Летучей мыши – начала зимнего сезона Харх – определенно не задалось. Святилище буквально кипело от неодобрительных взглядов и осуждающего шипения, плавно перерастающего в гул ропота. Благо бюст находился на безопасной высоте алтаря, иначе – голову на отсечение! – не выдержать бы ему праведного гнева толпы!..

Что ж, откровенно говоря, Окайра и не ожидала, что «ее» Мать будет принята подданными. А на то, что хоть кто-нибудь из них уразумеет истинное послание божества, и во все не надеялась. Ей было вполне достаточно, что скульптура хоть единожды «побывала» в главном островном Святилище, впитала в себя живительный дух хоровых молебнов и «познакомилась» с верховной жрицей и народом. Нет, разумеется, королева сознавала, что настоящей Матери звезд и без того все прекрасно видно с высоты ее небесного трона и что «сводить» ее с представителями ею же созданного мира – глупость несусветная, которая к тому же отдает душевным расстройством. «Но ведь «моя» Мать-хархи – она же совсем другая! – рассуждала, дивясь собственным мыслям, Окайра. – Раз уж она наделена нашими чертами, то, значит, и во всем остальном она такая же хархи, как и мы... И чем ближе она к нам – тем прочнее священные узы между мирским миром и вечностью! Между Матерью звезд и нами – ее детьми, за которых денно и ночью болит ее душа!..»

Потому-то Окайра остановила выбор на черной горной

породе, которая, вопреки подозрениям прихожан, не была «трауром» или иным выражением глубокой печали. Нет.

... Королева в задумчивости остановила взгляд на простом лице Матери-хархи. Лицо из гладкого черного мрамора, испещренное тонкими золотистыми прожилками, на удивление естественно проступало из центра каменной гексаграммы. Ее лучи плавно расходились симметричными волнистыми линиями так, что казались прядями волос. Вьющихся и непослушных, как у всех коренных хархи. В вечернем сумраке молельни, разбавленном лишь пятью огоньками свечей, они в самом деле казались блестящими угольно-черными локонами, которыми любовно играет налетевший с Вигари ветер... Словно Мать-хархи, следуя своей старой «земной» привычке, убрала волосы назад – именно так, как это выглядело на набросках Окайры, – но природная стихия внесла в ее прическу коррективы. Так или иначе, скульптура, затерянная в собственном духовном лабиринте, этого вовсе не замечала. И ей определенно не было дела до своего внешнего вида.

Как и Окайре. Они обе, погруженные в совершенно иные заботы, были слишком далеки от этой чепухи.

«Пожалуй, нужно вернуться к молитве», – решила королева. Слишком долго она отступала и откладывала. Пора наконец высказать божеству то, что не дает покоя уже почитай как тринадцать звездных циклов. Окайра, конечно, посыла-

ла об этом небу мольбы. Давно. В том-то и дело, что это были именно *мольбы* – несвязные, сумбурные, путаные. Всегда неизменно отчаянные... Теперь же пришло время осознанной молитвы, и надо прочесть ее по всем правилам, по всем канонам. Работа сложная, утомительная, словно кропотливая вышивка по изнанке собственной души. Она требовала предельной искренности и открытости, равно как и предельной внутренней собранности. Ведь речь шла не о пустяках или каких-нибудь обычных, «рутинных» обращениях к высшим силам, привязанным, скажем, к смене звездных фигур на небосклоне. Тут дело обстояло куда серьезней, а потому и подготовка нужна несравнимо ответственнее. Окайре предстояло вымолить милосердие и обеспечить небесное покровительство для своих детей. Она чувствовала: ей необходимо защитить их перед лицом духовной стези, на которую они оба встали в столь юном возрасте. Рувва – в стенах огбаха для светлых сестер, по зову собственного сердца, а Бадирт... Ох!.. Королеве действительно было непросто думать об этом, не испытывая ядовитых уколов вины.

Младший сын еще до рождения был предназначен Святилицу. Хотя какой тогда был выход?.. Иначе огненный остров лишился бы преемника опалового венца, а Кафф – долгожданного и единственного наследника...

Довольно! Окайра набрала в грудь побольше воздуха. Хватит оправданий! Это бесконечное самоедство за последние звездные циклы успело ей изрядно опротиветь!.. Она го-

товилась. Она выучила наизусть пять основных частей своего обращения к Матери-хархи – да, молитва будет предназначена именно ей, а не традиционным фигурам из Святилища – и мысленно расставила их на позиции. Расставила, словно будущее войско слов-защитников, призванное уберечь детей от жестокостей судьбы. Да, так она и планировала: вступление, вознесение почестей Матери звезд, исповедь о Бадирте, исповедь о Рувве и в завершение заклинательные трехстишия.

Пять усилий души. Пять духовных посланников. Или пять взводов ее, Окайры, войска под флагом короны из трех треугольников? Это уже было неважно – лишь бы укрыть свою плоть и кровь от последствий клятвы, данной когда-то Йанги в приступе отчаяния. Чтобы детям, не приведи Огненный, никогда не пришлось расплачиваться за решение матери...

Больше откладывать нельзя! Кто знает, чем закончится следующий обморок?

И вообще говоря, ни один оракул не в силах своевременно предостеречь от угроз завтрашнего дня. Они, вместе с порождающим их злом, творятся силами, неподвластными ни королям, ни огненной ярости легендарных воинов Харх. Это Окайра знала наверняка.

Королева сосредоточилась на лице Матери-хархи, так похожем на ее собственное, посильнее сжала обереги между ладонями, сплела пальцы в ритуальный знак и приготовилась к нелегкой духовной работе.

Последний глубокий вдох, словно перед прыжком, и можно начинать.

«О великая Матерь звезд...»

Фраза так и не была закончена. Ее оборвали шум шагов за спиной и движение воздуха, потушившее одну из пяти свечей. В молельне сделалось еще темнее, а лицо Матери-хархи еще больше слилось с хмарью вечерних сумерек. Воображение королевы, усиленное сакральной обстановкой, услужливо добавило необходимые детали: изваяние будто бы лишилось своего лица...

«Что это? – лихорадочно забегала глазами по молельне Окайра. – Очередной дурной знак? Или повторение утреннего обморока? Что дальше? Быть может, вся комната поплывет во мрак, а там уж и я вслед за ней?..»

О продолжении молитвы думать не приходилось. Вновь она погибла в зародыше, не успев распуститься цветом истинной веры в тиши молельни, укрытой от чужих глаз. «Как *те*, кто был до Бадирта...»

Боясь снова оказаться в удушливом плену беспамятства, королева, продолжая глубоко дышать, часто заморгала. Окружающая обстановка замелькала вспышками света, а нос остро защекотала струйка дыма, исторгнутая на прощанье фитилем потухшей свечи. И, кажется, монархиня была в молельне уже не одна... Она, не меняя коленопреклоненной позы, медленно обернулась.

Нет, Окайре определенно все это снилось...

– Вижу, что сознание вернулось к тебе, коль скоро ты уже ведешь задушевные беседы со своей *названной сестрой*, – резонно заметил Кафф, подходя ближе к супруге. Добродушия в его голосе чуть-чуть не хватило, чтобы смягчить снисходительно-насмешливую интонацию.

Впрочем, с отстраненной манерой общения мужа Окайра за последние созвездия волей-неволей успела свыкнуться. Как и с его легким, но ощутимым небрежением к ее набожности. Все это было не в новинку и уже давно перестало ранить. Что, в конце концов, такого, что муж шел к Огненному богу другой дорогой? Может, эта дорога для него – единственно возможная?..

Королеву встревожило иное.

Чтобы он, подлинный король Харх, решил вдруг лично посетить скромную молельню Окайры? К тому же в самый обычный день, не отмеченный каким-либо религиозным праздником? В голове мелькнула робкая мысль о том, что обеспокоенный супруг явился сюда в поисках нее самой, прослышав об утреннем инциденте. Мелькнула – и тотчас исчезла.

Тем не менее он явился. Кафф во всем своем величии стоял в сакральной обители жены, и это было еще более диковинно, чем если бы то же самое происходило в ее опочивальне.

Окайра окинула царственного супруга испытующим взглядом и вынесла неизменный вердикт: годы над ним не

властны. Да и властно ли вообще что-либо?.. В ее глазах супруг предстал все тем же молодым наследником опалового венца, вошедшим в Зал славы северных воинов, окруженный щеголеватой стражей, там, на милой сердцу родине за горной цепью Убракк. И хоть к тому моменту Игхор, ее отец, уже вынес не подлежащее обсуждению матримониальное решение, сердце юной Окайры затрепетало так, словно она готовилась вступить в нешуточную борьбу за внимание этого мужчины.

Вот он стоит посреди ее личного маленького оазиса, едва подсвечиваемый трепещущими на сквозняке свечами – безоружный, в своем повседневном льняном хитоне, на белоснежной ткани которого небрежно раскинулись волнистые пряди темных волос... По рельефным скулам скользят золотистые отсветы, подчеркивая бронзу кожи. Ох, как же раньше – десятки созвездий назад – эта мужественность волновала кровь Окайры!..

Но, увы, не теперь. «Видно, полдня провели с Явохом за своими *танцами с мечом*: лоб уже будто из меди отлит...» – устало отметила про себя королева, делая усилие, чтобы скрыть раздражение. Стоит признать, что его причина крылась вовсе не в недостатке мужниного внимания и заботы. Теперь. Так уж вышло, что с определенного момента Окайра больше не нуждалась в ней, обходясь собственными энергетическими ресурсами: молитвами, мантрическими трехстишиями, диалогами с Матерью звезд, неспешными философ-

скими рассуждениями. Все эти духовные утешения по иронии судьбы заменили ей супруга. И вот теперь уже *его* вторжение в сокровенный мир отзывалось маленьким внутренним бунтом, который легко гасился двумя-тремя глубокими вдохами и короткой мысленной мантрой.

Как бы ни складывались обстоятельства, за последние созвездия она действительно многому научилась. Ей пришлось.

– Благодарю за заботу, Ваше Величество. Силами Аннума я уже вполне сносно себя чувствую, – вовремя успела ответить супругу Окайра, придерживаясь самого учтливового тона.

Вот и прекрасно. Муж получил ответ на свой вопрос, пауза не успела стать неловкой – разве не успешно парировала она вызов?

– Надеюсь, что Матерь звезд услышит твои молитвы и ниспошлет тебе доброго здравия. – Кафф показал на изъявление из черного мрамора.

«Вечное это твоё *доброе здравие*... – вспыхнула про себя королева, не в силах побороть новую волну раздражения. – Вот уж правду народ молвит: ты не меняешься!.. Как начал повторять эту присказку за своим отцом в шестнадцать, так она к тебе намертво и приклеилась...» Однако все это было запрятано слишком глубоко, чтобы хоть изгибом брови отразиться на лице Окайры.

И вместо упрека слуха ее мужа коснулся вполне благопристойный ответ:

– Да взвемлет Светлейшая посланию твоему, мой господин, да вернет тебе троекратно благопожелание твое.

Королеве нравилось, как свободно и естественно она извлекала эти словесные аккорды. Ее невидимый щит, выплавленный из Семи наставлений, древних молебнов и жреческих учений, позволял отразить любое нападение извне. *Почти любое...*

Кафф улыбнулся одними губами. Уверенной походкой он пересек линию из вышитых малиновых подушек, на которых застал супругу, и подошел к тяжелому серебряному канделябру. Супруг Окайры со значительным видом оглядывался по сторонам, словно в аскетичной тесной молельне и впрямь было что изучать взглядом. «Чувствует себя здесь гостем», – с некоторым удовлетворением заключила Окайра. Незаметно кивнула сама себе: «И правильно».

– Окайра, ты, как всегда... – Кафф помедлил, подбирая слово, – деликатна.

«Не удивлена», – мысленно усмехнулась королева. Похоже, ей действительно начало доставлять удовольствие «считывать» внешнюю сторону поведения супруга. «Светские эпитеты всегда заменяли тебе истину, *мой господин*. И ты в этом ничем не лучше меня. Точно так же укрываешься ими от неудобств этого мира. Как и все короли, наверное...» Это обобщение помогло Окайре немного смягчить свой категоричный вывод. Как бы ни обращалась с ней судьба, королева никогда не славилась острым языком.

Что ж, «похвала» мужа прозвучала как утверждение, не требующее ни ответа, ни – подсказывала Окайре интуиция – даже благодарности. Ей оставалось лишь скромно опустить глаза и внимать.

Шестое чувство не подвело.

– Вчера мы оба были на совете. Помнишь слова Имита?

Да, какой-то частью сознания королева удерживала тревожную мысль о зловещем прорицании звездочета. Но, что уж скрывать, у нее был тяжелый день. Он принес с собой и размолвку с Бадиртом, и вызванную ею же немощь, и грубое вторжение в молитву... В ком эти злосчастия не заглушили бы эхо суеверных опасений? Спасибо заботливому супругу: он потрудился напомнить Окайре о пугающих рисунках звездочета. И королева была почти уверена в главной причине этого напоминания. Кафф наверняка воспользовался им для того, чтобы поскорей вернуть супругу к насущным вопросам острова.

Коротким кивком головы Окайра показала, что память ей пока не изменила и Его Величеству нет нужды утруждать себя пересказом речи Имита. Королева отлично понимала, что большего от нее сейчас не требуется. Она выскажется уже после того, как муж закончит с той частью своих измышлений, которыми вознамерился с нею поделиться. И выскажется именно о той части проблемы, о которой Кафф желает узнать ее мнение, – не больше и не меньше. Ей, подлинной королеве Харх, уж точно не пристало ахать и охать перед му-

жем, точно перепуганной суеверной курице.

Король удовлетворенно сложил свои большие загорелые ладони в знак того, что дальше речь пойдет как раз о том самом пророчестве. С тенью привычного недоверия покосившись на изваяние Матери-хархи, он продолжил:

– Скажу тебе, как моей подлинной и законной супруге, прямо: я опасаюсь.

Голос мужа приобрел знакомые – не из далекой ли юности? – доверительные нотки. А его сдержанность, обусловленная, конечно, *только лишь* религиозной обстановкой, вызвала у Окайры ассоциацию с исповедью. Только вот перед кем? К Матери-хархи он всегда относился как к безобидной жениной блажи. А вот к ней самой...

Так уж вышло, что теперь Окайра действительно не знала ответа на этот вопрос.

– Опасаюсь, что слухи уже поползли.

Будто бы опомнившись, Кафф попытался вернуть уверенно-звучную интонацию. Однако в его голосе не было ни мощи, ни властности. Голос будто бы вообще принадлежал не ему, а придворному шуту, осмелившемуся на пародию. Тем не менее Кафф, не отступаясь от задуманного, продолжил:

– Прошел всего лишь один день, а мне уже доложили о волнениях в народе. Кто их знает, быть может, слова о пророчестве как-то просочились за стены Грота заседаний. А может статья, хархи и сами что-то углядели...

Король в глубокой задумчивости перебирал пальцами по

своей мощной, золоченой от загара шее. Глядя сквозь узкие проемы окон – в сизую бесконечность вечернего неба, – он поведал:

– Я приказал на время оставить звездочета в замке-горе. Ему отведена собственная палата и все необходимое. С Ладони ночью открывается прекрасный вид на звезды – ничуть не хуже, чем в горах. Ты спросишь: зачем это все? Во-первых, я предвидел суеверные припадки среди населения. Ни для кого не секрет, где обитает Имит, а потому мне необходимо было обезопасить его от лишних беспокойств. К тому же в уединении и под охраной ему будет проще сосредоточиться на наблюдениях и избежать ошибок, которые могут стоить ему жизни, а опаловому венцу – репутации. Во-вторых, держа Имита рядом с собой, я смогу своевременно узнавать обо всех изменениях в строении Ящера. Это позволит вовремя предупредить население о возможных угрозах (или, напротив, возвестить о «ложной тревоге») и успеть с мерами защиты. Если речь идет только о засушливом Скарабее, то тут и опасаться особо нечего: мои гильдии и вверенные им рабочие силы подготовились на славу.

Окайре показалось, что муж обращается не столько к ней, сколько к кому-то невидимому, находящемуся за пределами молельни. А может, и вообще за пределами знакомого ей мира... Как будто он находился не тут – на расстоянии вытянутой руки, – а бесконечно далеко.

– Но! – В такт своему восклицанию он поместил перед

грудью клин из сложенных ладоней.

Окайра напряглась: верный признак, что сейчас должно прозвучать то, о чем супругу трудно говорить... Она незаметно сплела пальцы в ритуальный знак и направила ему мантрический посыл на стойкость духа. И – вот чудеса! – это помогло. Кафф заговорил свободно, не стесняясь делиться мыслями и тревогами с ней, своей странной, не от мира сего женой:

– Но что бы мы ни предприняли здесь, в замке, и как бы ни старались уберечь наш народ, всегда будет оставаться то, перед чем мы бессильны. – Он разомкнул клин ладоней и развел руками. – Я говорю о нас, о хархи – в самом плохом национальном смысле. Клубок слухов растет день ото дня. И – я знаю, и ты знаешь – они уже поползли по Подгорью. Я чувствую это, Окайра!..

Он что, взял ее руки в свои?.. Нет, это точно сон! Но, пожалуйста, Мать звезд, пусть он не заканчивается!..

Кафф, продолжая вглядываться в сумеречную звездную даль, сделал глубокий вдох. Черные глаза сосредоточенно сузились, широкие ноздри несколько раздулись, под тканью хитона расправилась мощная грудь и распрямились широкие плечи. Окайре он виделся хищным зверем – вожаком огромной дикой стаи. Он не безмятежно-самодовольно созерцает свои владения! Он прислушивается к обрывкам старинных песен, к отголоскам народных толков и пересудов, к эху едва различимого шепота, недобро шуршащего вокруг

ночных костров. Вместе с йодом Вигари он вдыхает в себя каждую искаженную временем легенду, весь цветастый хоровод домыслов и все до единого детские всхлипывания, вызванные видениями из незнакомых страшных снов. Да, он, *ее Кафф*, словно хищник, навис над собственным гнездом, готовый накрыть его телом!..

Окайра чуть не ахнула в искреннем изумлении: таким королева не видела мужа, пожалуй, никогда. Она замерла – не живее наблюдавшей за ними скульптуры, – держа свои руки в его ладонях и боясь нарушить негаданное волшебство неосторожным вздохом. Время остановилось... Какое, оказывается, благо – не возводить «высоконравственные» крепости, не отгораживаться ими от мирских событий и близких!.. «Надо просто жить – открыто и жертвенно! – с восторгом глядя на мужа, подумала Окайра. – Молитвы – это, безусловно, моя помощь семье и народу, но... – она еще раз украдкой посмотрела на Каффа, – что в них толку без тех, кто своей волей претворит их в жизнь?.. Недаром Огненный бог так ценит нашу силу, нашу внутреннюю ярость – благословение предков. Нужно делать то, что можешь, ради других – будь то шепот мольбы, или взмах клинка, или подавление собственной гордыни».

Одна истина следом за другой, словно распускающиеся цветы, торжественно венчали мысли Окайры. Всем своим существом она сплелась с душой мужа, а значит, с его ответственностью перед небом и народом, с переживаниями за

весь Харх и каждого его жителя. Когда теперь они вот так – рука в руке – стояли перед лицом мрачных пророчеств, устрашающих созвездий и смутной будущности, королева наконец ощутила себя почти счастливой. Она готова взять на себя тяжесть мужниной ноши, забрать его волнения и бессонницу.

В какой же момент венценосный супруг пожелал прервать их спонтанную идиллию? Как долго ладони Окайры грелись в чудотворном тепле его крепких рук? Королеве было сложно сказать: может, всего-то несколько золотых мгновений, а быть может, уже и утро не за горами... Она очнулась от звука его голоса и нехотя стряхнула лоскуты сиюминутного блаженства. Они тотчас рассыпались серым пеплом воспоминаний, и безразличное ко всему прошлое увлекло их в бездну забвения.

– Окайра, ты слушаешь меня? – словно откуда-то из-под воды донесся до нее знакомый требовательный возглас. Руки уже не ощущали благословенного тепла. Да и звездное небо успело завернуться от посторонних глаз в изорванный капюшон пыльно-серых облаков. – Окайра?!

Королева, словно оправдываясь за свои неуместные грезы, приложила треугольник из пальцев к груди: верное уравновешивающее средство. В подтверждение своего внимания она сказала:

– Разумеется, Ваше Величество. Мы вели беседу о слухах вокруг предзнаменования Имита, который ныне находится в

замке-горе.

О своих чувствах во время совместного созерцания ночного неба и истовом желании взять на себя духовный груз супруга королева сознательно умолчала. Кафф только что сделал первый шаг ей навстречу – впервые за долгие созвездия ледяной равнодушной учтивости. Не хватало сейчас нагородить религиозных словес вперемешку со слезливыми женскими сантиментами – и по собственной глупости все погубить! «Как тринадцать звездных оборотов назад...»

Кафф, даром что умелый дипломат, все же влил ложку дегтя в так хорошо завязавшуюся беседу:

– Да, слухи...

Повернувшись спиной к узким оконным проемам, король подошел к черной мраморной скульптуре. Задумчиво глядя на Мать-хархи, он наконец высказал свое тайное намерение:

– И, дабы не дать страхам укорениться, нам следует выпустить их наружу.

Пространное высказывание оставило в сердце королевы целую вереницу опасливых предположений и пугающих догадок. Вся эта гамма эмоций с точностью слепка отпечаталась на лице Окайры. «Выпустить наружу?.. О чем ты? Что ты хочешь предложить нашему честному, прямодушному народу, готовому уверовать в любое мало-мальски складное сказание?..»

Супруг избавил Окайру от необходимости формулиро-

вать вопрос. Ответив уверенным кивком на ее недоумевающий взгляд, он, словно выступая с речью на совете, сообщил:

– Это сделает Горидукух.

Королева смотрела на несказанно довольного собой мужа и с горечью понимала: он имел в виду не усердие коллективных молебнов и не удвоенные жертвоприношения ненасытному Скарабею. «Неужели...» – ахнула она про себя, на лбу ее обозначились глубокие морщины. Королева принялась беззвучно молиться, украдкой косясь на молчаливое изваяние: «О Мать-хархи, только не это!..»

Впрочем, с молитвами она, видимо, опоздала. Опять.

– В этот раз мы проведем наше ритуальное празднество не так, как всегда, – произнес Кафф. – Как ты помнишь, в этом звездном цикле мне посчастливилось переждать хлад на южных землях Чарья, а заодно навести порядки на восточно-степных границах вместе с наместником Сауггом, наследником Ахриба Медного Черепа.

Окайра окончательно поникла. Муж мог не продолжать. И не делать из нее темную затворницу, несведущую в государственных делах. Ей прекрасно было ведомо о цели того длительного путешествия на юг острова: как же прирожденный копыеносец Кафф мог упустить возможность «поиграть в войну» с восточными задирами, да еще и в компании своего молодого южного ставленника?.. Ускакал, прихватив несколько передовых отрядов военачальника Рагадира. А уж о моральном облике молодого наместника Саугга – этого но-

воявленного «регионального фаворита» Каффа и по совместительству царька полудикого Чарья – королева уже тоже давным-давно имела собственное мнение. «Неужто эпидемия грехов южан уже и до нас добралась...»

Дальнейшая речь короля – да, это уже была не доверительная беседа, а именно речь, твердая и императивная, – дала исчерпывающий ответ на сей вопрос.

– Вижу, что помнишь. Так вот, Саугг поделился со мной некоторыми... скажем так, *местными традициями*, связанными с Горидукхом. Вера южан допускает, что отвести множество напастей Скарабея можно не только задабривая его. Нет, разумеется, они чтят заветы древних: алтари исправно пополняются жертвами, в том числе и кровью добровольцев; из пирамидных святилищ денно и нощно раздаются молитвы. Но это не все. В ночь проводов Ящера южане стараются показать Скарабею, что они – потомки легендарных огненных воинов. Что они есть продолжение бесконечной цепи поколений, переживших его засуху и слепящие смерчи. То есть, – Кафф перевел взгляд с изваяния на побледневшую Окайру, – своими действиями они говорят Скарабею, что дань традициям предков – это одно, а их собственные желания, позывы и... безумства – совсем иное. Потому у них в Чарья повелось выпускать свои страсти на волю именно в ночь Горидукха: они не только жгут костры до небес, пекут пироги из дичи с красными ягодами и хором славословят богов...

– ...но и предаются коллективному грехопадению, подчеркивающему все эти благочестивые действия! – не выдержала королева. Крайнее возмущение придало ей смелости. Окайра даже не заметила, что вторглась в неприкосновенные воды монаршего монолога. – И ты, – условности, вроде «Ваше Величество», тоже полегли под натиском разбуженного гнева, – хочешь, чтобы наш народ таким вот средством отвадил от себя гнет Скарабея?! Стонами оргий? Видом бесстыдно обнаженных тел? Вкусом и соком плоти чужой жены?

Что и говорить, после всех событий того бесконечного дня у королевы осталось ничтожно мало сил. Она ощущала себя пустым сосудом, пересохшим ручьем в песках... Но если все же в ней осталось хоть что-то от ее духовной и женской силы, то сейчас она пошарит по закоулкам сознания и – во имя Матери звезд! – обрушит на Каффа! Даже если придется расплатиться новым обмороком или какой другой хворью...

Она будет готова уплатить столько, сколько потребует у нее небо в обмен на эту смелость!

Окайра сделала два шага навстречу супругу. Он вновь снисходительно ухмыльнулся, как бы говоря: что, дескать, от тебя можно было ожидать, *послушница* в короне! Монархиня расправила плечи. Дальше ей не пришлось прилагать усилий, ибо слова – грозные и ожесточенные – полились сами собой.

И в них, признаться, не было уже ничего ни от веры, ни

от любви.

– Тебе был знак, Кафф, – взметнула Окайра вверх правую ладонь – ни дать ни взять вещунья из-за северных гор.

Привычная ухмылка сползла с красивых губ короля. Нет, он не испугался. *Пока*. Его охватило любопытство и предвкушение необычного представления. Что ж, «публика» его получит, да только вряд ли останется довольна...

– Звезды древнее и мудрее нас, – тем же нравоучительным тоном изрекла Окайра, – будь мы хоть тысячу раз коронованы. – Да, она тоже будет делать из мужа олуха и невежду, напоминая ему, как и он ей, очевидные вещи! Почему бы и нет? Она, Окайра, всегда быстро училась и хорошо *усваивала уроки*. – И вот ты видишь, точнее, к тебе приходят и под нос суют предупреждение, которое звезды сочли нужным тебе оставить. Мы ничтожны, слабы и к тому же слепы – потому не ведаем, что именно несет в себе небесное послание! Но боги, сильные и всеведущие, прощают нам нашу дремучесть, говорят с нами на понятном нам языке. *Ящер мертв, Кафф!* Спроси любое несмышленное дитя: хороший это знак или дурной?! Пойди к Имиту, которого ты, словно придворного шута, теперь держишь при себе, и поинтересуйся его трактовкой. Или, может, ты думаешь, он ответит, что это – к мягкой погоде и полному штилю в островной жизни?! Нет, Кафф! Тысячу раз – нет! И тебе это доподлинно известно! С неба на тебя глядит не просто причудливый рисунок! Не случайное совпадение в расположении звездных тел!

Кажется, такая резкая перемена в поведении и интонации королевы возымела эффект. Но, увы, не совсем тот, на который она рассчитывала. Да, ей удалось завладеть вниманием супруга, в чем последнее время она была не особенно сильна, но вот обратить в свою веру – явно оказалось не во власти Окайры. Нет.

Тысячу раз – нет.

На лице Каффа отчетливо отражалась борьба любопытства, насмешки и удивления. Каждое слово, каждая фраза жены пробуждали к жизни то одну, то другую эмоцию.

Слабость разливалась по смертельно уставшему телу королевы, размывая песчаные замки словесных конструкций – единственного оружия против тронувшегося умом супруга. Окайра уже с трудом улавливала нить и подбирала нужные слова.

Она провалилась в крошечную пропасть, и над ней уже сошелся шов земляной трещины... Очень, кстати говоря, похоже на утреннее «затмение». Только тогда она была лишь беззащитной жертвой, а ныне... «Всемиловитая Матерь звезд, обними своим благодатным светом и укрой от напастей мира! Ибо, клянусь, я не хочу верить, что сейчас я выбрала этот греховный путь *сама!*.. Опять...»

– Ты видишь, – все-таки продолжала Окайра, – ты сам прекрасно видишь, что это – предупреждение! Мы все что-то делали неверно: ты, я, совет, гильдии, воины, купцы, ремесленники, крестьяне! И, быть может, даже наши великие

предки!.. Все мы грешны – до последнего юродивого! Боги нами недовольны: их гнев уже вычертил нам на небе свое послание. Да, солдаты твоей армии – образцовые потомки огненных воинов-хархи. – Как бы ненароком вплетя в свою речь эту притворную похвалу, королева слегка понизила голос. – Своей доблестью и мужеством они исправно поддерживают пламя священной ярости на зубцах короны Огненного бога. И, безусловно, наши жертвы, молитвы, обряды, искры ритуальных костров и курящиеся благовония святилищ – пусть и ничтожно, но воздают Матери звезд за ее безграничную милость. О да, мы бережно возвращаем в себе и в наших детях то, что делает нас хархи! От созвездия к созвездию мы заново вышиваем этот завещанный праотцами узор: закаляем тело и укрепляем дух, служа нашим богам.

Кафф вскинул бровь и согласно кивнул, разводя руками: так чего же, мол, им не хватает? То, однако, была лишь мимика, которую он, опытный политик, в любых обстоятельствах умел подчинить своим целям. А вот взгляд...

Взгляд – вот что может выдать истинные чувства. Аксиома, известная всем от мала до велика, и Кафф ее не учел: из глубины его угольно-черных глаз предательски сочилось смятение.

«Это я пробудила его к жизни! – не без удовольствия отметила Окайра. – Я, и только я, вытащила на поверхность затаенные страхи и опасения! Может, они-то и помогут отвести грядущие бедствия?..»

Что и говорить, королеве ничего другого не оставалось, как крепко ухватиться за страхи, вцепиться в гриву опасений да почаще огревать их кнутом. Вдруг это многоголовое чудище в конце концов одолеет греховные помыслы супруга и тем самым оградит их родной Харх от верной гибели?..

Ох и непросто обуздать столь ретивого скакуна, к тому же воображаемого! Особенно если учесть, что в сознании Окай-ру удерживало одно лишь внимание Каффа. И его глаза, блестящие влажными ониксами в игре свечных бликов...

Неужели они, эти глаза, ждали слов *от нее*? Когда вообще последний раз было подобное?.. Королева предпочла не тратить силы на праздные воспоминания и – если воля еще не окончательно покинула ее – вложить остатки сил в последний довод.

Эти муки, эта борьба, полная страдания и решимости... Такие близкие и знакомые. «Как тогда за Бадирта...» – полоснула непрощеная мысль.

Нет. Сейчас не время! Пробившись на поверхность, *эти* воспоминания непременно собьют ее с намеченного пути, запутают следы прозрения, по которым Кафф должен во что бы то ни стало добраться до истины! Дрожащей рукой Окай-ра резко отбросила тугую прядь волос со лба, словно отмахиваясь от незримого препятствия. Второй рукой оперлась о гранитный постамент. И, стараясь удерживать взгляд на бесстрастном мраморе скульптуры, начала давать свои ответы... Которых, собственно, никто и не спрашивал.

По крайней мере, вслух.

– А что, если все это – вовсе не то, чего хотят от нас высшие силы? Ты не задумывался? Быть может, мы все это делаем уже не для богов, а для себя?

Пальцы Окайры, вцепившиеся в холодный гладкий камень, побелели. Она говорила, но слышала себя будто откуда-то со стороны. «Так, как слышит, наверно, сейчас все это кощунство Матерь-хархи...»

– Мы привыкли жить *так*, мы выросли в свой миропорядок, подобно... – Взгляд остановился на покорно опущенных глазах изваяния. *Оно обреченно моргнуло?..* – Подобно статуям! Цветам из твоего каменного сада! Если ты вслушаешься в древние молитвы, Кафф, уверяю, ты откроешь много неожиданных истин. Боги не подвержены мирским страстям, но у них свои ожидания:

*...Ведомые дланью огненной, без клыков,
Но тысячекратно яростней,
Уподобились дети Харх священного
Своим пращурам хищным, царственным.
Да не согнутся под грозным игом, да меча не сложат
Ни пред братом, ни пред армией вражеской,
Но врастут корнями-памятью в землю не от руд багря-
ную.*

*Памятью той, словно жертвой омытые,
Да не станут они ни пахать, ни сеять:*

*Дань высокая праотцами уплачена,
С неба их души звездами рдеют!
Да воссияют они ослепительным светочем
Над головами сыновей недостойных —
И да будет к ним Огненный милостив,
Пусть Матерь звезд их от кары укроет,
Но коль клятву, в море утопшую...*

– Прекрати!!!

Лицо Каффа дышало ненавистью и страхом. И оно было совсем близко от лица королевы. Кажется, растворившись в стародавнем северном предании, она и не заметила, как муж успел подойти к ней...

Подойти так близко. И так опалиться гневом!..

Повинуясь окрику, она оборвала молитву и инстинктивно отшатнулась, хотя Кафф даже не занес руку для удара. Все, что он сделал, – это грубо схватил Окайру за плечо.

– Прекрати осквернять *мой* замок своей дремучей северной ересью! – проревел ей Кафф прямо в ухо.

Мир вновь пошатнулся. К расплывающимся очертаниям Матери-хархи теперь добавился гулкий звон. Он рос и крепчал, заполняя собой всю сущность Окайры.

«Хорошо... – уже не чувствуя мертвой хватки мужа на своем плече, подумала она, – что этот гул вобрал в себя все слова Каффа... Я не хочу их слышать...»

Правду говоря, королева не слышала уже и себя. Что ж,

так ей, пожалуй, было проще выкрикивать последние предупреждения и угрозы о последствиях «южного» Горидукха – не менее зловещие, чем очертания мертвого Ящера, заглядывавшего с почерневшего неба в окошко молельни.

Мрачному созвездию в ту ночь предстоял богатый пир. Оно так и искрилось на чернильных шелках дремлющего неба, словно тысячи пар золотисто-желтых хищных глаз. Созвездие будто бы искушало короля и королеву перейти очень тонкую грань, до которой оставалось полшага.

Или полслова?.. Этого с высоты своих небесных песчаных владений Ящер определить не мог.

Однако он вполне насытился и тем, как Окайра, прислонившись спиной к постаменту изваяния, непокорно прохрипела:

– Нет! Во имя Матери звезд, не прекращу! Прекратишь вести Харх к пропасти *ты*! А если нет, то Харх будет лучше без короля!

Что могло достойней увенчать пир мертвого Ящера? Ему, признаться, и без того было достаточно. Мертвые – они вообще не отличаются выдающимся аппетитом. Даже если речь идет об угощениях такого рода.

Но, воистину, только взгляните на десерт! Град черных осколков разбитого о стену изваяния Матери-хархи; искаженное вовсе не *огненной* яростью лицо подлинного короля; распахнутая дверь, едва не разможившая Эббиху его трясущуюся голову вместе с побагровевшим от удара ухом...

Ну кто же откажется от такого?!

Глава 18 Отступница

Младшая беспрестанно накручивала на палец растрепанную косицу мышинового цвета. Ну как косицу... Скорее тяжелый волокнистый жгут, вязанный-перевязанный такими морскими узлами, что их, пожалуй, не под силу распутать и бывалому матросу! Свободной рукой чернокнижница механически перебирала те немногие пряди, что покамест не были задействованы в мудреном плетении. Пара бессознательных движений пальцами – и на месте прямых нитей красовался очередной хитроумный клубок.

Красота, прямо скажем, сомнительная...

Но «старшие», как издавна именовала она двух других гурилий, уже успели вернуться в чащобное Убежище, а значит, не могли сделать ей какое-нибудь докучливое замечание. К тому же «красота» в сознании гурилий уже давным-давно приобрела весьма специфический смысл и обросла такими эстетическими диковинами, что бессмысленно мерить ее чужим аршином. Вдобавок отсутствие зрения. Тоже, знаете ли, не способствует созданию безупречного образа, опять же в *общепринятом* смысле. Но коли уж стричь всех под одну гребенку, то конечный счет будет явно не в пользу виги. Ну, тех простых смертных из Верхневодья, которые проживают (вернее сказать, *прозябают*) там свои короткие жизни. И это еще мягко сказано. Ибо гурилии совершенно искренне полагали, что слепы не они, а именно «верхние» обитатели Вига-

ри. А что, вообще-то все на это указывает. Мало того что видеть могут не дальше собственного носа – и прошлое, и будущее укрыто от них самой что ни на есть *слепой* пеленой, – так еще и сны к ним приходят абсолютно бестолковые! Живут (нет, все-таки именно прозябают!) себе на авось, уповая на милость сегодняшнего дня и мудрость своего драгоценного эо. Бродят на ощупь в потемках. Тьфу ты, аж смешно!

«И даже немного жалко...» – украдкой добавляла про себя Младшая.

Впрочем, в мире Расщелины не могло быть никаких «про себя»: любая мысль, тревога или мимолетная фантазия кого-то из чернокнижной троицы мгновенно становилась общим достоянием. Может, достоянием и несколько искаженным собственными измышлениями да привычками каждой, но никогда – утаенным.

Ах, как удачно вышло у Младшей с этой идеей ненадолго задержаться у гиблых марей! Здесь, на шершавом валуне напротив камышовой заросли, можно будет славно отдохнуть и спокойно все обдумать.

А главное – не стесняясь, дать наконец волю слезам... Но это позже. Слезы затуманят рассудок и все испортят. Да, они польются только после размышлений: это Младшая решила твердо.

Спокойно, однако, не значит уединенно. Ее мысли проворной рыбьей стайкой тотчас же долетят до старших... Ну и пусть себе летят! Зато эти две замшелые руины не испор-

тят ей неторопливые рассуждения своим скрипучим ворчаньем!.. Она, Младшая, все равно вернется к Убежищу не раньше вечера – когда окутывающая нижний мир мгла перекрасится из красноватого в густо-бордовый цвет. Глядишь, к тому моменту старшие уже и забудут о том, *что* она сейчас забросит в их общий мыслительный котел!.. Авось эти ингредиенты так переплетутся да смешаются там с раздумьями самих старших, что они – хоть бы так оно и вышло! – примут их за свои собственные!

«Ну ты и дуреха...» – отозвалось вдруг гулким эхом в левом ухе, да так, что Младшая едва не соскользнула со своего излюбленного валуна.

«Давай, повесели нас, как ты умеешь, *молчунья!*» – тут же ухнуло в правом.

Услышали... Или это лишь плод воображения? Гурилия в глубокой задумчивости намотала еще одну прядку – теперь уже на загнутый книзу желтый ноготь. «Какая, в общем-то, разница!» – заключила она.

С этим юным пилигримом – «Да! Теперь уже пилигримом! Искусство инициации не загубишь вековым изгнанием!» – выдалась поистине тяжкая ночь... Стоит лишь вспомнить, как он стонал, хрипел и сипел, лежа в углублении камня семпау! Да, материал воистину годный...

За двусмысленную шутку Младшая тотчас же поплатилась: в ушах раздался оглушительный хохот:

«Уххуххуу-ххеее-кхеее!» – выводили нараспев старшие.

Или никто вовсе и не смеялся? Может, это опять – внутренний голос?.. Вросший глубоко в другие голоса и переплетенный с ними крепче скрученных в косице пеньковых узлов... Да что там вросший!.. На уровне сознания они, три изгнанницы верхних вод, были единым целым уже не первую световеху. Какая тут, казалось бы, индивидуальность?

Но все же совершенно новая и даже немного пугающая *непохожесть*, кажется, затеплилась в самых глубинах «зрения» Младшей. И другим это было покамест невдомек... Младшая старалась удерживать мысли, силилась не облекать их в форму ни переживаний, ни рассуждений, дабы они не сделались достоянием общего разума. Это было непросто, но она старалась. Игра стоила свеч. И она, Младшая, ни за что не откроет эту *непохожесть* сестрицам, покуда сама обстоятельно с нею не разберется! Ведь это было так ново, так необычно и увлекательно – временами слышать и *другие* голоса, отличные от знакомого скрипа мыслительных шестеренок старших!.. Те голоса были совсем иные: звонкие, певучие и полные жизни! Эх, кабы до нее долетали не отдельные бессвязные обрывки их далеких песен, а хотя бы целые слова... Тогда она, глядишь, и сложила бы их, словно кусочки рассыпавшейся от времени фрески, в худо-бедно складное приглашение!.. Это ведь было именно оно – уж здесь-то нет никаких сомнений! Может быть, следует дожидаться, когда старшие уснут: они ведь редко, но выпускают из рук клубок перепутанных общих мыслей и предаются дреме. Да,

вот тогда Младшая могла бы преспокойно открыть для себя суть приглашения.

Мечты, мечты... Старшие не спали уже очень давно – пожалуй, даже слишком. «Что, если они тоже слышат что-то?..» – временами осторожно спрашивала себя Младшая. И едва касалась самого краешка крамольной мысли: «Вдруг они не спят, чтобы открыть *свои* приглашения?! Или просто боятся?.. Прошлый наш общий сон закончился так ужасно: бряцанье клинков, огонь, снег из пепла, выжженные леса, червонное море, острые клыки и – о, это самое худшее! – изумрудная пыль. Или клыки все-таки хуже?..»

Уж конечно, «старшие» тогда сошлись на том, что клыки – гораздо большее зло для Верхневодья. Довольно дико было наблюдать, как они едва не ликовали, признав эти заостренные книзу черные копыя. Долго-долго эти двое, проснувшись, со слезами умиления обсуждали, что-де багровый слой клыков облупился и наружу проступил черный – родной. И неспроста: так ведь и было задумано! «Не зря, – радостно потирали они руки, – мы приделали тогда им второй слой зубьев из обломков потухшего кровавого вулкана! Как знали! Вон какие клыки под вулканической «броней» вымахали! Они еще защелкают над головами тех, кто допустил их возвращение! Судьба потомкам испить полную чашу за ошибки пращуров! О да, мы знали, что так все и обернется, властительный хранитель Одраэ! Где ты теперь? Быть может, твой наследник Ингэ все исправит? Охх-ххо-кхоо! Что-

то мы сомневаемся! Скорее искупит твою вину перед нами, да и всем миром заодно: большего с него и требовать грешно! Нет, вы видели, как заострились их клыки?.. А что самое приятное – тугров стало больше! Все было не зря!»

Младшая, несмотря на свой легкий и даже игривый нрав, понимала: то был лишь опьяняющий взрыв радости после долгой разлуки и мучительного терзания неведеньем. Все это их «как знали!» – не от желчного злорадства. Мрачные пророчества – не из рвения поскорее их воплотить. Да, старшие иной раз грозили своими скрюченными пальцами миру, что лежал за пределами Расщелины. Грозили, но не более.

«Нельзя винить их только лишь за то, что они не сдержали материнских чувств, увидев своих подросших *подкидышей*», – резонно заключила про себя Младшая, все еще дрожа тонкой водорослевой ленточкой под проворными пальцами холодного подводного течения. Слишком реалистичный, красочный и изнурительный был сон. Из тех, что глубоко – клыками?! – впиваются в душу и неохотно отпускают свою добычу с приходом утренней зари.

Старшие, однако, слишком увлеклись ностальгией и обменом впечатлениями о выросших туграх. Сочли ли они увиденное именно сном? Вначале было непонятно.

Младшая сама не знала этого наверняка. Может вообще статья, что они вдруг с помощью чьей-то могущественной воли перевернули страницы истории и – во сне ли, наяву ли – заглянули в будущее Сферы...

Чем дальше, тем сильнее укоренялась эта мысль в сознании Младшей, и она старалась оберегать ее как могла. Сестры же не больно интересовались ее мнением: порадовались долгожданной встрече со своими ненаглядными подкидышами, повосторгались их возмужанием – да и поутихли. Сколь странным это ни показалось Младшей, она приписала ритуальное молчание белым пятнам, раскиданным по «сновидению». Она знала: одной веры здесь недостаточно («Мы ведь не хархи какие-нибудь!»). Нужно *смотреть* глубже. Прогрызать своим ясновидческим оком непрозрачную ткань мироздания. Искать первопричины, доскребаться до самого ядра минувших событий, отделять зерна от плевел, нещадно выпалывать сорняки собственных чувств, мешающих видеть объективно и трезво!.. И во что бы то ни стало нужно «отреставрировать старую фреску» и заполнить белые пятна. Потому-то Младшая и надеялась на те певучие далекие голоса: что, если они и есть те самые отломанные кусочки раскрашенной штукатурки?..

Что, если в их «приглашении» зашифрованы ответы или хотя бы наводящие на верную мысль подсказки?

Хоть бы старших поскорее сморил сон! Ведь сегодня они уплатили оброк, выжав из самого своего естества несколько живительных капель и вкрапив их в тело пилигрима. Теперь он сможет дышать на суше. Сушая глупость, конечно! Детские игрушки! Из всего многообразия доступных гурилиям искусств недаленовидные вига выбрали себе именно

это, наивно полагая, что увенчали свою хваленую цивилизацию драгоценным даром... Якобы способность научить их дышать и отправить на Харх – и есть самое дорогое, что жители верхних вод могли выжать из изгнанниц... Да и пускай! Лишь бы в этот раз обрядных хлопот хватило на то, чтобы хорошенько утомить старших. Пусть себе поспят да полюбуются своими приемами на здоровье. Младшая не будет им ни мешать, ни требовательно вопрошать о новых видениях по пробуждении. Зачем? Все равно эти сны пока сырые, лишенные прозрачности святой истины. И полные лишних страстей, отвлекающих от сути. «Одна от них польза все же есть, – скрытно ухмыльнулась Младшая, изрядно поднаторевшая в «мыслительном шепоте». – Они могут подарить мне время, свободное от чужого вмешательства в мои раздумья и догадки».

О, Младшая употребила бы это время с умом! Сколько всего предстояло ей перемолоть когда-то светлым, а теперь начисто проржавевшим от времени и бесцеремонных интервенций разумом... Как ей хотелось хоть ненадолго окунуться в его не замутненную чужими течениями пучину и отправиться на поиски ответов – ответов, могущих все исправить. Способных всех спасти...

Или уничтожить. Это очень зависит от того, чем же заполнится «фреска» и какими красками будут расцветены белые пятна...

...У гиблых марей вечерело. Сумрак, глухой и плотный, словно безразмерная монашеская ряса, властно окутывал подводный мир. И Расщелине – затерянному островку на краю этого мира – не под силу было укрыться от его объятий. Темнота постепенно скрадывала и без того весьма условную границу между привычной морской толщей и заболоченным лесом. Красноватые отсветы тускнели, они будто растворялись в молочно-белесых тенях, что с приходом ночи начинала отбрасывать чахлая подводная растительность. Эти отражения, стелющиеся по мшистому дну и хвощовым порослям, были похожи на одинокие призраки, бесприютно бродящие по маревой пустоши.

Вот и она, Младшая, со стороны не очень-то от них отличалась в своем грязно-пудровом убранстве с дочерна изгвазданным подолом. Одна из перевязанных веток, служивших ей корсетом, поломалась и теперь больно упиралась острым концом в ребра изгнанницы. По впалой щеке перебирал тонкими лапками паук-серебрянка. Подводное членистоногое уже нацелило острый коготок на легкую добычу. Даже замерло, предвкушая трапезу.

Нет, паук не замер. Одеревенел с головы до кончиков щетинистых ног, чтобы вскоре рухнуть мертвой щепкой в вязкую топь мари. Ему, можно сказать, повезло: не успел даже дотронуться до кожи Младшей. Иначе чавкающая трясина поглотила бы лишь жалкую струйку черной пыли. «И поделом», – мстительно подумала Младшая, хоть инцидент и

развернулся далеко за порогом ее восприятия. Не хватало тут еще *других* мелких паразитов, жаждущих разжиться их, гурилий, жизненными соками! К таким мелочам, вроде избавления от надоедливых подводных обитателей, она вообще не прилагала усилий: просто позволяла своему телу (и сокрытым в его панцире дарах) самому позаботиться о своей хозяйке. Очень, надо сказать, полезное умение! Ведь сил, «внутреннего нектара» и остатков бывшего чародейского могущества прошлой ночью было и так потрачено с лихвой. Оброк уплачен сполна, долг на время списан. Кристальная чистота совести должна была хоть немного наполнить опустевшие энергетические сосуды...

А вот поди ж ты, не наполняла!..

По правде говоря, новая встреча с обитателями Верхневодья в лице купеческой троицы порядочно встряхнула Младшую. Испытали ли то же самое остальные изгнанницы? Или пророческие иллюзии не оставили в их головах места ни для чего другого? Она пока не знала. Чернокнижница старалась покамест не влезать в клубок общих мыслей, по крайней мере не запутываться в нем с головой, дабы вызволить оттуда хоть немного своего личного. Собственного то есть, а не сестринского отношения к случившемуся минувшей ночью.

И не только.

Скрючившись в три погибели на своем излюбленном валуне, закутанная в мантию ночной мглы, Младшая могла позволить себе роскошь хотя бы *представить*, что находит-

ся в блаженном уединении. Она обмотала голову своей косматой косицей и, словно повязкой, прикрыла ею невидящие глаза. Так гораздо лучше. Она здесь совершенно одна в подводной болотной глуши – невидимая и недосягаемая. Она слилась с поглотившим мир сумраком, переплелась ступнями с корнями черных ив, срослась спиной со старым мшистым валуном. «Блаженство!..» Да и насмешливое эхо, говорящее в голове голосами Старшей и Средней, вроде бы потухло, ухнув куда-то вниз – очень глубоко... Неужто сестер в самом деле сморил сон? «Даже коли так, все равно нужно быть осторожной», – строго напомнила себе изгнанница.

И в высшей степени *осторожно*, едва позволяя себе эти размышления, она поплыла по реке собственных мыслей. По самой кромке этой реки. Ибо, если старшие ненароком заметят, ей нужно будет успеть вовремя вынырнуть, да еще скрутить все свои соображения в общий моток.

Юноша-то оказался способным малым. Уж всяко внимательней своих предшественников. И определенно выносиливей своего отца. «И все же, – раскачиваясь на скользком валуне, корила себя Младшая, – совершенно точно не стоило посвящать его в наше сновидение... во всех его подробностях. Как ни талантлив он, а все же – обычный виг. Купец к тому же», – презрительно хмыкнула чернокнижница, скривив губы. Пронизывающие холодные течения давно сделали их из коричневых аспидно-синими. Младшей, впро-

чем, не было до этого дела. Возможные ошибки и необдуманные интуитивные действия, которые могут впоследствии очень дорого стоить, – вот что ее на самом деле беспокоило. Нет, оправдание этих ошибок, разумеется, было – одно-единственное, хрупкое и уязвимое. словно наспех сколоченная броня, оно пусть и ненадежно, но все же отчасти укрывало Младшую от беспощадных ударов совести.

«Увидел же он наше предупреждение!» То, которое Старшая со Средней, едва оправившись от «пророческого» сновидения, в сердцах сплели из корней деревьев щелгун. «Война», – словно злорадное откровение, нацарапали они корневыми завитками на самых подступах к Расщелине... Ох, надо, надо было их остановить, когда, закончив с ностальгией и восторгами насчет подросших приемышей, они принялись чертить когтями мизинцев по невидимому водному холсту!.. Сказать... Но как?! Во-первых, зародилась бы совершенно не нужная Младшей подозрительность: чего это, дескать, она противится? Во-вторых, тогда, глядишь, пришлось бы раньше времени раскрыть карты, рассказать про *другие* голоса с их «приглашением», а этого Младшей страсть как не хотелось! Нутром она прекрасно понимала, что такого-то «шила» в мешке точно не утаишь, но инстинкт властно требовал идти до последнего. Вот и закрыла она волей-неволей глаза на порыв старших. Да еще и притворялась, что с ними заодно! Эх, кабы можно было действовать самостоятельно, отделив нити своих помыслов от этого общего веретена!..

Она бы тогда ни за что не стала торопиться с пылкими угрозами, отдающими, на ее вкус, дешевым ярмарочным фокусом. Разве можно по одному-единственному сну, которому они сами-то еще не нашли толкового объяснения, столь категорично предсказывать будущее для всей Сферы?! Чем тогда, скажите на милость, это прорицание отличается от гадания по мякишу травяного хлеба, которое, как ни странно, все еще практикуется по окраинам Восточного водораздолья? Да, быть может, старшие просто-напросто истосковались по своим туграм – вот те и явились им во сне. И предстали, в угоду подсознанию, в самом что ни на есть хищном, свирепом виде...

Ладно! Черт с ними! Захотели позабавиться и раньше времени навести ужас на пилигримов – пускай! Что сделано, то сделано. *Любопытно, конечно, что им скажут на это Пастухи миров, но тут уж и отвечать за содеянное только им двоим...* Но дальше-то что пошло, куда все понеслось – одним этим Пастухам, видать, и известно! И тут, ясное дело, не обошлось без самого этого юнца, Елуама то бишь.

Младшая беспокойно поскребла когтями правой руки затылок. В результате из косицы выбилось еще несколько пепельных косм. Соленая вода охотно подхватила их и принялась легонько трепать в такт низинным протокам. «Вот кто тебя дернул прочесть послание?.. – вопрошала изгнанница, обращаясь мысленно к Елуаму. – И не только прочесть, но еще и не поделиться полученным знанием со спутниками, а

припрятать их поглубже за пазуху!» И, словно оправдываясь за старших, поневоле добавила: «Как же им было не принять тебя за Обещанного?..» В размышления мгновенно встряла убаюканная было совесть. А можно ли вообще оправдать тот груз, что эти две развалины взгромозили на юного пилигрима? Можно ли, не разобравшись, раздавать новые роли и вершить древние пророчества?

Что ж, можно ли, нельзя ли, а сделанного не воротишь: чернокнижницы осуществили свою прихоть.

И она, Младшая, вновь не вмешалась. Ну, в смысле, по-настоящему. Жалкие попытки воззвать к разуму старших не в счет. И ведь подобное не впервые: точно так же она, Младшая, не вмешивалась в эти их игры с морскими монахами. Правда, теперь, по сравнению с инициацией Елуама, они казались ей невинными детскими шалостями. Ну, проказничали сестры, время от времени наводя на морских обитателей один-другой морок – в виде прямоходящей рыбины с головой вига, остриженной на монашеский манер... И да, есть грешок – несколько раз эти призраки попадались на глаза не только рыбам с медузами. Но это уже, заметьте, происходило по воле самих «монахов»: ведь самая малость ее, этой воли, у них все же осталась. Так всегда с любыми «выколдованными» особями. В их существовании обязательно сохранится частица самостоятельности – пусть и самая ничтожная. Крошечное зерно личной воли, неподвластное даже создателю сей особи. Вот они, «монахи», порой и изъясляют свою во-

лю: к примеру, сами выбирают, перед чьим взором им на сей раз предстать. Тем паче что эти вига вроде как повадились привозить себе с огненной земли какие-то новые порошки и семена. Говорят, они исцеляют ну буквально от любых недугов. Неужто с таким-то арсеналом Верхневодье станет бояться слабеньких бестелесных духов, вознамерившихся познакомиться, что называется, поближе?

Да и в любом случае, все это «самоуправление» морских монахов можно пресечь вмиг одним лишь мысленным приказом. Но, по правде говоря, им, изгнанницам, зачастую было откровенно лень выплывать из глубин своих дум на такую примитивную мель и копошиться там среди ее обитателей...

«Так что безобидные эксперименты с подводными призраками ни в какое сравнение не шли с нашими действиями над Елуамом, – сокрушенно заключила Младшая. – К тому же старшие все равно рано или поздно завели бы себе новых питомцев – вместо приемышей. И пускай уж лучше это будут «монахи», чем то, что сестры давеча задумывали...» – согласно закивала она сама себе.

Поначалу все шло вполне сносно. Признаться, даже у нее где-то очень глубоко шевельнулась робкая надежда, что юноша и есть Обещанный... Шевельнуться-то шевельнулась, да Младшая была не из тех, кому можно было вот так легко вскружить голову! Мало ли что там могло привидеться на фоне безбрежного одиночества, которым день за днем обволакивала ее Расщелина... Ну да, юнец сам, без посторонней

помощи углядел их послание, мастерски вплетенное в корневую вязь, еще и не преминул *укрыть* его от своих собратьев. Он сделал это намеренно и сознательно, как и положено Обещанному, или по наитию?

«Вот бы узнать!..»

Старшие сразу смекнули, что медлить не стоит. С какой-то стороны их тоже можно понять. Пастухи миров ведь тогда совершенно определенно очертили границу конца эпохи Расщелины и недвусмысленно указали на приметы возрождения могущества гурилий.

«Видения как наяву, явление Обещанного, война, воссоединение...» – одними губами прошелестела Младшая. Они, правда, ничего не упомянули о роли изгнанниц в этой самой войне. Что им предстоит: встать на чью-то сторону или же на стражу собственной твердыни? Так или иначе, при одном виде Елуама и того, как легко он вместил в себя их мрачное предначертание, у старших не осталось сомнений.

Во всяком случае, на его счет.

«Он! Он! Обещанный!» – так и струилось их ликование по заржавевшему стержню веретена общих мыслей. А вместе с ним – Младшая чувствовала это всем своим нутром – росла и крепла торжествующая уверенность сестер в том, что их сновидение о войне, о кровавом море и туграх все же было вещим. Упоение старших было уже не тем умильным восторгом – смесью полуматеринских чувств и растревоженной ностальгии, – что вызвали у них сновидческие образы

приемышей. О нет! Теперь эмоции сестер стали властными, мятежными и неукротимыми, словно вырвавшийся наружу дикий зверь. Упоение будто бы восстало из самой сердцевины веретена и оплело собой все прочие чувства и помыслы изгнанниц. На миг им даже показалось, что они *уже* обретают себя заново и никто в целом мире не сможет им в этом помешать. Неистовые, обжигающие нити ликования опутали Младшую с ног до головы, вмиг превратив ее саму в беспомощную куколку. Изгнанница с ужасом понимала, что ее как бы уже и вовсе нет: она насквозь пропитана *чужим* восторгом, *чужими* иллюзиями.

Чужими жизнями.

Слабенькое, едва угадываемое воспоминание о том, что когда-то она, Младшая, жила собственной жизнью, было тотчас же грубо задушено. Ему не суждено было обозначить себя в мощном хоре сестринских мыслей хотя бы робким намеком.

Пока они молчаливой процессией продирались сквозь чащобу подводного роголистника, облепленного клочковатыми черными хлопьями, чернокнижница исподтишка следила и за старшими, и за пришлыми. Она нарочно пристроилась в хвосте их небольшого шествия, дабы иметь хоть какой-то обзор и заодно поменьше попадаться всем на глаза. И зачем она только вырядилась в этот пудровый бархат и битый светосаг возилась с корсетом? Теперь все это декадентское убранство

плачевно волочилось вслед за ней по ковру из грязного ила и ошметков черного увядшего «снега», что умудрялся долетать сюда с высот Верхневодья. С некоторым не делающим ей чести удовлетворением Младшая отметила, что ивовый полумесяц на голове Средней тоже не добавляет ей удобства в перемещении по травным зарослям: с его концов уже траурно свисают перегнившие лохмотья круах, а раздражение сестрицы нет-нет да проскальзывает по веретену. А что? Тогда Младшая вполне могла позволить себе подобное ехидство, не боясь быть услышанной. Так и вышло: перегруженное веретено пропустило ее замечание «мимо ушей».

«Куда уж мне достучаться до вас! – скептически наклонила голову гурилия. В тревожных ситуациях сарказм окрашивал собой все ее изречения. – У вас тут, видать, серьезные планы – вершить судьбы Сферы! И наши заодно...»

Разумеется, никто ей не ответил. Ибо пришлые не умели общаться мыслями – тем же лучше для них! – а до старших сейчас просто не докричишься. И скорее они сами заглушат любой твой ментальный возглас... Уж это-то Младшая знала наверняка.

Что до будущего пилигрима («Обещанного», – непременно поправили бы старшие, коли были бы в себе), тот был спокоен и внутренне безмолвен. Исхитрившись, Младшая все же на мгновение вырвалась из своего «кокона» и, едва не скрипя зубами от напряжения, дотянулась до сознания юноши. Как удачно, что старшие не копаются в его недрах! В

тот момент сестры как раз глубоко ушли в собственный абстрактный диалог, состоящий преимущественно из обмена восторгami и разжигания друг в друге томительного предвкушения. Юнец, насколько сумела узреть Младшая, уже был инициирован. В определенном смысле, конечно. Он доверху был наполнен страхом, перемолотым собственной волей: это Младшая определила по тонким ядовитым ключьям – они уже были обезврежены. Это, однако, не помешало им намертво врасти в тело и дух Елуама. Да, он определенно вначале боялся. Но только вначале! Кто-то близкий – и очень похоже, что близкий по крови – настойчиво внушал ему эти страхи. «И с каким упорством!..» – чуть ахнула от удивления Младшая. Затем – новый опыт, опасное путешествие, преодоление... Получается, все эти события и стали ему противоядием от тревог. И оно, надо признать, круто изменило его. Сделало сильней. Он уже не походил на купца-пилигрима. Скорей – на клинок, только-только вынутый из чана с ледяной водой, закаленный и пружинистый, готовый пройти проверку на прочность.

«Юнец стал не торговцем, но воином...»

Нет! Нет! И еще раз нет! Нельзя поддаваться соблазнам, что таит в себе способность *видеть*! Младшая зажмурилась, прогоняя заманчивые образы. Она не пойдет на зов их дудочки! «Я, по крайней мере, не должна уподобляться старшим...»

Тем более что роль Обещанного совершенно иная. Слова

Пастухов до сих пор отзывались набатом в пустотах памяти Младшей: «У Обещанного множество лиц. Он – вестник. Он – посланник. Он – гонец. Он – мост между водой и огнем. Он – указующий перст».

Но он точно не воин! И ни в коем случае не должен им стать! Ибо тогда мир действительно рухнет, *не снеся сам своих различий*, как поется в балладе-пророчестве древних.

Как уже однажды случилось.

Впервые за всю свою бытность изгнанницы, Младшая исполнилась искреннего негодования на их с сестрами физическую слепоту. Впервые с тех пор, как хранитель Одраэ лишил их зрения, она почувствовала, каково это – по-настоящему блуждать в потемках и принимать одно за другое. Что и говорить, она сама ведь едва не польстилась на искаженные приметы лже-Обещанного... Сама была готова подтасовать карты в их, гурилий, пользу, чтобы потом презрительно швырнуть их в лицо нынешнему хранителю и наконец вернуть себе *былое!* Столько лет влачить жалкое существование на задворках Вига в телах немощных образин, окопавшихся в морском подземелье!.. «Покажите мне того, кто не искусился бы примерить этот ключ к заветной скважине? – вопрошала Младшая смыкающееся над ней травяное густолесье. – Тем более если дверь приведет к нашему выстрадавшему возрождению...»

Так, стало быть, какое право она имеет винить старших? *Они – всего лишь слепые старухи.*

И все же Младшая не удержалась. Ибо была уверена: нужно хотя бы попытаться вразумить двух изгнанниц, очарованных своей иллюзией. Да так, чтобы могущий разразиться из-за этого спор ни в коем случае не стал достоянием пришлых. Никто – ни единая душа на всей Сфере – и краем уха не должен слышать ни о каких Обещанных, пророчествах и возрождениях! Что-что, а уж это Пастухи им в свое время дали понять.

Окажется ли усмирен голос совести Младшей тем оправданием, что она действительно пыталась? Весьма притом настойчиво. А как, позвольте, еще можно было действовать, если ускользающее из пальцев время и стремительно редеющая чащоба отчаянно работали против нее?!

Собрав волю в кулак, она произвела энергичный ментальный пасс, целясь в набухшее от восторгов веретено. «Он – не Обещанный! – с надрывом кричала она в никуда. – Слышите?! Время еще не пришло! Это ошибка!»

Все без толку. Ее посылы, слишком слабые, звонко отскакивали от веретена, не в силах сплестись с ним.

Тогда Младшая пошла на риск. С каким-то ярим полубезумным отчаянием она принялась набрасывать на веретено нити своих признаний, которыми, откровенно говоря, изначально вовсе не была намерена делиться. Она понимала: нужно любой ценой привлечь их внимание – и сделать это за спиной у пришлых. Это ее долг – и Младшая его оплатит. А потом... Потом пусть сколько угодно обвиняют ее в отре-

чении от пророчества Пастухов! Да хоть в потере рассудка! Лишь бы отвлеклись от пьянящего ликования и от намерения поскорее приступить к инициации «Обещанного».

Обряд, к слову, должен был стать совершенно особым. Обещанный – это ведь не очередной купеческий пилигрим, коих они со старшими уже немало слепили за свой долгий и мучительный век. С ним все должно быть иначе. Вместе с даром дыхания на суше посланнику надлежит вручить его «весть», которую он вначале глубоко осознает сам, а затем доставит на огненную землю... Но верить столь ценную криптограмму можно только истинному Обещанному, сотканному мирозданием для этой исторической роли – роли, что предопределяет будущность всей Сферы. «И стряхнет пыль с архивов прошлого... – добавила про себя Младшая. – Эти двое, чай, уже строят мысленный план, как бы получше да подходчивей всучить несчастному «чужое письмо»!..»

И тут ей сделалось по-настоящему жутко. А что, если вот прямо здесь и сейчас – в эти ничтожные мгновения – и вершится то будущее, о котором они, точно три няньки, так заботливо пекутся?! Что, если недостаточная убедительность ее, Младшей, попыток достучаться до сестер-гурилий будет стоить Сфере мирного существования? У нее закружилась голова, а вдыхаемые струи соленой воды будто намертво застряли в наспинных плавниках, не желая превращаться в кислородные пузырьки. На какое-то мгновение ей показалось, что она выросла до размеров десятка Сфер и теперь

играючи перекатывает их мир в своей исполинской ладони. Сфера – крошечная мерцающая бусина – опасно балансирует и того и гляди соскользнет в бездонную глотку черного космоса. А Пастухи, вшестером пристроившись на ее бугристых плечах, во весь голос смеются над неуклюжестью младшей сестры нижней границы миров...

И делают ставки.

Подводное густолесье успело расступиться перед небольшой процессией, а значит, до гиблых марей рукой подать. Остается преодолеть широкую полосу валежника, выложенную гниющими стволами и сучьями черных ив – и, считай, прибыли. Мутноватая водица недвусмысленно намекала на потревоженные губки ползучего древесного мха: торопливые ноги заставляли их взметаться вверх грязно-коричневым фейерверком. Впереди, сквозь пелену вечернего сумрака, просматривались всполохи хоровода белесых теней. Сердце Младшей зашло тонкой вибрирующей струной: «Почти пришли». Ибо те отсветы оказались не чем иным, как неверными огнями подводного заболоченного леса – места назначения их пешего маршрута. И днем, и ночью они выжили над донными топями рваным мертвенно-бледным маревом, словно призраки, не нашедшие себе пристанища ни в одном из миров. Именно там, в скособоченной плетеной лачуге с перетянутыми рыбьей кожей окнами-щелками, и должно было свершиться *нечто*.

«Свершиться, чтобы стать величайшим благодеянием или

непоправимой роковой ошибкой», – беспрестанно билось в голове у Младшей.

«Скорее – ошибкой».

Ни время, ни обстоятельства не желали идти на уступки. Руины поваленного леса под ногами податливо открывали внутри себя знакомую тропку. Узкую – двоим не разойтись, – но вытоптанную на славу. Настолько хорошо проторенную, что, скажем, какой-нибудь коряге, которая могла бы стать подножкой и выиграть Младшей хоть несколько мгновений, попросту неоткуда было взяться. Нет, можно было, конечно, и просто выколдовать ее. Делов-то... Но сработать подобное, во-первых, не позволял запрет на любую, кроме обрядной, магию в присутствии пришлых; во-вторых, Младшая что было сил старалась сосредоточиться на своем истошном зове и никак не могла отвлекаться.

Она взывала к Старшим. К их благоразумию, к интуиции... К их верности пророчеству Пастухов.

Старшие оставались глухи. Им уже было невмоготу от нетерпения. Они налились таким волнением, что оно почти ощутимо пенилось и захлестывало последние отчаянные призывы Младшей.

«Он – не вестник!» – позабыв о всякой осторожности, немо надрывалась она в своем одиночестве на краю равнодушной бездны. Нельзя, никак нельзя было сознаваться, что она, Младшая, уже дерзнула прошупать его нутро и увидела там иное. Как и нельзя было признаваться в одной ей слы-

шимых голосах...

Тем временем бурелом лесного кладбища – последнего бастиона между их процессией и гиблой марью – мало-помалу редел и сначала неохотно, а потом, словно сдавшись, начал уступать характерно чавкающей топи. Тут и там она перемежалась с травянистыми кочками, подбитыми по краям траурной каймой черных щупалец актинии-кровохлебки. Сквозь лохмотья теней, что с упоением скользили над марью, уже угадывались очертания лачуги.

В ее тесноте давно все готово к выплате оброка. Прохлада камня семпау уже ожидает нового гостя. Она за милую душу вберет в себя все его страдания, страхи, терзания и боль, чтобы в ее продолговатом углублении «родился» на свет новый пилигрим. Но более всего она ждет Обещанного, чтобы вместе с гурилиями вживить в него *весть*, которую он *осознает как свою собственную* и понесет туда – наверх... Туда, где дышится совсем иначе. Где огненные варвары все еще спят мирным сном, не слыша, как над их головами уже скрипят перепончатые крылья, а черные клыки вспарывают ночной воздух. *Пока что* только воздух. Тугры – вовсе не травоядные...

«Тугры!» – словно ледяным душем окатило Младшую.

И в ход пошло все...

С каждым шагом, приближающим их к плетеной ивовой лачуге, изгнанница набрасывала на веретено все более сокровенные тайны. Отчаяние придало ей смелости и «развя-

зало язык» так, словно на него щедро плеснули сыворотки правды. Пришлось не только поведать им о «своих» голосах, но и признаться-таки, что она вообще не особенно верила в правдивость их общего сновидения о грядущей войне...

Проще говоря – выставить себя предательницей. Да еще какой... Это же двойное изменничество: публично отречься от пророчества Пастухов, которое ни много ни мало составляло смысл их существования в изгнании, да к тому же самовольно общаться с *посторонними* голосами. Вообще с кем-то общаться «вне веретена»!

«Плевать».

Младшая обреченно махнула рукой – не иначе как на саму себя – и раскрыла карты. В общий мыслительный котел полетело признание за признанием. В иной светокруг подобные откровения стали бы ей прямой дорогой на судилище по заветам прародительниц. И была бы та дорога в один конец – в пустоту сумрачного безвременья. Да за такое сестры могли не только испепелить ее, но и предать забвению даже сами воспоминания о ней! Что ж, Младшая, в отличие от них, не строила иллюзий. Она прекрасно понимала, что делает. *Во всяком случае, в тот безнадежный миг ей действительно так казалось.* Изгнанница на всякий случай мысленно попрощалась со Сферой – возможно, лучшим из миров. Он и без того слишком долго терпел ее присутствие на своем пышном балу... Пора, видимо, и честь знать!..

Как о стенку горох.

«Да они издеваются?!» Эти две развалины что же, намеренно оградили ее от веретена, чтобы она не нарушила их намечающуюся идиллию с Обещанным? Может, они прекрасно слышат, да только отмахиваются, как от назойливой, но совершенно безобидного для них паука-серебрянки? «И, возможно, вообще слышали с самого начала», – запоздало озарило Младшую.

Опустошающая мысль о том, что старшие действительно все – абсолютно все – для себя решили, привела изгнанницу в полное исступление. Ее залихорадило. Под сморщенной кожей беспорядочно закольцовывались тонкие ледяные нити. Они брали свое начало где-то внизу живота и угрожающе конвульсировали, выпуская пучки своих ядовитых лучей прямо в сердце Младшей. Странное, уже давно позабытое ощущение «из той жизни» – той, что была до Расщелины. Эхо былого могущества. Разбуженный громом каменный великан.

Не поздновато ли он пробудился?

В любом случае он возьмет свое – рано или поздно. Она, Младшая, нипочем не позволит нарушить сценарий будущего, предписанный Пастухами миров. Костями ляжет. Она знала, что не даст лже-Обещанному вывернуть мир Сферы наизнанку. Он не получит никакой вести и не отправится с нею на Харх, чтобы раньше времени схлестнуть огонь и воду. И тем самым развязать войну, в которой гурили уже не смогут никому помочь. И раз старшие – в такой-то момент! –

вдруг оглохли и отшвыривают ее, как назойливое насекомое, демонстрируя, что они «все уже решили»...

Коли так, то и Младшая *все для себя решила*.

Вот уж бельмом на глазу маячит знакомый вековой пень. Трухлявый страж, подбоченясь, выпирает из затравелого буро-зеленого киселя и с некоторым презрением поскрипывает над его чавкающей топью. Против раскидистого ивового молодняка он не более чем отживший свое древесный мертвец. А все туда же... С заносчивым достоинством старого слуги он *снисходительно* соседствует с прочей болотной растительностью. Слои известковых домиков моллюсков не раз успели смениться на его осклизлой коре, а донные черви-точильцы – превратить ее в образчик барельефов древних времен. Может, потому-то гурилии тогда и облюбовали этот пень, чтобы выстроить на его дряхлом фундаменте пристанище для своих чернокнижных деяний... Что ж, в любом случае дело вовсе не в том, что его широченные древесные кольца, вздымающиеся над мутной трясинной, показали им таким уж надежным укреплением для будущей плетеной постройки. Нет. Истинная причина была запрятана куда глубже и обвита скрытыми смыслами не хуже, чем веретено изгнанниц их разрозненными думами. И Трухлявый знал. За мучительно долгие световехи бдения в самой темной и безнадёжной глубине Вигари он вобрал в поры своей коры столько испарений древней магии, что осознание самого себя ста-

ло для него зауряднейшей гранью бытия. Уж он-то хорошо *знал* свое назначение, выходящее далеко за рамки фундамента жалкой лачуги трех безобразных старух, присутствие которых столь сильно оскорбляло верхние воды Вига.

И, правду молвить, Трухлявый весьма гордился собой. Гордился знанием, что, во-первых, никакие это на самом деле не старухи, а во-вторых, тем, что он волей-неволей стал частью их мира. Прирос к ним. Или они к нему – теперь уж не разберешь. Над его плешивой головой знай мелькали светокруги, травная каша гиблой мари быстро линяла, еще быстрее обрастая затем новой щетиной путанных побегов, а Трухлявый непоколебимо царил над каскадом их коротеньких жизней. Царил в своем сакральном единении с изгнанницами и всем тем, что с самого начала эпохи оброка вершилось в плетеных стенах их лачуги.

Выходит, он такой же пережиток прошлого, закосневший в своих болотных кандалах, как и гурилии – его бессменные обитательницы...

Однако не сказать, что этот древесный реликт так уж терзался своим одиночеством, перебиваясь рваными воспоминаниями и путаными мыслями в отсутствии *обитательниц*. Нет, Трухлявому определенно было не на что жаловаться. Он всегда знал, чем занять себя между *представлениями*, которые с завидной регулярностью проходили в той скорлупке из ивовых прутьев, переложенных сфагновой дерновиной, что он носил на своей голове... Чего стоит один его излюб-

ленный эликсир – вытяжка из эмоций, страхов, усилий воли пришлых! С тех пор как Трухлявый обрел нечто вроде разума и восприятия, он только и ждал начала представления. Ведь ему обязательно перепадет несколько капель эссенции из верхних вод... Оттуда, где кипела совершенно иная – пусть и такая скоротечная, зато беззаботная – жизнь. Когда пришлые ложились в каменную ложбинку семпау и волей обитательниц временно теряли связь с реальностью, тут-то старый страж и получал свое долгожданное угощение. Иногда попадались подлинные деликатесы: ужас, отчаяние, желание бежать без оглядки и рвать на себе волосы за неумные амбиции, требующие такой нешуточной платы за превращение их в жизнь. Тогда Трухлявый упивался, как упиваются чужими страданиями глубоко несчастные одинокие существа с искалеченными телами и судьбами.

Таким оживший фундамент лачуги гурилий, по сути, и был. Застрял между неодушевленным миром обрубка исполинского дерева щелгун и миром бушующих страстей. И не просто застрял, но еще и постоянно питался темными колдовскими токами. Низвергаясь откуда-то сверху, они легко просачивались сквозь плесневелые древесные волокна – пол плетеной скорлупки, – чтобы навсегда осесть в сердцевине Трухлявого. Некоторые – те, что умудрились проскочить слишком быстро, – попросту застревали в его корневой путанице. Ничего в сути не меняя, эхо могущественного колдовства все же наделило пень каким-никаким зрением и

очень бледным, полуживым ощущением собственного физического состояния. Довольствовался ли он этим? И да и нет. Получая свой *эликсир*, Трухлявый на время приобщался к миру, выстроенному силами природы и чьим-то высшим замыслом вокруг его дряхлеющего тела. Страхи или отчаяние, ярость или остервенение – это было в целом неважно. Лишь бы эликсир становился позабористей и глубже всасывался в струпья полуразложившейся коры, наполняя пустоту.

Хоть чем-то...

Еще одно преимущество таких сильных, на грани помешательства, эмоций – их восхитительные субстанции. Они попадали в тело Трухлявого не едва уловимыми ниточками, а в виде сгустков. Это уже что-то. Ими, по крайней мере, можно запастись на случай долгой разлуки с обитательницами и их живительной магией!.. Если не поглощать сразу – еще живыми и трепыхающимися, – а равномерно распределить по древесным кольцам, то они будут отдавать свой нектар замшелому стражу гиблой мари постепенно. Да, они, понятное дело, утратят живость и свежесть только-только сорванного плода и, уж конечно, не пронзят толщу гниющей древесины сиюминутным пьянящим чувством *полноты жизни*...

Но зато их медленное таяние в дуплах коры Трухлявого станет для него ощутимым отзвуком внешнего мира. Ну, того, что «выстроен вокруг». Он точно есть.

«Не может ведь вокруг быть одна бесконечная гиблая марь? – порой дремотно бормотал про себя Трухлявый. – На-

верно, там, наверху, мир полон *живых* пришлых. Только там они не пришлые, а вполне себе обитатели. И живые!» – мысленно настаивал он. А потом, как водится, скорбно вздыхал: «Не такие, как мертвецы, запутавшиеся у меня в корнях...»

Те, чьи тела и души оказались слишком слабы для дара инициации. Несчастливцы, неспособные стать достойным вместилищем древней магии обительниц. Так и им и надо!

«Я вон и то смог!»

Дорога вплелась обратно в сознание еще одним жгучим следом, оставленным одновременно и снаружи, и изнутри. Мучительное путешествие – то на плечах собратьев, то в рыбьем желудке – не воспринималось разумом как что-то отдельное, самостоятельное. Обратная дорога казалась продолжением кошмара, втравленного в сознание чужой злой волей. Словно Елуам так и не пришел в себя, вопреки уверениям гурилий, что он якобы в полном порядке. Но, как говорится, сделанного не воротишь. Стоит ли вменять собратьям в вину то, что те поверили слепым образинам? Что, как и положено, вдавили в черный воск потрескавшейся плиты печатку с Яллирова перстня? Как ни крути, гурилии потрудились на славу. Ребра юноши уверенно сходились и расходились, а расширившаяся грудная клетка, казалось, была готова хоть сейчас втянуть порцию «сухого» наземного воздуха. Такого, каким дышат огненные варвары и искусники знают, кто еще из обитающих там – над зеркалом водного купола

Вигари. Посланники Черторга получили то, зачем пришли и, засвидетельствовав сие печатным оттиском, отправились восвояси.

Что поделаешь, если один из них возвращался обратно не на собственных ногах!..

Елуам частично осознавал физическое перемещение своего тела в пространстве, но не более того. Редкими всполохами перед ним проносились отдельные клочки окружающего ландшафта, и – удивительное дело! – всякий раз они были новыми. Такими вот урывками и грубыми, размашистыми мазками мимо него мелькали целые климатические зоны его бескрайней подводной родины.

Именно что *мимо!*

Внутренний взор юноши обозревал совершенно иное. То были существа, пейзажи и сцены, не имеющие никакого отношения к безмятежной пелене лимонно-зеленого шелка, которым утренние эфирмы любовно окутывают морскую толщу Вигари.

Не было там и самого моря, равно как и подводного государства Вигари. По крайней мере, в том их виде, к которому с рождения привык Елуам. Потому-то он и не мог взять в толк, с какой стати его эти двое куда-то тащат...

«Вряд ли в плен, – туго соображал юноша, периодически выныривая из омута видений. – Они вроде как из моей расы...»

Он силился сфокусироваться на собратях, чтобы в их ли-

цах или обрывках фраз отыскать хоть какое-то объяснение происходящему. О том, чтобы одеревеневшим языком связать хоть пару слов и задать им вопрос, не могло быть и речи. Все, что красноречивый и обходительный юноша теперь мог, – это издавать невнятное мычание в промежутках между страшными удушливыми сновидениями.

«Может, мы спасаемся бегством, а я ранен и меня подобрали из жалости?» – бился в поисках ответов воспаленный разум.

Но стоило видениям взять верх над проблесками сознания, как из глубины поднялся тот ответ, которого Елуам боялся больше всего.

Он гласил, что бежать им некуда.

В самом деле, куда бежать, если от некогда процветавшей цивилизации, полной небывалых архитектурных диковин, не осталось ничего?.. Повсюду голые камни вперемешку с раздробленными черепами и обломками нездешнего оружия. Вся соленая бездна – от пенной накипи волн до самого дна – напоена кровью. Густо-синей и багряно-красной. Сквозь искажающую линзу подводных течений она больше похожа на клубы дыма. Эти двухцветные клубы взмываются неуспокоенными душами после недавнего побоища, усеявшего еще один подводный город новыми мертвецами. Многие из них – вовсе не воины. Среди «не воинов» – много детей.

«Повзростеть они уже не успеют...» – подсказывал Елуаму страшную правду его истощенный разум.

Тем не менее движение продолжалось. Юношу упорно тащили вперед «двое из его расы». Тащили так, словно стремились достичь какой-то там цели. Бестолковое, заведомо обреченное на гибель движение! Оно мучило Елуама. За каждым рывком следовала такая болезненная отдача в самое его нутро, что, будь его воля, он бы просто рухнул на колени в эпицентре своих видений. Лучше пусть сразу, на месте пожрут его своими щелкающими клыкастыми пастями, чем заставят дальше продираться сквозь полчища мертвецов!.. Или, что еще хуже, топтаться на пепелище своей поруганной родины.

Так нет же, чтоб их семеро искусников драли! «Двое» словно бы и вовсе ничего не замечали!.. Знай тащились себе сквозь самое горнило войны с лицами удачно поторговавших купцов. Старый лишь изредка сварливо поскрипывал на коренастого, постоянно чего-то от него требуя. То ли «пошибче шевелить лапами», то ли «прекратить бабьи причитания»... Тогда коренастый лишь протяжно вздыхал.

Это плохо, очень плохо, что язык перестал слушаться Елуама. Будь оно иначе, он всенепременно потребовал бы от своих носильщиков объяснений. Он нашел бы аргументы, чтобы убедить их, что сейчас, мягко говоря, не лучшее время для путешествий. Или нет, не так! Лучше всего было бы схватить их обоих за грудки и заорать что есть мочи: «Вы что, ослепли?!» А затем развернуть их лицом к, скажем... А хоть бы вот к *этому!*

Превеликие искусники!..

Елуам зажмурился. Сквозь него просвистел целый сноп стрел животного страха, оставив знобюще-тревожную рябь. Вот теперь, судя по всему, и впрямь настало время сдать-ся. Что-то настойчиво подсказывало пилигриму, что продолжать сопротивление, пусть даже и духовное, – совершенно бесполезно. Это только лишь продлит его агонию.

Ибо очень близко, на расстоянии вытянутой руки, от парализованного юноши по дну валяжно струилось гигантское чешуйчатое *нечто*. Поле зрения Елуама выхватило лишь фрагмент необъятной твари, и это был ее хвост. Плоский, похожий на ремень из расплавленного обсидиана, он не полз, а будто бы тек, прорубая себе дорогу сквозь руины былой подводной цивилизации. Одно мышечное сокращение – и по сторонам разлетаются обломки, черепки, кости, опутанные сорняковыми водорослями. Обломки чьих-то жизней... Изгибы этого гладкого чернильного хвоста одновременно слепили глаза – его чешуйки буквально пожирали свет эфимиров – и являли миру ядовито-желтое брюхо неведомой твари. На него успел налипнуть щедрый слой спутанной сорной травы. Местами виднелись более крупные нашлепки из плоских камней или пучков когтей угундра ползучего. Они, впечатавшись в эластичное брюхо, напоминали кусочки мозаики, неаккуратно уложенные в глиняном растворе.

Судя по царственному скольжению твари в очаге крошечного ада, ей определенно не было дела до подобных мело-

чей. Она с гордостью любовалась своим творением. Обходила владения.

«Мелочей» этих Елуам, по счастью, тоже не увидел. Мутноватая толща воды оказала ему услугу, милосердно скрыв от неподготовленного взора пилигрима все прочие части твари. Ну а дальше он помог себе сам – думал, что помог! – и крепко зажмурил глаза. Оказалось, что возможность прикрыться детским «не вижу тебя – значит, тебя нет» стала последним щитом между юношей и ползучим *палачом*.

Между Обещанным и его горьким посланием миру.

Разумеется, у хвоста имелось продолжение. А коль увиденное Елуамом *ничто* и было именно хвостом, то об истинных размерах и формах *палача* оставалось лишь строить догадки – одна страшней другой. Он медленно отдалялся от юноши и его «носильщиков», величественно волоча по развороченному городу свой хвост, словно длинный черный плащ с грязно-желтой мясистой подкладкой. Взбаламученные недавним побоищем воды скрадывали туловище твари и растворяли в своей багряно-синей мути очертания нового хозяина Вигари. Оно было где-то там – туго вплетенное в канву разрухи и смерти. Оно ползло, чтобы прошить собой все Вига, не оставив ни единого пробела.

«Носильщики» как ни в чем не бывало тащили Елуама к одним им ведомой цели. Прямо за хвостом твари – за хвостом, легчайший взмах которого способен разmozжить им головы.

К вящему удивлению Елуама, его закрытые глаза – видели. Хоть картина, которую тот имел несчастье наблюдать, была слегка затемнена, но все же даже более контрастна, чем обычно. Окружающий мир словно норовил забраться ему под кожу, оттиснуть себя в памяти, смешаться с его кровью. Кажется, жуткая реальность даже пыталась оставить свой вкус на языке юноши. И ведь оставила!

Горькая польнь с комьями земли... И, кажется, зола. И железо...

Там, под веками, не было убежища, даже временного избавления от чудовищных пейзажей, которые рисовал и рисовал в некогда кристальном Вигари страшный черный хвост. В мире «за закрытыми глазами» все было искусно подсвечено и окрашено в мрачные тона. Крики умирающих насквозь пронзали Елуама и вылетали из его наспинных плавников. С каждым вдохом их агония передавалась ему, заставляя еще сильнее биться в лихорадке. Стараться не дышать...

Не дышать! Ведь вместе с растворенным кислородом в тело вливается новая порция чужого ужаса! Свежая доза страха и агонии! Вот они уже часть Елуама, такая же как, например, сердце или мизинец ноги. Слишком много для него одного... Кажется, эта чужая боль разорвет его на части, и тогда им, пожалуй, полакомится *палач!*..

Что это еще такое?! К боли примешалось крошево руин – песок, раздробленные камни, обломки статуй, квадратики настенных мозаик. Некоторые – до основания напитавшие-

ся кровью и чем-то еще... Все это тоже безо всякой меры втравлялось, просачивалось в само естество Елуама. Он чувствовал на зубах песок, известку и кровь.

Свою или чужую?

Надо стараться не дышать. Может, тогда он наглотается меньше? Может, тогда останется хоть что-то от него самого?

Нет.

Кто-то властный незримо держал его за шкурку и не давал закрыть глаза. Не давал закрыть рот. Видимо, хочет сделать его призраком этой страшной войны – ее тенью, уменьшенной копией.

Тайной сущностью.

Будто этот *кто-то* хочет накормить его до отвала побойшем и первобытным варварством, чтобы носить потом на поясе, как скрытное оружие. Ложка за ложкой. Похоже, он и без того уже почти призрак, сотканный из пепла, крови и слез.

Горькая польнь, земля, железо, зола...

Сколько он еще выдержит?.. Светошаг-другой?

Пока внимание Елуама было отвлечено попытками «не дышать» и бороться с *кормлением*, он и не заметил, как на авансцену вышел *палач*. Ползучая тварь передумала виться дальше вперед и, изогнувшись исполинской чешуйчатой петлей, круто развернулась.

Хвост поменялся местами с головой.

В этот миг все вокруг наконец действительно почерне-

ло. Оставались ли глаза юноши закрытыми или открылись? Это уже не имело значения. На одно-единственное мгновение резкой вспышкой молнии в грозовом облаке взору Елуама открылась личина твари. Молодой вига рефлексивно задрал голову, потому как голова чудища была на такой высоте, что взгляд вообще едва до нее дотягивался. Все, что юноша успел выхватить зрением из глухой черноты, оказалось довольно узким черепом, обрамленным трепыхающимся капюшоном и парой бесконечных, загнутых книзу клыков. Кажется, были еще шершавые перепончатые крылья? Или это уже плод воспаленного воображения?

Клыки медленно поползли из черепа-башни вниз, целясь в сердце Елуама. Ближе и ближе... Они несли в себе обещание наконец избавить его от мучений. Избавить от чужой боли и агонии.

И от будущего в мире, охваченном войной.

Он распластался на плечах «носильщиков», выпятив грудь, словно подставляя себя под удар. *Не дышать, кажется, уже получалось...*

Удара не последовало. Не было ни рассечения кожи, ни онемения от яда. Клыки остановились на полпути, словно встретив неожиданную преграду. Голова твари отшатнулась куда-то вбок, а чуть позже и вовсе скрылась в черноте обступивших ее волн.

Голос будто бы внутри самого юноши, слегка подрагивая, прошелестел: *«Я избавлю тебя»*.

Грудная клетка замерла. Глаза остекленели, а зрачки уставились в одну точку. Когда Елуам окончательно перестал осознавать происходящее, певучий женский голос все же дотянулся до него еще раз и тихо-тихо всхлипнул: «Прости... Ты не виноват, что старшие ошиблись насчет тебя».

...Очень далеко, на невообразимой глубине Расщелины, угрюмая болотная хмарь омылась прозрачной слезой. Так Младшая венчала свою скорбную мессу по лже-Обещанному.

Глава 19 Не то, чем кажется

– Да ну тебя! – разочарованно махнул рукой Дримгур. Легкое касание хлопковой ткани вновь пробудило боль от еще не зажившего ожога. – Вечно тебе не угодишь!

Сквозь прямоугольные окошки казарменного домика в комнату пробивались первые лучи рассеянного утреннего света. Они рождались там – в лоне далекого горизонта, где Огненный бог уже летел на своем крылатом скакуне, чтобы пробудить Матерь звезд. Не иначе как ее веки уже затрепетали, а ресницы дрогнули: ведь лазурное зеркало Вигари плавно колыхнулось и тотчас подернулось зыбью, словно гусиной кожей. Светило еще не явило себя миру, но его слепящие клинки из рубинов и белого золота уже изрезали горизонт. Они кружили и кружили по арене небосклона, прославляя Матерь звезд и возвещая о том, что новый день вступает в свои права.

Огненные опаловые горы первыми встречали отблески

небесных клинков – это было отчетливо видно сквозь казарменные оконца. Еще бы! Исстари вся воинская часть королевской стражи Харх примыкала к Ладони замка-горы плотным полукольцом деревянных казарменных домиков. Расположение столь стратегически удачное, что ни один подлинный носитель опалового венца – будь он молодым амбициозным регентом Радху при незрелом принце Наддахе или безумным дряхлым Гимеоном – не внес в него ровным счетом никаких изменений. И, воистину, их можно было понять! Легко представить, как каждый из них в свое время бросал с обзорной площадки замка критический взгляд на казарменную постройку, затем переводил взор на обрамляющую ее горную панораму... Крутил и так и эдак, пытаюсь мысленно перенести воинскую часть куда-нибудь еще. Скажем, ниже – к подножию опалового «трехгорья», под стены Перстня или, наоборот, расположить стражей своего покоя под хвойными зарослями вершины замка-горы.

Как бы то ни было, деревянный полукруг домиков вокруг Ладони своим существованием доказывает, что каждый из правителей приходил к светлой мысли, что лучшее – враг хорошего, и благоразумно отказывался от переселения стражи в другое место.

Стоит думать, что решающую роль играло то, как органично обиталище королевских стражников было встроено в горный массив. Все преимущества налицо. Достаточно высоко – просматривается и сам замок, и его окрестности, в

том числе лежащие за пределами стен Перстня. В то же время высота не сказать что недостижимая. Возникни малейшая угроза (а *достаточная* возвышенность не оставит ей шанса быть незамеченной) – вся королевская стража тотчас же ринется на защиту. А чтобы делать это с должным мастерством и сноровкой, не посрамив красную эмблему на груди, – вот тебе и Ладонь. «До Ладони рукой подать!» – такой игрой слов обычно по первости обмениваются между собой восхищенные и юношески восторженные новобранцы. Зрелые стражники, слыша это, конечно же, снисходительно скалятся: вот вырастете, мол, поглубже в землю королевской службы, тогда-то кровушка в вас и охладится... Однако ж это не отменяло того, что до тренировочного полигона и впрямь «рукой подать». Расположенный на небольшом плато и со всех сторон огороженный волнистыми уступами, он выглядел словно рыцарская арена, созданная самой природой. И что скрывать, порой во время ожесточенных поединков или изнурительной боевой подготовки иной стражник искал сил для нового рывка в ободряющей мысли, что он – там, где мечтает оказаться любой огненный воин. А именно – на священной арене, высеченной в теле ярко-оранжевого опала волей самого Прародителя. Там, где *Он* желал лицезреть ярость, неустрашимость и упорство своих детей. Так что, когда наставало самое время рухнуть без сил на песок и сложить меч в знак поражения, особо верующие стражники лишь посильнее стискивали зубы.

«А что было делать?» – облекали они страх разочаровать высшие силы в лихую браваду. И, признаться, не каждый мог устоять перед искушением после кружки-другой добавить: «На меня смотрел Огненный! Клянусь, я не посмел подвести Прародителя!..»

Вот и наследники опалового венца, любясь с террасы замка величием Ладони и опоясывающим ее браслетом казарменных домиков, всякий раз подавляли тягу к реформам и переустройству. Ибо хорошо понимали, что Огненный смотрит на них тоже и, пожалуй, куда пристальней, чем на тренирующихся воинов.

А кто они, короли, в конце концов, такие, чтобы спорить с богами?

Однако Дримгур, к примеру, не был венценосной особой, а его брат по оружию, Умм, в то утро находился настолько далеко от Огненного бога, насколько вообще возможно. Так что преград для споров не было никаких.

Чем неугомонный и как-то чересчур – даже для себя – возбужденный Дримгур поспешил воспользоваться.

– Не понимаю, – качал он головой, вытаращив на сослуживца глаза в искреннем недоумении, – хоть убей, не понимаю я твоего недовольства!

– А тебе и не надо его понимать, – в который раз отвечал Умм. Он говорил с подчеркнутой отчужденностью, как человек, мысленно уже выставивший собеседника из круга

своего доверия и с раздражением наблюдающий, как тот с бараньим упрямством ломится в закрытую дверь.

Именно этим представителем парнокопытных в глубине души и чувствовал себя Дримгур. И было из-за чего! Это вчера они приволоклись сюда под вечер, чуть живые от переизбытка впечатлений и открытий. Да, Дримгур первое время после наказания держался молодцом. Можно сказать, он даже парил над болью от выжженной татуировки, ощущая ее лишь наполовину. Разум словно отказывался полноценно фокусироваться на физическом дискомфорте. Он весь был повернут вовнутрь, в собственное глубинное отражение. А там... Там Дримгур все еще вздымал отрубленную голову перед *своей* несметной армией, вбирая раздувающимися ноздрями живительный эликсир преданности и ликования. Там нарисованный на лбу треугольник из вражьей крови был горяч и солон – в нем еще чувствовалось биение только что вырванной с корнем жизни.

Там он, связанный клятвой с королем огненной земли, упивался смертью его подданных. Упивался одновременно болезненно и сладостно. «Рыжий вихор. Желто-зеленые глаза. Снятый с перерезанной шеи кварцевый оберег с королевской символикой, – подсказывала память в лучших летописных традициях. – И разливающийся по всему телу дурман истинного блаженства... От него веет засахаренной розой. И еще чем-то».

Запутавшись в новых, неизведанных эмоциях, прошлым

вечером Дримгур уснул еще до того, как Мать звезд успела погрузиться в потемневшие воды Вигари. Куда уж там было приглядываться к Умму и приставать к нему с расспросами о *его* наказании.

Да ему, откровенно говоря, не хотелось портить внутреннее ликование и закипающее предвкушение чего-то *необыкновенного*. Вдруг рассказ Умма возьмет да и превзойдет его собственный?.. Или, чего доброго, еще выяснится, что он тоже оказался на том поле брани и взял на себя такую же роль?! Дримгура аж передернуло, словно брезгливую хозяйку, обнаружившую в своем амбаре парудохлых крыс.

«Все завтра...»

«Завтра» ворвалось в окно деревянного домика и уже направо и налево размахивало по скромной комнате стражников рубиновыми да золотыми клинками. Гость, которому не нужно приглашение.

Гость, который никогда не спросит, удобно ли тебе принять его; готов ли ты распечатать сверток даров, которые он, хитро улыбаясь, протягивает тебе.

Дримгур, разумеется, был не из тех, кто упускает новые возможности. Едва распрощавшись с остатками отрывистого сна, он тотчас же вцепился в *свои* дары, припасенные еще со вчерашнего дня, но еще до конца не осознанные. Наслоившись одно на другое, вчерашние впечатления нависали над рваными сновидениями стражника, словно глухой сизый купол. Образы, рожденные дремлющим сознанием, постепен-

но сменялись несвязным хороводом коротких сцен. Казалось бы, они не имели ничего общего с дневной фантазмагорией и ошеломляющим чародейством Йанги: ни одной их крупнице не удалось проникнуть сквозь сомкнутые веки юноши. Он просто видел Харх в его северном и южном обличье, разношерстных обитателей огненной земли, пылающие до небес костры и неприступно переливающиеся ледники горных хребтов. В целом – все как раньше. Подобные сны-путешествия, в которых он, поднявшись над рутинной королевской службы, совершал долгие ястребиные полеты, были для Дримгура не в новинку.

Однако кое-что в этот раз изменилось. Едва ощутимо – на уровне шестого чувства. И вместе с тем достаточно, чтобы обратить внимание.

Запах – непривычный и одновременно узнаваемый. Куда бы ни устремился юноша в своем сновидческом странствии, за ним всюду следовал аромат засахаренных розовых лепестков. «Тот самый...» Отдельные порывы ветра обрамляли его сладким душком разлагающейся плоти – теперь уже знакомым и оттого куда менее отталкивающим. И что самое удивительное, Дримгуру не хотелось убежать, чтобы спастись от тяжелого духа, как на его месте сделали бы многие. Напротив, он послушно следовал за этим запахом, словно хорошо выдрессированная собака-ищейка.

За несколько мгновений до побуждения юноша осознал, что этот странный сон был вовсе не путешествием. Во вся-

ком случае, не из числа тех, к которым он привык с раннего детства. Это было преследование. Отчаянное преследование желанного аромата.

Теперь же, наяву, никакого аромата не было и в помине, если не считать горького аптекарского запаха шалфея пополам с сухим сеном да крепкого кожаного духа смазанных жиром сапог. Не отыскав обонянием ничего похожего на ту «склепную розу», Дримгур даже раздраженно поморщился.

Зато рядом был Умм – что весьма и весьма неплохо. Очень даже кстати! Тоже ведь, поди, и сбит с толку, и вдохновлен, и обескуражен, и горд посвящением в жреческую магию, недоступную простым смертным. Возможно, он даже немного испуган, если судить по бледности и легкой дрожи в запястьях. «Но это наверняка запоздалая отдача от выжигания татуировки» – догадался Дримгур.

И на всякий случай сверился с собственными ощущениями в области плеча, осторожно дотронувшись до краешка свежего розового рубца:

– Жжет, зараза!

Умм никак не отреагировал на возглас. Он не то что промолчал, а не подумал даже шелохнуться в ответ на громогласный призыв к дружескому сочувствию. Это заставило Дримгура – так, на всякий случай – подняться со своей лежанки, подойти к Умму вплотную и внимательно к нему приглядеться. «Жив, слава Огненному», – заключил юноша. И тут же озаботился другим вопросом: «Но что за злые духи

тогда связали его язык?!»

– Умм, дружище! – встревоженно произнес он и потормошил товарища за плечо. – Умм! Ты тут вообще? Со мной?

– Да уймись ты, наконец, – хрипло и с явной неохотой выдавил тот.

Умм как-то ломано потянулся на лежанке и только потом вялым движением стряхнул лапищу Дримгура. И тотчас же пожалел, что не сделал этого раньше: дурень вцепился аккуратно в поврежденное место. Руку резко прожгло, будто к ней приложили раскаленную кочергу и затем от души надавили. Боль почему-то отстрелила в левый висок, да так там и повисла противно зудящим насекомым.

Зато Умм проснулся – окончательно и бесповоротно. И на том, как говорится, спасибо.

Совершенно разбитый (но какое дело будет до этого Руббу?), Умм метался от кувшина с водой к доспехам. Что поделаешь, времени до построения оставалось в обрез. Стражнику приходилось разрываться между утренней гигиеной и облачением в кованую военную форму. Соображал он туго – ни дать ни взять перебрал маруги накануне: голова шла кругом, а в ней гудел целый рой беспокойных ос. Потому-то и утренние сборы приходилось совершать не чинно и обстоятельно, а как придется. Вернее, так: на что ложится глаз, то и пускается в ход. Чистая вода? Стало быть, умоем лицо. На стуле примостились легкие штаны? Не грех и надеть. С

крючка свисает полотенце? Пожалуй, самое время вытереть лицо: недавно вроде как его умывали. Если оно, конечно, уже само не обсохло... Ах, это не полотенце, а поддоспешник? Что ж, полезай рука в рукав... Или это все-таки полотенце?..

Еще раз большое дружеское спасибо Дримгуру – они не на шутку опаздывают. И кажется, из них двоих это понимал только Умм. Он страшно злился на себя, но еще больше – на Дрима.

Кой черт дернул его накинуться с расспросами с утра пораньше? Что, мол, дружище Умм, каково было твое наказание? Было ли оно таким же ошеломляющим и воспламеняющим не только руку, но и душу? Ты почувствовал то же, что и я? Узрел ли ты божественную власть и могущество нашей сиятельной верховной жрицы?

Да... Восторги Дрима явно указывали на то, что тот не видел «Сиятельную» с раздвоенным змеиным языком. Этот язык не касался его лба и не творил полное безумие с его близкими – безумие, вылезшее из глубин самых страшных снов. И непохоже, чтобы его, допустим, пытали или мучили духовно. Кажется, он даже остался доволен. Стоит с таким видом, словно познал все смыслы Семи наставлений или, скажем, побывал на приеме у Огненного в его небесном чертоге, а потом – бац! – и переродился...

«Как и я».

Во имя Матери звезд, до чего же сложно понять, что творится в чужой голове, когда в твоей собственной небо поме-

нялось местами с морским дном!..

«Вполне вероятно, – с трудом соображая, прикидывал Умм, – что и ему в Святилище не только татуировку выжигали... Уж наверно, одним этим не обошлось. Дрим-то, кстати, татуировку в свое время до жути хотел. Помнится, изнемогал прямо весь, когда видел ее у других – особенно у тех, кто из турниров не вылезал ради наплечных знаков отличия...» Умм с подозрением покосился на сослуживца. «Я бы еще понял, – рассуждал юноша, – коли бы он *делал вид*, что не расстроен исчезновением одного из огненных язычков. Ну так – бравады ради. Это было бы, по крайней мере, объяснимо».

На мгновение Умму даже захотелось, чтобы Дримгур вдруг начал хорохориться: свел бы брови, плюнул бы сквозь зубы, поиграл бы желваками. В общем, принялся бы скрывать свои слабости и страхи так, как он обычно это делает. И хоть такое поведение всегда раздражало Умму, оно было бы лучше, уместней, чем телячий восторг... «Это слишком даже для горячей головы Дрима», – горько констатировал юноша. Полоснула мысль: «*Змеиная* никак отравила его своим колдовством. Может, чтобы поразвлечься, лишила беднягу разума?..» Тень чего-то странного и страшного скользнула по краю сознания и заставила его вздрогнуть. Умм едва не сшиб локтем порожний кувшин. «Хотя, даже если и так, я все равно завидую этому «бедняге» черной завистью».

Глаза начали предательски наполняться влагой, а в носу защекотало. Умм судорожно схватил кувшин и принялся

крутить его в руках, якобы изучая, не треснуло ли где казенное имущество.

«*Бедняга* – это, по крайней мере, не преступник. Умалишенный – не отцеубийца. Это совсем не то же самое...»

– Ты чего насупился? – прицепился Дримгур, будто бы нарочно желая потянуть время. – Ищешь в кувшине свое отражение? Да хорош, хорош! Не переживай!

Для верности он еще раз потряс Умма за больное плечо, призывая, видимо, прийти в себя.

– С тобой хоть сейчас на горидукхские гуляния, – ободряюще пробасил он прямо ему в ухо. И молодецки пригладил пятерней свою непослушную рыжую шевелюру, тайком косясь в начищенную эмаль кувшина. – Слыхал я, в этот раз Горидукх будет страсть какой буйный! Лично я собираюсь гудеть до рассвета и все наливные яблочки Подгорья-то понадкусываю! И знаешь, как я это сделаю? – Искренний огонь в глазах плечистого здоровяка не давал усомниться в серьезности его намерений.

– И как же? – пришлось спросить Умму.

Он прекрасно понимал, что если сейчас не подыграет Дримгуру, то очередная пауза украдет у них еще несколько мгновений. А им бы не мешало уже всю шагать к подножию Перстня на построение. «К тому же сегодня на закате Тихх возвращается в город... И снова предаст свой обет молчания, чтобы рассказать о древности, – неожиданно высветилось ярким факелом во мраке памяти. – Ужас как хочется

послушать байки этого отшельника, а не Руббовы нотации!»
Что ж, придется немного поплясать под дудку Дримгура...

– Не просто так, – поднял тот указательный палец, – а Скарабею назло!

«Назло?! Вот это уж точно перебор...» Сдержать язык удалось, только прикусив его. Вышло слишком резко: во рту вдруг стало как-то горячо и ржаво.

Терпение Умма было уже на пределе. При одной мысли о том, что их опоздание на построение может вновь привести его в страшную каморку под куполом Святилища, по просторам пустого желудка начинал перекатываться огромный колючий шар. К тому же – заманчивая перспектива вечера у оракула. Всегда в его историях было нечто такое... Одновременно тревожное и исцеляющее.

Порой – ставящее все на свои места.

И сейчас Умм, запутавшийся в линиях собственной судьбы, нуждался в этих историях как никогда. У Тихха, при всей его одичалости, всегда находились ответы: то вплетенные в причудливые легенды, то подсказанные каменным амулетом-вещуном. Вернее, этой несуразной башкой из вулканической лавы, что болтается у оракула на животе поверх оборванного нестираного тряпья...

Нет, Умм твердо решил, что он ни за что не ввяжется в очередной спор с Дримгуром об истинном значении священной ночи Горидукха – во всяком случае, не сейчас. «В конце концов, ему, городскому, никогда этого не понять! – без-

надежно вздохнув, решил Умм. – Когда ты не выращиваешь пшеницу и ячмень сам, а покупаешь хлеб на ярмарке за папенькины железные пластины, ты не поймешь, чего может стоить гнев Скарабея...»

Нет, он точно не станет спорить на эту тему. Вместо этого, нарисовав на бледном, осунувшемся лице подобие улыбки, юноша спокойно произнес:

– Здорово придумано, дружище.

– Да не переживай, я и тебе оставлю, – подмигнул Дримгур Уммову отражению в пузатой посудине. – Говорят, наш подлинный король в эту ночь всеподлинно разрешит нам подлинно любиться с кем захотим!

Очень довольный своим каламбуром, здоровяк разразился раскатистым смехом и, отдышавшись, авторитетно посоветовал:

– Береги силы, брат!

...Умм и Дримгур, сопя и обливаясь потом от быстрого бега, в последний миг успели вклиниться в образцовую геометрию шеренги королевских стражников. Рубб покосился на них, в особенности задержав несколько озадаченный взгляд на Дримгуре, и ничего не сказал. Началась перекличка.

Все было как всегда. По крайней мере, в той части, которая касалась порядка, дисциплины и расстановки строя. Мать звезд, кажется, тоже была на своем законном месте.

И только в сердцах двух друзей «небо поменялось места-

ми с морским дном».

Королевская опочивальня, раскинувшая свои высокие своды в левом крыле замка-горы, казалась полем битвы, на котором современная роскошь сражалась с тяжеловесной древностью. Узорчатая кованая кровать с богатой разноцветной инкрустацией, шелковые ковры с королевской символикой, радужные брызги висячих фонтанов, девичьи фигуры из слоновой кости в самых соблазнительных позах...

В карнавале этого гедонического великолепия нашлось место даже для небольшого уголка с садом из самоцветов – предмета особой любви и гордости Каффа. Каменный сад брал начало вдоль узких окон опочивальни, словно норовя поймать на себе первый взгляд короля после пробуждения. Всевозможные соцветия – преимущественно из южных широт Харх – устлали прохладное серебро ковров, а попадающая на них влага фонтанов была подобна слезам утренней росы. Умощенные эфирными маслами, цветы издавали столь правдоподобный медовый аромат, что граница между природным и рукотворным стиралась до полупрозрачной линии. Лишь подойдя ближе, можно было разгадать секрет вечного цветения и немеркнущих красок. Признаться, Кафф обожал наблюдать за выражением лиц своих наместников, послов и других высокопоставленных гостей, любующихся ювелирным цветником. Особенно когда кто-то из них в полном недоумении склонялся над пышными клумбами коро-

левской спальни и в определенный момент – Кафф всегда предчувствовал в какой! – лицо гостя вытягивалось в непритворном удивлении. Это означало, что сейчас из уст посетителя польются искренние восторги, смешанные с едва скрываемым недоверием: «Не может быть!.. Как настоящие! Ваше Величество, это действительно вырезано из природного камня? Видна каждая прожилка, каждое, с позволения сказать, несовершенство! Если это и в самом деле камень, то теперь я воочию убедился, что наша ювелирная гильдия не зря ест свой хлеб! Восхитительно!»

Переплетаясь друг с другом, необыкновенные цветы и прочие растения ручной работы увлекали взгляд дальше – на широкую террасу, примыкающую к опочивальне. «Оранжею», как придумал называть ее Кафф. По сравнению с ее размахом цветочный уголок в опочивальне казался весьма скромным. Легендарная терраса благоуханных каменных диковин... Вот уж где литье драгоценных металлов и горящие в нем камни цвели буйно и безудержно – просто шагу ступить некуда! Иные достигали ростом взрослого хархи и грозились уцепиться за волосы или плечо зазевавшегося гостя. От ароматов голова шла кругом. Звездный свет отражался в миллионах сверкающих граней, а резные листья слепили так, словно были из расплавленного золота. Спустя всего пару мгновений глазам делалось больно, а каменный сад, будто радуясь этому, начинал медленно кружиться перед утомленным и восхищенным взором. Тогда гости, как правило,

церемонно просили прощения и... монаршего разрешения переместиться для переговоров куда-нибудь в другое место. Кафф на это только пожимал плечами и широко улыбался, почти не моргая. Похоже, он был единственным, кому действительно ничто не мешало в его ослепительном саду.

Разве бывает для короля *слишком много* золота?..

И все же, несмотря на тягу нынешнего монарха к роскошным диковинам, не все в их отношениях складывалось просто. Вопреки усилиям Каффа над всеми приметами его великолепного вкуса незримо, но властно вздымался неистребимый ореол старозаветности. Как ни странно, именно она здесь господствовала, именно она задавала всему тон: вживленная в полустертые древние гобелены с изображением горящих крыльев и ликующих хархи, смотрящая немым укором с галереи портретов предков... Как порой донимало Его Величество это висящее в воздухе немое осуждение! Дошло до того, что в итоге пришлось те самые портреты – да простят Каффа праотцы и прадеды! – перевесить на теневую сторону опочивальни. Нет, не сразу, конечно. Только по прошествии нескольких созвездий тяжких сомнений и утомительных препирательств с самим собой.

Кажется, их судьбу решила все-таки кровать... Да-да, та самая, на которой они с Дарией одновременно (как Каффу хотелось думать) проснулись в это по-харсхски лучезарное утро. Определенно, кровать и стала всему виной – и Кафф прекрасно помнил почему.

Некоторое время назад, выйдя по какой-то причине из себя – уж не из-за странностей ли младшего сына? – он ощутил обычное в таких случаях обострение чувств. Возлегли тем вечером на свою кованую кровать, декорированную потускневшими, но тщательно начищенными оранжевыми рубинами, он отчего-то ощутил гнетущий запах немощи. Этот тяжкий дух перебивал даже густое жасминовое облако над драгоценными соцветиями. Первое – и самое, казалось бы, очевидное – подозрение пало на несвежесть одеяла или россыпи подушек. Однако его тотчас же развеял знакомый дуэт «слез горного кедра» и теплых пачулей, который сопровождал сны короля уже много безмятежных ночей. Дело, как выяснилось, было не в запущенности постели: она оказалась свежей, взбитой и сбрызнутой ароматным настоем не хуже, чем обычно. Тяжелый дух настойчиво вбивал свои плесневело-затхлые клинья в благоуханную, почти тропическую гармонию опочивальни. Он ворвался в нее без спросу и, обнаглев, начал наводить свои порядки. Кафф метался по надушенным простыням в плену клочковатых видений и задыхался. Он бессознательно отмахивался от проклятого запаха, но это не помогало. Зародившись где-то в сердцевине ложа, скверный дух – физической слабости, тяжелой болезни, невымытого тела, кислого дыхания – укоренился и сдаваться не собирался.

Ни на следующий день, ни созвездия спустя.

Нет, Каффу определенно меньше всего хотелось выста-

вить себя параноиком. Да и что он мог сказать своему ключнику или слугам? Что они плохо следят за чистотой королевских покоев? Это было неправдой, а Кафф не привык без особых на то причин тиранить «простых людей»: не в его правилах. Приказать выкинуть кровать и заменить ее новой – по собственному вкусу? Об этом не могло быть и речи. Все же на Харх есть – точно есть – нечто такое, что *слишком даже для короля*. И нерушимая созвездиями традиция, предписывающая правящему монарху почивать на рубиновом огненном ложе предков, как раз была в их числе. Так что Каффу ничего другого не оставалось, кроме как сражаться с плесневелым дыханием древности самому...

Безусловно, смертью веяло от самого проклятого рубинового ложа, на котором проводили закаты своих жизней все его, Каффа, предшественники. Здесь, в ядовито-оранжевом свете рубинов старомодной круглой огранки, усеявших непомерно высокое изголовье, они постепенно утрачивали силу и здравый ум. Перебирали в памяти бессвязные воспоминания. Выпускали из дряхлеющих рук вожжи власти...

И вместе с ускользящей властью теряли себя.

Дав этой мысли как следует укорениться глубоко внутри, Кафф перешел в конце концов к решительным действиям. А как иначе? Позволить вот так бесцеремонно вторгнуться в чертоги его душевного покоя, да еще и перевернуть там все вверх дном? Никогда! Он покамест подлинный король огненной земли Харх и намерен им оставаться в течение еще

многих звездных оборотов. Никакое «наследство» праотцев не посмеет вмешаться в эти планы! На то он и король, чтобы на все и вся находить управу. Если понадобится, управа найдется и на предков. В конце концов, их время вышло. Раньше нужно было упражняться во влиятельности.

«Нынче же, нравится вам это или нет, на опаловом троне царит мой золотой час, – с торжеством рассуждал Кафф, пока недоумевающие слуги перевешивали портретную галерею на теневую сторону покоев. – И, клянусь Огненным, я не буду считаться ни с кем, кто посмеет посягнуть на блеск этого золота!»

...Звездные лучи уверенно высекали из утренней дымки все результаты *решительных действий* Каффа. Некогда суровые взгляды праотцев теперь сгладились: вытянутые тени каменных растений и танцующие радуги фонтанов наскоро растушевали их контуры. Семейная галерея оказалась наконец на расстоянии, полностью соответствующем новым королевским требованиям. Между Каффом и портретами стало достаточно пространства, чтобы и вовсе не разглядеть, кто на них изображен: венценосные предки или какие-то воинственные незнакомцы. Тяжелые гардины с малопонятными историческими сценами были отодвинуты по сторонам и крепко стянуты плетеными жгутами с кистями на концах. Нетронутыми остались лишь свидетельства его, Каффа, личных вкусов и предпочтений. Каждый драгоценный лепесток каменного сада, каждый изгиб статуи-дев служили од-

ной-единственной цели – пышно и самозабвенно чувствовать нынешнего короля Харх. И только лишь кровать – чтоб их, эти традиции! – осталась на своем месте. Однако и на этот пережиток прошлого *нашлась управа*.

Ею стала Дария.

Юная, свежая, но уже не сказать что невинная, она возлежала рядом, склонив голову на широкую грудь короля. Робкие звездные лучи нежились на ее бедре, отдавая молочно-фарфоровой коже немного своего тепла. Вообще Дария выглядела так, словно была не живой девушкой, а ожившей скульптурой из слоновой кости. Ее застывший, устремленный куда-то сквозь стены спальни взгляд давал еще один повод усомниться насчет одушевленности юного создания.

Но это только если поглядеть со стороны – например, в замочную скважину. Уж королю-то было доподлинно известно о живости Дарии, и притом немалой.

– Нравится?

Кафф принял ее отстраненный взгляд за восхищение убранством опочивальни. Ну а как могло быть иначе?.. Здесь, в *его* покоях, восхищались все. И восторги эти, кстати говоря, иногда помогали королю в его непростом деле – продолжать возводить стены, загораживаясь ими от удушающего «наследия».

– Конечно... Конечно, нравится, Ваше Величество, – последовал торопливый полусшепот.

Дария слегка встряхнула головой, и мелкие завитки цве-

та старого золота заскользили по груди Каффа. На ожившем лице лунным серпом обозначилась игривая улыбка.

– Здесь так светло! – произнесла девушка. – Мне кажется, Матери звезд по-особому мила обитель вашего сна... Ведь она всегда заглядывает сюда, чтобы полюбоваться красотами. Или чтобы получше подсветить их: вон как лучи играют в капельках фонтанов!..

– Я рад, что сюда стала заглядывать *ты*.

Дария по-кошачьи извернулась и уже через мгновение оказалась по другую руку короля.

– Для меня это высшее благо из всех, что когда-либо были дарованы богами моей скромной персоне, Ваше Величество. – Она прерывисто вздохнула, снова глядя куда-то мимо Каффа. – Высшее и потому достаточное, чтобы наполнить смыслом мою жизнь.

Неожиданно для себя монарх разгорелся неподдельным любопытством. Чему-чему, а высшим смыслом покамест не доводилось вкрадываться в их немногословные диалоги. Они (если это вообще можно назвать *диалогами*) сводились к предельно коротким репликам – штрихам на холсте их любовных игр. И, правду говоря, Каффа это полностью устраивало. Сам факт такого «духовно-телесного опыта» – так он про себя называл их связь с Дарией – уже был для него исключительным откровением. Оно и виделось монарху тем *высшим смыслом*, о котором молодая хархи вдруг так легко и непринужденно заговорила. Что ж, стало быть, пришло

время приподнять занавес шелковых простыней и взглянуть на происходящее более пристально... Почему бы не сделать это сейчас – на третьей встрече?

Кафф облокотился о подушку и, стараясь сохранять внешнюю невозмутимость – у него превосходно это получалось, – пытливо заглянул в серо-желтые глаза своей юной любовницы.

– Твоя жизнь в самом деле наполнилась смыслом? – Легкое волнение было успешно замаскировано насмешливой интонацией. Прием, который еще никогда не подводил Каффа. – Я полагал, что ранее этот смысл для тебя состоял в служении Огненному и Матери. – Король значительно кивнул на размотанную послушническую чалму, что змеилась тонким муслином у изножья кровати.

Утренний свет путался в ее складках и наполнял густо-вишневый цвет ткани разнообразными оттенками красного – от пунцового до червленого. Серебристая гладь плетеного ковра усиливала контраст, а вместе с ним и драматичность – неизменную спутницу любой порочной связи. Каффу же ленты чалмы больше напомнили о крови. О той, что несколько ночей назад окропила его надушенные простыни и навсегда отрезала Дарии путь к жречеству.

Об этой стороне вопроса король, разумеется, не беспокоился. Зачем? Он радел о благополучии огненной земли, а не о ее духовной целостности и благочестии. Его дело – чтобы подданные были защищены от каких бы то ни было угроз

(в том числе от зловещих созвездий) и всегда могли честным трудом заработать себе на кусок хлеба (затем и были им придуманы гильдии). Умножать все, что этому способствует, и искоренять то, что мешает, – вот самая простая и одновременно лучшая политика. А ежели изменение судьбы одной обольстительной светлой сестры никоим образом не отразится на благополучии Харх, то... В общем, рассудив в таком ключе, Кафф остановился на излюбленном мужском допущении: «Почему бы и нет?»

К тому же, чтобы из государственного управления вышел хоть какой-то толк, важно помнить о разделении власти. И здесь монарх, в отличие от некоторых его *легендарных предков*, не пытался играть во вседержавие в угоду амбициям. К чему лезть в дебри высших сфер и туманить себе рассудок духовными поисками? На то в замке-горе уже есть Окайра – живой пример того, куда эти дебри могут завести... А в Святылище – Йанги. Вот к ней, будьте любезны, и взывайте в темный час духовного голода или стоя на перепутье судьбы! И коль скоро она возложила на себя сии обязанности, значит, ей за все это «высшее» и отвечать. С него, Каффа, вполне хватит дел насущных, задач ратных и практических.

Благополучие и благочестие. Никогда не следует забывать, что полномочия короля должны служить первой из этих целей. Для достижения второй есть Йанги. И до настоящего момента она, кажется, неплохо справлялась.

– Йанги...

Упоминание о верховной жрице вернуло Каффа к только что завязавшейся беседе. Сквозь бурное течение собственных мыслей до него, кажется, донеслось что-то о *прежнем* смысле жизни Дарии: молитвы, обязанность присматривать за душами отверженных, изготовление амулетов... Это было раньше. Это никак не касалось Каффа. Следовательно, было неинтересно. Отличный повод перестать изображать внимательного слушателя и предаться собственным размышлениям... В конце концов, *почему бы и нет?* Но вот на арену вышла Йанги – та, кому Дария принадлежала прежде. А разделение в управлении и разделение в личной жизни – далеко не одно и то же. Самое время это показать.

– И что же Йанги? – легко спросил Кафф, по-отечески поправляя пшеничную прядь Дарии, упавшую ей на лоб. За покровительственным тоном и показной заботой он хотел скрыть, что пропустил часть ее рассказа. Зачем красавице это знать? Пусть лучше думает, что он хочет подробностей – все-все до единой.

– Ну, когда она заметила... – Дария слегка потупилась, – заметила ваш взгляд на жертвенной ночи Дугорога...

Память Каффа тотчас же воскресила истому летней ночи, внутренний двор Святилища... повсюду вырезанные из дерева рога, увитые охалками душистого османтуса, жертвенник в окружении горящего кольца факелов... И фарфоровая кожа Дарии, оттененная чернильным послушническим одеянием. Тогда Каффу казалось, что свет всех факелов был со-

средоточен вокруг ее точеной фигуры. И отражение огоньков в желтых радужках серых глаз... Окайра еще, словно нарочно, стояла бок о бок с юной светлой сестрой. Рядом с Дарией она казалась высохшей, изможденной своими выдуманными тяготами старухой.

– Я прекрасно понимаю, о чем ты. Продолжай.

– Она подошла ко мне уже на рассвете, когда все разошлись, а мы с другими светлыми сестрами отмывали жертвенную чашу от крови. Как я говорила, она заметила... – Дария сделала паузу, показывая, что ей тяжело возвращаться мыслями к точке излома своей судьбы.

«Какова скромница! – усмехнулся про себя король. – Бойтся вызвать во мне подозрение в том, что намеренно соблазняла меня на глазах у подлинной королевы и всего народа. После всего, что между нами было – здесь, на этом самом ложе... Смешно!»

– Заметила *высшей смысл* нашей связи, предначертанной созвездиями? – попытался он свести все к безобидной шутке. В дипломатии, как известно, без хорошего юмора – никуда. А философские беседы на смятых простынях с такими вот юными прелестницами и есть лучшее в мире упражнение в дипломатии.

Кажется, этот маневр полностью обезоружил Дарию.

– Да, именно это я и хотела сказать, Ваше Величество, но боялась оскорбить вас подобными сравнениями, – робко закивала она. Глаза меж тем поднять так и не решилась. – Она

действительно заметила... – В этот раз девушка подобрала слова значительно быстрее. – Заметила обоюдные взгляды. Я думала, Йанги рассердится и выгонит меня из огбаха за такую дерзость. Но, клянусь милосердием Матери звезд, те мгновения, те вспышки между нами стоили бы и большего наказания!

Дария вдруг сменила смущение на пылкость. Это, по опыту Каффа, предвосхищало новую волну откровений. Он только диву давался: открывать для себя ее душу, ее взгляд на происходящее было не менее интересно и захватывающе, чем тело.

– Не клянись, дитя мое, – отчасти шутливо, отчасти высокопарно проговорил король, простирая руки над головой Дарии так, словно этим жестом отпускал ей все грехи и, буд-то это и впрямь было в его власти, стирал из памяти привычки прошлой жизни. – Ты в замке, а не в Святилище. Здесь тебя больше уважают, когда даешь *обещания* и выполняешь их... Желательно до того, как боги приберут тебя к рукам и отвечать станет некому.

Весьма довольный своей сентенцией, Кафф победно улыбнулся, продолжая поглаживать ее пшеничные завитки.

– Оставим клятвы там, где они что-то значат.

– Конечно, Ваше Величество.

В голосе Дарии смирения было значительно больше, чем согласия. Впрочем, большинство собеседников Каффа спешили вторить ему как раз в такой манере. Потому король

остался глух к скрытым интонационным шифрам, могущим порой сказать больше, чем само послание.

– Я рад, что мы понимаем друг друга, – примирительно изрек Кафф, ощущая все больше власти над юной любовницей.

Он поймал себя на мысли, что действительно ценит эту власть. Еще бы, он, возможно, первый монарх огненной земли, которому довелось украсть у Йанги одну из ее игрушек. Чудеснейшей экземпляр из коллекции фарфоровых куколок, живущих в своем низком домике у Святилища и питающихся, вероятно, лишь флером его благовоний. И, черт возьми, он не просто *украл* ее, а доказал, что достаточно одного заинтересованного взгляда, чтобы верховная жрица поняла его волю и сделала все сама! Она, можно сказать, вынула из собственной короны драгоценный камень, завернула в белоснежную органзу и прислала подарок прямо в его опочивальню!..

«Хотя о чем это я... Йанги не носит короны. Корону здесь ношу один лишь я. И все ее рубины – мои по праву!»

Йанги сделала все сама... Впервые шевельнулась неприятная мысль о возможных последствиях.

– Верховная жрица тебя не обижает с тех пор, как ты отреклась от служения?

– О нет,нисколько, Ваше Величество, – на этот раз пылко уверила его Дария. – Огбах продолжает укрывать меня в своей обители и после моего отречения. Мне дают разную про-

стую работу, а в свободные часы я занимаюсь рукоделием. Сестра Идма даже подарила мне тончайшие перчатки, чтобы я могла передавать послушницам любые предметы прямо из рук в руки.

Каффу показалось довольно диким то, что Дария так спокойно и даже восхищенно описывает свое положение неприкасаемой в родном доме. Она, кажется, и вовсе не чувствовала себя униженной. Девушка повествовала о происходящем в огбахе так умиротворенно, как будто речь шла о приятных заботах.

– Первое время после меня никто ничего не трогал, пока вещь не была очищена дымом курильницы. И работать мне нельзя было. Одно созвездие – это не так уж долго. Зато когда оно закончилось, все стало почти как раньше. Почти... – На мгновение Дария замялась, будто в ее безмятежную головку вкралось гнетущее воспоминание. – Некоторые сестры, конечно, со мной вначале даже не разговаривали. Но, по-моему, это было вполне справедливо. Я отреклась от послушничества и от религии, а они – от меня. Что здесь может быть обидного? Но со временем и это прошло. Мне даже подарили перчатки, – повторила Дария так, словно ее окружили вниманием и почестями, а не послали намек на ее бесчестное положение.

Блаженно улыбаясь, девушка пояснила причину «потепления» климата в огбахе:

– Йанги говорит, что в воле короля сокрыты посылы бо-

гов, а жреческая миссия – претворять эти послы в жизнь.

Кафф еще раз оглядел ее с ног до головы: худая фигура, лишенная приятной женской округлости, слегка выпирающие ключицы и бедренные кости. И совершенно ангельское лицо в обрамлении водопада вьющихся волос – без единого отпечатка прихотливой судьбы. Фарфоровая кожа и песочный водопад. Новые фантазии и неутолимая жажда волнующих открытий задушили на корню неприятное чувство жалости к этой сломанной игрушке. К той, что уже никогда не сможет облачиться в хитон светлой сестры, чтобы с чистой совестью войти в Святилище; никогда не сможет надеть корону, дабы рука об руку выйти с ним, Каффом, на высокую террасу замка-горы – поприветствовать *свой* народ.

Король не стал продираться сквозь сумрак этих непрощенных мыслей. Вместо этого он притянул Дарию к себе и глубже вдохнул ее аромат. Обоняния нежно коснулись теплые мускусные волны, смешанные с дыханием разогретой кожи. Этот букет манил и увлекал за собой – туда, где нет места излишним сожалениям и тоске о несбыточном. Туда, где небосклон напоен нектаром пьяных звезд, вторящим в своем танце каждому движению тел. И с неба одобрительно улыбаются боги, умиленно радуясь проказам своих детей...

А вовсе не скалится в предсмертной агонии поверженный Ящер.

– Так давай претворять в жизнь послы богов... – выдохнул Кафф, утопая в песочном водопаде.

– Ты *должна* отпустить меня!

Бадирт ни свет ни заря ворвался в материнские покои. Волею случая это совпало с тем самым моментом, когда Окай-ре наконец удалось сбросить с себя силки бессонницы и наконец отдаться приятному забытию. Принц, однако, либо не заметил этого, либо не придал значения: его в тот миг заботило лишь одно.

– Я слышал, что Тихх сегодня возвращается из странствия в Подгорье!

Королева часто заморгала, с трудом возвращаясь к реальности. Уж не снится ли это ей? Вчера ее сподобился навестить супруг, сегодня – сын. «Судьба балует меня», – горько усмехнулась королева сквозь разлетающиеся обрывки сна. Лишь бы встреча с Бадиртом не закончилась так же, как и с его отцом: третьей неудачи (удручающая сцена у Святилища, завершившаяся обмороком, тоже не давала королеве покоя) она, пожалуй, не выдержит. Так чего же хотел от своей матери не на шутку взволнованный принц? Что привело эту жертву переменчивого настроения в покои королевы с утра пораньше?

– Кто возвращается? – Королева собирала по частям не только саму себя, но заодно и суть беседы с сыном. Маленькие взрывы в голове и сосущая внутренняя пустота изрядно усложняли эти две задачи. – Этот блаженный без родины? Тарх?

– Тихх, матушка. Его зовут Тихх.

Как же надоело Окайре это приторно-ласковое обращение сына, когда ему было что-то от нее нужно! Нет бы всегда так, а не только когда требуется ее разрешение на какую-нибудь прихоть или вмешательство в его споры с отцом и дядей!

– Да, конечно – Тихх, – спокойно кивнула королева. – И что же, ты хочешь послушать его сказки? Не слишком ли ты уже для них взрослый, мой мальчик?

Нет, в глубине души Окайра не считала Бадирта достаточно зрелым даже для участия в заседаниях совета (ох уж это Каффово воспитание: видит в нем не сына, а только преемника!), однако принялась играть с Бадиртом в ту же игру. Ибо знала, как приятно сыну любое признание его мнимой взрослости.

Странно. Это не подействовало.

– Какие сказки! О чем ты, матушка? Уж не думаешь ли ты, что он сам их сочиняет, чтобы вытягивать из деревенских простачков милостыню или пожертвования? – Бадирт вскинул бровь, словно услышал самую большую в мире глупость. – Он па-лом-ник. Он пешком странствует по всему острову. Он видел горы, равнины, степи, пустыни и болотные пустоши, – разъяснял Бадирт с таким видом, будто втолковывал основы основ несмышленому ребенку. – И он собирает там не сказки, – принц даже сморщился, произнося это слово, – а истории. Сказки и истории. Ты вообще понимаешь разницу?

Меньше всего Окайре хотелось сейчас обсуждать какие-то пространные, общие категории. И вообще говорить о том, что не имеет отношения к будущему ее семьи и всего Харх. Тем не менее на нее испытующе смотрели два черных уголька в ожидании ответа. Кто знает, быть может, этот разговор растопит лед между ними? Тогда ни в коем случае нельзя сейчас отмахиваться, как бы физическая слабость ни путала мысли.

– Я думаю, что и то и то – плоды народного воображения, – изрекла наконец королева. Она села на постели, борясь с головокружением. От нее ускользнуло, что Бадирт разочарованно скривился. – Только в сказках выдумки много больше. – Окайра взяла с туалетного столика костяной гребень и принялась расчесывать спутанные волосы. – А истории – те же сказки, только выглядывающие из кривых зеркал прошлого.

Косой взгляд на сына убедил королеву в том, что мальчик наконец призадумался. Может, сейчас получится придать его новым мыслям желаемое направление? Ибо неизвестно, когда снова представится такая возможность. И Окайра со значением добавила:

– Среди цветных стекляшек, если очень постараться, можно отыскать истинные самоцветы. Это предания отдельных народов, чудом сохранившие свою форму в горниле времени. Достоверные и правдивые. Не раздавленные молотом лжи. Не отлитые по формам политических целей, которым

вынуждены были служить. – Королева отдышалась. Слабость и красноречие – более чем странный союз, однако выбирать ей не приходилось. – Их очень и очень мало, Бадирт. Они скупо рассеяны по острову и умеют отлично прятаться: в толщах рудников, в ледяных узорах горных пиков, в крупинках песчаных барханов... Лучше всего они прячутся от поддельных пророков, оракулов и странствующих вещунов, которых последнее время уж больно много сваливается на нашу голову.

– Ты считаешь, что Тихх врет? – вскинулся Бадирт.

– Я ни разу не слышала его... повествований, чтобы судить о них, – сказала Окайра. – Быть может, в них и кроются те самоцветы, о которых я тебе говорила... Кто знает, возможно, в его рассказах ты найдешь целые их россыпи. Однако теперь у меня вопрос к тебе, сын мой. – Принц удивленно уставился на нее. – Понимаешь ли *ты* теперь разницу? Сможешь отличить правду от лжи?

Бадирт скептически почесал подбородок, непроизвольно нащупывая на нем редкие черные волоски. Окайра всматривалась в его лицо, пытаясь отыскать приметы смены настроения. Неужели ее слова дотянулись до затаенных душевных струн, на которых последнее время так ловко наигрывала Йанги? Королева напрягла зрение и затаила дыхание, позабыв о своем разбитом состоянии. Мимика Бадирта говорила о том, что принц что-то напряженно анализирует, что-то крутит перед умственным взором, оценивает, сопоставля-

ет...

– Знаете, матушка, – прищурившись, тихо проговорил мальчик, – я не хочу знать никакую *правду*. – Он скрестил руки на груди и наклонился к матери. – Полагаю, вы понимаете, о чем я.

«О всепрощающая Мать звезд, сколько ледяного металла, оказывается, может вместить голос собственного дитя...»

– Слишком уж часто ваша хваленая правда оказывается ужасно разочаровывающей, – с нажимом изрек Бадирт.

Каждое его слово оставляло на обратной стороне грудной клетки Окайры кровоточащие следы острых когтей. «*Воронь* опять начали клевать...» Выходит, сыну все известно: и о тайне своего рождения, и о судьбе, предрешенной волей чужого замысла.

О судьбе, в которой ему никогда не занять место отца и не взойти на опаловый трон подлинным королем Харх. Или взойти, но уж точно не так, как он себе это представлял с самых ранних лет...

«Он знает!» – пронзила Окайру поистине ужасающая мысль. Столько звездных циклов она не решалась заговорить с сыном о его будущем. О том, что своим появлением на свет он обязан вовсе не своей матери, а темному запрещенному колдовству, природа которого лежит вне всех шаманских и духовных практик огненной земли. Нет, верховная жрица сначала и слышать об этом не хотела, но Окайра так грезила о наследнике, так истово, отчаянно просила... Одурманен-

ная мечтами, она заклинала Йанги пойти на это кощунство – бросить вызов самому Огненному богу и покуситься на роль Пародительницы. Что же теперь?

Окайра метнула отчаянный взгляд на принца, надеясь найти в нем опровержение страшной догадки. Хоть что-нибудь в свою защиту.

Но нет. Тысячу раз нет!

Низкий лоб, выступающий подбородок, широко расставленные иссиня-черные глаза, пятнистая россыпь причудливых родимых пятен по телу... И эти жидкие черные волосы, местами словно изъеденные ржавчиной... Сухощавой неуклюжей фигуре под бархатным хитоном будто бы вовсе нет дела до ежедневных физических упражнений и танцев с мечом, которые лично ревизовали на Ладони Кафф и Явох.

Кафф... Меньше чем на кого-либо на всем Харх Бадирт сейчас был похож на него. Скорее полная противоположность. Уродливое отражение на ряби грязного озера. Узловато-лохматая изнанка вышивки. Взрослея, наследный принц огненной земли все больше становился *не тем, кем казался*.

Королеву передернуло от отвращения: воспоминания, похороненные без почестей в недрах памяти, вдруг овеществились и грозно восстали из своей братской могилы. И не было силы им сопротивляться: все известные королеве мантры и молитвы оказались жухлыми листьями, неспособными укрыть ее от надвигающейся бесплотной армии.

«Чудовище, – без конца повторяла про себя Окайра. – Чу-

довище! Чудовище! Чудовище!!!» Остатков воли и духовной твердости не хватало, чтобы отвести взгляд от сына. Но продолжать вглядываться в него было еще более невыносимо.

«*Мое чудовище...*»

– ...хорошо? – донеслось до королевы какое-то гулкое эхо.

Что еще от нее хотят? Еще помучить? Еще раз ткнуть в лицо ее собственным эгоизмом? Довести до *крайности*? Воистину, она и без того уже встала на самый край безумия. Еще одна душевная рана, пара уколов вины, и она рухнет в пропасть. И вполне может статься, что увлечет за собой других...

– Матушка! Да что с вами такое?

Кажется, Бадирт склонился еще ниже и уже настойчиво тряс ее за плечо. Недоумения в его глазах было больше, чем сочувствия. Убедившись, что Окайра пришла в себя и вновь внимает его словам, он, махнув рукой, снисходительно произнес:

– Не берите в голову. – И, бесстрастно глядя куда-то сквозь стену, уронил небрежно: – Я ведь сказал, что мне нет дела до *правды*. Пусть себе гниет в компостной куче прошлого. – Облизнув сухие бескровные губы, принц мрачно улыбнулся.

«Ох... Так ведь обычно делает Кафф – самодовольно улыбается, отпустив остроумную шутку... – промелькнуло в голове Окайры. – Только выглядит это у него по-другому. Со всем по-другому...»

– Не вините себя, матушка.

Это завуалированное, но вполне доходчивое признание сына лишило королеву последней надежды.

Бадирт словно это почувствовал. Он как-то сгорбился под своим черным хитоном и торопливо закивал в такт своим словам. Половину его лица украдала тень, отбрасываемая высоким туалетным столиком. В чертах проступила неприятная чуждость, вызревшая из темной, нечестивой связи...

– Оставьте вашу правду и ваше прошлое себе; мне они ни к чему, – оскалился Бадирт. – Вы, кажется, спрашивали меня о правдивых преданиях и выдуманных сказках? Вот вам мой ответ: я лучше выдумаю свою собственную сказку и сделаю ее правдой. Хоть кто-то в семье должен не совершать глупых ошибок и не разочаровывать других...

Окайра оцепенела. Впервые за всю историю их сложных отношений ей было действительно нечего сказать сыну.

– Я верно понимаю, что могу пойти сегодня на вечер оракула, матушка? Вижу, что вы не против, – хладнокровно заключил Бадирт, направляясь к выходу. – Благодарю вас за разрешение. А то отец заперся у себя в опочивальне, и стражники даже меня к нему не пускают. К чему бы это?

Последние слова донеслись уже из-за закрытой двери.

Глава 20 Исправление ошибок

«Где ты?» – беззвучно спрашивала Илари в пустоту.

В кабинете она находилась не одна, но обращаться было решительно не к кому. Низким куполом черного шатра над

ней нависало собственное бессилие; оно впивалось в горло, обжигало глаза. Ничего не получалось. Она только все испортила – теперь уже точно. Вот, оказывается, куда вел ее своими кривыми тропками весь этот длинный тяжелый день – в крошечную тьму глухого тупика.

Из которого нет выхода.

«Это конец, – мрачно подвела итог девушка, отнимая от бездыханного тела свои дрожащие, испещренные позорной чернильной вязью руки. – И для меня, и для него». После чего, не сдержавшись, с некоторым укором посмотрела на Моффа: зачем он с ней так? Восхищение и трепет, с которыми Илари еще утром взирала на мастера лекарского дела, уступили место зарождающемуся негодованию. Чего он хотел? Чего добивался? Это они, может, здесь так развлекаются у себя в Университете – играют жизнями пациентов (или, скорее, уж *подопытных*) и судьбами учеников?! Ну что ж, вот и доигрались... Как она, Илари, говорила себе когда-то, вынашивая наивную детскую мечту о поступлении и посвящении себя врачеванию? *Милосердие сильнее жестокости?*

Илари сокрушенно вздохнула: «Где угодно, но только не здесь!...»

Она беспомощно оглядывалась по сторонам и не находила ни помощи, ни сочувствия. Оглядываясь, Илари заодно увидела и себя – будто бы со стороны. Вот она, сгорбившись, стоит на коленях посреди кабинета Моффа, ее окружили хозяин кабинета, два незнакомых странника с утомленными

лицами и испуганный ассистент. Сцена, мягко говоря, не самая веселая. Пожалуй, одной ее было бы достаточно, чтобы стало не по себе; чтобы возникло непреодолимое желание бежать куда глаза глядят. Задуматься, а ведь бежать – это не так страшно... Илари сегодня это уже делала – вернее, пыталась – в самом начале вступительного испытания, но Университет свирепо щелкнул механизмом своей ловушки прямо перед носом. Он, как и его коренные обитатели, видимо, тоже любит позабавиться со своими жертвами, прежде чем выплюнуть их обратно в бездну Вигари.

И с самозванкой Илари будет точно так же! «Они тут все заодно...» – озарила запоздалая догадка.

Она не смогла.

И неудивительно. То откровение, что внезапно снизошло на нее во время экзамена, уже давным-давно прогорело дотла, оставив лишь почерневшие уголья неотвеченных вопросов. Никакого таланта в ней, разумеется, нет. Странное, пугающее нарушение рассудка, которое *по чистой случайности* помогло девушке оживить ульмэ, оказалось теперь бесполезно. Возможно, и в случае с рыбой вообще не было никакой ее личной заслуги – так, совпадение, шутка судьбы. А теперь за нее еще отвечать предстоит. Ибо все это шарлатанство, которое она, Илари, пыталась протащить в Университет под видом «дара» (а как это еще могло выглядеть в глазах других?), теперь обернулось против нее. Жалкие фокусы, каким-то образом сработавшие с ульмэ, не действовали

на молодого вига.

На коленях у вконец ошалевшей и уже ничего не понимающей Илари лежал самый тяжкий в ее недолгой жизни груз – мертвец. Пациент, которому она ничем не смогла помочь, а может статься, и ускорила его смерть. Да, судя по всему, юноша отправился в свое собственное путешествие в один конец. Вслед за той дьявольской химерой – не то змеем, не то клыкастым ящером, не то летучей мышью... Какой жуткий, уму непостижимый проводник на тот свет! Он явился Илари два или три раза короткими слепящими вспышками, но этого ей волне хватило, чтобы ощутить всю свою ничтожность против мощи чудовища. Зверя неизвестной природы, пожиравшего внутреннюю силу юноши.

И нет бы Моффу прийти ей на помощь: собрать консилиум – или как там это у них называется? – из уважаемых мастеров и магистров. Хотя бы попытаться продемонстрировать свое хваленое искусство и богатый лекарский опыт! Нет, куда там... Все, что он, оказывается, мог – это молча стоять рядом, хладнокровно наблюдая, как она убивает молодого вига своим дилетантством...

«Жестокий старик». Илари с отвращением наблюдала за бесстрастным лицом Моффа, продолжая зачем-то сжимать запястье юноши. В этом лице она с ужасом прочла ответ на свои бесчисленные вопросы: «Для него это все – один большой садистский эксперимент». Внутренне похолодев, девушка отбросила светлую прядь волос со лба покойни-

ка. Цветом они были практически как и у нее самой. Серо-серебристые. Влекомые легкими подводными колебаниями, они, словно нимб, плавно струились над головой молодого пилигрима, подсвечивая его кожу мертвенным перламутром. Семейная вязь на безжизненно раскинутых руках местами перемежалась с такими же, как и у Илари, темно-фиолетовыми вкраплениями. Широко распахнутые глаза подернулись слепой матовой пеленой. Наверное, раньше – возможно, еще сегодня утром! – они с любопытством глядели на мир двумя мерцающими аквамаринами... Илари содрогнулась всем телом от первых подступающих к горлу рыданий. Кажется, ей одной было хоть какое-то дело до только что скончавшегося на ее руках молодого вига. Отрешенный Мофф и бровью не повел, а спутники бедняги выглядели так, словно случилось ровно то, чего они и ожидали, а может, даже втайне и *планировали*. Ассистент, видимо, беспокоился только о себе и потому не спускал напряженного взгляда с Моффа: как бы не попасть впросак и не пустить под откос свою блестящую лекарскую карьеру!

«Они тут все заодно!»

– Вы разве не видите?! – раздался вдруг над Илари громкий возглас. Какой-то слишком уж визгливый для мужского. Однако судьбе ведь сегодня было угодно поместить ее в общество сильного (не в буквальном, как выяснилось, смысле) пола, а значит, и голос принадлежал кому-то из них. Девушка промокнула слезы закатанным рукавом платья и закути-

ла головой, словно испуганный зверек. – Он двигает глазами!!!

Вопил, как выяснилось, взбалмошный ассистент. На мгновение Илари завладел совершенно некстати возникший вопрос: как же он, интересно, *ассистирует* старшим преподавателям во время лечебной практики? Столь же экспрессивно?.. «Ах да, – быстро поправила она себя, не ведая, откуда в такой момент черпала столько первоклассного сарказма, – видимо, в этом нелегком деле ему помогает идеальная родословная. Лучший щит от критики и недовольства наставников». Словно в подтверждение сатирической гипотезы Илари, худощавый молодой лекарь энергично замахал руками, – разумеется, сплошь опутанными серебром витиеватых узоров. От этого сияния (вряд ли связанного с проблесками светлых мыслей) аж в глазах зарябило.

Несколько мгновений Илари видела перед собой лишь расплывчатые блестяще-белые завитки, вальсирующие между молодым ученым и таким же молодым, но уже угасшим пилигримом. Его спутники – коренастый мордоворот с изрешеченным серьгами ухом и старик в хархских цацках – видимо, опередили девушку и уже успели разглядеть то, на что указывал ассистент. Неужели увиденное проняло-таки их черствые эо? Судя по вопросительным позам и растерянным выражениям лиц странников, они не узрели ничего обнадеживающего. Эти два вига-путешественника опустили на колени рядом с девушкой и, словно околдованные, мед-

ленно переводили взгляды с мертвеца на них с Моффом.

Они ждали ответов?

Илари закрыла глаза, до отказа наполнила грудную клетку подводным кислородом и постаралась очень медленно пропустить его через разветвленные легкие к прорезям спинных плавников. До ее слуха донеслось эхо голосов: мнения, предположения, сумасбродные догадки... «Какие красивые сапфировые глаза...» – только и крутилось в голове Илари. Крутилось вопреки, а быть может, и назло происходящему. «Возможно, их даже не закроют перед помещением в нолл... И волосы у него совсем как мои. *Серо-серебристые*. Но откуда там, внутри, – Илари через силу подняла веки и с опаской покосилась на замершее лицо юноши, – такие страшные видения? Кем он был раньше? Неужели при жизни этот несчастный грезил о судьбе воина, чтобы сеять вокруг смерть и разруху, а на досуге сражаться со страхолюдными химерами?»

Быть не может! Илари на всякий случай протерла глаза. Да он никак сражается с ними до сих пор! По меньшей мере – взглядом.

Мертвец *двигал глазами* – теми самыми, которые, по мнению Илари, слишком красивы, чтобы закрыть их перед погребением. Вправо и влево, вверх и вниз. Выходит, «сияющий» ассистент оказался прав: и в сути происходящего, и даже в своей далеко не научной формулировке.

– Вы видите? Теперь-то вы видите? – продолжал он голо-

сидеть прямо над ухом девушки.

Очевидно, молодой лекарь всерьез решил, что удача, улыбаясь, протягивает ему руку с будущим авторским исследованием на тему воскрешения мертвых. Или хотя бы листок с указанием его славной фамилии в составе авторской коллегии: как-никак он «стоял у истоков» величайшего научного открытия. Ну и подумаешь, что просто *стоял* и визжал, как перепуганная девица, размахивая руками... Тоже вполне себе вклад в общее дело!

– Яллар, Елуам-то наш жив-живехонек, получается? – пророкотал мордоворот, обращаясь, видимо, к старику-страннику.

Что-то подсказало Илари, что он произносил это не впервые, а гонял фразу по кругу, словно мантру. А вопрос его был скорее утверждением, вызывающим к солидарности.

– Так ведь получается, а, Ял?.. – уже как-то жалобно и испытующе вопрошал мордоворот в серьгах.

«Ял», хоть и был увешан странными иноземными украшениями, вызывал у Илари больше доверия. Возможно, благодаря своему молчанию, родственному в понимании девушки какому-никакому уму. Даже несмотря на то, что она еще толком не поняла, где заканчивается ум со сдержанностью и начинается откровенная черствость. Однако похожее чувство – безотчетного, но всеобъемлющего уважения – она уже сегодня испытала, внимая в начале экзамена каждому слову мастера Моффа. И, похоже, испытала ошибочно. Теперь она,

невзирая на юный возраст, сто тысяч раз подумает, прежде чем дарить кому-то свое «безотчетное уважение».

Илари перевела взгляд на Ялрира и изо всех сил постаралась увидеть в нем обычного вига, не окутанного этой «Моффовой вуалью» – дымкой опыта, знаний и прожитых лет. Увидеть просто седовласого старика, питающего необъяснимую страсть к драгоценным металлам варварской огненной земли – и на этом все. Хватит уже иллюзий! Хватит позволять другим затуманивать себе голову! Видимо, настали такие времена, когда безоговорочно доверять не стоит даже самой себе...

«Ял», похоже, тоже никому уже особенно не доверял. Он не спешил разделить радость мордovorота. Вместо этого старец с величайшей осторожностью – на грани подозрения – следил за Моффом из-под своих белесых бровей. Не торопился он и разделить траур Илари. Как будто пытался удержать баланс на невидимом канате, перекинутом над пропастью. Девушке приходилось гнать от себя мысль, что такое поведение – показатель наивысшей ответственности за других. Она чувствовала: увяжешься вслед за этой мыслью, и та непременно приведет к непрошеному чувству восхищения – а там, глядишь, и до *безотчетного уважения* рукой подать!

К счастью, теперь Илари уже не так глупа.

«Неужели жизненный опыт действительно строится из таких вот ошибок?!» – с ужасом думала она. Думала – и все больше утопала в прохладной глубине беспокойных глаз

юного пилигрима, что нашел свое последнее прибежище на ее коленях.

Неизвестно, как там с опытом – порой он без спросу возводит на фундаменте судьбы свои мудреные укрепления, – а вот Илари чувствовала себя полностью разрушенной. Словно она умерла вместе с этим пилигримом и теперь они двумя восковыми фигурами безмолвно лежат здесь, в кабинете Моффа.

Немым укором всей мирской несправедливости, а особенно – пресловутому опыту, вдоволь наигравшемуся с их телами и эо.

– Не утруждайтесь так, Ольми. И поберегите голос для прикладных семинаров. Я видел все, о чем вы говорите, с самого начала.

Диссонанс интонаций ассистента и пучеглазого мордоворота из Черторга уже начал изрядно действовать Моффу на нервы. Невозможная какофония: один, как пономарь, долдонит без остановки свой вопрос, второй – верещит. Спасибо, что хоть Яллитр – ровесник мастера и, по-видимому, самый вменяемый из присутствующих – не превращал этот дуэт в трио.

Мофф прекрасно знал: молчание Яллитра – в лучшем случае дань этикету. Знаменитый пилигрим с нетерпением ждал лекарского вердикта, как не раз ждали его родственники и друзья прошлых пациентов Моффа. Этот взгляд – смесь на-

дежды и опасения – ни с чем не спутать. И обычно в таких случаях Мофф попросту рубил наотмашь. Хорошо отточенным движением. Парой-другой сухих фраз он выносил приговор. Ибо знал, что часто именно за внешней жестокостью и кроется истинное милосердие – и наоборот: избыток утешительных, обнадеживающих словес таит червоточину греха. Так уж у врачей издавна повелось. Нередко *их* милосердие пряталось в самых неожиданных местах: на острие ножа, в мутных дымящихся каплях полужидов, в безжалостных словах. И чаще – именно в словах.

И Мофф обычно предпочитал никого не тешить ложными надеждами. Он еще раз критически, стараясь стряхнуть эмоциональную шелуху, взглянул на юношу, застрявшего на распутье между двумя мирами. Двое странников сказали, что его зовут Елуамом. «Значит, Елуам...» – перенес его Мофф в ящичек мысленной картотеки. Мастер имел привычку запоминать имена пациентов. Воистину, лучше так, чем когда они приходят и напоминают о себе сами...

«Несомненно, физически его уже нет с нами, – рассуждал про себя мастер. – Но, что примечательно, на протяжении довольно длительного периода в таком же состоянии находилась и наша уже знаменитая на весь факультет ульмэ. Вот ведь друзья по несчастью!»

Второй за светокруг лекарский инцидент, лежащий далеко за рамками науки... Да и за пределами здравого смысла, если уж говорить напрямую. Сначала рыба, теперь – пред-

ставитель вига. Притом молодой – на вид ему не больше двадцати светокругов, – здоровый, достаточно крепко сложенный. Чуть больше внимания госпожи Удачи к его судьбе – и прожил бы долгую и беззаботную (во всяком случае, с точки зрения здоровья) жизнь...

Но увы.

– Господин мастер... – прокашлявшись, наконец обратился к нему старый пилигрим.

Видимо, боязнь неизвестности и безотчетный страх перед иррациональным все же одержали победу над знаменитым купеческим тактом. Да, именно купеческим. Уж Мофф-то сразу распознал в них торговцев: кто бы еще таскался по Нуа, обвешанный хархским золотом, да еще и в сопровождении телохранителей? Однако стоит отдать Яллиру должное: держался он долго.

Мофф не дал ему договорить. Зачем? Все они всегда спрашивают одно и то же. Успело, знаете ли, приесться за долгую непростую жизнь.

– Вероятно, вы желаете знать, каково состояние Елуама и что его ожидает? – избавил мастер себя от *одного и того же*, а Яллира – от неподобающего его возрасту неловкого положения.

Купец благодарно взглянул на него и с жаром закивал. Стоящий рядом мордovorот, словно игрушечный болванчик, повторил кивки за старшим спутником. Его чрезмерное усердие вызвало переливчатое бряцанье сережек-скоб – оно

заполнило тяжелую паузу.

Мофф внутренне собрался и замахнулся своим невидимым ножом. Да, безусловно, у него имелся определенный ответ, и он был готов плеснуть его в звенящую тишину кабинета – слишком уж эта тишина стала давить на грудь.

Хорошо, что никто из присутствующих не слышал мыслей, проскакавших галопом в голове мастера...

А если бы они услышали?..

Что бы сказали эти купцы-странники, проделавшие к нему долгий путь и надеявшиеся на помощь?.. Да, мастер многое мог поведать о причинах, но абсолютно ничего – об исцелении. «Какая ирония!» – содрогнулся Мофф, больно уколовшись о знакомое чувство беспомощности перед лицом неизведанного. То, что он понимал природу противоположного состояния Елуама, в общих чертах мог описать ее суть и даже набросать несколько правдоподобных гипотез относительно диагноза, не приблизило бы несчастного юношу к миру живых. Следовательно, к чему впустую разглагольствовать о материях, над которыми ты не властен? Тем более, насколько Мофф понял, странники – по крайней мере, старший из них – вполне понимали, в чем корень зла. Ну а слово «Расщелина», не раз уже мелькнувшее в их немногосложных репликах, пожалуй, и является главной причиной печального происшествия.

Расщелина... Слово бесцеремонно тронуло клавиши памяти мастера, покрытые вековыми кружевами паутины.

Волокна этой паутины отчаянно скрипнули где-то там, на самой глубине, и, поддавшись, послушно разошлись, взметая по сторонам дымчатую пыльную россыпь. Так уж вышло, что о Расщелине он знал больше, чем следовало знать простому смертному.

«Ох уж этот симбиоз легкомыслия и любопытства...»

Пожалуй, все же не стоило так настойчиво расспрашивать о ней Наиду... Эти знания о нижней границе миров и ее обитательницах в свое время не на шутку взбудоражили воображение мастера (тогда еще магистра). Заставили разубедиться в целом корпусе научных постулатов и в изрядной части собственной жизненной философии. Признаться, в это самое *свое время* он даже на короткий срок примкнул к лагерю агностиков и начал со свойственной ему педантичностью выискивать белые пятна и узкие места в учении об эо...

И, искусники побери, находил ведь!

Мофф судорожно передернул плечами. Ему на мгновение сделалось тесно в привычном шелковом кимоно. «И надо же всему было навалиться в один день!..» Усилием воли мастер унял спазмы, расползающиеся от плеч к позвоночнику, и приказал себе сконцентрироваться.

Итак, причины. Без лишних эмоций, приветов из прошлого и прочей «воды».

«Купцы вернулись с инициации нового пилигрима, – твердо впечатывая в сознание каждое слово, проговорил про себя Мофф. – Очевидно, она прошла успешно – во всяком

случае, изначальноная ее цель достигнута: если бы Елуам выжил, то смог бы подниматься на сушу и дышать атмосферным воздухом. С большой долей вероятности, – механически поправил себя мастер, отмечая пытливым взглядом все внешние изменения в строении тела, все так же покоящегося на коленях Илари. – Но, так как здесь мы имеем дело с очень специфическим, тонким искусством, работающим одновременно с физической и ментальной компонентой живого существа, то и ожидать сбоя в теле иницируемого можно с любой стороны. – Мофф с сожалением вздохнул. – Тела смертных несовершенны... И зачастую слишком слабы, чтобы должным образом принять дары гурилий».

Порывшись в каких-то дальних архивах воспоминаний, мастер пришел к однозначному выводу: сбой случился на уровне тела ментального. Он это уже видел, и не раз. Более того, когда-то он даже пытался описать этот феномен. Надеялся изваять из этого бесформенного аномального монстра устойчивую научную систему на совесть укрепленную со всех сторон – теоретически и экспериментально. Казалось, все тогда было в его руках: новый неизученный вопрос науки, многообещающая методика, плавающие на поверхности выводы и открытия, отличный инструментарий... И Наида – самый прекрасный из его инструментов. Разумеется, без нее все самые смелые изыскания Моффа пошли в итоге прахом. Что из того, что он достиг высших научных званий вкупе со всеобщим признанием? Радость от достиже-

ния этих высот оказалась ничтожна, а горечь воспоминаний о единственной непокоренной вершине так и не утихла. Самое главное его исследование так и осталось мерцать далеким недостижимым эфиром. Мастер никогда не был фаталистом, но счел, что, видимо, на его линиях жизни попросту не было места для истинного лекарского чуда.

Чуда воскрешения из мертвых.

Он ведь почти успокоился. Почти забыл и о призрачном «чуде», и о головокружительных перспективах (не только, кстати говоря, научных), да и о Наиде тоже. Уйдя с головой в иные научные поиски, в педагогику и главным образом в неустанную лечебную практику, мастер нашел в этой кипучей деятельности целительное забвение. Он покорно растворялся в нем светокруг за светокругом, пока не встретился в какое-то новое течение судьбы – и покорно отдался его воле.

Если бы он, Мофф, довел тогда свои смелые исследования до конца, то, возможно, Елуам уже обнимал бы своих спутников, а они со слезами на глазах благодарили бы мастера за возвращение младшего собрата к жизни. «Если бы... – не удержался от ядовитой ремарки Мофф. – Слишком много «если» требуется, чтобы устроить все так, как нам бы хотелось».

Остается поднять руки и признать: мастер Мофф лично и вся лекарская наука в данном конкретном прецеденте целиком и полностью бессильны.

Однако у линий жизни мастера, по-видимому, имелся

свой независимый маршрут. Он все никак не хотел заканчиваться, а еще меньше хотел быть *простым*. И в его планы уж точно не входило становиться понятным и предсказуемым. Ибо на нем без предупреждения, безо всякого уведомительного письма возникла вдруг Илари.

Дочь Наиды – бывшей студентки мастера Моффа. И по совместительству его единственной любви.

Исцеление ульмэ доказало, что у девочки есть талант и она действительно способна на самые необычные вещи. «Эти руки могут многое! Могут такое, к чему никто из университетских не способен приблизиться даже в самых смелых мечтах!» Мастер, снова отвлекаясь от сути размышлений, скользнул взглядом по тонким кистям Илари. Во взгляде этом читалось скрытое, едва сознаваемое торжество. «Однако благодаря бесталанной папочкиной наследственности, – при одном воспоминании о Ваумаре торжество сменилось дрожью застарелой брезгливости, – возможно, истинное чудо в это «многое» не входит. А Елуаму, угодившему в лапы гурилий, сейчас может помочь только оно. И я как лекарь не смогу игнорировать это средство, если есть хоть мизерный шанс спасти пациента. Так пусть одной спасенной жизнью на моем счету станет больше! Если то самое запретное *чудо* воскресит юношу, я готов снова переступить черту!»

Паутина окончательно расплела свое витие с рояля памяти, обнажила его пожелтевшие ссохшиеся клавиши, и на них

виртуозно заиграла Илари. «Ничто не будет как прежде, – говорила Моффу эта тревожно-манящая музыка. – *И рухнет мир под тяжким гнетом...* И ты, старый грешник, вместе с ним!»

Мастер, словно принимая удар, еще больше распрямился. С вызовом оглядел участников сцены. Ничего не скажешь, чудная компания: дочь Наиды, торговые пилигримы и мертвец. Моффу осталось только саркастически осклабиться, мысленно обращаясь к кому-то вне своего кабинета: «Рухнет? Вы там серьезно?! Все *уже* рухнуло!»

Как бы в подтверждение этого раздался требовательный стук в дверь: видимо, экзамен давно закончился, и с тех пор наставническая коллегия теряется в догадках, куда же делся их старый докучливый руководитель. Этот стук напоминал звуки барабанов и фанфар, гармонично влившиеся в музыку Илари. И если вначале музыка была похожа на печальный меланхолический ноктюрн, то теперь превратилась в тревожную набатную увертюру.

Словно вот-вот поднимется занавес – и линии судьбы Моффа сыграют последний акт.

Время шло. Часовик Яллира равнодушно отсчитывал светшаги на цветном стеклянном циферблате. Старый пилигрим лишь задумчиво покачивал седой головой, бессознательно крутя в руке миниатюрную колбу и перебирая пальцами ее цепочку, словно четки. «Только здесь, – молчали-

во кивал он на часовик, – и осталось хоть какое-то постоянство... Утешает, что за этим стеклом все идет как прежде. Все подчиняется старым законам: цвета сменяются согласно их спектральной последовательности, и никаким бурям или штормам этого не изменить».

Яллитр еще раз тяжело вздохнул, поглядел на свой хронометр, похожий на крошечный снежный шар, и запрятал его поглубже в складки дорожной мантии. И безо всяких механизмов было понятно, что скоро рассвет: первые робкие лучи эфмиров уже зазмеились полупрозрачным серпантинном, вытесняя крошечный сумрак ночи из морских глубин.

Еще одной ночи, проведенной вдали от родного дома.

Пилигрим – он и сам это понимал – находился уже в том возрасте, когда устоявшийся режим и почти армейская дисциплина в вопросах питания и сна являются главными условиями здоровья тела и духа. Последние два светокруга вся эта дисциплина, ясное дело, полетела к искусникам: длительное выматывающее путешествие, скудный рацион, состоящий из остатков хархских сухофруктов да водорослевых галет, и, разумеется, полное отсутствие сна. Пожалуй, не всякий молодой и хорошо подготовленный вига выдержал бы такой режим.

Однако правду говорят, что ничто попавшее в копилку жизненного опыта не проходит бесследно. Так уж вышло, что Яллитр был не просто стариком с головой, полной всяких баек и причудливых иноземных сказаний, а заслужен-

ным торговым пилигримом. И старые привычки, включая завидную выносливость, до сих пор опутывали все существо Яллира. Может, размеренная и спокойная жизнь на время и усыпила их, но стоило выйти за ее границы, и тело само вспомнило, как выживать в трудных условиях. Вне всякого режима. Яллир явственно чувствовал, что опыт, подобно затвердевшим мозолям, теперь защищает его от тягот нынешнего странствия.

И это было чистой правдой: он в самом деле даже не думал о сне или еде. Он не ощущал потребности ни в том, ни в другом.

Все, что теперь чувствовал Яллир, – вину.

Она прогрызла в его разуме зияющую брешь, без остатка заполнив сознание старого пилигрима. Жалкие ростки надежды, заброшенные в эту брешь мастером Моффом, не могли даже частично зарубцевать открытую рану.

Он, *старина Яллир* собственной персоной, лично толкнул несчастного юнца в удушающие объятия гурилий и спровоцировал их ядовитый поцелуй!.. Именно так. А ведь были ему знаки, предупреждения!.. Заметив тени сомнений на лице Елуама еще там, у аквариума с фицци, он вместо того, чтобы задуматься, критически осмыслить состояние юноши, вдруг совершенно по-ребячески принялся брать его «на слабо». Как блестяще он тогда выступил! Нужные слова, разумные доводы и неоспоримые аргументы, казалось, брались из ниоткуда и сами слетали с языка Яллира. Что ни говори, а

красноречия и убедительности ему было не занимать: старый купец на уровне шестого чувства видел все слабые места оппонента и всегда знал, на чем можно сыграть в свою пользу.

И он играл! Иногда безо всякой цели, просто следуя порыву азарта. Идя на поводу у кучки козлоногих сатиров, выскакивающих из своей невидимой черной табакерки и поддразнивающих: «Играй, играй, играй!!!»

И Яллир делал, что они велели! И не останавливался, пока противная сторона не поднимала руки.

Неудивительно, что под таким давлением все страхи Елуама рассеялись, как дым...

Яллир, слепо глядя сквозь мутные пузыри окон на кособокие лачуги Зачерновичья, задавал себе один и тот же вопрос: «А не играл ли я *тогда*?» Может статься, что, пылко убеждая Елуама в том, что ничего, мол, плохого с тобой не случится, а Расщелина так и вовсе встретит тебя с распростертыми объятьями, он лишь поддался отголоскам бурного прошлого?

Кто теперь разберет... И так ли это важно? «Слабое, очень слабое оправдание...» – скривил губы Яллир, признавая всю ничтожность и бессмысленность этих смягчающих обстоятельств. Да их, искусники побери, и не было! Что вообще сможет оправдать смерть такого молодого, полного сил и надежд вига?.. Какие доводы и «смягчающие обстоятельства» утешат его мать-вдову? «Это ты своими лукавыми речами отправил моего сына на погибель вслед за его отцом!» – ста-

нет она, хрипя от слез, кричать ему под осуждающие взгляды молчаливой похоронной процессии.

И будет чертовки права.

Старый пилигрим еще раз пропустил тонкую цепочку часовика между своих узловатых пальцев. Яллитр крепко вцепился в граненое стекло, как в магический артефакт, каким-то чудом удерживающий рассудок скорбящего пилигрима на плаву. Единственное во всем мире подтверждение постоянства. Спасибо, что хоть за этим стеклом все идет как положено.

– Илари, – раздался низкий женский голос за спиной, – и чему только тебя учат в Черновике? Там ты так же работаешь? Посмотри только, сколько всякого хлама на рабочем столе! Убери сейчас же отсюда все лишнее!

Голос принадлежал высокой бледной женщине с тусклыми, словно выпитыми глазами и ложбинками впалых щек, но при этом невообразимо густой копной волос цвета ночного водного бездонья. Яллитр никогда не видел таких волос – ни в морской, ни на материковой части Сферы. Правда, сейчас они были убраны наверх, в какой-то замысловатый высокий сноп, и ловко перехвачены обветшалым платком. Рукава ношеного-переношеного платья, сшитого будто бы из той же бесцветной ветоши, что и платок, были по-деловому закатаны выше острых локтей и безо всякого стеснения являли густо-черные узоры, за которыми проступали редкие свободные участки белой кожи. Такого Яллитр, признаться, тоже

никогда *за свою выдающуюся жизнь* не видел – чтобы ви-га столь низкого происхождения демонстрировала свою фамильную вязь со столь исключительным достоинством.

Однако и руки, и голова Наиды в данный момент были слишком заняты. Им требовалось вспомнить очень многое. И от этих воспоминаний напрямую зависело будущее Елуама – если у него вообще остался шанс на какое-то будущее. И было видно, что Наиде глубоко плевать на всякие там иерархические условности.

Уж это Яллир точно видел своим невооруженным глазом, чувствовал своим шестым чувством, да и просто знал по опыту.

Илари ничего не ответила на материнский упрек. Видимо, девочке не впервой сталкиваться с подобными выговорами: принимала она их с молчаливой обреченностью узника.

Яллир проследил взглядом, как она сгребла со стола «лишнее». А именно – три пустых пузырька из-под легендарного вселекаря. Пилигрим, позабыв о своей степенности, спрыгнул с грубо сколоченной табуретки и метнулся к столу, у которого колдовала Наида, тихо переговариваясь с мастером Моффом.

– Что происходит? – невольно вырвалось у него.

– Хархская микстура не подействовала – вот что, – как бы между делом ответила Наида.

Тем временем намагниченного дна таза с характерным звяканьем уже коснулись пустые колбочки. Вернее, то, что

от них осталось: разнокалиберные прозрачные осколки. Раскрошенные по исцарапанной эмали емкости, они ничем не отличались от самой обычной разбитой бутылки. Нужно было как следует напрячь воображение, чтобы представить, что еще несколько мгновений назад за этим стеклом шипело и булькало самое редкое и дорогое снадобье на Вига – эликсир из вселекаря.

«Семена для этого эликсира, между прочим, впервые были доставлены в наш подводный мир моими собственными руками!» – закипал оскорблением Яллир. Он одновременно ужасался собственной непоправимой ошибке и что было силы клял про себя эту чертову уверенность во всемогуществе семян с огненной земли. Его главный козырь против сомнений и страхов Елуама. Его непростительный просчет.

– Зачем только время тратили на ее поиски? – процедила сквозь зубы мать Илари, обращаясь, по-видимому, к своему старому приятелю Моффу. – Нужно было сразу отправиться сюда, – многозначительно добавила Наида, с укором поглядев на мастера сквозь черную вуаль локона, выбившегося из-под повязки.

В ответ на обвинение этот академический сухарь вдруг потупил свой обычно прямой и преисполненный достоинства взгляд.

«Воистину, еще осталось в бездне Вигари такое, что способно удивить на склоне лет!»

Букавально на один миг эта короткая сцена отвлекла Ялли-

ра от мрачных переживаний, смешанных в равной пропорции с терзаниями оскорбленного самолюбия. Самый уважаемый во всем государстве лекарь, который без веской причины и головы-то не повернет в вашу сторону, оказывается, может смутиться от упрека какой-то маргинальной особы из Зачерновичья! Старый пилигрим, невзначай ставший свидетелем этого непостижимого явления, лишь крепче сжал в кармане часовик. Его острые грани уже основательно впились в ладони, но боль была притупленной, словно во сне. Но уж лучше ощущать ее, чем весь абсурд, что плотней и плотней смыкался сейчас тесным кольцом вокруг Ялтира. Пальцы без устали перебирали звенья цепочки, словно читали мантру на каком-то одному пилигриму понятном языке жестов.

Их механика проистекала не из эо. В ней не было ничего ни от столь почитаемых на Вига знаний, ни от безмерно ценимого Ялтиром опыта. Движения его пальцев творили некую иррациональную защиту от непривычной и потому пугающей реальности. «Быть может, обрести немного веры – не такая уж плохая затея?» Возможно, она пригодится. Особенно сейчас, когда перемены уже настойчиво стучат в заколоченные ставни старого отшельника – так, что даже он слышит их сквозь свою легендарную мантию с секретной подшивкой.

В какой-то момент Илари перестала различать день и

ночь. Все сплелось в единый клубок, каждая нить которого вытягивала из нее понемногу жизненные силы. Она уже не помнила, где, в какой точке этот клубок взял свое начало. Может, это произошло вчера днем, когда она открыла в себе пугающе могущественный источник исцеления, а потом – в самый неподходящий момент! – он «пересох»? Или раньше – утром, по пути в Университет? Когда она была еще обычной замухрышкой с неблагополучной окраины Нуа, не имевшей ничего, кроме «благословения отчаянием»... А может, точка отсчета высечена на той развилке в кабинете мастера Моффа, где ей, наивной идиотке, казалось, что вот-вот решится ее судьба?

Та, однако, не спешила решаться. Хитросплетенный клубок уже второй светокруг продолжал упрямо водить ее во круг той самой злополучной «развилки». Бесконечные заколдованные чертовы круги. Ни один из них и не думал вывести Илари к какой-то определенности. А то, что происходит сейчас, так и вовсе уносит ее все дальше от желанного будущего и его вероломных обещаний. Вот они уже втроем с матерью и мастером Моффом пытаются совершить невозможное – причем пытаются не где-то, а у нее дома! – а она не знает, войдет ли когда-нибудь снова в двери Университета... Да и нужно ли ему вообще такое сомнительное дарование, которое даже не в состоянии управлять своими способностями?

Попутно ругая себя за эгоизм, девушка подняла глаза от

тела Елуама и бросила робкий взгляд на две другие фигуры, склонившиеся над ним. Мать и мастер Мофф. Ничего более странного Илари в своей жизни не видела! Еще утром она не могла бы этого даже вообразить.

Утро прошлого светокруга... Теперь оно казалось Илари бесконечно далеким. Словно воспоминания о прошлой жизни. Весь мир девушки сузился до их с матерью бедно обставленной лачуги с одной-единственной комнатой на первом этаже и заколоченным чердаком. Правда, нынче даже собственная обитель предстала в глазах Илари совершенно в ином, непривычном свете. Девушка смотрела и видела что угодно, но только не знакомую комнатку с низким потолком, служащую одновременно кухней, столовой и спальней, в каменных стенах которой ей довелось провести почти всю свою сознательную жизнь. Всего лишь несколько новых обстоятельств – и это опостылевшее узилище превратилось в уменьшенную копию Лабораториума. Полумрак раннего утра, растворенный в мутноватой воде, с усердием растушевывал контуры и затемнял краски, лишь усиливая работу фантазии.

Вот и мать теперь представлялась Илари не вечно скорбящей вдовой, так и не наполнившей ничем свое опустевшее эо, а по меньшей мере магистром лекарского искусства. Причем столь талантливый, что сам мастер Мофф не считает зазорным спросить ее мнения, а то и вовсе приобщить к сложной операции. «Хотя можно ли *это* вообще назвать

операцией? И если нет, то как тогда назвать то, что мы делаем?» – множились вопросы в гудящей голове Илари.

– Держи, будь добр, его руки, – бесцеремонно требовала мать, обращаясь к уважаемому мастеру так, словно это она была главой лекарского отделения, а он – юным бестолковым лаборантом. – Не хватало еще, чтобы парень себя покалечил, когда начнется вулканическая фаза.

Что, простите?.. Правду говоря, Илари отродясь не слышала от матери подобных терминов. Седой странник, видимо, тоже. Во всяком случае, если судить по тому, как искажилось нервической дрожью его лицо, а побелевшие пальцы буквально впились в странную стекляшку – наверно, купеческий талисман какой-нибудь. О мордовороте нечего и говорить: за выражением смертельной усталости на его щербатом лице сложно было разобрать иные эмоции. Зато уж Мофф-то слышал об этих «вулканических фазах» наверняка! Вон как согласно закивал, даже не думая возражать в ответ на неслыханную фамильярность. Да и материнский приказ – да, кажется, это был именно что *приказ* – он принялся выполнять расторопней, чем бывало Илари во время своей смены в Черновике!

Елуам между тем не спешил возвращаться. Он все так же лежал бездыханный, все так же не шевелился (за исключением его мечущихся зрачков), и все так же его застывшее красивое лицо хранило печать ужаса, наложенную жуткими предсмертными видениями.

Теми, которые Илари довелось, пусть с некоторым опозданием, разделить с ним. Ах, если бы только можно было взять хоть часть этого кошмара на себя, чтобы бедный Елуам мог заснуть спокойно!.. Девушку не покидало смутное ощущение, что молодой пилигрим, несмотря на безжизненный облик, все же покамест не нашел ни покоя, ни умиротворяющего забвения.

«Там, куда он отправился, их просто нет. Там царит иное. Да и он отправился туда не сам, – с какой-то пугающей уверенностью констатировала Илари, удерживая правую руку на лбу юноши. – Его отправила *она!*» Эта мысль появилась внезапно, ощутимо стрельнув где-то в затылке. Возникло чувство, будто тонкая ледяная игла прострочила в нем длинную дорожку, оставив след ноющей боли. Очень похожей на ту, что время от времени пронизывала Илари во время манипуляций с фицци. Разница лишь в том, что тогда девушка была слишком ошарашена происходящим, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Теперь эти импульсы стали настолько явным, что уже не могли оставаться за пределами сознания. В то же время они не отличались четкостью и постоянством: то буквально врезались в окружающий мир, то меркли вплоть до полного растворения в нем. И всякий раз перед глазами возникало безобразное дряхлое существо с косицей, словно сплетенной из проволоки, и невидящими глазами, наряженное в полусгнившее маскарадное тряпье. При этом Илари не покида-

ла уверенность, что *существо* находилось не в самих предсмертных видениях Елуама, а где-то далеко за его пределами.

И что оно гораздо реальней этих видений. Оно сильнее их. И оно почему-то решило избавиться от них пилигрима.

Весьма, правда, своеобразным способом. И не окончательно.

– Илари! Я к тебе обращаюсь! – сильный раздраженный голос матери прогнал *существо* прочь. Истинного убийцу Елуама. Откровенно говоря, Илари предпочла бы навсегда стереть из памяти жуткий образ, а потому была даже благодарна матери. Впервые за долгое-долгое время. – Ну что, ты готова?

К чему готова?.. Смущаясь и робея, Илари попросила повторить просьбу, которую она, увлеченная *существом*, пропустила мимо ушей. Мофф перехватил возмущенный взгляд матери и взял на себя труд повторно изложить суть их, видимо, общей идеи.

Оказывается, от Илари требовался суший пустяк. Раз плюнуть. Справился бы и младенец. Всего-то нужно вызвать в памяти предсмертные видения Елуама, материализоваться в них и...

– ...и убить чудовище, которое ты нам описала, – спокойно произнес мастер, словно просил ее подготовить небольшое эссе на свободную тему. – Не в буквальном смысле, разумеется.

– Убедишь его, что никакого чудовища там нет, – поспешила уточнить мать. Похоже, она даже не рассчитывала, что ее малограмотная дочь может отличить буквальный смысл от переносного.

«Но при этом влезть мертвецу в голову и задушить там всех порожденных *существом* чудовищ – запросто!» – язвительно посмеялась про себя Илари. Старый приятель сарказм, как водится, пришел на помощь и вовремя подставил свое колючее плечо.

Хотелось ли Илари вновь окунуться в водоворот ночного кошмара и встретиться с тем перепончатокрылым клыкастым змеем? Ее не спрашивали. Понимала ли она, как снова вызвать эти видения и как – какими силами и средствами?! – начать наводить в их мире свои порядки? Ее не спрашивали. Остались ли в ней хоть какие-то ресурсы, чтобы потягаться с чудовищем? Ее не спрашивали.

Но что, если у нее сейчас ничего не получится? Тогда для несчастного уже точно все будет кончено! А она... Она, наверно, так и останется навсегда распятой на развилке своей судьбы. А может, ее вообще бросят в подземный острог и обвинят в чернокнижии? Ведь проснувшийся странный талант Илари уже собрал целую группу свидетелей. А этот Мофф, в каких бы он ни был отношениях с матерью, он ей вовсе не друг. Илари исподлобья поглядела на сухопарого мастера, возвышавшегося по другую сторону кухонного стола: «Еще неизвестно, чью ты примешь сторону, если за дело возьмет-

ся Обитель... Вернее, *когда* возьмется».

Такое с семьей Илари уже было. Тогда, в далеком детстве. Правда, теперь выяснилось, что Обитель, помимо отца, могла спокойно забрать и ее мать: то, что она творила легкими касаниями рук над телом Елуама, вряд ли можно было назвать традиционными для Вига методами лечения.

А теперь мать сама, повторяя позу Моффа, стояла вместе с ним с противоположной стороны стола. Она так же, как и он, ждала от Илари ответа. Струящиеся утренние отсветы эфимиров придавали ее пергаментной коже грязно-желтый отлив. Будто его подкрасила мутная водная аура Зачерновичья. На долю секунды – дело, пожалуй, в усталости и игре световых бликов – лицо матери отдаленно напомнило Илари облик *существа* из агонии Елуама. Это было скорее ощущение, чем зрительный образ: девушка почувствовала себя так же, как и при встрече с той безобразной старухой.

Илари при этом не показалось, что она находится на грани помешательства или что странные эксперименты с подсознанием зашли слишком далеко – нет. Она с каким-то холодным равнодушием отметила эту схожесть, не более. Так, будто вела дневник, спокойно и вдумчиво занимаясь самоанализом.

При этом впервые за свою жизнь девушка всерьез и совершенно искренне подумала, что было бы лучше, если бы в их семейном противостоянии Обители выжила не мать, а отец. Он бы точно такого не допустил! Он ничего не скрывал

бы от нее! И отец уж точно не поставил бы свою единственную дочь перед таким мучительным выбором!

Илари словно приросла к каменному полу, упираясь руками в морщинистую поверхность стола. Все смотрели на нее. Все чего-то ждали. Снова. И это уже с ней было – не ранее чем вчера! Клубок никак не распутывался и не превращался в путеводную нить. Она заблудилась в своем заколдованном круге.

Кухонный стол с лежащим на нем Елуамом превратился в неприступный барьер, из-за которого к ней требовательно тянулись чьи-то руки. Илари была готова поклясться, что это были не руки матери или ее будущего научного покровителя, а чьи-то чужие. И они по локоть в крови.

Причем эта кровь – не вынужденная жертва во имя лекарского милосердия.

– Думала, мы ничего не узнаем?!

Младшая уже перестала сопротивляться и безжизненно обмякла в тесных оковах ползучего морского папоротника. Шершавая кора трухлявого пня все так же болезненно царапала ее спину, а тугие путы до онемения впивались в кожу. В том числе в кожу лица: оно было наискось перехвачено колючим стеблем, концы которого крепились к узловатым выступам древесины. Щека кровоточила, обещая в скором будущем украсить глубоким уродливым шрамом. Одно хорошо – кажется, боль начала притупляться: самовнушение

подействовало. В какой-то момент – возможно, это произошло гораздо раньше, чем старшие схватили ее и притащили сюда, – младшая гурилия перестала отождествлять себя с этой страхолюдной внешней оболочкой. Все равно это была не она: ничего из этого дряхлого гниющего убожества чернокнижница не могла бы назвать *своим*.

Пусть делают что хотят.

Судя по расползающимся во все стороны синим кровавым струйкам, старшие действительно делали что хотели.

– Ты хоть понимаешь, что сотворила?! – легким движением рук придавливала ее к шершавой древесине Старшая. – Осознаешь ты, тварь, свое преступление на уровне миров? Знаешь, что это – чистой воды отступничество от заветов праотцев?!

«А то. Это, знаешь ли, не такая уж высокая цена за спасение шкур тех, кто населяет эти ваши миры», – отвечала Младшая.

Старшая услышала. К сожалению, веретено было внимательным слушателем именно тогда, когда это было меньше всего нужно.

– Ты еще смеешь дерзить *старшим*, сквернавка?! – подали голос тихоня Средняя. Всегда повторяла за Старшей. – Знаешь, как ты спасла эти твои «шкурки»?

Она аж облизнулась, предвкушая сокрушительное поражение Младшей, и на всякий случай еще раз полоснула ивовым прутом по свободной от перевязи щеке. С ней всегда так

– никакого сладу, если войдет в роль.

Однако то, что последовало за вопросом, мгновенно выхлестнуло из Младшей все присутствие духа и готовность принести в жертву свою жизнь во имя «спасения шкур» Сферы.

Предавшись мрачному торжеству, Средняя церемонно развела руки – вложенные в них черные ивовые прутья казались мечами правосудия – и медленно, смакуя каждое слово, прокаркала:

– Отдохнув после самой важной в истории Вига инициации, мы со Старшей сестрой заметили на нашем веретене черные клочья какой-то вселенской скорби. Мы ухватились за них и принялись распутывать. Хотели узнать, какая мысль нанизала на веретено эту грязь. Откуда на него намоталось столько тоски по простому смертному. Копание в этой грязи привело нас к твоим сопливым рассуждениям о новом пилигриме. Он должен был стать Обещанным...

На миг глаза Средней затуманили слезы тоски о несбыточном, и ее голос предательски сорвался. Однако чернокнижница быстро вернула себе присутствие духа, хлестнув Младшую еще раз – прямо по раскрытым от удивления губам, и продолжила:

– А ты убила его, нашего Обещанного, трусливо усомнившись в истинности заветов праотцев! Ты уничтожила наше будущее – всех нас! И поверь, мы бы узнали об этом и без твоих жалких причитаний. Разумеется, мы планировали

приглядывать за Обещанным, а потому вместе с даром атмосферного дыхания вживили ему под кожу осколок нашего зрения. Да, мы не такие эгоистки, как ты, Младшая! Мы вытянули из себя часть умения *видеть*, чтобы связать Обещанного с веретеном и не позволять ему сбиться с курса в своей великой миссии! И это было наше лучшее решение за всю вечность! Знаешь, почему? Потому что нам все же будет за кем следить и кому указывать путь. Он жив! Воскрешен этой девкой – смертным отродьем Наиды, – насмешкой всему нашему роду гурилий. Да, он жив, мерзкая ты тварь, и понесет священную весть на огненную землю, хочешь ты того или нет. – Средняя отдышалась и добавила: – Что до тебя, мы пока еще не вынесли окончательный приговор.

– Ты забыла одну деталь, – величественно перебила ее Старшая. И вкрадчиво прошелестела в ухо связанной сестре: – Мы, безусловно, благодарны отродью Наиды за исправление твоей, Младшая, непростительной ошибки. Однако во имя спасения Обещанного девочке пришлось совершить свою собственную ошибку. Она уничтожила тугра – главного вестника грядущих событий. Он напрочь стерся из памяти Елуама, и восстановить его теперь будет крайне сложно – если на это вообще есть хоть какая-то надежда. Мы со Средней еще не приняли решения о должном наказании за такой непростительный проступок. Согласись, подобная дерзость не должна оставаться неотомщенной. Однако, полагаю, и торопиться с этим тоже не стоит. – Старшая задумчиво по-

скребла под загнутыми когтями. – Возможно, нас опередят инквизиторы Обители.

Глава 21 Не все дороги ведут к исцелению

Подобно повинующимся дуновению ветра песчинкам, королевские стражники торопливо расступились перед дверью, ведущей в опочивальню Каффа. Традиции церемониала не требовали от них низкого поклона, а значит, Окайра могла видеть выражения их лиц. Тут стоит отдать блюстителям порядка должное: окаменелая мимика не выдавала того, что они буквально горели предвкушением грандиозного скандала.

И все же неукоснительное соблюдение устава стражников не спасло: королева легко прочла это любопытство в их опущенных глазах и без подсказок разгадала во взглядах. Ибо все, что она в них увидела, оказалось лишь подтверждением ее собственных подозрений.

Увы, эти догадки нельзя назвать беспочвенными. Ведь они регулярно подпитывались не только снами, но и якобы незаметными мелочами, которые никогда не ускользают от пытливого взгляда.

Двери распахнулись. Яркий свет, брызнувший из окон опочивальни в темные коридорные своды, ослепил Окайру. В глазах королевы заметался рой беспокойных огоньков. Они принялись складываться во вполне различимые «созвездия»: огненное королевское ложе, на нем – две сплетенные фигуры... «Что это? – чувствуя, что вот-вот упадет, и

ища руками опоры, спрашивала себя Окайра. – Предвестник очередного обморока?...»

Похоже, в этот раз стражники подоспели ей на помощь: королева с благодарностью облокотилась о прохладу стальных перчаток.

– Ваше величество, вам дурно? – с излишней учтивостью спросил один из них. Похоже, стражник вложил в эту интонацию всю свою природную деликатность – и еще немного сверху. – Разрешите проводить вас в ваши покои и позвать Аннума?

– Или, – послышалось уже с другой стороны, – быть может, вам будет угодно переместиться на ближайшую террасу и подышать свежим воздухом?

– Принести вам родниковой воды?

Королева наконец открыла глаза. Слабые отблески пляшущих огоньков еще вспыхивали то тут, то там, но картинка окружающей обстановки почти полностью восстановилась. Узоры темного стрельчатого коридора из серо-розового коржавого кварца отражали прильнувшие к ним утренние лучи. Своими меткими стрелами они прорезали плотное кольцо из стражников, сомкнувшееся вокруг Окайры, и дотронулись до таинственно мерцающих стен. Взгляд королевы, напротив, теперь никак не мог дотянуться до того, что скрывалось за распахнутой дверью. Мешали фигуры стражников.

Еще немного, и Окайру они действительно куда-нибудь да проводят: в ее покои, или к лекарю Аннуму (давно не виде-

лись!), или на террасу. Да мало ли куда еще. Видимо, даже до этих шлемоголовых дошло, что непосредственная близость к скандалу в королевской семье вовсе не пойдет на пользу их военной карьере. «И что слишком любопытные глаза и уши порой раньше времени прощаются со своими обладателями...» – мрачно добавила королева, опираясь теперь, увы, не на милые сердцу северные легенды, а на свои личные наблюдения.

Что правда, то правда: в замке-горе действительно было за чем наблюдать. Другое дело, что последствия такого рода развлечений могли стоить куда дороже утоленного интереса.

Со всех сторон слышались голоса, на разный лад предлагающие королеве помощь. Эхо звонко отскакивало от стальных забрал и взмывало под потолок, чтобы окутать собой не только коридор, но и самую опочивальню. При всей сумбурности, спутанности мыслей Окайра понимала: сейчас никак нельзя идти на поводу у этих голосов. Подождут со своей навязчивой помощью и показной заботой. Как-нибудь в другой раз. «Должно полагать, – безрадостно признала монархиня, – сейчас настало такое время, когда даже обморок или легкое недомогание – непозволительная роскошь». Делать нечего, придется играть по правилам этих времен. А слабости следует оставить другим женщинам-хархи – беззаботным, свободным от уз вынужденного долга и, пожалуй, куда более счастливым, чем их королева.

Королева совершенно точно была не из их числа. Не до

удовольствий и *слабостей*, когда прямо на твоих глазах рвутся семейные узы, развенчивается смысл священных праздников, а по огненной земле угрожающе разбегаются первые трещины.

Может, пора поучиться у младшего сына? Как он теперь поступает, когда ему что-то нужно?

Королева сделала глубокий вдох, внутренне никак не желая входить в столь чуждый ей образ, но в конечном счете пересилила себя:

– Всем разойтись!

Собственный голос показался ей каким-то грубым лаем. В одно мгновение Окайра сделалась глубоко противна сама себе; отступать, однако, было поздно. «Так. Что им на моем месте сказал бы Бадирт?..» Порывистым движением королева избавилась от поддержки, оправила высокий ворот своего утреннего хитона, нервно проведя пальцами по ребристой стеклярусной вышивке, и гневно проговорила:

– Я здесь не для того, чтобы взывать к вашей помощи и довольствоваться ею. – И, словно опомнившись, уже гораздо мягче добавила: – Можете занять исходные позиции.

Стражники, повинувшись приказу королевы, плавно расступились, и свет из открытой опочивальни с новой силой впился в глаза Окайры. Дверь распахнулась еще шире – теперь нестерпимо сверкали драгоценные соцветия каменного сада: каждая кисть, зонтик, мельчайший колосок вносили свою лепту в это сияние. Воздушные радуги от фонтанных брызг

разукрашивали его всевозможными цветами.

Сделав один робкий шаг в личное царство Каффа, королева растерялась. На нее нахлынуло столько света и роскоши, что Окайра едва не задохнулась. В своем простом, наглухо задрапированном хитоне она казалась себе попрошайкой, прошмыгнувшей мимо зазевавшейся стражи на королевский прием. Окайра не сразу отыскала взглядом огненное ложе – его что, переставили? – и две фигуры, праздно раскинувшиеся на нем.

Все ровно так, как она себе представляла. За исключением одной-единственной детали: в душе королевы ничто не шевельнулось. Она лишь почувствовала, скользнув взглядом по ложу Каффа, какое-то странное удовлетворение. Как будто псу наконец бросили долгожданную кость и он прекратил свой затяжной вой. Внутри все смолкло.

Что теперь? Как ей вести себя? Попытаться высечь из потухшего жерла хоть искру праведного гнева? Швырнуть в них какую-нибудь соблазнительную нимфу из слоновой кости? Может быть, разразиться проклятиями? Вызвать свидетелей?

Искра упрямо не высекалась, а пауза затянулась, задувая последние факелы внутреннего бунта.

От той смелой монархини, которая только что *приказывала* – неслыханное для Окайры дело! – стражникам и была готова идти по следам интуиции до конца, не осталось следа. Сама идея визита без приглашения казалась теперь

по меньшей мере дурной. Что она принесла, кроме неприятного осадка, оставленного собственной самонадеянностью и бессмысленной грубостью (столь неуместной, сколь и фальшивой)? Это там, в своей зашторенной аскетичной спальне, распаленная утренними выходками Бадирта, она почувствовала в себе разрушительную мощь.

«Все уплывает из твоих рук», – свистело в ушах Окайры, когда за Бадиртом захлопнулась дверь и она осталась наедине с собой. Свист напоминал ночной ветер, гуляющий в подворотне. *«Ты уже видишь, – угадывалось в его завываниях, – как все, кого ты любишь, отворачиваются от тебя. Ты хотела обмануть судьбу, но жестоко обманулась сама. Так все и должно быть, глупая честолюбивая девочка из северной провинции. Врахайи пока еще рисуют тебя на своих знаменах – скромную, милосердную, с дланями, полными жирной хлебородной почвы... Но мы-то с тобой знаем, что в твоих руках теперь только воздух. Женщины всего Харх зывают к тебе как к святой, просят о благословении новой жизни внутри них... Но мы – ты и я – очень хорошо знаем, что в тебе самой живет лишь неостывшее дыхание греха».*

Этот голос – Окайра не могла точно сказать, был ли он внутренним, – продолжал страшно хохотать в ее голове, пока она бежала обратно – в противоположное крыло замка-горы. Зачем бежала? Не для того ли, чтобы убедиться в правоте голоса? Чтобы хладнокровно растоптать последние обрывки своей большой иллюзии о семейном счастье и перестать на-

десяться, что боги простят то чествование, которое им готовит Кафф на Горидукх?

Если бы. Все хладнокровие Окайры осталось там – в ее уединенной скромной молельне, где она пыталась испросить немного милосердия богов для Бадирта и Руввы. Возможно, в последний раз. И похоже, все созидательное и добродетельное, что прежде жило в сердце королевы, тоже осталось там, смешавшись на полу с черными обломками изваяния Матери звезд.

В опочивальню Каффа ее привела другая сила, у которой не было ни цели, ни смысла. Она двигала Окайрой, словно пешкой по шахматной доске, готовая в любой момент сбросить ее с игрового поля. Внушала, что у королевы действительно «все уплывает из рук» и ей уже нечего терять. Что Имит был прав и огненная земля доживает свои последние дни. *«Так загляни напоследок в глаза тому, ради кого ты пошла на крайность! – твердил ей голос. – Просто сделай это! Сделай хоть раз так, как хочешь ты! Долг и добродетель уже и так завели тебя слишком далеко! Уж мы-то с тобой знаем... Так поживи, Окайра! Проживи это время, как велит тебе сердце! Делай что хочешь! Осталось немного – и ты прекрасно об этом знаешь».*

Повозка скрипела и плавно покачивалась в такт цокоту копыт по иссушенной глинистой земле. Деревянные колеса, украшенные узорчатыми ступицами, резали спекшуюся

плоть грунта. Уходя все дальше от ночной стоянки, табор, помимо золы, обглоданных костей и грязи, оставлял за собой след, похожий на вскопанную гряду. Нет, ясное дело, никто здесь не собирался ничего сеять! Да и «пахота», строго говоря, оказалась вынужденной. Вообще, возделывать поля на Харх может кто угодно, но только не этот свободный народ, родина которого одновременно везде и нигде. А раз так, то к чему кочевникам прикипать душой и мотыгой к какому-то одному клочку земли на громадном теле острова? Они просто вспарывали дорогу ободьями своих колес. Дорога, в свою очередь, неуступчиво крошилась, разбегаясь новыми трещинами во все стороны. Ничего удивительного: подступал Горидукх, а за ним – засушливый Скарабей. Природа – она мудрее, чем хархи, и ко всему готовится заранее.

Так исстари толковали врахайи – кочевые племена огненной земли.

– Природа – мудрее, – категорично изрекла узкоглазая седая травница с лицом, напоминавшим Дамре печеное яблоко. Возможно, даже подгоревшее. Таков уж был природный цвет кожи бабки главного ведуна их табора – бурый. В складках морщин он почему-то отливал старым золотом, и сестра Умма никак не могла взять в толк, как такое возможно. – Не печалься, девка, – авторитетно кивнула Хаддиш на пустые груди Дамры. – Дитя Ящера получит жизненный сок, когда будет к этому готово.

Девушке ничего не оставалось, кроме как поглубже заку-

таться в свою обновку – просторный лоскутный халат. Вчера он был выдан ей помощницей Хаддиш с такой торжественностью, словно это платье принцессы, а не полинялое, воняющее дымом и чужим телом тряпье. Дамра вновь брезгливо передернула плечами, но все же укрылась безразмерным балахоном по самый подбородок. Не оставаться же ей голой перед этой безумной старухой!

Та, в свою очередь, как ни в чем не бывало обхватила младенца своими крепкими руками – такими же «подгоревшими», как и лицо, – и ловко переместила его в крохотный гамак, подвешенный к низкому потолку кибитки.

Сидевшая подле нее кочевница опять разразилась настойчивыми предложениями своих услуг. Дамра еще вчера заметила, что та буквально из кожи вон лезет, чтобы выслужаться перед бабкой ведуна Шагга. Невероятно назойливая и с таким же «подгоревшим» цветом кожи, как и Хаддиш. Да и вообще во всем такая же, разве что моложе на целую пропасть созвездий. С абсолютно безвкусным монисто из каких-то древних монет.

– Хозяйка трав, – подобострастно обратилась она к Хаддиш, глотая гласные на восточно-степной манер, – могу я чем-то облегчить ваш труд над первым жизненным соком для дитя Ящера?

При одной мысли об этом Дамра покрылась холодным потом. Мало того что у нее самой пока нет молока, а *бабка* собирается пичкать ее новорожденного каким-то одному Ог-

ненному известным «жизненным соком», так еще эта надо-еда хочет влезть в него своими грязными руками?! «Надо-еда», словно прочитав в глазах Дамры ее опасения, с готовностью предложила травнице:

– Истолочь ржаное семя, чтобы освободить ваши руки для более важных дел?

Хаддиш, не скрывая недовольства, выпалила:

– Нет! Сколько раз я тебе, Гайя, повторяла, что ты здесь только для самой простой части ухода за Агором. – Дамра не без удовольствия заметила, как губы Гайи обиженно вытянулись в тонкую нить. Так ее и без того не слишком красивое лицо приобрело совсем уж жалкий вид. – Ты нужна мне здесь для того, чтобы менять пеленки, натирать его цветочным маслом и петь колыбельные! – окончательно обескуражила ее Хаддиш. И, вернувшись к своему занятию, проворчала: – Сколько раз повторяла... Нет, так ей никогда не стать одной из нас.

Дамра облегченно выдохнула. Слава Матери звезд! Конечно, с одной стороны, ей совсем не хотелось, чтобы врахайи поили ее младенца – они почему-то кличут его или «дитя Ящера», или Агором – этим странным, терпко пахнущим отваром. С другой стороны, молока все равно пока нет, а бабка Шагга так авторитетно заверяла, будто этот отвар – именно то, что сейчас новорожденному и требуется... Волей-неволей пришлось согласиться (если ее согласия здесь вообще кто-то спрашивал). Кажется, Хаддиш еще плела ка-

кие-то небылицы, что, мол, такая пища есть пожелание самого младенца. С самым серьезным видом утверждала, что он, дескать, сам отказался от молока и потребовал себе семитравного отвара, настоянного на ржаном зерне... Смех да и только!

«Ну да ладно... – махнула рукой Дамра, откидываясь на россыпь волокнистых джутовых подушек. – Что я-то, в конце концов, могу поделывать?»

Сон уже смежал ее отяжелевшие веки. Теплые компрессы с листьями мяты и какими-то мелкими желтыми цветочками справились с послеродовыми болями, по всему телу разлилось тепло. Аромат «сока жизни», над которым колдовала Хаддиш в подсвеченном слюдяным фонарем уголке кибитки, перебил тяжелый дух объемистого халата. Да и ребенок – Дамра так и не успела придумать ему имени и в итоге согласилась на Агора – похоже, успокоился. Мирно постукивал в ступке круглый деревянный пестик. Стук слился с сухим скрипом колес по глиняной ленте дороги, с мерным цоканьем копыт; смешался с обрывками задумчивых песен на незнакомом наречии, то и дело долетающих сквозь оконные прорези.

Табор шел в столицу. Шел, буквально наступая на пятки другому страннику, чтобы перехватить его и первым узнать новые фрагменты подлинной истории огненной земли, которые тот собирает по всему Харх и которые шеп-

чут ему каменные головы великанов Севера. Не хватает всего-то нескольких кусочков, чтобы «закрыть брешь». Чтобы собрать прошлое по частям, словно черепки древнего сосуда, и воскресить былую славу гордого полудикарского народа врахайи. Как? Каким образом? Ответ был замурован в глубоком склепе истории.

«Отличная формулировка! Вот что происходит, когда удача вспоминает к тебе дорогу, а древние легенды начинают сбываться!..»

Ведун Шагг с чувством втягивал ноздрями запах разогретых колосьев и горьких полевых трав; попутно он подстегивал пару пегих жеребцов, по привычке пристроившись на козлах своей повозки. Краем уха Шагг слышал, как в ее глубине постукивал пестик в бабкиной ступке и как высокий женский голос затянул колыбельную на восточный мотив.

«Колыбельная для дитя Ящера!» Глаза ведуна подернулись благодатной влагой. Горячий ветер не преминул тотчас же слизнуть ее своим спекшимся языком. «Спи крепко, наш талисман! Нам с тобой предстоит поистине эпохальные свершения!»

Да, возможно, в судьбе племени Шагга пока ничего коренным образом не изменилось, но он уже чувствовал себя победителем. Просто знал, что очень скоро перестанет быть предводителем обездоленного, угнетенного народа. К несчастью для подлинно властвующего ныне короля Харх, знание это не было бредом умалишенного самозванца, помешавше-

гося на северных преданиях и на рисунках в золе. Благодарение святой Окайре, Шагг неплохо был осведомлен о будущем и кое-что знал о прошлом – уж всяко поболее других.

Ведун опустил лохматую голову чуть ли не на колени и, прислонив кулак ко лбу, вознес славословие самой праведной из всех королев огненной земли. Воистину, это первая монархиня Харх, нашедшая себя не в блеске роскошных самоцветов, но в молитвах и милосердии! И пусть ее Матерь звезд – это наивная выдумка, а романтическая связь небесного светила с Огненным богом – не более чем красивая сказка... Зато Окайра чиста душой и, сохраняя статус подлинной королевы, ведет при этом самый что ни на есть монашеский образ жизни. Поговаривают, она не только давным-давно уже не имеет физической близости с этим собачьим ублюдком Каффом, но и даже берет на себя смелость высказываться против его решений! Северяне – ее земляки – так и вовсе поголовно утверждают, что Окайра не раз пыталась выступить в защиту врахайи на королевском совете.

«Кто б ее слушал!..» – звучно сплюнул ведун вязкий шарик млечного сока травы-медвянницы.

Однако нынче не время для меланхолии и сожалений! Не время для слез жалости к себе и к своему многострадальному народу! Слез пролито уже достаточно. Нужно действовать – сплоченно и решительно. Как неудержимый смертельный вихрь, как прочнейший сплав из всех кочевых племен и народностей острова! Шагг обернулся на бескрайнюю вер-

ницу кибиток, походных телег, навьюченных лошадей и мулов, что послушно тянулась за его с бабкой повозкой. Над этим невообразимым караваном полоскались по ветру самодельные знамена из отрезков крашенины. На каждом из них – последний оплот веры врахайи в общее будущее на одном острове с хархи. Последняя надежда договориться и восстановить свои права без жертв и кровопролития. И вера, и надежда кочевого народа были запечатлены в лице Окайры. Их первая и, быть может, последняя защитница – такая же притесненная и непонятая, как и они сами. Нарисованная золой от молевых костров на холсте полотнищ, везде в профиль и окутанная монашеской чалмой, словно нимбом, королева будто бы сама шла к Подгорью вместе с табором Шагга. Размноженная на целую полотняную армию.

«Да! – едва сдерживаясь, чтобы не закричать в полный голос, беззвучно ликовал ведун, созерцая венец своих долгих усилий по объединению врахайи. – Знаки золы не солгали! Дитя Ящера само нашло нас! А святая королева парит хранительницей над моим несметным разноперым войском, где каждый ребенок стоит десятка надутых от спеси огненных воинов!»

К горлу подступил комок из тысячи невысказанных слов. Духи предков свидетели, этот народ заслуживает лучшей жизни, а он, Шагг, поклялся однажды на собственной крови в том, что врахайи ее получают. Он не из тех, кто бросает пустые слова и обещания на ветер, чтобы поскорее да покрепче

ухватиться за вожжи власти. Его, Шагга, обещание, при всей своей ярко сияющей перспективе, имело и обратную сторону – черную, как вороново крыло.

Если вместо того, чтобы обрести новое будущее, его народ потерпит поражение и вслед за историей Харх растворится в безвременье, то ведун последует за ним. Да, Шагг давно все решил. Он сожжет себя, а пепел велит втоптать в землю, чтобы до него никогда не дотянулись руки черных шаманов Юга. Это решение было принято перед лицом духов, говорящих с ним рисунками из заговоренной золы. И нет пока на всей Сфере такой силы, которая могла бы его отменить.

Все очень просто...

Однако теперь многое изменилось. Почти все нужные карты у него, Шагга, в руках. «Клянусь святой Окайрой! – думал Шагг, с трудом веря, что в самом деле стоит у порога роковых изменений в судьбе врахайи. – Это стоило труда!» И добавил, всматриваясь в свой табор, похожий на гигантского змея, вальяжно петляющего по убранному к Скарабею полю: «То, что сейчас происходит, *уже* стоит всей моей жизни. Духи праотцев! – Он прижал стиснутый кулак к сердцу. – Я зываю к вашей мудрости! А если моя жизнь есть условие возрождения врахайи и восстановления справедливости на Харх, то... – ведун поднял голову к небесам и закрыл глаза, – забирайте!»

Шагг, однако, понимал: как ни уповай на мудрость духов, все же действовать и менять ход истории предстоит ему са-

мому. Ему и бродяжьюму племенному сплаву, что он ведет за собой, словно голова того самого змея.

И – нужно торопиться!

Шагг замахнулся и хлестнул жеребцов по пятнистым бокам, атласно лоснящимся под яркими лучами дневного звездного света. Деревня Овион – место судьбоносной встречи с дитятей Ящера – осталась позади. Теперь цепочка ее домишек казалась скоплением мелких черных точек, уплывающих все дальше и дальше за линию горизонта. Возможно, когда-нибудь, если духам не взбредет в голову вырвать удачу из рук Шагга, эти черные точки станут центром нового Харх. Именно сюда будут стекаться паломники и странствующие оракулы вроде Тихха со всех окраин огненного острова. А на месте того самого амбара, из которого прямо под копыта Шагговой лошади выскочила вчера окровавленная Дамра с дитятей Ящера на руках, возвысится главное Святилище Харх.

«И владычествовать в нем будет уж точно не Нездешняя...» Сам того не замечая, ведун уже размышлял об этом как о чем-то само собой разумеющемся. Возможно, еще вчера утром это прозвучало бы слишком смело и самонадеянно, но не теперь, когда в повозке Шагга сладко причмокивало во сне подлинное дитя Ящера. Это обстоятельство придало мыслям ведуна масштабности, достойной истинного реформатора: «В новом Святилище не будет места для выдуманных богов и их ложных поверенных, – почти хладно-

кровно рассуждал Шагг, поглаживая шрамированный рисунок на правой ладони: морская волна с торчащей из нее рукой; пальцы руки скрючены судорогой. – Это будет храм истории и священной памяти». Ведун глубоко вздохнул, крутя перед мысленным взором какую-то сложную полустершуюся мозаику, и наконец поставил точку в своих затянувшихся рассуждениях: «Осталось лишь восстановить историю и воскресить память. Если получится – мудрым словом и мирными переговорами, а если нет – то огнем и мечом. Правда, учитывая явления нашей так называемой «новой истории», боюсь, что слово – ненадежный союзник...»

Пепел праотцев нам всем на голову! Истинно нужно топиться!

Еще один свистящий взмах хлыста заставил лошадей перейти с шага на рысь. Крапинки низких домишек окончательно растворились в пыли.

«Нас видно издалека! – подумал с гордостью ведун. – В такие-то времена...» Он до суставного скрипа стиснул кулак и прижал его к груди, шепча что-то на древнем языке кочевников.

Времена наступают роковые, и очередной наговор на удачу здесь точно не будет лишним. Причудливые звуковые сочетания будто сами вылетали из уст Шагга, сплетаясь с протяжным пением Гайи, скрипом фигурных ступиц и нестройным гомоном его бездомного войска. Клацанье копыт по сухой почве объединяло эту капеллу общим ритмическим ри-

сунком.

– Дууумхор-бааагхри-щайиии-дум, – гортанно выводил Шагг. Почти не открывая рта.

– Ууллаааа-уллаааа-лууууум, – вторил ему обычно звонкий, но теперь тонуший в многоголосии табора голос Гайи, убаюкивающей дитя Ящера.

– Щелк-цок-цок-щелк, – впечатывали копыта эту мелодию в глинистые трещины и выпирающие корни засохших кустарников.

Впервые за сотни созвездий в канун чествования Скарабея табор врахайи метет дорожную пыль в сторону Подгорья, а не подальше от него! Цокот копыт, таинственно преломившись в сознании Шагга, отзывался в его грудной клетке раскатистым клацаньем – возвышенно и тревожно.

А тревожиться ведуну было о чем.

Ибо грядет Горидукх – кощунственный праздник плоти и варварского разгула, столь любимый хархи и их вымышленными богами. В этот день врахайи извека вынуждены были уводить свои таборы подальше от крупных городов и сел: насилие и пляска смерти на костях свободного народа с некоторых пор стали обычной частью ритуала. И что? Никому не было дела! Защищать этих отверженных? Еще чего!

Попытаться встать на их сторону решилаьс однажды лишь Окайра. Но – воистину! – *кто б ее слушал...*

Жрецы, включая Нездешнюю, попросту закрывали на угнетение скитальцев глаза. Что до Каффа, тот вообще дав-

но открестился от кочевников, сказав, что, дескать, плодов его благодеяний заслуживают лишь подлинные хархи, а не грязные отщепенцы врахайи. После смерти отца так и во-все распоясался. Это, между прочим, уже при нем за разно-мастными кочевыми племенами закрепилось унижительное прозвище «изгой». И коли бы одним этим оскорблением – не первым и не последним – дело закончилось!.. Разумеет-ся, нет. Разумеется, слова, выпорхнувшие из-под опалового венца, совершили над островом круг-другой, обросли былью и небылью, а после совершенно неузнаваемыми рухнули на-земь. Этих осколков, однако, вполне хватило, чтобы развя-зать руки «коренным островитянам». Так что если раньше избить врахайи палками по одиночке или смеха ради под-жечь ночью один из их таборов просто *не противоречило за-кону*, то при славном Каффе стало фактически исполнением королевской воли.

Только дурак не захочет послужить своему подлинному монарху и потешить достоинство парой-тройкой новых ог-ненных язычков на наплечной татуировке! Особенно, если речь идет о таком богоугодном деле... Подкрадешься ночью к шатрам и задушишь во сне целую семью изгоев или под-караулишь группу женщин-врахайи, углубившихся в лес за травами-ягодами, – простят не только твои грехи, но заодно и прегрешения всех померших родственничков!

Вот она – доблесть легендарных огненных воинов во всей красе!.. При этом спроси любого из них: а какой тебе лично

вред от кочевников? – и он глубокомысленно пробурчит что-нибудь про седую древность, про какую-то забытую войну и измену. Причем каждый делает это на свой лад, да с такими авторскими дополнениями, что останется только пожалеть о зря пропадающем таланте. Хотя кто вообще будет с ними, изгоями, разговаривать, да еще и оправдываться?

Только дурак.

«Истинно – дураки...» – подумал Шагг, впиваясь взглядом в три сплетенные верхушками огнисто-оранжевые горы. Окутанные туманом и опоясанные острыми шпильями Перстня, они выростали прямо за зелено-серым ковром Яшмового леса. Только он и отделял теперь ведуна от границы Подгорья.

Мысленно обращаясь к хархи, Шагг без тени лицемерного сожаления подумал: «У вас было столько времени на разговоры с нами и столько возможностей для оправдания... Теперь это время истекло».

Он поднял руку, все так же сжимая кулак. По одному его знаку огромная многолюдная скрипучая змея замерла между полем и редким подлеском, предваряющим начало Яшмового леса – векового неделимого союза дерева и минералов. Клубы дорожной пыли постепенно осели во взрытых копытами глиняных бороздах, и ликующему взору Шагга открылась вся мощь и грозность его армии изгоев. Врахайи покидали свои дома на колесах, чтобы послушать речь, с которой намеревался обратиться к ним их предводитель. Их ве-

дун. По мере выгрузки кочевников из кибиток «змея» стремительно расплзлась вширь, и очень скоро потеряла свою изначальную форму, превратившись в пестрое море.

Смертельный вихрь мщения, выплавленный его, Шагга, рукой по священной воле духов предков. И над ним, словно желая защитить всех бесприютных скитальцев огненной земли, хранительным крылом парил черный профиль королевы Окайры. На всех знаменах ее лик был повернут туда – за изумрудное море Яшмового леса, в сторону замка-горы. Казалось, она мысленно собралась, вместе со всеми врахайи готовясь к судьбоносному прыжку. Черты лица «угольной королевы» заострились, а брови будто бы нахмурились, придавая выражению лица больше ожесточенности, чем сострадания.

И эти изменения – всамделишные или подстегнутые воображением? – полностью совпадали с душевным состоянием Шагга.

Его народ не ошибся: ведуну действительно было что сказать. В отличие от подлинных королей и напыщенных жрецов, он был для своих людей раскрытой книгой и считал, что все иные способы ведения политики не угодны праотцам. Хотя бы потому, что если кочевников и можно было обвести вокруг пальца или скрыть от них часть правды, то с духами этот фокус не пройдет. От их ока не укроется ничто и никогда. И отвечать уж всяко лучше перед живыми врахайи, чем перед мертвыми.

Бабка Хаддиш, высунув свои сморщенные руки из повозки, бережно протянула своему внуку мирно посапывающий цветастый сверток, пахнувший молоком и цветочным маслом. Шагг обхватил его своими шрамированными ладонями, прошептал над ним пару слов и поднял высоко над головой.

Крики, пляски и стихийно начавшееся безумство экзальтированной толпы не сразу дали ему начать свою речь.

Отголоски густого смолистого дыма легко просочились сквозь молодую хвойную поросль, вытеснили из вечернего воздуха соляно-йодное дыхание засыпающего Вигари и защекотали ноздри еще издалека. И хоть Куримар пока не добрался до своего места вокруг обложенного камнями костра, на сердце трактирщика немного потеплело. Так бывает, когда встретишь неожиданно старого доброго знакомого или во время бушующей непогоды шагнешь в дом, где на тихо потрескивающем огне поднимается первая пенка сорха. Его пряные нотки, к слову, тоже искрились в кольцах хитросплетенного купажа.

Трактирщик, пробираясь сквозь невысокий сосняк и смешанное густотравье – его яркая зелень отказывалась преждевременно сдаваться Скарабею, – ухватился за этот дымный ориентир и принялся жадно втягивать ноздрями его невидимые стрелки. Сознание и беспокойный ум невезучего кабатчика отозвались искренней благодарностью. Теперь можно не плутать по заросшим лесным тропам в поисках того само-

го холма. Ну, того, что с раздвоенной верхушкой. Теперь, когда есть такой надежный проводник, достаточно просто положить на него и послушно следовать невидимой указке.

Теперь-то уж ничто не помешает Куримару вовремя явиться на вечер оракула, чтобы послушать сказки старого Тихха.

Поразительный, конечно, тип – этот безумный странствующий дед. Сколько ни живи на белом свете, сколько ни копти небесную синь, никогда не разгадать его тайны! Уж в этом Куримар был уверен. Нет, понятное дело: все, что плетет, грея босые мозолистые ноги у костра, этот блаженный старик, – чистой воды выдумки. И даже особо не важно, где он их берет. Может, фантазией боги не обделили; может, в странствиях своих все небылицы Харх по деревьям собирает да на ус мотает; а может стать, оракул просто сны свои пересказывает.

«Сны-то, небось, ему непростые приходят, когда дыма своего нанюхается... Он-то у Тихха по фантазиям, поди, и главный», – усмехнулся Куримар. Сам трактирщик меж тем изо всех сил хватался обонянием за этот дым, надеясь встретить ночь у Двурогого холма, а не в тесном плену травы в рост взрослого хархи.

Именно надеясь. Не боясь.

Страх и Куримар давно уж не сживали за одним столом, словно друзья в размолвке. Не сживали с тех самых пор, как трактирщик, переступив через народные суеверия, соб-

ственными руками втащил в свое заведение полумертвеца, угрожал помощнику Аннума, и все это на глазах двух десятков хархи. О каком страхе теперь вообще может идти речь? Куримар, осторожно ступая по ползучему травяному ковру, поднял глаза на сизое темнеющее небо. Ничего нового. Все тот же подышающий Ящер. Мелкие золотистые бисеринки звезд отчетливо обозначили часть его контура на небосклоне, залитом темно-синей гуашью.

«А может, – равнодушно размышлял трактирщик, – на самом деле Ящерица-то огромна – как три Сферы... Что, если она не жертва вовсе, а, наоборот, чье-то могущественное оружие?..» Куримар, заглядевшись на звезды, споткнулся о выпирающие корни. Он зашатался, балансируя, замахал руками, но все же устоял. Только острые чешуйки шишек хмеля больно царапнули голый локоть. На поврежденной коже начали собираться мелкие багровые капли, грозя замарать единственную тунику, приберегаемую «на выход». Пустяки. Трактирщик лишь скептически прищурился, сверля взглядом небесный купол с его странным посланием, и, словно бросая всему Харх вызов, прошептал:

– Вот возьмет Ящер да и рухнет нам всем на голову – то-то будет жертва! А то заладили: Скарабей, Скарабей... Еще неизвестно, откуда гром грянет! – И прибавил, уже значительно тише, будто оправдываясь за внезапную выходку: – Оно же так в жизни и бывает: боишься в горах дугорога повстречать, а несчастье-то к тебе с моря подбирается... Отку-

да не ждешь его вовсе. Да, так оно и бывает, – продолжил Куримар бормотать себе под нос, идя на зов дымных колец. – Приходит откуда не ждешь...

Нет, Куримар определенно не испытывал страха. Если судьбе угодно, чтобы он заблудился на подступах к Двурогому холму, трактирщик представлял себе одинокую ночь в лесу без внутреннего содрогания. Ну а если боги повелят Скарабею наслать в этот раз на Харх целый сонм жестоких испытаний – значит, так тому и быть. А может, все сложится совершенно иначе... Вдруг Ящер и в самом деле улегся на спину, чтобы нежданно-негаданно рухнуть всем на голову?..

«Так пусть эти «все» и переживают», – почти мстительно заключил Куримар. И резонно заметил: «Я к ним не отношусь». Мысли о том, что было бы неплохо, если бы и другим – не только ему, бедолаге – жизнь немного прижарила яйца, он старался гнать прочь. С другой стороны, неужели эти гнилые языки, лишившие его и жены, и репутации, и заработка, заслуживают лучшей участи?..

Трактирщик вновь поднял голову кверху, патетически тряхнув седыми патлами, чтобы еще раз полюбоваться на две трети будущего созвездия. «Вот он – знак богов для всех тех, кто считает себя умнее других! – осенило в одночасье Куримара. – Пока он, знамо дело, больше похож на какой-то набросок. Вроде того, по которому горемычный Гивдар тогда *инхрустировал* мою проклятую столешницу». Кабатчик непроизвольно сложил ладони треугольником и кос-

нулся ими щетинистого подбородка, словно от кого-то защищаясь. «Но ничего! – Впервые за долгое время распрямил он свои сутулые плечи. – *Этот* рисунок скоро будет закончен, и, чтоб мне провалиться, он все-таки прижарит кое-кому яйца! Боги все видят! Они всяко лучше нас знают, как и когда это сделать!»

И Куримар заговорщицки подмигнул Ящеру. Теперь он, как и дым от костра Тихха, стал «старым добрым знакомым» трактирщика.

Не зря на Харх говорят, что порой созвездия заставляют деревья дружбы расти корнями вверх, а реки любви – течь вспять.

– Реки... – задумчиво пробормотал трактирщик, осторожно обходя редеющие зубья почерневших деревьев.

Он как будто на мгновение о чем-то вспомнил – не то эхо позабытого голоса, не то черты лица, размытые дождями времени... Вспомнил – и снова замер, словно забыв, куда шел. Закрыв глаза и прислушался. Что это? Как будто легкое, невесомое прикосновение к колючей впалой щеке. Или это был всего лишь тихий плеск воды, умиротворенно струящейся между корней?

«Слава Огненному!» – отлегло от сердца у Куримара, когда он понял, что это оказалась действительно *всего лишь* река. Пожалуй, даже не река, а небольшой лесной ручей – урочище, отделяющее молодые хвойные поросли от холмистого нагорья.

Еще один верный знак, готовый подсказать трактирщику правильное направление. Только и всего. Однако это, знамо, лучше, чем всякое издевательское эхо да приветы от призраков. Ему, Куримару, с некоторых пор куда ближе стали простые, приземленные вещи, а чувства... Уж лучше привязать к ним камень потяжелее и как раз в такую реку забросить. Ибо проку от них никакого. «Чувства – они либо на глазах у всего честного народа тащат в твой трактир мертвеца, либо смешивают твое доброе имя с конским навозом, либо расхищают твое семейное гнездо!» Эту истину кабатчик не раз нашептывал заплетающимся языком тем смельчакам, что отваживались заглянуть к нему после того случая с Гивдаром.

Так что увольте. Никаких рек любви. И никаких друзей, кроме смолистого дыма, тревожных звездных начертаний да сказок оракула.

Осталось немного – и ручей сам выведет его к костру Тиха, что в таких потемках будет очень кстати. Куримару аж не верилось, что удача вдруг бросила на него скупой взгляд из-под своего плотного веера. Он послушно пошел вдоль ручья – на зов слабых отсветов костра, уже начавших золотить верхушки последних деревьев. Еще несколько десятков шагов, и деревья остались вздыматься грядой остроконечных факелов за спиной трактирщика. Ручей же расширил свои журчащие артерии и, выйдя за лесные пределы, превратился в извилистую ленту реки с проворным звучным течением. Казалось, что корни наконец выпустили водный поток из

своей змеистой хватки и теперь он задышал наконец полной грудью.

Совсем как Куримар, у которого так и свербело поскорее добраться до временного пристанища Тихха и хотя бы ненадолго забыться, поднявшись на облаке древних мифов над несправедливостью бытия.

Он даже сделал вид, что вовсе не заметил венка из махровых соцветий пастушьего гребешка, плавно проскользившего по течению реки – перед самым Куримаровым носом. Просто запретил себе думать о той, что, кажется, когда-то любила эти нескромно-пурпурные цветы.

Только звезды. Только подкрадывающаяся из-за холмистого горизонта ночь. Только старые, проверенные друзья. Больше Куримар никого не хотел брать в свое ближайшее будущее.

«Видно, угроза с небес заставила хархи больше верить в сказки», – хмыкнул про себя трактирщик.

На сей раз – а с предыдущего пришествия Тихха миновал ровно звездный оборот – Куримар с трудом отыскал себе свободное место у высокого огненного столба. Он в ту ночь был тоже выдающихся размеров – под стать великанам. Словно это они, а не обычные хархи собрались у подножия Двурогого холма послушать новые истории из самых далеких уголков острова.

Да... и на этот раз удача не задержала свой ветренный

взгляд на Куримаре. Зря он ждал тихого малолюдного вечера в отражении веселых язычков огня. Зря надеялся, что соберется лишь скромная кучка любителей чужеземных сказок и древних легенд – тех притом любителей, что не знают «непутевого грешника Куримара» в лицо.

Очень зря.

Громадный, видно собранный еще накануне, костер полыхал на всю округу, подобно огнедышащему дракону. Теперь ясно, почему его отсветы долетали аж до самых еловых верхушек и застревали в них горящими светлячками. Жар от костра сдерживал каменный обод, похожий на вытянутый кверху огненный колодец.

«Не на каждый Горидукх увидишь такой факел...» – подумал трактирщик, задрав голову аж до ломоты в шее. И все равно не смог понять, где заканчивается пламя и начинается звездный свет.

Новоявленные поклонники баек Тихха опоясывали «факел» тремя широкими тесными кольцами. Сидели кто на бревнах, кто на загодя выкорчеванных по такому случаю пеньках, кто на плетеных подстилках, а кто – просто на голой земле, поджав под себя ноги. К вящему разочарованию Куримара, свободные места – да и то их по пальцам можно было перечесть – оставались лишь в третьем, самом дальнем от рассказчика круге. Он и воткнулся в первое попавшееся, боясь, что если провозится еще несколько мгновений, то останется и вовсе без места.

Едва пристроившись между пахнувшей прокисшим молоком толстухой и угловатой девицей в безразмерной льняной тунике, Куримар почувствовал, что в этом месте он нежеланный гость. В последнем земном пристанище его заблудшей души, где он мог почувствовать себя живым. Где мог на время отречься от своих невзгод и потерь, путешествуя вслед за неспешными рассказами оракула по белому свету. Что же теперь? Теперь его крохотный сокровенный мир разросся до неузнаваемости. Если раньше он казался трактирщику тихим укромным местом – пожалуй, что даже лучше Святилища, – то нынче это неудобные дворцовые своды. А слетевшиеся на его свет «мотыльки» ловко растащили по крупянам весь тот глубокий смысл, что Куримар некогда находил для себя у подножия раздвоенного холма.

«Ладно! – сделал он над собой усилие. – К черту мотыльков!» Оскорбленный неожиданным ажиотажем вокруг Тиххова вечера, трактирщик даже не удостоил их взглядом. «Пришел-то я сюда не из-за вас, трусливые мошки... Ишь, слетелись к огню, чтоб укрыться от ящера!» Куримар сердито плюнул себе под ноги, чем заслужил презрительный взгляд соседки-толстухи. «То-то же!» Новая остроумная аллегория вызвала у трактирщика едкий смешок и помогла отчасти смириться с непредвиденными обстоятельствами: «Мели-мели про меня по всему Подгорью своими гнилыми языками, а теперь трясетесь от того, что Ящер скоро слизнет вас своим! Ха-ха! Ну, поглядим, как теперь Тихх утешит

вас... А главное – станет ли утешать?»

Наконец Куримар сосредоточился на центре трех живых кругов – там, где горел костер и где Тихх вытряхивал себе в рот последние капли какой-то дымящейся жидкости. Ну и пусть, что он сидел спиной к Куримару, привалившись к каменному укреплению костра так, что трактирщик видел только босые, покрытые мозолистым панцирем ступни в пыли всех четырех частей огненной земли. Пусть их с Куримаром, словно волнорез, разделял тройной барьер из малодушных суеверных трусов. Плевать, что, кажется, среди них, судя по ни с чем не сравнимому душку давно не мытых тел, затесались грязные бродяги врахайи. И пусть он, Куримар, в этот раз даже не сможет заглянуть в глаза рассказчику, чтобы зачерпнуть там немного чужеземной мудрости!.. Ничего!

Когда воздух наполнился звенящей тишиной, когда замолкли птицы, цикады и даже треск горы сухого хвороста сошел на нет, Тихх наконец заговорил.

С этого мгновения все остальное резко уменьшилось в глазах Куримара – уменьшилось до размеров самой мелкой, ничтожной мошки. Трусливой ли, храброй ли... Куримару стало настолько плевать, что он даже об этом не подумал.

Исхудавший, с холодным равнодушным взглядом... Почти старик. Гайя, которая когда-то в прошлом была его сбегавшей женой Хигдаей, даже не сразу узнала Куримара. А когда узнала, то ничем себя не выдала. И, пожалуй, это было

разумно... Ибо теперь у высокого костра Тихха она сидела подле своего нового мужа.

Им был ведун Шагг.

Бадирта распирал почти детский восторг, который он как мог скрывал под маской снисходительной благосклонности. Заимствованной, разумеется, у Каффа.

Синева позднего вечера уже растворялась в беспредельной тьме ночи. Она – насколько хватало ее власти – подкрадывалась к высокому костру, тесно обнимала небольшую поляну под Двурогим холмом, а стелющийся за ней лес считала уже безоговорочно захваченной территорией.

И вот в такой прельстительно-опасный час молодой принц – только подумайте! – вдруг оказался не за надежным бастионом Перстня, в безопасности стен замка-горы, а совершенно в ином месте. Нет, он даже не слоняется туда-сюда по морскому побережью в своих пространных раздумьях, окруженный вооруженными до зубов стражниками. Эти самые стражники, между прочим, остались далеко – аж за разделительной чертой Яхонтовой реки, под пологом хвойного леса.

Очень кстати, что в замке спозаранку все стало с ног на голову: запертые покои отца, сбитая с толку мать, белые лица перепуганных стражников, какой-то грохот со стороны левого крыла замка... Как на заказ! Появилось наконец не только какое-то разнообразие в этой скукоте одинаковых, как

стрелы в колчане, дней, но еще и потрясающая возможность устроить долгожданный визит к безумному Тихху так, как ему, Бадирту, хотелось.

Какая удача, что в этот раз никто не помешал принцу сделать все по своему вкусу! Все были слишком заняты, слишком взволнованны, чтобы вникать в то, что он пытался до них донести. Слишком рассеянны... И это полностью совпало с интересами Бадирта!

А интерес его был и оригинален, и прост одновременно – как, впрочем, все гениальное в этом мире. Ну какое, скажите на милость, веселье в том, чтобы прибыть на вечер оракула чинно-благородно, будто бы ты и правда подлинный наследник престола? Таких вот благопристойных принцев, с блеском в глазах и на камзолах, Харх, думается, уже навиделся. И они наверняка прискучили ему ну просто до тошноты. Нет, Бадирту-то, конечно, и так было чем удивить огненный остров... Но, как ни прискорбно, время этого «подарка», припрятанного на дне его кармана, еще не настало.

А выкинуть что-нибудь эдакое хотелось прямо сейчас!

Вот и пришлось выдумать – не без помощи желтоглазой кошки Йанги, конечно – экстравагантную забаву: заявиться к Тихху в одежде простолюдина, без сопровождения (Эббих не в счет), стражников и прочей монархической мишуры! А что? Мать еще до всей этой неразберихи в левом крыле замка дала согласие на визит принца к оракулу. И пусть только попробует потом отрицать это при короле! А уж *как*, в каком

виде нанести визит – это его, Бадирта, личное дело.

«На самый худой конец, от родительского гнева всегда можно будет откупиться тем, что это целиком и полностью была идея Йанги... – рассуждал принц, пока заворачивался в неведомо откуда приволоченные Эббихом лохмотья. – А то и вовсе ее главное условие. Для моей же безопасности...»

Похоже, ссылаться на Йанги входит у Бадирта в привычку. Ему действительно казалось, что в ее власти оправдать любой его поступок.

– Ну, каково, а?! – всю дорогу приставал Бадирт к горбуну.

Пробираясь через лес, он постоянно рассматривал полы своей крестьянской туники и разваливающиеся сандалии из потрепанной кожи – точь-в-точь сын бедного земледельца. Принцу всегда было по нраву входить в новые роли.

Эббих, для верности перемазанный сажей и прихрамывающий больше обычного, был наряжен в том же стиле. Это не мешало ему в десятый раз ответить принцу, что он-де в полном восторге от его смелости и изобретательности.

За этой видимой уступчивостью от Бадирта скрылось то, насколько в тот вечер Эббих был серьезен и сосредоточен. Если бы принц ненадолго отвлекся от самодовольства, возможно, заметил бы, что горбун сегодня больше похож на хищника, высматривающего жертву, чем на приближенного верховной жрицы Харх, который собрался послушать несколько чужеземных баек у костра. Напряженный и сосре-

доточенный, ковылял Эббих к холму под покровом ночи.

Как бы то ни было, маскарад, в котором карлик принял самое непосредственное участие, удался на славу! Ибо, когда принц и дворцовый горбун, оставив стражу на приличном расстоянии, попытались разместиться вокруг костра, никто не обратил на них внимания. Их толкали в бока, не давали протиснуться меж тесных рядов, а когда ряженные пытались сесть, то их и вовсе посылали в огненную жаровню, утверждая, что место это занято аж со вчерашнего дня.

Внимание и уважение... Разве их заслуживают крестьянский мальчишка и его калека-отец?

Только когда двое наконец пристроились во втором ряду – за спиной воняющего вчерашней сивухой здоровяка, – до Бадирта окончательно дошло, как именно они сейчас выглядят со стороны. Дошло, что в глазах всех этих простолюдинов они с Эббихом – отец и сын.

По спине принца пробежал холодок, словно он не сидел напротив пылающего до небес костра. Эти пару мгновений он ощущал себя голым перед этой грязной, галдящей толпой. Бадирт судорожно вцепился в рукав своей протертой туники: нет, вроде бы она на месте. Ладони, однако, стали холодными и неприятно влажными. Принцу казалось, что в легких нет больше воздуха – только этот проклятый дым с какими-то лиходейскими острыми специями.

Он еще сильнее стиснул рукав, едва не продырявив его ногтями.

– Трррр-щц-хх-ррр, – хрустел сухостой в костре, отдаваясь оглушительным скрежетом в голове принца.

Теперь «гениальная» идея Бадирта уже не казалась ему удачной. Больше всего сейчас хотелось поскорее покончить со странным маскарадом, вернуться в свою роскошную спальню, а наутро представить, что это был всего лишь дурной сон.

– ...поэтому сегодня я вложу в ваши уши лишь часть предания, – вторгся в мечущие мысли негромкий голос.

Тихх. Оракул. Блаженный странник, беседующий с каменными головами Севера. Оказывается, он уже начал свой рассказ – рассказ, за которым, словно за каким-то чудодейственным лекарством, пришло сюда столько островитян: от изгоев врахайи до особы королевских кровей.

– Ибо – уверуйте в это! – и под каменными черепами роятся домыслы, – провозглашал старик, поглаживая амулет на своей морщинистой шее. – Прислушаетесь к ним, к этим домыслам, – и быль станет небылью. Купитесь на них – и истина канет на дно. Не вернете тогда ее уж на сушу! А истина на суше нужна, словно звездный свет. Здесь и так уже слишком темно – я почти не вижу ваших лиц... – Оракул слепо пошарил горбатым носом меж воздушных звеньев дымных колец. Дети из первого круга шарахнулись, прячась в полах мамкиных хитонов. – Без истины нас ждет мракобесие ночи, преклонение перед грехом и чаша, полная крови невинных!

Отринем истину, похороним прошлое – и мертвый Ящер коронует изуверского Скарабея! И тогда, – Тихх обвел замерший круг полубезумным взглядом, – тогда некому будет похоронить нас. Слушайте! Слушайте сказание, полное осколков затонувшей в Вигари истины, что я вымолил у думхров – каменных идолов древних. Вгрызайтесь в них до основания! Впитывайте их кожей! Впускайте их в свое сердце! Слушайте то, чем готова помочь нам память Севера. – Старик понизил голос почти до шепота. – Если Пастухи миров будут милосердны, то я доберусь до юга Харх, и спустя звездный оборот я принесу сюда тайны его черных шаманов. Если Пастухи мне позволят... – Очевидно, Тихха не смущало, что никто не понимал ровным счетом ничего из его витиеватого и сумбурного вступления. – Да, именно так! Если им будет угодно, я доберусь до Чарья, я принесу сюда и его память. Быть может, это избавит наших детей от повторения ужасов прошлого и сорвет корону со Скарабея!

Оракул воздел руки к звездному Ящеру, беспомощно распластанному по темному небу.

– Забывать нельзя! Услышьте! Уверуйте! Познайте!

Он открутил верхнюю часть каменного черепа – своего шейного амулета – и плеснул из него в толпу какой-то прозрачной жидкостью. Некоторые слушатели с визгом и проклятьями бросились со своих мест в сторону леса. Те, что оказались крепче духом, обменивались с соседями недоуменными взглядами. Нашлись и те немногие, кто смотрел

на Тихха как на пророка и нового верховного жреца Харх: они растирали по лицам и рукам попавшие на них капли и шепотом повторяли за оракулом странные слова.

И Тихх, обращаясь к ним, пообещал:

– Да исцелит вас мое лекарство! Лекарство от забвения!

Глава 22 Твари

Уверенный дневной свет эфимиров беззастенчиво прорвался сквозь дрогнувшие веки Елуама. Это было избавлением: рассветные отблески милостиво прекратили одинокие скитания нового пилигрима по мгlistым пустошам безвременья. Заставляя глаза жмуриться, а ресницы трепетать, этот свет выжиг зияющую черноту пустого космоса, чуть было не поглотившую молодого вига.

Свет, откровенно говоря, был не то чтобы ярок. Все-таки Зачерновичье – так уж исстари повелось – отродясь не славилось ни прозрачностью вод, ни искристостью проходящих сквозь них лучей. Тем не менее для Елуама, целых полтора светокруга проболтавшегося в мире куда более сумрачном, дело обстояло совершенно иначе. Ему эти бледно-желтые линии, сочащиеся сквозь тусклую муть, представлялись слепящими огненными факелами.

Их воинственно полыхающее пламя властно звало его на Харх.

Должно быть, вчера ночью он благополучно возвратился с инициации. Он дышит. Он ощущает свое тело в водном пространстве. По венам струится густо-синяя кровь, снаб-

жая затекшие конечности живительным теплом. А тупая ноющая боль в грудной клетке лишь подкрепляет мысль об успешном исходе обряда в Расщелине. «Выплатила свой оброк, нечестивая!» – с трудом провернулись жернова мыслей в голове Елуама. Изловчившись, он ощупал пальцами свои верхние ребра. Те заметно раздались вширь. Все, что над ними, – тоже. Собственные кости казались юноше распахнутыми створками раковины. Он, разумеется, и понятия не имел о механизмах таинства инициации, но отчего-то был уверен, что гурилии просто взяли специальный ключ и открыли его, Елуама, изнутри. И не сказать чтобы это вмешательство ощущалось как нечто противоестественное...

Все будто бы, напротив, наконец стало на свои места. Вернулось к истокам. словно он изначально родился с этими дополнительными межреберными разрезами, словно всегда с таким характерным свистом растворенный в воде кислород прокладывал себе по ним дорогу.

Правда, теперь его не хватает. Грудь, издавая натужный хрип, заходила ходуном в жадном стремлении поглотить больше невидимых воздушных пузырьков. словно голодная китовая акула, которой вместо вожеленных жирных рыбешек попались в пасть только их прозрачные личинки, тотчас же лопающиеся на зубах.

Впервые Елуаму пришла в голову мысль о том, как же здесь, в бездне его подводной родины, *душно*. Неожиданному открытию недолго суждено было занимать юношу. Теперь

им владело страстное желание поскорее отправиться туда, где животворного кислорода куда больше. Туда, где жадная соленая глотка не забирает себе почти все его хрустальные капли, оставляя своим обитателям лишь жалкие осколки.

Лучи эфимиров резали и резали черноту, все еще сгущавшуюся в уголках глаз юноши. Пламя их факелов влекло Елуама на Харх зазывными болотными огоньками.

Да, путь из мира, скрытого от других, в мир привычный оказался нелегким. Хорошо еще, что фрагменты этого «скрытого мира» остались себе безумствовать за ставнями сомкнутых век и не вырвались наружу из тесного заточения. Как теперь не поверить, что неведение – не только гарантия крепкого сна, но и хорошее снадобье? Быть может, даже лучше пресловутого хархского вселекаря.

Он просто спал. Просто вчера выдался трудный, полный испытаний день. Только вот сны были какие-то тяжелые...

Когда глаза привыкли к утреннему свету и проступили наконец очертания обстановки, Елуам осознал, что находится вовсе не дома.

– Тише, тише, – полушепотом обратилась к нему юная светловолосая вига.

Она отличалась от тех девиц, коих в немалом количестве приводил домой братец Тэун. «Но чем же?..» – спросил себя юноша, с трудом фокусируя взгляд на своей «сестре милосердия». И понял, что дело, пожалуй, было в особой чистоте ее внимательного взгляда. Да, определенно в этом! Но ка-

кой же это был утомленный взгляд!.. Девушка, заметив первые попытки больного приподняться на локтях и оглядеться, тотчас остановила его:

– Пожалуйста, не трать силы!

«Это при том, что ей самой силы ох как не помешают», – произвольно подумалось Елуаму. «Сестре», разумеется, его мысли были невдомек, а потому она, теперь уже гораздо строже, сказала:

– Ты только-только отошел от инициации. Тебе там внутри многое изменили, чтобы ты мог выйти на сушу. Понимаешь?

Она еще спрашивает... Елуам, стараясь выглядеть как можно уверенней, кивнул. Так, что шея чуть не хрустнула.

– Поэтому, прошу тебя, не трать силы, – повторила девушка. И с тяжким вздохом добавила: – Потому что *у меня* их больше нет...

Сказав это, она нахмурилась и быстро отвела свой чистый и непорочный взгляд. Елуам механически проследил за ним, одновременно пытаясь оглядеть комнату. Что ни говори, а роскошью это странное место не отличалось. Да что там роскошью! Здесь, пожалуй, даже не знают об элементарном порядке. Все кругом перевернуто вверх дном. «Нет, это, по крайней мере, точно не лекарница. В лекарницах так все расставлено, как будто там не лечат, а геометрию изучают».

Елуам, оставаясь в полной неподвижности – ему не хотелось нарушать просьбу миловидной «сестры» – и двигая од-

ними зрочками, получал все больше и больше пищи для размышлений.

Непрозрачная вода, запруженная водорослевыми клочьями и планктоном, каменная комната, обставленная, мягко говоря, без излишеств, на полу – металлические тазы с какими-то ошметками и осколками стекла. Из них еще и вырывается тонкая пряжа молочно-бордового пара... Сквозь него юноша не сразу и заметил, что они со светловолосой девицей были здесь не одни: у дверей столпились какие-то незнакомые вига. Они ожесточенно спорили, даже не замечая Елуамова присутствия.

Да где же он, во имя искусников, находится?!

Ни один предмет окружающей обстановки и не думал прийти на помощь подсказкой. И что прикажете делать? Не выставлять же себя перед этой молодой особой перепуганным мальком, бьющимся в истерике: где это я?! Хочу, мол, поскорее домой, мамка заждалась! Кстати, она, светловолосая, видно, не особо-то и жаждет общения – вон как упрямо отводит взгляд. Ей бы самой сейчас домой да выспаться как следует. «Тогда, наверно, станет еще красивей...» – закончил за Елуама его внутренний голос.

Вдруг в эти приятные размышления бесцеремонно вторгся незнакомый бас.

– Новый купеческий пилигрим! – прозвучало прямо над ухом Елуама.

Сказать по правде, он не сразу смекнул, что обращаются

именно к нему. *Купеческий пилигрим*... Такая непривычная музыка для его слуха... Но как же сладко, как мило сердцу ее звучание!

Нужно поскорее на нее отозваться, ведь это он, Елуам, – тот самый пилигрим, который выжил после всех тягот инициации! Быть может, пилигрим, странствия которого изменят саму историю Вига!

Юноша не стал откладывать наслаждение в долгий ящик.
– Да! – ответил он с едва скрываемым восторгом, теперь уже даже не пытаясь угадать, кто стоит перед ним. Наверняка ведь кто-то из Черторга пришел его проведать, а заодно восхититься его выдержкой. Да мало ли какие еще сюрпризы и *наслаждения* готовит ему новый день? – Это я – Елуам, – не без гордости уточнил он, с ног до головы оглядывая незнакомца в темном плаще, нависшего над его лежанкой.

– Ты жив... – будто не веря глазам, проговорил посетитель. – Ты действительно жив, – повторил он для верности.

Высказав эту очевиднейшую истину, вига извлек из глубины своего плаща стопку тонких белых мембран, перетянутую полоской серебристой кожи ската, и быстро сделал пару пометок прикрепленной к ней остроконечной палочкой.

Пока таинственный посетитель царапал свои умозаключения на мембране, к нему подскочил второй – видимо, друг или коллега – и безо всякого стеснения заглянул ему через плечо. Тот, второй, был пониже, так что удовлетворить свое любопытство он смог, лишь встав на цыпочки. Блеск его уз-

ких черных сапог, выглядывающих из-под такого же, как и у первого, плаща, на фоне мутной захлавленной комнатки буквально резал глаза.

Вынырнув из-за плеча коллеги, второй порывисто поправил круглые очки – они того и гляди готовы были соскочить с его приплюснутого носа – и пробежался пальцами по груди Елуама. С такой осторожностью, что юноша даже не почувствовал прикосновений. «Ну точно – посланцы из Черт-орга», – заключил он, не желая лишними вопросами выдавать свою неосведомленность. Тем более что здесь и так все понятно.

А вот странное место, в котором он оказался... Тут задача посложнее будет. Однако юноша отчего-то был крепко убежден, что рано или поздно она «расколется» сама. «Нужно мудреть и меньше торопиться», – назидательно сказал он себе. И был прав. Новое тело, новое дыхание, новый статус. К этому всему нельзя подступаться в окружении старых привычек!

– Разумеется, жив, – заявил он своим двум посетителям, вызвав их облегченные и немного заискивающие улыбки.

И даже попытался приподняться на левом локте. У него это прекрасно получилось. Триумф был подкреплён аплодисментами – сдержанными, но исполненными почтительности.

Светловолосая на это только горько вздохнула и нервно дернула плечами, отводя взгляд. Только присмотрев-

шись повнимательней, Елуам заметил, что взгляд этот был затуманен слезной пеленой – почти неразличимой в окутавшей комнату желтоватой мгле.

Вот, оказывается, каково это – отдать себя без остатка. Выжать всю свою суть до последней капли и не оставить ничего про запас. Не всякий сталкивался с подобным, ибо обычная усталость в конце тяжелого дня или моральная истощенность после длительной словесной баталии – это совсем не то же самое. Это лишь верхушка того исполинского айсберга, что придавил Илари.

Именно под ним она и нашла себя после новой встречи с невообразимой тварью – не то змеей, не то крылатым вампиром. Она так и не поняла до конца с кем. Ей и не хотелось этого понимать.

Хотелось только поскорее забыть, как о страшном сне.

В нем-то ей и довелось побывать по воле матери и странно переменившегося мастера Моффа. Да, именно так. Такая вот голая правда, не украшенная резьбой милосердия и не покрытая щедрым слоем альтруистического лоска. Более того, после всего пережитого девушке даже не стыдно было признаться, что к повторному вторжению в сознание Елуама ее буквально принудили. Просто загнали в угол, не предоставив никакого выбора. Она уже и не помнила, как, какими средствами новоиспеченным союзничкам это удалось. В самом деле, как же все произошло? Мать вроде бы шипе-

ла ей о каком-то долге – интересно, кому и когда успела она задолжать? – а Мофф, позабыв о строгости и степенности, с жаром сулил должность в Лабораториуме. Но это было вначале. Когда ее сопротивление еще не исказило их лиц и они не слились перед ее испуганным взором в одно – гневное и требовательное. Пышущее негодованием. Бросающим в нее этим уму непостижимым «должна». «Должна! Должна! Должна!!!» – громогласно зывали к ней родная мать и глава факультета, брызжа слюной и размахивая руками.

Что ж, следует отдать их упорству должное: эти двое не прорсчитались.

Их «должна» в конце концов подавило волю Илари, заглушив внутренний голос со всеми его сомнениями и страхами. Утихли мысли о том, что она не готова, что понятия не имеет, как побороть жуткое видение и что вообще у нее кровь стынет в жилах при одной мысли о нем.

Что еще ей оставалось? Не бежать же, как вчера, из аудитории. Да и куда ей, безродной необразованной чокнутой девице, бежать? Ни родственников, готовых приютить и выслушать, ни друзей, на которых можно положиться, ни даже просто добрых знакомых. Отец давно уж спит вечным сном в раковине своего нолла. Так что оставалось лишь признать, что ей не написать картину своей жизни собственными красками. Все наконец прояснилось, и Илари стало ясно как белый день: этого не будет никогда. Только она взяла кисть и попыталась сообщить судьбе немного светлых от-

тенков, как сама эта судьба вдруг сошла с картины, зловеще оскалилась и грубо ударила ее по рукам. А потом опрокинула баночку черной краски, очень похожую на ту неподатливую колбу с экзамена, и на холст полились густые смоляные реки. Они растеклись по верх всех радужно-пастельных мазков, что успела наметить Илари: обучение лекарскому делу, успешная практика в Лабораториуме, знаки научного отличия на пальцах, освобождение от пут нищеты, прощание с опостылевшим Зачерновичьем, достойная старость для матери... Ничего этого не будет. Илари отчетливо видела, как робкие фантазии задыхаются под уже застывшим слоем аспидно-черной гуаши – ее проклятия, издевательски маскирующегося под дар. Однажды выползая из своего логова, в котором доселе дремало, ожидая своего часа, это проклятие показало себя во всей красе.

Такова, оказывается, судьба. Как ни чурайся ее, рано или поздно уложит тебя на лопатки. Желчно посмеется над мечтами и вместо магистра лекарского дела превратит тебя в чье-то оружие: иди, мол, сражайся с крылатыми змеями на изнанке миров. Сражайся и побеждай их, покамест серые кардиналы потирают руки и придумывают, как бы выгодней использовать твое проклятье.

Да, убежать от них можно. Но убежишь ли от себя?

Илари хорошо усвоила ответ на этот вопрос.

Малейшее движение взимало плату в виде тяжелой одышки. Сердце колотилось так, что эхо отзывалось в ушах. Со-

знание с трудом отражало происходящее и едва отвечало какими-то реакциями. Единственной ясной мыслью в туманном полусне оставалось то, что теперь-то она точно *ничего никому не должна*.

Просто больше ничего не осталось – брать с нее было теперь решительно нечего. Ибо она собственными руками выжала свой дар, как губку, чтобы, словно порцией смертельного яда, окропить им того желтобрюхого змея. Это сработало: тварь покинула сознание Елуама. Только, когда змей по-птичьи сложил свои огромные кожистые крылья и осел в буром иле бесформенной обсидиановой массой, у Илари уже не осталось сил даже на то, чтобы порадоваться. Да и вообще, это слабенькое, жидковатое понятие «радость» совершенно не подходило к тому, что она испытала в конце пути. Чему ведь обычно радуются? Наверное, праздникам, свежему травяному хлебу, перехваченному восторженному взгляду... Илари же, пусть и на кратчайший миг, удалось ощутить абсолютное, безраздельное *могущество*. Колоссальную силу, равной которой нет и быть не может в природе. Необъяснимую, плохо управляемую и потому пугающую. Она как будто вдохнула новый непознанный мир, со всей его запутанной историей, древними легендами, божественными дарами и губительными проклятиями...

И он чуть не разорвал ее изнутри.

А потом она просто выдохнула его обратно в бездну Вигари – и все закончилось. Осталась только слабость и на глазах

расплывающиеся воспоминания. Они, подобно миражу, теряли очертания и цвета, торопливо сдаваясь привычной реальности.

К слову, о реальности. Она встретила девушку далеко не радушно. Никаких похвал, ни намек на награду, ни капли благодарности. И совершенно никого рядом. При одной мысли, что их с Елуамом бросили на произвол судьбы, у девушки пересохло во рту и задрожали губы.

«Где все?!»

Новая, уже зарождающаяся в глубине горла обида не позволила Илари бросить беглый взгляд на юношу: как он, очнулся ли? Или эта битва оказалась вообще напрасной? Вроде бы она зацепила какое-то шевеление на поверхности лежанки... Преодолевая себя, девушка повернулась к больному. «Кажется, мне все удалось» – равнодушно щелкнуло в голове: усталость поглотила и радость, и облегчение. Несколько формальных фраз о соблюдении покоя – вот и все, чем она удостоила спасенного пациента.

Ибо теперь все внимание было обращено в сторону входной двери. Там, кажется, и таился ответ на загадку об исчезновении всех присутствующих – в путанице голосов, доносившихся из прихожей.

Преодолевая слабость и головокружение, Илари медленно поднялась с пола и, шатаясь, словно пьяная, пошла на звук. С такой осторожностью, будто боялась заблудиться в четырех стенах своей лачуги. Если эти трусы почуяли, что их задумка

обречена, и решили бежать, она им сейчас покажет! Не все же другим командовать! Сейчас она...

Сцена, открывшаяся в темной лачужной пристройке, оборвала гневный монолог Илари на полуслове.

Два незнакомца в длинных плащах с развевающимися треугольными капюшонами прижали мать к серому шершавому камню голой стены. Она извивалась и хрипела в тисках их стальной хватки. Купцы и Мофф, словно зачарованные, усталились на происходящее, сгрудившись у входной двери.

Никто не думал заступаться.

– Не могу поверить!.. – раздался выразительный полупшепот одного из «плащей».

Правой рукой он вцепился в плечо матери, а другой тряс коллегу за рукав. Он так выпучил свои рыбы глаза под вскинутыми белесыми бровями, что, казалось, они вот-вот выскочат из орбит. Как заведенный он повторял:

– Их же было три! Быть не может! Сколько раз я поднимал архивы! Ну скажи, Знаир, скажи, сколько их оставалось в чаще Стуммаха в день изгнания? Может, у меня уже ум за разум, а?

– Остынь, Квилх, – хладнокровно ответил, видимо, тот самый Знаир.

Он был на голову выше своего коллеги и обладал несравнимо большей выдержкой. Придавливая к стене горло Наиды с непринужденностью заправского душегуба, он тем же спокойным тоном удовлетворил интерес низкорослого:

– Твой разум, поверь мне, в полном порядке. Но раз уж ты не успокоишься, пока не услышишь это из моих уст, то пожалуйста: *их было три*. Во всяком случае, наши предшественники нашли именно трех. Доволен?

Что происходит? Три *кого*? Что им, в конце концов, нужно от матери?! Странная сцена не давала ответа на эти вопросы.

Девушка, почти слившись со стеной, судорожно огляделась. Она пока оставалась незамеченной, и это было то небольшое, в чем ей повезло. Стоит надеяться, что эти предатели, Мофф и купцы, ничем не выдадут ее присутствия. До крови закусив губу и боясь даже дышать, Илари старалась извлечь всю выгоду из своего положения временной невидимости. Она озиралась по сторонам в поисках какого ни на есть оружия самозащиты, ибо – тут к бабке не ходи – эти двое явились сюда не чаи гонять.

Вот, кажется, на полу, в двух шагах от нее, валяется отломившаяся ножка перевернутого стола. Кряжистая коряга сойдет за вполне себе сносную дубинку. Осталось лишь изловчиться и незаметно дотянуться до нее. Незаметно и быстро.

Нужно выиграть время у этих мерзавцев!

Глубокий медленный вдох. И такой же медленный выдох. Никак нельзя, чтобы пузырьки из наспинных плавников разоблачили скрывающуюся за стеной разведчицу! Илари мысленно призвала на помощь всю свою ловкость и проворство, поскольку понимала: от них сейчас зависит жизнь матери. И,

что уже вторично, ее собственная. Готовясь совершить бросок к вожденной коряге, чтобы потом стремительно пустить ее в ход – раскроить бритые затылки «плащей», – девушка скользнула вниз по стене и тихо присела на корточки.

Вот и новая заковыристая задачка от строгой учительницы-жизни! Поди разгадай... Да еще и в одиночку! «Как, впрочем, и всегда».

Ах да!.. В условиях задачи от этой педантичной госпожи ведь еще значит, что надо внимательно слушать звуки по ту сторону стены. Чтобы, не приведи искусники, не просчитаться.

Чтобы не совершить непоправимую ошибку. «Оказывается, ошибками грешат не только врачи...»

Илари приникла ухом к бугристой известняковой перегородке и изо всех сил напрягла слух. Только гул мелких течений, некстати разгулявшихся в дверных щелях, и приглушенные голоса «плащей». Было непонятно, спорили они между собой или, наоборот, о чем-то договаривались. «Что толку, – с досадой думала Илари, переводя взгляд с дверного проема на ножку стола. – Все равно ничего не разобрать. Семеро побери эти течения!»

Больше медлить нельзя!

Илари ринулась вперед. Упершись локтями в пол, она прижалась к нему всем телом и по-пластунски поползла к коряге, гордым флагом торчащей из груды обломков. Платье зацепилось за какую-то щепку и порвалось сбоку.

Какая, бить-колотить его эо, разница? Уж это точно осталось за пределами внимания Илари.

А вот «флаг» – как раз совсем наоборот! Пара мышечных сокращений на змеиный манер позволили наконец ухватить корягу.

Дело осталось за малым: незаметно подкрасться к незваным гостям сзади и привести в исполнение план. «В мыслях-то оно легко...» – чуть ли не вслух вздохнула девушка. Кажется, до нее только сейчас дошло, что ради спасения матери она готова разmozжить черепа двум взрослым громилам. Нет, воли и морального настроя на подобное деяние ей было не занимать... Только кто сказал, что силенок-то хватает.

Что ж, проверить это можно лишь одним способом. Илари крепко зажала под мышкой свою драгоценную дубинку и, стараясь создавать как можно меньше шума, начала медленно подниматься с колен. Она встала на ноги, резко выпрямилась и, сжав свое оружие обеими руками, крылатой тенью метнулась за стену.

Видимо, восприятие, а позже и память проявили к Илари милосердие. Ибо то, что произошло дальше, они сохранили лишь скудной россыпью отрывочных эпизодов – слишком размытых и туманных, чтобы ранить в полную силу.

Вот она, не помня себя от негодования, врывается в тесную клетку пристройки. Пара узких окошек-бойниц пропускают ничтожно мало света, а лучи, освещающие перевер-

нутую кверху дном комнату, сюда просто не дотягиваются. Плохо. Дубинка того и гляди угодит мимо цели. Или, еще хуже, впопыхах вероломно сменит хозяина и обрушится прямо на Илари. От частого моргания и мотания головой во все стороны никакого толку. И, как водится в подобных ситуациях, промедление дорого обошлось.

Ее заметили.

– Ты еще откуда? – недоуменно рявкнул тот, что повыше. – Мастер сказал, ты очухаешься не раньше вечера!..

– Мофф! – злобно прошипел второй «плащ». – Ты нам что обещал насчет молодой полугурилии? А?! Теряешь сноровку, старый ябедник? Отвечай, когда к тебе обращается инквизиция Обители!

– Уважаемые стражи правосудия, – начал было Мофф откуда-то из-за спины купцов. – Я, признаться...

Признаться седой мастер ни в чем не успел. Когда Илари изо всех сил рубанула тупым концом дубинки низкорослого «плаща» по его бритому затылку и тот, оглушенный ударом, отнял свою мясистую лапищу от шеи ее матери, никто, разумеется, его уже не слушал. Тучный инквизитор схватился обеими руками за ушибленную голову и взвыл не то от боли, не то от неожиданности.

– У-у-ух-х-хо-о-о! Прямо в темя, паршивка! О-о-ох-х-хо-о-о!

Получилось так, что это протяжное «о-о-ох-х-хо-о-о» и стало той разделительной чертой, за которой обычно хоро-

шая память Илари вдруг превратилась в скверного хрониста.

Все закрутилось и замелькало перед глазами мелкими разноцветными песчинками. В каждой из них запечатлелись отдельные фрагменты того сценария, что уготовила Илари жизнь. Да-да, та самая чопорная дама с жестоким взглядом.

В одной из таких песчинок был Лиммах. Илари запомнила только его порывистое движение в свою сторону и угадывающееся в глазах желание защитить ее от «плащей». И был он, увы, не один. Куда же без старого, увешанного золотом Яллира? Он-то своей цепкой жилистой рукой, увитой тонкими лозами сверкающих браслетов, и остановил проводника купеческих караванов. Если поместить эту песчинку-воспоминание под лупу, то можно даже разглядеть, что остановила Лиммаха не крепкая хватка – уж он-то всяко был посильнее старика, – а его взгляд. Предельно убедительный и прямо-таки чародейски властный.

От круговорота событий немедля отщепилась новая песчинка. Внутри нее ослепленный яростью Квилх набрасывается на Илари. В его руках – грубая веревка. Тут же рядом с ним и Мофф. Тот, не понимая пока назначения этой веревки, негодуяюще вздымает рукава своего кимоно – оно чуть ли не светится в темноте, – по всей видимости, взывая к благоумию «уважаемого стража правосудия».

Только когда все перемелется и уляжется, Илари, быть может, горько усмехнется, крутя перед умственным взором эту памятную песчинку. Да, быть может, она заметит почти ко-

мичное сходство этого движения с жестом, которым мастер буквально вчера призывал соблюдать тишину на экзамене. Кто знает, вдруг щепотка иронии хоть немного уменьшит боль? Раньше, помнится, это снадобье не раз приходило к ней на выручку...

Хотелось бы верить, что и сейчас не подведет.

Правда, будем честны, много ли сможет обыкновенная ирония против другой, отравленной черным ядом песчинки, которая вот-вот выскочит из смерча, со всех сторон обступившего Илари? Она уже в пути – безошибочно метит прямо в сердце. Там и будет погребена, на самом его дне.

– Ты не должна была этого видеть. Мастер сказал, что ты будешь в отключке до вечера, – вот и все, чем удостоил ее высокий «плащ».

Прежде чем снова сомкнул пальцы в белых перчатках на шее ее матери.

Прежде чем она перестала хрипеть, сопротивляться и пытаться вырваться из этой самой руки. *Не должна была видеть...* Пока эта фраза разрывала Илари изнутри своим чудовищным смыслом, еще можно было что-то сделать. Был мизерный шанс воспользоваться промедлением, которое, будучи хозяином положения, позволил себе «плащ». Последние несколько секунд, когда от нее, Илари, еще что-то зависело.

Увы, способность мыслить стратегически, а действовать молниеносно ей изменила.

Так что вместо решительных действий, вместо отчаянных попыток противостоять убийце эти секунды вместили в себя лишь беспредельный ужас в широко распахнутых глазах. Ужас расползлся по всему существу девушки, наполняя ее слепым черным отчаянием – истощающим и разрушительным. Не веревка, которой разъяренный Квилх связал ее руки, сдерживала Илари. Ее тело попросту вмерзло в пол и отказалось слушаться. Язык окостенел. Впрочем, даже если бы этот общий паралич его даже не коснулся, все равно не нашлось бы в языке вига слов, способных хотя бы частично передать силу тайфуна, бесновавшегося в голове Илари. Его молнии короткими электрическими разрядами вспыхивали в голубых глазах.

Может быть, поэтому момент, когда мать рухнула на руки Знаира, и был частично скрыт от Илари демонической пляской светотени. И от этого выглядел еще менее реальным. Да, момент был скрыт, но, увы, отнюдь не смягчен.

Илари и в самом деле увидела то, что *не должна была видеть*.

Последним, что успело приклеиться к этому самому страшному в ее жизни воспоминанию, стала одна-единственная застрявшая в сознании мысль: все было предрешено. Эти «плащи» шли сюда с четко поставленной целью. Они шли убить мать – раньше или позже, тем способом или иным. «Это не просто двое безумцев. Ими управляет поистине могучая сила», – тупо качала головой Илари, лежа калачиком

на каменном полу, пока вокруг нее оживала немая сцена.

И хоть Илари не хватало еще многих камней, чтобы сложить из них крепкий фундамент понимания происходящего, начало этому все же было положено. Имелся по крайней мере один камень – и не простой, а краеугольный.

Надпись на нем гласила: *«Все было предрешено»*. В этом «предрешено» скрывалось какое-то странное, необъяснимое утешение...

Илари почти не почувствовала, как ей развязали руки, как на трясущиеся плечи лег тот самый ненавистный черный плащ, как кто-то протянул ей продолговатый пузырек, как ее горло обожгла горячая кисло-пряная жидкость. Не почувствовала просто потому, что не хотела. Она падала в свою личную бездну скорби и отчаяния, на лету цепляясь за это «все предрешено». И иногда – за беспокойство о Елуаме. Может, хоть кого-то удастся еще спасти?..

Пообещав себе по «пробуждении» первым долгом осмотреть молодого пилигрима, Илари растворилась в тяжком забытии.

Торжество белоснежного цвета с вызовом противопоставляло себя скорби новоиспеченной сироты. Вычурность серебристо-снежной лепнины и утонченная осанистость витых колонн вместо ожидаемого восхищения вызывали молчаливое раздражение. Хотя такое ли уж молчаливое, если так и не погасшие вспышки молний в глазах были красноречивей

самых отборных ругательств? Молнии не то что не погасли, а, стоило Илари восстановить малую часть своих сил, разгорелись заново. Неукротимо и страшно.

Деревянными шагами ступая по аквамариновому зеркалу пологих ступенек, она походила на оцетинившегося дикого зверька, выхваченного охотниками из родной норы. Да, Илари мало чем отличалась от такого вот хищного зубастого детеныша, которого зверобои притащили за шкуру в свое укрытие.

«Притащили зачем-то живым...» – безмолвно недоумевала Илари.

Закутанная с головы до пят в черный чесучовый плащ – нужно же было чем-то прикрыть изодранное платье, – девушка медленно спускалась к тронному залу. Достаточно бросить беглый взгляд на ее уже совсем по-взрослому нахмуренный лоб и недоверчивые глаза, обрамленные землистыми кругами, чтобы вынести точный вердикт: она не рада приглашению.

Разве радость – это то, что испытывает жертва при виде своего терзателя? Найдется ли в целом мире безумец, встречающий ликованием своего врага? С *радостным* ли сердцем он переступит порог его логова?

Ох, как же клялись и божились инквизиторы, что грядущая встреча не несет ни малейшей для нее, Илари, опасности! Как дико ей было наблюдать за метаморфозами их поведения... Не каждый день, право, увидишь, как два экзе-

кутора, завершив свое темное дело, срывают с себя маски хладнокровных убийц и начинают вдруг рассыпаться перед тобой мелким бесом!..

Как же это омерзительно! Их фальшивое участие, деланное сострадание и обещание покровительства привели Илари в ярость. Да как они, только что забрав у нее мать, вообще смеют о чем-то просить?! Честное слово, уж лучше бы они, как двое самых обыкновенных мясников, после содеянного просто обобрали весь дом – если там вообще было что брать, – отпустили бы на прощание пару скабресных шуточек и убралась бы подобру-поздорову... Да, это было бы тоже гнусно и мерзко и, ясное дело, прожгло бы зияющую дыру в душе Илари... Но, искусники свидетели, это лучше, чем продолжать светскую беседу с убийцами твоей семьи!

«Обитель всецело разделяет ваши чувства. Сейчас вы вправе выражать их как угодно. Ваше благоразумие и готовность к содействию Обители обеспечит вам защиту и достойную компенсацию, леди Илари», – наперебой стрекотали ей в оба уха Знаир и Квилх. Уже поглядывая на свои карманные часовики, они делали друг другу знаки, что, дескать, пора кончать с лирикой и переходить к следующей части задания.

Делать вид, что у нее, жертвы, есть выбор, на вкус Илари, было верхом лицемерия. Еще одно подтверждение, что их «сострадание» гроша ломаного не стоит. Эти ищейки Обители говорили так, будто она и вправду могла принять решение, сколько же благоразумия им отвесить и в каком объеме

оказать содействие!.. Будто, ежели она предложит им недостаточно или вовсе откажет в подобных услугах, Обитель лишь вздохнет и отнесется к этому с пониманием. «Вместо того чтобы уничтожить – хладнокровно и невозмутимо», – добавила Илари от себя. «Как родителей...» – выдохнула она с новой порцией слез.

Ах, если бы у нее оставалась в запасе хоть капля сил... Голову на отсечение, она, не задумываясь, вкралась бы в бритые инквизиторские головы: разнюхала бы все об их детских страхах, тайных фобиях, ночных кошмарах и обратила бы эту невидимую армию против них! Вряд ли они устроены сложнее Елуама.

«А может, и проще ульмэ!»

Илари с ненавистью покосилась на лоснящиеся складчатые затылки своих провожатых. До трона, напоминающего занесенный снегом вулкан, оставались считанные шаги. Восседающая на нем фигура уже перестала быть отдаленной сияющей точкой. С каждой преодоленной Илари ступенькой ее вид и форма обретали все больше подробностей. И они, против воли юной виги, приковывали к себе ее полный изумления взгляд.

...Когда их с Елуамом доставили в Дворцовый круг и высадили из фицци у врат Обители, не обошлось, разумеется, без настойчивых проповедей относительно правил поведения и дворцового этикета. Видать, их священные постулаты не являются исключением даже для таких «почетных» го-

стей, как они с новым пилигримом. Завернувшись в Квилхов плащ, Илари как бы отгородилась от внешнего мира – пусть и условно. Она еще не была готова покинуть свою личную пропасть скорби. У нее не было сил даже поднять голову, дабы увериться, что там, наверху, все так же светят лучи эфимиров, резвятся глубинные течения, а жизнь неумолимо продолжается. И уж тем более не было сил выслушивать, какие еще требования эта самая жизнь вознамерилась ей предъявить. Илари даже отчасти оскорбилось, что настроение Елуама было полностью противоположным. Она присмотрелась повнимательней – и правда: преисполненный глубокой почтительности, молодой вига, затаив дыхание, внимал наставлениям сухощавого камергера в кипенно-белом двубортном сюртуке. Новоявленный пилигрим согласно кивал и выказывал прямо-таки образцовую учтивость. С виду он будто бы даже нисколько не путался в ценных сведениях, проникавших одновременно от камергера и Ялтира (тот настоял на сопровождении неокрепшего собрата) в оба его уха. Умудрялся еще время от времени щеголевато взмахивать своей теперь уже аккуратно расчесанной челкой.

– Еще раз напоминаю вам, что вы пойдете вторым, вслед за леди Илари. Вы запомнили, уважаемый новый пилигрим, как должно обращаться к хранителю? – вопрошал его камергер. Чопорный тон царедворца был пронизан холодным скепсисом.

– Безусловно, господин Эакью, – бодро отвечивал юно-

ша.

Надо думать, он стремился умиливать старика этой своей молодецкой готовностью. Так или иначе, по Елуаму было видно, что он, в отличие от *леди Илари*, пребывал в полном восторге от происходящего. Все кругом – и его новая роль, и общество, и предстоящая высокая аудиенция – приносило юноше несказанное удовольствие. Входя в образ успешного дипломата все больше и больше, он даже решился на короткую репетицию. Сделав вид, что склоняется в изысканном полупоклоне – отшлифованная Черторгом великосветская улыбка не сходила с его лица, – пилигрим, не поднимая взгляда, произнес:

– Ингэ, властелин моего эо и всего Вигари, безраздельный и вседержавный хранитель Вига, всенаследник великих праотцев и верховный страж Разума!

Камергер согласно, но сдержанно закивал. Даже инквизиторы не преминули обменяться одобрительными взглядами.

Если не обращать внимания на то, что при каждом вдохе «господин новый пилигрим» совершал волнообразное движение грудью и слегка опирался о Яллирово плечо, то его легко можно было спутать с высокопоставленным завсегдаем Обители.

«И ведь, поди ж ты, когда-нибудь он им и станет!..» – подумалось вдруг Илари.

Что ни говори, а все карты и вправду были на его руках: и обольстительная внешность, и врожденная обходи-

тельность, и истинно купеческая смекалка. Да, вернувшись к жизни, Елуам поведал о себе много интересного... Теперь Илари видела, что это не просто несчастный юноша, дорого заплативший за освоение вожделенного ремесла. О нет! Он далеко не жертва, вроде нее самой. Глядя на учтивые реверансы Елуама, Илари наконец уразумела, кто он на самом деле. Перед ней стоял обаятельный молодой вига – одной ногой уже на пороге своей блестящей карьеры и светлого, полного перспектив будущего. Предсказать это будущее, кстати, не так уж сложно. Он, безусловно, станет всю пользоваться живленным в него даром, совершит немало увлекательных паломничеств на Харх, всенепременно обогатит Вига новыми сокровищами. А посмотрите только на его галантность! И слепому видно, что он будет вхож в самые высокие общества и огненной, и подводной столиц. С такой-то улыбкой! С таким-то умением мгновенно запоминать имена из пятнадцати слов! С его этим даром схватывать все налету и по доброй купеческой традиции обращать себе в выгоду!

Новая волна осмысления свирепо лизнула Илари ледяным языком: так вот ради кого она отправилась за пределы бытия, дала вывернуть себя наизнанку, да еще и поплатилась жизнью родной матери! «Как?! Как так вышло?!» – содрогалась она, всецело отдаваясь запоздалому сожалению. Зачем вообще было все это? На чье будущее она без оглядки променяла свое собственное? А мать... Выходит, ее жизнь шла небольшим довеском, чтобы выкупить у судьбы этого голу-

боглазого юношу?

Жизнь в обмен на жизнь...

Получается, пару светокругов назад они оба покинули свои дома и отправились навстречу будущему, мечтам и разгоняющим молодую кровь амбициям. Она, Илари, – в Университет, а Елуам – в Расщелину. И вот куда их это привело. Сейчас они так же одновременно – вот ведь злая насмешка! – войдут в Обитель хранителя, чтобы узнать, что ждет их впереди. И Илари, признаться, крепко сомневалась, что вытянет счастливый жребий. Куда ей, жалкой сироте, тягаться с такими баловнями судьбы?..

Она посильнее закуталась в плотный шелк плаща, стараясь не глядеть на Елуама. Ибо из того несчастного голубоглазого юноши он превратился в живое свидетельство ее собственного краха – и теперь каждый взгляд в его сторону отзывался нестерпимой болью в истерзанном сердце.

...Мелодичней смеха Илари в жизни не слышала. Он был скорее похож на виртуозные переливы арфы, чем на звук, издаваемый живым существом. В этом звуке одинаково гармонично уживались высокие и низкие ноты. И нет, они не были вложены в последовательные легато для одной руки. Они звучали слаженным единогласием аккордов. Преимущественно – октавами. Во всяком случае, неискушенный в музыкальной грамоте слух Илари воспринимал этот голос как одновременно мужской и женский. Певучее звонкое

меццо-сопрано, наложенное на густой бархатный баритон.

– Дитя, ты и вправду думаешь, что я испепелю тебя одним своим взглядом за то, что ты ошиблась в моем полном имени?

Хранитель еле сдержал новый поток своего двухголосого смеха. Его продолговатые миндалевидные глаза изучали Илари так, словно она была не жалкой неудачницей из самого бедного круга Нуа, а по меньшей мере долгожданной иноземной гостьей.

Ну и черт с ним, с этим взглядом! За последние пару светочугов она уже привыкла, что все кругом на нее глазают, точно на хархскую диковину. Подумаешь, хранитель... Для кого *«вседержавный наследник моих праотцев»* (или как там учил этот старик в слепящем глаза сюртуке?), а для кого – убийца родителей. Нет, делайте что хотите, но он не заставит Илари преклониться перед ним! И не дождется от нее подобострастия, к которому, видать, успел привыкнуть во время своего «вседержавия». Ничего, как-нибудь переживет: здесь и без нее охотников полакействовать хоть отбавляй.

К примеру, блестящий дипломат и перспективный купеческий пилигрим Елуам – чем не новый достойный паж для верховного стража Разума?

Вместо того чтобы вежливо ответить на шутку хранителя, Илари лишь крепче стиснула зубы. Да, она действительно ничего не слушала из того, что говорил ей камердинер. Потому-то полное имя Ингэ у нее, что называется, в одно ухо

влетело, из другого вылетело. И она не собиралась ни оправдываться, ни подыгрывать ему. Или ей.

Только сейчас, приглядевшись к облику владыки Вигари, девушка в полной мере осознала, что в буквальном смысле не может определить его пол. Эта физиологическая странность вызвала у Илари нешуточный интерес: что это, мол, перед ней такое? Невероятно, но разбуженное любопытство сумело победить даже ненависть. Нарушая одновременно несколько заповедей камергера, девушка без тени стыда подняла на Ингэ глаза и совершенно неучтиво на него уставилась.

Воистину зрелище того стоило.

В более чем непринужденной позе это утонченное существо восседало в углублении черно-белого каменного трона, подсвечиваемого огромными оранжевыми гранатами. Надо полагать, трон был специально установлен в зале таким образом, чтобы лучи эфмиров, проникающие из узких прорезей потолочных окон, падали именно на гранатовое полукружие. Драгоценные кристаллы струились мягким теплым светом, и он, преисполненный лучезарного ликования, парил над *существом*, подобно огненному нимбу. Впрочем, то было единственное яркое пятно в черно-белой палитре тронного зала. И не оставалось сомнений, что тон этот продиктован волей его хозяина. «Или хозяйки», – вновь усомнилась Илари. На длинных прямых волосах хранителя, словно искры над снежной долиной, танцевали оранжевые блики.

Лицо – воплощение лучших мужских и женских черт – сохраняло при этом безукоризненно холодный оттенок белого цвета. «Цвет небесного молока», – таково было определение Илари.

Зачарованной и словно уже не принадлежащей себе.

Охваченная произвольным восхищением, она даже отметила про себя, что *существо*, ко всему прочему, выглядит не совсем одушевленным. «Вига не бывают такими идеальными...» – упрямо твердил разум девушки. Не то чтобы Илари была так уж сведуща в тонкостях внешней красоты, но в одном была уверена: у любого живого создания обязательно найдется свой изъян. Большой или маленький, выдающийся или едва заметный, но неизбежный – такова уж мастерская природы. Особенности ручной работы... Нет, похоже, хранитель все же был сотворен по каким-то иным законам и, вполне может статься, в какой-то другой мастерской.

Длинные тонкие пальцы, мерцающие перламутровой вязью из-под рукавов серебристого кафтана, выгодно подчеркивающего стройный стан, скульптурное лицо, русалочий взгляд... Все в облике дышало гармонией. Во всяком случае, именно так казалось Илари в первые мгновения созерцания этого совершенства.

Позже она раскаялась в дерзком нарушении правил дворцового этикета. Видать, этот старый придворный зануда знал, о чем говорил: ей и впрямь не стоило задерживать взгляд на хранителе. «Уж умник-разумник Елуам, небось,

такой оплошности не допустит!» – щедро подлила Илари масла в огонь. И сразу, теперь уже не мешкая, опустила глаза – ну чистой воды верноподданная.

Сделала она так не из-за того, что Ингэ поверг ее в смущение. Все вышло гораздо прозаичней: Илари просто отпрянула от него, когда пугающая бесполоя странность наконец перевесила восторг первого впечатления.

Совершенство, уму непостижимым способом преодолевшее гендерные условности, породило необъяснимый навязчивый страх – страх, который уже не позволял видеть в *существе* ни красоты, ни изысканности, ни божественности. Он, впившись в поясицу Илари, старательно отводил ее взгляд и истошно кричал *существо*: кто ты?! Что ты, забери тебя искусники, такое?!

Спасибо страху. Он отрезвил и отвел непрощеный морок. Не дал вскружить Илари голову. Именно он и стал причиной того самого «взгляда верноподданной». И в последний момент, когда, казалось, Ингэ уже начал терять терпение от затянувшейся паузы, вложил в уста Илари нужные слова:

– Что бы я ни думала, хранитель вправе поступать со мной так, как сочтет нужным.

«*Как и с моими родителями...*» – девушка еле сдержалась, чтобы не разбавить мед этикета дегтем правды.

– Считаю нужным кое-что тебе поведать, прежде чем мы решим, как тебе поступить, – был ответ. – Я слышал, ты у нас любишь *правду*, дитя. Полагаю, это у тебя от отца.

Илари, борясь с ненавистью и отвращением, вынуждена была поднять глаза на мягкий шелест длинных пол кафтана. Хранитель встал со своего скалистого трона. Девушка в панике огляделась: что *оно* от нее хочет? И запоздало осознала, что все это время они находились в огромном – с базарную площадь – зале наедине. Случись что, ее даже никто не услышит...

«Оно», словно в ответ на ее мысли, призвало:

– Не бойся, дитя. Поверь, тебя здесь никто не хочет обидеть. – И, будто укротитель гривастых акул, Ингэ мягко поманил ее движением ладони. – Следуй за мной.

Юная вига лишь вздохнула. Бежать уже точно не было смысла. Горький опыт подсказывал: несмотря ни на что, родовое проклятье сбудется. Илари станет последней из своей семьи, кого, не поперхнувшись, поглотит Обитель.

Ловушка захлопнулась.

Всех, кто оказался в ту ночь у Двурогого холма, объединяло отчетливое ощущение неистовой мощи, исходящей от слов Тихха. Реальность этой мощи, готовой вот-вот материализоваться, буквально прощупывалась в дымном воздухе. Слушатели чувствовали: еще немного, и сюжет предания восстанет перед ними из пепла, чтобы поглотить привычный окружающий мир; чтобы, оспорив его право на существование, прочно занять свое место в настоящем времени.

Сказитель будто отомкнул заброшенную темницу с

древним чудовищем, и узник, скребя когтями и крыльями по заплесневелому потолку, устремился наружу. И ошибся бы недоверчивый разум, посчитавший, что причиной тому стали дешевые уловки, вроде гипноза или искусства словесного внушения. Нет, ничего этого не потребовалось безумному страннику, чтобы доподлинно передать слушателям послание каменных голов Севера. Да и зачем? Смысл, запечатанный в этом послании, был настолько самодостаточен и пугающе монументален, что любое вмешательство не украсило бы его, а, напротив, безнадежно испортило.

Быть может, не все прониклись безоговорочной верой в подлинность сюжета баллады, которую оракул вплетал в дымную поволоку костра. Вполне может случиться, что не каждый разгадал головоломку, подкинутую историей Харх. Не исключено также, что кому-то в преддверии Скарабея рассказ показался слишком мрачным. Что ж, эти критики по своему правы: традиционно перед Горидукхом у костра оракула звучали куда более жизнерадостные мотивы. Они-то, откровенно говоря, всякий раз и привлекали больше и больше слушателей под сень Двурогого холма. Вот и сейчас, накануне смуты Скарабея, значительно возросшая в размерах «паства» Тихха пришла сюда за ободрением. В поисках надежды и утешения. Все эти островитяне – некоторые из них преодолели поистине большие расстояния – оказались здесь, чтобы высокий костер зажег в их мятущихся душах светлые огоньки. И ничего, в общем-то, не было предосудительного

в том, что честные жители Харх хотели спокойно спать по ночам. Хотели отвлечься от жизненных неурядиц, ненадолго забыться, отдохнуть от страхов и забот... Или обмануться ради собственного спасения. Обычно у костра оракула им это прекрасно удавалось.

Но, увы, не на сей раз.

Слушатели Тихха, от принца до оборванного попрошайки, пришли к нему, чтобы *забыться*. Вместо этого они были вынуждены *вспомнить*. Горькая правда в том, что в утерянных воспоминаниях, прозвучавших тем вечером, мало кто получил вожаделенное утешение. Все, что хархи услышали, было приглушенными грозовыми раскатами надвигающейся бури.

Вовсе непохожей на обычный слепящий смерч Скарабея.

А безумный странник лишь смотрел в обуглившееся к ночи небо, будто читал на его полотнище свое стихотворное сказание, и слово за словом обрушивал на слушателей тяжкое бремя прошлого. Всю его мощь и безжалостную истину.

Тихх и впрямь знал свое дело.

*Были некогда существа огромные,
Их крыла хлыстами били оземь,
А клыки их ленты сплошь багровые
Распускали по землице огненной.*

На заре времен то было лихое действо,

*Рыскало здесь и там зло крылатое,
Не нащупали пращурьы верного средства
Отвести ту беду от родных пенатов.*

*То не хархи были, не рыжеголовые,
А их предки – землепашцы, не воины,
Не к лицу им те венцы терновые,
Что судьба примерить уготовила.*

*Захлебнулся кровью Пастуший остров —
Не всегда он Огненным звался, —
Разорили его крылатые монстры,
Не оставив камня на камне.*

*С топорами войны незнакомые,
Им не дали отпора жители мирные —
Пятью пастухами повсюду ведомые,
В битву неравную они не вступили.*

*Умывалась слезами земля плодородная,
По землепашцам своим убиваясь,
А война та, змея подколотная,
Все куражилась, все насмежалась.*

*Пять пастухов-чародеев бежали
От народа, клыками распятого:*

*Чародейство их было лишь в созидании,
От него на войне проку мало.*

*Семеро выжили в аду том кромеином —
Шестеро старцев и одна девица,
Разожгли костер до вершин до снежных,
Чтоб из памяти выжечь любимые лица,
Чтоб тела оскверненные в нем упокоить,
Коль убийцы с клыками посмеют вернуться.
«Плоть невинных их боле не вскормит!» —
Так они у огня утешали друг друга.*

*Утром вздохнули над пепелищем,
Повязали узлы с остатками скарба
И поплелись оборванцами нищими —
Ни любимых, ни дома, ни сада.*

*Ничего от той жизни им не оставили —
Все расхитили мародеры проклятые;
Месяцы, годы странники тщетно искали
Земли, что не отравили крылатые.*

*Шли они всемером днем и ночью без усталы,
На коротких стоянках сном забываясь,
В звездном свете черпали мужество.*

У высоких костров в лесах согревались.

*День настал, когда иссякла надежда;
День пришел, когда кончились силы
И когда вольный ветер прибрежный
Просвистел: «Кругом только могилы».*

*А они уж и правда устали
Тела огню предавать без конца и края,
Взглядом грызть далекие дали —
Истощили их донельзя поиски рая.*

*Никого не нашли сироты-скитальцы,
Смерть и разруха больно били по темени.
И сказали тогда девице старцы:
«Ничего не осталось от пастушьего племени,
На произвол судьбы праотцы нас бросили,
Нам осталось немного времени,
На часах наших – поздняя осень.*

*Суждено ли нам сгинуть в безвременье,
Иль истории нить не прервется —
Все зависит только от бремени,
Коим новая жизнь в твоём чреве забьется».*

Семь ночей дева плакала, выла,

Милосердия с жаром у звезд испрошала,
И хоть сами мысли о том ей были противны,
На восьмую – смирилась: так надо!

И воспрял новой жизнью поруганный остров:
Каждый год он встречал одну за другой!
Была одна мать у детворы этой пестрой —
Одна мать и шесть разных отцов.

Чествовал мир их рождение достойно,
Звезды сплетались в фигуры на небе,
Каждому чаду было щедро даровано
По талисману из звездного света.

А когда мать их, состарившись, канула
В бездну, откуда не возвращаются,
Пестрые дети ей новое имя дали —
Матерью звезд та дева стала.

Дети меж тем оперились и выросли,
Детей уж своих на руках покачивали,
Спор им тогда вышел непримиримый,
Вечный, как мир: как жить дальше?

Зубр, Нетопырь и Жук – так их звали —
Не пожелали бродить и скитаться,

Вольная жизнь отнюдь их не привлекала,
Мечтали осесть, корнями поглубже пробраться.

Трое других рассмеялись с издевкой:
Не забыли вы, часом, кто мы такие?
Не по нам оседлая жизнь и корни,
В наших руках лишь ветер и конская грива!

Ящер, Сова и Медведица выехали
Со стоянки, присмотренной с вечера Зубром;
Зря их поутру хватились и кликали —
Затерялись беглецы в тумане хмуром.

Стали кочевать по острову с песнями,
Метя свой путь кострами высокими;
Год от года все шире разрасталось их племя,
Ящер с сестрами их гордо вели за собою.

Научила природа кочевников многому,
Как быть сильными, стойкими, мудрыми,
Как по знакам золы и по следу конному
Узнавать, что с их станется судьбами.

Вруа – на древнем наречии «дети» —
Растеклись по острову реками пестрыми.
Хайя – назывался так встарь вольный ветер —

Закалил их, как сталь, но не сделал черствыми.

*Память они сохранили священную
О кровавом пире тварей крылатых
И о Матери звезд, пошедшей на жертву,
Чтобы жизнь назло им продолжалась!*

*Вновь что-то с неба проглядели боги,
Твари с клыками на остров вернулись,
Позвали «оседлые» «вольных» себе на подмогу,
С трудом отыскав их по скрипу ступиц.*

*Падали ниц у телег и упряжек,
Заклинали скакать в их селенье у моря,
Обращались к ним «сестры» и «братья»,
Позабыв в темный час о давнем раздоре.*

*Черствость не сгрызла души врахайи,
Мигом ведун десять таборов скликал,
Надеждой тогда лица селян воссияли,
Мрачные тени с чела их схлынули.*

*Полдня пути – и вот «братья» на месте,
Ужас древний глядит них черным оком,
Рыщут вновь под горами летучие змеи,
Плачут в укрытии безутешные вдовы.*

Нечем крестьянам было ответить
Той силе, что, как встарь, на них обрушилась.
Пробовали ставить на тварей сети,
Поджечь их пытались, да руки не слушались.

Ведун от врахайи, оглядев их селенье,
Поднял к небу кулак и молвил им слово:
«Твари получают от нас угощенье.
Из моря явились, в нем и потонут!»

И без долгих раздумий, без опасений
Вышли из табора с ним добровольцы;
Ни у единого не промелькнуло сомнений —
То самый цвет был бродяжских воинов.

Пестрая армия из пяти десятков
После совета в укрытии ринулась к морю,
От крестьян потребовав из амбаров
Натаскать к берегу связанных бревен.

С самодельным плотом вмиг управились —
Всем селеньем подгорным его увязали;
Ранним утром, час улучив безопасный,
Переправили плот на место баталии.

*Оттащили его поглубже врахайи,
Влезли на бревна, точно на плаху,
Принялись в небо кричать, свистеть птичьей стаей,
Тварей поближе к себе зазывая.*

*Крики слышали змеи те с крыльями,
Знать, разбудил их клич дерзновенный;
Вскоре над плотом они закружили,
Кличем шипящим извещая о смерти.*

*Не испугались врахайи ни зубьев, ни крыльев,
Пост не покинули свой деревянный,
Только друг к другу придвинулись ближе,
С криком «За братьев!» копья вздымая.*

*Двух распороли клыки в мгновение,
Ярость проснулась в змеях лютая,
Черной кровью их тут же омылось
Дерево; море же заволновалось бурно.*

*Копья взмывали к небу, как искры,
Жгли остриями по желтому брюху,
Змеи хрипели, спускались все ниже,
Брызгали ядом, обрекая на муку.*

Пущи былого распалились врахайи —

Мсть пробудила в них внутренних демонов;
До пустого колчана они все стреляли,
Пока злобные твари не сделались немощны.

Так смельчаки их, обхитрив, посадили на воду,
Там уж сражение пошло посподручней;
Хоть немало в Вигари погибло народу,
Пошла рубка такая, что во все стороны сучья!

Голод и мсть сошлись на бревенчатой тропке;
Ослепленные ими, враги не сдавались:
Руками голыми да змеев за холку,
Едва не зубами в чешую их вгрызались.

Обескровленные, дрались они как герои;
Отыскалось средство от зла заморского,
За слезы вдов, за всю меру боли
И за кровь невинную должок был отдан.

Поглотила бездна Вигари крылатых тварей —
Ни одна не вернулась с деревянной плахи,
Да и кочевники в том кровавом кошмаре
Отдали морю свои надежды и страхи.

И когда селяне, подвигом этим спасенные,
На колени рухнули в пене прибрежной,

Когда вознесли благодарность свою и поклоны
Перед табором осиротевшим,

Показалось в волнах зеленых пенистых
Тело, с виду будто бы не живое вовсе;
Было оно безобразно растерзано,
Его извлекли под молитвы и бабы вопли.

Оказался то ведун всех врахайи свободных,
От себя он отринул руки с помощью —
Он успеть хотел до последнего вздоха
Передать свой наказ поколеньям будущим.

Еле дыша, прохрипел он, воздух хватая:
«Посвящаю сей подвиг Пастушьему острову,
К Праматери иду не с пустыми руками —
Как и она, мы не сделались черствыми.

Посвящаю его своим селянам-братьям —
Налетели на нас демоны с крыльями,
Чтобы вспомнили все: от одной мы Матери,
Врахайи и пахари друг другу не чужие!

Одна Матерь на всех нас с неба смотрит!
Не забудьте о том, я вас заклинаю,
Отплатите за подвиг, для вас совершенный:

Семейные узы не разрывайте,

*Брат от брата не отрекайтесь вероломно!
То не прихоть моя, то не блажь предсмертная,
То пророчество, мною разгаданное,
Что моленной золою было начертано.*

*Отвести чтоб угрозы, еще предстоящие,
Надобно вместе братьям держаться,
Да не будут они боле впредь
Ни браниться, ни ссориться, ни разлучаться —
Не будет тогда им ни лихолетья, ни бед.*

*И что войны они, пускай не забудут,
Им земледелье с торговлей не будут впрок,
Да с царем рыбьим якшаться не будут,
Лишь тогда ненапрасным будет урок!*

*Да не согнутся под грозным игом, да меча не сложат
Ни пред тварью, ни пред армией вражеской,
Но врастут корнями-памятью в землю, не от руд багря-
ную,*

*Памятью той, словно жертвой омытые,
Да не станут они ни пахать, ни сеять —
Дань высокая врахайи уплачена,*

С неба их души звездами рдеют!

*Да воссияют они ослепительным светочем
Над головами сыновей их достойных —
И да будет к вам Огненный милостив,
Пусть Матерь звезд вас от кары укроет!*

*Но коль клятву, в море утопишу,
Дерзнут нарушить они, окаянные,
Коль поднимет брат против брата оружие,
Явится к вам из моря посланник.*

*Ох, не змеем будет он, не крылатым,
А приятным, обходительным юношей,
И накличет посланник, сам того не желая,
Лихолетье на Пастуший остров новое!*

*Повезет вам, потомкам грешным,
Коли на Ящера в день восемнадцатый
От связи случайной родится спаситель ваш верный,
Спасенный сам от гибели страшной.*

*И поведет он вас тропами скрытыми
От тварей, грядущей войны, лукавых жрецов,
Он заставит вас вспомнить, что было забыто,
Исполнив тем заветы праотцев!»*

*С губ пересохших слетело пророчество,
Развевалось в пыль оно морским ветром;
Пастуший остров изъела червоточина —
Он превратился в Харх надменный.*

В подземелье Обители было так тихо, что в ушах звенело. Медузы-светильники окутывали его лабиринт приглушенным молочным свечением. Узким колодцем оно уходило сквозь толщу морского дна и, казалось, никогда не закончится. Спиральная лестница, унизанная оборками изумрудного мха, извивалась вдоль этого вертикального коридора, позволяя подойти к той или иной двери. Здесь не было ни следа помпезности, коей дышал каждый закоулок Обители. Во всем, что можно было разглядеть в ее потемках, чувствовалось лишь одичание и запущенность. Хотя нет, пожалуй, было еще что-то. Илари сильнее втянула шею в воротник плаща и принялась. Ее озарила догадка: это не просто большое подземелье Обители, набитое всяким хламом. Здесь — склеп истории.

И запах ее был вовсе не по душе Илари.

Изящной, почти порхающей походкой хранитель подвел ее к одной из закрытых дверей. Странно — он не произнес никакого заклинания, чтобы отпереть замок; не сделал руками ни единого магического жеста... Ингэ отпер дверь как и все простые смертные вига: с помощью небольшого метал-

лического ключа, который извлек из кармана кафтана.

«Что ж, а может, не так ты и могущественен, *двуликий?*» – почти злорадно подумала Илари, вынужденная преданной собакой следовать за своим врагом.

Дверь туго проскрипела на проржавевших от времени петлях и нехотя отворилась, обдав девушку щемяще знакомым запахом краски. Стараясь ни о чем не думать, Илари вслед за хранителем шагнула в дверной проем.

Под потолком тесной каморки – ненамного больше той самой, где они жили с матерью, – тихо тлел светильник, наполненный эфирной эссенцией. Давно протухшей, если судить по запаху прогорклого масла, наполнившему стоячую воду помещения. Иными источниками света комната не располагала. Вероятно, поэтому Илари не сразу разглядела то, что хотел показать ей хранитель.

Он тем временем застыл посреди каморки высокой белой скульптурой. Изучающий взгляд, руки переплетены на груди, сощуренные глаза – все эти приметы выдавали нетерпеливое ожидание ее реакции.

Пара мгновений ушла на то, чтобы глаза девушки привыкли к темноте. Еще пара – на лихорадочное озиранье вокруг с застывшим в глазах вопросом: возможно ли это?!

Стены комнаты, глубоко замурованной в подzemелье Обители, были сплошь увешаны картинами, изображавшими фантастические сюжеты и совершенно невообразимых чудовищ. Было очевидно, что некоторые экспонаты пострада-

ли от грубого обращения – об этом живо свидетельствовали оторванные края, заломы и потертости на мембранах холстов. Стоит, однако, отдать должное труду реставраторов: спасено было решительно все, что подлежало восстановлению. Более того, каждый рисунок был бережно облицован тонким пластичным стеклом и помещен в богатую раму.

Илари ничего не оставалось, как молча стоять посреди этого подземного вернисажа и медленно переводить глаза с хранителя на картины. С картин – на хранителя. Ей не нужно было сообщать имя художника. Им был ее отец.

Глава 23 Союзы

Виселица, наспех сколоченная прямо посреди главной площади Подгорья, напрочь раскроила своими деревянными перекладинами то оживленное, радостное настроение, с которым обычно хархи встречали светлый День очищения перед Горидукхом. Словно вонзенный меч с треугольной рукоятью, она грозно возвышалась над еще не открытыми прилавками лоточников, над тревожно гудящей толпой, над спинами бродячих собак, знатно разжиревших за лето на щедрых базарных объедках. От сооружения не веяло мертвечиной. Пока. Матерь звезд еще не взошла достаточно высоко, чтобы начать извлекать своими палящими лучами характерный смрад разложения из тела повешенного. Так что, если ветер принимался вдруг дуть в лицо, никто пока не затыкал носа и не торопился спастись за платком, пропитанным лимонным маслом.

И все же отсутствие зловония в то утро вряд ли можно было счесть за благо. Кто знает, вдруг оно смогло бы отвлечь внимание жителей Подгорья от другого, куда более опасного и тревожного духа, витавшего над дощатым помостом? Увы, судьбе было угодно иначе. Видимо, в ее планы входило, чтобы виселица, торчащая над площадью беспарусной мачтой, несла в себе одно-единственное послание. Вернее, вызов. Открытый и прямолинейный.

– Вызов... – шепотом произнес Умм.

Он просто бросил свою догадку в никуда – без цели и смысла. Гнев и недоумение вели ожесточенную борьбу за главенствующее положение на его лице. В конце концов они слились в один, застывший в мимике и на языке вопрос:

– Но, во имя Огненного, чей *вызов*? Кому это было нужно?!

На редкость утомленный Дримгур еще раз с силой потер сонные глаза, словно хотел стереть с них усталость, и как-то буднично проговорил:

– Ты сам и ответил на свой вопрос, Умм.

Непонимание и оторопь на лице друга доставили Дримгуру непривычное удовольствие. Дабы усилить полученный эффект, он напустил на себя еще более бесстрастный вид и холодным судейским тоном изрек Умму прямо в ухо:

– Достойный конец для недостойного. – После чего, понизив голос, прибавил: – Так будет с каждым лжепророком. Это мое личное мнение.

Он поднял голову, чтобы еще раз взглянуть на Тихха, обретшего свое последнее пристанище на огненной земле. В глазах Дримгура не было ни ужаса, ни растерянности. Он оставил эти сантименты другим – неизбранным, обреченным влачить жалкую, не украшенную ни единым подвигом жизнь. Это они – *неизбранные* – взирали на повешенного скитальца как на дурное знамение и небесную кару. Дримгур же поднял взгляд не за этим. Он просто хотел еще раз полюбоваться своей блестящей работой и умением выполнять приказы.

И было в том взгляде не меньше вызова, чем в долговязом скелете виселицы, хищно нависшей над площадью в светлый праздничный день.

Вызов шел изнутри – властный, неудержимый, он жег все на своем пути. Достойный вызов судьбы, будто бы всю жизнь ожидаемый Дримгуром и наконец со слезами благодарности принятый. Куда ему теперь от нее? Теперь они – одно целое, сплетенное замыслами более высокими, чем примитивные условности воинских клятв перед короной. Да и что ему, раз на то пошло, теперь эта корона? Он ее, можно сказать, попробовал на вкус (весьма, кстати, недурна оказалась!), и теперь даже три сплетенные горы не вызывали у него ни капли прежнего трепета и благоговения. Лишь одна-единственная мысль могла воспламенить в нем ничтожную толику былых чувств: «Что бы сказал на это Кафф?» И каково было бы его лицо, коли немилостью богов ему выпала бы участь узреть

это собственными глазами?

Как же он, Дримгур, утомился тогда, после вечера у оракула! Помнится, всю дорогу обратно стражник только разочарованно плевался: ведь он мог употребить этот вечер с куда большей пользой и для тела, и для ума. К примеру, спокойно-нехонько себе поспать да набраться сил перед утренним построением, вместо того чтобы до полуночи слушать нескладный бред старого безумца! Хмурый, невыспавшийся, он на чем свет стоит ругал и Умма – этого мечтателя-переростка. На кой, спрашивается, хрен он опять притащил его забивать себе голову выдумками и небывальщиной?.. Нет, без лишнего лукавства, Дримгур готов был признать, что иной раз рассказы у Тихха получались страсть какие захватывающие, и что – опять же, *иной раз* – сказка-другая не повредит даже и королевскому стражнику... Если сказка, ясен перец, веселая, пригодная для поднятия настроения и юбок подгорным прелестницам. На такие сказки его, Дримгура, и уговаривать не нужно! Однако ж на сей раз Тихх решил попотчевать подгорных простаков какой-то откровенной тягомотиной! Ее старый проныра, поди, заготовил токмо ради халявной выпивки да увесистого мешка со снедью! А между прочим, провианта в этот раз щедрые слушатели оракулу собрали столько, что его тюк аж трещал по швам. Видать, Дримгурово негодование выглядело столь убедительным, что даже Умм – завзятый поклонник выдумок и брехни – не взялся тогда с ним спорить. Шел себе рядом, поглядывал на звезды,

покорно кивал да отвечал что-то невпопад. До чего странный после жреческого наказания сделался – словами не передать! Собеседник из него теперь просто никакой. Да и на Горидукхе от него небось проку не выйдет! Надуется, как сейчас, и будет сычом глядеть – так немудрено и всех девок вокруг распугать. А это с интересами Дримгура, знамо дело, не совпадает.

Потому-то стражник даже обрадовался, когда наконец расстался со своим скисшим приятелем у Ладони. Провожая Умма взглядом до места несения ночного караула – Перстня, – он даже нисколько не огорчился предстоящему одиночеству. Свезло же ему, Дримгуру, что его черед заступать на пост придет только поутру! А покамест можно смыть с себя и пот, и усталость, и неприятный осадок, оставшийся от жутковатых нелепиц, которые по милости Умма пришлось слушать весь вечер: пара пригоршней холодной воды обещали сделать свое дело. Сладостные мечты о полноценном безмятежном сне уже подталкивали стражника к деревянной лежанке, поджидающей аккуратно у бревенчатой стены. Мгновение – и голова с облегчением коснулась подушки, набитой ароматным сеном, а спутанные мысли начали погружаться в ее травянистое облако...

Погружение прервал тихий, если не сказать робкий, стук в дверь. Дримгур сразу смекнул, что с обратной стороны двери находился не Умм: о его прибытии обычно возвещает барабанная дробь, которую сложно с чем-то спутать. Если не

знать этого «барabanщика» лично, то можно вообще решить, что перед тобой не потомственный стражник, а сын какого-нибудь крестьянина... Нет, это точно не Уммовы манеры. Стучали совершенно иначе.

Увидав на пороге казарменного домика женскую фигуру, завернутую в черный балахон до пят, Дримгур – он ведь не дурак! – поспешил захлопнуть дверь перед самым ее носом. Еще не хватало, чтобы одна из тех девиц, с которыми он еще в прошлом созвездии приятно проводил время в верхних трактирных комнатах, додумалась искать его здесь! Или, хуже того, прознала, что их связь для удалого стражника вовсе не исключительна, и, оскорбившись, вознамерилась отомстить неверному любовнику – лишить его места на службе! Ибо всем, даже самым легкомысленным трактирным пташкам, хорошо известно, что любовные связи для потомственного королевского стражника на службе есть табу, трижды скрепленное клятвой на церемонии посвящения. Или вдруг... Тут Дримгура прошиб холодный пот.

Вдруг ему пришли предъявить «сюрприз», скрываемый под намеренно свободным балахоном? Может, девица так странно нарядилась вовсе не из желания придать остроты их тайной встрече, а это единственное одеяние, которое теперь налезает красавице на живот?.. Стражник испытал чувство, близкое к ужасу перед наказанием в Святилище.

А когда услышал из-за двери тихий женский голос – вернее, когда его обладательница соблаговолила представить-

ся, – внутри взвырвало такое ярое, нестерпимое любопытство, что его волна с легкостью захлестнула все прочие чувства и сомнения.

Голос просто, словно в этом не было ровным счетом ничего выдающегося, сказал:

– Дримгур, открой. Это принцесса Рувва.

Кто-нибудь может себе такое представить? Вот и Дримгур не мог – ни во сне, ни наяву. Теперь-то уж ему точно стало не до сна: явь оказалась куда интересней! Стражник опрометью бросился обратно к двери, сшибая все на своем на пути.

Уже находясь внутри казарменного домика, когда за спиной гостыи щелкнул надежный засов, она наконец откинула капюшон своего безразмерного балахона. Откинула, чтобы уже ничего не понимающий, вконец обескураженный стражник невольно попятился, одновременно пытаясь изобразить что-то, отдаленно напоминающее поклон.

– Ваше Высочество... – бормотал он, опустив взгляд на свои босые ноги. – Прошу прощения за неподобающий вид и за то, что не отпер вам сию же секунду. В смысле, вообще-то по уставу я и не должен был этого делать: обычно я правил не нарушаю! Ну, то есть, если бы я только знал, что это были вы...

Мягко подняв ладонь, Рувва остановила поток лихорадочного красноречия. В этом движении не ощущалось властности, как у верховной жрицы; не было в нем и монархической надменности.

– Я никогда не пришла бы к *обычному* стражнику по собственной прихоти, – ровно произнесла Рувва. – Я и не нашла здесь никакого стражника. – Принцесса смотрела ему прямо в глаза, почти не мигая. Это гипнотизировало. – Я нашла здесь будущего командующего священной армией нашей жрицы. Я вижу перед собой предводителя нашего многоголового Снопа искр.

Кровь бешено забилась в венах Дримгура. Несколько простых, вроде бы ничем не подкрепленных, но напоенных такой безоговорочной уверенностью слов разбудили в нем спящий вулкан. Охалка сухих веток заполыхала от одного трютового касания. От смущения не осталось и следа – невразумительные оправдания без остатка сгорели в этом костре. Осталась только чистая, неукротимая энергия. В считанные мгновения она переполнила сознание и душу стражника. Дримгуру казалось, что его до отказа накачали какой-то могущественной эссенцией. Чудилось, что она позволит ему выстоять против десятка таких, как он сам, или, скажем, вырвать с корнями исполинское дерево.

Он жадно втянул ноздрями воздух – совсем как в своих видениях о поле брани.

Закатил полуприкрытые глаза.

Когда он открыл их, тяжелый складчатый балахон уже соскользнул с плеч Руввы на пол, и изумленному взору Дримгура открылся ее обнаженный стан. Все так же уверенно глядя ему в глаза, она шагнула из круга плотной черной ткани.

От этого движения из глубины комнаты запоздало дрогнуло пламя свечи. На смуглом теле заиграли едва уловимые блики: вычертили округлые женственные формы, дыхнули масляным блеском на непослушные, буйно вьющиеся волосы, пролили свет на все сокровенные подробности, скрывавшиеся под одеянием светлой сестры. В том числе – на плетение из трех перевернутых треугольников, вытатуированное на левом бедре принцессы. Треугольники – символы огненной веры – будто бы сковали бедро Руввы звеньями невидимой цепи. Два из них были насыщенно-черными, а один, видимо еще свежий, покамест таился под светло-коричневой корочкой. Она уже начала крошиться по краям, открывая рисунок.

Стоит ли говорить, что Дримгур не бросился на Ладонь, чтобы выплеснуть там свою бешеную энергию, воспламененную словами и действиями Руввы? Да и деревья остались в целости и сохранности.

Его гостье не пришлось делать второго шага навстречу. Он сделал его сам. Одной рукой обхватил принцессу за талию – кожа ее была бархатной от масла, – а другую, пройдясь вверх по загорелой спине до затылка, властно запустил в ее распущенные волосы. По выражению лица Руввы нельзя было определить ее отношение к действиям стражника. Ее черты ничего не выражали, кроме спокойной уверенности.

Все замелькало, закружилось над ними. Это она, подлинная принцесса Харх, к тому же посвященная служению Ог-

ненному, сама явилась к нему! Не божий ли это промысел? Что она там говорила ему? Нужно вспомнить! Во что бы то ни стало вспомнить – до того, как все случится! А оно случится, это уж ясно как белый день: Дримгур и сам не заметил, как развернул Рувву к настенному столику, смахнув с него какие-то тряпки и пустые кожаные ножны. Уселась она на него сама или это была его, Дримгура, задумка? Кто его теперь разберет!.. Все это неважно. Пусть эти мелочи кружатся у них над головой вместе с тысячами других – скучных, обыденных, приземленных... А они – двое избранных, не таких, как все, – будут над этим смеяться и делать то, что их душе угодно!

Одно, только одно обстоятельство имело значение в круговороте страсти. Прежде чем полноценно ощутить вкус принцессы и ее тепло, Дримгур крепче вцепился в корни ее волос, притянул ее голову почти вплотную к своему лицу и, дрожа от нетерпения, потребовал:

– Скажи! Скажи, к кому ты пришла?

Рувва, как-то извернувшись, придвинулась еще ближе и с той же непостижимой уверенностью спокойно ответила:

– К будущему предводителю священной жреческой армии.

И снова, и снова. Всякий раз она по просьбе Дримгура повторяла эти слова. Пока ее голос не охрип, а тела их не изнемогли, будто после длительной схватки.

Ошарашенный и выбившийся из сил Дримгур едва стоял

на ногах. Привалившись спиной к стене, он отирал разгоряченный лоб воротом нательной рубашки: юноша лишь сейчас заметил, что она все это время была на нем. Рувва молча одевалась, умудряясь сохранять то же достоинство, с которым пришла, – и это несмотря на растрепанные волосы и пунцовые щеки. Она уже почти укуталась в свое неприметное одеяние, когда в недрах его складок блеснул прозрачный пузырек с золотистой пылью. Крошечная бутылочка выскользнула из своего тканого укрытия, звякнула об пол и быстро по нему покатилась.

Дримгур проследил за ним взглядом, чтобы успеть нагнуться и схватить, прежде чем тот расколется о стену. Вот и новая загадка: что бы это могло быть? Уж не специальное ли снадобье от логического последствия подобного времяпрепровождения?.. Стражник не успел даже толком рассмотреть блестящее содержимое – до того прытко Руввахватила пузырек из его рук.

– Надо же... Не пригодилось... – едва слышно пробормотала она, обращаясь неведомо к кому. И тут же вернулась к своему твердому тону: – Спасибо. Ты очень галантен.

– Всегда к вашим услугам, госпожа. – Светское клише слетело с языка Дримгура до того, как он осознал всю его щекотливую двусмысленность. Смущение и неловкость вернулись.

Принцесса, видимо, тоже почувствовала напряжение.

– Надеюсь на это, Дримгур, – мягко произнесла она. –

Высшая услуга для меня – это услуга Святилищу, а значит, и Огненному богу.

Хорошо, что Дримгур не успел неудачно пошутить: так помолимся, дескать, теперь вместе. Принцесса вновь внимательно посмотрела ему в глаза – ее зрачки уже успели сузиться – и почти торжественно изрекла:

– Святилище в лице верховной жрицы и ее ближайшего окружения глубоко оскорблено ересью, излившейся сей ночью из греховных уст богопротивного Тихха-оракула. На двадцать первый день Ящера состоится великое очищение перед Горидукхом, на котором Йанги по традиции встретится с праведными хархи и в таинстве откровенной беседы разъяснит каждому, в чем кроются истоки этой нечестивой лжи. Жрица и мы, светлые сестры, сделаем все, дабы ересь эта не испепелила сердца добрых хархи накануне великого праздника. Но при всей силе нашей веры мы просто слабые женщины. Когда ты явился в Святилище, чтобы принять свое наказание, Йанги разглядела твою душу: светлую и мятежную. Тем же вечером она собрала нас и сказала: «Вот достойный командующий для моей армии добровольцев! Вот кто способен повести за собой Сноп искр, дабы искоренить зачатки греха на священной земле Харх и отвести от нас божий гнев!» Еще она сказала, что Огненному все равно, шел ли ты по указанному им пути изначально, или ранее судьба твоя была связана с королевской армией. Главное ведь – с кем связана твоя душа! И если она все так же устремлена

ввысь и жаждет достойных свершений, не сдерживай ее порывы, дай ей проявить себя! Только что ты узрел, как это просто, как это естественно...

У Дримгура не было слов. Он лишь отчаянно закивал, выражая тем самым свое полное согласие. Убедившись, что движется в правильном направлении, принцесса перешла к главному:

– Раз так, тогда слушай, чего жду сегодня от тебя я и чего ждет Святилище. Завтра вечером ты неприметно оденешься, возьмешь необходимое тебе оружие и незаметно покинешь Ладонь. Так же незаметно ты проследуешь до опушки Яшмового леса. Там, у излучины Яхонтовой реки, тебя будут ожидать трое жреческих воинов – узнаешь их по черным доспехам. Ты переоденешься в такие же. Высокий шлем скроет твоё лицо, и никому тебя будет не узнать. Да и, скорее всего, к тому времени даже самые горячие поклонники оракуловых баек покинут место сбора. Вы прокрадетесь на стоянку Тихха, схватите и задушите его – быстро и без лишних слов. Вернее, задушить должен лично ты. Трое других будут лишь сопровождать тебя и надзирать, чтобы все шло по плану.

– Но как я...

– Ни о чем сейчас меня не спрашивай. Ты избран – это главное. И только это должно сейчас волновать тебя. Разумеется, твой переход в Сноп искр осуществится не сегодня и не завтра, а постепенно. Чем плавней это произойдет, тем больше братьев-стражников и огненных воинов из регулярной

армии Харх ты сможешь перетянуть за собой. В скором времени они станут твоей поддержкой и опорой. Частью твоей будущей армии. А значит, осторожная и грамотная вербовка – есть твой прямой интерес. Итак, – Рувва быстро глянула в окно (не идет ли кто?) и лаконично, но вполне доходчиво завершила свою речь: – Когда греховный старик будет мертв, ты лично убедишься, что его дыхание остановилось. По лезвию меча, разумеется. – Это уточнение избавило Дримгура от лишних вопросов, могущих выдать его неискушенность в тайных убийствах под пологом ночи. – Затем, – продолжила принцесса, – вы завернете тело в рогожу и отнесете на главную городскую площадь. Там уже будет ждать виселица. Проденете голову в петлю, а после возвращайтесь в Святилище: там ты сможешь переодеться, дабы не вызывать у встречных подозрений.

Оказывается, отдавая стражнику указания, Рувва успела не только собрать со стула его повседневное одеяние, но и ловко припрятать его под своим балахоном. К слову, она и не думала на всякий случай уточнить, готов ли он, Дримгур, к подобным подвигам? Напротив, Рувва сообщала о его участии в заговоре как о предмете, давно решенном и не подлежащем обсуждению. С другой стороны, а нужны ли какие-то дополнительные аргументы и малодушные вопросы после того, что случилось в этой комнате? И ей ли, принцессе, сжегшей свою корону вместе с честью во имя веры, задавать их? Не своим ли примером она только что показала,

каково это – быть *готовой* ко всему?..

Уже взявшись за дугообразную ручку двери, Рувва все же задала один-единственный вопрос:

– Ты понял, почему вздернуть Тихха нужно уже мертвым? Дримгур, отчего-то переняв ее убедительный тон, ответил:

– Чтобы крики о помощи не привлекли толпу. – И, подумав, добавил: – Раньше времени.

Принцесса удовлетворенно кивнула, осенила королевского стражника ритуальным знаком и скрылась во мраке ночи.

На таинство доверительной беседы с верховной жрицей в этот раз собралось невиданное количество народу. Расширенный золотыми звездами черный шатер вырос на площади akurat напротив виселицы. Чадили благовонные курильницы, над входом висели целые венки флердоранжа, поверх белых хитонов светлых сестер покачивались душистые медальоны. Однако всему этому ароматному войску не под силу было справиться с упрямым духом разложения, которому целый день усердно помогали жаркие звездные лучи. Конца и края не было желающим получить ответы на сокровенные вопросы и услышать слова утешения: очередь уползала далеко за пределы главной площади. Король и королева – первые гости шатра – уже давно покинули его стены, уступив место верующим островитянам.

Умм, к счастью, явился на площадь заблаговременно. Он,

по сути, и не уходил с того самого момента, как они с Дримгуром, возвращаясь поутру из кузницы, заметили это страшное сооружение. Виселицу. В ее петле воронам и праздным зевакам на радость болтался навсегда умолкший сказочник Тихх. Помнится, подступающие слезы тогда остановило лишь какое-то странное, непостижимое *неверие* Умма в свершившееся зло. Он, вопреки уговорам Дримгура, подошел ближе и долго смотрел в лицо странника: вот куда привели тебя твои дороги, оракул... Смотрел тупо и непонимающе, словно узрел грубое нарушение закона природы.

«Все такой же мечтательный, отрешенный...» – думалось юноше, пока взгляд его был прикован к лицу повешенного. Ему очень хотелось верить, что безобидный старик не страдал, что задумчивое выражение его лица – свидетельство мгновенной и легкой смерти.

Что он просто навсегда ушел в одну из своих сказок... И ему там лучше, чем здесь.

Как тогда сказал о нем Дримгур? Лжепророк? Умм, нарушая свой собственный зарок, опять покосился на покачивающееся в петле сухощавое тело. Кажется, это слово – лжепророк – уже не раз звучало в гомоне толпы вокруг шатра. Умм даже почти не удивился, ибо слишком хорошо знал нрав хархи. Вдобавок сама мозаика обстоятельств располагала к оживленным пересудам: и длинная очередь, и томительное ожидание встречи с Йанги... Как тут «добрым хархи» не почесать языками на злобу дня? Пробиваясь сквозь

рокот волн и всеобщий галдеж, над площадью уже взлетали и совершенно противоположные мнения:

– Несправедливо!

– Самосуд!

– Ни в чем не виновен!

Эти восклицания, просвистев пестрой вереницей, поспешили уступить место приглушенным ударам и испуганному женскому визгу. Целостность длинной очереди разрушилась, и она хаотично замерцала вспышками потасовок.

Умм продолжал хмуро молчать: у него не было желания примыкать ни к одному, ни к другому лагерю. Выносить на всеобщее обозрение свою личную боль, прилюдно обнажать пульсирующую в сердце скорбь или накидываться с кулаками – зачем? Разве вернет это странствующего сказителя?..

Вдруг кто-то требовательно пихнул Умма в бок. Стражник резко обернулся в поисках наглого задиры. На удивление, им оказался какой-то коренастый сморщенный дед в рваной тунике. Демонстрируя отсутствие в кривом рту половины зубов, он скрипуче прошепелявил:

– Эй ты! Тгетий газ спгашиваю: спгаведливая смегть али пгеступление?

Тяжело вздохнув, Умм извлек из кармана свободных шаровар красную эмблему королевского стражника и молча показал ее приставучему старикашке. На том допрос закончился. Дед бойко заковылял обратно к своему месту в очереди, попутно выискивая нового партнера для дискуссии. И, судя

по долетевшему до Умма громогласному картавому карканю, поиски увенчались успехом.

В который раз стражник тяжело вздохнул и задался непростым вопросом: а может ли он, отцеубийца, свободно рассуждать о справедливости? Может ли, не кривя душой, порицать чужое решение отнять у кого-то жизнь? Есть ли у него такое право?

Конец тяжким раздумьям положило знакомое землисто-пряное дуновение, что успело пробраться в ноздри стражника и вызвать к жизни воспоминания иного толка. Оказывается, настал его, Умма, черед пройти по шелковому ковру – прямо к черной занавеси шатра.

Быть может, за ней найдутся ответы?

Вопреки ожиданиям юноши, внутри шатра оказалось совсем не так, как в Святилище. Он представлял мистический полумрак, плывущую в нем дымку, которая переливается десятью причудливыми ароматами... Думал, что шагу некуда ступить будет от водных чаш, величественных фигур – от всего того, что призвано подчеркнуть жреческую власть над телами и душами хархи. Шатер же, распахнув непроницаемо-черную занавесь, встретил стражника очень простым, если не сказать скромным, убранством, выдержанным в исключительно светлых тонах. В углах тихо горели высокие белоснежные свечи, бросая спокойный мягкий свет из-под прозрачных цилиндров. С потолка ниспадали гирлянды флердоранжа: его мелкие молочные цветки с яично-желтой

сердцевиной своим видом и ароматом создавали иллюзию пребывания в цитрусовом саду. К немалому удивлению юноши, то был единственный запах в шатре – свежий, кристально-чистый. К нему не примешивался ни дым курильниц – они чадили на улице, – ни тяжкий дух гниющего тела, который те призваны были замаскировать.

В центре шатра был выложен круг из пышных ажурных подушек. На них, поджав под себя ноги, сидели светлые сестры, что-то шепча в приложенные к губам ритуальные знаки. Выглядели они необычно – и это в первую очередь касалось хитонов и причесок служительниц. Вместо традиционных черных одеяний сестры были облачены в одежды цвета внутреннего убранства шатра, да так, что их фигуры едва не сливались с ним. А волосы... Умм поначалу даже несколько оторопел и вообще засомневался: а вовремя ли я зашел? Может, прием прервался на небольшой перерыв и никто не должен в этот момент находиться внутри? Ибо на головах светлых сестер отсутствовали какие бы то ни было уборы – чалмы, тюрбаны или хотя бы шали. Волосы девушек свободно падали с плеч, превращая сестер из служительниц Святилища в его обычных гостей, и не самых притом богобоязненных. Если бы не застывшие позы и экзальтированный шепот, то, пожалуй, можно было бы с ними и заговорить... «Интересно, – думал Умм, – а допустил ли здесь кто до меня такую оплошность? Это ж грехом каким считается – обратиться к светлой сестре!..»

– Ты удивлен? – раздался хрипловатый вкрадчивый голос из центра круга.

Умм, словно уличенный в чем-то постыдном, тотчас же отвел взгляд от девушек. Он знал, кто к нему обращается. Говорила Йанги, восседающая в непринужденной позе на подушке. Волосы верховной жрицы, диковинного пепельного цвета и неестественной густоты, лежали так же просто, как у ее прислужниц. На голове Йанги красовались тонкие веточки флердоранжевого венка. Одета в простую белую рубаху и широкие штаны, она являла собой образец чистоты, открытости и доброты. Даже глаза жрицы из ярко-желтых сделались нежно-лимонными и расцвелились серебристыми прожилками. Из них шел такой успокаивающий свет, что, казалось, если еще немного в них поглядеть, то обязательно примиришься со всем миром. А если подольше – то, возможно, и с собой самим.

– Я... – Застигнутый врасплох, Умм не сразу нашелся с ответом. Поколебавшись еще пару мгновений, он остановился на том, что важную беседу лучше не начинать с вранья и что правда всяко лучше лукавства: – Да, Сиятельная. Внешний облик светлых сестер меня немного...

И прежде, чем он подобрал нужное слово, Йанги понимающе кивнула:

– Удивлен. Как я и сказала.

До чего же она была в этот раз проста и бесхитростна, а в разговоре – лаконична и доброжелательна! Куда поде-

валось то исчадие ада с раздвоенным змеиным языком, нависшее над Уммом под куполом Святилища? Стоп. Кажется, до Умма наконец дошло, что этим удивлением он выдал свое незнание правил важнейшего религиозного праздника, а значит, только что выказал неуважение всему Святилищу. И хоть стражник не был настроен на оправдания, однако из положения нужно было как-то выходить. Не ради Йанги, понятное дело. Ради того, зачем он сюда пришел.

– Откровенно говоря, я слишком привык к традиционному облику сестер, Сиятельная, – как можно естественней произнес Умм. – И потому всякий раз удивляюсь на День очищения.

Увы, выкрутиться не удалось.

– Если бы ты почаще являлся ко мне, стражник – хотя бы в самые священные для хархи дни, – то знал бы, что облик сестер всегда един. А на очищение перед Горидукхом им Семью наставлениями предписано соблюдать особую строгость, дабы узрели боги непорочность тех, кому доверили столь нелегкий труд. – Голос Йанги при этом звучал вовсе не обвинительно. – С другой стороны, – приглашающим жестом она указала Умму на свободную подушку, – Огненный бог распорядился нынешней ипостасью твоей души так, чтобы ты хранил королевский покой, а не постигал жреческую мудрость. Вернее, ты так распорядился сам. Будем честны, ибо День очищения смывает со всех нас грязь вранья и скверну греховного вымысла.

От этих слов юноша замер. Благо он уже сидел на мягкой подушке прямо у ног Йанги и был избавлен от позора потерять равновесие перед ней и сестрами. Жрица продолжала смотреть на него тем же взглядом: понимающим и всепрощающим. И как она может сохранять спокойствие, зная о том, как он, Умм, «распорядился своей судьбой»? Распорядился вопреки происхождению и принципу потомственности... Ясно одно: Нездешней все известно.

Что его теперь ждет?

Следующая мысль наотмашь хлестнула юношу по затылку, и этот удар начисто выветрил остатки страха за собственную шкуру. Как она сказала: *смыть греховный вымысел*? Эта фраза расшевелила на время заторможенную память: долгая нить фантастического сказания у высокого костра, вещие полуприкрытые глаза Тихха... И такие же – на его посиневшем лице, застывшем блаженной маской, назло туго затянутой на шее петле. В сознании Умма что-то сошлось. Вернее, накрепко спаялось – не расцепишь.

– Так-то вы, оказывается, смываете греховный вымысел? – гневно засипел юноша, еле сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик. Отчасти Умм был даже благодарен этому гневу: он не оставлял шанса слезам скорби. Правой рукой стражник указывал на проем в шатровой занавеси. – Так решили *очистить* ни в чем не повинного старика?! С каких это пор в Подгорье вешают за сказки?

Сестры, словно очнувшись от глубокого сна, одновремен-

но прервали свои молитвы, отняли руки от груди и принялись испуганно переглядываться. Свечи, тоже разбуженные взмахами рук Умма, тревожно задрожали осиновыми листьями своих фитилей. И лишь Йанги оставалась островком безмятежности посреди зарождающейся смуты.

– Ты пронизателен, – изрекла она, не изменяя ни тона, ни позы. – Это действительно дело рук Снопа искр.

Услышав это, Умм чуть не задохнулся от ярости. Йанги же бесстрастно продолжала:

– Теперь ты узрел, сколь разнообразна может быть религия. Не видится ли она теперь тебе могущественным многоруким существом? В одной руке она держит молельные четки, в другой – карающий меч, в третьей – цитриновый оберег, а в четвертой – отрубленную голову богоотступника. – Сощурившись, жрица пристально посмотрела на стражника, словно желая убедиться, что он слышит именно то, что *должен услышать*. – Главное помнить, Умм, что каждым своим действием, поступком и выбором ты решаешь, какую руку Святилище к тебе протянет в следующий раз.

Вот так урок! Воистину, не те это были ответы, за которыми пришел сюда Умм. Он так надеялся на эту «чистоту», которой закуталась Йанги с ног до головы, защищаясь от своей же собственной грязи... И, сидя здесь перед ним в этих белых одеждах, она бросала ему почти открытые угрозы, намекая на свою полную осведомленность о его, Умма, происхождении! Это не считая того, что жрица наверняка в курсе

его кровавого суда над собственным отцом.

Новое понимание происходящего несколько остудило праведный гнев юноши. Нет, безусловно, траур по Тихху продолжал отзываться в нем все тем же приглушенным рыданием, да и горькое чувство несправедливости не прекратило отравлять каждый вдох... Только свет на эту скорбную картину теперь падал для Умма под иным углом. Ибо он сам – точно такой же преступник, убийца.

Ничем не лучше и не хуже Йанги.

Стражник подавленно опустил голову, отменяя этим движением свой недавний порыв. Мысленно он уже понял, насколько его выпад был глуп и даже смешон. Она, жрица, все знала о нем и читала его, точно раскрытую книгу. Одно движение ее брови – и его вместо доспехов королевского стражника ждут рабские кандалы и каторжные работы до окончания жизни. Да такие, что смерть покажется милосердным избавлением! Он и без того, считай, висел на волоске, встречая и провожая каждый день опасениями, что обман раскроется.

Что он сможет ответить на это перед лицом суда? Что у верховной жрицы черный раздвоенный язык и что с помощью него она может рассекать время и пространство?

«Да уж... – в отчаянии подумал Умм. – Такие слова лишь во сто крат повысят шансы примерить рубище невольника».

– Я *буду помнить*, – медленно произнес он, стараясь вложить в эти слова больше смысла, чем они, казалось бы, могли вместить.

– Знаю, что будешь.

Кончиками пальцев жрица прикоснулась к оранжевому медальону, покоящемуся поверх ее льняной рубахи с широкими рукавами. Знаком подозвав Умма ближе, она проговорила:

– Еще я знаю, что ты пришел сюда не только ради любви к Огненному богу и что, помимо обвинения в убийстве невиновных, у тебя была иная цель.

Наклонившись к стражнику так, что тот еще сильнее ощутил аромат цитрусов и свежей зелени, Йанги не то предложила, не то приказала:

– Яви ее.

Будучи совершенно раздавленным, почти уничтоженным, Умм все же посчитал, что медлить с терзающим его уже два дня вопросом не стоит. И, коли все катится в тартарары, нужно успеть сделать хоть что-то достойное. То, за что мать не упрекнет его, глядя с небес на блудного сына.

– Да, это так, Сиятельная. Накануне великого Горидукха, – сделал он над собой усилие, – мне не дают покоя некоторые недавние события моей жизни. Думаю, вы понимаете, о чем я говорю, – с надеждой посмотрел он в глаза жрицы. – Понимаете?

– Отец и сестра, – сказала Йанги. Просто и открыто, как и положено в День очищения.

– Верно, Сиятельная. Вторую ночь я не могу уснуть, ибо меня терзают мысли: что с ними случилось? Убил ли я отца? –

Кажется, сестры услышали его душераздирающее признание... Ну и плевать. Назад пятками, как говорится, не ходят. – И еще сестра Дамра и ее дитя... Ради них, Сиятельная, я готов на любые поступки. И неважно, какую руку за них ко мне протянет Святилище. Я приму предназначенный мне дар.

В глазах Умма стояли слезы раскаяния и глубокой тоски. Йанги одарила его примирительным взглядом, давая понять: я услышала и зов, и страдание твоего сердца. Она обвела глазами сестер, дабы убедиться, что они вновь глубоко погружены в мантры и мысленно находятся очень далеко.

– Ты получишь ответы, ибо любовь Огненного и Матери звезд к своим детям безгранична и милосердна. Они желают, чтобы я открыла их тебе и, избавив от мук неизвестности, остановила плач твоей души. Смотри же!

Снаружи дыхнуло холодным порывистым ветром. Свечи напоследок лизнули согнутыми огоньками стекла цилиндров и потухли. Повеяло дымом и мокрой золой – запах сделал пару виражей внутри шатра и вскоре растворился в крошечной тьме. В такой, что ставила под сомнение существование белого цвета. Стих гул толпы – обрывки споров и перебранок больше не проникали в шатер. Тишина нарушалась лишь дремотным хором молитвенной мантры, которую сестры повторяли по третьему кругу.

На этот раз, правда, Умм имел небольшое преимущество: он был готов к тому, что его ожидает. Знал, *как* получит от-

веты на свои вопросы.

И ответы, надо сказать, не заставили себя ждать. Лба коснулся холодный влажный язык, впечатавшись в него двумя ледяными иглами. Нестерпимый холод заискрил в этих двух точках. Миллион ледяных нитей опутали голову Умма. Каждая стремительно стирала окружающую действительность, словно давая юноше приказ: отрекись от нее!

Он отрекся. На этот раз – без лишнего сопротивления. И почти без страха.

И, видать, не так уж он сильно прогневал богов, коли теперь они посчитали нужным показать Умму все быстро и доходчиво. Может, не такой уж он грешник и преступник, раз теперь высшие силы над ним смилостивились и даже не потребовали его непосредственного участия в увиденном? С другой стороны, тревоги после новых видений не убавилось.

Вначале он обнаружил себя окруженным скрипом колес посреди табора кочевников. Они мели пыль по большой дороге, двигаясь в сторону леса. Умм удивился: столько врахайи в одном месте! Неужели их на самом деле *столько*? Некоторое время он летал над табором, пытаясь разглядеть, где тот начинается и где заканчивается. Без толку. И как здесь разыскать кого-то из семьи? Не успел он отчаяться, как непостижимым образом просочился вдруг в одну из кибинок. В ней было несколько женщин-врахайи, и они о чем-то спорили между собой, обращаясь к той, что полулежала на плетеных подушках. Умм не сразу признал в этой кочевни-

це, завернутой в узорчатый халат, младшую сестру. Облегчение тут же сменилось новым страхом: что она здесь делает? Грязные врахайи похитили ее и ребенка? Не то чтобы к Дамре относились там плохо – она вроде бы не плакала и не выглядела расстроенной, – но все же... Слава о кочевниках по острову ходит недобрая. Сказать, что они благожелательно настроены к хархи, Умм, увы, тоже не мог.

Уже уносясь мысленным взором куда-то далеко за пределы скрипящей на ухабах кибитки, он успел заметить младенца – тот мирно посапывал в небольшом гамаке под самым потолком передвижного убежища. На душе Умма немного посветлело.

Перед глазами вновь замелькали пейзажи, слившиеся в одно разноцветное пятно и оттого совершенно неразличимые. Юноша словно катился сам в этом колесе, преодолевая за один миг невообразимые расстояния. Куда несла его таинственная сила? Умм одновременно страстно желал овладеть тем знанием, которым его собираются одарить, и так же жгуче боялся узреть то, что ждало в конце путешествия. Внутренний голос упрямо твердил, что там его ждет отец. Но жив ли он?

Именно это Умм с одинаковой силой желал и боялся узнать.

Пейзажный круговорот вдруг заметно потемнел. Из него одна за другой принялись ускользать все яркие, светлые краски, оставляя стражника в объятиях беспроглядного су-

взрака. «Колесо» меж тем остановило свой бег, выплюнув Умма, словно ошметок грязи. Окружающий мир вновь обрел резкость – достаточную, чтобы юноша мог различать его картины. Да и путаница запахов наконец распалась – остались лишь те, что действительно царили в том месте, куда прибыл Умм. И были они до боли знакомыми. Этот аромат, пробившись в сознание юноши, вызвал в нем столь противоречивые эмоции, что, покуда мир перед глазами не прояснился, он чувствовал себя разорванным пополам.

Запах амбара: сухие травы, нагретое дерево, перележалые яблоки, мышинный помет... Далекие воспоминания детства, возрожденные одним его дуновением, коснулись теплым лучом сердца Умма – сердца, оледенелого от страха и тревог. В то же мгновение, не успел этот лед пустить первую трещину, луч превратился в лезвие ножа. Мысль о том, что, вероятно, отец так и остался лежать здесь с их прошлой встречи – холодный и бездыханный – резанула юношу побольнее самой острозаточенной стали.

Значит, вот она – правда. Отцеубийца вернулся на место преступления, дабы убедиться, что дело сделано на славу. Как это еще назвать? Умм задрожал всем своим существом. Дрожал от ужаса и ненависти к себе. Скорбь? Нет, скорбь его была по Тихху – молчаливая, возвышенная, даже несколько поэтическая... Безусловно, стоя у виселицы и вглядываясь в застывшее лицо старика, он грустил – и грустил глубоко, по-мужски.

Разница в том, что тогда Умму не хотелось отрезать себе пальцы, которыми он некогда вынул из голенища сапога рожковое орудие убийства.

Что ж, за содеянное так или иначе предстоит отвечать: перед Святилищем, судом, собратями, перед самим собой. Будет ли кого-то волновать, как, зачем и почему это произошло? Оправданий нет – и быть не может. И коли судьба пожелала выжечь на Уммовом лбу такое страшное клеймо, значит, он действительно непоправимо грешен. Это он и никто другой привел в действие проклятый механизм, когда вознамерился обмануть свое предназначение на огненной земле! Что ему теперь остается? Только вспоминать, как его порочное честолюбие подарило ему вожделенную красную эмблему...

И как к булавке с обратной стороны этой эмблемы были по очереди приколоты все его родные. Теперь-то Умм понимал, что *там* будут все. Рано или поздно – это лишь вопрос времени.

Юноше показалось, что он снова слышит сухой шорох. Наверно, это те самые вороны с крыльями летучих мышей... О, Огненный, пусть это будут они! Пусть заберут его, Умма, грешную душу в свое мрачное царство!

Странно... В прошлый раз воронье налетело сверху. Теперь же звук идет снизу. «Может, они прилетели, чтобы склевать мертвое тело? – подумал в отчаянии юноша. – Нет, нет! Нельзя этого допустить! Что бы ни произошло, отец за-

служивает достойных проводов. И они должны состояться на Пепелище, а не здесь – среди мышей и воронья!» Умм рухнул на колени – к счастью, из темноты уже начали проступать контуры обстановки – и принялся шарить руками по пыльному полу в поисках тела. Он, разумеется, и понятия не имел, как в нынешнем положении ему переместить почившего отца на Пепелище и уж тем более как устроить там ему те самые *достойные провода*. Но ведь не бездействовать же!

Вдруг рука наткнулась на что-то мягкое и теплое.

– Ч-ч-что иш-ш-шо? – слышался знакомый голос.

По полу, выплескивая горько пахнущее спиртуозное содержимое, покатился стеклянный сосуд. Амбар сотрясла отборная ругань.

Умм осторожно шагнул назад. Трудно привыкнуть к тому, что ты видишь других, а они тебя – нет. Как и нелегко поверить в то, что этим «другим» оказался его отец Бехим.

Живой. И, по всей видимости, очень недовольный жизнью.

Хотя какое это имело значение? Да пусть бы хоть в ответ со всей дури отвесил младшему сыну крепкого тумака, а сверх того покрыл бы его самым что ни на есть крепким словом!.. Огненный свидетель – было за что!

Очень скоро Умму стало ясно: отцу невдомек, что он в амбаре не один. Юноша тяжело вздохнул, взирая на отчетливые приметы отцовых пагубных привычек. Зрелище обрюзгшего старого пьяницы, валяющегося в разгар дня в амбаре,

сумело бросить тень даже на радостное чувство облегчения.

Умм попытался вслушаться в несвязные обрывки фраз, в которые силою огненной воды превратилась речь отца. Ничего не выходило. В довершение и амбар, и осколки бутылки, и отец вновь сделались нечеткими, очертания завибрировали. Умм понял, что Йанги выполнила свое обещание – открыла ему судьбы родных – и вот теперь забирает его обратно. Юноша не возражал и не пытался сопротивляться: это было честно. Это было от начала и до конца так, как они договаривались.

Только что-то настойчиво подсказывало Умму, что он все же упускает нечто важное. И кроется это важное как раз в неразборчивом бормотании отца. Умм напрягал слух, пытаясь извлечь из этого набора звуков хоть каплю смысла.

– Ыыынаа Уурхраа уууюую! – уже приглушенно и еще более невнятно долетало до стражника. Что хотел сказать этим отец? Почему Умм чувствовал, что ему жизненно важно разобрать это? Опять одни вопросы... – Ааа вваадббеее ииих! Уууюуюу! – не унимался «шифровальщик».

Юноша тем временем уже парил над потолком амбара и знал, что вот-вот снова станет спицей огромного резвого колеса, которое понесет его обратно в Святилище. Он уже с трудом различал, где пол, а где потолок. Звуки теперь доносились будто глубоко из-под воды.

Раздался звон бьющегося стекла: видать, вторая бутылка полетела о бревенчатую стенку. Этот звук как бы разрезал

временную глухоту Умма, сделал другие звуки четкими и объемными. Пожалуй, даже слишком.

– Убью-у-у! – вторгся звериный рык отца прямо Умму в ухо. – На Горидукх самый, на самую ихнюю свадьбу убью! И сына Сунхова, и дочку Кагову! Отказался Ахрап от Дамры моей и сына своего, так пушай издохнет, собачий сын!

Ляз-з-зг!

Грохот сыплющихся осколков едва не оглушил Умма. Теперь он уже совершенно ничего не слышал: в голове колокольным звоном отдавались страшные угрозы отца. Они были тревожным набатом, возвещая о новом грехе, готовом вот-вот лечь на семью Умма.

Заморгав, юноша открыл глаза: кругом снова стало светло. Белоснежное убранство шатра, умиротворенное лицо Йанги, в тех же позах молящиеся сестры. Они вообще заметили, что произошло? Или они так же, как и Умм, отправили свой разум за пределы тела?

– Можешь встать, – милостиво предложила жрица, глядя куда-то вдаль.

Умм порывисто вскочил на ноги, отряхиваясь так, будто и правда мог нанести в жреческий шатер пыли и грязи из своего амбара.

– Сиятельная, я там увидел... – начал было он, чувствуя, что уже с лихвой выбрал отмеренное ему время «аудиенции».

– Не утруждай себя, Умм, – ответствовала Йанги. – Я ви-

дела все вместе с тобой.

– Так, значит... – загорелся слабой надеждой юноша, – значит, вы тоже понимаете, что мою сестру и племянника похитили врахайи и что мой отец задумал кровавую месть?

– Понимаю, Умм.

– Но я... – От пережитого потрясения слова наскакивали друг на друга. Язык не успевал сложить из них ничего вразумительного. – Как могу я спасти Дамру? Как могу предотвратить страшное убийство? Вы же знаете, что устав запрещает мне покидать пределы Перстня!

Пав на колени, он взмолился:

– Что мне делать, Сиятельная? Я уже навлек немало зла на свою семью... Помогите мне остановить его! Помогите во имя Огненного бога и великодушной Матери звезд!

Йанги с чуть заметным торжеством оглядела юношу, замершего перед ней в коленопреклоненной позе. С легкой обидой в голосе она проговорила:

– Помочь? Но ведь я же убийца, творящая несправедливый суд над ни в чем не виновными хархи... Могу ли я чем-то помочь такому высокодуховному существу, как ты?

– Простите меня, Сиятельная. Пути ваших мыслей слишком сложны для понимания простых смертных. Теперь я вижу: ваши деяния несут в себе благо. Наверно, мы сможем узреть его позже, – не без внутреннего усилия солгал Умм. Он с трудом верил, что вообще произносит это.

Йанги очаровательно улыбнулась:

– Твое раскаяние делает тебя ближе к Огненному богу и к его милости, а не к моей, Умм. Помочь тебе тоже смогу не я, а только ты сам. Помни: пока ты жив, ты – творец своей судьбы.

Жрица поднялась с подушек и распрямилась в полный рост. Мягкие и вкрадчивые поначалу, теперь ее слова зазвучали подобно королевскому повелению.

– Да, – молвила она, – особо смелым творцам всегда приходится платить дороже. Думаю, твои видения доказали тебе эту истину в полной мере. Поверь, мне известно, как сложно, как мучительно больно ломать хребет своему предназначению! Как огонь сомнений прожигает душу, оставляя после себя такие горы пепла, что они вот-вот накроют тебя с головой! Но запомни, Умм, это и есть тот выбор, через который тебя видят с неба боги! Только так из миллиона молчащих безликих пустот они могут заметить твое мерцание и сделать уже свой выбор: наградить или покарать тебя. Так ты заявляешь в этой бесконечной Вселенной о себе и являешь смелость, достойную внимания Огненного и Матери. Только так ты по-настоящему живешь... – Йанги простерла к Умму руки, взмахнув широкими рукавами белой рубахи. – Сделай свой выбор, стражник! Не решай за богов, как им оценить его, а просто сделай. А теперь иди с миром: время нашей беседы давно уже вышло.

Занавесь сомкнула свои мягкие створки за спиной юноши, открывая его лицо предзакатным лучам Матери звезд.

Он вышел на площадь, открытый всему миру, своему выбору – он его уже сделал – и своему будущему.

И постарался не оборачиваться на мерно качающегося в петле Тихха. Вороны к тому времени уже выклевали ему глаза.

Чудовища хищно косились на Илари, извиваясь на холстах устрашающими спиралями. Они были разного цвета, размера и, кажется, даже разного пола, если судить по ноздрям и глазам: у самок и то и другое было более узким и вытянутым. Преимущественно герои картин разрывали жертв длинными клыками или душили их мускулами гибких чешуйчатых тел. Жертвы все поголовно имели рыжие волосы, что делало их похожими на огненных варваров – по крайней мере, как девушка себе их всегда представляла. Присмотревшись, Илари обнаружила и молодняк. На отдельных полотнах сравнительно небольшие твари, запутавшись в хвостах друг друга, увлеченно делили между собой мертвое тело. Что-то заставило Илари присмотреться к ним повнимательней. Уж не ее ли это «старый знакомый» с черной глянцевой чешуей и желтым брюхом увлеченно вгрызается в плоть девушки примерно ее возраста? Здесь он, правда, совсем скромных размеров, да и клыки не больше, чем ее собственная кисть... Если не брать в расчет эти клыки и острые пупырчатые бугорки намечающихся крыльев – ну точь-в-точь самый обыкновенный морской змей, коими кишит Восточное море.

Вигари!

«Немало ты пожрал этих хархи, Желточревый, прежде чем заползти в голову нашего будущего блестящего дипломата!..» – подумалось Илари. *Желточревый*... Девушка сама удивилась, как быстро, словно домашнего питомца, она наградила фантомное чудище звучной кличкой.

И, нарушая все правила приличия, даже издала язвительный смешок. Не самое худшее, стоит заметить, оружие против ополчившегося на тебя мира.

– Ты находишь это смешным, дитя? – Илари показалось или в жемчужных глазах хранителя мелькнуло замешательство? Что-то новенькое.

– Нет. – Девушка пожалала плечами, выгнув спину оцетившейся кошкой. – Я... Скажем так, я увидела кое-что знакомое. – Она снова мрачно улыбнулась, тайком косясь на стайку молодняка. – Вернее, *знакомого*.

– Стало быть, это твой знакомый...

Выражение лица Ингэ сменялось то надеждой, то сомнением. Если их вообще можно было различить сквозь завесу искусной маскировки и мастерского умения владеть собой.

– Скажи, Илари, – задумчиво обратился к ней хранитель, – как ты думаешь, твой отец, Ваумар Эну, тоже был *знаком* с персонажем своей картины?

Скулы девушки свело лютой судорогой. Дыхательные прорезы часто захрипели переработанным кислородом. А ее саму как будто облили расплавленным металлом, который те-

перь застыл, превратившись в крепкую, нерушимую броню.

– Это вы его убили? – буквально прошипела Илари, позмеинному сузив глаза. – По вашему приказу десять светооборотов назад вига в черных плащах разорили наш дом, похитили картины и уничтожили отца? Зачем? Что он вам сделал?!

Голос сорвался на какой-то скулящий крик. Слезы упрямо подступали к горлу, вызывая совсем уж детские, жалобные призвуки. Грозная в своем испепеляющем гневе обладательница удивительного дара на глазах превращалась в беззащитную маленькую девочку. Всклипнув, она прошептала искривленными, дрожащими губами:

– Мне было пять... Вы хоть понимаете? – И словно не в силах больше держать на плечах не по возрасту тяжелый груз, опустила на корточки, закрыв лицо руками. – Нет... Вам никогда не понять, каково это... За что вы так возненавидели моих родителей?!

Хранитель протянул Илари раскрытую серебристую длань, предлагая этим жестом помочь ей встать. Ну уж нет! Пока она дышит, этот убийца не прикоснется к ней! Девушка отшатнулась от сияющей жемчужной руки, словно та тянулась к ней не с помощью, а с намерением придушить. Память мгновенно нарисовала последние секунды жизни матери: к ней также тянулись чужие руки, и у Илари, к сожалению, не хватило сил им помешать...

Однако это, кажется, нисколько не смутило хранителя. Он

грациозно завел руку за спину, вторую положил себе на ребра поверх кафтана, как будто готовился декламировать стихотворение. Подняв глаза к тусклому потолочному светильнику, он флегматично сообщил:

– Тебе предстоит осознать одну важную истину, дитя. ненависть мне чужда.

Поймав на себе взгляд Илари, полный недоверия и желчи, он пояснил:

– Ненависть, как, наверное, тебе известно, есть наиболее разрушительная для эо духовная субстанция. Испытай я хоть единожды настоящую, ничем не разбавленную слепую злобу по отношению к любому живому существу, я в тот же светокруг сложил бы с себя полномочия хранителя Вига. Ибо разумное правление, коего я придерживаюсь, тождественно чистому, просветленному рассудку. В своем наиболее совершенном виде это триумф логики, доказанных знаний и порядка. – Ингэ поднял указательный палец – зеленоватый свет на пару мгновений сообщился его тончайшей натальной вязи. – Ненависть же в корне иррациональна и потому неприемлема для меня и моих рецептов построения могущественной подводной державы.

– Неприемлема?! – гневно перебила его Илари.

Что, во имя искусников, это еще за детские сказки? *Оно* что, надеется вот так запудрить ей мозги? Думает, что коли она нищая сирота со смутным будущим, значит, любая философская заумь сойдет ей за объяснение?! Она хотела даже

вскочить с пола – он, откровенно говоря, был ледяной, – но, увы, не смогла: силы покинули ее.

– Это *Вы* говорите – неприемлема?! Какой тогда, позвольте спросить, светлый разум толкнул Обитель на кровавый суд над двумя безобидными вига?

Хранитель затеребил своими длинными пальцами ткань кафтана. Его красивое лицо не изменило выражения. Он выглядел так, словно заранее знал все, что скажет Илари, все ее реакции на его реплики. Девушка отчего-то была уверена: хранитель отрепетировал диалог.

– Я вижу, ты истощена, Илари. Мне также известно, что на твою долю выпало немало тягот за последние несколько светокругов. – Знаком руки Ингэ остановил стремительный поток слов, который вот-вот готов был сорваться с языка его собеседницы. – Поэтому ради твоего же скорейшего восстановления я буду краток.

– Я ничего не хочу слушать! – удалось-таки выкрикнуть Илари. Между подкатывающими откуда-то снизу приступами лихорадки и конвульсиями рыданий. – Ничего! – взвыла она, катаясь по полу и бессильно молотя по нему сбитыми в кровь кулаками. – Убейте меня! Убейте меня сразу, прямо здесь! Как и родителей! Вы же этого хотите! – Она подползла к Ингэ и принялась дергать его за переливающиеся полы кафтана. – Убейте! Ну! Чего вы ждете?! Не за этим ли вы меня сюда привели? Убейте! Я не хочу ничего слушать! Я не буду делать ничего, что вы от меня попросите! Я хочу

к родителям! – Крики Илари эхом кружили вокруг отцовых картин, стаей парили над головой хранителя. – Убейте!!! – Вдруг она вскинула голову к сонму нарисованных тварей. – Папа! Мама! Желточревый! Заберите меня к себе!

Две руки резко схватили ее под мышки и сильно встряхнули. Илари пыталась вырваться – бесполезно. Хватка была железная. Продолжая удерживать ее в том же положении – что было непросто, поскольку Илари пыталась теперь еще и кусаться, – девушку подтащили к той самой картине, которую она про себя назвала «Молодняк». Так близко, что она едва не касалась ее носом.

– Это он? – кивая на желтобрюхую тварь, протрубил ей прямо в уши хранитель. В одно – мужским, в другое – женским голосом. – Ты зовешь *его*?

– Да!!! – истошно заорала Илари. Заорала так, будто это в самом деле был ее питомец, который и вправду мог не только услышать ее, но прилететь на зов своей хозяйки. Или, быть может, приползти – с этим еще предстоит разобраться.

– Это он – твой Желточревый? – громогласно спросил Ингэ, продолжая удерживать Илари и прижимая ее к себе.

– Да! Он вернется и отомстит вам за родителей!

– Смотри!

Ингэ оттащил вырывающуюся пленницу к другой, гораздо более монументальной и эпической картине. На ней гигантский змей с брюхом цвета мокрого песка пикировал на хархскую деревеньку, полностью закрывая перепончатыми кры-

льями небесное светило. Его острые загнутые клыки уже нанизали на себя несколько истекающих кровью жертв. Поморгав, Илари пригляделась: это были дети. Дети, не старше ее самой в тот черный светокруг, когда не стало отца. Нанизанные, словно рыбешки на гарпун, они безжизненно свисали с черных крюков, которыми летающая тварь уже собиралась пропороть их родителей. Те в священном ужасе вздымали руки к своим окровавленным детям, даже не думая оказывать сопротивление. Хотя стоит лишь взглянуть в голодные глаза чудовища – они вышли у отца особенно правдоподобно, – сразу понимаешь: сопротивление здесь бесполезно.

– Это тоже он? – в очередной раз громыхнуло над головой Илари пугающее двухголосие.

Ошибиться, к несчастью, она не могла. Соврать, что не узнала тварь, – тоже.

– Да... – тихо ответила девушка. Исступление, шипя, отхлынуло убегающей волной. Мысли, словно очнувшись от наваждения, начали медленно возвращаться на круги сознания. – Это он, которого я отвела от Елуама.

Глаза Ингэ подернулись алмазной пылью – светло-зеленой в освещении потаенной галереи. Его руки между тем все так же лежали на плечах Илари. С той лишь разницей, что она теперь из них не вырывалась.

– Ответь мне сейчас честно, – попросил хранитель. – Ты действительно хочешь, чтобы *он* вернулся в Вигари?

И еще раз провел пальцем по мембране, за которой бес-

новалось нарисованное чудовище.

Черные загнутые крюки в страшной разверзнутой пасти; дети, которых она вот-вот пожрет, а следом – и их родителей... На мгновение Илари даже удалось забыть о собственном злосчастье и личных потерях. Новое, исполинских размеров зло как бы придавило его собой. Загородило, словно крылья твари – хархскую звезду.

И девушка просто и искренне ответила своим начисто сорванным голосом:

– Нет.

Холодно взглянув на Ингэ, она добавила:

– Смерть невинных – ужасна и отвратительна. Я видела ее сегодня и больше не хочу. Это чуждо мне, как чужда для вас ненависть.

Хранитель, очевидно, пропустил ее колкость мимо ушей. Он весь сосредоточился на ином. Как-то по-родственному прижав девушку еще крепче к себе, будто сестру, он сказал:

– Тогда помоги его остановить.

Илари вытаращила глаза на хищную пасть, тщательно прорисованную отцовской рукой. Сил в ней было недостаточно, чтобы остановить даже собственные слезы. Хранитель же непреклонно продолжал:

– Ибо гурилии своей черной хитростью запустили древний механизм. Желая возродить свое могущество, они не дождались должного часа и нарушили пророчества праотцев. Используя остатки своего колдовства, они внушили Елуаму,

что тот – Обещанный, не потрудившись сами доподлинно убедиться в этом. И вот теперь это знание зовет его на огненную землю, дабы принести туда чужую весть о грядущей войне. Войне, в которой одной из сил станут целые стаи таких, как твой Желточревый. И они, к слову, прекрасно чувствуют себя под водой. – Ингэ тяжело вздохнул и продолжил: – Даже если мы запрем Елуама в четырех стенах узилища, его новая сила доставит его на Харх, чтобы исполнить желание гурилий. И это может обернуться еще большей бедой для Вига. Ты уже имела дело с его разумом. Ты на время сумела выгнать из него своего Желточревого. – Ингэ перешел на жаркий шепот. – Ровно через двадцать восемь светокругов новый пилигрим отплывет на Харх – таково мое решение. Иного выхода нет: это единственный выживший после обряда за многие светокруги, а вторжения морских монахов требуют пополнения запасов вселекаря и драммиров. Кто знает, быть может, привезенного хватит, чтобы поставить точку в наших торговых отношениях и больше не подвергать никого опасности?.. – Хранитель сложил ладони на груди. – Я, Обитель и весь Вига просим тебя на время пребывания Елуама на острове отвести от него видения, посылаемые гурилиями. Обещаю тебе, помимо глубокой благодарности, также свою защиту и покровительство.

Он уставился на Илари. Живые эмоции участия и заинтересованности на мгновение проявились на лице Ингэ.

– Вы так и не ответили на мой вопрос, хранитель, – прого-

ворила молодая вига, не отводя от него пристального взгляда. – Мои родители. За что?

Раздался вздох – то ли утомленный, то ли скорбный.

– Твоя мать была гурилией, Илари. Гурилией, нарушившей обет изгнанниц и своевольно покинувшей Расщелину. Обитель лишь выполнила одно из предписаний древнего договора, составленного задолго до твоего и даже моего появления на свет.

Девушка тупо уставилась на картину. Она все поняла. О матери, о своем даре и о происходящем вокруг. Упал покров даже с загадки смерти отца. Никакой загадки не было. Все оказалось куда проще: хранитель не приемлет ни ненависти, ни иррациональных явлений, ни ужасов прошлого, которые кто-то вдруг решил возродить. На картинах или наяву – какая разница?.. Таковы здесь «рецепты управления». Таков сам Ингэ.

Будет ли она, Илари, помогать *ему*?

Нет.

Попробует ли она снова спасти жизни невиновных?

Да.

Ибо смерть невинных – ужасна и отвратительна: теперь она знала об этом не понаслышке. Никак нельзя дать полотнам Ваумара Эну ожить...

«И почему только отец питал к ним такую страсть?..» – мучительно соображала Илари, засыпая в своей собственной обительской опочивальне.

Бадирт беспокойно оглядывался вокруг, пытаясь своим слабым зрением извлечь из вечернего сумрака еще более темное пятно одеяния сестры. И где ее только носит? Условились же встретиться сразу после заката – а Матерь звезд, между прочим, скрылась за горизонтом Вигари! Ночь обступала беглеца со всех сторон – густая, властная. Принц понимал: если теперь его хватятся в замке-горе, то вряд ли Эббих сумеет надолго задержать поиски. И так ли уж будет неправ Рубб, когда со взглядом, полным укора, притащит его к матери? Или к Каффу... В любом случае действия начальника королевской стражи будут восприняты как строгое соблюдение закона. Необходимой мерой обеспечения безопасности наследника опалового венца.

«Этот остров все еще кишит пережитками прошлого!»

Бадирт раздраженно закатил глаза к небу, дав первым ночным звездам подсветить их пламенеющую радужку. Он чувствовал себя в высшей степени глупо, если не сказать униженно: «Я, подлинный принц огненной земли, не могу спокойно встретиться с сестрой когда хочу и где хочу! Не могу исполнить свою волю даже в мелочах! И из-за чего?! Из-за каких-то там замшелых *законов* и правил...»

Ждать! Это он, наследник опалового венца, – подумайте только! – должен ждать, когда Рувва, слившись с ночной тьмой, на цыпочках прокрадется сюда, чтобы обменяться с ним парой фраз! «Можно подумать, что мы не принц и прин-

цесса, а два преступника!» – сердито фыркнул Бадирт.

На углу огбаха гулял сухой знойный ветер. Он швырял в лицо принца горсти красного песка, словно сыпучее ускользающее послание. Его темно-вишневые кристаллики, пляшущие в горячей круговерти, казались Бадирту первыми легионерами Скарабея, которых кровожадное небесное созвездие выпустило на Харх раньше времени. Ночь не несла на своих огромных чернильных крыльях ни ожидаемой свежести, ни облегчения после безжалостного дневного пекла. Одежда липла к телу, губы трескались, в горле саднило от пыли. Сушь и зной продолжали настырно висеть в воздухе, и даже Вигари, обычно в этот час овевающее Подгорье йодным шлейфом своих прохладных глубин, теперь равнодушно завернулось в лаковый саван полного штиля. Принц с тревогой оглянулся на водную гладь. Его не покидали мысли о том, что море – оно о чем-то знает? – намеренно притихло и лежит, не дыша, будто иссиня-черный великан, готовящийся к удару.

Или, быть может, к яростному прыжку...

Как бы то ни было, ясно одно: у великана этого есть глаза, и он внимательно следит за тем, что творится у него над головой.

Бадирт присмотрелся повнимательней: так и есть! В застывшем водном зеркале отражался мертвый Ящер – теперь уже полностью обозначенный по контуру золотистыми звездами. Он светил так ярко, а море было столь спокойным, что

созвездие проявлялось на его поверхности – размыто, отчасти искаженно, но проявлялось.

«Празднуй свой последний день, Ящер! – Бадирт попытался расшевелить в себе некое внутренне торжество, подхлестнуть чувства, дабы навсегда похоронить в их порыве презренные ростки беспокойства. – Завтра за тобой придет Скарабей!»

– Брат!.. – послышался тихий, знакомый с детства шепот. Бадирт, вздрогнув, обернулся. Неужто?!

– Долго ты шла, *сестра!* – язвительно отозвался он. Ну и что? А то она не знает, что обычно скрывается за его грубостью и цинизмом?..

Рувва, блаженно улыбнулась и, потрепав его редкие волосы, насмешливо спросила:

– Что, опять перепугался, змееныш?

Всегда она такая, когда за нее говорит этот цветочный порошок... И словно в подтверждение Бадиртовой правоты, бледный звездный луч скользнул по лицу Руввы. Редкие золоченые искорки бесстыдно играли на щеках и лбу сестры; к тому же этот рассеянный взгляд... «Кто б сомневался!» – нахмурился Бадирт.

Сам от себя не ожидая, принц даже сумел достойно ответить на сестрину колкость:

– Перепугался... А что, если и так? По мне, так это вполне естественно и даже нормально. Я же не ты!

Рувва картинно надула губы и вжала голову в плечи –

ну просто воплощение оскорбленного самолюбия! Когда ей надоело кривляться, она подцепила мизинцем пуговицу Бадиртова камзола, скрытого под неприметной темной мантией, и предостерегающе прошептала:

– Не тебе рассуждать о *естественности*, братец! – Она потянула за пуговицу так, что та уже почти освободилась от протяжно затрещавшей нитяной обвивки. – И уж точно не тебе осуждать меня.

Поднеся правую руку к носу брата, принцесса с какой-то странной гордостью проговорила:

– А хочешь больше знать о моем бесстрашии? На вот, смотри! Разгадаешь, как в детстве, в чем отличие? А?

Рувва вдруг расхохоталась. Вовсе не весело. Во всяком случае, Бадирт расслышал в ее гортанном смехе только лишь вызов. Ну право, что *веселого* могло быть в ее кольце бесчестия? Перед глазами принца завертелись зигзагообразные грани, и он все пересчитывал про себя: «Один, два, три, четыре...» Нет, зрение, при всей его слабости, не обманывало. Их действительно теперь четыре. Бадирт взглянул на сестру со смесью презрения и сострадания.

– Еще один... – И не без потаенного восхищения спросил, будто бы не веря в увиденное: – Тебе удалось?

Рувва, продолжая задумчиво крутить в пальцах его полуоторванную пуговицу, мечтательно прикрыла глаза и с излишней, на вкус Бадирта, патетикой проговорила:

– Лучше, чем ты можешь себе представить.

Вдруг по ее лицу пробежала бесноватая тень, вычерчивая на нем незнакомое принцу выражение. На мгновение юноше даже показалось, что рассудок покинул Рувву. Что она заигралась в свои непростые игры и уже не отделяет себя от них. Принцесса меж тем, вплотную притянув Бадирта к себе, прошептала ему прямо в ухо:

– А знаешь что, братец? – Ее губы почти касались его шеи. – Он был хорош! Знаешь, до чего хорош?

– Рувва, ты меня пугаешь, – попытался отстраниться принц.

Его сопротивление, кажется, только раззадорило сестру: она еще ближе прижала к себе Бадирта. Ухо обжигало ее распаленное дыхание, железо кольца впечаталось принцу прямо в лоб. От кожи сестры шел характерный горько-полынный запах пыльцы гаудра желтолистого.

– А я все равно тебе скажу! – горячо шептала Рувва, буквально душа Бадирта его же камзолом. – Он был до того хорош, что я до сих пор чувствую его тело! Признаюсь тебе, но только между нами, на какое-то время я даже позабыла, *зачем* пришла к нему!

Принцесса наконец отняла кольцо от лба Бадирта. Оно наверняка оставило уродливый отпечаток, к тому же это место теперь саднило, отдавая в висок холодным поцелуем железа. Любовно поглаживая перстень, Рувва проговорила:

– Уж не думаешь ли ты, милый братец, что праздник готовится для тебя одного? А?

– Еще скажи, что тебе и вправду нравится все это... – хмуро пробормотал Бадирт. И как вышло, что его голос снова зазвучал... стыдливо? Притом будто стыдно ему не за сестру, а за себя...

– Что – *это*? – не унималась Рувва. – Ты уже совсем взрослый, братец, – разве не эту истину тебе постоянно талдычит Йанги в ваших уединенных беседах? Если так, то пора бы уже называть вещи своими именами.

Она снова рассмеялась. Развязно и порочно. Бадирт был обескуражен: невзирая на долгие часы самоубеждения и упорную работу над собой, чувство стыда только усилилось. Опять он все испортит! Вот-вот в игру вступит еще и старая добрая злость на себя – за свою слабость и невыдержанность, – и тогда пиши пропало. Долгожданный, такой нужный ему разговор сорвется! Принц стиснул зубы и сказал наконец вслух невыносимо мучившую его правду:

– *Это* – значит то, что ты раздариваешь себя военачальникам королевской армии ради укрепления Снопа искр! – Он выпалил это одним духом, не веря, что действительно произносит такие слова сестре в лицо, да еще и около огбаха.

– Bravo! – продолжая издевательски посмеиваться, отчаянно зааплодировала Рувва, словно вовсе не боясь, что их могут услышать. – Я уж думала, ты будешь молчать об *этом* до конца моих дней. – Она прекратила хлопать в ладоши так же резко, как начала. И, зловеще сощурившись, добавила: – Или своих.

Бадирт побледнел до того, что цвет его пятнистой кожи почти выровнялся. Под звездным светом принц стал похож на призрак, испугавшийся своего же отражения. Заметив это, Рувва снова в голос расхохоталась, не обращая внимания на отчаянные знаки Бадирта. Словно ей было неважно, услышат их или нет. Принц, напротив, сник; радость предвкушения завтрашнего дня, которую он бережно взращивал в себе, без остатка развеял разгулявшийся суховец.

И вот что, во имя Огненного, прикажете делать с сестрой?.. Ему бы, по-хорошему, разозлиться на нее, осыпать язвительными упреками и, не попрощавшись, покинуть место встречи... Да вот только не выходило, как ни старайся! И всему виной эта ее безумная, фанатичная вера. Ее готовность делать все, что велит кошка Йанги... Рувва, в отличие от него, Бадирта, не отделяет слепое жертвенное служение от собственной выгоды; не понимает, где религия, а где ее собственная позиция и достоинство. Что она получит от своего беспутства, осененного ритуальным знаком? Куда приведет ее эта дорога? К опаловому трону, к власти, к богатству? Отнюдь нет. Хватило же ума вслед за маменькой от всего этого отказаться!.. У обеих ведь был другой путь. Был, в конце концов, выбор! И что? Обе отказались, дав Святилищу выжечь все вокруг себя! Тысячи раз Бадирт задавал себе одни и те же вопросы: как можно было дать так себя растоптать? Как можно было забыть о своем происхождении? И те же тысячи раз не находил ответов. Если бы только

хоть у кого-нибудь виднелись проблески ума, готовности изменить историю Харх, желания возвысить огненную землю до такого предела, что с неба рукоплескали бы боги... Хоть у кого-то... Тогда, видит Огненный, они смогли бы стать семьей – легендарной венценосной семьей, память о которой осталась бы в веках! Кругом столько сокровищ... Нужно лишь протянуть руку! А они не хотят – никто из них! Только Рувва попыталась повлиять на будущее Харх, да и то вышло так, что жалко смотреть... Никакого самоуважения, никакой властности и настоящего королевского достоинства, столь нужных сейчас острову! Так, игрушка в руках жрицы... Хотя чему здесь удивляться? То, что сейчас происходит с Руввой, – плоды воспитания *матушки*. К тому же это пагубное увлечение гаудром желтолистым: сестра может отпираться сколько угодно, но признаки-то все налицо! Как и зарождающиеся симптомы нимфомании...

Принц брезгливо передернул плечами.

Какое, вот какое после этого у него, Бадирта, может быть к ним отношение?.. Они сами его заслужили.

Принц уже был готов высказать эти мысли вслух, как вдруг в облике сестры что-то переменялось.

Рувва, опустив голову, стянула с пальца железное кольцо с четырьмя звездами и молча спрятала его в карман накидки. Потом как бы исподволь, с неохотой подняла лицо, и Бадирт с удивлением и некоторым облегчением отметил, что безумие на время выпустило сестру из своих цепких лап. Из

слезящихся карих глаз струилась такая печаль, что, казалось, ею можно заразиться, как, например, чумой или лихорадкой. Она была густая, насыщенная и безысходная, словно Рувва получила известие о горькой утрате. В молочном свете, посылаемом на Харх Ящером, лицо сестры теперь напоминало скорбную маску. Во взгляде больше не читалось ни иронии, ни насмешки.

Принцесса осторожно, даже ласково провела ладонью по бордовому следу железного кольца на Бадиртовом лбу. Принц слегка дрогнул от боли и холода, но не отнял ее руку.

Рувва умоляюще посмотрела на брата – и этот взгляд вместил все слова раскаяния и просьбы о прощении, которые могли прозвучать между ними в тот ночной час. Бадирт тоже не стал ничего говорить. Просто чувствовал, что не в силах подобрать ничего уместного. И уж точно – ничего утешительного.

Лучшее, что он смог теперь сделать для сестры, – это крепко обнять ее и накрыть своей тяжелой мантией. Так он и поступил.

– Завтра Горидукх... – пролепетала Рувва, склонив закутанную в чалму голову на грудь Бадирта. Ему даже показалось, что сестра прячется за ним от кого-то. – Мне страшно... – прерывающимся шепотом проговорила принцесса.

Бадирт в который раз поднял лицо к ночному небу. Ничего нового – все тот же мертвый Ящер, распластанный от края до края высокого черного купола. Его свет – прежде та-

кой слабый, еле брезжащий – теперь слепил, выжигая из глаз слезы и внушая чувство безотчетной тревоги. Торжественность?

Увы, она умерла вместе с созвездием Ящера.

– Мне тоже, – выговорил наконец Бадирт, сильнее прижимая к себе сестру и стараясь укрыть ее от слепящего звездного знамения. Жаркий ветер распускал вокруг них красные песчаные цветы. Пыль сухой кровавой россыпью застревала в волосах.

Брат и сестра застыли на краю горы двумя покинутыми всем миром фигурами. Ящер, от которого они укрылись Бадиртовой шерстяной мантией, плескался в морском отражении у подножия замка.

Застыли так, словно во всей Вселенной были одни друг у друга. Были рядом – и все же бесконечно далеко. Как Ящер и Скарабей.

Глава 24 Горидукх

Скарабей, Скарабей,

Будь ты с нами подобрей!

Скарабей, Скарабей,

Сильно ты не свирепей!

Незатейливая детская песенка, долетающая перезвоном заливчатых колокольчиков с подножия замка-горы, к концу дня накрепко засела в голове Елуама. Несмотря на то что с утра она еще изрядно раздражала пилигрима, то там, то сям встречая в его переговоры с главой хархской торговой

гильдии, Гаркуном, к обеду молодой виги к ней уже попри-
вык, а к вечеру – недаром ведь купец! – придумал, какую
здесь можно извлечь выгоду. По зрелом размышлении выяс-
нилось, что ритм частушки вполне стодится для выравнива-
ния наземного дыхания. Иначе говоря, назойливая песенка
может послужить начинающему пилигриму «кислородным
дирижером» и тем самым облегчить его пребывание в над-
водном мире. Недолго думая, Елуам попробовал напеть ее
про себя, стараясь при этом делать вдох на первую строчку, а
выдох – на вторую. Разумеется, незаметно для окружающих.
Попробовал – и ведь, хвала искусникам, получилось! Слов-
но заговоренные мощным колдовским заклинанием, легкие
и грудная клетка Елуама покорно подчинились такту песен-
ки – и дыхание стало куда легче и свободней. Если еще вчера
юноша буквально захлебывался колючим жарким воздухом
огненной земли (от концентрации которого едва не лишился
чувств, когда шагнул из пасти фицци на деревянный пирс),
то теперь задышал куда уверенней. Другими словами – пол-
ной грудью.

Он, правду молвить, и нынче продолжал монотонно вы-
стукивать в голове этих «скарабеев», чтобы, не приведи хра-
нитель, не нарушить дыхательный пульс. Ибо здесь и сей-
час, на этой варварской огненной земле, он олицетворял со-
бой весь Вига. И прекрасно понимал, что не имел права на
ошибку, способную бросить малейшую тень на его подвод-
ную родину. Не имел права запятнать репутацию Черторга,

подвести своих наставников, Баллоаха с Яллиром и свести на нет труды той бледной светловолосой «сестры милосердия» с невыносимо грустными глазами... Всеми фибрами своего эо юноша чувствовал, что это было больше чем просто *ответственность*. За ним будто бы неусыпно следили. Куда бы он здесь ни пошел, какие бы слова ни произнес, он постоянно чувствовал на себе взгляд нежно-голубых, покрасневших от слез и утомления глаз. Порой молодой виги даже оборачивался, не в силах превозмочь собственные иллюзии. Сознание всякий раз с охотой отзывалось, выдвигая новые догадки: не любопытные ли хархи пытаются просверлить в нем, Елуаме, брешь? не магия ли это местных жриц? не игры ли разума на фоне переизбытка впечатлений? И хоть вопросы о жреческом могуществе и неизведанных глубинах эо остались для пилигрима открытыми, зато ему довелось воочию убедиться кое в чем другом: слухи о невежестве и бескультурье хархи оказались сильно преувеличены. Нет, встречные островитяне, понятное дело, бросали на пилигрима пытливые взгляды (особенно маленькие дети и юные девушки-хархи), но вот чтобы прямо откровенно бесцеремонно пялиться... Такого местные «варвары» не позволяли себе даже на праздничной ярмарке, которая собрала под своими шатрами целое море рыжих голов. Но чьи же глаза тогда так внимательно и спокойно следили за ним?.. Всерьез поразмыслить над этим у Елуама, в сущности, не было ни времени, ни сил.

К примеру, сейчас его наконец-то изволил принять сам король, выкроив для этого небольшой отрезок времени между финальными приготовлениями к ритуалам вечернего празднования и предстоящей ночной феерии. Предварительно, как и подобает монарху, Кафф должным образом помил Елуама: показался ему лишь однажды, да и то лишь для того, чтобы поприветствовать иноземного гостя, выйдя на дощатый помост нового причала. поприветствовать издалека, ибо плотное живое кольцо из придворных и стражников надежно удерживало короля на недосягаемом расстоянии. Венценосный хархи все оттягивал и оттягивал дипломатическую встречу, без конца перепоручая Елуама заботам гильдейских представителей. И вот уже ближе к вечеру, дабы совместить два важных дела – беседу с подводным посланцем и раздачу завершающих указаний дворцовым распорядителям, – Кафф пригласил молодого вига на террасы своей личной опочивальни.

– Не правда ли, волнующе, господин Елуам?

Крепкая мускулистая рука, украшенная внушительным широким золотым браслетом, панибратски легла на плечо пилигрима.

От монументальной панорамы подножия замка-горы, опоясанного высокой каменной оградой, действительно захватывало дух. Если приглядеться, можно было заметить, как внизу суетливо копошились хархи: кто устанавливал высокие деревянные помосты, кто вколачивал в землю зато-

ченные сверху колья, кто обкладывал жертвенники полупрозрачными желтыми камушками.

«Наверно, это и есть те самые цитрины...» – сообразил Елуам, к месту вспомнив уроки в школе при Черторге. И поспешил вежливым и при этом искренне-восторженным тоном ответить:

– О да, Ваше Величество! – закивал энергично юноша. – Признаться, я ощущаю всем телом, как огненный остров замер в предвкушении вечера!

Елуам вновь мысленно поблагодарил свою память, вовремя подсказавшую, что большинство хархи – завзятые кинестетики и ценители физического восприятия действительности.

– И вместе с тем, – заметил пилигрим, внимательно вглядываясь в развертываемую внизу сцену, – он замер не в праздном бездействии, а в сосредоточенной работе, без которой невозможен по-настоящему грандиозный ритуал.

Кафф одобрительно похлопал Елуама по плечу.

– Не в бровь, а в глаз!

Облокотившись о радужно-зеленые перила террасы в виде тесно переплетенных виноградных лоз, король устремил взгляд далеко за морской горизонт и мечтательно произнес:

– Всегда ценил в наших подводных гостях умение красиво выражаться... – И пренебрежительно махнул рукой куда-то в сторону. – Иной раз слушаешь своих на совете: двух слов связать не могут. Вот как здесь, Елуам, быть уверенным, что

мои приказы доносят до исполнительных лиц, не переврав?..

Уже обращаясь к своему второму советнику, все это время стоявшему поодаль, Кафф осведомился:

– Как, верно я говорю, Тогмут? – И жестом потребовал подать себе небольшой ларец, изукрашенный белыми камнями на перламутровых раковинах.

Тогмут по-военному чеканно отмерил размашистыми шагами расстояние до короля, на ходу откидывая продолговатую резную крышку ларчика. Из-под нее холодно сверкнул набор металлических украшений – кольца-когти, вдетые друг в друга браслеты-латы, спиралевидные серьги.

– А не задумывались ли вы, отец, что с этой проблемой могла бы неплохо справиться письменность?

Все трое обернулись на звук юного голоса. Из глубины королевских покоев на свет террасы вышел некрасивый мальчик-хархи лет четырнадцати. Его болезненно-запущенный вид словно бросал вызов подчеркнуто изысканной обстановке дворцовых веранд. Если бы не знаки отличия мальчика – тонкий обруч наследника опалового венца и королевская гравировка на перстне, – Елуам нипочем не узнал бы в этом бледном, испещренном крупными родимыми пятнами болезненном существе подлинного принца огненной земли. «Да, внимание к деталям здесь еще важнее, чем на моей родине», – будто бы делая краткую запись в мысленном дневнике, отметил пилигрим. Меж тем принц, ни на кого не глядя, независимо прошествовал до витых перил террасы и,

словно пародируя отца, глубокомысленно уставился в горизонт.

На мгновение в глазах Каффа просквозили грозовые всполохи едва обуздываемой ярости. Подбородок монарха дрогнул, словно укрепление, сдерживающее целое войско гневных слов. Тогмут вытянулся струной и замер, как бы желая слиться с многочисленными каменными статуями.

– Бадирт...

Теперь выражение лица Каффа указывало на то, что разум таки восторжествовал над чувствами. Воистину, редкость для хархи. По крайней мере, именно так всегда утверждали бывалые пилигримы. Именно об этом уже едва ли не в спину кричал Елуаму Балоах, провожая его фицци на Харх.

– Может, ты будешь так любезен представиться высокому подводному гостю, прежде чем раздавать свои бесценные советы? – поинтересовался король. И уже окончательно перейдя к отечески-назидательной интонации, потребовал: – А после велика Дарии подать нам сюда сорху. Взбодриться перед Горидукхом никогда не бывает лишним, Елуам! – Так, подмигнув пилигриму, он светски разрядил ситуацию.

Принц коротко поклонился, как-то излишне сгорбившись, но столь же быстро выпрямился. Не выказывая ни малейшего интереса к иноземному гостю, он равнодушно изрек:

– Вышло так, что отец уже представил меня, господин дипломат. Мое имя Бадирт, что вам, собственно, известно.

И едва Елуам успел ответить поклоном на поклон, принц скрылся за колоннами, крича куда-то вглубь покоев:

– Дария! Сорху сюда, и покрепче! Отец с *высоким гостем* желают *взбодриться*, – донеслось оттуда уже едва различимыми отзвуками.

– Ужасный возраст... – вздохнул король.

Отослав нерадивого наследника, Кафф с удовольствием вернулся к примерке своего арсенала украшений. Время от времени монарх величаво поглядывал на свое отражение в широких зеркальных листьях вздымающегося к потолку каменного дерева.

– Но вернемся к более приятному предмету беседы, – предложил он, будто вспомнив о чем-то давно его интересовавшем. Раздвигая могучими руками неподатливые тиски браслетов-лат, король пытливым спросил: – Так что там сейчас на Вига делается? Какие новости? У меня тут вон, к примеру, Ящер в небе сдох. Ночь наступит – сам увидишь, если уже не увидел. Ну а у вас, соседи? Может, тоже какие чудеса в решетке, а? Не скрывай, Елуам! За интересные новости прикажу и драммиров, и семян гилтаэ с собой тебе удвоить. Ну, это, конечно, если до рассвета доживем, – зарокотал он заразительным басовитым смехом.

В руках Тогмута дважды нервно дрогнул ларец, звучно лязгнув металлическим содержимым.

– Он пытается вспомнить... О нет! Нет... Не смей!

Илари замолотила растопыренными пальцами по водной толще, распространяя вокруг себя ореол тревожного колыхания. От излишне усердного мотания головой с глаз почти съехала белая повязка. В ней, по сути, не было особой нужды, как изначально и полагала девушка. К числу других *ненужных* предосторожностей она также относила и свое пребывание в этой тесной, непроницаемо-темной комнате, надежно изолированной от всех внешних звуков. Ну а стены этой самой комнаты, наглухо обшитые мягкими трубками морских губок на случай, если ей взбредет в голову сразиться с каким-нибудь тугром врукопашную... Лучше Обители не знать, какие ассоциации вызывало у Илари место, из которого она «следила» за сознанием и памятью Елуама!

На текущий момент «палата для умалишенных» оставалась наиболее жизнеутверждающим вариантом.

– Что происходит? – едва слышно раздалось где-то над головой девушки знакомое двухголосие. – Где он? С кем говорит?

«Может, вам еще доложить, во что он одет и чем пахнет? Я вам что, телепат?!» – полыхнула где-то в груди искра раздражения.

Не уверенная, что хранитель может хоть что-то разглядеть – темнота в комнате была такая, что хоть глаз выколи, – Илари все же сложила руки крестом, требуя этим жестом тишины. Да, изъясняться ей приходилось с помощью знаков. Говорить ни с кем, кроме Елуама, ей нынче нельзя: все подоб-

ные вмешательства ощутимо истончают связь с ним и превращают без того нелегкую работу в совсем уж непосильный труд. Бесплодный к тому же. А поскольку в намеренно затемненном помещении никакого знака разглядеть невозможно (если только собеседник не обладает зрением кошки), то какой тогда вообще смысл в этом якобы полезном сумраке? А в самом присутствии рядом Ингэ?

Вот и Илари подозревала, что ровным счетом никакого.

Ладно, искусники с ним, с этим хранителем! Пора вспомнить, что затевалось все изначально не для его выгоды. Она, Илари, здесь ради других – тех, кто по милости хозяек Расщелины может повторить судьбу героев отцовских картин. А Ингэ... Вот он-то как раз и заслуживает именно такой судьбы, и его временная *вынужденная* милость к Илари несколько не смягчает этот вердикт. Так что слушать двуликое существо и уж тем более отвечать ему она не собирается! Пусть догадывается о происходящем как хочет. Его понимание (равно как и непонимание) происходящего к исходу «слежки» не имеет никакого отношения.

Елуам тем временем ощутимо сдал позиции. До чего же обидно! Вначале же держался молодцом: чистое сознание, наполненное новыми впечатлениями и честолобивыми переживаниями, сны без сновидений, незамутненная пугающими воспоминаниями память... Все обстояло именно так, пока откуда-то извне ему не поступил неожиданный провокационный вопрос. Кажется, какой-то могущественный,

влиятельный хархи – не исключено, что их царь, – захотел узнать что-то о подноготной Вига. Во всяком случае, почувствовав, как рьяно взялся пилигрим за раскопки в собственной памяти, Илари не смогла найти этому более веской причины. Отголоски внутреннего диалога Елуама о том, что «обыденных новостей *ему* будет недостаточно», заставили девушку вздрогнуть. И собраться с силами. Ибо кажется, что, вспахивая глубокие борозды в самых дальних уголках своего сознания, юноша вот-вот переусердствует.

Илари вытянула вперед обе руки ладонями наружу, словно ставя блок. Она ни за что не даст непрошеным воспоминаниям пробить в нем брешь!

– Новости?

Как ни старался Елуам припомнить какие-нибудь занятные байки или необычные явления, будоражащие в настоящем умы подводных обитателей, память упорно отказывала ему в содействии. И все же от него ждали ответа. Пришлось выкручиваться, перебиваясь сухими, заурядными фактами.

– Не так давно, – после недолгих раздумий изрек пилигрим, – главный театр Вига, расположенный в центре Виртуозного круга нашей столицы, устроил для всех жителей умопомрачительный карнавал. – Кафф, явно услышавший не то, на что рассчитывал, лишь повел кустистой бровью. Но куда было деваться? Не сочинять же на ходу хитросплетенные небылицы! – Театр и примыкающую к нему Площадь

искусств увидели подводными цветами, – продолжал Елуам. Памятуя о том, что разговаривает с хархи, он сделал упор на слове *подводными*. – Получился сад – и снаружи, и внутри. Не такой, разумеется, волшебный, как ваш каменный, – пилигрим обвел глазами великолепие, среди которого находился, – но размах, если можно так выразиться, достойный замка-горы. Актеры изображали ожившие цветы и целыми днями кружились в танце вокруг гостей. Даже хранителю Ингэ понравилось, – скромно опустив глаза, отметил Елуам. – Он присутствовал на открытии карнавала и почтил медленным танцем белоснежную актинию. Актрису, разумеется, не цветок, – быстро поправился юноша, хорошо осведомленный о прямолинейности островитян.

Король, приладив за это время на себя немалую часть украшений из ларца, все еще подрагивающего в руках советника, удальски прошелся между малахитово-янтарных деревьев: как, дескать, я вам? Остановившись вновь у плетеных перил, он упер руки в мускулистые бедра, прикрытые короткой белой тогой, и спросил, не скрывая природного азарта:

– Ну а тебе, Елуам, тебе-то по душе такие чинные, степенные танцы?

Едва не потирая руки в ожидании ответа, Кафф растянулся на обитой атласом кушетке и крикнул за тяжелую парчовую портьеру:

– Дария! Я уже заждался тебя!

– В этот раз мне очень понравилось, ваше величество! – со

сдержанным патриотизмом ответил Елуам. – В любом случае, согласитесь, красота есть красота, – дипломатично свел он личное мнение к общей фразе. – И, позвольте заметить, если общего у наших государств не так уж много, то любовь к прекрасному определенно нас объединяет.

Тут как на грех меж портьерных складок с пряно дымящимся подносом в руках показалась та самая Дария – кем бы она ни приходилась королю.

Тот, будто бы желая удовлетворить любопытство Елуама, жестом указал ей на низкий столик с изящными изогнутыми ножками – хотя что здесь вообще было *неизящным*? – и, едва поднос коснулся золотистой столешницы, Кафф одной рукой обхватил девушку за талию и усадил себе на колени. Вторую руку, не обращая внимания на покрасневшего до ушей Тогмута, король гармонично расположил на полуоткрытой груди прелестницы.

– По мне, так живые женщины красивей любых цветов, – покровительственно улыбаясь, изрек Кафф.

Ответный восторг на лице Дарии был красноречивее слов. Елуам же, как ни терзал он свою память, так и не смог припомнить ни единого случая из истории Харх, связанного с открытым присутствием в замке-горе любовниц или наложниц короля.

– Думаю, нельзя это оспаривать! – провозгласил монарх, крепче прижимая к себе девушку в белоснежной тунике с золотой пряжкой.

– Ваше Величество, вы прекрасно знаете ответ, – изобразив самое искреннее согласие, ответил Елуам.

– Я смотрю, ты начинаешь понимать всю соль огненной земли! – Кафф захохотал так, что Дария уже почти подпрыгивала на его коленях. – И хоть, наверно, ты и так знаешь, все же напомним: сегодня Горидукух! Жертвенники начинают наполняться дарами для Скарабея, пирог в пять хархи высотой уже вынимается из печи, а девы натираются ароматным маслом! – Голос короля немного понизился. – Звездочеты напророчили тут нам голод, смерть и адскую сушь. Уже как по нотам расписали нам всю нашу погибель, можешь себе представить?

От этих, вроде бы вообще не имеющих отношения к Вига слов, у посла вдруг засосало под ложечкой, а виски наполнились гулом.

– Но знаешь что, Елуам? – Кафф поднял указательный палец, закованный в кольцо-коготь, – Они кое-что не учли. Эти оракулы, звездочеты, предсказатели говорят о грядущем как о чем-то предрешенном, неминуемом, понимаешь? И в этом они глубоко неправы! Мы – хархи! И встречаем мы наших врагов по-свойски. Пугаться и запираться в своих домах здесь никто никогда не будет, попомните мое слово! – заявил он, обращаясь теперь уже ко всем присутствующим. – Мы отгуляем Горидукух так, как велит нам наше сердце и как подсказывает плоть! И сегодня ты увидишь это сам, Елуам! Даже если завтра засуха, слепящие смерчи и полчища саран-

чи заполняют наши поля, дороги и ущелья!

Впервые за свою беседу с Каффом юноша задал себе вопрос: а не безумен ли подлинный король? Ибо его открытый вызов будущему, как показалось Елуаму, лежал за гранью обычного бесстрашия.

Кафф же, словно не желая опровергать подозрения в свой адрес, стукнул по металлической столешнице керамической чашкой с сорхом, выплеснув половину содержимого на тунику Дарии, и грозно объявил:

– Даже если завтра *война!*

Гул в висках Елуама на какое-то время заменил ему мысли.

– Вспоминай! – незряче вода головами, шипели Старшая со Средней.

Младшая, все так же привязанная к шершавой коже пня, выплескивала из себя последние капли дара, чтобы хоть чем-то помочь полусестре – так она интуитивно называла про себя Илари. Обездвиженная крепкими путами, с кляпом в окровавленном рту, она, вопреки неугасающей боли, изо всех сил старалась усилить выколдованный над Елуамом заслон от опасных воспоминаний. Да, старшие могли причинить ей немалые страдания, могли даже лишить ее всяческих ощущений, обезличить, довести до полного иступления... Однако они при всем этом были бессильны над самым главным – над мыслями Младшей.

А значит, ее оружие оставалось при ней.

К тому же – так вовремя явившая себя полусестра! Без нее определенно ничего бы не вышло: две сильные чернокнижницы попросту отшвырнули бы сгусток ее, Младшей, энергии куда поглубже в гиблую марь и, не встречая больше сопротивления, довели бы до конца свой замысел. Страшный, но заведомо пропавший замысел, взлелеянный долгими годами ожидания. Они призвали бы на Вига древние, так и не упокоенные в недрах истории силы, против которых – при нынешнем-то количестве гурилий! – не смогли бы выстоять. А война, открытое сражение с ними – и есть единственное и необходимое условие, при котором, согласно пророчеству, хранитель обратится к сестрам за помощью. Получив ее, он должен будет выполнить древнее обещание: вернуть изгнанницам украденный ключ к их былому могуществу... Именно поэтому старшие сестрицы видят в каждом новом пилигриме Обещанного – того, кто донесет весть о неминуемой войне на Харх и сыграет в ней важнейшую роль на благо Вига.

К чему может привести и земную, и водную стихию вложение этой вести в уста лже-Обещанного, Младшая предпочитала не думать...

Ибо нельзя отвлекаться! Особенно в роковой миг, когда там – в бесконечной лазурной выси – кто-то так некстати расстрожил сознание Елуама острым и ледяным словом «война».

Гурилия самозабвенно слилась с невидимым щитом во-

круг Елуама.

К сожалению, этого оказалось недостаточно.

Илари крепче стиснула зубы. Она уже практически не ощущала себя во времени и пространстве. Вся ее сущность, до самой крошечной клетки, была вживлена в незримый барьер, защищающий воспоминания пилигрима. Она не видела и не слышала Ингэ. Забыла, где находится и кто она такая. Окружающая реальность снежной лавиной обвалилась куда-то за пределы восприятия, и ее место уверенно заняла раскаленная терраса, тонущая в сверкающих дебрях каменных зарослей. Девушка видела себя как бы со стороны: вот она нависает над светловолосым юношей в бирюзовом – под цвет глаз – сюртуке. Над его головой взметаются туманные сгустки образов, выплавляемые в котле мышления. Обрывки тетрадных записей с историческими и этнографическими сведениями о Харх перемежаются с инструкциями Балобаха, чтобы тут же оказаться растоптанными ногами танцующих подводных цветов... Илари, окутав Елуама посылами своей собственной воли, ревностно оберегала эти безобидные, невинные мысли от любых вторжений.

А они ведь были.

Кто-то все это время настойчиво грыз изнанку барьера, расшатывал его основание, выискивал в нем слабые места. Этот «кто-то» старался, чтобы внутрь просочились токи его влияния. Не слишком мощные и сокрушительные, вра-

жеские нападения медленно, но верно расшатывали барьер Илари, заставляя поверить, что им действительно под силу взять этот бастион.

Не поединком – так измором.

Стоит воздать «бастиону» должное: он держался достойно. Илари всегда успевала предугадать, куда на сей раз может прийти удар, и вовремя бросала туда подкрепление в виде энергетического блока. Порой девушке даже казалось, что она по эту сторону барьера не одна, а кто-то невидимый сражается с ней плечом к плечу за мирное будущее Вига. На что только не пойдет воображение, чтобы заставить тебя поверить в собственные силы!.. Конечно, Илари – по требованию Обители и личным убеждениям – рыцарствовала внутри этой ментальной крепости в полном одиночестве! И потому ей, и только ей держать ответ за то, что случится дальше.

Особенно теперь, после того как царь огненной земли, сам того не подозревая, пробил в защите брешь и в нее, вальяжно петляя и шелкая черными загнутыми клыками, вполз Желточревый.

– Ну ладно, ладно, будет тебе, – отдышавшись, проговорил Кафф, все еще борясь с новыми приступами смеха. – Змеи с крыльями, говоришь? А я-то думал, что на твоей родине сказки не в почете! Если они, конечно, не доказаны в вашем университете на самом высшем уровне. – Звучный смех снова огласил кущи каменного сада. – У нас тут тоже

был один народный сказитель, Тиххом звали, помнится... – Король, будто вспомнив о чем-то глубоко ему неприятном, задумчиво поскреб затылок своим металлическим когтем. – Так его повесили в этом самом созвездии. Сказки те смуту в хархских умах сеяли и богов наших оскверняли. Вот как оказалось! – Монарх помрачнел и даже прогнал любовницу с колен. – Святилище, знаешь ли, само с ним разбиралось: повесили на главной площади, и дело с концом!

Заметив взгляд Елуама, полный непонимания и смятения, Кафф, разведя руками, пояснил:

– У нас тут с этим Ящером и так не все спокойно. Нельзя давать смуте плодиться, как саранче. В этом я полностью согласен с нашей жрицей и разделяю ее способы борьбы с лже-пророками. Ты говорил о предсказанной войне, пилигрим, так вот тебе мое мнение: как раз такие, как Тихх и ему подобные, способны раскопать ее топор!

Елуам с большим трудом выдержал многозначительный взгляд короля. И если на протяжении всего приема взгляд этот был легким, искрящимся и порой даже озорным, то теперь он будто налился свинцом. Белки глаз слегка покраснели. Кажется, король Харх недоволен его рассказом о видениях и о предупреждении гурилий в древесных корнях. Наверное, не такие новости он хотел услышать от своего подводного гостя...

«Вот олух! Позор всего Черторга! – мысленно уже выговаривал себе Елуам. – Нужно было заранее сделать подборку

свежих сплетен – разумеется, что-то интригующее, пикантное, но вместе с тем не выходящее за рамки дипломатического этикета!»

Он, признаться, уже и не понимал, зачем вообще вдруг ляпнул о своих видениях и загадках, таящихся в древесных корнях границы миров... Они же тысячу раз, не меньше, обсуждали с Балоахом ключевые моменты переговоров с Каффом, разработали несколько блестящих сценариев! И Елуам был готов поклясться собственным эо, что подобные бредни не входили ни в один из них! Строго говоря, от этой истории о крылатом змее шарахнулись бы прочь не то что бывалые пилигримы, а даже обитатели дремучего Восточноводья...

И что, скажите на милость, на него нашло? Как бы то ни было, временем на размышления пилигрим не располагал.

– Ваше Величество! – почтительно обратился к королю Елуам в надежде как можно скорее реабилитироваться в его глазах. – Искренне прошу вас не обращать внимания на мой излишне эксцентричный рассказ. – Разволновавшись, юноша даже позабыл о строгом запрете на витиеватые прилагательные. – Эта история – целиком и полностью плод воображения народа виги и не включает в себе ничего, кроме особенностей нашей культуры.

Вопросительный взгляд трех пар глаз, указывающий на стремительно падающее доверие, все же заставил юношу вернуться к более удобоваримым формулировкам.

– Я хотел сказать, – Елуам на всякий случай снизил и темп

речи, – что это просто выдумки, гуляющие по окраинам нашего государства, и, разумеется, Обитель, как и вы, борется с ними. Самыми разными методами...

Проговорив это, пилигрим ощутил, как растворяется в воздухе напряжение. Увидел, как разглаживаются морщины вокруг Каффовых глаз и как из них исчезает свирепый красноватый оттенок. Тогмут и Дария тотчас же отразили эту перемену настроения правителя: их лица вновь обрели выражение радушия и гостеприимства. Понимание было достигнуто, позиции восстановлены. Что до изначальной почти дружеской атмосферы беседы, она уже, как ни прискорбно, восстановлению не подлежала.

И не обязательно быть дипломатом, чтобы это почувствовать.

– Что ж, я рад, что в таких важных вопросах мне теперь будет придавать уверенности солидарность Обители, – утвердительно кивнул король, отхлебывая из узорчатой чашки без ручек горько-пряный напиток. – Кто, если не мы, во время отрежет пару черных языков, дерзнувших посягнуть на наше прошлое и будущее?

Общее согласное молчание было ответом. Вернув чашку на столик, Кафф поднялся с кушетки и, подойдя к краю террасы, гордо оглядел окрестности.

– В Подгорье загораются первые огни, – известил он. И, жадно втянув ноздрями долетающие снизу облачка дыма, сверкнул глазами. – Первые огни Горидукха! Сегодня ночью

Скарабей узрит, что хархи его не боятся! – Король повернулся к пилигриму. – Тебе повезло, Елуам, оказаться на нашей земле в этот священный час. Самое интересное начнется после полуночи. А пока, дабы скоротать время в ожидании многоярусного пирога и плясок у костров, Тогмут проводит тебя в мою сокровищницу и в музей диковин. Увидимся позже, пилигрим.

Ритм дыхания Елуама, серьезно нарушенный его же оплошностью, восстановился только у третьей витрины с невообразимыми рукотворными диковинами из черных сапфиров.

На огненной земле безраздельно царил Горидукх. Он манил в свои дебри, зазывал в самую гущу звуков и запахов, необузданно кружа и пестря ими. По городам и деревням, в лесах и степях горели костры, вытесняя своим заревом ночную мглу, загоняя ее в самые глухие, необитаемые закоулки острова. Не место ей было среди шумного буйного разгула, гордо несшего свое расписное знамя по Харх. Нежеланной гостьей была здесь и ночная тишина – она в испуге неслась прочь, подгоняемая нарастающим ритмом бубнов, пронзительным завыванием перекрикивающих друг друга дудок, взрывами развязного хохота и громозвучными многоголосными руладами. Казалось, все хархи этой ночью покинули свои дома, чтобы заполнить собой и своим первобытным торжеством огненную землю. То там, то сям мелькали стай-

ки детей, обвешанных цитриновыми бусами, с горящими факелами в загорелых руках. Их галдящие ватаги носились посреди извивающихся в танце полуобнаженных тел, до краев заполненных жертвенников и дурманных клубов дыма. Им не было дела до ритуальных безрассудств взрослых – их звала ночь, увлекая в свои сети обещанием вседозволенности, ароматом теплой медовой ковриги с семенами мускатника и чарующим мерцанием огней. А уж давнишняя традиция замка-горы раз в звездный оборот распахивать ворота Перстня, дабы жители Подгорья могли гулять прямо у подножия королевской обители...

Кто же, во имя Огненного, захочет уснуть в такую ночь?

Не спал, правда по иной причине, и главный ведун кочевых врахайи. Еще до полуночи Шагг благополучно миновал хвойный каскад Яшмового леса и теперь незаметной тенью пробирался вдоль черной каменной гряды домишек городской окраины. Кора деревьев, наполовину минерального происхождения, от костровых всполохов казалась влажной, будто бы умытой дождем. «Дождь... Огромное заблуждение...» – бормотал про себя ведун, облизывая пересохшие губы и буквально чувствуя, как тонкая сетка его ранних морщин все сильнее забивается пылью. Не той, дорожной, к которой он привык. Эта обжигала кожу и больно ее царапала. На мгновение ведун остановился, скользнул, словно что-то проверяя, взглядом по мертвому Ящеру в небесах, провел пальцем по щеке и попробовал пыль на вкус.

«Багровый кварц. Нехорошо...»

Чем ближе Шагг продвигался к своей цели, тем сильнее редела и флора. Не подкрепленная, как в Яшмовом лесу, каменным стержнем, здесь она словно заранее сдалась засухе, еще до прихода Скарабея: до того обескровленно выглядел растительный покров.

«Еще и эти дьявольские костры кругом... – негодовал Шагг. – Мало того что такие высокие огнища для нас – знак траурный, а не праздничный, так еще, глядишь, с ними и до пожара недалеко». И, исподлобья окинув взглядом приближающийся контур замка-горы, сокрушенно вздохнул: «Хотя о чем это я... Это же *воинственные хархи!* Им всегда всего мало... Так и будут до последнего этот жар загребать, пока не стоят в нем!..»

Нет, решительно сегодня не лучшая ночь, чтобы выступить перед Каффом с последним предложением перемирия и объединения кочевых и оседлых народов острова перед неотвратимо грядущим будущим! Единственное преимущество, остающееся на стороне Шагга, – открытые всю ночь ворота замка – теперь казалось ему смехотворно слабым аргументом. Кругом беснуется их огненный вертеп, на каждом шагу бесчинство и похоть заносят хлыст над священной сутью праздника, заставляя даже ее плясать под свои варварские дудки! Бесчинство и похоть... Сможет ли Кафф подняться над ними в эту ночь, чтобы познать истину истории Харх? Сумеет ли открыть сердце для врахайи, услышав прав-

ду об их стертом из летописей подвиге? Хватит ли у него, подлинного короля, мужества, чтобы принять будущее, которое ждет огненную землю уже завтра? А главное – хватит ли мудрости осознать, что порознь хархи и кочевникам не выстоять против этого будущего?

И что в случае его отказа неисчислимы врахайи, накопившие за этот нескончаемый круговорот созвездий поистине могучую силу и обретшие свой живой амулет – дитя Ящера, – начнут действовать исключительно в своих интересах...

Рой вопросов без ответов назойливо выюжил над головой Шагга, пока он, завернутый в темно-бордовую хламиду, в полном одиночестве двигался в сторону замка-горы. Вся его пестрая кочевая армия осталась рассредоточенной по самым глухим участкам Яшмового леса, вплоть до устья Яхонтовой реки. Риск, как рассудил Шагг, оправдывал себя: явившись к Каффу в одиночку, без подкрепления – да что там, даже без элементарной охраны, – ведун подчеркивал миролюбивость своих намерений. Полностью отдавая себе отчет в том, что игры с огнем могут кончиться плохо (особенно на Горидукх!), предводитель кочевников все же настоял на том, чтобы испытать судьбу. Чтобы, во всяком случае, его народ знал, что он, Шагг, начал диалог с правителем хархи мирно, что явился к нему не с мезтью за все причиненные кочевникам беды, а с искренностью открытой ладони.

Полудикое странствующее войско, оставшееся далеко по-

зади, замерло, слившись с хвойной щетиной лесных чащоб. Однако эти застывшие фигуры непременно оживут и неудержимым потоком хлынут в Подгорье, сметая все на своем пути.

Они непременно это сделают, если их предводитель не вернется на стоянку к рассвету.

Жаркое спиртуозно-пряное дыхание праздника уже касалось лица ведуна, несмотря на черную повязку, открывающую одни только его слезящиеся от дыма глаза. Оставаясь незамеченным, он преодолел весьма внушительное расстояние и уже почти достиг подножия замка-горы. Оставалась самая малость – пересечь прибрежное Подгорье и наконец войти в замковые ворота. И, как ни парадоксально, эта вымощенная ярко-оранжевой брусчаткой дорога показалась Шагу самым долгим и утомительным отрезком пути.

Босые ноги то и дело кусали брызжущие во все стороны искры, а выскакивающие из костров головешки угрожали подпалить уже порванную о колючий кустарник хламиду. Однако вовсе не это по-настоящему ранило и бредило душу ведуна. Ведь только теперь, попав в эпицентр ритуального буйства, он с отвращением познал всю глубину и необратимость внутреннего разложения народа хархи.

«Если Матерь звезд – какой бы они ее себе ни представляли – сейчас смотрит на них, то, надеюсь, у нее есть возможность отвернуться... Какая мать захочет видеть *такое?*...»

Едва к беспокойному рою вопросов примкнул еще и этот,

какая-то пышногрудая девица в одной набедренной повязке схватила его руку, пытаясь поместить ее на свою наиболее выдающуюся во всех смыслах часть тела. От нее несло огненной водой, тяжелым духом красных лилий и потом. Впрочем, может, и не от нее, ибо так пахло повсюду, если не брать в расчет жженое дерево и испарения капающего в угли жира. Девица, воспользовавшись замешательством Шагга, попыталась утащить его за угол запертой мясной лавки. Стараясь не ушибить любвеобильную хархи, ведун одним движением вырвался из ее хватки, успев проследить взглядом, куда же его хотели «конвоировать». И тут же с содроганием отвел глаза: прислонившись к каменной стене, там предавались разврату одновременно четверо хархи. Волнообразные движения их тел и бесстыдные выкрики в небо пополам со стенами подняли в Шагге волну тошноты.

Сейчас бы свежего воздуха...

Какое там! Свежести нынче в Подгорье, судя по всему, не осталось даже у самого моря. Всюду только огонь, жар, ключья пепла, колючая красная пыль и дым, который теперь ведун почитал за благо. Дым хоть и разъедал глаза, зато милостиво скрывал от них сцены вроде той, за мясной лавкой...

От шума тоже было не прордохнуть. Один разухабистый напев тотчас распался еще на три, а бубны знай выстукивали собственные яростные ритмы. В них с упоением вплетались звон браслетов, оглушительный свист и взрывы не то визга, не то хохота.

Увидев, как две другие девицы с блаженными улыбками рисуют друг другу на лбах какие-то знаки кровью из ритуальных чаш, Шагг резко отшатнулся, едва не подпалив свое одеяние факелом пробегающего мимо мальчишки. Тот, вовремя заприметив на своем пути препятствие в бордовой хламиде, притормозил. И, собственно, так и остался стоять в том самом положении, словно замороженный, не спуская заблистевших глаз с «рисовальщиц». Ведь сидели они в позе лотоса, обвивая ногами спины друг друга, а все, что прикрывало неестественно худые и бледные для хархи тела девиц, — это их длинные волосы.

Таков и был весь оставшийся путь ведуна до высоких железных ворот в замок. Таким предстал перед ним народ, к которому, переступив через предательство и собственную гордость, он шел на поклон.

...В королевской приемной оказалось совсем не так, как снаружи замка-горы: там было тихо, темно и безлюдно. Сквозь проемы овальных окошек до Шаггова слуха долетали приглушенные обрывки гуляний. На стенах, облицованных крупными мраморными плитами с сине-зелеными арабесками, колыхались бледно-желтые блики. Дым вместе со сдобным ароматом многоярусного пирога, недавно испеченного в кухне замка, как бы пытались втянуть покинутую всеми приемную в лихую праздничную круговерть.

Ведун, расправив на широких плечах свое истрепанное

в дороге одеяние, замер, уперев шрамированные ладони в твердь длинного стола. Один на вражеской территории, незванный гость на чужом варварском гульбище, вечный пришлый на собственной родине... Шагг отстранился от стола, ощупал похолодевшими пальцами бугорки своих фигурных шрамов, обвел по контуру изображение кулака, вздымающегося из морской волны. «Это – главное, – собираясь с духом, подумал он. – Это все ради «пестрой армии из пяти десятков». Ради тех, кто должен хранить на Харх священную память о них».

Пускай Кафф, загулявший в честь праздника со своими подданными, куда-то запропастился и недоумевающий камергер вместе с остатками замковой стражи так и не смог отыскать его. Может, он, в конце концов, просто заперся в опочивальне с целым гаремом блудниц и тем самым подаст личный пример празднования Горидукха... Неважно, что этот самый камергер, дабы побыстрее избавиться от гостя с подозрительным акцентом, предложил вместо короля привести в приемную верховную жрицу, утверждая, что сегодня она с радостью заменит Его Величество и выслушает заготовленное для него обращение. И если вопрос касается религии или каких-либо иных духовных аспектов, то она даже сможет, не дожидаясь Каффа, озвучить официальную позицию Харх по данному вопросу.

– Ты от врахайи?

Шагг и не заметил, как она вошла, а за ней в приемную

скользнуло багряное облако шлейфа туники. Повеяло тягуче-водянистым ароматом лилий – почти как от той девки в городе.

– Я – Шагг, ведун всех объединенных свободных кочевых народов Харх, или Пастушьего острова, коим он был именован в древние времена.

В приемной повисла вязкая, звенящая от напряжения тишина. Она, словно кокон, окутала Шагга, изгоняя из его уха последние звуки шумного празднества. Стало так тихо, будто внизу и не было никакого Горидукха, а остров вместо безудержного разгула погрузился в сон. И в эту оглушительную тишину, словно нож в масло, врезался гортанный голос Йанги:

– Ты ищешь здесь союзников?

Она выросла по другую сторону стола, аккуратно напротив Шагга, со всей точностью отобразив его позу: прямая спина, руки на высокой спинке стула.

– Наши народы, Йанги, утратили друг друга столь давно, что за это время со звезд стерлась часть их блеска. И у некоторых светил сквозь божественное сияние искр проступили наружу черты лица. *Истинные черты.*

Ведун смерил взглядом жрицу, пытаясь уловить признаки понимания. Быть может, она окажется столь мудра и дальновидна, что сама опередит его намерение предложить мир? Ради собственного же спасения...

– Иные из них говорили со мной, – продолжил кочевник,

несмотря на каменное выражение лица собеседницы. – Зола – заговоренная зола – никогда не врет, Йанги. Мой народ верит ей как себе самому. Она растолковала мне то, что хотели сказать звезды. То, что они пытаются сказать и сейчас.

Кивком головы Шагг показал на мертвого небесного Ящера, сияющего в окна.

– И что же они говорят тебе, кочевник? – поинтересовалась Йанги, перегнувшись через резную спинку стула. – Не те ли самые слова, что и мне?

Что-то колыхнулось в груди Шагга, опалило его душу первыми искрами надежды. О братском воссоединении, о переломе вековой вражды, о новой странице в истории острова. Он разжал кулак с вырезанной символикой памяти своего народа.

– Говорят, что порознь нам не выстоять перед будущим. Скарабей в этом цикле будет свиреп и неподкупен.

Жрица лишь улыбнулась. Одними губами – глаза оставались холодны. Янтарно-желтые, они светили тем же неприятным светом, что и крупные кварцевые капли цитрина в обруче, венчающем высокий лоб. На несколько мгновений для изумленного Шагга стерлась всякая разница между живой и неживой материей. Родилось леденящее душу ощущение, что желтые кристаллы тоже внимательно следят за ним, неожиданным гостем из восточных степей.

– Так погляди вокруг, кочевник! – Жрица нарисовала руками в воздухе широкий полукруг. – Думаешь, мне неведо-

мы знаки звезд? Полагаешь, что хархи без вашей угольной магии слепы и бесцельно бредут в пустоте миров? Погляди, как встречаем мы Скарабея! Узри всю силу и мощь нашей веры в себя пред лицом опасностей! Мы встречаем новое созвездие гордо и непокорно! Ты видел лица празднующих, пока прорывался сюда сквозь горнило Горидукха, укрывая *свое лицо*? Как, по-твоему, похожи они на тех, кто встречает последнюю ночь в своей жизни?

– Не похожи, – глухо проговорил Шагг. Йанги победно блеснула глазами. – Не похожи, потому что забыли, что именно празднуют. И какая сегодня ночь, как видно, тоже забыли. Не сами, разумеется. Им хорошо в этом помогли. – Шагг вперил взгляд в верховную жрицу. Та слегка скривила нижнюю губу, сдвинув пепельные брови. – И все бы ничего, Йанги. Все бы ничего... – Ведун, продолжая стоять в том же положении, оторвал правую руку от стула и поднес ее раскрытой ладонью прямо к носу жрицы – так, чтобы даже при слабой освещенности она могла разглядеть шрамированный рисунок. – Да только врахайи не забыли.

Йанги отпрянула, словно мотылек от огня.

– Так чего же вы хотите от нас? – огрызнулась она, невольно разменяв надменность на угловатую иронию. – Чем можем мы помочь вам – просвещенным и сознательным? Полагаю, вам следует в такую ночь пересказывать друг другу у костра одну длинную историю в стихах...

– Получается, Святилище знает! – не сумел скрыть Шагг

своего удивления. И, едва осознав всю безжалостную правду, кроющуюся в словах Йанги, прошептал, обращаясь будто к себе самому: – Знает... И после всего этого вы так вот встречаете Скарабея, отвергаете нас и заигрываете с терпением богов...

– О да, – прервала жрица его бормотание. – Именно так. И жаль, что ты не почтил нас своим визитом двадцатью светоборотами ранее. Смог бы хоть попрощаться с вашим главным рассказчиком. – Тут она хрипло рассмеялась, окончательно сбив Шагга с толку. – Поверь, на виселице он смотрелся не хуже, чем у костра.

Раскосые глаза ведуна налились кровью, по губам пробежала дрожь, последние, едва видимые блики надежды ухнули куда-то в низ живота, да так там и остались извиваться беспокойным змеиным клубком. Едва дыша от ярости, с которой он вел бой всю сознательную жизнь, ведун снова сжал руку в кулак и, стараясь не смотреть на Йанги, сквозь зубы проговорил:

– Я пришел к королю Каффу. Позови его.

Смех жрицы стал еще уверенней и развязней – под стать звукам вертепа, ею же и учиненного.

– Король занят, – отрезала Йанги, наконец отсмеявшись. – А когда освободится, все равно не будет говорить с тобой.

Подойдя вплотную к Шаггу, она вкрадчиво прошептала ему в ухо:

– Попытаешься прорваться в его покои – я мгновенно

позабуду о своем решении сохранить тебе жизнь. – Жрица кивнула на четырех воинов в черной металлической броне, слившихся с темнотой дверного проема. – Ведь ты и твой народ хорошо знаете, как коротка память у хархи.

– И да простят боги своих безумных детей, – прошептал Шагг, рисуя своими сложенными щепотью пальцами какие-то знаки в сторону окон.

Проделав это, он вновь завернулся с головой в пыльную, местами прожженную ткань хламиды и, сторбившись, шагнул к двери. Черные воины, следуя приказу жрицы, остались на своих местах. Йанги торжествующе улыбалась.

Уже стоя на пороге, Шагг вдруг развернулся к ней и, сея по приемной тревожное эхо, прохрипел из-под глухого капюшона:

– Зато не коротка память у каменных голов Севера. Продолжай наслаждаться грехом, зная о том, что они пробудились. А еще – что врахайи гораздо больше, чем вы думаете. Нас – тьмы.

Проговорив это, Шагг в полном смятении и глубокой скорби покинул своды замка-горы. И если хоть что-то и грело его, пока он спешил обратно к месту стоянки своей армии, то были мысли об Агоре – последнем источнике света посреди сгустившегося мрака.

Вокруг все так же бесновался и стонал Горидукх. Но теперь Шаггу не было до него никакого дела. Он прекрасно знал, что этой ночью – рано или поздно – греховные пляски

и огненная вода выкачают из хархи все силы, превратив их в беспомощных детей. Ведун при этом не испытывал злорадства.

Ибо, во имя духов предков, он не хотел такого исхода истории.

– Дария, поди на дальнюю террасу. – Король остановился напротив качелей, мерно скользящих туда-сюда под водной аркой, создаваемой двумя комнатными фонтанами. Вода высокой дугой переливалась из одной чаши в другую, ни единой каплей не задевая мягкого дивана, покачивающегося на цепях вычурнойковки. – Хочу побеседовать с сыном.

Бадирт, восседающий в неестественной позе на посеребренном рундуке под сенью раскидистой искусственной вишни с ягодами-рубинами, и здесь не преминул оспорить родительское требование:

– Пускай остается. Я к ней привык, – пояснил он в ответ на вскинутую бровь отца. – К тому же мне, если хотите знать, все равно.

Кафф открыл было рот, чтобы высказать отпрыску свое недовольство, но на полпути передумал и махнул рукой.

– Ладно. – И примирительно попросил: – Принеси нам сюда еще сорху и кумквата в меду. В конце концов, сегодня такой праздник! Подойди ко мне, Бадирт, – поманил он сына к себе на качели. – Плеснуть тебе в честь Горидукха настойки на яшмовой коре? Мне – обязательно, – прокричал

он Дарии вглубь террасы.

Принц поправил богато расшитый хитон, постоянно сползающий с худого плеча и, теребя его полы, послушно пересек опочивальню. Пара-другая фонтанных капель оросили его зачесанные назад волосы, прибив их к затылку. По темени будто бы провели подтаявшей льдинкой. Ощувив это, Бадирт вздрогнул. Несколько мгновений спустя – и от прикосновения отцовской руки к плечу. Напряженный, как натянутая струна, принц воспринимал действительность излишне остро. Все ощущения проходили через его тело искаженными химерами, выпрыгнувшими с обратной стороны кривого зеркала.

Он обменялся коротким, почти незаметным взглядом с Дарией. Та уже возвращалась с террасы, раздобыв то, о чем просил ее Кафф. По комнате вновь разлился терпкий аромат сорха.

«Толченые кардамоновые семена, – просвистело в голове принца. – Они везде на Горидуках: в еде, напитках...»

Пряный дымок защекотал обоняние Бадирта, зашептал ему что-то о детстве, о веселых играх в этой части замка – еще до того, как он разделился на две половины. Напомнил, как он, Бадирт, с нетерпением ждал чествования Скарабея... Ждал, чтобы со всеми вместе полюбоваться ночной сменой созвездий, распевая славословие новой небесной фигуре; чтобы отведать огромного пирога и в очередной раз послушать нянины сказки о рисунках из небесных светил. В

них неизменно говорилось, что нет «хороших» и «плохих» времен и что каждое из них, будь то цветущая весенняя пора или песчаные смерчи зрелой осени, зависит только от наших собственных мыслей.

Мысли... Однако в этих сказках почему-то ничего не упоминалось о *действиях*. А их время пришло.

На улице уже окончательно стемнело, а насыщенная смесь звуков, долетающих с подножия горы, живо свидетельствовала о том, что Горидукх вступал в свои права. Теперь опочивальню освещало великое множество свечей, и их теплый свет делал бежевые скульптуры почти живыми. Казалось, они гости в этих помпезных покоях – не менее реальные, чем он, Бадирт. Не шевелясь и не моргая, они в торжественном молчании наблюдали за принцем.

Кафф откинулся на мягкую спинку подвесного дивана, мечтательно глядя в хоровод радужных капелек под потолком. Отправляя в рот медовый сухофрукт, второй рукой он пошарил в складках своей кремовой от свечного света тоги. Что еще за выдумки? Откровенно говоря, Бадирт был настроен на строгий выговор, если не на какое-нибудь наказание, призванное пробудить в нем лучшие качества. По меньшей мере, его должны были как следует отчитать за дерзость, за то, что встревал в речь отца, за плохую подготовку к празднику... Он ведь даже не потрудился мало-мальски нарядиться и уже успел снять с головы венец наследника опалового трона! И на все это отцу – после бодрящего сорха к

тому же – вдруг стало наплевать? Замешательство сковало и без того неуклюжее тело принца.

– Цитрин? – Бадирт был столь обескуражен, что спросил об этом вслух. Обычная полудрагоценная стекляшка, которую в народе считают оберегом на Скарабей. Ими сейчас усыпано все Подгорье. – Ты даришь мне цитрин?

Кафф шутливо нахмурился, протягивая принцу небольшой лимонно-желтый граненый камушек на тонкой серебряной цепочке.

– Слышал я о твоих мрачных мыслях накануне великого праздника, – заговорщицки проговорил король.

На мгновение Бадирт оцепенел: ему что-то известно? Как? Откуда?

– Так вот, – понизив голос, продолжил Кафф, – думаю, это все от твоего высокомерия. Весь в меня! – Бадирт нехотя взял цитрин, недоверчиво косясь на отца. – Я ведь тоже был таким в твоём возрасте – все думал, что кругом все дураки и делают все не то. Вон, погляди, – металлический коготь указал на портреты на дальней стене, – я и сейчас порой выкидываю всякое. Взял, к примеру, и перевесил! Тоже мне традиция – чтобы предки неодобрительно пялились на меня спящего! Ну, или неспящего. – Взгляд Каффа скользнул по Дарии, грациозно пристроившейся на соседних качелях. – И это я тоже называю «выкидывать»! Однако, как видишь, ничего из этого не мешает мне соблюдать все *внешние* приличия, сплачивать хархи, почитать богов и оставаться тем под-

линным королем, которого они любят. – Глубоко довольный своим демократичным нравоучением, Кафф сложил руки на могучей груди. – И для этого, сын мой, иногда нужно всего лишь надеть на шею цитрин, выйти на балкон к своему народу и разрешить ему делать то, что задолго до нашего появления дозволила ему сама природа!

– Значит, чтобы мной были довольны, мне достаточно делать что я хочу? – изобразил искреннее удивление Бадирт. Затем медленно, словно глубоко обдумывая каждое услышанное слово, добавил: – И заботиться лишь о соблюдении *внешних* приличий...

Принц нащупал пальцами подаренный цитрин – каким-то образом цепочка уже болталась на шее наследника, – и крепко зажал его в бледной ладони. Кафф лишь усмехнулся.

– Вот поэтому, сын мой, королями и становятся тогда, когда зрелость уже сгладила все острые углы и обточила тебя изнутри, – ответил он, прерывисто вздохнув. – Когда начинаешь видеть мир таким, каков он есть. А не таким, каким кажется тебе.

Едва сорванный с шеи Бадирта цитрин коснулся пола, покой огласил дребезг бьющегося стекла. Принц метил в пространство, не занятое коврами, – чтобы камень именно разбился. Так и вышло. Брызнули желтые осколки. Сверкнули бешенством глаза Каффа.

Сказать он ничего не успел: ловко вынутый из-за пояса нож Бадирта яростно полоснул его по груди, в области лег-

кого. Как раз в тот момент, когда все внимание короля было приковано к разбегающимся в разные стороны осколкам. Инстинктивно замахнувшись своей здоровенной рукой туда, где только что сидел принц, Кафф так и не достиг своей цели, потерял равновесие и завалился набок. Остервенелый рев заполнил опочивальню, заглушив все прочие звуки. Качели сделали в воздухе два крутых виража. На третьем, улучив момент, Бадирт нанес еще один удар – теперь прямой, колотый, в область сердца. Кровь, сочившаяся парой тонких струек, теперь захлестала принцу прямо в лицо. Она была горячей, насыщенной и непередаваемо живой. Каждая ее капля буквально ошпаривала, прожигала бледную пятнистую кожу, словно призывала Бадирта одуматься. Пасть на колени, моля о прощении.

Покаяться.

Но нет. На белоснежной тоге Каффа уже стремительно распускал лепестки алый цветок с багряной сердцевиной. Роса с этого цветка часто закапала в фонтанную чашу, окрасив воду сначала в бледно-розовый, но уже вскоре – в цвет багряного кварца.

Дария, не меняя положения на соседних качелях, хладнокровно взирала на происходящее. Она застыла, словно хищник перед прыжком. Шевелились, да и то едва заметно, одни ее губы, настойчиво вкрапляя в чудовищное зрелище молитвенный орнамент.

«У хищников, правда, не бывает такого смиренного взгля-

да...» —некстати подумалось Бадирту.

После второго удара рев сменился сиплым влажным кашлем. Кровь хлестала с удвоенной силой. Ее подхватывали фонтанные струи, увлекая вверх, под самый потолок, чтобы обрушить обратно в мраморные чаши – окропить розовыми брызгами лепестки каменных цветов, безмятежные лица статуй, серебристые шелковые ковры.

С третьим ударом – по прикидке Бадирта, пришедшемся в жизненно важную артерию – Кафф, захлебываясь кровью, вдруг заговорил. Каким-то чужим, булькающим голосом, в котором вместо былой властности читались лишь признаки отчаянной борьбы с собственным телом и духом. Ибо сила и того и другого, к непередаваемому облегчению Бадирта, стремительно покидала короля.

– Всегда... – С каждым багряным извержением из горла и груди слова давались Каффу все трудней. – Всегда считал тебя слабым... Аакххаакххыа... – Каждый вдох встречал в гортани препятствие в виде новой порции крови. – Всегда боялся, что тебе не под силу будет принять от меня – аааыыкххаа – опаловый венец и Харх. И сейчас так считаю! – Тело короля содрогалось от приступа кашля и конвульсий. – Понял, ублюдок?

– Ты сказал правду.

Бадирт подошел ближе и, распрямившись, вырос над умирающим. Несмотря на свой незавидный рост, принц теперь глядел на скорчившегося короля сверху вниз. То был миг ис-

тинного блаженства, и он затмил все предшествующие ему душевные терзания.

– В кои-то веки ты увидел вещи *такими, какие они есть*. А не так, как тебе удобно. Прекрасное ощущение, не правда ли?

– Что?.. Что ты плетешь, ублюдок?! – Кафф уставился на принца. Очевидно, вопросов у него было куда больше, чем сил, чтобы их задать и принять ответы Бадирта.

Тот, предельно разведя узкие плечи – до зуда в лопатках, – улыбнулся. Кривоzubая улыбка на окровавленном лице вышла еще более устрашающей, чем ему, Бадирту, хотелось бы. Продолжая издевательски скалиться, он торжественно провозгласил:

– Bravo, Ваше Величество! – Эхо аплодисментов разлетелось по покоям, подобно осколкам цитрина. – Вы совершенно правы. – Бадирт склонился над Каффом, чтобы лучше видеть выражение его лица. – Я и есть ублюдок.

Проворным движением он подхватил королевский опаловый венец, грозящийся уже съехать с качелей в фонтан, и водрузил его себе на голову. Венец оказался великоват и к тому же достаточно тяжел, однако какое это имело значение?..

– Как ты... – Кровь хлынула из горла Каффа с новой силой. – Как ты смеешь?! Убить... собственного отца! Ты сгоришь в пламени Огненного! В пламени мщения!

С трудом выговорив эту уже почти непосильную для себя речь, король лишь сжал кулак у самого Бадиртова лица.

На мгновение принцу даже показалось, что дело закончится ударом. Однако в самый последний момент рука дрогнула и безжизненно упала на грудь.

– Ты мне не отец, – глядя королю прямо в глаза, выразительно изрек принц. – Так почему же тогда я должен где-то там сгореть? А? Вот и я не вижу причины.

Ответом ему был лишь отчаянный хрип. Откровенно говоря, Бадирт недоумевал, почему Кафф вообще еще оставался жив.

– А ты, надо думать, был рад, когда четырнадцать оборотов назад я откуда ни возьмись появился в чреве моей ненаглядной праведной матушки? Целыми созвездиями она разочаровывала тебя моими мертвыми предшественниками, а тут – на тебе! Да еще и сын! – Бадирт прислушался к дыханию умирающего, дабы удостовериться, что тот все еще внимает ему. – И я рос – такой хилый, некрасивый... Ах да, забыл самое главное – *слабый*, о чем ты мне всегда заботливо напоминал! Заползали под твой великолепный венец мысли о том, что мы с тобой вовсе не похожи? Сочту молчание за согласие. И что? Тебя это полностью устроило. Не потому, что проснулись отцовские чувства к своему неудачному творению, к своей жалкой, нелепой подделке! А лишь из-за того, что ты видел все – и Харх, и его историю, и знаки звезд, и даже меня – так, как тебе хотелось! Все твои действия всю жизнь служили лишь удовлетворению собственных прихотей! – Бадирт медленно обвел руками вокруг се-

бя. – Так узри результат своего правления! Сегодня великий праздник, а твои подданные предаются распутству. По острову вместо молитв звучат стоны оргий! Из великой военной державы Харх превратился в одно лишь воспоминание о ней: мы ничем не утоляем ратный голод Огненного бога! Ты раскланиваешься с подводными пресмыкающимися, дивясь дарам их просвещенной цивилизации. Ты наполняешь ими свой музей диковин, а мог бы безраздельно завладеть ими!

Кафф лишь в ужасе вращал зрачками. Принц вдохновенно продолжал:

– Разве ты не видишь, как изголодались боги по нашим победам? Как они буквально кричат с неба: славьте нас и самих себя! Вспомните, кто вы! Ты же вместо этого возишься со своими гильдиями, как будто от них есть хоть какой-то прок! – Бадирт облизнул губы, перевел дыхание. – Узри исход судьбы твоей семьи! Узнай цену своей праздности и бездействия! Ибо на престол завтра взойдет новый подлинный король Харх, мать которого – королева Окайра, а отцы – Эббих и могущественная магия Святилища. А Рувва, в которой ты видишь благочестивую отшельницу огбаха, избравшую путь истинной веры, раздвигает ноги перед военачальниками твоей армии, чтобы обескровить ее и переманить в ряды Снопа искр. Думаешь, это наш выбор? Наше – еще недавно несмысленных детей – решение? Ошибаешься. В который раз. Это плата нашей возлюбленной матушки Святилищу за мое рождение. Плата за то, что его высшая магия творения

сумела победить твое мертвое семя. До того уж тебя, оказывается, матушка любила – больше, чем нас с Руввой. Все было сделано тебе в угоду. Твоя голова была избавлена от терзаний, стыда и мук неизбежной расплаты. А расплатилась матушка Окайра нами, кровной клятвой посвятив наши с сестрой жизни Святилищу. Лишь бы ты имел наследника, был доволен и ни о чем не беспокоился.

На глазах Бадирта впервые за вечер выступили слезы. Голос начал балансировать между низкими и высокими нотами, утратив прежнее равновесие.

– Нас отдали, нас посвятили священному пламени ради тебя! Изначально нас ожидала судьба сирот, отданных при живых родителях на попечение могущественной жрице и ее собственным планам! Ты ничего не знал! Ты гневал богов своим бездарным правлением, наслаждался жизнью, делал что хотел! – Принц метнул взгляд на Дарию. – И с кем хотел!

Голос Бадирта выровнялся. Он, словно копируя Каффа, сложил руки на груди и, насколько позволял его подростковый тембр, величественно проговорил:

– И тем не менее я вырос, *отец*. Я наблюдал за тобой, анализировал, черпал в Святилище высшую мудрость, делал выводы. Их так много, что тыдохнешь, не успев выслушать и половины. Но один я таки успею донести до тебя. *Все, что ты создал, – нигде не годится*. Поэтому ты уходишь именно сейчас, дабы Харх как можно скорее вступил в эпоху великих и грозных свершений. У острова уже нет времени,

чтобы ждать твоей естественной смерти. – Кажется, на этой фразе взгляд Каффа замер – полный гнева и ужаса. – Наступает эпоха великого Скарабея!

Бадирт кивнул Дарии. Ничего не говоря и даже не моргая, она, ступая босыми ногами по забрызганному кровью полу, подошла к мертвому королю. Легла спиной на его распластанное тело. Золотые пылинки переливались на ее лице.

– Матерь звезд, прими жертву своей верной дочери, – прошептала она. – И да не будет она отвергнута тобой, когда мы встретимся на пороге твоём.

Бадирт протянул ей тот же нож, которым только что умертвил короля, – его рукоять была еще теплой от судорожной хватки принца. Дария церемонно приняла орудие убийства, наклонив голову в знак готовности.

Через несколько мгновений рукоять уже торчала из ее груди, а кровь девушки смешалась с кровью Каффа.

Фонтан, мгновенно приобщившись к трагическому событию, радушно принял новые рубиновые реки, чтобы вновь окропить ими опочивальню.

Принц улыбнулся сквозь слезы. Впервые в его жизни все вышло так, как он хотел. Впервые он остался полностью собой доволен – собой и сделанным делом. Впервые он ощутил горько-сладкий вкус давно вызревшей, глубоко выстраданной, долгожданной мести.

Он не стал ничего поправлять в расположении двух мертвых тел: они выглядели прекрасно в своей естественности.

Что ж, дело за малым. Вот и звуки приближающихся шагов в дальнем конце коридора. Что-что, а уж слух у Бадирта идеальный. Голоса – мужской и женский. Видимо, тот обласканный Руввой королевский стражник уже ведет сюда *ненаглядную матушку*. А что, она и вправду думала, что может вот так запросто распоряжаться жизнями детей в угоду своему эгоистичному мужу? Всерьез считает, что так чиста, так хороша для всех? Увы, придется раскрыть ей глаза. И не так милосердно, как ее возлюбленному Каффу.

Ибо смерть – не всегда высшая мера расплаты.

Принц ополоснул лицо и руки в чистом фонтане, поправил обруч опалового венца и ухмыльнулся, глядя на свое отражение в зеркальных листьях, оплетающих кровавые чаши фонтанов.

– Ты так его любила и так ревновала, *матушка*... – прошептал принц. Он снова сгорбился, нетерпеливо перебирая пальцами под своим крючковатым подбородком. – Видишь, до чего довели тебя твоя любовь и ревность?..

За спиной Умма стремительно редела темно-синяя щетина ночного леса. Грива напрочь загнанного вороного коня блестела хлопьями молочной пены. По спине, словно огненные крылья, хлопал красный плащ, раздуваемый порывистым дыханием долинных суховеев. Сам себе стражник напоминал птицу, вылетевшую из гнезда навстречу грозовому шторму.

Зачем? Остановить *его*? Вряд ли, будь эта птица хоть хищным ястребом, такое ей под силу. Поджечь свое оперение в сверкании молний этого шторма и уже не вернуться обратно? Это больше похоже на правду.

И все-таки оставаться на посту в ночь, когда на его семью ложилась еще одна тяжелая печать неискупимого греха, Умм просто не мог. Стоять закованным в нарядные доспехи истуканом у дверей королевской опочивальни, зная, что, возможно, в этот самый миг вершится страшное преступление?.. Нет, лучше уж переступить черту самому. Ведь только ему, Умму, и отвечать теперь за все, на что толкнули его самонадеянность и дерзкие притязания. И он ответит! Лишь бы остановить эту адскую колесницу злодеяний, пока она окончательно не переломила жизни тех немногих, кого Умм мог называть своей семьей.

Остановить ее – значит не дать свершиться мести отца.

Огни родного Овиона в эту ночь блестели куда ярче обычного, выписывая огненное кольцо вокруг недремлющей деревни. Это кольцо напомнило Умму Перстень – как же страстно он желал раньше туда попасть, и как теперь вся его душа рвется обратно! Лесную тишину сменили обрывки песен, визг и нестройный присвист дудок. Еще бы! Горидукх воцарился и здесь – не менее властно, чем в городе.

«Как в этом безумии отыскать свадьбу купцова сына?» – недоумевал Умм, спешиваясь с обессиленной лошади. Он и не заметил, как оказался на окраине деревни.

– Свадьба! Купеческая свадьба! Вы не знаете, где тут сегодня женятся? – кричал юноша в уши ничего не понимающих, ослотивших от маруги и буйных плясок крестьян.

Лишь один не по-горидукхски печальный дед, заприметив мечущегося Умма, схватил его за локоть и прошамкал, с трудом перекрикивая гром хоровых песнопений:

– Так у святилища, внучек, на том краю, поди. – И махнул рукой в противоположную сторону деревни, где одинокий треугольный купол сливался с темнотой ночного неба.

«Стало быть, святилище...»

Умм опрометью бросился в указанном направлении. Мысль о том, что он может опоздать, хлестала его куда безжалостней, чем опасения за последствия побега из караула. «Все это потом», – отмахивался он от любых мыслей, не связанных со свадьбой и отцом.

Старик и правда не обманул: пара молодых – жених в расшитом белом хитоне, невеста в красном платье с открытыми плечами и лилиями в волосах – уже возносили жертвы к алтарной чаше. Пока живые и невредимые. Их окружали родные, друзья и просто уличные зеваки, охочие до дармового угощения. Круг то смыкался, то размыкался, на головы новобрачных сыпался дождь из цитриновой крошки – на счастье и защиту от Скарабея.

«Ох, не Скарабея следует вам опасаться!..» – покачал головой юноша, высматривая в толпе фигуру отца. И – чтоб его! – никак не находил. Богатое свадебное гуляние, да еще

и приуроченное к разудалому Горидукху, собрало здесь по меньшей мере пол-Овиона. Поди разыщи кого-нибудь в этом приплясывающем хороводе!

Круг меж тем замкнулся. Он бешено закружился под ритм скачущей галопом мелодии – значит, жертвы вознесены, клятвы верности даны, а в центре круга уже стоят новоиспеченные муж и жена. Радостные крики и возгласы чествования, заглушаемые пуще прежнего распалившейся музыкой, лишь подтвердили Уммово предположение.

«Неужели передумал? – пронеслось в голове юноши, когда он глядел на веселящихся гостей и все еще взлетающие к небу желтые искорки цитринов. – У отца ведь всегда было доброе сердце... По крайней мере, раньше».

Вдруг в движении хоровода что-то нарушилось. Какой-то едва заметный, скорее даже просто *осязаемый* сбой. Где же, в какой его части это случилось? Умм никак не мог разобрать, ибо вразнобой пляшущее кольцо продолжало свое ритуальное вращение вокруг молодых, увлекая «ошибку» за собой.

Один участник хоровода перестал танцевать. Другой начал с обреченной монотонностью двигаться вслед за ним, словно сломавшаяся деталь все еще работающего механизма.

Уже не думая о предосторожностях и маскировке, Умм бросился по следам «ошибки». Он чувствовал, что ею был отец, и этого вполне достаточно, чтобы бешеный ритм пульса опередил хороводное кружение.

Пульс-то, может, и опережал, да вот только ноги начали от волнения подгибаться. Юноша знал, прекрасно знал, что отец здесь – где-то буквально на полшага опережает его. Всего на полшага. В какой момент он подкрадет к сыну купца с мясницким тесаком в руках? Или навалится на дочку Сунха и в один миг придушит ее своими лапищами?

Умм понятия не имел. Он что было сил старался держать в поле зрения весь хоровод, а главное – тех, кто безмятежно целовался в его центре под одобрительные возгласы пляшущих.

И не зря старался. Только благодаря этому успел выхватить взглядом знакомый коренастый силуэт, резко выскочивший из набирающего обороты танца. Отец и вправду смахивал на сломанное колесо, отскочившее от телеги на полном ходу. Видимо, он был на этот раз трезвым, ибо действовал спланированно, а не по наитию: он решился на бросок мести именно тогда, когда кольцо хоровода в очередной раз сжалось вокруг венчающихся.

Чтобы не тратить времени на преодоление расстояния, а значит, не дать разгадать свой замысел раньше положенного.

Умм метнулся вслед за отцом, вкладывая в каждое движение больше силы и стремительности, чем было отмерено ему природой. Он кого-то толкнул, пробил в живом кольце брешь, кого-то случайно повалил.

Танец остановился, хоровод распался. Начались неразбериха и сумятица: крики, отчаянные жесты, вопли. Музыка,

хоть и с небольшим опозданием, утихла, уступив гулу взволнованной, перепуганной толпы.

Главное – другое. Главное, что не опоздал Умм. Теперь, в отличие от того безумия в амбаре, он точно знал, что ему делать. Мощным ударом промеж лопаток – тренировки на Ладонигодились! – юноша сбил уже замахнувшегося отца с ног, всем своим весом придавил к земле, одновременно борясь с его сопротивлением и пытаясь укрыть плащом.

– Лежи! Лежи тихо – и никто ни о чем не догадается! – шептал Умм, выкручивая отцовы руки так, чтобы тот уже не мог навредить ни ему, ни себе. – Это я, Умм! Твой сын! – И, чувствуя уже слабеющее сопротивление и успокаивающееся дыхание отца, сквозь слезы проговорил: – Я вернулся, отец. Теперь я никогда тебя не брошу. Все закончилось.

Не дожидаясь ни слов благодарности, ни прощения, Умм помог Бехиму подняться, набросил ему на голову свой плащ и, воспользовавшись занявшейся у святилища суматохой, обнял его ссутуленные плечи и повел окраиной деревни к коновязи. Отец шел покорно. Всю дорогу он, словно не веря, что Умм – настоящий, искоса поглядывал на него слезящимися явно не от дыма глазами и что-то бормотал себе под нос.

Уже подъезжая к Перстню, юноша разобрал в этом бормотании слова молитвы – благодарности Огненному богу за то, что уберег сына от гибели. А еще Умм заметил, что отец несколько раз задержал взгляд на его эмблеме стражника,

которую он впопыхах забыл снять. От затаенной гордости, блеснувшей во влажных глазах отца, в сердце юноши разом расцвели все цветы огненной земли.

Расцвели – и так же быстро пожухли, оставив лишь горький привкус пепла и крови, когда у входа в замок Рубб резко схватил его за предплечье и наотмашь ударил по лицу. Отчаянно зазвенело в ушах – от боли и обиды. Не столько за самую пощечину, сколько за то, что получить ее пришлось на глазах отца.

Это был именно тот выбор и та жертва, на которую он сознательно решился, прекрасно зная, какой может быть расплата.

Именно поэтому Умм почти не удивился, когда Рубб сдернул с него эмблему королевского стражника и швырнул ее юноше под ноги. Все его крики о нарушении клятвы и священного долга, переходящие в отборную солдафонскую брань, доносились до Умма так, как будто он их уже слышал. А он действительно слышал – тысячи тысяч раз, когда готовил себя к событиям этой жуткой ночи. Слышал в голове, во сне, иногда даже сам высказывал их себе. Он был готов.

Но только не к тому, что все это произойдет перед отцом.

И уж тем более не к тому, что из-за его отчаянного, но благородного поступка этой ночью погибнет другой.

Подлинный король острова Харх.

Сквозь проемы складчатых гобеленов королевских поко-

ев пробивались первые нежно-розовые лучи рассвета. Смешиваясь с кровью в чашах иссякших фонтанов, они создавали зловещую игру света, скользящую по комнате. Тела уже убрали, чтобы должным образом подготовить их к Пепелищу.

Снизу вместо песнопений и музыки доносился взволнованный гул толпы: словоохотливые хархи подхватили новую весть, словно голуби – хлебные крошки.

– Кафф умер!

– Подлинного короля больше нет с нами! – то тут, то там взрывалось отчаянными возгласами хархское стадо, столпившееся у подножия замка.

Закрыв глаза, Йанги полной грудью приняла тревожное дыхание нового дня. Дала ему пройти через легкие, заполнить себя до краев. Рядом ей что-то восторженно тараторил Бадирт, без конца пытаясь поймать ее взгляд.

Жрица выпустила воздух из легких – обратно он вышел не так легко, как ей бы хотелось, – и шагнула на террасу. Бадирт в окровавленном венце Каффа встал чуть поодаль, по правую руку от нее. Йанги неторопливо огляделась.

На мгновение ее черты дрогнули, по ним скользнуло смятение. Она еще раз глубоко вдохнула утренний, но уже нестерпимо жаркий воздух, призывая себя к хладнокровию. И, вопреки увиденному, выдержала удар.

Жрица вознесла руки высоко над головой и, сложив пальцы ритуальным треугольником, в полном молчании торже-

ственно осенила этим знаком толпу. Бадирт, отозвавшись на чуть заметный кивок головы, подошел ближе и встал за левым плечом Йанги. Толпа – один хархи за другим – рухнула на колени, слившись от скорби и осознания величия момента в единое море преклоненных рыжих голов.

Над этими головами в посветлевшем нежно-голубом небе прямо из-за моря ползло исполинских размеров созвездие. В своих ворсистых лапах, похожих на шесть смертоносных молний, оно несло Харх дары – подрагивающие далекими вспышками спирали спящих смерчей.

Звездный Ящер исчез, словно его никогда и не было.

От Перстня до самого Яшмового леса – ни клочка свободной земли. Замок-гору плотным кольцом окружила дикая армия врахайи, расчерчивая утренний воздух огромными полотнами с профилем Окайры.

И Шагг, Огненный его побери, оказался прав: кочевникам не было числа.

Их – тьмы.